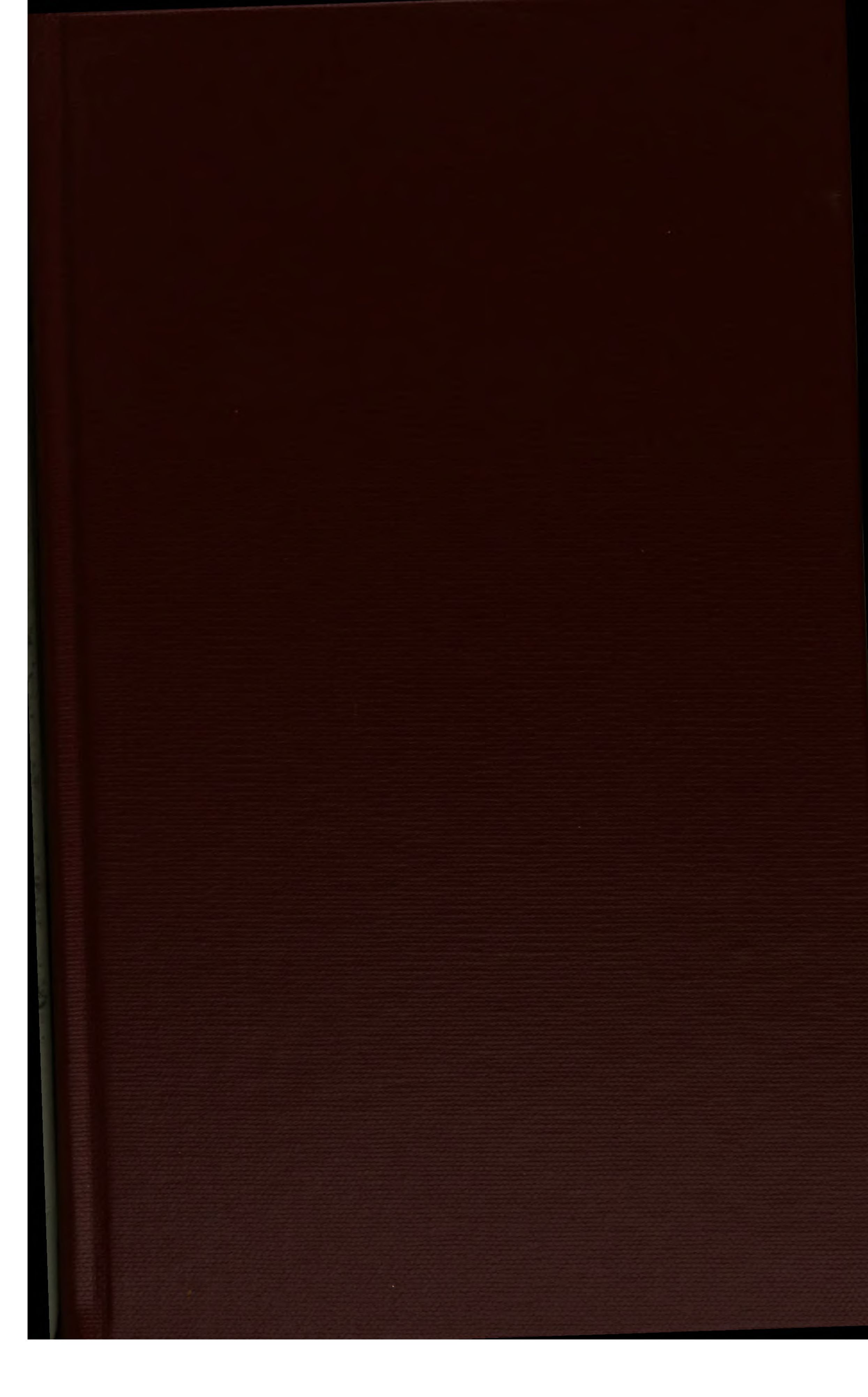
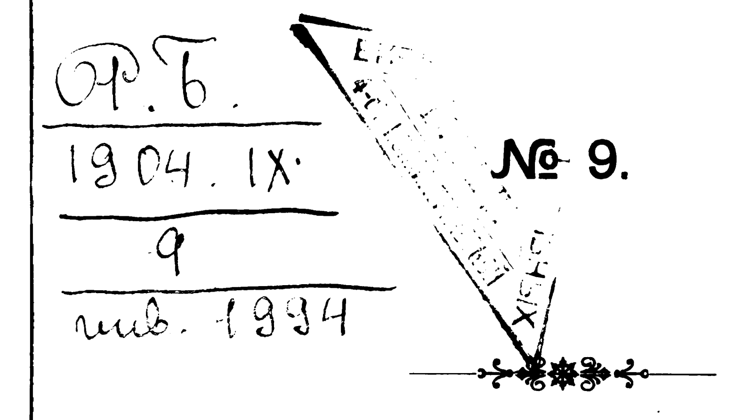


СЕНТЯБРЬ. 1904.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.



№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 сентября 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены**.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СУСЛИНСКОЕ ТОРЖЕСТВО.

Въ серединѣ мая выпалъ первый въ весну такой жаркій день, что суслинская попадья вздумала „просушиться“. Эго занятіе состояло въ томъ, что отпирались сундуки, отворялись гардеробы, и оттуда извлекались тулупы, шубы. салопы, стеганыя на ватѣ полукафтанья, засаленныя у спины рясы, облѣзлыя бобровыя шапки, длинные двухсаженные шарфы изъ песцовой шерсти, муфты, бѣлье всѣхъ родовъ и видовъ, и проч., и проч. Матушка съ утра занялась этимъ дѣломъ въ отсутствіе своего мужа о. Вадима, уѣхавшаго обыденкой на базаръ въ Янтарево. Ей помогали дѣти, работникъ и работница, а дьяконица стояла у прясла съ груднымъ ребенкомъ и, перекидываясь съ матушкой мнѣніями о цѣнѣ той или другой вещи, проникалась завистью ко всѣмъ этимъ сокровищамъ, покрывшимъ густую траву сада, грядки огорода, частоколъ и прясла, гдѣ каждый сучекъ, каждый ржавый гвоздикъ имѣлъ значеніе вѣшалки. Особенно картинно распростерлись большіе поповы „невыразимые“, вскинутые на купу сирени: дьяконица даже стыдилась глядѣть на расцвѣтшую душистую сирень и говорила:

— Добра-то сколько накопили, матушка, въ вѣкъ не изжить.

— Ну, тоже... семья-то, вишь, какая... — И матушка, не глядя, сдѣлала неопредѣленный жестъ рукой въ сторону, гдѣ подошвами вверхъ торчали по частоколу валеные сапоги.

Работникъ, парень Егорка, постарался вложить идею въ свою работу: ближе къ дому, на высокій колъ онъ воткнулъ батюшкины валенки, рядомъ, пониже, матушкины, а потомъ ребячьи въ убывающей постепенности. Дьконица Александровна пересчитала про себя валенки и замѣтила:

— Шестнадцать штукъ, восемь паръ... Одна, стало быть, лишняя?

Матушка приподняла голову и стала тоже провѣрять, отмѣчая въ воздухѣ пальцемъ:

— Поповы, мои, Ваничкины, Сашины, Петины, Гаврюшины, Людмилочкины... А это чьи же, въ самомъ дѣлѣ...

Тогда вмѣшался работникъ:

— А это, матушка, помните, ѣздили въ Кандыбино въ гости, на крестовой недѣлѣ, и чаяли, будетъ холодно,— тогда тамошняя попадья и дала Гаврюшѣ поверхъ его сапоговъ свои, чтобы, значитъ, не простудился...

— Та-та-та... Вѣ-эрно. Надо возвратить. Напомни при случаѣ.

Дьяконица замѣтила:

— Я вотъ собираюсь туда послѣ завтра на-утряхъ.

— Такъ доставь, Александровна, пожалуйста.

Егоръ неохотно подалъ дьяконицѣ кандыбинскую собственность и, когда та отошла на приличное разстояніе къ своему дому, сказалъ:

— Забудетъ или потеряетъ, гляди... Чаво съ нея возьмешь!

— Ну?

— Да ужъ вѣрно... Бывалое дѣло... Препоручилъ я ей кнутъ къ юркинскому дьякону доставить: чего ужъ—кнутъ!.. Такъ и сгибъ!—сокрушенно воскликнулъ Егоръ и сдѣлалъ при этомъ взмахъ рукой, явно доказывавшій, что горечь обмана и доселѣ не вывѣтрилась изъ его сердца.

— Александровна! — заволновалась матушка. — Эй, Александровна! Вернись! Мы сами скоро въ Кандыбино поѣдемъ: что ужъ утруждать васъ.

Егоръ водрузилъ валенки на прежнее мѣсто и замеръ въ созерцаніи возстановленной симметріи, за что получилъ заслуженный упрекъ отъ матушки:

— А ты... нечего галокъ считать!.. развѣшивай.

Было тихо и знойно. Двери и окна попова дома были распахнуты настежь, и оттуда сквозило холодкомъ, какъ съ погребицы. Матушка усѣлась на балконѣ и обмахивалась уцѣлѣвшимъ еще отъ свадьбы бѣлымъ вѣеромъ, принявшимъ буро-желтый цвѣтъ. Когда-то онъ издавалъ нѣжный ароматъ тонкихъ духовъ геліотропа, а теперь отъ него несло нафталиномъ, камфорой, листовой махоркой... По этимъ запахамъ можно было судить о движеніи научной мысли въ крестовомъ календарѣ, всякій годъ сообщавшемъ все новые и новые рецепты противъ моли. Тѣмъ не менѣе, на матушку пахнуло воспоминаніемъ: смутно припомнилось, что ея благовѣрный тяжело ступалъ ногами, въ неуклюжемъ, длинномъ сюртукѣ, а она была легка и тонка, какъ дудочка, умомъ же, какъ дурочка, ничего не понимала, и обоимъ имъ было на

свадьбѣ и скучно, и совѣстно. И не было такихъ подробностей, которыя были бы особенно пріятны и вызывались бы изъ прошлаго, какъ желательныя. Все происходило такъ просто и обыкновенно, что не знаешь, когда было лучше: прежде ли, теперь ли, или совсѣмъ никогда ничего хорошаго не было. Впрочемъ, матушку никогда особенно не занимали сравненія, — она всегда жила настоящими впечатлѣніями. И теперь ее больше всего интересовали солнечные лучи, и если она желала въ придачу къ нимъ еще чего-нибудь, такъ только вѣтра, который бы обдулъ развѣшанныя вещи.

— Да,—соглашалась дьяконица, — лучше бы съ вѣтеркомъ-то. Солнце только отпариваетъ, а вѣтеръ отвѣетъ... Это—какъ стирка: зола грязь отъѣдаетъ, а отмываетъ всетаки вода... Такъ и вѣтеръ. Безъ него въ одеждѣ духъ остается.

— Кши! кши! кши!—закричали вдругъ дѣти, замахиваясь на куръ, пробиравшихся на ватное, обмахренное съ краевъ, одѣяло.

— Смотрите, ребята, кабы теленокъ еще, по прошлогоднему, не обжевалъ отцово полукафтанье...

— То-то у батюшки одна пола супротивъ другой разнится,—сказала дьяконица и вздумала улыбнуться.—Отчего, молъ, такъ?

Матушка не отвѣтила. Егоръ пошелъ караулить въ другой конецъ усадьбы, къ амбару. Размѣстились и дѣти по крайнимъ пунктамъ сада, ограждая семейныя сокровища отъ нашествія животныхъ и птицъ, при чемъ запаслись противъ нихъ на всякій случай палками и камешками. Дьяконица осталась на мѣстѣ для дальнѣйшаго разговора.

— А зачѣмъ это вы, матушка, красныя рубахи себѣ шьете? Чай, какъ неудобно?

— Чѣмъ неудобно?

— Ну, извѣстно... Развѣ можно, напримѣръ, блоху на красномъ словить?

— Такъ у тебя все бѣлыя? Полотняныя?

— Гдѣ ужъ намъ! Не про себя говорю... А вотъ купчихи, чиновницы—у тѣхъ бѣлье завсегда бѣлое.

Затѣмъ дьяконица выразила радость, что въ этомъ году „безпремѣнно“ хорошо уродится греча, потому что блохъ нынѣ „изъ годовъ вонъ“... Какъ бы въ доказательство, она подернулась плечомъ и, будучи связана ребенкомъ, почесалась лопаткой объ частоколъ.

— Двойняшекъ, вотъ, еще нонѣ будетъ много у бабъ.

— Почему?

— Годъ высокосный.

— Гм...—прокашлялась матушка и не осудила дьяконицу

за вѣру въ примѣты, потому что за такія крестины плата полагается вдвое больше, чѣмъ за обыкновенныя.

— Но и смертей прибавится, — добавила она разсудительно.—Высокосный годъ тяжелый...

— Лишній день, что и говорить,—отвѣтила дьяконица, скорѣе, впрочемъ, радостнымъ, чѣмъ печальнымъ тономъ.

Въ это время подъѣхалъ о. Вадимъ. Его красное веселое лицо говорило, что онъ навеселѣ. Вылѣзая съ трудомъ изъ телѣжки, онъ не совсѣмъ отчетливо произнесъ „тпру" и заговорилъ:

— Ага, просушивается попадья... Дѣльно!

— А ты гдѣ самъ-то намокъ, бездѣльникъ?

— А это мы, то есть я... у о. Якова посидѣли мало-мало. Былъ у него Ядринскій управляющій, земскій начальникъ Баклановъ, податной инспекторъ Брюзгинъ, становой и еще кое-кто. Я, мать, записался въ члены попечительства о народной трезвости. Просилъ больно земскій начальникъ... хо-о-рошій человѣкъ! „Вы, говоритъ, о. Вадимъ, можете руководить... на васъ вся надежда". Ну, я, конечно... что-же, молъ, ничего. Ну, и того... и выпили! А потомъ я всѣхъ позвалъ къ себѣ на торжество.

— Какое торжество?

— А какъ? Развѣ забыла?.. Завтра у насъ съ тобой бронзовая свадьба... двѣнадцать лѣтъ...

— Ахъ, попъ, попъ... какъ тебѣ не совѣстно? Какъ тебѣ не стыдно! Праздникъ тоже выдумалъ! Ни въ какихъ святцахъ не значится, а чтобы только нализаться...

О. Вадимъ вдохновенно возразилъ:

— Двѣнадцать лѣтъ супружества, счастливой супружеской жизни! Двѣнадцать лѣтъ ни ты, ни я не хворали... Двѣнадцать лѣтъ ни единаго ребенка не отнесли на кладбище. Развѣ это не счастіе? А?

Матушка просіяла. Въ самомъ дѣлѣ, она прожила въ замужествѣ столько лѣтъ и не замѣтила ни своего здоровья, ни благополучія семьи... Ей было пріятно слушать мужа. А онъ повторялъ:

— Двѣнадцать лѣтъ... безъ болѣзней и... (далѣе голосъ о. Вадима какъ-то вдругъ странно упалъ, выражая нѣкую даже скорбь)... И безо всякаго романа!

— Чего мелешь?—спросила матушка сердито.

О. Вадимъ вздохнулъ, потрясъ головою и продолжалъ:

— И нисколько, мать моя. Да будь-ты за чиновникомъ, онъ бы тебѣ разъ двадцать измѣнилъ! А я — вѣренъ!.. Недоволенъ, а вѣренъ! Цѣни!

— Не-до-во-ленъ! Скажите! Чѣмъ я тебѣ плоха?—И она

такъ поджала губы и сверкнула глазами, что ея полное лицо стало почти красивымъ.

— Не плоха, а... Марфа ты всетаки, а не Марія!

— Марія тебѣ, вишь, занадобилась! Вонъ какъ нализался, пастырь!.. На что похожа стала ряса? Чѣмъ ты ее такъ вымазалъ?

— Ну, вотъ, ну, вотъ...—забормоталъ о. Вадимъ.—И говори съ тобой послѣ этого... Ну, выпилъ... За то я духа въ себѣ не угашаю. Духа не угашайте!.. Сказано—и свято. А прочее пустяки. Развѣсила свои салопы и думаешь, въ этомъ вся суть. Какъ будто все дѣло въ твоемъ капотѣ рукава вонъ на кольяхъ вверхъ къ небу, словно для молитвы а головы-то нѣтъ... Эхъ, ма-ать...

— Такъ по твоему моль разводить, что ли? Тогда и ходи безъ штановъ.

— Ахъ, не о томъ я... Моль... безъ штановъ... Ничего ты не понимаешь... Скучно съ тобой, вотъ что!.. Попадья! Есть ли въ тебѣ душа?

— Ой, да отвяжись, пожалуйста. И что за разговоры? Напьется и понесетъ чепуху...

— Я сомнѣваюсь...

— Зачѣмъ же торжество устраиваешь? Радуешься, что прожилъ двѣнадцать лѣтъ съ бездушной женщиной?

— А куда дѣваться?.. Куда дѣваться?—выкрикнулъ о. Вадимъ съ горечью, словно вспомнилъ объ уродствѣ, неизбывномъ на всю жизнь.

— Ищи душу; можетъ быть, найдешь.

— И найду! Ты думаешь, нѣтъ? Другіе же находятъ.

— У тебя-то есть ли душа? Искатель оглашенный... Живешь безъ всякаго соображенія!

— Нѣтъ, всегда, всегда у меня соображеніе прежде всего.

— Да вотъ теперь, какъ будешь праздновать? Угощать, вѣдь, придется.

— И угостимъ... Что же такое? Неужто не можемъ? Вотъ—держи! Принимай!—И о. Вадимъ развязалъ кулекъ и сталъ выкладывать, выкрикивая отрывисто:

— Водка—разъ! Рябиновая—два! Хинная—три! Ерофеичъ—четыре! Кузьмичъ—пять! Кагоръ—шесть!.. Какого тебѣ еще рожна? Ну, я тебя спрошу: какого еще тебѣ чорта лысаго надо?—И, ударивъ себя въ грудь кулакомъ, онъ прибавилъ:

— И еще есть бутылка, но такая, что и выговорить невозможно... Ду-ду... пу-ду... Шабашъ! Захлестнуло, а въ глазахъ мельтешится...

Матушка всплеснула руками:

— Дуракъ! Батюшки, какой дуракъ! Какъ есть сумасшед-

шій! На десять цѣлковыхъ всякой дряни привезъ. Ну, скажи, Александровна, есть ли въ немъ умъ? А?

— Да, ужъ...—Но дьяконица не успѣла договорить, потому что батюшка погрозился на нее и сказалъ, запинаясь:

— Ты у меня, дьяконица, молчи... Молчи! Слышишь? Я тебя знаю... Знаю-а! Не твое дѣло... Учи своего дьякона, а попа въ покоѣ оставь... Удались.

Попадья начала причитывать:

— Иродъ ты эдакій! Дурья голова! Вѣдь у насъ семья. Вѣдь пятеро ихъ у насъ!

— А хоть бы и пятью пятеро—что за бѣда? — подбоченился о. Вадимъ фертомъ. — Всѣхъ напою и накормлю. Всѣхъ воспитаю! Всѣмъ дамъ образованіе. Учись, ребята! Всѣ учись! Ни-ничего не бойся. У вашего отца руки во-какія! Мозолистыя... Шея толстая, какъ у быка, спина верблюжья,—сдюжу! Всѣ, всѣ садитесь на меня. Ну, живо? Гаврикъ, Сашка... Прыгайте, мошенники!

Дѣти ужасно любили отца въ такомъ расположеніи. Въ обычное время онъ былъ сухъ, слова не скажетъ, никого не приласкаетъ, за то подъ веселую руку отличался подмывающимъ краснорѣчіемъ и заражающей веселостью, между тѣмъ какъ мать только „нюни распускала", ныла, преувеличивая нужду до непонятныхъ для дѣтскаго ума размѣровъ и отталкивая ихъ отъ себя нищенствомъ духа. И на всѣ ея мрачныя картины и жалкія слова о. Вадимъ въ веселомъ состояніи говаривалъ:

— А вотъ и врешь, попадья. А вотъ и проживемъ! А мать ваша, ребята, то есть ни чорта не понимаетъ... Духа въ ней нѣтъ, одно только мя...

Обыкновенно Евлампія Михайловна въ этотъ моментъ самымъ нагляднымъ способомъ опровергала слова мужа. То же случилось и на этотъ разъ. Лишь только о. Вадимъ засучилъ рукава и нагнулъ шею и спину, чтобы посадить на себя дѣтей и поѣхать съ ними черезъ балконную дверь, какъ попадья пнула его такъ сильно, что онъ пролетѣлъ головой въ комнату и тамъ уже, лежа на полу, договаривалъ:

— И всетаки, жена, это не доказательство...

— Ладно, разговаривай.—Она бросила ему подушку подъ голову и заперла всѣ двери. А дѣтямъ строго наказала:

— Вы у меня къ нему не смѣйте подходить.

II.

Вечеромъ дѣти молча пили чай; мать одѣлила ихъ всѣхъ по ровному куску сахара и по кренделю. Въ сосѣдней комнатѣ началось движеніе, отецъ прокашлялся, и всѣ прислушивались.

— Лапочка...—тихо послышалось за запертой дверью.

Евлампія Михайловна—ни слова.

— Курочка...

— Поговори ты у меня,—отозвалась она, строго глядя на дѣтей, чтобы тѣ не смѣли улыбаться.

— Ягодка...

Дѣти уже не могли сдержаться. Гаврикъ фыркнулъ въ чай, потому что мать хотя и была красна, какъ земляника, но для „ягодки" столь внушительныхъ размѣровъ его бойкое воображеніе не подыскало подходящаго стебелька.

— Чего тебѣ?—растворивъ дверь, рѣзко спросила она.

— Ча-ю...

— Иди, что ли, пей...

— Да они здѣсь...—смутился вдругъ о. Вадимъ, увидя ребятъ, и повернулъ обратно.—Я послѣ...

— Они сейчасъ уйдутъ.

Дѣти, дѣйствительно, скоро убѣжали, и въ столовой остались одни супруги. Минуты двѣ длилось неловкое молчаніе. Наконецъ, Евлампія Михайловна заговорила:

— Такъ-таки ничего и не скажешь?

— Что же сказать?.. Виноватъ...

— Который ужъ разъ... И много ли еще будетъ впереди?

— Какъ Господь... Можетъ быть, и убережетъ.

— Все помнишь, что было?

— Все.—И о. Вадимъ сокрушенно вздохнулъ.

— Назвалъ гостей?

— Да...

— Сколько?—строго допрашивала жена.

— Всѣхъ, кто былъ...

— Всѣ пріѣдутъ?

— Кто ихъ знаетъ... Просилъ о. Кирилла, чтобы извѣстилъ сосѣднихъ поповъ.—О. Вадимъ грызъ ногти чуть не до крови и не поднималъ глазъ.

— А свѣтскіе?.. Земскій начальникъ будетъ?

— Обѣщалъ,—уныло отвѣтилъ о. Вадимъ и еще ниже склонилъ голову.

Матушка глубоко вздохнула и, развѣсивъ на спинкѣ стула чайное влажное полотенце, поднялась чуть не со стономъ.

— Видно, тѣсто придется мѣсить...

Ничего не отвѣтилъ о. Вадимъ. Онъ только любовно проводилъ глазами ея мѣрно колыхавшіяся могучія плечи,—до того сердце его было полно благодарности. Онъ понималъ, что наглупилъ преизрядно, назвавши гостей. Тѣ сначала не вѣрили, говорили, что у него ничего нѣтъ въ его мордовскомъ Суслинѣ,—ни водки порядочной, ни закусокъ. Тогда онъ вынулъ кошелекъ и, потрясая имъ въ воздухѣ, кричалъ:

— Вотъ видите—три золотыхъ, всѣ загублю!

— Врешь, отецъ. Знаемъ мы тебя,—скупущій ты. Да и попадьи побаиваешься.

— Она сама и денегъ дала, и звать велѣла,—совралъ о. Вадимъ, и такъ ловко, что трудно было не повѣрить. А когда всѣ увидѣли, что онъ и въ самомъ дѣлѣ всего накупилъ въ бакалейной лавочкѣ, то уже серьезно обѣщали пріѣхать: не пропадать же даромъ кульку съ винами и закусками!

Конечно, Евлампія Михайловна, если бы захотѣла, могла бы оскандалить мужа: отъ нея всего можно было ожидать. Вотъ почему о. Вадимъ былъ пораженъ, видя, какъ смиренно пошла она стряпать. Онъ былъ тронутъ до глубины души.

— Добрая она у меня, право, добрая!—чуть не со слезами говорилъ онъ въ открытый шкафъ, откуда смотрѣли на него засмоленныя головки привезенныхъ бутылокъ, какъ птичій выводокъ изъ гнѣзда. Батюшка пришелъ въ такое елейное настроеніе, что откупорилъ одну изъ нихъ и выпилъ рюмочку-другую, послѣ чего пошелъ къ супругѣ въ кухню помогать, если надо. Однако сердитый окрикъ: „чего тебѣ?" заставилъ его ретироваться.

— Не туда зашелъ, Лапочка...

— То-то не туда. Шелъ бы лучше къ ребятамъ. Они тамъ убираютъ.

— И то, мамочка...

Проходя обратно столовой, онъ еще разъ наклонилъ голову въ шкафъ и пропустилъ рюмочки двѣ-три... А въ саду дѣти затѣяли возню около прясла. Они понадѣвали на себя валенки и весело прыгали.

— Папаша, иди сюда!..

Черезъ минуту кухарка со смѣхомъ докладывала матушкѣ:

— Батюшка-то съ ребятами шубы повывернули, медвѣдями нарядились. Онъ у нихъ за главнаго, а Гаврикъ—поводильщикомъ... Умора!

Безпорядокъ былъ тотчасъ же устраненъ: матушка не прельстилась ролью медвѣжихи, которую ей дерзновенно предлагалъ разыгравшійся батюшка...

III.

На другой день, рано утромъ, о. Вадимъ отслужилъ наскоро обѣдню, а потомъ молебенъ по случаю семейнаго торжества, и было пріятно видѣть всю семью за благодарственной молитвой... Но дома о. Вадиму стало не по себѣ: онъ горько осуждалъ свою глупость. Попадья произнесла нѣсколько разъ одно яркое и обидное слово. Заставляла ли она дѣтей одѣваться по праздничному, разставляла ли мебель, стучала ли посудой, разстилала ли на столы свѣжія скатерти, она не забывала въ каждую раздраженную фразу вставить—„дуракъ". Тѣмъ же реченіемъ она сопровождала всякую бутылку, которую ставила на столъ, всякую коробку консервовъ и даже телячью ногу. Не меньше сотни разъ обернулось оно въ воздухѣ, безъ прямого обращенія къ кому бы то ни было, и въ достаточной степени насытило комнату и сердце о. Вадима горькими мыслями, отравившими всѣ уготованныя яства и питія. Онъ понималъ безъ поясненій, что, если есть въ домѣ глупецъ, то именно онъ, „глава и хозяинъ." Въ самомъ дѣлѣ: назвалъ гостей, которые никогда у него въ домѣ не бывали,—земскаго, податного, станового, управляющаго графскимъ хуторомъ, слѣдователя... Ну, пусть бы одни духовные пріѣхали,—это такъ, это въ порядкѣ вещей. А свѣтскіе—зачѣмъ они?! Къ чему это знакомство? Развѣ поѣдешь къ нимъ съ отвѣтнымъ визитомъ? Пріѣдутъ, поѣдятъ, попьютъ, а потомъ тебя же осудятъ: это не такъ, то не этакъ, вотъ тебѣ и все удовольствіе. Одно только разореніе и срамъ. Попадья суетится, изъ кожи лѣзетъ, торопится, гоняла за десять верстъ къ благочиннихѣ за формой для мороженаго. Работникъ и всѣ ребята отмахали руки, а мороженое все не свертывается. Попадья ругается: „Иди верти самъ, дуракъ!" И вертѣлъ... Теленочка зарѣзали, а какой славный былъ—породистый бы вышелъ... Принесли въ жертву человѣческимъ обычаямъ, гдѣ главнымъ богомъ является бездонное чрево. Четырехъ куръ закололи, и все несущихся. У одной въ нѣдрахъ разсыпано было до сотни желтыхъ зародышей... Сколько бы яицъ нанесла за лѣто... Жаль, очень жаль... А кто виноватъ? „Я, дуракъ безмозглый. Еще доппель-кюммелю закатилъ бутылку! Что за вино, когда именно его пить надлежитъ,—ничевошеньки не знаю... Бакалейщикъ-подлецъ, узналъ, кто у меня будетъ, и втравилъ: безъ доппелю, дескать, земскій и обѣдать не садится... Ахъ, дуракъ! А-ахъ болванъ! А-а-ахъ!!"

Даже рванулъ себя о. Вадимъ за локонъ длинныхъ курчавыхъ волосъ.

— Ужъ скорѣе бы пріѣхали. А то попадья изведетъ меня въ конецъ, все попрятала на замокъ. „Ты хоть трезвымъ встрѣть гостей, говоритъ, а то будутъ думать, что—безпросыпный“. Муки, адскія муки! Хоть бы рымочку! Право, впору хоть къ дьякону, ей-Богу... Скучно, очень скучно одному со своими мыслями...

У воротъ показалась карая лошадь,—это о. Яковъ съ супругой изъ Янтарева; черезъ полчаса въѣзжалъ о. Иванъ вдовый, о. Семенъ съ о. Васильемъ—двоюродные, благочинный о. Исаія съ подблагочиннымъ о. Кирилломъ,—всѣ почти въ одно время. Когда гости увидѣли необычайное множество бутылокъ, то многіе какъ-то даже сгѣснились: вѣдь, такой роскоши раньше не видѣли въ этомъ домѣ. По какой же особенной причинѣ? Двѣнадцатилѣтія тутъ, пожалуй, мало. Ужъ не наслѣдство ли получилъ, кой грѣхъ? Но о. Кириллъ разъяснилъ тайну: ожидаются важные гости, и всѣ попы въ одинъ голосъ протянули раскрытыми ртами: „а-а-а...“—что значило: „для насъ, поди, этого не сдѣлалъ бы, а вотъ для свѣтскихъ... Свѣтскихъ больше почитаетъ... Ну, и чортъ съ нимъ, если такъ“. И казалось,—отцы вдругъ потеряли праздничное настроеніе, а если продолжали пить, то какъ будто, съ гнѣвомъ.

Когда пріѣхали „свѣтскіе“, попы были уже настолько въ подвыпитіи, что о. Кириллъ встрѣтилъ ихъ чрезвычайно развязно:

— А, добро пожаловать, почетные гости. Свадьба у насъ въ полномъ разгарѣ. Самъ о. Исаія ликуетъ и кричитъ: „Горько!..“

Но затѣмъ вышла заминка. У вновь пріѣхавшихъ, можетъ быть, и было желаніе приступить къ прямой цѣли посѣщенія, но, какъ люди свѣтскихъ приличій, они сначала отдали дань этикету: медленно, по барски, пили чай, потомъ защелкали серебряными портсигарами и, глядя въ окна, завели „разговорную“ канитель:

— А ваше село, о. Вадимъ, не блещетъ красотою. Смотрите, господа: двѣ ветлы, а далѣе степь, голая, безъ единаго кустика до самого горизонта. Пустыня...

— Да, да,—лѣниво подтверждали отцы. Только о. Исаія, какъ старѣйшій, стоя рядомъ съ земскимъ, сказалъ поучительно:

— За то ветла эта — яко дубъ мамврійскій! — И затѣмъ далъ волю своему извѣстному всѣмъ краснорѣчію. Вскорѣ онъ до того овладѣлъ бесѣдой, что со стороны могло показаться, будто о. Исаія нѣкоторымъ хитрымъ образомъ хочетъ совсѣмъ отвлечь „свѣтскихъ“ отъ стола съ яствами и питіями, пока духовные не произведутъ въ нихъ болѣе или

менѣе основательнаго опустошенія. У благочиннаго была одна любимая фраза, которую онъ повторялъ постоянно:

— Благовременія подождать надо, благовременія! — И теперь это выраженіе мелькало въ рѣчи о. Исаіи.

— Жди кто можетъ, а я не могу,—игривымъ шопотомъ говорилъ, между тѣмъ, о. Кириллъ.—Прозѣваешь, воду хлебаешь. Такъ, отцы? Выпьемъ еще, пока они тамъ съ благочиннымъ пейзажами любуются.

Краемъ уха его услышалъ управляющій графскимъ имѣніемъ, непомѣрно тучный человѣкъ съ большими глазами на выкатѣ, и, подойдя къ о. Кириллу, попросилъ:

— Ну-ка, отецъ, и мнѣ плесни... Намъ ландшафты эти и безъ того глаза намозолили...

— Правильно, Гермогенъ Акимычъ. Одинъ ландшафтъ есть пріятнѣйшій въ мірѣ, это -витрина виннаго погреба... А здѣсь нѣкоторое подобіе. Пожалуйте, Гермогенъ Акимычъ. Бокальчикъ—по васъ.

А около окна, въ чаду табачнаго дыма, поминутно раздавались вопросы:

— А каковъ, батюшка, у васъ народъ?

— Хорошо ли живутъ?

— Бываютъ ли чтенія съ туманными картинами?

— Много ли грамотныхъ?

Хозяинъ не успѣвалъ отвѣчать. Ему помогалъ благочинный, который зналъ приходъ едва ли не лучше самого о. Вадима, а ужъ говорилъ безъ всякаго сравненія красивѣе священника мордовскаго прихода.

— Какъ? Господа, слышите? Школы въ селѣ нѣтъ?—трогательно вопіялъ увлекшійся земскій начальникъ, забывшій о прямой цѣли посѣщенія.—Теперь всюду школы, даже въ деревняхъ... А у васъ... Стыдно, стыдно не имѣть школы!

— Грамотѣ дьяконъ учитъ... по вдохновенію,—замѣтилъ о. Вадимъ, и всѣ обернулись въ сторону учителя народа, который учитъ по вдохновенію, но теперь не знаетъ, какую позу принять,—строго-солидную или шутливую.

— Что же это значитъ „по вдохновенію", о. дьяконъ?

— Значитъ — когда захочется...

— И часто васъ посѣщаетъ вдохновеніе?

— Какъ и поэтовъ, не каждый, конечно, день...—отвѣтилъ за дьякона о. Вадимъ.

— И не каждую недѣлю?—допытывались свѣтскіе.

— Бываетъ иной разъ затяжечка и по мѣсяцамъ... Прихотливая это вещь—вдохновеніе...—думалъ шутками отбояриться хозяинъ, но земскій въ серьезъ увѣщевалъ:

— Устройте же, о. Вадимъ, школу. Право, безъ этого нельзя.

— Да, дѣйствительно, школа великое благодѣяніе для народа!—сказалъ почти машинально становой, невольно косясь на о.о. Якова и Кирилла, которые ужъ три раза успѣли на его глазахъ выпить.

Въ это время хозяйка пригласила занимать мѣста.

Насталъ часъ перейти къ „существенному", тогда отцы совершенно вѣрно замѣтили, что свѣтскіе запоздали сравнительно съ духовными, и что справедливость требуетъ сравненія. Свѣтскіе не противорѣчили.

— Давно бы такъ...—сказалъ о. Кириллъ, одобривъ удвоенный пріемъ хинной, сдѣланный податнымъ инспекторомъ. Но и духовные, въ свою очередь, стали поспѣшать, такъ что земскій долженъ былъ сознаться:

— За вами, отцы, не угоняешься, вы какъ-то всегда впереди...

— Хо-хо-хо!—громыхало въ воздухѣ.

Обѣдъ прошелъ весело и шумно. Отцы помолились и перецѣловались съ хозяевами. Свѣтскіе сумѣли такъ низко поклониться и такъ тонко пожать руку хозяйкѣ, что отцы, знающіе по опыту всѣ роды поклоновъ отъ самыхъ малыхъ до земныхъ включительно, невольно позавидовали изяществу станового, мелодично зазвенѣвшаго шпорами.

— Собака, какъ расшаркнулся!.. Ну, и кавалеръ, чортъ его дери...—шепталъ о. Кириллъ, не сводя глазъ со шпоръ станового:

— Какъ это у васъ колесики-то на сапогахъ...

— А что?—испуганно оглянулся становой на свои ноги.

— Вертятся, то есть, хочу сказать.

— Гм...—Становой счелъ себя задѣтымъ и отошелъ въ сторону, соображая, какъ бы поостроумнѣе сказать попу что-нибудь насчетъ рясы или волосъ. Но ничего не приходило въ голову...

Всѣ вышли на балконъ и здѣсь, на чистомъ воздухѣ, послѣ прекраснаго обѣда, снова ощутили въ себѣ присутствіе серьезныхъ темъ, глубокихъ вопросовъ, возвышенныхъ идей. При этомъ самое Суслино казалось уже не такимъ печальнымъ, какъ до обѣда. Отцы говорили, что въ Суслинѣ жить можно, потому что мордва народъ добрый и насчетъ руги—куда лучше русскихъ. Поповскій садъ благоуханіемъ душистой сирени усиливалъ пріятное настроеніе. Около церковной сторожки видны были двѣ ветлы, куда, какъ обезьянки, залѣзли мордвинята въ бѣлыхъ рубашонкахъ и оттуда орали во всю глотку:

— Чиндя̀ль На̀та пикъ-пара̀,
Ялы якѝ ко́таса *).

*) „Боярска дочь Наташа ужъ очень хороша.." — мордовская пѣсня.

Земскій начальникъ воскликнулъ:

— Какіе голоса! Да это артисты! Жаль, что безъ отдѣлки. Вотъ бы между этими ветлами школу поставить. И полезно, и красиво.

Хозяину не понравилось новое напоминаніе. Онъ уже многократно слышалъ его, не однажды получалъ и прямыя замѣчанія на бумагѣ отъ начальства съ осужденіемъ своего равнодушія къ назрѣвшей нуждѣ мордовскаго села. О. Вадиму ужъ надоѣло въ сотый разъ выслушивать, что его мордва непросвѣщенна и невѣжественна, и, все какъ будто, потому только, что приходскій священникъ не ревнуетъ... Онъ сказалъ, поэтому, обидчиво:

— Всѣ вотъ такъ говорятъ, а обратись за содѣйствіемъ, никто и перстомъ не двинетъ. Одному же невозможно...

— Я вамъ дамъ совѣтъ... — заговорилъ земскій, но хозяинъ перебилъ:

— Совѣтъ—что! Этого добра и на днѣ ада много. Вы, вотъ дѣломъ, помогите!

— Что-жъ... Я, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать...

— Мы васъ поддержимъ, заявите въ управу,—добавилъ и податной.—Я тамъ имѣю голосъ.

— Заявляли,—что толку... Средствъ нѣтъ!

— А что, господа, — началъ благочинный, возвышая голосъ,—не положить ли начало доброму дѣлу?

— Какъ?

— Давайте-ка подписочку устроимъ, ознаменуемъ добрымъ дѣломъ свое краткое пребываніе здѣсь. Покажемъ не только слова, но и дѣло.

— Да, да, покажемъ!—отозвались многіе съ сочувствіемъ.

— О. Вадимъ! Листикъ бумаги и перо... Отлично... Изображай: „Подписной листъ для пожертвованій на Суслинскую школу“.

О. Вадимъ написалъ и обвелъ всѣхъ взоромъ.

— Ну, что же остановился? Пиши. Сколько жертвуешь самъ?—сказалъ благочинный.

— Погодите, дайте о. Вадиму посовѣтоваться съ матушкой...—не безъ язвительности сказалъ становой, все еще находившійся подъ впечатлѣніемъ нѣкоторой обиды на отца Кирилла... Стрѣла попала въ неповиннаго о. Вадима. Онъ вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ и сказалъ съ жаромъ:

— Я—совѣтоваться?.. Нѣтъ, ужъ это вы лучше совѣтуйтесь съ своей экономкой, а я—вотъ!—и поставилъ цифру.

— Двадцать пять рублей... Ловко! Ну, кто дальше?—сказали въ толпѣ.

— Податному.

— Что же, я не прочь... Извольте, подпишу—пятьдесятъ. Ну, теперь вы, отцы!—сказалъ онъ, передавая листъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же намъ? Мы только испортимъ дѣло. Надо просить управляющаго.—Но управляющій уже клевалъ носомъ и, когда его растолкали, спросилъ съ недоумѣніемъ:

— Что?.. Кто?.. Какъ?.. А, вотъ что! Жертвую... Двадцать тысячъ!.. Пишите!..

— Не дури. Говори толкомъ.

— Толкомъ... двадцать тысячъ... копѣекъ,—сказалъ управляющій, придя окончательно въ себя.

— А, это похоже... Ну, пиши... своей рукой.

— Могу. „Двѣсти рублей Гермогенъ Печеновъ".

— Великолѣпно! Теперь вы, отцы,—предлагали свѣтскіе, подписавъ—кто рубль, кто два, при чемъ только земскій начальникъ подписалъ золотой, а становой совсѣмъ отказался:

— Потому что,—откладывалъ онъ на пальцахъ,—во-первыхъ, господинъ исправникъ не разрѣшилъ еще подписки; во-вторыхъ, исправнику будетъ обидно подписываться послѣ станового, если я пожертвую, напримѣръ, сто рублей. И въ третьихъ...

— У васъ такихъ и денегъ нѣтъ,—перебилъ о. Кириллъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ.

Становой отошелъ въ сторону, точа про себя убійственную стрѣлу противъ нахала, чтобы разомъ его уничтожить, а о. Кириллъ подошелъ къ кружку духовныхъ, гдѣ низкимъ подавленнымъ голосомъ о. Яковъ говорилъ:

— Послѣ такихъ суммъ совѣстно что-либо подписывать. Мы люди бѣдные.

— Ну, отъ бѣдности жертвуйте,—настаивали свѣтскіе.

— Да чего же?—Полтину развѣ.

— И полтину хорошо, если отъ сердца.

— Сердца-то намъ не занимать стать.—И о. Кириллъ хотѣлъ было подписать, но благочинный вырвалъ у него листъ и изобразилъ:

— „Исаія Веденяпинъ—одинъ рубль".

— Ну, а мы по полтинкѣ, — сказалъ о. Кириллъ, и всѣ согласно кивнули головой.

— Ты сколько жертвуешь, дьяконъ вдохновенный?—спросилъ благочинный.

— Сколько угодно... ежели изъ церковныхъ.

— А изъ своихъ?

— Слуга покорный...

— Нельзя же такъ, дьяконъ,—что-нибудь да дай.

— Моихъ денегъ и безъ того много за селомъ. Вѣдь даромъ труды подъемлю.

— То само собой, а что само собой. Дѣло общее. Будь товарищемъ.

— Ну, а меньше чего нельзя?—допытывался дьяконъ.

— Всякое даяніе благо.

— Ежели пятакъ?

— Можно, но срамно.

— Ну, чтобы безъ срама—жертвую соотвѣтственно... Половину іерейскаго самообложенія, то есть четвертакъ... Или двугривенный?.. Двугривенный ничего, отцы?

— Чего торгуешься самъ съ собой, Давидычъ? Совѣсть что говоритъ?

— Не слышу, отцы, ея гласа. Въ томъ и затрудненіе.

— Тогда погадай на пальцахъ.

Дьяконъ погадалъ и подписалъ пятиалтынный.

Благочинный шепталъ о. Вадиму:

— Прекрасное дѣло. Смотри только, отецъ, церковную школу хлопочи. Церковную! Прощай, однако. Больше ждать нечего...

Вскорѣ одинъ за другимъ гости отбыли. Когда хозяева остались вдвоемъ, съ глазу на глазъ, матушка сказала:

— Дуракъ! Опять дуракъ оказался... Двадцать пять рублей!.. Да ты милліонщикъ, что-ли,—такъ разоряться?

— Ты, Лапочка, мало понимаешь: выговоры начальства ужъ мнѣ надоѣли. Грозили перевести, а теперь я чистъ. Я все сдѣлалъ. И будетъ мнѣ даже благодарность, съ пропечатаніемъ въ „епархіальныхъ вѣдомостяхъ".

— Было бы за что пропечатать, ты еще выручи сначала деньги. Тотъ же податной—первый тебѣ кукишъ покажетъ.

— Не покажетъ!

— Вотъ увидишь. А управляющій? Откуда онъ достанетъ такія деньги? Вѣдь у нихъ въ конторѣ все на учетѣ.

— Достанетъ!

О. Вадимъ ликовалъ и говорилъ своимъ дѣтямъ:

— Что? Вотъ такъ отецъ у васъ. Геній! Не было школы—и стала. Кто ее воззвалъ изъ небытія къ бытію? Я, отецъ вашъ.—И онъ ударялъ себя въ грудь.

— Хвальбишка...—произнесла уставшая попадья, уходя спать. А о. Вадимъ еще ораторствовалъ. Матушка не препятствовала: пусть всласть языкъ почешетъ, поутру другое заговоритъ.

IV.

На утро началось раздумье: хорошо ли дѣлаетъ тотъ хозяинъ, который, такъ сказать, обираетъ гостей, хотя бы и для добраго дѣла? И отъ этого въ душу о. Вадима прони-

кало уязвленіе, вродѣ нѣкоторой сухой гари. Это длилось, впрочемъ, недолго, туманъ скоро разсѣялся. Во-первыхъ, предложеніе послѣдовало со стороны одного изъ гостей, а не со стороны самого хозяина; во-вторыхъ, самъ о. Вадимъ пожертвовалъ очень значительную для своего кармана сумму. Вотъ, еслибы онъ другихъ обобралъ, а самъ ничего не далъ, ну, тогда всякій могъ бы назвать его жуликомъ, а теперь совсѣмъ другое дѣло,—онъ самъ первый подалъ добрый примѣръ и тѣмъ воодушевилъ прочихъ. Положимъ, воодушевленіе, главнымъ образомъ, коснулось только податного инспектора, человѣка податливаго, хотя и небогатаго, и управляющаго, который изумилъ всѣхъ; другихъ же благая идея задѣла лишь слегка,—своя братія, какъ пьяна ни бываетъ, разсудка не теряетъ никогда. Тѣмъ не менѣе, о. Вадимъ съ восторгомъ глядѣлъ на подписной листъ.

— Терпѣнья нѣтъ—до чего хорошо! — восклицалъ онъ. Въ немъ росло какое-то возвышенное, благородное настроеніе, наполняющее сердце чистой радостью и заставляющее вѣрить въ скрытыя силы человѣка, въ добро, которое гнѣздится въ немъ, какъ алмазъ въ нѣдрахъ горъ,—стоитъ только поглубже покопаться.

— А вѣдь такъ можно обдѣлать всякое дѣло, — высказалъ онъ вслухъ, взглянувъ на супругу, но та съязвила:

— Своими-то боками, — конечно! И впередъ такъ дѣлай. Пожаръ въ селѣ случится, подписочку устрой; голодовка— тоже; падежъ скота—тоже.

— А что? И прекрасно!

— И каждый разъ по четвертной отваливай. На что лучше! Тебя будутъ пропечатывать въ вѣдомостяхъ, какъ благодѣтеля, а семья твоя съ сумой пойдетъ. Доживемъ до того, что и въ нашу пользу подписку устроятъ на бѣдность.

— Ахъ, попадья, попадья...

— Что?

— Объ хорошемъ съ тобой даже и помечтать нельзя.

— Куда ужъ съ бѣдностью мечтать! Довольно даже глупо. Хорошо тѣмъ мечтать, кому денегъ дѣвать некуда.

— Да мы же вовсе не такъ бѣдны.

— Придетъ время, узнаешь нужду. Вотъ какъ ребята подростать начнутъ: того учить, другого учить, тому сюртукъ, другой платье да приданое, небось,—успѣвай тогда поворачиваться. И все тогда вспомнишь и пожалѣешь: и зачѣмъ хинныя водки покупалъ, и оловянную свадьбу устраивалъ, и на разныя подписки жертвовалъ... Просвищешь все въ добродѣтель, а потомъ, глядь, и собаку нечѣмъ будетъ поманить. Охъ, горе, горе!.. — И матушка, со вздохомъ, прибавила:

— Ничего я такъ не желаю, какъ — чтобы эта твоя дурацкая подписка лопнула, какъ мыльный пузырь!

— Этого не можетъ случиться.

— А почему?

— Да вѣдь тутъ, такъ сказать, дѣло чести... Кто же откажется?

— Но денегъ тебѣ никто вѣдь въ руки не далъ?

— Пока—да. Но вѣдь это все равно, съѣзжу и—получу.

— Вотъ съѣзди-ка! Это они храбры подъ куражемъ, а въ трезвомъ-то видѣ, ухъ, экономны дѣлаются!

Нѣчто вродѣ злорадства скользнуло по лицу матушки, и въ душу о. Вадима понемногу начинало вкрадываться сомнѣніе. Онъ глядѣлъ на листъ, и цифры „пятьдесятъ“ и „двѣсти“ уже такъ сладко не волновали его, словно попадья сняла съ нихъ все очарованіе, какъ сливки съ молока, и осталось въ горшкѣ что-то жидкое, синеватое и довольно невкусное, какъ телячье пойло... Въ самомъ дѣлѣ, черезчуръ что-то много наобѣщали гости... Тотъ же податной инспекторъ не ахти какое жалованье получаетъ, управляющій же весь на отчетѣ: графъ—человѣкъ столичный,—такую бухгалтерію развелъ, столько всякихъ контролей установилъ!.. И о. Вадимъ сталъ вскорѣ терять вѣру въ сердце человѣческое, до того, что предпочиталъ бы видѣть цифры „50“ и „200“ безъ нулей: надежнѣе было бы полученіе...

Однако, терять времени было нечего, слѣдовало выяснить дѣло какъ можно скорѣе. Просрочишь день, другой,—всѣ будутъ думать, что это была шутка и больше ничего.

— Съ кого же начать?—Онъ поѣхалъ сначала къ податному, находя его самымъ покладистымъ и деликатнымъ въ своей округѣ. Тотъ принялъ его ласково, угостилъ чаемъ съ вареньемъ и самъ первый заговорилъ:

— Вы, вѣроятно, насчетъ того?.. Пожалуйста, повремените... Сейчасъ денегъ нѣтъ... Но отдамъ, будьте покойны... Честное слово...—Слова податного дышали такимъ искреннимъ смущеніемъ, что только важность дѣла заставила о. Вадима раскрыть ротъ для тяжелаго, въ сущности, вопроса:

— Когда же?

— Какъ только будутъ... При первой возможности.

— Можетъ быть, еще заѣхать прикажете?

— Нѣтъ, зачѣмъ же вамъ безпокоиться? Самъ пришлю, или привезу.—При этомъ о. Вадимъ узналъ, что вообще „въ обществѣ“ не приводятъ въ исполненіе подписокъ на другой же день, и что иныя подписки осуществляются только черезъ годъ и даже больше. Все это податной высказалъ въ непринужденномъ разговорѣ о разныхъ благотворительныхъ дѣлахъ, и о. Вадимъ понялъ свою нетактич-

ность. Въ самомъ дѣлѣ: у гостей еще хорошенько хмѣль изъ головы не вышелъ, они еще не прочухались, какъ слѣдуетъ, а онъ ужъ объѣзжаетъ и требуетъ... И такъ неловко почувствовалъ себя о. Вадимъ, что, прощаясь, смущенно говорилъ:

— Ужъ извините, пожалуйста... Я самъ не радъ... Все это благочинный надѣлалъ, а по мнѣ бы, ей-Богу, ничего и не надо.

Неподалеку, верстахъ въ трехъ, жилъ управляющій. Считая и его принадлежащимъ къ свѣтскому обществу, о. Вадимъ подумывалъ было оставить его въ покоѣ, но сообразилъ, что скоро начнутся полевыя работы, лошади будутъ заняты, не выберешь времени съѣздить, да и чѣмъ управляющій лучше податного. И онъ повернулъ оглобли къ хутору, рѣшивъ:

— Ужъ заодно ко всѣмъ!

Управляющій, когда о. Вадимъ подалъ ему листъ, закусилъ усы и зажевалъ губами, выражая недоумѣніе:

— Да развѣ это было?

— Какъ же... Развѣ не помните?

— Запамятовалъ...

— Собственноручно изволили начертать...

— А нули-то не приписаны ли?—И онъ подозрительно вращалъ своими свинцовыми глазами навыкатѣ.

— Нѣтъ, что вы...—И въ кривой улыбкѣ о. Вадима изобразилась обида.

— Ну, значитъ, рука махнула зря... Вообще, въ пьяномъ видѣ человѣка не трудно оболванить.

— Да кто же васъ оболванивалъ?—заволновался о. Вадимъ. — Вы сами, никто васъ не тянулъ... ваша добрая воля.

— Какая же воля у пьянаго? Признаюсь, не помню, какъ уѣхалъ съ вашей пресловутой свадьбы, и какъ домой доѣхалъ.

— Такъ какъ же быть?—начиналъ сдаваться о. Вадимъ.

— Два рубля ужъ куда ни шло,—получите... А нули-то я замараю.

— Маловато, Гермогенъ Акимычъ, послѣ первоначальной-то цифры...

— Берите. А то совсѣмъ ничего не дамъ!—Голосъ управляющаго звучалъ раздраженной грубостью и наглостью.

Это взорвало о. Вадима, и онъ замѣтилъ:

— Я не думалъ, что можно отказываться, разъ даешь обязательство.

— Обязательство? Ха-ха-ха... Что же это вексель, что ли, по вашему?

— Все равно... Дѣло чести и совѣсти.

— А честно и добросовѣстно—напоить человѣка до помраченія разсудка и подсунуть?.. Да я могъ, знаете, въ томъ миломъ состояніи—милліонъ подписать, и вы бы милліонъ съ меня стали взыскивать?—И онъ зловѣще сверкнулъ зрачками.

О. Вадимъ сложилъ листъ въ карманъ. Получать два рубля вмѣсто двухсотъ ему казалось прямо насмѣшкой надъ высокой цѣлью просвѣщенія и надъ собой, и онъ поѣхалъ къ своему начальству.

— О. благочинный, какъ же быть? Всѣ подписались, а ни одна свинья не жертвуетъ.

— Постой, постой, о. Вадимъ... Меня-то хоть исключи, вотъ тебѣ моя лепта. А теперь валяй...

— Скоты, право, скоты, — волновался о. Вадимъ, — не ожидалъ такого свинства. Зачѣмъ же обманывать? Зачѣмъ рисоваться своими идеями?.. Развѣ такъ поступаютъ честные люди? Вѣдь это же подлость, о. благочинный?

— Подлость, о. Вадимъ.

— Что же дѣлать?

— Не знаешь? Ну, такъ вотъ что... Поѣзжай ты сначала къ нашимъ, отбери всѣ полтинники, и чтобы каждый собственноручно отмѣтилъ, что дескать, уплатилъ. Это покажетъ, что мы не шутки шутили. А потомъ поѣзжай къ земскому и объясни... Да только ты не такъ энергично выражайся, что, дескать, свиньи, сволочи, подлецы, а аккуратно поведи рѣчь въ этакомъ, знаешь, благородно-осудительномъ тонѣ, и такъ, между прочимъ, проведи ту идею, что, дескать, попы, хоть ихъ и зовутъ на каждомъ перекресткѣ жадными и скупыми, куда честнѣе прочихъ сословій, что, дескать, вотъ: что подписали, то безъ всякаго прекословія и отдали. И тутъ, я знаю, земскій потребуетъ у тебя листъ и выдастъ, что подписалъ, а потомъ, такъ какъ съ управляющимъ у него нелады (за картами у слѣдователя крупно повздорили, сто рублей проигралъ земскій), подастъ тебѣ благой совѣтъ. Ужъ повѣрь!—улыбался благочинный, дружески похлопывая Суслинскаго іерея по плечу.

Черезъ два дня о. Вадимъ былъ изумленъ прозорливостью о. Исаіи Веденяпина. Земскій начальникъ вручилъ о. Вадиму пять рублей, отмѣтилъ „уплатилъ“ и посовѣтовалъ подать жалобу на управляющаго ему же, земскому начальнику.

— Я присужу вамъ съ него всю сумму плюсъ судебныя издержки. Этимъ шутить нельзя. Народное образованіе должно быть выше всего. Это вещь священная! Это та же религія, и никакого кощунства я здѣсь не позволю!

Земскій говорилъ такъ внушительно, съ такимъ чув-

ствомъ расположенія къ о. Вадиму и къ народу, что растроганный о. Вадимъ только спросилъ:

— А правильно ли это будетъ?

— Ужъ тамъ это мое дѣло.

— Пожалуй, обжалуетъ въ съѣздъ?

— Пусть.

— А какъ съѣздъ отмѣнитъ ваше рѣшеніе?

— Пусть!

— Тогда какой же смыслъ?

— А скандалъ-то? О, нѣтъ, это, батюшка, мое почтеніе... штука, я вамъ доложу... Вы, пожалуйста, всѣхъ своихъ гостей въ свидѣтели поставьте.

— И васъ тоже?

— Нѣтъ, меня исключите. Вѣдь я же не могу одновременно двухъ ролей вести—и судьи, и свидѣтеля.

О. Вадимъ чувствовалъ, что земскій начальникъ вкладываетъ въ это дѣло какой-то личный мотивъ, и это обстоятельство сообщало ему увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла.

— Будьте покойны, убоится. Въ тотъ же день, какъ получитъ повѣстку о вызовѣ его въ мою камеру, самъ пріѣдетъ къ вамъ и внесетъ сполна всю сумму... Графъ не оставитъ у себя управляющаго, который отказывается отъ своихъ словъ. Да онъ ему прямо скажетъ: „Ты бы, Ермошка, лучше у меня укралъ, чѣмъ давать поводъ къ такимъ толкамъ о моихъ служащихъ“...

— Вы такъ думаете?

— Увѣренъ даже... Школа у васъ будетъ. И ужъ позвольте, — въ голосѣ земскаго зазвучала мелодія,—позвольте мнѣ потомъ въ отчетѣ губернатору изложить все это, какъ актъ искренней заботливости мѣстной интеллигенціи о народномъ просвѣщеніи. Въ этомъ будетъ до извѣстной степени нравственное удовлетвореніе за тѣ—будемъ прямо говорить—увлеченія, которыхъ, — сознайтесь, батюшка,—при другихъ обстоятельствахъ могло и не быть.

Выигрышъ процесса представлялся теперь о. Вадиму до того несомнѣннымъ, что у него явилось даже состраданіе къ управляющему, и онъ сказалъ съ тугой сердечной:

— А нельзя ли какъ попроще... безъ суда?

Земскій нахмурился и посмотрѣлъ на о. Вадима съ недоумѣніемъ.

— Мировую бы...—между тѣмъ, досказывалъ о. Вадимъ,— т. е., примѣрно, ну не двѣсти, а хоть половину—и то довольно. Даже одинъ нуль откинуть можно, если на то пойдетъ. А то вѣдь и вправду, какъ будто, многовато 200 рублей,— не по средствамъ... Конечно, сгоряча такъ вышло. Въ пол-

номъ разсудкѣ едва ли бы онъ больше другихъ подписалъ.

— А не хвались впередъ, не пускай пыли въ глаза. А то, представьте—всюду является съ набитымъ бумажникомъ и такъ ведетъ себя за карточнымъ столомъ, будто и въ самомъ дѣлѣ его личныя деньги. Небось, проигрывалъ графскія деньги и платилъ, а на доброе дѣло—фигу? Карточные долги—долги чести, а это—къ чести не относится? Нѣтъ и нѣтъ... Да я, наконецъ, и несогласенъ, батюшка!— вдругъ озарился земскій начальникъ новою мыслью и привсталъ, принимая важную осанку. — Я не согласенъ на вашъ компромиссъ. Дѣло народнаго образованія не васъ одного касается. Это дѣло общее, оно близко и моему сердцу по долгу службы и по личной симпатіи. Помилуйте, это прямой ущербъ народнымъ интересамъ! Я тогда привлеку васъ самихъ къ отвѣтственности... Вѣдь вы не на себя собирали, а на общественное дѣло. Храните подписной листъ. Это документъ, въ которомъ вамъ придется дать отчетъ начальству и обществу.

Всякія колебанія у о. Вадима послѣ того исчезли, какъ дымъ отъ вѣтра. Голосъ состраданія замолкъ, исчезла всякая жалость. Пусть вывертывается, какъ знаетъ! Впередъ наука— не фордыбачь.

Подъ диктовку земскаго начальника прошеніе было составлено, и тогда же руками писаря облеклось въ синюю бумажную рубашку съ ярлыкомъ „Гражданское Дѣло за № 3298, о...“

V.

Какъ сказалъ земскій, такъ и вышло. Гермогенъ Акимычъ до суда дѣло не довелъ. Поторопился и податной, узнавшій о повѣсткѣ, врученной Гермогену отъ земскаго. Оба они столкнулись у о. Вадима въ одинъ день, приблизительно черезъ недѣлю, когда матушка Евлампія Михайловна сушила третью партію своего отсырѣвшаго добра, на этотъ разъ наслѣдственнаго—отъ дѣдушки съ бабушкой. Гости горячо толковали о томъ, какъ необходима школа въ Суслинѣ, при чемъ управляющій особенно настаивалъ, чтобы попечительницей школы была избрана графиня, и чтобы въ день Андрея Первозваннаго, когда графъ празднуетъ свои именины, ученики не учились и была бы обѣдня съ молебномъ о здравіи ихъ сіятельствъ.

— Будетъ, будетъ все по вашему! —радостно говорилъ о. Вадимъ.—Слава Богу, какъ я радъ... Наконецъ, и у насъ школа!—воскликнулъ онъ.

— Давно бы надо,—меланхолично говорили гости.

Матушка угощала ихъ чаемъ, посматривала съ балкона на сушившіеся бабушкины салопы и съ опаскою наблюдала, какъ допивались остатки въ бутылкахъ, и какъ компанія веселѣла съ часу на часъ. О. Вадимъ былъ въ восторгѣ, лѣзъ цѣловаться и почти кричалъ:

— Господа! Какую честь вы мнѣ оказали—дважды посѣтили! Господа!.. Попадья! Лапочка! Благодари! Празднество и попразднество... Необычайно! Рѣдкій случай! Единственный случай, когда личное удовольствіе сочеталось съ народнымъ благомъ... И все ты виновата, Лапочка! Потому что двѣнадцать лѣтъ назадъ осчастливила меня, не отвергнувъ моей руки и сердца. За твое здоровье!

— Говорите, что ли!—шепнулъ управляющій податному.— Вамъ эти спичи не въ-первой... Въ клубѣ на проводахъ исправника вы были первымъ ораторомъ.

— Матушка,—началъ съ чувствомъ податной:—дай Богъ вамъ ознаменовать и серебряную свадьбу такимъ же добрымъ дѣломъ, какъ настоящее. Ваше имя будетъ такъ же тѣсно связано съ Суслинской школой, какъ...—Но тутъ ораторъ усмотрѣлъ, что его мысли принимаютъ неожиданный оборотъ, обидный для графа и графини, и потому предпочелъ замолкнуть.

Матушка неловко чокнулась съ гостями и вызвала попа въ другую комнату.

— Смотри ты у меня,—строго наказывала она, поднося ему кулакъ къ носу:—не сдури опять съ какой-нибудь подпиской. Огоньки у нихъ въ глазахъ непріятные, непремѣнно что-нибудь нехорошее умыслили. Въ оба гляди!

— Понимаю, Лапочка, понимаю... Тоже самъ съ усамъ!.. Немного взяли: только въ члены попечительства о народной трезвости записали,—всего двумя рублями отдѣлался, за себя и за тебя.

— Я—въ члены? Рубль за это?! О, Господи... Такъ и есть... Оплели! Такъ и знала!.. Пойдутъ теперь подписки да посѣщенія, да угощенія... со всѣмъ уѣздомъ свелъ знакомство!.. Раззоръ!

А податной, оставшись вдвоемъ съ управляющимъ, говорилъ грустно:

— Околпачили насъ попы-то... а? Каково? Ну, и хитрый народъ. Губернаторша ужъ на что, кажется, дама ловкая, а такъ не обходила... Стыдно, знаете, сознаться: пятьдесятъ рублей отвалилъ... Отродясь такихъ жертвъ не дѣлалъ. Да на что? На мордовскую школу! Съ кѣмъ ни встрѣтишься, всѣ въ одинъ голосъ: „Какой вы, Семенъ Васильевичъ, щедрый, близко, видно, къ сердцу принимаете народное

благо". Народное благо!! Чортъ бы васъ побралъ! Да что мнѣ эти суслинцы? Ну, сами посудите—что они мнѣ? И что имъ—я? Никакой связи. Нѣтъ, не прощу себѣ этого никогда... И чѣмъ это напоили насъ тогда? Какая-то брага была.. воскъ еще сверху плавалъ.

— Пуря, мордовская пуря, съ нея человѣкъ прямо на стѣну лѣзетъ... Ну, да погоди... попадутся и къ намъ въ лапы... Вотъ графъ устраиваетъ ясли въ нашей деревнѣ, будетъ торжество. Позову Вадима, а пурю приготовлю на спиртѣ и ужъ угощу... Угощу!—И Гермогенъ такъ страшно завращалъ зрачками, сжимая кулаки, что податной тутъ же рѣшилъ не быть на открытіи яслей: если поповскія „завидущія" очи разорили его на полсотни, то отъ гермогеновскихъ, пожалуй, и сотней не раздѣлаешься...

Отецъ Вадимъ, между тѣмъ, успокаивалъ жену:

— Тоже на кривой меня не объѣдутъ, Лапочка! Я знаю! Вотъ что имъ на всѣ ихъ ясли...—И матушка невольно улыбнулась той дулѣ, которую мужъ таинственно показалъ ей изъ кармана, какъ символъ будущей жертвы на всѣ „свѣтскія" добрыя дѣла.

Она хотѣла вѣрить „несуразному" супругу, но когда услышала вскорѣ его самозабвенный заливистый хохотъ вмѣстѣ съ гостями, опять взгрустнула:

— Нѣтъ, не сдержитъ попъ своего характера, не сдержитъ... Полудурье... Напьется, станетъ душу отыскивать,— его и устряпаютъ. Даже въ своемъ домѣ нельзя оставить одного!—И она опять вышла къ гостямъ, хмуря густыя сросшіяся брови. На приглашеніе Гермогена Печенова пожаловать къ открытію яслей она, улыбаясь однѣми губами, отвѣтила:

— Ваши гости... Ваши гости...

А глаза ея явственно говорили:

— „Ну, нѣтъ, не проведешь! Запру попа... Не пущу ни за какія коврижки!"

С. Елеонскій.

Болгарская конституція.

II.

Первымъ дѣломъ вновь избраннаго князя Александра Баттенберга было спросить гессенскихъ юристовъ, какъ они думаютъ о болгарской конституціи. Какъ говорятъ, гессенскіе юристы высказались въ томъ смыслѣ, что съ этой конституціей управлять нельзя или очень трудно. Едва ли юристы болѣе демократическихъ странъ, англійскіе, американскіе или швейцарскіе, согласились бы съ кабинетными представителями государственной мудрости великаго герцогства Гессенскаго. Но что уже совершенно несомнѣнно, это то, что всякій современный болгарскій министръ посмѣется надъ рѣшительнымъ приговоромъ нѣмецкихъ ученыхъ. Правда, болгарскій министръ сдѣлаетъ это потому, что послѣ двадцатипятилѣтняго опыта онъ научился слишкомъ мало бояться болгарской демократіи, тогда какъ германскіе юристы боялись ея слишкомъ много. Но какъ бы то ни было, болгарская конституція справила только что свой четвертьвѣковой юбилей, и ея принципы, какъ они ни далеки отъ дѣйствительнаго примѣненія, уже сыграли, по крайней мѣрѣ, ту великую и важную роль, что изъяли вопросъ о формѣ правленія изъ программы оппозиціонной борьбы, и сосредоточили эту борьбу на вопросѣ о практическомъ примѣненіи принциповъ, офиціально признаваемыхъ всѣми. При томъ горячемъ темпераментѣ, съ какимъ ведется политическая борьба въ маленькихъ государствахъ Балканскаго полуострова, — это услуга немаловажная, и значеніе ея станетъ особенно ясно, если сравнимъ пріемы и размѣры болгарской оппозиціонной борьбы съ тѣмъ, что происходило и происходитъ въ сосѣднемъ славянскомъ королевствѣ. До тѣхъ поръ, пока болгаре не потеряютъ вѣры въ жизнеспособность великихъ принциповъ, положенныхъ ими самими въ основу ихъ конституціи, цѣлью ихъ политической борьбы останется не государственный переворотъ, а развитіе политическаго самосознанія народа въ рамкахъ данныхъ, существующихъ политическихъ учрежденій. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ съ моей

стороны сказать, что въ настоящее время въ Болгаріи нѣтъ такого безумца, который бы рѣшился пожертвовать этой выгодой какой бы то ни было политической доктринѣ. Но такіе безумцы были въ политическомъ прошломъ Болгаріи, и, какъ это ни странно, ослѣпленными отвлеченной доктриной противниками болгарской конституціи оказались на первый разъ болгарскіе консерваторы. Они, пользуясь образными выраженіями Славейкова, „страшились тамъ, гдѣ не было страха, и пытались чесать народъ тамъ, гдѣ не свербѣло".

Помимо гессенскихъ юристовъ, князь Александръ не имѣлъ иныхъ довѣренныхъ лицъ для рѣшенія вопроса, какъ управлять княжествомъ, кромѣ болгарскихъ консерваторовъ. К. Стоиловъ, одинъ изъ членовъ этой небольшой кучки, сдѣлался приближеннымъ лицомъ князя съ первыхъ дней его княженія, еще раньше чѣмъ Александръ прибылъ въ княжество. Стоиловъ говорилъ на иностранныхъ языкахъ, такъ же какъ и другіе члены кучки: они къ тому же были образованными юристами, а Александръ не понималъ ни слова по-болгарски, не имѣлъ никакого понятія о политикѣ и никакихъ способностей къ ней.

Были еще на лицо русскіе совѣтники и при томъ ихъ совѣты, особенно въ началѣ, было обязательно исполнять. Но самая эта обязательность дѣлала князя недовѣрчивымъ и ревнивымъ къ ихъ вліянію въ странѣ; а, кромѣ того, русскіе совѣтники вовсе не были согласны другъ съ другомъ, и подавали діаметрально противоположные совѣты. Изъ круга чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ обыкновенно шли совѣты консервативные, а изъ среды представителей военнаго вѣдомства—совѣты либеральные. Одни, если не подчинялись, то по необходимости сообразовались съ мнѣніями Каткова, другіе руководились мнѣніями Милютина. Можно даже сказать, что если среди самихъ болгаръ такъ скоро и рѣзко раздѣлились фракціи консервативная и либеральная, то именно благодаря русскимъ вліяніямъ и русской политической терминологіи. Въ кругу именно *русскихъ* дипломатовъ Софіи нечесаный Петко Каравеловъ и его партія получили кличку „нигилистовъ", такъ мало подходившую къ болгарскимъ патріотамъ-„родолюбцамъ". И, съ другой стороны, несомнѣнно, именно *русскіе* дѣятели поддерживали болгарскихъ представителей въ идеяхъ политическаго демократизма, вынесенныхъ нѣкоторыми изъ послѣднихъ прямо изъ русскихъ учебныхъ заведеній или изъ русской литературы.

Мы имѣемъ любопытный источникъ, дающій возможность прослѣдить, какъ всѣ эти элементы будущей политической жизни отразились въ умѣ князя и его придворнаго кружка. Я говорю о книгѣ Головина, которая имѣетъ цѣлью представить апоѳеозу князя, но мѣстами превращается, независимо отъ воли автора въ самый жестокій обвинительный актъ. По мѣрѣ того какъ авторъ подробнѣйшимъ образомъ каталогизируетъ всѣ крупныя обиды и

мелкіе уколы самолюбія, испытанные княземъ со стороны русскихъ уже при первыхъ шагахъ его въ княжествѣ, мы видимъ, какъ слагается это настроеніе раздраженія и болѣзненной недовѣрчивости, которое уже заранѣе лишаетъ придворный кружокъ всякой перспективы и всякаго чувства мѣры въ ихъ опасеніяхъ, подозрѣніяхъ и поступкахъ. Въ этой атмосферѣ слагается легенда о томъ, какъ кн. Дондуковъ умышленно испортилъ конституцію, какъ только узналъ о неудачѣ собственной кандидатуры—испортилъ для того, чтобы сдѣлать пребываніе князя въ Болгаріи невозможнымъ. Русскіе оскорбляютъ князя; русскіе же стоятъ позади всѣхъ этихъ либераловъ, сторонящихся отъ двора и объясняющихся съ княземъ черезъ переводчика. И среди всѣхъ этихъ таинственныхъ и невидимыхъ опасностей, густымъ туманомъ окружающихъ государственный корабль князя, одна только твердая опорная точка—это приближенный кружокъ консерваторовъ, и среди нихъ одинъ голосъ сирены—Стоилова—твердо указывающій кораблю его путь,—путь къ подводному камню отмѣны конституціи и „преврата“, на которомъ ему суждено разбиться.

Князь Александръ началъ свою конституціонную практику съ того, что принялъ совѣтъ Шепелева, русскаго военнаго атташе, составить свой первый кабинетъ изъ вождей обѣихъ враждующихъ партій,—именно Грекова, Цанкова и Каравелова. Совѣтъ игнорировалъ не только конституціонные принципы, но и болгарскую психологію. Цанковъ и Каравеловъ, зная уже по Тырновскому собранію силу своего вліянія, отказались войти въ одно министерство съ человѣкомъ, который уже въ этомъ собраніи, правильно или неправильно, составилъ себѣ репутацію измѣнника народнымъ интересамъ и человѣка запятнаннаго (см., напр., газету „Българскій Левъ“). Такимъ образомъ, первый шагъ былъ и первой неудачей. Тогда князь назначилъ безцвѣтное министерство Бурмова—съ консервативной окраской. Въ тѣ идиллическія времена болгарскіе министры еще не умѣли „дѣлать“ выборовъ, а Бурмовъ еще ухудшилъ свое положеніе тѣмъ, что отставилъ много чиновниковъ за ихъ приверженность къ либеральной партіи. Всѣ они еще усилили то настроеніе, которое и безъ того было сильно въ народѣ, и которое даже еще нельзя назвать „оппозиціоннымъ“, такъ какъ „народъ“ еще не зналъ, что избранное имъ большинство можетъ оказаться въ оппозиціи, а не у власти. Выборы дали всего 30 консервативныхъ депутатовъ изъ 170 представителей. Въ своемъ отвѣтѣ на тронную рѣчь либеральное большинство выразило порицаніе министерству Бурмова.

Во всемъ этомъ князь усмотрѣлъ только доказательство своего уже сформировавшагося мнѣнія, что съ Тырновской конституціей ему управлять невозможно. На его несчастіе, русское правительство дало ему новый совѣтъ—распустить первую выбранную болгарскимъ народомъ палату. Оно думало только попугать такимъ

образомъ болгарскихъ либераловъ; на дѣлѣ, оно только насильственно положило конецъ медовому мѣсяцу болгарской конституціонной идилліи. Болгарскіе либералы—это былъ тогда весь болгарскій „народъ". Стоиловскій кружокъ это чувствовалъ; поэтому, не рѣшаясь еще выступить отъ своего имени, „камарилья Стоилова" (выраженіе Т. Икономова) рѣшилась выставить впередъ митрополита Климента, имѣвшаго шансы повліять на народъ своимъ духовнымъ саномъ, и Т. Икономова, хотя и примкнувшаго къ консерваторамъ въ Тырновскомъ собраніи, но уже тогда старавшагося быть безпристрастнымъ и стоять внѣ партій. Икономовъ записалъ въ своихъ мемуарахъ, что только опасеніе, какъ бы князь не нарушилъ конституціи, заставило его принять портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ началъ съ заявленія, что пойдетъ по пути „чистаго и полнаго конституціонализма и полнѣйшей законности" и будетъ „соблюдать свято и ненарушимо принятые народнымъ собраніемъ законы". „Потомъ я узналъ, прибавляетъ Икономовъ, что князю и его антуражу это не понравилось". Дѣйствительно, князь поѣхалъ въ Петербургъ, на 25-лѣтній юбилей Александра II, съ рѣшеніемъ добиться русской санкціи на отмѣну конституціи. На этотъ разъ онъ не добился своего: на совѣщаніи министровъ Д. Милютинъ посовѣтовалъ князю, прежде чѣмъ мѣнять конституцію, попробовать управлять съ либералами. Совѣтъ былъ такъ естественъ, что никто не возражалъ, и болгарскому князю оставалось подчиниться.

Икономовъ, между тѣмъ, въ новыхъ выборахъ „держался корректно и нейтрально": Послѣдствіемъ было то, что консерваторы провели еще меньше сторонниковъ, чѣмъ въ первую палату. Министерство Климента оказалось въ еще большемъ меньшинствѣ, чѣмъ министерство Бурмова, и князь назначилъ министрами ненавистныхъ ему Цанкова и Каравелова.

Это былъ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ въ конституціонной жизни страны. Либеральная партія имѣла теперь ту власть, на которую она имѣла право по своему исключительному вліянію въ странѣ. Въ то время она не была даже „партіей": она была еще, какъ мы сказали,—„народомъ", т. е. народъ не отдѣлялъ ее отъ себя—точно такъ же, какъ это было и въ предыдущемъ фазисѣ церковной борьбы, которой либералы были обязаны своимъ вліяніемъ. Положеніе было въ высшей степени благопріятное для либераловъ, но и чрезвычайно деликатное. Чтобы закрѣпить его и воспользоваться имъ вполнѣ, нужны были большіе государственные таланты или большая политическая опытность. Ни того, ни другаго, на несчастье Болгаріи, у нея тогда не оказалось на лицо.

Въ собраніи вожаки партіи имѣли огромное большинство: оппозиція, послѣ кассированія нѣсколькихъ выборовъ, сохранила

не болѣе 30 мѣстъ (изъ общаго числа 157 депутатовъ). Внѣ палаты, какъ только что сказано, партія пользовалась огромнымъ сочувствіемъ въ народѣ. Но это сочувствіе приняло теперь форму ожиданій, которыхъ удовлетворить не могло никакое правительство, что и привело, въ результатѣ, къ неизбѣжному разочарованію. Крестьянство повсемѣстно надѣялось, что не будетъ больше никакихъ податей: и изъ источниковъ столь различныхъ, какъ мемуары Икономова, депеши англійскаго консула и статьи консервативнаго „Българскаго Гласа", мы узнаемъ, что въ этой надеждѣ поддерживали крестьянъ и сами сторонники Каравелова. „Идея, что собраніе уничтожитъ подати, говорится въ „Българскі Гласъ" (1881, № 5), была такъ распространена и пустила такіе глубокіе корни, что большая часть кметовъ даже не распредѣлили податей между населеніемъ, а денегъ, уже собранныхъ, не вносили въ казначейство". Затѣмъ, масса земель, покинутыхъ турецкими владѣльцами во время войны, была захвачена христіанскимъ населеніемъ, и новые владѣльцы были увѣрены, что земли останутся за ними безвозмездно.

Къ этимъ трудностямъ, неизбѣжнымъ для *всякаго* правительства, присоединились такія же трудности въ самой палатѣ. Большинство было послушное, но оно было крайне неопытно въ вопросахъ законодательства и парламентской тактики,—и, по свойственной болгарамъ недовѣрчивости, оно тѣмъ съ большей настойчивостью и упорствомъ препиралось по самымъ ничтожнымъ мелочамъ и цѣплялось за формальности, „какъ слѣпой за палку", по живописному выраженію Славейкова. Пренія страшно затягивались при этихъ условіяхъ, — но, надо отдать справедливость депутатамъ: это все же были дѣловыя пренія, и собраніе въ теченіе двухъ своихъ сессій (мартъ—іюнь и ноябрь — декабрь) успѣло обсудить не менѣе 47 законопроектовъ, между которыми были и такіе основные, какъ избирательный законъ, устройство администраціи, суда, финансовъ и т. д.

Нельзя не признать, что ко всѣмъ этимъ трудностямъ положенія либеральная партія прибавила трудности, созданныя ея собственными ошибками — и что именно послѣднія имѣли роковое значеніе для партіи.

Первой ошибкой было, что въ то время, какъ предстояло еще закрѣпить въ общемъ сознаніи права, признанныя за народомъ Тырновскимъ великимъ собраніемъ, и, такимъ образомъ, наполнить живымъ содержаніемъ широкія рамки и формулы конституціи, вожаки партіи рѣшили, что этихъ правъ недостаточно, что эти рамки слишкомъ узки и что конституція должна быть измѣнена въ смыслѣ еще большаго демократизма. Оффиціозный органъ „Независимость" въ первыхъ же своихъ номерахъ развилъ теорію, практическое значеніе которой сводилось къ отрицанію Тырнов-

ской конституціи *). По этой теоріи, одинаково противорѣчившей и буквѣ, и смыслу Тырновской конституціи, „законодательная власть принадлежитъ вполнѣ народному собранію": „всѣ другія власти существуютъ въ Болгаріи единственно какъ простые исполнители закона". Для осуществленія этой теоріи на практикѣ остается только исключить изъ конституціи параграфы, которые противорѣчатъ этому толкованію. Князь не долженъ имѣть право откладывать и распускать собраніе; собраніе должно само собираться въ опредѣленный день (какъ принято бельгійской конституціей). Далѣе, „вмѣсто теперешняго назначенія министровъ княземъ, съ возможностью для нихъ сопротивляться, когда захотятъ, законной власти,—и съ перспективой, въ концѣ концовъ, подчиниться всетаки народной волѣ,—вмѣсто такой безполезной борьбы, надо не только удалить изъ конституціи опредѣленія, которыя позволяютъ такое сопротивленіе народной волѣ, но и ввести въ конституцію опредѣленіе, по которому министры избираются и назначаются народнымъ собраніемъ... Обыкновенное народное собраніе въ каждой сессіи, кромѣ бюджета и другихъ законодательныхъ работъ, могло бы регулярно пересматривать составъ министерства, избирать новыхъ министровъ или подтверждать старыхъ". Эта оригинальная система—избирать министровъ, какъ община избираетъ своихъ кметовъ, была дополнена затѣмъ проектомъ о періодическихъ пересмотрахъ конституціи. Великое собраніе должно собираться для этой цѣли каждые 3 — 5 лѣтъ, „чтобы пересматривать, измѣнять и дополнять конституцію, контролировать дѣятельность обыкновенныхъ народныхъ собраній и обсуждать особенно важные вопросы"... „Всегда полезно—почаще пересматривать конституцію и усовершенствовать ее частыми измѣненіями и дополненіями". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, „Независимости" пришлось защищать неприкосновенность Тырновской конституціи отъ посягательствъ князя; но для себя „народъ" не хотѣлъ признавать никакихъ ограниченій. Традиція общиннаго контроля и самоуправленія дѣлала болгарскую демократію гораздо болѣе воспріимчивой къ идеямъ референдума и прямого народнаго законодательства, чѣмъ къ идеямъ о княжеской прерогативѣ и равновѣсіи властей.

Приложеніе идей и привычекъ мѣстнаго демократизма началось еще ранѣе, чѣмъ можно было разсчитывать осуществить проектированныя „Независимостью" измѣненія въ конституціи. По конституціи князь назначалъ чиновниковъ и былъ начальникомъ

*) Сравнивая собственныя печатныя статьи Каравелова о конституціонныхъ вопросахъ съ этими статьями „Независимости", нельзя не придти къ заключенію, что развивавшіяся въ послѣднихъ статьяхъ теоріи принадлежали не самому Каравелову, а наиболѣе радикальнымъ элементамъ его партіи, по отношенію къ которымъ онъ не рѣшался высказываться опредѣленно и, такимъ образомъ, находился въ извѣстной зависимости отъ нихъ.

войскъ. „Независимость“ въ своей програмной статьѣ заявила, что она принимаетъ принципъ „выборнаго начала въ администраціи“ и не признаетъ регулярной арміи. „Народъ долженъ осуществлять право управленія черезъ своихъ избранниковъ: пусть самъ народъ выбираетъ и назначаетъ административные органы“... „Намъ нужны сознательные борцы за осуществленіе идей всенароднаго освобожденія и соединенія и для обороны отъ внѣшней опасности,—а не дисциплинированныя куклы для парада. Кромѣ того, исторія намъ показываетъ, что часто войска съ казарменной дисциплиной употреблялись властолюбцами для стѣсненія и уничтоженія внутренней свободы“. Въ болѣе или менѣе прикрытой формѣ, эти тенденціи обнаруживались и въ рѣшеніяхъ собранія. Русскій военный министръ, генералъ Эрнротъ, согласился внести законопроектъ о народномъ ополченіи, успокоивъ князя, что изъ этого все равно ничего не выйдетъ. Но когда законъ былъ проведенъ, то особый депутатъ Стамбуловъ добился отъ собранія полумилліоннаго кредита на народную гвардію, какъ „гарантію народной свободы и безопасности“, довольно откровенно заявивъ при этомъ, что расходъ въ полмилліона на болгарскія народныя четы дастъ въ свое время возможность уменьшить на 5 милліоновъ бюджетъ военнаго министерства на то, что „Независимость“ называла „куклами для парада“, обученными русской дисциплинѣ.

Если подобныя подготовительныя мѣры для торжества „народныхъ правъ“ и подобное широкое толкованіе этихъ правъ по конституціи подготовляло путь для „преврата“, то подобное же дѣйствіе должно было имѣть и вообще отношеніе либеральнаго министерства къ закону. Министерство, какъ и собраніе, слишкомъ мало стѣснялось формальностями, если онѣ мѣшали осуществленію народнаго интереса, забывая, что первый интересъ народа состоитъ именно въ сохраненіи законности. Хотя въ это время торжество либераловъ на выборахъ было обезпечено, тѣмъ не менѣе партія прибѣгала къ насильственнымъ мѣрамъ и фальсификаціи, чтобы обезпечить себѣ болѣе эффектный успѣхъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ партіи, подпредсѣдатель собранія и издатель „Независимости“, Сукнаровъ—типичный представитель старой городской демократіи „еснафовъ“—славился своимъ умѣньемъ придти утромъ рано на мѣсто выборовъ, захватить въ свои руки избирательное бюро и затѣмъ пополнять избирательную урну бюллетенями изъ собственнаго рукава. Далѣе, при провѣркѣ выборовъ, народное собраніе смотрѣло сквозь пальцы на самыя грубыя неправильности, допущенныя при выборѣ членовъ ихъ партіи, и такъ же пристрастно кассировало выборы своихъ противниковъ. Большинство палаты не церемонилось съ меньшинствомъ, и это отзывалось на поведеніи предсѣдателя. Министры, въ свою очередь, не церемонились и съ большинствомъ,—и передъ закры-

тіемъ сессіи удивили даже своихъ партизановъ, потребовавъ отъ нихъ чрезвычайныхъ полномочій для изданія распоряженій и правилъ на правахъ закона въ промежутокъ между сессіями. Правда, собраніе неохотно согласилось на такую неожиданную прибавку къ конституціи, и позднѣе сдѣлало поправку, что даетъ эти полномочія лично Каравелову, а не вообще первому министру; но дурной прецедентъ былъ созданъ, и его значеніе только подчеркнуто послѣднимъ разъясненіемъ.

При готовомъ уже и заранѣе принятомъ рѣшеніи князя—измѣнить конституцію, всѣ элементы конфликта были теперь на лицо. Со стороны Россіи, если пока не было поощренія, то не могло быть и препятствій. Уже по поводу толковъ о распущеніи княземъ перваго собранія, Россія оффиціально объявила (въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“), что болгарская конституція не состоитъ подъ русскимъ покровительствомъ, обсуждена и принята болгарами совершенно свободно и единственное участіе Россіи заключалось при ея обсужденіи въ „совѣтахъ умѣренности по поводу вопросовъ о свободѣ печати и правѣ собраній“ (см. выше). Далѣе, послѣ совѣщаній съ княземъ въ Петербургѣ, Гирсъ послалъ русскому дипломатическому представителю въ Софіи инструкціи, въ которыхъ, наряду съ совѣтами до послѣдней крайности избѣгать переворота, были и указанія, какъ помочь князю въ случаѣ, если онъ всетаки рѣшится на переворотъ. Содержаніе этой инструкціи было извѣстно какъ князю, такъ и либераламъ. Первый принялъ ихъ за оффиціальное одобреніе переворота Россіей и началъ въ этомъ смыслѣ агитацію въ княжествѣ. На почвѣ недовольства, созданнаго въ населеніи управленіемъ либеральнаго министерства, консерваторамъ удалось кое-гдѣ организовать подачу адресовъ князю и выборъ депутацій съ жалобами на положеніе дѣлъ. Въ Систовѣ дошло даже до вооруженнаго столкновенія между сторонниками обѣихъ партій. Консервативныя газеты (Български Гласъ, Българинъ) всячески старались представить это настроеніе господствующимъ. Съ другой стороны, въ либеральномъ органѣ министерства увѣренность въ невозможности переворота уступала мѣсто все болѣе тревожнымъ опасеніямъ. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда аттентатъ 1 марта 1881 г. подалъ сигналъ къ настоящей травлѣ болгарскихъ „нигилистовъ“ консерваторами. Князь Александръ немедленно поѣхалъ въ Россію и на этотъ разъ привезъ оттуда полное одобреніе переворота. 22 апрѣля появился извѣстный княжескій манифестъ, которымъ объявлялось рѣшеніе князя „вернуть корону и судьбу Болгаріи въ руки новаго великаго собранія“; въ ожиданіи же, пока оно соберется, назначалось временное министерство Эрнрота. Двѣ недѣли спустя князь опубликовалъ и условія, на которыхъ онъ готовъ принять опять корону отъ великаго собранія, именно: 1) чрезвычайныя полномочія на 7 лѣтъ, для введенія „улучшеній

во всѣхъ частяхъ управленія" и для учрежденія сената; 2) отсрочка очередного народнаго собранія и принятіе на этотъ годъ прошлогодняго бюджета; 3) право созвать до окончанія семилѣтняго срока другое великое собраніе для пересмотра конституціи на основаніи вновь введенныхъ учрежденій и пріобрѣтеннаго опыта.

Тотчасъ послѣ этого началась избирательная агитація для будущаго великаго собранія, которое на этотъ разъ должно было собраться не въ вѣрномъ либераламъ Тырновѣ, а въ Свиштовѣ (Систовѣ), гдѣ консерваторы имѣли сторонниковъ. Цанковъ высказывалъ увѣренность, что депутаты изберутъ другого князя и усердно разсылалъ телеграммы къ имп. Александру, гр. Игнатьеву, къ Гладстону, Манчини и т. д. „Независимость" печатала рѣзкія статьи, о тонѣ которыхъ можно судить по тому, что уже въ ближайшемъ номерѣ послѣ выхода княжескаго манифеста газета перечисляла (въ фельетонѣ) государей, совершившихъ перевороты и поплатившихся за это жизнью или положеніемъ: Карла I, Людовика XVI, Луи-Филиппа и т. д. Въ провинціи манифестъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе: назначенные либеральной партіей чиновники готовы были агитировать противъ князя. Не смотря на все это, благопріятный для князя успѣхъ выборовъ былъ обезпеченъ. Если еще могло быть какое-нибудь колебаніе среди населенія, пока дѣло шло о выборѣ между княземъ и либералами, то всякія колебанія прекращались, какъ только выяснилось, что дѣло идетъ о выборѣ между либералами и Россіей. Русскій агентъ Хитрово лично разъѣзжалъ по странѣ вмѣстѣ съ княземъ и вездѣ говорилъ къ народу рѣчи, въ которыхъ убѣждалъ населеніе *изъ благодарности* къ Россіи голосовать за сторонниковъ князя. Съ этой же цѣлью разъѣзжалъ по странѣ экзархъ Іосифъ, раздраженный церковными реформами, которыя Цанковъ проводилъ въ собраніи. Въ разговорѣ съ Лассельсомъ экзархъ выражалъ полную увѣренность, что 90% населенія подастъ голоса за князя, если не будетъ на нихъ оказано давленія. О послѣднемъ позаботился Эрнротъ, издавъ указъ, по которому чиновникамъ и жандармамъ, принимавшимъ участіе въ выборахъ, грозилъ военный судъ и смертная казнь. Обезпечивъ себя такимъ образомъ отъ либеральнаго вліянія на выборы, правительство закрѣпило за собой это вліяніе путемъ назначенія особыхъ коммиссаровъ (изъ русскихъ офицеровъ) для руководства выборами. Въ результатѣ всѣхъ настроеній и вліяній выборы дали 304 сторонника князя и только 25 либераловъ, которые при томъ не рѣшились явиться въ великое собраніе. Сельскій элементъ преобладалъ и разсчетъ консерваторовъ, что селяне окажутся податливѣе городской интеллигенціи, господствовавшей въ Тырновскомъ великомъ собраніи, на этотъ разъ вполнѣ оправдался. Собраніе приняло единогласно, раг

acclamation, всѣ условія князя Александра и было распущено въ тотъ же день.

Управлять, однако, приходилось съ интеллигенціей, а не съ селянами,—и тутъ кончались всѣ блестящіе тріумфы князя. Кучка консерваторовъ, которая натолкнула его на переворотъ, не могла воспользоваться его послѣдствіями по причинѣ крайней своей малочисленности и общей вражды къ консерваторамъ, которая теперь еще болѣе усилилась въ результатѣ переворота. По словамъ такого горячаго приверженца Александра, какъ Головинъ, князь сдѣлался въ этомъ случаѣ жертвой своей довѣрчивости и незнанія людей и отношеній въ Болгаріи. „Что касается консерваторовъ, продолжаетъ тотъ же писатель, — они дѣйствовали какъ партія, для которой всѣ средства хороши, только бы служили цѣлямъ и могуществу партіи. Они слишкомъ переоцѣнили свои силы, свое вліяніе въ странѣ и, такимъ образомъ, ввели въ заблужденіе Александра, нисколько не заботясь, въ сущности, ни о немъ, ни о государственныхъ интересахъ, а исключительно о своихъ собственныхъ“. Связь этой кучки съ Хаджиеновымъ, болгарскимъ „предпріемачемъ“, который захотѣлъ сдѣлаться грюндеромъ на европейскій манеръ,—сообщала всей компаніи особенно одіозный характеръ въ глазахъ населенія, особенно недовѣрчиваго именно въ денежныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, не могло быть двухъ мнѣній о томъ, какого рода люди завладѣли положеніемъ послѣ „преврата“: честные консерваторы, какъ Икономовъ, совершенно въ этомъ случаѣ сходились съ крайними либералами на мнѣніи, которое мы только-что привели словами Головина.

При такомъ положеніи дѣла, немудрено, что у переворота, въ сущности, не оказалось программы, если не считать программой— возстановленіе сената, отвергнутаго Тырновскими представителями. Самое сильное осужденіе „преврата“ именно и заключалось въ томъ, что, получивъ власть, князь не зналъ, что съ нею дѣлать, и весь вопросъ о политическихъ реформахъ свелся къ одному этому коньку политическаго доктринерства — къ вопросу о верхней палатѣ. Дальнѣйшіе шаги въ реформѣ государственныхъ учрежденій явились уже результатомъ того, что, не смотря на превратъ, побѣда консерваторовъ оказалась неполной.

„По какому-то необъяснимому роковому стеченію обстоятельствъ“, писали члены кружка въ своей запискѣ князю, поданной нѣсколько позднѣе (см. ниже), „всякій разъ, какъ власть бывала въ рукахъ этой (консервативной) партіи и когда она принималась за столь трудное дѣло — внутренней организаціи страны, власть эта, въ силу однѣхъ и тѣхъ же причинъ, ускользала изъ ея рукъ, и лица, замѣщавшія представителей этой партіи, задавались цѣлью разрушить все то, что успѣвали создать ихъ предшественники“. Фактъ здѣсь указанъ совершенно вѣрно, — но въ немъ нѣтъ ничего „необъяснимаго“. Объясненіе заклю-

3*

чается именно въ томъ, что кружокъ руководился слишкомъ личными мотивами и не имѣлъ никакой почвы въ странѣ. Такимъ образомъ, даже и самъ князь, получивши „полномочія", которыхъ добивался кружокъ, счелъ долгомъ въ тотъ же день объявить народу, что онъ вовсе не противъ свободы и конституціи, и обѣщалъ по прежнему созывать народное собраніе, — особенно для обсужденія финансовыхъ вопросовъ. Это заявленіе князя было средствомъ показать, что онъ стоитъ выше партій; но это же и положило начало тому „ускользанію власти" изъ рукъ консерваторовъ, которое закончилось возстановленіемъ Тырновской конституціи.

Уже при самомъ первомъ приступѣ къ реформѣ политическихъ учрежденій оказалось, что консерваторы всей своей программы провести не могутъ и что имъ совершенно не на кого опереться. Лица, приглашенныя обсудить вопросъ о государственномъ совѣтѣ, прежде всего заговорили о томъ, что въ совѣтъ необходимо ввести членами Славейкова и Каравелова, и хотѣли затѣмъ получить гарантіи противъ дальнѣйшихъ „капризовъ" власти (совѣщаніе Дринова съ Икономовымъ). Предсѣдателемъ совѣта пришлось назначить того самаго Икономова, который протестовалъ противъ „преврата" подачей отставки. Войдя въ совѣтъ противъ своей воли, Икономовъ хотѣлъ ввести туда понемногу либераловъ и практически доказать князю, что въ „полномочіяхъ" нѣтъ никакой нужды. Только непримиримость либераловъ, не хотѣвшихъ слышать о признаніи преврата и ставившихъ упорно вопросъ объ изгнаніи князя, помѣшала этой попыткѣ примиренія.

Естественно при такомъ настроеніи, что государственный совѣтъ, составленный при томъ изъ лицъ выборныхъ и только на четверть (4 члена изъ 12) изъ лицъ, назначенныхъ княземъ, не удовлетворилъ ожиданій Начевича и его друзей. Они ожидали найти въ совѣтѣ слѣпое орудіе, законодательную машину, а нашли контролера и защитника „основныхъ законовъ", не останавливавшагося передъ протестами противъ такихъ пріемовъ консервативнаго министерства, какъ изгнаніе Цанкова безъ суда, незаконные аресты, нарушеніе тайны корреспонденціи, насильственныя мѣры противъ митинговъ и т. д. Князю наговорили, что совѣтъ поддерживаетъ либеральную агитацію. Противъ этой агитаціи и рѣзкихъ статей либеральныхъ газетъ, перенесенныхъ теперь изъ княжества въ Румелію и оттуда разсылавшихся контрабандой, противъ враждебно настроеннаго этими газетами общественнаго мнѣнія, консерваторы чувствовали себя безсильными. Между тѣмъ, самая опасная, — открытая и гласная борьба — еще была впереди. Согласно княжескому обѣщанію, предстояло созвать народное собраніе. Безъ его участія нельзя было рѣшить никакихъ финансовыхъ вопросовъ, а именно эти вопросы — и преимущественно вопросъ о желѣзнодорожныхъ концессіяхъ—интересовалъ

кружокъ. Конечно, можно было своими силами составить новый избирательный законъ, замѣнить прямые выборы—двустепенными, но лучше чѣмъ кто-либо другой консерваторы знали, что въ Болгаріи успѣхъ на выборахъ зависитъ не столько отъ закона, сколько отъ способа его примѣненія. Выборы въ Свиштовское великое собраніе провели русскіе люди, Хитрово и Эрнротъ; и послѣднему—лояльному, честному финляндцу—доставшаяся на его долю роль была настолько противна, что немедлено по полученіи княземъ полномочій онъ подалъ въ отставку, и никакія увѣщанія не могли заставить его остаться на болгарской службѣ. Теперь консерваторы рѣшились опять отдать эту неблагодарную роль какому-нибудь русскому генералу,—или ужъ лучше двумъ генераламъ: кромѣ военнаго министерства, также и министру внутреннихъ дѣлъ, которому Начевичъ великодушно уступалъ свой портфель. Подъ 24 февраля 1882 Икономовъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что „князю уже внушена подобная мысль (о русскомъ министрѣ) и для ея осуществленія ждутъ только удобной минуты".

Черезъ два мѣсяца мысль эта была приведена въ исполненіе. Князь съѣздилъ въ Россію и вернулся оттуда съ русскими министрами Каульбарсомъ и Соболевымъ. Послѣднему была указана княземъ въ общихъ чертахъ и его будущая программа. Онъ долженъ поддержать консервативное министерство — преимущественно въ вопросѣ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, и такъ составить народное собраніе, чтобы оно вотировало, „какъ рота солдатъ". Съ пріѣздомъ русскихъ генераловъ, консерваторы почувствовали себя настолько сильными, что рѣшились вмѣсто умѣреннаго консервативнаго министерства составить ярко-консервативное, съ участіемъ главныхъ вождей кружка, до сихъ поръ скрывавшихся за придворными кулисами. Новое министерство въ концѣ іюля выработало проектъ избирательнаго закона и убѣдило Соболева подписать его. По словамъ послѣдняго, этотъ законъ былъ составленъ при содѣйствіи Себастіани,—француза, участвовавшаго въ знаменитомъ наполеоновскомъ переворотѣ 2 декабря. По замѣчанію того же Соболева, законъ былъ „составленъ ловко" и „его примѣненіе глубоко обдумано". „Я былъ убѣжденъ, говоритъ онъ, что какой бы хитрый законъ ни былъ придуманъ княземъ и его партіею, если только въ выборы не будетъ вмѣшано насиліе, выбраны будутъ тѣ, за коихъ будетъ стоять дѣйствительное большинство". „Я его подписалъ, ибо онъ еще самъ по себѣ, при честномъ его примѣненіи, не могъ нанести большого ущерба народу". Но самъ же Соболевъ принужденъ былъ признать, „что при выборахъ въ депутаты III обыкновеннаго собранія — осенью 1882 г.—онъ былъ не въ силахъ исполнить своего обѣщанія (соблюдать законъ)". Выборы были „сдѣланы", какъ того хотѣли консерваторы. Вновь созданная режимомъ „полномочій" драгунская полиція, подъ командой русскихъ офицеровъ,

запугала избирателей. Изъ 59 депутатскихъ мѣстъ, которыми ограничено было народное собраніе по новому закону, не менѣе 49 были заняты сторонниками правительства. Имущественный и образовательный цензъ, введенный закономъ, имѣлъ послѣдствіемъ то, что избраны были люди „съ независимымъ общественнымъ положеніемъ", какъ выразился князь, открывая (11 дек.) собраніе— или сторонники старой „чорбаджійской партіи", какъ выражались ихъ противники. Только случайно въ областяхъ, населенныхъ по преимуществу турками, откуда никакого сопротивленія не ожидалось, было выбрано нѣсколько оппозиціонеровъ. Казалось, обстоятельства сложились теперь какъ нельзя благопріятнѣе для консерваторовъ. Однако, именно въ этотъ моментъ, торжествующій кружокъ встрѣтилъ противодѣйствіе, гдѣ не ожидалъ; и это противодѣйствіе было толчкомъ къ исходу, котораго тоже не ожидалъ никто. Противодѣйствіе партіи „эксплуататоровъ Болгаріи" оказалъ самъ призванный защищать ихъ интересы генералъ Соболевъ; а послѣдствіемъ его вмѣшательства во внутреннія дѣла княжества было, что всѣ внутренніе раздоры прекратились, и партіи поспѣшили возстановить Тырновскую конституцію, только бы не видѣть „чужденцовъ" эксплуатирующими режимъ полномочій. Мы укажемъ только главные моменты этого любопытнаго превращенія, не менѣе важнаго для пониманія последующей политической жизни Болгаріи, чѣмъ самый „превратъ".

Первымъ этапомъ на этомъ пути была ссора Соболева съ консервативнымъ *министерствомъ*, въ рукахъ котораго онъ вовсе не хотѣлъ быть слѣпымъ орудіемъ. Ссора произошла какъ разъ изъ-за того вопроса, для рѣшенія котораго генералъ былъ призванъ въ Болгарію: о желѣзнодорожной сѣти. Князь и консерваторы находили, что вовсе не дурно, если барыши отъ построекъ попадутъ въ болгарскій карманъ Хаджиенова, вмѣсто Полякова и Гинцбурга; они, какъ потомъ и народное собраніе, находили, что небольшая бѣда, если мѣстный предприниматель попользуется изъ отечественнаго кармана немножко больше, чѣмъ досталось бы европейскому синдикату. На несчастіе болгарскихъ консерваторовъ, этимъ патріотическимъ предпринимателемъ былъ ихъ политическій другъ, который поддерживалъ ихъ газеты, оплачивалъ расходы по выборамъ—и даже по содержанію единомысленныхъ депутатовъ въ лучшей софійской гостинницѣ... Русскій генералъ-„нигилистъ" называлъ это „эксплуатаціей народа" и ополчился на защиту послѣдняго отъ болгарскихъ патріотовъ.

Тогда министры перенесли борьбу противъ русскаго генерала въ *народное собраніе*. При всей своей покорности, это собраніе имѣло, однако, свои мнѣнія и защищало ихъ не безъ темперамента. Съ тѣмъ же патріотизмомъ, съ какимъ оно согласилось направить предпринимательскіе барыши въ болгарскій карманъ,—оно очень энергично боролось противъ права министровъ безконтрольно рас-

ходовать деньги и довело Грекова до патетическаго восклицанія: „Вы хотите къ каждому изъ насъ приставить по дюжинѣ жандармовъ, чтобы мы какъ-нибудь не украли пятидесяти франковъ“. Нетрудно было найти почву, на которой этотъ азартъ собранія можно было использовать противъ русскихъ министровъ. Это былъ вопросъ о тѣхъ самыхъ драгунахъ, благодаря которымъ нѣкоторые изъ ораторовъ попали въ эту камеру. Вопросъ о драгунахъ сдѣлался для III-го собранія такимъ же центральнымъ пунктомъ борьбы противъ правительства (князь въ данномъ случаѣ раздѣлялъ мнѣніе русскихъ министровъ), какимъ для II-го собранія былъ вопросъ о регулярной арміи. Собраніе рѣшило замѣнить драгуновъ полиціей, находящейся въ вѣдѣніи гражданскихъ властей, и зачеркнуло въ бюджетѣ ассигновку на драгуновъ. Какъ прежде, собраніе объявило, что отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ неприкосновенность личности и собственности болгарина. Это не помѣшало Соболеву, по окончаніи сессіи, потребовать отъ товарищей-министровъ ассигновки на драгунъ изъ бюджета всѣхъ министерствъ и провести это рѣшеніе отъ имени князя въ государственномъ совѣтѣ, который, съ выходомъ въ отставку Икономова, окончательно потерялъ всякую самостоятельность и всякое значеніе. Вслѣдъ затѣмъ Соболевъ, почти доведшій коллегъ до отставки по этому вопросу, далъ имъ отставку по другому вопросу, болѣе случайному.

Эта побѣда повела къ окончательному пораженію Соболева, такъ какъ, очутившись въ отставкѣ, консервативные министры очень скоро возстановили противъ него *князя*. Это и было третьей и послѣдней стадіей въ исторіи русскихъ министровъ. Цѣли своей консерваторы очень легко достигли, подавъ князю ловко написанную записку. Въ ней доказывалось, что русскіе генералы вызвали своими дѣйствіями патріотическое раздраженіе въ странѣ; что ихъ дальнѣйшія дѣйствія несомнѣнно будутъ клониться къ союзу съ либеральной партіей, что послѣдняя, завладѣвъ мѣстами въ городскихъ и окружныхъ совѣтахъ, добьется въ концѣ концовъ пересмотра конституціи въ свою пользу и, чего добраго, еще уменьшитъ княжескую прерогативу сравнительно съ Тырновской конституціей, такъ что князю останется „царствовать, но не управлять“. Въ то же время, реакція противъ русскаго режима поведетъ къ охлажденію отношеній между Болгаріей и Россіей, что можетъ привести къ полному господству Россіи. Чтобы избѣгнуть всего этого, князю остается—самому стать во главѣ національнаго движенія, созвать собраніе и обратиться къ нему съ вопросомъ о прекращеніи режима полномочій; при этомъ надо „воспользоваться первымъ удобнымъ поводомъ, чтобы вызвать отставку генераловъ“.

Надо признать, что записка эта, поданная князю Стоиловымъ, Грековымъ и Начевичемъ, вѣроятно, въ мартѣ 1883 г., свидѣтель-

ствуетъ объ очень тонкомъ пониманіи тогдашняго положенія вещей. Соболевъ, получившій ее тогда же отъ князя, далеко не оцѣнилъ, какъ слѣдовало, ея содержанія,—какъ видно изъ его примѣчаній, съ которыми, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ напечаталъ эту записку въ „Русской Старинѣ“ (1886, кн. IX). Онъ продолжалъ во всякомъ случаѣ, и при томъ съ удвоенной энергіей, вести ту самую линію—непосредственнаго и незамаскированнаго вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Болгаріи,—которая была предусмотрѣна консерваторами и исходъ которой также былъ ими предсказанъ.

Князь, однако же, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, не рѣшился сразу послѣдовать совѣтамъ, которые давали консерваторы. Онъ предварительно попробовалъ воспользоваться старымъ средствомъ и удалить генераловъ изъ Болгаріи путемъ личныхъ просьбъ въ Россіи, куда онъ ѣхалъ лѣтомъ 1883 г. для присутствія на коронаціи имп. Александра III. Тамъ, однако, онъ встрѣтилъ совсѣмъ иное отношеніе къ себѣ, чѣмъ привыкъ встрѣчать раньше. Въ донесеніяхъ русскихъ генераловъ его поведеніе въ Болгаріи изображалось, какъ дружественное Австріи и враждебное Россіи; по тѣмъ же донесеніямъ вліяніе князя въ странѣ представлялось ничтожнымъ, а вліяніе русскихъ—безграничнымъ. На этихъ данныхъ была построена въ Россіи новая политика по отношенію къ княжеству: политика союза съ либералами и съ общественнымъ мнѣніемъ страны противъ князя. Проводить эту политику должны были генералы, а ихъ орудіемъ должна была служить военная сила, находившаяся въ ихъ рукахъ. Все это князь узналъ, вернувшись въ Софію, отъ самого русскаго дипломатическаго агента Іонина, въ выраженіяхъ, которыя совсѣмъ не походили на дипломатическія, но на которыя, по его словамъ, русскій агентъ былъ уполномоченъ своимъ правительствомъ.

Такой языкъ заставилъ князя быстро рѣшиться принять рекомендованную консерваторами программу и повести дѣло къ возстановленію Тырновской конституціи собственной властью. Въ то же время русскіе генералы вели дѣло къ возстановленію конституціи либералами, въ новомъ учредительномъ собраніи, при русскомъ прямомъ содѣйствіи. Такимъ образомъ, либералы, послѣ нѣсколькихъ годовъ преслѣдованія, вдругъ сдѣлались предметомъ усиленнаго ухаживанія съ двухъ сторонъ. Это послужило толчкомъ къ раздѣленію въ самой средѣ либераловъ: одни, болѣе умѣренные и податливые, съ Цанковымъ во главѣ, склонялись къ княжеской программѣ; другіе—болѣе принципіальные и несговорчивые, предпочитали держаться революціонной программы, не исключавшей низложенія князя, во имя народнаго верховенства, силой войска и при содѣйствіи Россіи.

По мѣрѣ того, какъ обнаруживались успѣхи княжеской политики, дѣйствія Іонина и генераловъ становились все болѣе рѣ-

шительными. Обѣ стороны спѣшили предупредить другъ друга. На второе сентября назначено было открытіе второй сессіи III народнаго собранія, пополненнаго либералами на дополнительныхъ выборахъ. За нѣсколько дней до этого, 30 августа, князь потребовалъ отъ Соболева, чтобы тотъ подалъ въ отставку, Соболевъ отказался уйти безъ разрѣшенія государя, а Іонинъ немедленно потребовалъ отъ князя, чтобы предстоящее собраніе было ограничено въ своей программѣ экстренными дѣлами, а для пересмотра конституціи создана особая коммиссія, до принятія рѣшеній которой (на Великомъ собраніи) власть должна была оставаться въ рукахъ генераловъ. Князь публиковалъ того же числа манифестъ въ этомъ смыслѣ, но одновременно телеграфировалъ государю, что дѣлаетъ это по принужденію, вопреки личному мнѣнію (Іонинъ грозилъ русскимъ военнымъ вмѣшательствомъ). Отъ собранія зависѣло теперь—стать на сторону генераловъ или князя, т. е. ограничиться обсужденіемъ спеціальныхъ вопросовъ, или вмѣшаться въ общее политическое положеніе. Цанковъ подавалъ надежды генераламъ на первое, но подъ рукой сообщалъ политическимъ друзьямъ и соперникамъ, что дѣло стоитъ серьезно, что Соболевъ потребуетъ отъ великаго собранія—если допустить его созывъ—низложенія князя и десятилѣтняго протектората Россіи.

Въ виду такой перспективы между консерваторами и сторонниками Цанкова состоялись тайныя совѣщанія, результатъ которыхъ для генераловъ оказался полнымъ сюрпризомъ. Вмѣсто отказа присягнуть режиму полномочій—чего они ожидали отъ вновь избранныхъ либераловъ собранія—Цанковъ съ товарищами не только присягнули, но въ отвѣтъ на тронную рѣчь обратились къ князю съ прямой просьбой: возстановить конституцію манифестомъ и при этомъ указать пункты, требующіе пересмотра и измѣненій съ тѣмъ, чтобы пункты эти разсмотрѣло то же самое собраніе (которое для этого должно было быть изъ экстреннаго обращено въ обыкновенное). Прежде чѣмъ успѣли опомниться русскіе генералы, князь удовлетворилъ просьбу собранія, указавъ въ новомъ манифестѣ, 7 сентября, только на параграфы 13 и 14 (о народномъ представительствѣ), какъ на подлежащіе измѣненію. Режимъ „полномочій“ былъ формально законченъ безъ русскаго посредничества, а съ режимомъ покончилась и роль русскихъ генераловъ въ Болгаріи. Послѣ нѣкотораго колебанія они подали въ отставку и уѣхали въ Россію.

Такъ кончился этотъ „превратъ“, не принесшій никому пользы и ослабившій, такъ или иначе, всѣ политическіе элементы, участвовавшіе въ его ходѣ и исходѣ. „Превратъ“ ослабилъ положеніе князя, такъ какъ вопросъ объ отреченіи отъ престола, поднятый самимъ княземъ передъ Систовскимъ собраніемъ, съ этихъ поръ уже не сходилъ со сцены. Ослаблена

была также и либеральная партія, такъ какъ народъ болгарскій былъ поставленъ въ необходимость выбирать между либералами и Россіей, а затѣмъ сами либералы поставлены въ необходимость выбирать между Россіей и княземъ. Первое повело къ потерѣ обаянія, которымъ либералы пользовались въ первые годы политической жизни въ Болгаріи. Уже въ маѣ 1881 британскій вице-консулъ Брофии пишетъ изъ Варны, что болгарскій „данкоплатецъ“ относится съ извѣстнымъ скептицизмомъ къ либераламъ, считая, что какая бы партія ни побѣдила, цѣль ихъ одна: обезпечить своимъ партизанамъ правительственныя должности и набивать карманы. Съ тѣхъ поръ этотъ взглядъ постепенно вытѣснялъ традиціонное уваженіе къ либеральнымъ вождямъ, вынесенное „народомъ“ изъ предыдущаго періода церковной борьбы. Второе обстоятельство — т. е. необходимость выбирать между княземъ и Россіей — разссорило либераловъ между собою, раздѣливъ ихъ на умѣренную группу послѣдователей Цанкова, боровшуюся противъ русскаго вліянія въ союзѣ съ княземъ, и радикальную группу Каравелова, Славейкова, Сукнарова и Стамбулова, боровшуюся противъ князя въ союзѣ съ русскими представителями. Тріумвиратъ консерваторовъ (Стоиловъ, Грековъ и Начевичъ), вслѣдствіе неудачи превратa, на время совершенно стушевался. Наконецъ, ослабленнымъ вышло изъ переворота и вліяніе Россіи, возбудившей противъ себя всѣ партіи, во-первыхъ, своимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла княжества, а, во-вторыхъ, тѣми, по выраженію Икономова, „военно-помѣщичьими пріемами“, какими проводилось это вліяніе безъ малѣйшаго вниманія къ національной щекотливости болгарскихъ патріотовъ. Партіи научились пользоваться Россіей въ своей борьбѣ другъ противъ друга, при чемъ ихъ дѣйствительное отношеніе къ Россіи выражалось въ томъ недовѣрчивомъ настроеніи, которое формулировано знаменитыми словами Цанкова въ его обращеніи къ Хитрово: отъ Россіи не нужно болгарамъ „ни меда, ни жала“ *). Такъ подготовлялось то настроеніе, которое достигло своей высшей точки вслѣдствіе дальнѣйшихъ дѣйствій Россіи относительно князя, — и которое связано въ исторіи съ именемъ Стамбулова.

Первымъ министромъ князя послѣ превратa сдѣлался Цанковъ, вмѣстѣ съ членами тріумвирата Стоиловымъ и Начевичемъ, съ которыми онъ вошелъ въ „компромиссъ“. Вмѣстѣ съ депутатами III собранія (2 сессіи) они прежде всего поспѣшили

---

*) Перемѣна въ отношеніи къ Россіи очень ярко изображается въ слѣдующихъ словахъ Захарія Стоянова (въ „Независимости“): въ Македоніи, гдѣ не было Эрнротовъ и Ремлингеновъ (русскій военный министръ послѣ), русскій царь—самъ Господь. Въ Румеліи онъ уже—только св. Петръ; а въ Болгаріи, гдѣ знаютъ дѣло близко—онъ просто царь.

закрѣпить положеніе противъ возможныхъ дѣйствій со стороны Россіи. Послѣ заявленія Іонина, что въ его рукахъ 125 бюро либеральной партіи, которыя ждутъ только одного его слова, чтобы подать петиціи о низложеніи князя, — князю оставалось только поспѣшить уничтожить то средство, которымъ съ 1881 года приводилась въ движеніе избирательная машина: упразднить тотъ драгунскій корпусъ, который собственно уже былъ предположенъ къ упраздненію народнымъ собраніемъ, но удержанъ княземъ и генералами при помощи государственнаго совѣта. Затѣмъ, въ Софіи были положительно убѣждены, что Каульбарсъ сдѣлалъ уже попытку низложить князя при помощи войска и что только преданность нѣсколькихъ офицеровъ спасла князя на этотъ разъ. Отсюда вытекала необходимость отнять у русскихъ военныхъ министровъ то исключительное положеніе, которое они имѣли до тѣхъ поръ по отношенію къ князю и къ конституціонному министерству. Князь долженъ былъ быть возстановленъ въ своемъ конституціонномъ правѣ—быть непосредственнымъ начальникомъ войска, а военный министръ—сведенъ къ роли отвѣтственнаго члена кабинета. Народное собраніе приняло рѣшеніе въ этомъ смыслѣ, но телеграммой государя приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія было отсрочено до пріѣзда новаго русскаго уполномоченнаго, барона Каульбарса (брата отставленнаго только что министра). Этимъ же моментомъ министерство воспользовалось, чтобы провести въ народномъ собраніи отмѣну закона II собранія о народномъ ополченіи—какъ „не соотвѣтствующаго положенію страны и духу времени". То же собраніе рѣшило постройку „интернаціональной" желѣзнодорожной линіи, имѣвшей соединить Вѣну съ Константинополемъ; генералы тормозили выполненіе этого международнаго обязательства Болгаріи, стараясь провести постройку русской „стратегической" линіи, которая бы связала столицу и Балканы съ Дунайскими крѣпостями. Регулированъ былъ и вопросъ о русскомъ окупаціонномъ долгѣ, которымъ русская дипломатія пользовалась для произведенія давленія на Софійское правительство.

У крайней либеральной группы были свои основанія не одобрять дѣятельность III-го народнаго собранія, столь непріятную и русскимъ дипломатамъ. Въ манифестахъ князя о возстановленіи законнаго порядка всѣ либеральные вожди, кромѣ Цанкова, видѣли только новую угрозу по адресу Тырновской конституціи. Если эта конституція дѣйствительно возстановлялась, говорили они, то это должно быть сдѣлано во имя ея самой, въ строго конституціонныхъ формахъ, а не во имя полномочій князя. III-е собраніе, съ точки зрѣнія Тырновской конституціи, было незаконно и не имѣло вообще даже права засѣдать, а не только права обсуждать измѣненія въ конституціи. Нельзя было также, съ этой точки зрѣнія, возстановлять конституцію и сохранять существованіе та-

кихъ учрежденій, какъ государственный сенатъ, или такихъ законовъ, какъ ограничительные законы о печати и митингахъ—учрежденій и законовъ, всецѣло обязанныхъ своимъ возникновеніемъ „режиму полномочій". Теперь, когда генералы были отставлены, наиболѣе рѣшительные изъ либераловъ опять готовы были взять сторону генераловъ противъ князя. Стамбуловъ прислалъ изъ Тырнова телеграмму („Съзнанье", № 25, 16 сент. 1883), въ которой привѣтствовалъ Соболева и Каульбарса, какъ „истинныхъ защитниковъ правды и свободы, доказавшихъ своей отставкой, что они понимаютъ, что такое справедливость и легальность, и не подчинятся беззаконію и произволу, откуда бы они ни исходили". Словомъ, эта группа не хотѣла отступить отъ той позиціи, которая еще въ 1882 г. (окт. 8) была формулирована въ ихъ органѣ „Независимости" (пловдивское изданіе) слѣдующими словами: „если принцъ Баттенбергъ желаетъ быть княземъ болгарскимъ, какимъ мы его избрали... пусть управляетъ конституціонно, какъ клялся сначала... Иначе пусть онъ не заблуждается, что сможетъ удержаться на болгарскомъ престолѣ... его ждетъ позорное изгнаніе".

Такое положеніе, занятое либералами по отношенію къ манифесту князя, дѣлало ихъ естественными союзниками Іонина. Русскіе генералы передъ отставкой тоже протестовали противъ сохраненія въ силѣ III-го народнаго собранія, какъ неконституціоннаго, и хотѣли немедленнаго созыва Великаго собранія, на которомъ могъ возникнуть вопросъ о низложеніи князя. Катковъ писалъ въ это время въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", что для балканскихъ державъ всего лучше сдѣлаться республиками подъ управленіемъ президентовъ, покровительствуемыхъ Россіей. Въ свою очередь либеральная партія, въ тогдашнемъ (1883) своемъ органѣ „Съзнанье", хотя и принимала девизъ „Болгарія для Болгаріи", но въ то же время признавала за Россіей право „дирижировать" болгарской внѣшней и военной политикой; и, объявляя себя противъ всякаго русскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла, „Съзнанье" находило, однако, совершенно „естественнымъ и обыкновеннымъ" такое вмѣшательство: 1) въ случаѣ ошибочнаго пониманія русскими агентами своей роли и 2) въ случаѣ, если будетъ поколеблено право Россіи управлять внѣшней и военной политикой. Но первое, утверждала газета, больше не повторится, а второе вызвано дѣйствіями князя и Цанкова. Заранѣе оправдывая, такимъ образомъ, вмѣшательство Россіи, либералы только выражали надежду, что „наша Освободительница не дойдетъ до крайности". Припомнимъ, что какъ разъ въ это время происходилъ конфликтъ съ Россіей по вопросу о положеніи въ Болгаріи русскаго военнаго министра и русскихъ офицеровъ. Конфликтъ разрѣшился компромиссомъ, при которомъ обѣ сторонѣ остались,

въ сущности, при своемъ, но фактически болгарская точка зрѣнія взяла верхъ.

Таково было положеніе, при которомъ народное собраніе, временно отсрочившее свои засѣданія, собралось вновь. „Компромиссъ“ Цанкова съ консерваторами и трудное положеніе относительно Россіи взволновали либеральную партію и заставили ее колебаться между противоположными рѣшеніями: принципіально-конституціоннымъ и патріотически-національнымъ. Партія собиралась трижды для рѣшенія внутреннихъ споровъ: въ Тырновѣ, Рущукѣ и, наконецъ, въ Софіи. Противники Цанкова настаивали, чтобы III-е собраніе закрылось раньше, чѣмъ будетъ разсмотрѣнъ бюджетъ и тѣ измѣненія въ конституціи (о народномъ представительствѣ), о которыхъ упоминалось въ княжескомъ манифестѣ. Затѣмъ должно было быть созвано Великое собраніе. На это Цанковъ возражалъ, что *желательныя* измѣненія только и могутъ быть проведены въ *этомъ* собраніи, и намекалъ, со словъ князя, что во всякомъ случаѣ они останутся безъ примѣненія до Великаго собранія, которое будетъ собрано черезъ три или четыре года, когда все успокоится, такъ что созывъ Великаго собранія уже не будетъ грозить національной опасностью. Въ результатѣ споровъ, либеральный съѣздъ въ Софіи рѣшилъ, что вторая сессія III-го собранія будетъ послѣдней, будетъ распущена не позднѣе 15 дек. 1883, князь въ тронной рѣчи откажется отъ полномочій, законопроектъ о двухъ палатахъ, уже внесенный Цанковымъ, будетъ отвергнутъ; кто нарушитъ эти постановленія, считается измѣнникомъ партіи. Протоколъ подписали и 18 членовъ партіи, состоявшіе членами народнаго собранія: число, достаточное для того, чтобы помѣшать составиться большинству двухъ третей, необходимому для принятія предположенныхъ Цанковымъ измѣненій въ конституціи. Цанкову, который считалъ себя связаннымъ обѣщаніемъ, даннымъ отъ имени собранія князю (въ отвѣтѣ собранія на тронную рѣчь), оставалось пуститься опять на хитрость, что онъ и сдѣлалъ, когда никакія попытки уговорить депутатовъ отказаться отъ своихъ рѣшеній не удались. Въ засѣданіи 5-го декабря законопроектъ объ измѣненіяхъ въ конституціи былъ проведенъ сюрпризомъ, въ отсутствіи большинства либеральныхъ депутатовъ, не пришедшихъ просто потому, что законопроектъ не значился въ программѣ засѣданія. Конечно, измѣненія конституціи должны были еще быть вотированы Великимъ собраніемъ, чтобъ войти въ законную силу; и консерваторы усердно распространяли увѣренія, что они подождутъ съ созывомъ Великаго собранія года три, чтобы дать возможность либераламъ еще разъ попробовать управлять страной съ помощью *чистой* Тырновской конституціи.

Разумѣется, либераловъ такая неопредѣленность положенія вовсе не удовлетворяла. Ихъ подозрительность еще усилилась,

когда, при закрытіи сессіи (25 декабря), князь, хотя и далъ условленное обѣщаніе соблюдать вполнѣ Тырновскую конституцію, но сдѣлалъ это въ такой формѣ, какъ бы подтверждалъ лишь свои прежнія обѣщанія, которыя либералы считали недостаточными. Затѣмъ, собраніе не было *распущено* формально, а только закрыты засѣданія очередной сессіи, не было поэтому и никакихъ указаній на новые выборы, какъ слѣдовало бы по конституціи. Между тѣмъ, либералы требовали, чтобы третье собраніе было формально признано незаконнымъ — и его дѣйствія кассированы, а выборы въ новое собраніе были бы назначены въ опредѣленный конституціей двухмѣсячный срокъ и произведены на основаніи стараго избирательнаго закона. Эту программу и развивала новая газета „Тырновская конституція", оффиціально признанная органомъ софійскаго центральнаго бюро либеральной партіи.

Формально, членомъ бюро считался и Цанковъ; но, послѣ предательскаго засѣданія 5 декабря, его примиреніе съ „недовольными" членами партіи сдѣлалось невозможнымъ. На 5 февраля 1884 созванъ былъ новый съѣздъ либеральныхъ делегатовъ въ Софіи, засѣдавшій цѣлую недѣлю. Вопреки усиліямъ Цанкова, провинціальныя бюро партіи послали въ Софію „недовольныхъ", и рѣшеніе съѣзда было—требовать созыва новаго народнаго собранія не позже 25 апрѣля. Очевидно, выборовъ избѣжать было нельзя, и Цанковъ сталъ принимать мѣры, чтобы выборы прошли въ его пользу. Его планъ былъ—предварительно произвести перевыборы въ окружные и общинные совѣты, чтобы замѣнить старый составъ ихъ консерваторами или „довольными". Затѣмъ, онъ отправился самъ въ концѣ февраля и началѣ марта въ поѣздку по странѣ, всюду стараясь дѣйствовать на менѣе интеллигентную часть населенія и убѣждая селянъ — выбирать лицъ изъ ихъ собственной среды, а не изъ присяжныхъ политиковъ.

Всѣ усилія Цанкова оказались, однако же, напрасными. На выборахъ 25 мая и іюня прошло огромное большинство сторонниковъ Каравелова и Славейкова; Цанковъ палъ; Каравеловъ сдѣлался министромъ, а Славейковъ — предсѣдателемъ палаты. Каравелистамъ принадлежало около 90—100 мѣстъ въ новой палатѣ, тогда какъ у Цанкова осталось 30 — 40 приверженцевъ, и 10 —15 мѣстъ было занято консерваторами. Въ дѣйствительности, впрочемъ, эти старые партійные термины уже отживали свое время. Консерваторы, какъ мы раньше замѣтили, готовы были сблизиться съ группой Цанкова, а съ другой стороны, въ средѣ либераловъ намѣчалась крайняя лѣвая группа, которая еще не выступала отдѣльно отъ общей оппозиціи „недовольныхъ", но уже фактически существовала. Общее политическое положеніе того времени чрезвычайно отчетливо обрисовано въ слѣдующихъ словахъ „Тырновской конституціи" (1884, № 36): „У насъ *либералы* должны бы были собственно называться консерваторами,

потому что борятся за сохраненіе основнаго государственнаго закона; *консерваторы*—реакціонерами, потому что хотятъ измѣненій въ смыслѣ регресса, — чтобы отнять у народа свободу, гарантированную ему конституціей. Либералами слѣдовало бы называть у насъ тѣхъ, которые хотятъ измѣненій въ конституціи въ смыслѣ улучшенія,—чтобы расширить свободу и права народа и дать ему полное право распоряжаться своей судьбой, какъ онъ сочтетъ за лучшее...Кромѣ официальныхъ партій,у насъ существуетъ партія безъ организаціи, и о которой мало говорятъ, которая не ищетъ должностей, рѣдко или вовсе не устраиваетъ митинговъ и не имѣетъ никакого знамени. Эта партія состоитъ изъ массы народной—рабочаго и производящаго класса,— который напрасно упрекаютъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи, потому что мало интересуется дѣлами. Напротивъ, — онъ состоитъ изъ независимыхъ и самостоятельныхъ горожанъ и селянъ, которые желаютъ порядка и законности, не имѣютъ другого интереса, кромѣ блага отечества... Эта партія молчалива, но, въ общемъ, совершенно справедливо рѣшаетъ всякій споръ—посредствомъ выборовъ, если только они свободны отъ насилія".

Если мы припомнимъ первоначальную программу „Независимости" (см. выше), то поймемъ, въ чемъ собственно заключалась программа группы, для которой статья предлагала названіе либераловъ, но которую противники предпочитали называть „радикалами", а въ случаѣ особаго раздраженія „анархистами и нигилистами". Страхъ именно передъ этой группой заставлялъ консерваторовъ считать Тырновскую конституцію опасной и настаивать, чтобы возвращеніе къ ней ограничилось временнымъ опытомъ, послѣ неудачи котораго предстояло бы второе зданіе „преврата"—созваніе Великаго собранія для введенія двухкамерной системы. Цанковисты распространяли даже обвиненіе въ радикализмѣ на всю партію Каравелова, сохраняя названіе либераловъ исключительно за своей фракціей; но этотъ „вѣстникарскій" пріемъ теперь уже потерялъ свою силу. Князь, точно также какъ сами каравелисты (см. разговоръ Александра съ И. С. Гешевымъ и письмо Славейкова въ „Тырновской конституціи"), хорошо зналъ, что Каравеловъ въ 1883 году—уже не тотъ, какимъ онъ былъ въ 1880, и не пойдетъ за „крайними" элементами своей собственной партіи. Однако, обвиненіе въ „радикализмѣ" направлялось также и по другому адресу, гдѣ могло быть опаснѣе для Каравелова: именно по адресу русскаго агентства. Положеніе Каравелова съ этой стороны, несомнѣнно, ухудшилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ министромъ. Онъ, несомнѣнно, не рѣшался оказать русскимъ дипломатамъ тѣхъ услугъ въ борьбѣ съ княземъ, какихъ отъ него ожидали, помогая ему сдѣлаться министромъ. Съ другой стороны, Каравеловъ не рѣшался и порвать рѣзко съ русской дипломатіей и вести послѣдовательную націо-

нальную политику. Этимъ двойственнымъ положеніемъ не замедлили воспользоваться — сперва цанковисты, а затѣмъ и „крайніе“ изъ собственной партіи Каравелова. Оффиціозному органу приходилось подчасъ въ одномъ и томъ же номерѣ отражать нападенія на два фронта: съ одной стороны отражать обвиненія людей, какъ Сукнаровъ (перешедшій къ Цанкову), находившій, что правительство недостаточно предупредительно по отношенію къ Россіи,—а съ другой стороны защищать Россію отъ обвиненій, что она не оставляетъ болгаръ въ покоѣ и готовитъ „новый, болѣе ужасный преврат“ („Тырновская конституція“, № 122, 20 марта 1885). По отношенію къ этому ожидавшемуся „превратУ“ (т. е. низложенію князя), около котораго вращалась теперь вся внутренняя политика, Каравеловъ, дѣйствительно, не могъ занять никакого опредѣленнаго и рѣшительнаго положенія. Вотъ почему онъ оказался въ ближайшій затѣмъ промежутокъ времени внѣ обоихъ главныхъ теченій политической борьбы, былъ увлеченъ поочередно то однимъ, то другимъ, и въ результатѣ потерялъ надолго всякое политическое значеніе.

Дѣйствительно, въ 1885—86 гг. политическій интересъ отъ внутренней борьбы за конституцію, отъ министровъ, собранія, выборовъ и борьбы партій переходитъ въ болѣе широкую сферу—вопроса о международномъ положеніи Болгаріи, тѣсно связаннаго съ династическимъ вопросомъ. Оставленный Россіей и потерявшій вѣру въ министровъ, князь Александръ чувствуетъ непрочность своего положенія и пытается закрѣпить его, поставивъ на очередь національную задачу объединенія Болгаріи: этимъ онъ разсчитываетъ закрѣпить свою популярность въ народѣ. Въ свою очередь Россія въ самой удачѣ князя (присоединеніи Восточной Румеліи) находитъ поводъ повести борьбу противъ него уже совершенно открыто, и поединокъ князя съ Россіей кончается низложеніемъ князя. Какъ ни далека вся эта борьба отъ собственной сферы конституціонной исторіи, но ея вліяніе на партійную жизнь несомнѣнно и очень велико. Объединительная политика князя усиливаетъ оппозиціонную партію Цанкова союзомъ съ родственной ей партіей румелійскихъ „соединистовъ“, и обѣ оппозиціонныя группы служатъ Россіи слѣпымъ орудіемъ для низложенія князя, вызывая этимъ новую и могущественную національную реакцію—крайней лѣвой группы бывшихъ каравелистовъ (Стамбулова и Радославова). Такимъ образомъ, двѣ новыхъ политическихъ группы: соединистовъ - руссофиловъ и стамбулистовъ-руссофобовъ являются результатомъ этого періода политической борьбы,—хотя и отодвинувшаго всѣ споры о конституціи на задній планъ.

Россія хотѣла „сильной“, цѣлокупной Болгаріи—Болгаріи Санъ-Стефанскаго договора — до тѣхъ поръ, пока имѣла безграничное вліяніе на внѣшнюю политику Болгаріи и могла рас-

поряжаться ея войскомъ. Но какъ только то и другое стало ускользать изъ рукъ русскихъ дипломатовъ и генераловъ, взглядъ на „соединеніе“ тотчасъ же измѣнился, вмѣстѣ со взглядомъ на князя Александра. Россія теперь была противъ того и другого. Между тѣмъ, въ Восточной Румеліи, гдѣ бури болгарской политики не переживались непосредственно и лишь болѣе или менѣе смутно отражались на столбцахъ мѣстныхъ газетъ, русскіе представители еще не успѣли перемѣнить точку зрѣнія и симпатизировали „соединенію“, какъ симпатизировало ему во время оккупаціи и все русское офицерство. На русскихъ представителей опиралась и мѣстная партія „соединистовъ“, державшая въ своихъ рукахъ главныя должности по управленію и имѣвшая приблизительно тотъ же „чорбаджійскій“ характеръ, какой имѣли въ Болгаріи консерваторы и депутаты III народнаго собранія. При первомъ генералъ-губернаторѣ Румеліи, Алеко-пашѣ, эта руссофильско-соединистская партія была, однако же, въ оппозиціи. Алеко-паша не хотѣлъ соединенія, а со времени пріѣзда Каравелова и Славейкова сталъ мечтать о болгарской коронѣ для самого себя и сдѣлался врагомъ русскихъ. Его сторонники—либералы—были у власти и получили названіе „казенныхъ“. По истеченіи пятилѣтняго срока полномочій Алеко-паши, „соединисты“ побѣдили и русскіе вмѣстѣ съ ними. Новый губернаторъ, Гавріилъ-паша (Крестовичъ), былъ въ ихъ рукахъ. Но они считали соединеніе невозможнымъ безъ русской санкціи. Между тѣмъ, князь Александръ считалъ „соединеніе“ съ самого своего вокняженія главной своей и національной задачей. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ поднять вопросъ о соединеніи съ консерваторами, соединистами (во время преврата) и цанковистами,—князь, наконецъ, рѣшился поднять его самъ, безъ Россіи. Такимъ образомъ, князь въ Румеліи являлся врагомъ „соединистовъ“—консерваторовъ и руссофиловъ. Дѣло было сдѣлано, впрочемъ, не столько либералами—„казенными“, сколько болѣе крайней группой—молодыми агитаторами и македонскими революціонерами, какъ Захарій Стояновъ и Ризовъ. Посредникомъ между ними и княземъ служилъ близкій къ князю человѣкъ, его секретарь Головинъ; и въ виду этого посредничества теряетъ значеніе вопросъ, съ какого именно момента князь былъ посвященъ во всѣ подробности готовившагося переворота. „Соединисты“ гораздо болѣе, чѣмъ князь, были застигнуты врасплохъ Филиппопольскимъ переворотомъ: соединеніе произошло не съ ихъ помощью, а противъ нихъ,—и они готовы были звать турецкое войско противъ болгарскаго князя. Когда затѣмъ Россія не признала соединенія и отозвала своихъ офицеровъ изъ Болгаріи въ самую критическую минуту начала сербо-болгарской войны, соединисты получили сильный аргументъ въ свою пользу. Принужденный дѣлать уступки туркамъ по отношенію къ формамъ

соединенія, князь не могъ провести полнаго и формальнаго объединенія, и это опять было аргументомъ въ пользу мнѣнія, что состоявшееся соединеніе не есть настоящее, и что настоящее соединеніе можетъ гарантировать только Россія. Общественное мнѣніе особенно недовольно было военной конвенціей съ Турціей. Но высшей точки раздраженія достигло настроеніе „соединистовъ“, когда князь, въ сопровожденіи Каравелова, лично отправился въ Румелію, чтобы подготовить настроеніе передъ выборами въ первую палату объединенной Болгаріи. Для него слишкомъ много зависѣло отъ того, чтобы въ собраніе (IV-е) были избраны сторонники совершившагося соединенія: и, при помощи обычныхъ избирательныхъ пріемовъ—въ Румеліи практиковавшихся, правда, впервые — выборы дали благопріятный результатъ, хотя дѣло не обошлось безъ цѣлаго ряда кровавыхъ столкновеній. Изъ 91 выбраннаго депутата только 24 принадлежали къ соединистской оппозиціи; 60 было правительственныхъ (народная либеральная партія) и 5 дикихъ. „Соединисты“, такимъ образомъ, не имѣли почвы для конституціонной борьбы. Тогда они открыли рѣшительную кампанію противъ князя лично, въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Цанковымъ, который давно уже успѣлъ перебить у Каравелова благоволеніе русскихъ представителей въ Софіи.

Въ органахъ обѣихъ группъ, „Съединеніи“ и „Свѣтлинѣ“ 1886 г., совершенно открыто обсуждался вопросъ о низложеніи князя; ему напоминалось, что теперь именно самое время исполнить обѣщаніе, неоднократно имъ данное: отказаться отъ престола, если это будетъ нужно для Болгаріи. Болгарія, говорили они, не можетъ существовать безъ Россіи, а Россія не хочетъ князя. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ дилеммѣ: погибать ли Болгаріи съ княземъ, или погибнуть одному князю, чтобы спасти Болгарію. Въ полемикѣ по этому поводу приняла участіе и „Тырновская Конституція“; но, при двойственномъ положеніи Каравелова, его защита князя была настолько слаба, что скорѣе вредила дѣлу, устанавливая своими полупризнаніями справедливость противной точки зрѣнія. И публика, и самъ Каравеловъ не могли забыть, что тотъ же органъ еще недавно (до вступленія Каравелова въ министерство) самъ стоялъ за изгнаніе князя, и опроверженія, построенныя на конституціонной теоріи — именно на отрицаніи отвѣтственности князя при системѣ кабинета—мало кого убѣждали. Напротивъ, число убѣжденныхъ въ противномъ быстро увеличивалось, и въ этомъ числѣ оказалось значительное количество молодыхъ болгарскихъ офицеровъ, только что окончившихъ военную школу въ Россіи. Эти „русскіе воспитанники“ обвиняли князя, что свою вражду къ Россіи онъ переноситъ и на нихъ лично и относится къ нимъ съ недовѣріемъ. Нѣсколько не сбывшихся ожиданій относительно наградъ и повышеній офицеровъ, отличившихся въ сербо-болгарской войнѣ, подтвердили

это мнѣніе и прибавили къ общимъ политическимъ мотивамъ также и рядъ личныхъ обидъ. Наконецъ, оппозиція пустила въ оборотъ систематическій рядъ вымышленныхъ слуховъ о новой, будто бы грозящей болгарамъ со стороны сербовъ, войнѣ и о невозможности предотвратить это нашествіе иначе, какъ помиривъ Болгарію съ Россіей путемъ изгнанія князя. Насколько искусно и изъ какихъ компетентныхъ сферъ были распущены эти слухи, видно изъ того, что имъ вѣрилъ даже самъ князь; фальсифицированныя депеши съ границы читались однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ въ кабинетѣ военнаго министра. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Илія Вановъ, велъ прямые переговоры о низложеніи князя съ русскимъ агентствомъ. Министръ-предсѣдатель, кромѣ попытки судебнаго преслѣдованія противъ „Свѣтлины", не принималъ никакихъ мѣръ противъ всей этой агитаціи и даже не доводилъ о ней до свѣдѣнія князя. Насколько такая бездѣятельность раздражала самихъ коллегъ Каравелова, видно изъ того, что одинъ изъ нихъ, Радославовъ, формально вышелъ изъ партіи, на томъ основаніи, что особа князя недостаточно оберегается и что программа Каравелова не позволяетъ, съ одной стороны, примиренія съ Россіей, а съ другой—рѣшительныхъ дѣйствій противъ руссофильской оппозиціи; оба послѣдніе аргумента, конечно, противорѣчили одинъ другому, но они одинаково хорошо годились, какъ возраженіе противъ самаго слабаго пункта каравеловской политики. Въ своемъ практическомъ результатѣ, эта политика, во всякомъ случаѣ, сводилась къ дружественному нейтралитету по отношенію къ готовившемуся заговору.

Послѣ нѣсколькихъ слабыхъ попытокъ Каравелова протянуть время—заговоръ, какъ извѣстно, былъ приведенъ въ исполненіе: ночью 9 августа 1886 года князь былъ арестованъ офицерами и отвезенъ на русскую границу, откуда, послѣ нѣкотораго колебанія, его отпустили въ Австрію. Та партія, которая открыто и всѣми силами призывала переворотъ, первая приглашена была имъ воспользоваться; во главѣ временнаго правительства стали митр. Климентъ и Цанковъ: Каравеловъ выжидалъ и отказался отъ участія въ правительствѣ. Цанковъ телеграфировалъ въ Россію: „Болгарія у ногъ Вашего Величества" и устроилъ демонстрацію у русскаго агентства, которое просило о помощи и о содѣйствіи перевороту. Не получивъ немедленно ожидаемой помощи, министерство Цанкова очутилось въ неловкомъ положеніи. Появились первые признаки реакціи противъ переворота: въ самой Софіи часть войскъ объявила себя противъ заговорщиковъ, а въ Филиппополѣ офицеры вели дѣятельные предварительные переговоры о соединеніи съ другими войсками, расположенными въ провинціи и о совмѣстномъ движеніи на Софію. Въ виду такого положенія, правительство Цанкова сложило съ себя власть, и главой правительства сдѣлался, по настоянію русскаго агента

Богданова, Каравеловъ. Однако и Каравеловъ, хотя и не принадлежалъ прямо къ числу „черныхъ душъ", готовившихъ переворотъ, былъ, какъ мы видѣли, достаточно компрометтированъ самымъ фактомъ своего бездѣйствія относительно заговорщиковъ. Никто, разумѣется, не могъ вѣрить, чтобы Каравеловъ не зналъ о приготовленіяхъ. Такимъ образомъ, воспользоваться положеніемъ не удалось и ему. Во главѣ движенія противъ преврата сталъ человѣкъ, который и по своему оффиціальному положенію—предсѣдателя народнаго собранія—и по своей роли въ послѣднее время въ партіи Каравелова былъ внѣ всякихъ подозрѣній. Къ этому человѣку и обратились филиппопольскіе офицеры съ просьбой принять на себя руководство движеніемъ. Это былъ Стефанъ Стамбуловъ—человѣкъ съ ореоломъ „апостола" революціонной эпохи борьбы за освобожденіе, выбранный въ первое же народное собраніе съ нарушеніемъ конституціи, такъ какъ ему тогда было всего 22 года (вмѣсто требуемыхъ 30); тогда уже имѣвшій вліяніе въ собраніи, какъ видный членъ лѣвой группы каравелистовъ (наряду съ Сукнаровымъ); затѣмъ, окончательно, выдвинувшійся въ первые ряды, благодаря раздорамъ Цанкова и Каравелова, которые оба принуждены были за нимъ ухаживать; въ послѣднее министерство Каравелова представлявшій то направленіе, которое характеризуется отставкой Радославова, т. е. направленіе, недовольное недостаточной рѣшительностью Каравелова по отношенію къ требованіямъ Россіи. Никто не зналъ тогда, что въ этомъ человѣкѣ скрываются всѣ таланты и всѣ пороки революціоннаго диктатора и что пришедшій теперь къ концу режимъ „лжи и обмана" въ правительствѣ, „черныхъ душъ" въ оппозиціи—онъ замѣнитъ режимомъ откровеннаго насилія. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ скоро увидали, что это какъ разъ человѣкъ положенія, достаточно рѣшительный, чтобы рискнуть на то, на что не рѣшались тогда самые смѣлые и отвергнуть ту основную аксіому всѣхъ болгарскихъ политическихъ партій, что Болгарія безъ Россіи жить не можетъ, и что та доля вліянія, на которую претендуетъ Россія въ военной и внѣшней политикѣ княжества, есть ея „законная и необходимая" доля.

Въ князѣ Александрѣ Стамбуловъ нашелъ слишкомъ совѣстливаго, слишкомъ уставшаго и разочарованнаго коварствомъ болгарскихъ политиковъ человѣка, чтобы рѣшиться на новый экспериментъ управленія Болгаріей. Александръ и самъ въ сущности вѣрилъ, что безъ Россіи Болгарія жить не можетъ, а Россія не помирится съ нимъ, т. е. онъ вполнѣ раздѣлялъ точку зрѣнія свергнувшихъ его заговорщиковъ. Можетъ быть, этимъ отчасти объясняется та странная пассивность, съ которой онъ наблюдалъ, какъ вокругъ него собираются тучи, то непонятное равнодушіе, съ которымъ онъ встрѣчалъ всѣ предупрежденія о готовящемся заговорѣ, и та готовность, съ которой онъ подписалъ свое пер-

вое отреченіе. Возстановленный снова на престолѣ Стамбуловымъ и румелійскими войсками,—пришедшими въ Софію вопреки просьбамъ и настояніямъ Каравелова,—князь Александръ уже имѣлъ въ карманѣ отвѣтъ императора Александра III на свою знаменитую телеграмму, въ которой слагалъ власть въ руки русскаго императора. Отвѣтъ гласилъ, что Россія не можетъ одобрить возвращенія князя въ Болгарію и воздержится отъ всякихъ сношеній съ ней, пока въ Болгаріи будетъ князь Александръ. Такимъ образомъ, къ великой досадѣ Стамбулова, князь самъ лишилъ себя возможности воспользоваться своимъ возстановленіемъ на болгарскомъ престолѣ. И когда, въ послѣднюю минуту окончательныхъ проводовъ, разставаясь съ Болгаріей на австрійской границѣ, князь полушутливо, полусентиментально спросилъ Стамбулова, думаетъ ли онъ, что когда-нибудь ему, князю, удастся вернуться въ Болгарію, Стамбуловъ рѣзко и не задумываясь отвѣтилъ: „никогда".

Уѣзжая изъ Софіи, князь назначилъ регентами Стамбулова, Каравелова и Муткурова (дѣятеля Филиппопольскаго переворота, родственника Стамбулова), а первымъ министромъ сдѣлался Радославовъ. Полнымъ господиномъ положенія былъ, конечно, Стамбуловъ: кругомъ него сплотилась небольшая кучка людей, которые уже задолго до переворота намѣтили ту политику, которой теперь онъ долженъ былъ слѣдовать. Кучка эта не вышла изъ рядовъ парламентскихъ дѣятелей, хотя и имѣла кое-что общее съ недовольными либералами, покинувшими партію Каравелова. Это были люди болѣе рѣшительные и послѣдовательные, чѣмъ Сукнаровъ и Радославовъ: главнымъ образомъ, журналисты и практическіе революціонеры, пожавшіе первые лавры въ румелійскомъ переворотѣ. Ихъ политическая программа очень ярко формулирована была уже въ 1885 г. въ возобновленной ими послѣ четырехмѣсячнаго перерыва „Независимости" (№ 1, 2 августа). „Мы будемъ придерживаться", заявляла обновленная редакція, „принципа: *Болгарія для болгаръ.* Мы будемъ бороться со всякимъ, кто старается подкопать основы *свободы* въ нашемъ государственномъ строѣ или кто посягаетъ на *независимость* нашего отечества. Одной изъ первыхъ нашихъ задачъ будетъ научить болгарскую молодежь не поклоняться кумирамъ... такъ какъ эти кумиры слишкомъ часто злоупотребляютъ своимъ положеніемъ. Разъ навсегда поставивъ задачей сохраненіе независимости страны, мы будемъ преслѣдовать всякого,—будетъ ли это Каравеловъ, Цанковъ, князь или, наконецъ, русскіе—кто дѣйствуетъ въ ущербъ этой независимости". Съ января слѣдующаго 1886 г. къ прежнему издателю „Независимости" Д. Петкову—извѣстному тогда, главнымъ образомъ, какъ фельетонистъ „Свистка" (Свирки), присоединились румелійскій дѣятель Захарій Стояновъ и македонскій—Д. Ризовъ. Въ первомъ же номерѣ, положенія только что цити-

рованной программы были развиты подробно и резюмированы въ слѣдующихъ шести пунктахъ: „I. Болгарія должна быть *наша*, мы у себя дома должны быть полными хозяевами. II. Только конституціонное управленіе можетъ передать когда-нибудь въ руки народа его собственную судьбу,—если прилагать это управленіе не по правиламъ Беджгота, Бентама, Каннинга и другихъ авторитетовъ (политическая выходка противъ Каравелова), а по точному смыслу буквы и духа этой конституціи. III. Теперь, когда князь познакомился съ духомъ и стремленіями нашего народа... въ его лицѣ сосредоточиваются всѣ желанія, идеалы и стремленія народа: нѣтъ Александра—нѣтъ въ Болгаріи свободы, нѣтъ конституціи, нѣтъ, наконецъ, и самой Болгаріи. IV. Къ нашимъ освободителямъ мы питаемъ глубокую благодарность и благоговѣемъ передъ павшими за нашу свободу русскими героями. Но мы различаемъ между стомилліонной великой Россіей и Россіей оффиціальной. Послѣ 6 сентября (присоединенія Румеліи и отозванія русскихъ офицеровъ) всякому понятно, какого рода покровительство имѣетъ въ виду оказывать наша оффиціальная покровительница... Эти распоряженія идутъ въ разрѣзъ съ нашей самостоятельностью и свободой. V. Существованіе партій насъ не смущаетъ: гдѣ есть партіи, тамъ есть свободная политическая жизнь и контроль надъ правительствомъ. Для насъ та партія будетъ самой лучшей, которая будетъ держать Болгарію подальше отъ вліянія оффиціальной Россіи, уничтожитъ всякіе реакціонные законы (Каравеловъ не отмѣнилъ закона объ измѣненіяхъ конституціи, проведеннаго Цанковымъ), будетъ управлять страной по конституціи въ полномъ смыслѣ слова и, наконецъ, понявъ истинный интересъ *общаго* болгарскаго отечества, сумѣетъ установить наилучшія отношенія между Болгаріей и Турціей. Въ другое время мы бы этого не желали, но послѣ 6 сентября стало ясно, что если есть страна, съ которой мы должны быть хороши— это Турція: сближеніе съ ней, кромѣ того что гарантируетъ существованіе Болгаріи, облегчаетъ участь милліоновъ болгаръ, еще находящихся подъ непосредственнымъ управленіемъ султана. Разореніе Турціи поведетъ къ раздробленію Болгаріи (подразумѣвается „цѣлокупная" Болгарія) между державами. VI. Войско должно остаться въ нашихъ собственныхъ рукахъ—въ рукахъ народа, изъ котораго оно происходитъ. Пусть оно будетъ хуже обучено, но пусть имъ командуютъ люди, которыхъ родила наша земля. Спеціалистовъ можно взять у державъ, которыя не хотятъ обращать Болгарію въ собственное помѣстье. Войско должно стоять внѣ политическихъ партій. Мы будемъ преслѣдовать жестоко всякаго министра-президента, который бы пожелалъ создать себѣ военную партію, не пощадимъ и державнаго главу, если онъ пожелаетъ имѣть придворную партію изъ офицеровъ. Если изъ трехъ милліоновъ болгарскаго народа мы останемся втроемъ,—то и

тогда мы пойдемъ смѣло и открыто, пока наши перья не будутъ притуплены какой-нибудь непреодолимой силой".

Впечатлѣніе, произведенное этой программой, характеризуется тѣмъ, что Каравеловъ, пользуясь военнымъ положеніемъ (введеннымъ съ 10 сентября 1885), немедленно пріостановилъ газету. Слѣдующій номеръ вышелъ черезъ полтора мѣсяца, когда цензура перешла къ министру юстиціи Радославову и, по выраженію редакторовъ, „стала настолько снисходительной, насколько намъ нужно, чтобы говорить безъ особенныхъ компромиссовъ съ совѣстью, при единственномъ условіи—воздерживаться отъ *подробнаго* обсужденія нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ (разумѣются, конечно, отношенія къ Россіи и изгнаніе князя), пока не наступятъ нормальныя времена".

Нормальныя времена, однако, наступили не скоро, и въ ожиданіи ихъ настроеніе, выраженное въ девизѣ „Болгарія для себя", продолжало быстро рости. „Болгарія свободная и независимая" становится теперь первой и главнѣйшей цѣлью внутренней и внѣшней политики. Уѣзжая изъ Болгаріи, князь Александръ въ своемъ прощальномъ манифестѣ 26 августа 1886 г. передаетъ народу обѣщаніе „свободы и независимости", словесно данное ему въ русскомъ агентствѣ; и годъ спустя, 2 августа 1887 г., князь Фердинандъ, вступая на болгарскую почву, кончаетъ первый свой манифестъ тѣмъ же самымъ лозунгомъ: да здравствуетъ свободная и независимая Болгарія.

Въ промежуткѣ между обоими манифестами Болгаріи пришлось пережить цѣлый годъ паники, которую можно сравнить съ той, какую пережилъ Парижъ 1792—93 г. въ постоянномъ ожиданіи нашествія коалиціонныхъ войскъ. Дѣло въ томъ, что русскіе дипломаты все еще руководились взглядомъ, который можно найти формулированнымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ одномъ изъ мартовскихъ номеровъ 1886: „Кто воспротивится Россіи, если она захочетъ взять въ свои руки устройство болгарскихъ дѣлъ? Рѣшительно никто. Болгарскіе патріоты давно призываютъ къ тому свою освободительницу; болгарскій народъ жадно ждетъ этого дня". Руководясь этимъ взглядомъ, дипломатія подготовила переворотъ 9 августа, съ помощью той части „патріотовъ", которую въ Болгаріи называли „черными душами"; и, встрѣтивъ неожиданное противодѣйствіе перевороту со стороны другихъ патріотовъ, русскіе дипломаты рѣшились апеллировать, въ славянофильскомъ духѣ, къ „народу". Такова была миссія барона Каульбарса, посланнаго въ Болгарію, для „устройства ея дѣлъ", вскорѣ послѣ удаленія Александра, въ октябрѣ 1886 г. Едва вступивъ на болгарскую почву, Каульбарсъ объявилъ правительство, къ которому былъ посланъ, незаконнымъ; затѣмъ, черезъ русскихъ консуловъ онъ распространилъ свои требованія: отложить (вопреки конституціи) выборъ новаго князя,

освободить арестованныхъ офицеровъ, совершившихъ переворотъ и т. д. Въ то же время онъ, черезъ Цанкова, требовалъ отставки регентства и образованія смѣшаннаго министерства подъ руководствомъ Россіи. Когда Стамбуловъ на это не согласился, Каульбарсъ началъ прямую агитацію противъ предстоявшихъ выборовъ въ Великое собраніе для избранія новаго князя. Для этого онъ объѣхалъ лично города сѣверной Болгаріи, всюду приглашая населеніе отказаться отъ участія въ выборахъ. Когда, тѣмъ не менѣе, выборы состоялись, Каульбарсъ совѣтовалъ цанковистамъ торжественно удалиться изъ собранія и съ своей стороны заявилъ, что не признаетъ законными ни выборы, ни собраніе, ни его будущія рѣшенія. Затѣмъ онъ демонстративно оставилъ Болгарію, вмѣстѣ со всѣми русскими консулами. Не помогъ и выборъ Великимъ собраніемъ кандидата, считавшагося угоднымъ Россіи: принца Вальдемара Датскаго, брата русской императрицы. Вальдемару не позволили принять избраніе, и Великое собраніе разошлось, выбравъ коммиссію для объѣзда европейскихъ столицъ и для пріисканія новаго кандидата. Такимъ образомъ, кризисъ продлился на неопредѣленный срокъ, и „черныя души“ воспользовались этимъ для продолженія агитаціи. Цанковъ былъ въ Царьградѣ и пытался черезъ Порту провести ту русскую программу, которую не удалось провести въ Софіи, т. е. уничтоженіе регентства и составленіе смѣшаннаго министерства съ нимъ самимъ во главѣ и съ Каульбарсомъ (или Кантакузеномъ) въ роли военнаго министра; затѣмъ предполагалось созваніе новаго Великаго собранія для выбора русскаго кандидата, князя Николая Мингрельскаго, и для измѣненія конституціи; возвращеніе компрометтированныхъ офицеровъ и общая амнистія. Въ то же время Каравеловъ въ своей „Тырновской Конституціи“ обвинялъ регентство въ неуступчивости относительно Россіи. 19 февраля 1887 г. произошло событіе, которое показало, что со стороны „черныхъ душъ“ дѣло не ограничивается журнальной полемикой и дипломатическими переговорами: въ Рущукѣ произошелъ бунтъ, едва не поддержанный и Силистріей. Только что выпущенные регентствомъ по русскому требованію офицеры, вмѣстѣ съ своими оставшимися въ Болгаріи товарищами, открыто организовали военное движеніе противъ регентства. Былъ при этомъ моментъ, когда два русскихъ военныхъ корабля явились передъ Варной „для защиты русскаго консульства“.

Всѣ эти событія вызвали настоящій пароксизмъ національнаго воодушевленія. Теперь, говорилъ Захарій Стояновъ въ своемъ новомъ органѣ, „Свободѣ“, замѣнившей „Независимость“ въ октябрѣ 1886,—теперь вопросъ идетъ не о томъ, кто либералъ или радикалъ, или консерваторъ. Вопросъ идетъ о томъ, кто за Болгарію и кто противъ. Есть только двѣ партіи: болгарская и „рубладжійская“.

Одновременно съ агитаціей Каульбарса сдѣлана была первая попытка организовать партію національной независимости. Въ октябрѣ 1886 г. Пѣшевъ, бывшій тогда начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ юстиціи, созвалъ собраніе, принявшее лозунгъ: „България за себе си", провозглашенный Ризовымъ въ цитированной выше статьѣ „Независимости", въ подражаніе знаменитому итальянскому: Italia fara da se. Въ Рущукѣ была организована „дружина" подъ этимъ названіемъ; въ Сливнѣ—подъ названіемъ „дружины для охраны свободы и независимости въ Болгаріи". Въ номерѣ „Свободы" отъ 14 февраля 1887 Захарій Стояновъ обратился съ воззваніемъ „ко всѣмъ истиннымъ сынамъ Болгаріи" и приглашалъ ихъ основывать подобныя дружины въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ. „Эти комитеты, говорилъ онъ, послужатъ нравственной и вспомогательной силой теперешнему патріотическому правительству". Роль рущукской дружины при подавленіи тамошняго бунта дала поводъ правительственному органу повторить призывъ Стоянова и, при правительственномъ поощреніи, въ теченіе слѣдующаго марта вооруженныя дружины общества „България за себе си" образуются повсемѣстно, представляя, такимъ образомъ, единственную организованную силу въ странѣ, такъ какъ старыя бюро либеральной партіи находились въ это время въ полномъ упадкѣ.

Мы должны были остановиться на этихъ подробностяхъ, потому что ими объясняется важный поворотъ въ конституціонной исторіи Болгаріи. Прежнія принципіальныя дѣленія партій, подъ давленіемъ грозной опасности извнѣ, дѣйствительно отходятъ на второй планъ или совершенно стушевываются; а въ новой группировкѣ вооруженныя дружины болгарскихъ патріотовъ начинаютъ играть совершенно не предусмотрѣнную конституціей роль. Первый порывъ патріотизма проходитъ быстро, и даже въ самый разгаръ его масса членовъ новаго дружества привлекается къ нему не требованіями патріотизма, а разсчетомъ на правительственный патронажъ. Патріотическія дружины довольно скоро вырождаются въ вооруженныя шайки Клодія и Милона, получаютъ на газетномъ жаргонѣ кличку „сухопутной флотиліи", фигурируютъ въ этомъ качествѣ уже въ Тырновскомъ избирательномъ собраніи 1886 г. и съ тѣхъ поръ постоянно употребляются для партійныхъ цѣлей на выборахъ, распредѣляясь между Клодіемъ и Милономъ тогдашняго времени—Стамбуловымъ и Радославовымъ.

Мы до сихъ поръ по возможности оставляли въ сторонѣ личные мотивы болгарскихъ политическихъ дѣятелей, даже въ такихъ случаяхъ, когда они несомнѣнно вліяли на ихъ политическое поведеніе, напр., при превращеніи Цанкова изъ руссофоба въ руссофила. Объясняя происхожденіе партіи Радославова, личныхъ мотивовъ обойти невозможно. Въ началѣ все дѣло было въ томъ, что ми-

нистръ-премьеръ, опираясь на своихъ „пріятелей“, почувствовалъ свою силу и захотѣлъ воспользоваться ею, чтобы помѣряться съ регентомъ. Первый случай къ открытому соревнованію представился, когда, весной 1887 года, тотъ и другой (отдѣльно) совершали тріумфальныя поѣздки по Болгаріи. Стамбуловъ воспользовался при этомъ княжеской яхтой и этимъ вызвалъ обвиненія Радославова, что онъ стремится овладѣть прерогативой. Захарій Стояновъ въ своей „Свободѣ“ объясняетъ разрывъ съ Радославовымъ тоже личными мотивами. „Онъ пустилъ въ ходъ пріемы, цѣлью которыхъ было убѣдить публику, что регенты,—особенно Стамбуловъ—суть не болѣе, какъ тѣнь человѣка, которому должна поклоняться Болгарія... Въ домѣ регентовъ, въ спорѣ съ Стамбуловымъ, онъ позволилъ себѣ сказать, что съ пятью жандармами онъ можетъ арестовать регентовъ, и конецъ дѣлу (№ 82)“. Но была всетаки и тутъ принципіальная причина для отдѣленія, и чѣмъ дальше, тѣмъ она становилась яснѣе. Дѣло въ томъ, что изъ двухъ сторонъ лозунга „свобода и независимость Болгаріи“ Стамбулову пришлось выбрать второй, и во имя „независимости“ совершенно пожертвовать первымъ—„свободой“. Онъ дѣлалъ это, не маскируясь и совершенно сознательно. Когда кн. Фердинандъ упрекнулъ его за насилія, употребленныя при выборахъ въ Тырновское Великое собраніе, Стамбуловъ прямо отвѣтилъ: „да, но этому собранію, В. В., обязаны своимъ избраніемъ“. Когда впослѣдствіи оппозиція въ народномъ собраніи упрекала Стамбулова за грубыя нарушенія основныхъ правъ болгарскаго гражданина, онъ не менѣе рѣшительно бросилъ собранію свою знаменитую реплику: „Когда я вижу, что по моему внутреннему убѣжденію что нибудь надо сдѣлать для спасенія отечества, я это сдѣлаю, хотя бы оно и было запрещено законами“. Употребленныя имъ насилія были таковы, что внушили ужасъ даже привыкшимъ къ насиліямъ болгарскимъ политикамъ, но это именно и было прямой ихъ цѣлью. Трудно обвинять за это болгарскаго Робеспьера, въ виду того неопредѣленнаго международнаго положенія, въ какомъ находилась Болгарія и въ виду составившейся привычки военныхъ и штатскихъ политиковъ—искать помощи въ заговорахъ и въ обращеніи къ иностраннымъ державамъ за помощью во внутреннихъ спорахъ. Опасность, о которой говорилось выше, не кончилась съ избраніемъ князя. Россія побудила остальныя державы отказать Фердинанду въ признаніи и вела долгіе переговоры на почвѣ своей первоначальной программы, т. е. кассированія всѣхъ дѣйствій Тырновскаго собранія и посылки русскаго коммисара для руководства выборами въ другое Великое собраніе, которое бы вновь выбрало князя. Сперва Россія предлагала послать съ этой цѣлью генерала Эрнрота, потомъ согласилась присоединить къ нему турецкаго коммиссара, но требовала первенства для своего; наконецъ, предложила поручить дѣло международной ком-

миссіи. Но ни Турціи, ни Европѣ вовсе не улыбалась перспектива вновь открыть восточный вопросъ, и Стамбуловъ скоро сдѣлался самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Константинополѣ и въ Вѣнѣ. Его личность ручалась Европѣ за сохраненіе status quo въ Болгаріи, и, при этомъ условіи, его положеніе, конечно, выходило далеко изъ рамокъ конституціоннаго строя. Оно и могло держаться лишь до тѣхъ поръ, пока цѣль, которой служилъ Стамбуловъ, не была достигнута: пока международное положеніе Болгаріи не было окончательно упрочено. Когда этотъ моментъ опасности прошелъ, обратная сторона медали—т. е. стамбуловскія насилія—должна была выступить особенно ярко; и оппозиція Радославова, которая до тѣхъ поръ была безсильна,—сразу пріобрѣла большое значеніе. Нужно было быть тонкимъ политикомъ, чтобы замѣтить, когда этотъ моментъ наступилъ, и воспользоваться имъ для низложенія Стамбулова. Но, конечно, не Радославовъ оказался этимъ тонкимъ политикомъ. Были другіе люди, которые всегда первые чувствовали, что на кораблѣ начинаетъ пахнуть пожаромъ, и спѣшили съ него спастись заблаговременно. Это были извѣстные намъ Стоиловъ и Начевичъ, давно уже отдѣлавшіеся отъ своего консервативнаго доктринерства временъ „полномочій". Въ началѣ стамбуловскаго режима они тѣсно примыкаютъ къ Стамбулову, не смущаясь революціоннымъ характеромъ его диктатуры; ихъ хвалитъ самъ Захарій Стояновъ, они фигурируютъ въ министерствѣ Стамбулова, послѣ выбора князя и сверженія Радославова. „Гдѣ вашъ либерализмъ"? спрашиваетъ по этому поводу стамбулистовъ Радославовъ. А Стояновъ отвѣчаетъ ему: „теперь нѣтъ либераловъ и консерваторовъ: есть только болгарская партія, къ которой примыкаетъ весь болгарскій народъ, и кучка слѣпцовъ, руководимыхъ предателями: Цанковымъ и Каравеловымъ... И пока надъ Болгаріей висятъ такія темныя тучи, которыя грозятъ уничтожить не параграфъ конституціи, а самую Болгарію, мы не будемъ принадлежать къ числу тѣхъ педантовъ изъ фальшивой школы Каравелова, которые, какъ слѣпцы, цѣпляются за мертвую букву". Но проходитъ всего 6 лѣтъ—и положеніе совершенно мѣняется. Тѣ самые консерваторы, вступленіе которыхъ въ кабинетъ Стамбулова было для Радославова поводомъ къ окончательному разрыву съ стамбулистами, оказываются въ собственномъ лагерѣ Радославова и вмѣстѣ съ нимъ борятся противъ стамбуловскаго режима въ рядахъ оппозиціи, при помощи союзнаго органа соединенной оппозиціи—„Свободнаго Слова" (1893). И опять не Радославовъ, а эти самые консерваторы пользуются плодами побѣды. Впрочемъ, тутъ уже чувствуется рука новаго политика, болѣе крѣпкая, чѣмъ всѣ остальныя. Этимъ политикомъ, къ постоянно усиливающемуся негодованію другихъ политиковъ Болгаріи, оказывается новый князь Фердинандъ. Можетъ быть, высшей точкой могущества

Стамбулова—былъ моментъ, когда онъ, противъ желанія собственной партіи, воспользовался этимъ могуществомъ, чтобы провести мѣру, которая должна была окончательно укрѣпить династію и усилить, такимъ образомъ, положеніе князя. И этотъ же самый моментъ послужилъ началомъ паденія Стамбулова. Укрѣпляя князя, онъ дѣлалъ ненужнымъ самого себя. Событіе, о которомъ идетъ рѣчь, есть женитьба князя. Князю, непризнанному Европой, трудно было найти невѣсту изъ среды царствующихъ домовъ; затрудненіе особенно увеличивалось вслѣдствіе того, что, по конституціи, наслѣдникъ долженъ былъ быть православнымъ. Невѣсту Стамбуловъ, наконецъ, нашелъ, но она была католичка—и политическія сомнѣнія осложнились религіозными. Стамбуловъ рѣшился устранить это препятствіе къ основанію династіи, измѣнивъ конституцію, т. е. распространивъ право принадлежать къ другой вѣрѣ на наслѣдника перваго князя. Біографъ Стамбулова, Биманъ, разсказываетъ, какихъ усилій стоило Стамбулову убѣдить своихъ партизановъ въ политической необходимости этой мѣры. Пересмотръ конституціи - эта идея была связана въ памяти болгарскихъ политиковъ съ самыми непріятными ассоціаціями, а самая мѣра должна была оказаться крайне непопулярной въ народѣ. Стамбулову, однако, удалось привлечь на сторону своего взгляда кое-кого изъ высшаго духовенства. Въ 1893 г. собрано было (IV-е) Великое собраніе, которое и утвердило предположенное измѣненіе конституціи. Кстати предложены были собранію и нѣкоторыя другія измѣненія — частью тѣ же самыя, которыя уже давно намѣчались консервативными критиками конституціи. Самыя важныя изъ нихъ были: уменьшеніе количества представителей вдвое и продленіе срока ихъ полномочій (съ 3 до 5 лѣтъ).

Иногда высказывалось соображеніе, что Стамбуловъ дѣлалъ свою уступку католицизму въ прямомъ разсчетѣ сдѣлать для князя невозможнымъ примиреніе съ Россіей и тѣмъ поставить его въ постоянную зависимость отъ себя. Какъ разъ, однако, этотъ разсчетъ, если бы онъ былъ у Стамбулова, оказался бы наиболѣе слабымъ и ошибочнымъ. Въ дѣйствительности Стамбуловъ давалъ князю въ руки козырь для будущей торговли съ русскими дипломатами и ставилъ самого себя въ положеніе единственнаго препятствія на пути къ примиренію. Князь, дѣйствительно, съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался выгодной стороной своего положенія. На этомъ вопросѣ онъ пожалъ первые свои дипломатическіе лавры, не только помирившись съ Россіей, путемъ возвращенія сына въ православіе, но по дорогѣ еще и отдѣлавшись отъ Стамбулова. Истинныя соображенія Стамбулова были, несомнѣнно, менѣе личнаго и болѣе государственно-политическаго характера. Онъ хотѣлъ положить конецъ неопредѣленности дипломатическаго положенія Болгаріи, хотѣлъ создать „сильное

и твердое" правительство, какъ это прямо высказано въ одной анонимной брошюрѣ того времени, защищавшей предположенныя перемѣны въ конституціи и написанной близкимъ другомъ Стамбулова—Петковымъ (ср. рядъ статей либеральнаго адвоката Бѣлинова въ провинціальной газетѣ: „Отъ що теглимъ").

Великимъ собраніемъ 1893 г. заканчивается исторія перемѣнъ въ болгарскомъ политическомъ строѣ. Съ этого времени начинается новый періодъ въ конституціонной исторіи Болгаріи. Конституціонный режимъ функціонируетъ въ теченіе этого періода вполнѣ правильно съ внѣшней, формальной стороны. Но въ то же время, фактическая власть, несомнѣнно, переходитъ къ князю. Уже въ послѣдніе годы стамбуловскаго режима князю удается создать себѣ военную партію, такъ что борьба между нимъ и всесильнымъ первымъ министромъ сводится къ борьбѣ войска и полиціи. Послѣ паденія Стамбулова, среди вождей другихъ партій князь уже не встрѣчаетъ людей дѣйствительно сильныхъ, лично или по своему вліянію въ странѣ. Самыя партіи отчасти были разбиты Стамбуловымъ, отчасти дискредитированы собственными ошибками; не имѣя твердой опоры въ странѣ, онѣ превратились въ тѣсныя группы политикановъ, связанныхъ между собой преимущественно личными интересами. При этомъ условіи, князю легко было поставить ихъ въ зависимость отъ себя и, безъ всякихъ нарушеній конституціи, установить то, что въ Болгаріи принято называть „личнымъ режимомъ". Внѣшнимъ образомъ борьба партіи продолжается и ведется еще ожесточеннѣе прежняго. Перемѣны становятся еще чаще,—ни одно собраніе не доживаетъ до законнаго предѣла своихъ полномочій. Но — plus ça change, plus c'est la même chose. Мы ограничимся, поэтому, лишь самымъ бѣглымъ очеркомъ исторіи партій послѣ Стамбулова,—чтобы затѣмъ перейти къ систематическому изображенію болгарской конституціонной практики.

Впечатлѣніе, оставленное режимомъ Стамбулова, было настолько сильно, что въ первое время послѣ его паденія партійная жизнь продолжала идти въ духѣ „соединенной оппозиціи" Свободнаго Слова. Стамбуловъ былъ тутъ, на лицо, онъ еще открыто грозилъ, что вернется и что тогда достанется его политическимъ врагамъ. Подъ этимъ же впечатлѣніемъ совершались и выборы въ восьмое народное собраніе: они произведены были въ духѣ рѣзкой реакціи противъ только что свергнутаго режима. Но въ моментъ, когда они производились, новой „правительственной" партіи еще не сложилось, чѣмъ и объясняется, что на выборахъ три главныя оппозиціонныя группы получили почти поровну представителей: цанковисты 40, соединисты 40 и радослависты 37. Кромѣ того, было выбрано 26 консерваторовъ, 8 каравелистовъ и 3 соціалиста. Конечно, взаимное согласіе соединенной оппозиціи рушилось тотчасъ же, какъ только рѣчь зашла о дѣлежѣ добычи. Радославовъ,

точно также, какъ при Каравеловѣ и при Стамбуловѣ, опять не хотѣлъ играть второй роли, а первая роль отдана была княземъ Стоилову. Въ результатѣ, Стоиловъ немедленно приступилъ къ сплоченію новой правительственной партіи, на которую могъ бы опереться противъ Радославова. Уже за четыре дня до открытія новаго собранія, 11 октября 1894 г., южно-болгарскіе представители (т. е. соединисты) заявили Стоилову, что они присоединяются къ правительственной партіи. Вслѣдъ затѣмъ и консерваторы подписали заявленіе, что признаютъ своимъ вождемъ Стоилова. Присоединилась къ нему и часть цанковистовъ. Вновь сорганизованная такимъ образомъ партія уже не могла носить клички консерваторовъ, хотя и приняла въ себя всѣ консервативные элементы всѣхъ упомянутыхъ партій. Она не могла назваться и либеральной, такъ какъ разные оттѣнки либерализма представлялись каравелистами, радославистами и стамбулистами. Она назвала, поэтому, себя „народной“ партіей или „народняками“. Въ палатѣ она имѣла теперь сплоченное большинство, нѣсколько болѣе 100 голосовъ изъ 153. Характеръ партіи былъ по преимуществу „чорбаджійскій“, такъ какъ къ ней примыкали наиболѣе зажиточные независимые элементы болгарскаго общества. Отодвинутая на второй планъ эпохой конституціонной борьбы и политическаго терроризма, партія болгарской буржуазіи теперь спѣшила наверстать потерянное время и воспользоваться доставшейся ей властью. Вопреки избирательному закону, очень многіе изъ самихъ депутатовъ палаты занимались подрядами и поставками. Господство партіи народняковъ продолжалось необычайно долго для Болгаріи—цѣлыхъ четыре съ половиной года, при чемъ новые успѣшные выборы 1896 г. (въ IX народное собраніе) еще болѣе закрѣпили ея положеніе: оппозиція имѣла въ этой палатѣ всего только 15 мѣстъ изъ 169 (именно 7 радославистовъ, 3 стамбулиста, 2 каравелиста, 2 соціалиста и 1 цинковистъ). Однако же, въ концѣ концовъ, партія сдѣлалась жертвой своихъ коммерческихъ тенденцій и пала по вопросу финансово-коммерческому. Находясь съ самаго начала въ зависимости отъ соединистовъ, Стоиловъ долженъ былъ исполнить ихъ желаніе: отнять у иностраннаго общества восточныхъ жел. дорогъ возможность съ помощью тарифовъ направлять торговлю на турецкій Деде-агатъ вмѣсто болгарскаго новаго порта, Бургаса. Иностранная компанія вообще налагала на болгаръ свои условія, пользуясь частью линіи черезъ южную Болгарію, находившуюся въ ея рукахъ. Такъ какъ прямо выкупить у иностранцевъ эту принадлежавшую имъ часть линіи оказалось нельзя, то соединисты рѣшили построить такъ наз. „параллельную линію“, въ обходъ иностранной. Тогда вѣнскій Länderbank пустилъ въ ходъ финансовую репрессію и отказался сдѣлать послѣдній выпускъ займа, устроеннаго еще Стамбуловымъ. Правительство очутилось безъ денегъ для постройки желѣзной дороги и Бургасскаго порта, и во-

просъ о финансированіи затѣянныхъ въ Румеліи предпріятій обострился. Къ неудовольствію соединистовъ, „параллельную линію" пришлось бросить и войти въ переговоры съ Länderbank'омъ, который самъ теперь предлагалъ устроить продажу иностранной линіи болгарамъ и дать имъ въ займы деньги, но на такихъ условіяхъ, которыя общественнымъ мнѣніемъ признаны были безусловно невыгодными и унизительными. Общественное мнѣніе обвиняло министра финансовъ Теодорова въ желаніи получить личныя выгоды отъ желѣзнодорожнаго займа; говорилось также объ участіи родственниковъ князя въ предпріятіи. Въ этомъ деликатномъ положеніи князь самъ вызвалъ отставку Стоилова, гласно назвавши министра финансовъ „воромъ"— въ чемъ, какъ говорятъ, убѣдилъ князя Грековъ.

Грековъ и явился наслѣдникомъ павшаго министерства, по личному выбору князя. Но у Грекова не было никакой *своей* партіи въ странѣ. Поэтому, для составленія новаго правительственнаго большинства, пришлось— какъ это ни было непріятно князю—прибѣгнуть къ единственной тогда сильной группѣ послѣ народняковъ и ихъ союзниковъ: къ группѣ Радославова, который въ сѣверной Болгаріи сохранилъ еще нѣкоторую популярность, какъ противникъ Стамбулова, а въ южной Болгаріи имѣлъ сильную поддержку со стороны враждебной соединистамъ либеральной румелійской партіи—бывшихъ „казенныхъ". Радославовъ пользовался также репутаціей организатора избирательныхъ насилій, шефа „палочниковъ"—репутаціей, которая установлена была за нимъ каравелистами еще до стамбуловскаго режима. Въ министерствѣ Грекова ему былъ предложенъ соотвѣтствующій постъ— министра внутреннихъ дѣлъ; и взявши въ свои руки избирательную машину, Радославовъ оправдалъ свою репутацію... Во вновь избранной камерѣ правительственныхъ депутатовъ было болѣе 133, тогда какъ на долю оппозиціи досталось меньше 36 мѣстъ. Большинство состояло, кромѣ 89 собственныхъ послѣдователей Радославова, изъ 11 партизановъ Грекова, изъ 11 неопредѣленныхъ либераловъ, 3 „старыхъ" либераловъ и 19 либераловъ стамбулистовъ. Перечисленныя оппортунистическія клички подчеркиваютъ дворцово-партизанскій характеръ министерства Грекова. Подобное министерство было особенно неудобно въ такой моментъ, когда вниманіе общественнаго мнѣнія было настороженно, благодаря исторіи желѣзнодорожнаго займа. Заемъ не состоялся только потому, что въ послѣднюю минуту, уже по утвержденіи князя, его не утвердилъ султанъ, какъ говорятъ, по конфиденціальной просьбѣ самого князя. Но, какъ бы то ни было, финансовое положеніе было запутанное и недовѣріе въ странѣ всеобщее. Радославовъ не помогъ дѣлу; напротивъ, онъ дѣйствовалъ такъ, что министерство Грекова не просуществовало и девяти мѣсяцевъ. Онъ прежде всего не удовлетворился своимъ второстепеннымъ

положеніемъ въ министерствѣ и, уже въ четвертый разъ въ теченіе своей политической карьеры, сталъ добиваться перваго мѣста. Его усилія и на этотъ разъ полнымъ успѣхомъ не увѣнчались, хотя большинство депутатовъ и было его личными сторонниками. Князь не хотѣлъ имѣть Радославова премьеромъ, и партіи пришлось пойти на компромиссъ. Роль министра-президента отдана была менѣе видному и болѣе „комодному“ члену партіи, Иванчеву, старому сотруднику Радославова еще изъ достамбуловскихъ временъ. Радославовъ, однако, и съ этимъ рѣшеніемъ партіи не хотѣлъ примириться и велъ себя по отношенію къ своему фиктивному шефу такъ рѣзко, что сдѣлалъ совершенно невозможной дальнѣйшую совмѣстную дѣятельность министерства. Одновременно съ этими внутренними распрями, Радославовъ все сдѣлалъ, чтобы возбудить противъ себя сильнѣйшее раздраженіе въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ болгарскаго общества. Знаменитая исторія съ вагонами, заказанными по повышенной цѣнѣ одной фирмѣ и по доставкѣ въ Софію оказавшимися совершенно гнилыми, дала мѣру дѣловой честности министерства. Возстановленная Радославовымъ въ старой турецкой формѣ подать натурой—„десятокъ“—вызвала волненія среди крестьянства; мѣстами, какъ, напр., въ Дуранъ-Кулакѣ, дѣло доходило до бунта съ форменнымъ усмиреніемъ, съ убитыми и ранеными. Оппозиція, уже поднявшая голову при паденіи Стоилова, быстро выросла въ силѣ: помимо старыхъ партій выдвинулась даже новая, спеціально вызванная крестьянскимъ недовольствомъ—т. н. „земледѣльческій союзъ“, привлекшій на свою сторону, кромѣ многихъ партизановъ демократической и соціалистической партіи, также и массу новыхъ избирателей. Съ вліяніемъ этого оживленія на весь ходъ избирательной борьбы мы познакомимся позднѣе.

Очевидно, министерство Иванчева-Радославова нельзя было болѣе удерживать у власти. Радослависты погубили себя въ общественномъ мнѣніи, какъ погубили раньше ихъ и народняки. Обѣ главныя партіи были дискредитированы. Естественно было бы обратиться прямо къ оппозиціи, но князь попытался избѣжать этого исхода. Въ ослабленіи главныхъ парламентскихъ партій онъ видѣлъ прежде всего средство для расширенія личнаго вліянія и попробовалъ этимъ средствомъ воспользоваться. Онъ выдвинулъ опять своего человѣка—генерала Рачо Петрова, того самого, который когда-то помогъ ему избавиться отъ Стамбулова. Была сперва испробована комбинація Иванчевъ-Рачо Петровъ, но составить такое министерство не удалось, и Рачо Петровъ взялъ дѣло на себя одного. Послушная избирательная машина должна была опять—уже въ третій разъ за время послѣ Стамбулова—послать въ палату новое правительственное большинство. Однако же, въ виду общественнаго возбужденія и при полной неопытности Петрова въ организаціи искусственныхъ выборовъ, на

этотъ разъ опытъ не удался. Выборы Рачо Петрова въ новое (XI) собраніе (1901) оказались сравнительно наиболѣе свободными изъ всѣхъ, за исключеніемъ первыхъ выборовъ времени Баттенберга. Въ результатѣ, страна послала депутатовъ главныхъ партій (за исключеніемъ, разумѣется, радославистовъ) въ довольно одинаковомъ числѣ; поэтому, для образованія какого бы то ни было большинства въ палатѣ, приходилось прибѣгнуть къ коалиціи.

Менѣе всего при этомъ могла быть рѣчь о партіи, только что покинувшей власть. Общее раздраженіе противъ радославистовъ выразилось въ отдачѣ свергнутаго министерства подъ судъ. Что касается народняковъ, они, конечно, пошли бы въ министерство, если бы могли образовать его изъ одной своей партіи. Но для этого они были недостаточно сильны; ихъ вождь Стоиловъ даже вовсе не былъ избранъ. Дѣлить же власть съ другими народняки не хотѣли. Эта партія, по самому своему составу, никогда такъ не голодала и не спѣшила насыщаться такъ жадно и безцеремонно, какъ радослависты, умѣя сохранить, по крайней мѣрѣ, внѣшнее приличіе и достоинство. Народняки понимали, что, послѣ недавняго ихъ еще паденія, ихъ время не пришло, и они предпочитали выждать своего времени, чѣмъ дать себя использовать въ коалиціи съ другой какой-нибудь партіей. Такимъ образомъ, активной роли въ будущемъ министерствѣ не могли играть и народняки. Оставались обѣ старо-либеральныя партіи, сохранившія со времени изгнанія князя Александра смутную репутацію руссофильства и именно этимъ надолго дискредитированныя. Теперь, благодаря примиренію съ Россіей, состоявшемуся еще при Стоиловѣ, для руссофильства, какъ будто, снова создавалась благопріятная почва; и если народняки уже постарались присвоить себѣ выгодную кличку руссофиловъ, то цанковисты могли претендовать на нее, какъ на свое естественное, неотъемлемое политическое наслѣдство. Кличка не годилась, правда, какъ программа, и не могла замѣнить отсутствіе послѣдней; но она отлично годилась, какъ избирательный лозунгъ—и была въ этомъ смыслѣ использована съ успѣхомъ. Что касается каравелистовъ, ихъ руссофильство было всегда болѣе двусмысленно и подозрительно, и ихъ значеніе въ описываемый періодъ заключалось совсѣмъ въ другомъ. Политически уничтоженная Стамбуловымъ, партія Каравелова, можетъ быть, менѣе сохранила личныхъ связей изъ своего прошлаго, чѣмъ какая либо другая. Это дѣлало партію каравелистовъ слабѣе другихъ, но это же и давало ей такое преимущество, какого не имѣла никакая другая партія: преимущество свѣжести и новизны. Не связанная прошлымъ и сравнительно менѣе зависимая отъ своихъ провинціальныхъ „пріятелей“, партія могла выкинуть незапятнанное знамя демократизма и этимъ привлечь къ себѣ если не наиболѣе многочисленные, то наиболѣе порядочные элементы болгарской политической жизни.

Она могла стать единственной партіей принциповъ, а не партійныхъ интересовъ, и, не спѣша реализовать своего моральнаго значенія въ настоящемъ, сберечь его для будущаго, котораго могла дожидаться спокойно. Кругомъ Каравелова дѣйствительно собралось вновь выросшее въ промежуткѣ молодое поколѣніе; къ нему даже примыкали соціалисты, не дифференцировавшіе еще тогда своей политической программы, еще готовые опираться на смутныя чаянія крестьянства и оперировать путемъ отрицательной критики, не подчеркивая рѣзко своей положительной программы. Но чтобъ сохранить около себя этотъ молодой антуражъ, вождю и его друзьямъ изъ стараго поколѣнія приходилось быть очень разборчивыми въ выборѣ политическихъ союзовъ и очень осторожными въ своихъ конституціонныхъ пріемахъ. Какъ мы имѣли случай видѣть, прошлое не пріучило ихъ ни къ тому, ни къ другому. Шансы партійнаго торжества, конечно, возрастали съ каждымъ годомъ, съ каждымъ павшимъ министерствомъ, съ каждой дискредитированной партіей, — но шансы личной удачи проходили безвозвратно, не использованные, и партизаны роптали, нервозность вождей росла, непримиримая поза становилась невыносимо-утомительной... Быть можетъ, эта личная и политическая психологія и объясняетъ, почему каравелисты не рѣшились долѣе искушать будущее и схватились за представившійся теперь шансъ—войти въ министерство въ союзѣ, который не обѣщалъ имъ ничего добраго, съ партнеромъ, который былъ фактически сильнѣе ихъ и который держалъ въ своихъ рукахъ шансы удачи и неуспѣха, оставляя болѣе слабому союзнику сомнительное удовольствіе общаго риска и отвѣтственности.

Событія жестоко наказали партію за эту новую ошибку вождей. Каравеловъ палъ по вопросу, въ которомъ всю жизнь считался спеціалистомъ—по вопросу финансовому (о займѣ съ обезпеченіемъ иностранныхъ кредиторовъ табачной монополіей); онъ палъ подъ ударами собственныхъ партизановъ, отказавшихся въ рѣшительную минуту вотировать съ нимъ за заемъ, палъ при томъ, будучи самъ въ душѣ противъ займа и до послѣдней минуты играя двойную игру, въ которой его перехитрили болѣе искусные друзья-противники, въ союзѣ съ дѣльцами изъ Европы. Связавъ формально свою судьбу съ судьбой займа, защищая его открыто и дѣйствуя противъ него тайно, средствами, которыя оказались слишкомъ слабыми и безсильными, чтобы спасти Болгарію отъ займа, Каравеловъ въ сущности попалъ въ такой же импассъ, въ какомъ мы его видѣли наканунѣ сверженія князя Александра. Естественно, что молодое поколѣніе демократовъ, не хотѣвшее дѣлить съ нимъ его пріемы, не захотѣло участвовать и въ его неудачѣ. Разрывъ, давно назрѣвшій, наконецъ, произошелъ, и отъ Каравелова отдѣлилась группа „молодыхъ демократовъ", взявшая на себя ту роль, которую могъ бы при

иныхъ условіяхъ играть и самъ Каравеловъ—роль партіи будущаго, сильной своимъ моральнымъ значеніемъ и принципіальной доктриной. Но, къ несчастію для новой партіи, она не взяла съ собой въ дорогу достаточной политической опытности и въ первомъ увлеченіи зачастую переходитъ границу, которая отдѣляетъ практическую политику отъ политической утопіи. Въ этомъ можно видѣть извѣстную пользу, такъ какъ такая позиція предохраняетъ отъ черезчуръ преждевременныхъ уступокъ и компромиссовъ, но она же и лишаетъ партію возможности имѣть все то практическое вліяніе, на какое она способна, установить твердый критерій для оцѣнки текущихъ событій конституціонной жизни и примѣнять этотъ критерій не только къ частностямъ, но и къ цѣлому, не только ко „вторымъ", но и къ „первымъ причинамъ" болгарскихъ политическихъ болѣзней. Впрочемъ, всѣ эти замѣчанія станутъ болѣе ясными, когда мы вернемся къ политической теоріи молодыхъ демократовъ. Теперь же будемъ продолжать нашъ очеркъ новѣйшей конституціонной исторіи Болгаріи.

Послѣ паденія Каравелова цанковисты остались одни у власти, съ министромъ президентомъ Даневымъ, зятемъ Цанкова, который слишкомъ слабъ физически, чтобы лично руководить своей партіей. При поддержкѣ Россіи, цанковистамъ удалось заключить иностранный заемъ безъ монополіи и, такимъ образомъ, блестяще выйти изъ труднаго положенія, въ которое они же поставили Каравелова. Будущее покажетъ, вѣроятно, какъ далеко шелъ Даневъ въ своей руссофильской политикѣ и насколько справедливы обвиненія по этому поводу, выставляемыя противъ него его политическими противниками. Какъ бы то ни было, именно внѣшняя политика Данева, въ связи съ труднымъ положеніемъ, созданнымъ для Болгаріи революціоннымъ движеніемъ въ Македоніи, сдѣлалась причиной паденія цанковистскаго министерства. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности относительно македонской политики князя; но трудно сомнѣваться, что политика эта была болѣе или менѣе активная. Критическое положеніе, пережитое Болгаріей въ 1903 году, создало настроеніе, нѣсколько напоминающее то, которое предшествовало водворенію стамбуловскаго режима. Паника среди населенія и всеобщее опасеніе войны оказались достаточно сильными, чтобы покончить съ руссофильской политикой Данева, съ его бездѣятельностью по отношенію къ возможнымъ усложненіямъ, съ его старомоднымъ довѣріемъ къ чужому покровительству и демократической недовѣрчивостью относительно болгарскаго милитаризма. Сознательно или нѣтъ, но обстоятельства сложились чрезвычайно благопріятно для князя и дали ему возможность произвести вторично тотъ самый опытъ съ министерствомъ Рачо Петрова, который не удался ему въ 1900 г. Ничто на этотъ разъ не подготовило и не оправдывало министерскаго кризиса въ сферѣ чисто консти-

туціонной, въ кругу народнаго представительства. Но внѣ палаты настроеніе противъ министерства и его политики несомнѣнно обострялось. Пріемъ, какимъ князь привелъ министерство къ необходимости подать отставку, былъ старый и не разъ испытанный княземъ: выраженіе личной немилости, въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Выборы въ послѣднее XIII собраніе „сдѣлалъ“ на этотъ разъ старый и испытанный „партизанинъ“, другъ Стамбулова, Петковъ. Это имя означало цѣлую програму и возстановляло въ памяти худшіе эпизоды стамбуловскихъ избирательныхъ кампаній. Въ связи съ общимъ раздраженіемъ противъ Даневской политики, съ разочарованіемъ теперь уже во всѣхъ старыхъ партіяхъ страны,—эти реминисценціи стамбуловскаго режима подѣйствовали настолько сильно на психологію избирателя, что всѣ усилія „соединенной“, какъ при Стамбуловѣ, оппозиціи оказались безсильными. Напрасно эта оппозиція распространяла манифесты, подписанные именами вождей всѣхъ четырехъ партій (народняки, цанковисты, каравелисты и младо-демократы); напрасно, съ своей стороны, напоминала о прошлыхъ ужасахъ стамбуловщины и апеллировала къ конституціоннымъ чувствамъ и принципамъ избирателя противъ „личнаго режима“. Избиратель или вовсе не явился къ урнамъ (см. цифры ниже, въ гл. III), или пришелъ съ намѣреніемъ опустить бюллетень съ стамбулистскими именами. Пораженіе оппозиціи было страшное; и такъ какъ видимыхъ насилій на выборахъ было сравнительно немного и терроръ оказался чисто психологическимъ, то мораль этого пораженія получалась довольно непріятная.

Мораль эта сводится къ тому, что старыя партіи изжили свое время, и Болгарія въ конституціонномъ отношеніи переживаетъ переходный, критическій періодъ. Мы видѣли, какъ съ каждымъ новымъ министерствомъ падала какая-нибудь изъ старыхъ политическихъ репутацій—падала, если не въ глазахъ своихъ ближайшихъ пріятелей, то въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Взаимная газетная критика помогла этому процессу разрушенія старыхъ репутацій пойти ускореннымъ темпомъ. Старость и смерть дѣлала свое дѣло, унося въ могилу одного за другимъ старыхъ шефовъ болгарскихъ партій. Такимъ образомъ, настоящее постепенно отрывалось отъ прошлаго: со смертью вождей часто терялся послѣдній резонъ отдѣльнаго существованія партій, такъ какъ ея принципіальная основа постепенно затерлась временемъ, а новой програмы, достаточно цѣльной и оригинальной, на лицо не оказывалось. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше всѣ главныя партіи становились, какъ двѣ капли воды, похожи одна на другую, и по пріемамъ политической борьбы, и по программамъ — или по ихъ отсутствію,—и даже часто по соціальному составу послѣдователей. При такомъ положеніи дѣла, кличка и личный персоналъ кандидатовъ на министерскіе посты часто оставались единственнымъ

отличіемъ одной партіи отъ другой. Старый конституціонный матеріалъ былъ быстро стертъ въ порошокъ ходомъ политической жизни, а новый матеріалъ не поспѣвалъ сложиться, благодаря той же искусственности партійной жизни. Но потребность въ этомъ новомъ матеріалѣ и въ новыхъ группировкахъ, болѣе принципіальныхъ, несомнѣнно существуетъ и съ каждымъ годомъ усиливается. Можно предвидѣть, что недалеко время, когда всѣ существующіе обломки старыхъ партій, съ своими истершимися до неузнаваемости знаменами, сольются въ нѣсколько крупныхъ группъ, съ болѣе опредѣленнымъ характеромъ и болѣе рѣзкими различіями. Настоящее господство стамбулистовъ, группы, обязанной своей силой не столько самой себѣ, сколько случайнымъ и временнымъ внѣшнимъ причинамъ—политическому равнодушію массы и усложненіемъ во внѣшней политикѣ—прекратится вмѣстѣ съ этими наносными причинами. Тогда очередь будетъ за партіей наиболѣе богатой, вліятельной и представляющей, по крайней мѣрѣ, опредѣленные классовые интересы. Мы говоримъ о народнякахъ. Къ нимъ, при ихъ торжествѣ, примкнутъ, вѣроятно, обломки исчезающихъ группъ съ однороднымъ настроеніемъ,— и такъ сложится большая консервативная партія. Оппозиція противъ нея поневолѣ будетъ союзная, — и союзъ партій будетъ, опять таки поневолѣ, менѣе пестрымъ и менѣе случайнымъ, чѣмъ онъ былъ противъ стамбулистовъ. Этотъ союзъ даетъ основу для возникновенія большой либеральной партіи. Положеніе дѣла не измѣнится, конечно, если первая партія предпочтетъ назвать себя либеральной, а вторая — прогрессивной, демократической или какъ-нибудь иначе. Разумѣется, всѣ эти догадки о ближайшемъ будущемъ моментѣ политической жизни могутъ не оправдаться, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что что нибудь подобное этому перераспредѣленію и новой концентраціи политическихъ партій *должно* произойти, какъ неизбѣжный результатъ настоящаго хаоса—и необходимое условіе дальнѣйшей здоровой политической жизни. Къ этому же заключенію приведетъ насъ и изученіе практики болгарскаго конституціонализма.

П. Милюковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМО.

Мнѣ семьдесятъ пять лѣтъ кончается. Изъ нихъ
Сознательнымъ умомъ и сердцемъ человѣка
Я прожилъ болѣе полвѣка.
И вотъ теперь, порой, одинъ среди своихъ
Воскреснувшихъ воспоминаній,
Я провожу передъ собой
Картину дней былыхъ—невзгодъ, тревогъ, страданій
Тѣхъ близкихъ мнѣ людей, кому былъ данъ судьбой
Удѣлъ жестокій, безпощадный —
Стонать подъ гнетомъ тьмы зловѣще-непроглядной,
Пытаться съ ней вступать въ борьбу —
И падать въ прахъ, какъ подобаетъ
Не гордому бойцу, а жалкому рабу..

—

И, съ прошлымъ наряду, мысль ярко освѣщаетъ
Мнѣ настоящее...
О, молодой мой другъ!
Тебя томитъ мучительный недугъ
Отчаянья, утраты упованья,
Блаженной вѣры въ торжество
Намъ всѣмъ священнаго призванья,
Того, въ чемъ цѣль существованья
Для человѣчества всего.
Лишаясь силъ отъ ядовитой муки,
Въ тупомъ уныніи ты опускаешь руки:
„Зачѣмъ работать? Все равно —
Намъ зла не сокрушить—незыблемо оно".
Увы! Такихъ, какъ ты, есть много...
Ахъ, милые друзья, повѣрьте старику:
Такая *вамъ* открылася дорога,
Какой не грезилось *намъ* на своемъ вѣку.

Да, правда, зло еще могуче,
И не стѣсненъ его просторъ,
Но свѣтъ даетъ враждебной тучѣ
Все чаще, все грознѣй отпоръ.
Чтó было пережито нами,
Для васъ звучитъ теперь словами сказки злой.
Нашъ кругъ былъ тѣсный кругъ, шелъ робкими шагами
Безъ твердой почвы подъ собой.
Васъ много, съ каждымъ днемъ все шире,
Все крѣпче братскій вашъ союзъ;
То, чтó для васъ всего дороже въ мірѣ,
Освобождается отъ старыхъ ржавыхъ узъ.
Съ дыханіемъ животворящимъ,
Ломая зимній ледъ, весна идетъ, идетъ,
И прошлое предъ настоящимъ
Съ предсмертной злобою оружіе кладетъ.
Теперь-то время наступило
Для жатвы пышныхъ тѣхъ плодовъ,
Чтó цѣпью длинною годовъ
Возращены; теперь стоять уныло,
Теперь не дѣйствовать и стыдно, и грѣшно.
Когда открыта дверь, передъ ея порогомъ
Остановившійся преступенъ передъ Богомъ
И предъ людьми. Грядущее полно
Надеждами — и ваше поколѣнье
Бороться призвано за ихъ осуществленье!

Петръ Вейнбергъ.

СРЕДИ РАБОЧИХЪ *).

I.

Въ первый день мы отошли отъ имѣнія верстъ тридцать, нигдѣ не останавливаясь и не справляясь относительно работы. Мы чувствовали себя бодро, и идти намъ было хорошо. Погода стояла прекрасная; дорога вездѣ просохла... Идти приходилось по большей части молодыми, мелкими березовыми лѣсами... Пѣли птицы, жужжали шмели, мухи, пахло цвѣтами...

Мы часто дѣлали „залоги“, т. е. садились гдѣ-нибудь, снимали сумки, закуривали и разговаривали, наслаждаясь отдыхомъ и полной свободой. Разговаривать про работу, гдѣ ее найдемъ, какъ будемъ жить, сколько будемъ получать,— точно сговорившись, мы избѣгали въ этотъ день; говорили совсѣмъ о другомъ.

Я забылъ, между прочимъ, упомянуть, что въ нашей компаніи былъ еще Терехинъ землякъ, солдатъ Яковъ Малинкинъ, человѣкъ бывалый, веселый и разговорчивый... На отдыхахъ и въ дорогѣ онъ безъ умолку разсказывалъ про свои похожденія и мытарства по бѣлу свѣту, особенно же про русско-турецкую кампанію, въ которой онъ участвовалъ.

Тереха слушалъ его разсказы, и они видимо доставляли ему невыразимое удовольствіе.

— Жуть! — восклицалъ онъ въ особенно сильныхъ мѣстахъ и, обернувшись, окидывалъ насъ своими прекрасными глазами, какъ бы приглашая взглядомъ раздѣлить съ нимъ восхищеніе.

— А убивалъ ты, дяденька Яковъ? — спросилъ онъ однажды.

---

*) Эти очерки стоятъ въ прямой связи съ печатавшимися въ настоящемъ году въ „Русскомъ Богатствѣ“ подъ тѣмъ же заглавіемъ (см. „Р. Б.“, май и юнь). *Ред.*

— Эва!—воскликнулъ Малинкинъ:—рѣдьку, что-ли, я тамотка таскалъ? Знамо убивалъ!.. На то война...

— Стра-а-а-шно!!..

— Ни черта не страшно! Православнаго ежели, скажемъ, убить—страшно... Христіанскую душу загубить — дѣло десятое... а ихъ что! Нехристь, песъ—все одно!—И, затянувшись изъ своей черной трубки, на короткомъ чубукѣ, солдатъ продолжалъ:

— Забрали мы ихнюю деревню. Злые мы о ту пору были, голодные... жрать смерть хотѣлось... Начали по избамъ по ихнимъ шарить... Забѣжалъ я въ одну,—гляжу: сидитъ на полу въ углу баба... прижалась... И ребенокъ съ ней, году эдакъ, сказать не соврать, по пятому... Кричу я: хлѣба!.. Жую эдакъ, показываю... не понимаетъ!.. Э, думаю, нехрись!.. началъ самъ шарить... шарю, про бабу забылъ... А она, стерва, что-жъ ты думаешь: какъ ахнетъ меня чѣмъ-то, по этому вотъ мѣсту.. Свѣту не взвидѣлъ... Какъ Господь спасъ,—диво!. Видно, норовила меня по головѣ, да не попала по головѣ-то... А то бы крышка, не сидѣть бы Малинкину съ вами, убила бы, истинный Господь.—Оглянулся я... О-о-охъ!.. думаю... А она такъ вся и ощерилась, ровно вѣдьма какая аль чортъ, зубами скрыпитъ... Я какъ ее, понимаешь, ахну штыкомъ... наскрозь!.. Завертѣлась...—„ля, ля, ля, ля!“ Вырвалъ я штыкъ, да этого самаго щенка ейнаго ка-а-а-къ ахну... такъ къ стѣнѣ и пришилъ!.. Никакъ штыкъ не выдерну... Выдернулъ, а онъ, щенокъ-то, на немъ вертится... Стряхнулъ его, взялъ, ей въ рыло... На, сука, лопай!..

— Охъ, хо, хо!—крякнулъ дядя Юфимъ.—Грѣхи!

— Жуть!—воскликнулъ Тереха, глядя большими испуганными глазами на Малинкина: — жуть!.. грѣхъ... ну, дяденька Яковъ, ну, ну!..

— Ну и ничего... Подохли, да и все!

— А хлѣба-то нашелъ?—спросилъ дядя Юфимъ.

— Нѣтъ, какой хлѣбъ!.. Сами, должно, голоднѣй собакъ жили... не нашелъ.

— Рабенокъ-то не виноватъ, — помолчавъ, въ раздумьи произнесъ дядя Юфимъ.—Не при чемъ онъ... нѣшь онъ смыслитъ? Грѣхъ! Ты попу на духу сказалъ бы...

— Скажешь тоже! — усмѣхнулся Малинкинъ, —па-а-а-пу! Чудакъ человѣкъ... до старости дожилъ, а кругомъ не сѣченъ... Мы, чай, присягу принимаемъ... Ну, а кабы она меня, а?...

— Я не про то,—произнесъ дядя Юфимъ и замолчалъ, задумавшись.

— А попа-то напомнилъ ты мнѣ.. Я на духу второй годъ не былъ... аказія, голова!..

Малинкинъ помолчалъ, наклалъ новую трубку и, раскуривъ, заговорилъ:

— Со мной, братецъ ты мой, какая аказія вышла... и смѣхъ, истинный Господь, и грѣхъ! Задумалъ я лѣтось постомъ говѣть... Дома жилъ о ту пору въ деревнѣ... Все, понимаешь, честь честью: въ середу къ заутренѣ сходилъ... обѣдню отстоялъ... ну, въ четвергъ службы нѣту... пятница подошла... сходилъ опять къ заутренѣ къ обѣднѣ... Пришелъ домой... думаю: часика черезъ два пойду на духъ къ попу... Ладно... легъ, полежалъ, всталъ... Сталъ было обуваться,— гляжу—а портянки у меня протерлись... загрязнились, обузились.. Я и говорю женѣ: „Ты бы, говорю, Аксинь, мнѣ портянки новыя сдѣлала, мѣшокъ бы, что ли, какой распорола...“—Ладно! говоритъ... А матушка отъ печки, слышу, кричитъ... Строгая она у меня да съ дурью, Богъ съ ней... Даромъ, что мать, а не скрою... Съ женой завси ругань, срамота, ей-Богу.. „Мѣшокъ, кричитъ, гадить... и въ евтихъ хорошъ... Куды ему ходить-то... Сшей, кричитъ, ему изъ рогожи“... А жена и говоритъ: „Неужто онъ мѣшка-то не стоитъ?“ А мать ей на это: „Мѣшокъ-то пятіалтынный... на землѣ не подымешь“... Слово за слово, пошла это промежъ ихъ ругань... Ругались, ругались, корили, корили одна другую, сцѣпились драться... Ахъ ты, думаю, Владычица, вотъ-те и говѣнье... тьфу! Рознять ежели,—какъ рознять?.. Жену обидѣть—жалко, мать... какъ-никакъ, власти не имѣю... И взорвало, понимаешь, меня.—„Провались вы, говорю, и съ портянками-то... не буду говѣть, коли такъ, наплевать! Какое съ вами говѣнье!..“ Плюнулъ взялъ... Будьте вы не ладны!.. Собрался, ушелъ въ казенку... По вечеру пришелъ пьянѣй вина... На-те вотъ вамъ, коли такъ, портянки... навели человѣка на грѣхъ... Такъ и не говѣлъ...

— Это тебя *онъ* смустилъ,—сказалъ дядя Юфимъ,—врагъ рода человѣческаго... Онъ радъ!.. Ему это все равно, что медку лизнуть...

— Да ужъ видно, что такъ!—согласился Малинкинъ, накладывая новую трубку.

II.

Переночевавъ въ какой-то маленькой деревнюшкѣ, мы на другой день, часамъ къ 12-ти, пришли въ большое, богатое торговое село Лисачево.

Огромная, бѣлая, похожая скорѣе на соборъ, церковь стояла посреди его. Около церкви была площадь, отъ которой во всѣ стороны шли улицы... На этой площади, вокругъ церкви, сосредоточивалась вся торговля. Здѣсь было много

лавченокъ, трактировъ, „винополія“ и казенная чайная. Кромѣ того, на площади торговали въ палаткахъ, съ лотковъ, съ возовъ и т. д. Въ селѣ былъ базаръ. Огромная, пестрая толпа народа толкалась по площади и гудѣла, какъ пчелиный рой. Трактиръ былъ набитъ биткомъ. Измученные, потные, со злыми лицами „половые“ носились по заламъ, разнося „гостямъ“ чай, заваренный не кипяченой водой и разбавленный для крѣпости, или, какъ говорятъ, „для цвѣта“ содой, а то и просто—порошкомъ березоваго выплавка...

Устроившись за однимъ изъ столовъ, накрытымъ грязной, загаженной скатертью, мы потребовали четыре „пары“ чаю и принялись пить.

Дядя Юфимъ, прежде чѣмъ наливать чай, сполоснулъ пузатыя чашки кипяткомъ и, выплеснувъ кипятокъ подъ столъ, сказалъ:

— А что, ребята, ежели по махонькой, а?

— Не вредитъ!—согласился Малинкинъ.

— Ну, а вы какъ?—спросилъ дядя Юфимъ, глядя на насъ съ Терехой.

— Я не стану,—сказалъ, улыбаясь, Тереха.—Ну ее къ ляду!..

— Что такъ?

— Не хочу!..

— Ну, не хошь—твое дѣло!—сказалъ дядя Юфимъ и внушительно добавилъ:—А ты вотъ что, парень, помни: пей за столомъ да не пей за угломъ... Пить ежели въ мѣру,—ничего, для здоровья польза... Пей, да не упивайся,—такъ и во святомъ писаніи сказано: „не упивайтеся виномъ, въ немъ бо есть блудъ“... Ну, ты,—перемѣнилъ онъ рѣчь,—посиди чутокъ здѣсь одинъ, а мы сходимъ... Павлычъ, захватика-сь въ карманъ аршинъ... Пойдемте!..

Я сунулъ въ карманъ чашку, и мы трое, оставивъ на столѣ свои фуражки, вышли изъ трактира на улицу.

„Винополія“ была рядомъ. Ее только что отперли... Длинной лентой „чередъ“ ожидающихъ тянулся отъ дверей далеко по улицѣ. Въ этомъ „череду“ стояли мужчины, бабы, дѣвки... Нѣкоторые держали въ рукахъ пустые „для обмѣна“ четвертныя, бутылки, у большинства же были полбутылки, посуда, какъ извѣстно, самая любимая и подходящая, носящая названіе „половинки“...

Мы подошли къ этому „череду“.

— Половинку, что ли? — сказалъ дядя Юфимъ вопросительно и сейчасъ же добавилъ, точно спохватившись, что сказалъ глупость:—Аль мало?.. Пожалуй, что мало на троихъ... Ну, быть по сему: возьмемъ цѣльную. Это съ насъ съ троихъ по многу ль сойдетъ?

— Ладно,—сказалъ Малинкинъ,—сочтемся!.. У тебя есть мелочь-то?—обратился онъ ко мнѣ:—становись на чередъ. вмазывай!.. Въ трактирѣ ужо отдадимъ... Ты тутъ пакеда ждешь, мы съ Юфимомъ закусить возьмемъ... Селедку, что-ли?..

Они отошли, а я всталъ на „череду“ и сталъ двигаться за какимъ-то малорослымъ, плохо одѣтымъ мужикомъ къ къ дверямъ „винополіи“. Впереди его двигались двѣ молодыхъ бабенки... У каждой было въ рукахъ по пустой четверти.

— Господи-Суси, что жъ эта морятъ какъ?—вздыхали онѣ, то и дѣло подымаясь на цыпочки и заглядывая черезъ головы.

— Н-н-д-а! — отвѣтилъ имъ шедшій впереди меня мужикъ,—дѣла!.. словно къ царскимъ дверямъ, прости Господи...

Ждать пришлось долго... Дядя Юфимъ и Малинкинъ купили селедокъ и подошли ко мнѣ.

— Страдаешь все? — спросилъ Юфимъ. — Ахъ ты!.. За свои-то денежки!

— Казна! — лаконично произнесъ шедшій впереди мужикъ,—ничего не попишешь... царское дѣло...

Наконецъ, мы пододвинулись къ цѣли... Въ открытую дверь виднѣлись головы, стойка, рѣшотка, полки съ посудой и высокій, рыжій, съ суровымъ лицомъ сидѣлецъ.

— Сымай шапки!—сказалъ шедшій впереди мужикъ и добавилъ:—Во, голова, чисто въ храмъ Господній... До чего дожили, а?..

Бывшія впереди бабенки вошли въ казенку, за ними переступилъ порогъ мужикъ, а слѣдомъ тронулся я.

Бабы подошли къ оконцу, и первая изъ нихъ, поставивъ посуду на стойку, сказала:

— Вотъ, батюшка, спасуда!

Сидѣлецъ схватилъ бутыль и выкинулъ ей двугривенный.

Баба полѣзла въ карманъ, достала платочекъ и начала развязывать зубами узелокъ, гдѣ у ней были завязаны деньги.

— Много ль, родной, за четверть-то?—спросила она.

— Не задерживай!—злобно крикнулъ сидѣлецъ, которому все это, видимо, страшно надоѣло.—Гдѣ ты была раньше-то?.. Ворона!.. Подходи!—крикнулъ онъ стоявшему впереди меня мужику.

Мужикъ заторопился, оттолкнулъ бабъ и развязно, очевидно, радуясь, что достигъ, наконецъ, цѣли, сказалъ, подавая въ оконце деньги:

— Мерзавчика мнѣ, господинъ, душа горитъ!..

— Что-о-о?!—заоралъ на него „господинъ", сдѣлавъ большіе, совсѣмъ круглые глаза.—Что-о-о?—повторилъ онъ еще громче:—Самъ ты мерзавецъ! Развѣ здѣсь мерзавчиками торгуютъ? Во-о-о-нъ!..

— Па-а-милте!.. Я-съ...—залепеталъ оторопѣвшій мужикъ.

— Вонъ! — снова крикнулъ сидѣлецъ и, махнувъ мнѣ рукой, сказалъ:

— Подходи... заснулъ тамъ...

Онъ схватилъ поданныя мною деньги, сунулъ въ оконце бутылку и закричалъ на бабъ, стоявшихъ, разиня ротъ, около стойки:

— Вонъ!.. не мѣшаться... раньше деньги готовьте...

— Кормилецъ!—заголосили бабы,—батюшка... вновѣ мы... распорядковъ тутошнихъ не знаемъ...

Я не сталъ слушать, что будетъ дальше, взялъ бутылку и вышелъ на улицу...

. . . .

— Добылъ?! —радостно воскликнулъ Малинкинъ, увидя меня.—А мы ждали, ждали... слюной изошли ждамши... праей-Богу! Ну, гдѣ-жъ пить-то?..

— Гдѣ вотъ хошь, тамъ и пей!—отвѣтилъ дядя Юфимъ.—Охъ, хо, хо! Да!.. Пойдемте хучь туда вонъ, за уголъ, съ глазъ долой... То ли дѣло допрежь: выпьешь, закусишь, бывало, посидишь, честь честью, по людски... А теперича тяни изъ горлышка да оглядывайся, какъ бы по шеѣ не тяпнули...

— Ау, братъ! Грѣхи,—согласился Малинкинъ,—ничего не подѣлаешь...

Отойдя отъ казенки на довольно почтительное разстояніе, мы свернули направо, за уголъ какого-то дома, и, пройдя немного, расположились на берегу канавы.

Юфимъ разложилъ на бумагѣ разрѣзанную на куски селедку, а Малинкинъ взялъ бутылку и привычнымъ маneромъ, хлопнувъ ладонью по донышку, вышибъ пробку. Отъ этого удара водка въ бутылкѣ замутилась и побѣлѣла... Я приготовилъ „аршинъ".

— Погоди, дай отстояться, — сказалъ Малинкинъ, глядя на бутылку.—Ишь ее, матушку, всколыхнуло какъ...

— Наливай, не томи!—вмѣшался дядя Юфимъ,—выпьемъ поскорѣй, да и въ кусты... Терешка, чай, заждался таматко насъ...

III.

Въ трактирѣ къ нашему столу, когда мы уже кончали чай, подошелъ какой-то, небольшого роста, человѣкъ, съ краснымъ опухшимъ лицомъ, одѣтый въ засаленный, точно покрытый лакомъ, пиджакъ, и спросилъ:

— Вы, ребята, аткеда?.. чьи?

— Мы не здѣшніе,—отвѣтилъ дядя Юфимъ и добавилъ:—такъ мы... насчетъ работенки..

— Мастеровые, что-ль?

— Нѣтъ... такъ... Каки мастеровые! По хлѣбу рѣзчики...

— Куда жъ идете-то?..

— Да куда идемъ?—усмѣхнулся подвыпившій Юфимъ:—и сами, родной, не знаемъ.

— Работы ищемъ!—пояснилъ Малинкинъ.

— Та-а-а-къ!—протянулъ одѣтый въ короткій пиджакъ человѣкъ и, помолчавъ немного, опять протянулъ:—Та-а-а-къ! Вотъ что,—продолжалъ онъ, окидывая насъ всѣхъ противными глазами, съ кровяными жилками на бѣлкахъ,—землю рыть можете?

— Какъ, чай, не можемъ—можемъ!—сказалъ Юфимъ.—А что?..

— А то: давайте на сотку, укажу работу.

— Сотка не разсчетъ,—опять сказалъ дядя Юфимъ,—дать можно... А кака работа? Что дѣлать?

— Погребъ рыть, — отвѣтилъ человѣкъ въ пиджакѣ,—яму новую... Я васъ сейчасъ бы и свелъ... А мнѣ, признаться, выпить необходимо... а?

— Да ужъ не знаю, какъ съ тобой и быть? — сказалъ Юфимъ, вопросительно глядя на насъ: — Дать, ребята, ему что-ли, а?

— Дай!—сказалъ Малинкинъ,—сотку-то мы видали... песъ съ ней, не разоритъ!

— Да вы не бойтесь!—успокоилъ насъ пиджакъ,—вмѣстѣ пойдемъ... я на вашихъ глазахъ выпью, недалеча тутъ... чай, не сбѣгу... авось, и мы тоже восемь-то монетъ видали...

— Ну, смотри, вѣрно ль будетъ-то?—усомнился Юфимъ.

— Ну, вотъ! Толкуй, кто откуль... Говорю—вѣрно, стало быть—вѣрно... Мое слово олово... Отдавайте за чай, пойдемте...

Мы отдали за чай, взяли сумки и пошли на улицу. Около казенки, гдѣ уже не было „череду“, какъ часъ тому назадъ, дядя Юфимъ далъ человѣку въ пиджакѣ одиннадцать копѣекъ. денегъ и сказалъ:

— Смотри, другъ, чтобы по совѣсти.

Человѣкъ махнулъ рукой и скрылся въ казенку. Черезъ минуту онъ появился оттуда, на ходу, по дорогѣ къ намъ, вышибъ ладонью изъ бутылочки пробку и, остановившись, запрокинувъ назадъ голову, сталъ пить водку прямо изъ горлышка.

— На, получи,—тяжело переведя духъ, вымолвилъ онъ, подавая Юфиму пустую сотку, и, крякнувъ, сплюнулъ на землю.—Б-р-р!—поморщился онъ,—фу-у-у-у!..

— На, закуси хлѣбушкомъ!—сказалъ Малинкинъ.

— Не надо!—отвѣчалъ тотъ,—заберетъ лучше такъ то... Посуду снеси... за нее три копѣйки плочены...

— Знамо, — отвѣтилъ дядя Юфимъ и, обернувшись къ Терехѣ, сказалъ, подавая ему сотку:—подика-сь, обмѣни.

— А меня тамъ не заругаютъ?—конфузясь и покраснѣвъ, произнесъ Тереха и вдругъ рѣшительно добавилъ:—Не пойду я, дяденька Юфимъ, ни въ жисть не пойду... Иди самъ, коли что...

— А, чортъ сѣрый!—разсердился дядя Юфимъ.—Куда ты годенъ-то? Вытянулся съ коломенскую версту, а ума вотъ на эстолько нѣтъ... тьфу!..

Онъ плюнулъ и пошелъ самъ въ казенку.

IV.

Человѣкъ въ пиджакѣ перевелъ насъ черезъ площадь и, пройдя немного по пыльной, какъ будто песчаной улицѣ, остановился передъ домомъ, выкрашеннымъ желтой краской и крытымъ желѣзомъ.

Рядомъ подъ одну крышу, стояла лавка со стеклянными до половины дверями на улицу и съ вывѣской: „Авошная лавка Максима Иванова Тумашева“... Ворота во дворъ были искусно разукрашены жестью... Человѣкъ, дѣлавшій ихъ, очевидно, обладалъ терпѣніемъ и настойчивостью, достойными лучшей доли... Изнутри дома, по окнамъ виднѣлись кисейныя занавѣски и стояли горшки съ ярко распустившейся цвѣтущей „еранью“...

— Обождите малость,—сказалъ пиджакъ,—сейчасъ я...

Онъ взошелъ по ступенькамъ на крыльцо лавки и, заглянувъ въ стеклянную дверь, произнесъ про себя:

— Аказія, голова... гм! неужели опять?..

Онъ обернулся, посмотрѣлъ на насъ, точно ожидая отвѣта, и, немного подождавъ, дернулъ за проволоку звонка .. Прошло больше минуты... Человѣкъ стоялъ и прислушивался, наклонивъ на бокъ голову, походя на лягавую собаку, которая сидитъ около двери и ждетъ, когда выйдетъ хозяинъ-охотникъ.

— Аказія!—снова произнесъ онъ и опять дернулъ за звонокъ.

На этотъ разъ ждать ему пришлось недолго... По ту сторону загромыхалъ засовъ, одна половинка стеклянной двери отворилась, и на порогѣ показалась толстая сердитая баба.

— Наше вамъ-съ!—воскликнулъ человѣкъ въ пиджакѣ,

дѣлая въ воздухѣ выверть поспѣшно снятымъ съ головы картузомъ.

— Ты чего это дурака ломаешь? — басомъ произнесла баба.

— Мы къ Петру Иванычу... собственно, по дѣлу...

— Возьми, вонъ, своего Петра Иваныча... Онъ вонъ, задеря ноги, третьи сутки валяется, какъ свинья!—грубо отвѣтила баба.

— О? Закургузилъ? — вопросительно произнесъ нашъ вожатый.

— А то нѣтъ... знамо! Черти этакіе! Жрете и жрете винище, не облопаетесь никакъ, притка васъ расшиби!.. Да тебѣ на что онъ?—спросила баба, помолчавъ.

— Да намедни мы съ нимъ въ трактирѣ чай пили... Ну, между прочимъ, сказывалъ, погребъ хочетъ рыть, яму... Не увидишь ли, говоритъ, какихъ — присылай! Вотъ я и привелъ!—добавилъ онъ, показывая на насъ рукой.

— А чьи такіе? — спросила баба, разглядывая насъ:— може, воры... кто ихъ знаетъ, заблудящіе, можетъ. Нонѣ народъ-то какой... пачпорта-то у нихъ есть ли?..

— Пачпорта у насъ, мамаша, въ исправности,—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Ну, такъ какъ же?—спросилъ человѣкъ въ пиджакѣ,— безъ самого-то какъ быть?..

— Да такъ и быть,—отвѣтила баба:—яму рыть надо, безъ него знаю... А вы, миленькіе,—обратилась она къ намъ,—дорого-ль возьмете то?

— Да вѣдь кака яма?—отвѣтилъ Юфимъ:—Дороже денегъ не возьмемъ.

— Обнаковенная яма... Не то, чтобъ очень глыбока, а такъ... середка на половину.

— Сажени полторы квадратъ, — пояснилъ человѣкъ въ пиджакѣ.

— А глубиной какъ?—спросилъ Юфимъ.

— Да обнаковенно какъ... все поглыбже, чай, надо, — отвѣтила баба.

— Да какъ выроешь себя не видать, такъ и будетъ, — сказалъ человѣкъ въ пиджакѣ.

— Эва какъ!—воскликнулъ Юфимъ:—дѣла не мало!

— Четверо васъ... живо выроете!

— Да, живо... Ну, а цѣна какъ?

— А много-ль возьмете?—спросила баба.

— За трешницу выроемъ... на твоихъ харчахъ,—сказалъ Малинкинъ,

— Ишь ты какой склизкій!—воскликнула баба, — больно жирно крошишь—дьячка подавишь!.. Трешницу!.. У васъ вонъ

,инструменту-то нѣтъ... Кто вы такіе? Може, вы, песъ васъ знаетъ, жулье, аль што?..

— А ты, мамаша, полегче! — сказалъ Юфимъ, — лаяться негодится.

— Да какъ васъ не лаять: три рубля, статочное ли дѣло?..

— Ну, а ты много-ль дашь?—спросилъ Малинкинъ.

— Полтора рублика дамъ!

— Экъ, ты!..

Начали торговаться.

— Ну ужъ такъ и быть,—сказалъ Юфимъ,—давай два!

— Дорого... кормить васъ надо... Чай, небось, тоже пьете?

— Само собой,—отвѣтилъ Юфимъ,—небось, тоже люди.

— Заступовъ вамъ, чай, надо?

— Да какъ же? знамо, пальцемъ рыть не станешь...

— У насъ вонъ только два... къ сосѣдямъ надо... Все вотъ докука, хлопоты... Ну, идите въ калитку.

— На сотку за хлопоты! — воскликнулъ человѣкъ въ пиджакѣ.

— Ступай ты атседа, песъ... Мнѣ свой пьяница надоѣлъ!— крикнула на него баба и, захлопнувъ дверь у него подъ носомъ, ушла.

— Сво-о-о-лочь! — злобно протянулъ мужикъ.

— Кто така?—спросилъ Юфимъ.

— Ха-а-а-зяйка! Чо-о-о-ртъ! Давайте хоть вы на сотку!

— Ну, нѣтъ, другъ,— отвѣтилъ дядя Юфимъ, — мы тебѣ уже дали—отчаливай... У насъ денегъ шальныхъ нѣту... Богъ съ тобой...

— Ну, дери васъ чортъ, коли такъ... Я думалъ, порядочный народъ... по совѣсти... эхъ вы, обормоты!... Ну, давайте хоть пятачекъ, дьяволы!..

— Дай ему, дядя Юфимъ, пятачекъ,—сказалъ Малинкинъ,—отвязаться... ну, его!

Ему дали пятачекъ, и онъ, ругаясь, ушелъ...

V.

Хозяйка отперла калитку и, пропустивъ насъ на дворъ, сейчасъ же снова заперла ее.

Огромная, гладкая черная собака соскочила, гремя цѣпью, съ телѣги-полка, гдѣ она лежала въ тѣни подъ навѣсомъ, и съ ожесточеніемъ, становясь на заднія ноги, хрипло, задыхаясь отъ злобы, принялась лаять на насъ.

— А вдругъ сорвется, — произнесъ Тереха-Воха, сторонясь,—жуть!..

Подъ навѣсомъ, налѣво отъ воротъ, кромѣ полка, на которомъ лежала собака, стояли еще обыкновенныя крестьянскіе „карули" и щегольской, недавно только, повидимому, окрашенный тарантасикъ... Въ заднемъ углу лежали сложенныя въ клѣтку сажени двѣ березовыхъ швырковыхъ дровъ и сотни три кирпичей. Направо отъ воротъ, противъ навѣса, находился собственно самый „дворъ", т. е. помѣщеніе для скотины. Въ открытую дверь стойла виднѣлась широкая спина вороной лошади, и доносилось откуда-то рѣзкое басистое хрюканье...

По пустому пространству, между навѣсомъ и дворомъ, бродили черные, поджарые, съ бѣлыми щеками „аглицкія" куры... Индѣйскій пѣтухъ, то и дѣло распускавшій хвостъ и кричавшій „здравія желаемъ!", утки и породистые бѣлые голуби...

Вслѣдъ за шедшей впереди хозяйкой, мы завернули за уголъ и вошли въ полутемныя сѣни.

— Полегче топочите тутотка ножищами, — вполголоса сказала она,—хозяинъ спитъ... Выпимши.

Она отворила обитую рогожей дверь, и мы другъ за другомъ вошли въ кухню.

— Здорово живете! — сказалъ Юфимъ, перекрестившись въ уголъ.

— Здравствуй!—отвѣтила хозяйка: — кладите сумки пока хучь подъ лавку, садитесь... Покурите, коли курите... На дворѣ не курите, а здѣсь можно.

Мы сняли сумки, и всѣ четверо сѣли рядышкомъ на скамью, стараясь держаться поближе къ порогу.

Въ передней части кухни, у небольшого оконца, выходившаго на площадку двора, сидѣла еще женщина и, наклонившись, что-то шила.

— Здравствуй, молодка!—сказалъ Юфимъ.

Она подняла голову вяло и нехотя, ничего не сказала и снова принялась за шитье. Женщина эта была одѣта въ сѣрое, сильно заношенное, давно не стиранное, засаленное платье... Она была беременна, лицо было худое съ желтыми пятнами, подъ глазами синяки...

Немного поодаль сидѣли у стола дѣти и ѣли со сковороды жареную картошку,—двѣ дѣвочки и мальчикъ. Они уставились на насъ глазенками, какъ испуганные звѣрьки, и перестали ѣсть... Карапузъ-мальчишка, съ волосами, похожими на ленъ, полѣзъ, очевидно со страху, къ матери. Та сердито толкнула его и грубо крикнула:

— Не мѣшай, оглашенный!

— Невѣстка это моя,—сказала приведшая насъ хозяйка.—

Вы не бойтесь ея,—почему-то успокоила она насъ и добавила:

— Пойду заступовъ поищу... Къ Лучинкинымъ схожу. Посидите, пока что...

Она вышла... Въ кухнѣ было полутемно, грязно и какъ-то жутко... Она была, повидимому, очень стара и требовала полнаго ремонта. Полъ, покатый къ окнамъ, изображалъ что-то въ родѣ горки. Большая облупившаяся глиняная печь, стоявшая на деревянномъ опечкѣ, тоже ткнулась челомъ впередъ, напоминая задумавшуюся старуху. Въ старинномъ, съ ободранной фанеркой и выбитыми въ дверцахъ стеклами, шкафу виднѣлись на полкахъ чайныя чашки, сахарница въ видѣ курицы, стаканы и пр. На одной изъ стѣнъ висѣла картинка съ надписью „Ильясъ" и небольшой портретъ Гоголя съ отодраннымъ ухомъ. Гоголь, какъ будто, чуть-чуть улыбался, глядя на грязь обстановки. Маятникъ небольшихъ, съ одной гирькой, часовъ торопливо, точно боясь опоздать куда-то, однообразно-надоѣдливо выстукивалъ свое: тикъ-такъ, тикъ-такъ... Въ пазахъ стѣнъ виднѣлись тараканы, и множество мухъ бродило по столу.

— А гдѣ-жъ хозяинъ?—спросилъ дядя Юфимъ, нарушая тяжелое молчаніе.

Женщина дернула какъ-то особенно зло иглу, нагнулась, откусила нитку, изподлобья глядя на насъ, и потомъ уже сказала:

— Спитъ!

— Что не во время? — опять спросилъ любопытный Юфимъ.

— Ему время, — сердито отвѣтила женщина, вдѣвая нитку. — Хоть бы облопался, что ли!.. Петька! — воскликнула она вдругъ:—Я те побалую, смотри, окаянная сила!

Мальчишка, забравшійся на подоконникъ и хотѣвшій было отворить окно, кубаремъ слетѣлъ оттуда и заплакалъ отъ испуга.

— У-у-у, лѣшай!—крикнула на него женщина злобнымъ, отчаяннымъ, со слезами въ голосѣ, крикомъ:—Передохли бы вы всѣ! У людей вотъ мрутъ,—передохли бы и вы!

— Что это ты?—тихо вымолвилъ Юфимъ,—нѣшто можно? Рабенокъ глупъ, играетъ... Грѣхъ и уста, молодка, сквернить...

— А, ну и тебя! — крикнула женщина и махнула рукой.—Ничего ты не знаешь! Связали они меня... Царица Ты моя, Небесная Матушка! — опять отчаянно завопила она, — долго-ль мнѣ страдать-то... Долго-ль чашу эту пить горькую?

Она бросила работу и заплакала, закрывъ лицо руками.

— Скоро-ль мои глазаньки-то закроются навѣки вѣчен-

скіе... О-о-хъ! горькая я, горькая!.. Не съ кѣмъ-то мнѣ слова вымолвить... Некому меня пожалѣть!..

Она выла, точно по покойникѣ, жалобнымъ, душу надрывающимъ воемъ. Видя, что мать плачетъ, дѣти тоже заплакали. Дѣвочка уцѣпилась за ея подолъ и кричала:

— Мамка, не плачь! Золотая, не плачь!

— Полно, молодка,—сказалъ дядя Юфимъ,—что ты словно по упокойникѣ?

— Милый ты мой, — еще шибче заголосила женщина и скорбно всплеснула руками, — не знаешь ты моего житья... Почернѣло во мнѣ сердце, ровно черная смола!

Она обняла вдругъ одну дѣвочку поменьше и, въ страстномъ порывѣ прижавъ къ своей груди, заголосила:

— Дѣтушки мои милыя!.. Ненаглядныя мои дѣтушки! На горе на горенское народила я васъ... Кто пожалѣетъ васъ, какъ помру я... Дѣтушки, голуби мои ненаглядные!..

Она принялась цѣловать дѣвочку.

Волненіе ея мало по малу стихло... Она всхлипнула послѣдній разъ, утерла рукавомъ глаза и заговорила, уже не растягивая и не выкрикивая слова:

— Вотъ придетъ ночь темная, бери дѣтей, да и иди въ чужіе люди ночевать... День деньской вотъ тутъ сиди... въ горницу-то я и не смѣю... а на ночь въ люди...

— Что-жъ такъ?

— Проснется чадо-то мое... драться начнетъ... дѣти боятся... на стѣну лѣзутъ со страху... Ахъ, какъ дерется!.. Владычица Ты моя! Избита я вся... нѣтъ живого мѣста на мнѣ! Голову вотъ какъ наклоню, такъ словно падаю куда... все отъ побоевъ... страхъ во мнѣ во всей, трясенье. И все пьетъ, и все пьетъ, и все, милый ты мой, пьетъ!..

— Съ чего жъ это онъ?

— Съ жиру... избаловался: харчъ хорошій, жизнь привольная, деньги есть... Не рабочій, не ломаный: палецъ объ палецъ не ударитъ... Пьетъ и пьетъ, и нѣтъ ему, окаянному, удержу. Не захлебнется винищемъ-то проклятымъ... Все до дна пьетъ, все до дна... И не пролей, милый ты мой, капельки!

— Та-а-а-къ!—протянулъ Юфимъ и почесалъ въ головѣ.— Ну, а какъ же хозяйство-то: лавка и все прочее? У васъ, поглядѣлъ я даве, какъ сюда шелъ, колесо тоже немалое заведено.

— Свекровь все, батюшка, все свекровь... Кабы не она, давно-бъ все прахомъ пошло!

— Все безъ мужика нельзя: лошадь тамъ запречь... скотину убрать... все такое...

— А мы работника держимъ.

— Гдѣ-жъ онъ... не видать...

— Ушелъ... разсчетъ взялъ третёвось... Не живутъ... кто станетъ жить? Срамовище!.. Поживетъ недѣльку—бѣчь! На руку самъ-то тяжолъ... дерется... ну, а по нынѣшнему времю кто станетъ терпѣть... Доведись до кого хошь,—нѣшто стерпитъ?

— Извѣстно,—согласился Юфимъ. — Плохо твое дѣло, — добавилъ онъ.

— Такъ-то плохо, милый, такъ-то! Десятый годъ маюсь, извелась вся... въ люди выдти стыдно... Ну, что же мнѣ, милый, дѣлать-то? И не придумаю... Ахъ, да связали вотъ они меня, проклятые!.. У-у-у, черти!

Она опять со злостью толкнула мальчика и еще пуще заплакала. Мы молчали, потупясь. И, кажется, у всѣхъ одинаково нехорошо было на душѣ.

— Кабы не они,—заговорила женщина снова, — плюнула бы я на него... ушла бы, куда глаза глядятъ... Ѣшь собака, да незнамая!.. Вотъ проснется къ вечеру... ужо посмотрите, каковъ бурлакъ: морда-то лопнуть хочетъ... Хуже-то онъ для меня, милый, звѣря лѣсного, волка!.. Не слыхала я отъ него, опричь матюговъ, слова ласковаго... пьяный да слюнявый лѣзетъ... во грѣхахъ и дѣтей рожу, за насилку... Каждый годъ, почитай, рожу...

— Такъ какъ же тебѣ быть-то?—воскликнулъ Юфимъ.

— Вотъ, какъ хошь!

Она жалобно улыбнулась, замолчала и снова принялась за шитье. Дѣти присмирѣли и сидѣли жалкіе, какъ брошенные птенчики... Со двора доносилось пѣніе пѣтуховъ и крикъ утокъ...

— Н-да,—глубокомысленно произнесъ дядя Юфимъ,—и черезъ злато, видно, слезы-то льются... Охъ-хо-хо! видно, скоро свѣту конецъ: мужъ на жену, сынъ на отца, братъ на брата. Водочка эта... Хитрость пошла промежду людей,—обманъ, нажива... Въ писаніи сказано: „Обовьетъ паутина весь свѣтъ бѣлый... побѣгутъ по землѣ и полетятъ по воздусямъ жуки черные съ желѣзными носами... Тутъ и свѣту конецъ!“... И все вѣрно, и все это вѣрно!..

Онъ замолчалъ и сталъ дѣлать папиросу, молчали и мы. Въ сѣняхъ послышались шаги, дверь отворилась и въ кухню вошла хозяйка, неся съ собой заступы.

— Ну, вотъ вамъ, ребятушки, струментъ! — сказала она и, обернувшись къ молодой невѣсткѣ, спросила: — Не слыхать, не шевелится?..

— Нѣтъ,—отвѣтила молодая, не поднимая головы отъ работы.

— А ты никакъ опять ревѣла?—спросила свекровь:—Дура ты, дура! Охота...

— Заревешь!—сказалъ дядя Юфимъ.

— А нѣшто она вамъ сказывала?

— Сказывала... Чудна голова! да вы ему хоть вина-то бы не давали... вотъ бы онъ и не пилъ.

Хозяйка усмѣхнулась.

— А мы не жалѣемъ, родной, водки-то: пей хучь въ три горла,—авось Господь дастъ захлебнется, подохнетъ скорѣй... Тогда и пить броситъ.

— Да ужъ тогда вѣрно, что броситъ!—сказалъ Юфимъ и добавилъ:—Чудеса въ рѣшетѣ: дыръ много, а вылѣзть негдѣ!..

. . . .

VI.

Хозяйка показала намъ мѣсто, гдѣ рыть яму, и мы дружно принялись за работу.

Верхній слой земли былъ мягокъ и легко поддавался лопатамъ. Дальше пошла глина, твердая, какъ камень, и рыть стало трудно. Принесли ломъ, длинную желѣзную, фунтовъ въ двадцать, палку, и стали ею работать поочереди, отворачичивая глину. Работа пошла спорѣе.

Вечеромъ, когда сѣло солнце и пригнали скотину, хозяйка позвала насъ ужинать. Мы зачистили лопаты и пошли. На кухнѣ было уже почти совсѣмъ темно. Хозяйка зажгла небольшую лампочку, висѣвшую надъ столомъ. Мы помыли изъ глинянаго „съ рыльцемъ“ умывальника и, обтеревъ ихъ объ тряпку, висѣвшую тутъ же, усѣлись за столъ.

— А гдѣ-жъ молодая, не видать?—спросилъ дядя Юфимъ.

— Въ ночевку пошла, ко вдовѣ тутъ къ одной недалече,—отвѣтила хозяйка и, поставя на столъ чашку со щами сѣла сама на скамью.

— А житьишко ейное, похоже, желтенькое? — сказалъ дядя Юфимъ, принимаясь хлебать вкусные, изъ бѣлой капусты, со снѣтками щи.

— Охъ, ужъ и не говори, родной!—воскликнула хозяйка и махнула рукой.—Не говори—срамота на все село. И Богъ его знаетъ,—напущено на него, что ли.

— А вы бы въ Нахабино съѣздили, свозили-бъ, помолились.

Хозяйка опять махнула рукой и съ грустью сказала:

— Были, возили...

— Ну, что-жъ?..

— Грѣхъ одинъ: зарокъ взялъ на полгода не пить... передъ крестомъ-евангеліемъ клялся, а самъ, идолъ, въ тотъ

же день налакался... Съ той поры зачертилъ, индо волосъ дыбомъ встаетъ... страсть!..

— Грѣхи!—произнесъ Юфимъ:—полѣчить бы его какъ...

— Да какъ лѣчить-то, нѣтъ такого человѣка... Ты, родной, не слыхалъ ли средства какого, а?..

Дядя Юфимъ помолчалъ, пережевывая кусокъ хлѣба, и потомъ, расправя пальцами усы, сказалъ:

— Какъ сказать... слыхалъ я... Достовѣрно сказать не могу, ну, а только слыхалъ, и, будто, помогаетъ... Сдѣлай ты, милая, вотъ что, — продолжалъ онъ, немного помолчавъ и подумавъ:—возьми ты половинку, аль тамъ болѣ, дѣло твое... Пробку изъ ней, примѣрно этакъ, вытащи... не совсѣмъ вытащи, а чтобъ, значитъ, только духъ изъ нея выходилъ малость... и поставь ты эту половинку въ стерву.. Издохнетъ, скажемъ, лошадь аль тамъ корова, шкуру ейную сдерутъ... духъ отъ нея пойдетъ... ты, значитъ, въ нутро ей эту спасуду и сунь. И пущай, значитъ, стоитъ она въ ней, покуда воронье всю стерву не сожрутъ... А тамъ вынь и поднеси ему стакашикъ въ тѣ поры, когда онъ съ похмѣлья... Коли начнетъ съ души рвать, говори: слава Богу!.. попритчило ему... Ну, а коли не сорветъ—крышка... говори тогда, злой духъ въ немъ.

Хозяйка промолчала. Видя, что мы кончили со щами, она встала и, снявъ со стола чашку, пошла къ печкѣ. Въ это время въ сѣнцахъ послышался шумъ. Дверь отворилась настежъ, и къ намъ въ кухню, переступивъ порогъ, вошелъ человѣкъ.

Человѣкъ этотъ былъ полураздѣтъ. На немъ была длинная кумачевая рубашка и полосатые короткіе штаны... На ногахъ резиновые калоши, на босу ногу...

Увидя насъ, онъ на минуту остановился около порога, что-то думая, потомъ шагнулъ впередъ и, растопыря руки, закричалъ хриплымъ голосомъ:

— Максимъ, на-а-а-дуйся!

Мы глядѣли на него, и онъ глядѣлъ на насъ.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія онъ снова закричалъ.

— Максимъ, надуйся! Что за народъ?—хриплымъ басомъ произнесъ онъ, садясь на скамью рядомъ съ Терехой-Вохой.— Какъ безъ моего спросу могли, а? Кто здѣсь хозяинъ, а?.. Максимъ, надуйся! — опять закричалъ онъ и ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Я!! — выкрикнулъ онъ, тараща пьяные оловянные глаза.—Максимъ, надуйся!...

— Будетъ тебѣ орать-то, ду-у-у-ракъ! — сказала хозяйка, ставя на столъ чашку съ кашей. — Медвѣдь рамейскій!.. На что ты похожъ-то... у-у, лѣшманъ! Ни стыда въ тебѣ, ни совѣсти...

— Максимъ, надуйся! — крикнулъ онъ снова и вдругъ, схвативъ стоявшую на столѣ бутылку съ постнымъ масломъ, вылилъ изъ нея все масло въ кашу. — Жрите! — закричалъ онъ: — кашу масломъ не испортишь. Ма-а ксимъ, на-дуйся!..

Возмущенная хозяйка схватила его лѣвой рукой за волосы, а правой стукнула нѣсколько разъ по толстой короткой шеѣ, приговаривая:

— Вотъ тебѣ надуйся! Вотъ тебѣ надуйся! Вотъ тебѣ надуйся! Не озорничай, разбойникъ!

Смѣшливый Тереха-Воха громко захохоталъ. Дядя Юфимъ перекрестился и съ серьезнымъ лицомъ полѣзъ вонъ изъ-за стола. Мы за нимъ.

— Куда-жъ вы? Сидите! — сказала хозяйка: — Я другой налажу.

— Спасибо, — сказалъ Юфимъ,— сыты... много довольны.

— Вы ужъ не взыщите, сдѣлайте милость, — просила хозяйка, — пьяный человѣкъ... дурашливый... Коли хотите, я самоваръ согрѣю, а?.. Будете пить-то?..

— Да оно не мѣшаетъ,—отвѣтилъ Юфимъ,—чай пить — не дрова рубить...

— Гдѣ ключи отъ лавки? — закричалъ вдругъ пьяный „хозяинъ“.

— Я вотъ дамъ тебѣ ключи!—отвѣтила хозяйка.—Иди, безстыдникъ, отседа!

— Гдѣ ключи?—опять крикнулъ онъ.

— А на что они тебѣ, дураку, понадобились?

— Баранокъ имъ,—онъ сдѣлалъ движеніе рукой въ нашу сторону:—пущай жрутъ! Сдобныхъ фунтъ!.. Максимъ, надуйся!..

— Иди, дрыхни, дуракъ пьяный.. Ду-у-у-ракъ!..

— Я не дуракъ, а сроду такъ!—заржалъ хозяинъ.—Ма-аксимъ, надуйся!—опять закричалъ онъ и вдругъ спросилъ:— А въ карты играть умѣете по носамъ?.. Ты, старый чортъ, умѣешь?—обратился онъ къ дядѣ Юфиму.

— Чортъ-то въ болотѣ, — отвѣтилъ, обидѣвшись, дядя Юфимъ,—а на мнѣ хрестъ есть... А ты бы, купецъ, въ самъдѣлѣ, спать шелъ... Святое бы дѣло.

— А ты ружейные пріемы знаешь, а?..

— Каки таки ружейные пріемы?..

— А-а а, деревня!.. Каки!..

Онъ схватилъ стоявшій около печки ухватъ, всталъ посреди избы въ позу, вытянулся и закричалъ во всю глотку, страшно таращa глаза:

— Ннн-а-а а кра-а-а-улъ!!!

Тереха-Воха снова не утерпѣлъ и громко захохоталъ.

— Ша-а-а-гъ впередъ! Ша-а-а-гъ назадъ!—между тѣмъ,

оралъ хозяинъ и вдругъ, схвативъ ухватъ на перевѣсъ, бросился на Тереху-Воху.

— Ка-а-а-ли!—заоралъ онъ.—Максимъ, надуйся!

— Батюшки!—вскрикнулъ перепуганный Тереха!—Убьетъ... жуть!..

— Ко-о-о-ли!—еще шибче закричалъ хозяинъ и, обернувшись, наставилъ ухватъ въ дядю Юфима.

— Акстись, лѣшай! —крикнулъ дядя Юфимъ:—бѣлены объѣлся, знать!..

— Ко-о-о-ли!—снова закричалъ „хозяинъ“ и вдругъ ткнулъ со всего размаху концомъ ухвата стоявшую на столѣ чашку съ кашей. Чашка полетѣла со стола и разбилась вдребезги.

— Вяжите его, разбойника,—завопила хозяйка, — отцы родные! Вяжите, бейте... не бойтесь, бейте въ мою голову... Перебьетъ онъ теперь, разбойникъ, все... вяжите его!..

— Максимъ, надуйся!—оралъ, между тѣмъ, хозяинъ и началъ безъ разбору, во что попало, тыкать ухватомъ, крича:— Ко-о-ли!.. Бей!.. Рѣжь!..

— Вяжите его!—вопила хозяйка.

— Максимъ, надуйся!—ревелъ одурѣвшій хозяинъ, вышибая въ шкафу послѣднюю дверку.

Видя, что дѣло приняло такой оборотъ, и что комедія превращается, такъ сказать, въ трагедію, мы, внемля просьбамъ хозяйки, по знаку Малинкина, бросились на пьянаго, свалили съ большимъ трудомъ на полъ, связали и положили на полъ въ сторонкѣ.

— Максимъ, надуйся!—хрипѣлъ онъ, дѣлая тщетныя усилія развязаться.

Отъ этихъ усилій лицо его сдѣлалось красно-багровымъ и, казалось, готово было лопнуть... Глаза дикіе, оловянные, безъ бровей, что дѣлало ихъ ещё болѣе страшными, лѣзли изъ орбитъ... По угламъ рта виднѣлась пѣна...

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—произнесъ дядя Юфимъ, глядя на изступленнаго человѣка и качая сѣдой головой.—Что водочка-то дѣлаетъ, а?.. И хорошій, може, человѣкъ, а вотъ вишь...

— Жуть!—прошепталъ, весь дрожа, Тереха.

Хозяйка сѣла къ столу, положивъ на него руки калачикомъ, ткнулась головой въ этотъ калачикъ и горько заплакала.

VII.

Хозяинъ долго еще „бушевалъ“, не давая намъ покоя. Наконецъ, онъ стихъ, и мы всѣ уснули.

Утромъ хозяйка разбудила насъ, какъ только начало разсвѣтать. Она, пока мы спали, успѣла развести самоваръ;

большой и грязный; онъ стоялъ на столѣ, клокоча и выпуская подъ потолокъ клубы пара.

— Вставайте, чай пить... самоваръ поспѣлъ.

Мы встали, умылись надъ лоханкой и сѣли за столъ. Хозяйка сходила въ лавку и принесла два фунта сухихъ, твердыхъ, какъ желѣзо, дешевыхъ баранокъ.

Пока мы, не торопясь, пили чай, проснулся хозяинъ. Онъ открылъ глаза и долго лежалъ, молча глядя на насъ.

— Распутайте!—тихо и хрипло произнесъ онъ, наконецъ.

— Лежи, лежи, разбойникъ!—сказала хозяйка:—лежи, подыхай!..

— Да ну ужъ!—произнесъ онъ:—буде... распутайте.

Мы вопросительно взглянули на хозяйку. Она промолчала.

— Тереха, распутай, встань!—сказалъ дядя Юфимъ.

— Боюсь я, дяденька, а ну какъ онъ по вечерешнему.

— Ну, дуракъ!.. Рязань косопузая! Ему дѣло, а онъ: собака бѣла...

Тереха вышелъ изъ-за стола, развязалъ хозяина и снова сѣлъ на свое мѣсто. Хозяинъ потянулся, расправляя онѣмѣвшіе члены, сѣлъ на лавку, обхватилъ голову руками и произнесъ протяжно:

— Фу-у-у ты!..

— Чердакъ трещитъ?—спросилъ Малинкинъ.

Хозяинъ повернулся, молча посмотрѣлъ на него и опять схватился за голову.

— А жена гдѣ?—спросилъ онъ, помолчавъ и не поднимая головы.

— Гдѣ?.. извѣстно гдѣ,—отвѣтила хозяйка,—одно мѣсто... Разбойникъ, пьяница!.. Доколь ты насъ мучить станешь?

— Фу-у-у!—снова тяжело вздохнулъ хозяинъ и вдругъ, поднявъ голову и глядя на насъ исподлобья, спросилъ:

— Хорошъ, мальчикъ, а?

— На что ужъ лучше,—съ усмѣшкой отвѣтилъ дядя Юфимъ.—А помнишь что?

— Нѣтъ.

— Врё?

— Не помню.

— Н-да,—произнесъ дядя Юфимъ, покачивая головой:—этакъ ты можешь дѣловъ вó какихъ натворить... Ты бы, купецъ, оставлялъ замычку-то эту... Не въ обиду будь тебѣ сказано: у тебя вѣдь дѣти... Мы и сами пьемъ, всѣ грѣшны, что говорить... Ну, а всетаки... того... полегче надо... нехорошо... Будь одинъ,—наплевать, а то—дѣти...

— Фу-у-у!—опять протянулъ хозяинъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Ангельскія-то душки за что терпятъ?.. Какой примѣръ отъ родителя?—вмѣшалась и хозяйка.

— Что ужъ,—поддержалъ ее дядя Юфимъ,—выростутъ, уваженья не жди... А то и по затылку попадать будетъ... бываетъ. Родительскому сердцу прискорбно, а ничего въ тѣ поры не попишешь. Самъ виноватъ... за дѣло, стоитъ..

— Ты не сердись на меня,—ласково продолжалъ Юфимъ, видя, что хозяинъ молчитъ,—я постарше тебя... Не въ обиду тебѣ говорю, не въ укоръ, жалѣючи говорю... Спокаешься, да ужъ поздно, близокъ локоть-то, а не укусишь... Зарубку, купецъ, знать надо. Человѣкъ ты молодой, въ силѣ... Нехорошо!

— Отстань!—сказалъ хозяинъ, махнувъ рукой:—своихъ дѣтей учи, а я ученъ.

— Твое дѣло, тебѣ виднѣе, — сухо произнесъ дядя Юфимъ, принимаясь пить чай.

Въ это время въ сѣняхъ послышался шумъ, и въ кухню, осторожно отворивъ дверь и пропустивъ впередъ себя дѣтей, вошла молодая. Увидя сидящаго въ растерзанномъ видѣ мужа и подумавъ, вѣроятно, что онъ пьянъ, она, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, попятилась назадъ. Дѣти испуганно прижались къ ней.

Хозяинъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на нее и на дѣтей. Какая-то жалкая, робкая улыбка скривила его ротъ, и онъ тихо сказалъ:

— Пришла... бѣглая...

Молодая отошла отъ двери, сѣла и, закрывъ лицо руками, заплакала.

Хозяинъ, молча, всталъ и куда-то вышелъ... Минутъ черезъ пять онъ возвратился назадъ, неся что-то въ бумажномъ пакетѣ.

— Подьте сюда!—поманилъ онъ рукой дѣтей, усѣвшись на прежнее мѣсто.

Дѣти не шли и жались къ колѣнкамъ матери.

— Райка!—продолжалъ отецъ, обращаясь къ старшей дѣвочкѣ,—подь, глупая... не бойся... Что я тебѣ дамъ-то... эва, гляди-ка, гляди сюда... У, глупая!..

Старшая дѣвочка отдѣлилась отъ матери и робко подошла, глядя на отца, боязливыми, недовѣрчивыми глазенками.

— Держи подолъ!—онъ досталъ изъ пакета пряниковъ и далъ ей.—Глупая ты, глупая!.. А что надо сказать, а? Что тятенькѣ сказать надо, а?

Дѣвочка вдругъ довѣрчиво прижалась къ нему.

— „Покорно благодарю, тятенька“ сказать надо,—объяснилъ онъ,—покорно блага-блага...—голосъ его вдругъ задрожалъ и осѣкся. Онъ порывисто обнялъ дѣвочку и нагнулся, пряча свое лицо у ней на груди...

— Вставай, ребята!—вдругъ какъ-то чудно и неожиданно срываясь съ мѣста, крикнулъ дядя Юфимъ.—Неча прохлаждаться-то... сряжайся!..

— Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!—порывисто и широко крестясь на иконы, произнесъ онъ, и въ его голосѣ слышались слезы.

С. Подъячевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

День безъ яснаго солнца, безъ мѣсяца ночь,—
Будто тѣни, уносятся прочь!
И въ толпѣ, и одинъ, я всегда одинокъ:
Я—какъ вырванный съ корнемъ цвѣтокъ.

Опаленный грозой, тихъ и сумраченъ садъ—
Только пни сиротливо торчатъ!
Не ласкаетъ его мягкій солнечный лучъ,
Не поитъ сладко шепчущій ключъ...

И въ зеленомъ шатрѣ ужъ пѣвецъ не гоститъ..
Пѣсни спѣла душа—и молчитъ!
Дальше, дальше бѣжитъ шумный жизни потокъ:
Я—какъ вырванный съ корнемъ цвѣтокъ!

II.

Богъ благости щедрой, Богъ правды великой!
Мечъ силы въ десницѣ-ль Твоей?
Считалъ ли Ты слезы, кровавыя слезы
Смиренной отчизны моей?
Что-жъ медлишь сойти Ты съ грозою и гнѣвомъ
Изъ вѣчныхъ чертоговъ своихъ?
Даровъ ли свободной и радостной доли
Она недостойнѣй другихъ?
Иль мало она безотвѣтно страдала,
Томилась, какъ въ кельѣ глухой?

О цѣпи все тѣло свое истерзала,
Ослѣпла отъ тьмы вѣковой!
Не хватитъ ужъ скоро отваги орлиной,
Могучія крылья въ крови...
Пощады!.. Пощады!.. Дай лучъ хоть единый,
Дай каплю живую любви!

III.

Мнѣ чудится кругомъ какой-то шорохъ странный,
Тревожно-радостный, какъ вѣянье весны:
Такъ узникъ сторожитъ свиданья часъ желанный,
Проснувшись до зари, средь чуткой тишины...
Я жду, кого-то жду со страхомъ и любовью,
Кого-то, чья рука чудесное свершитъ,
Кто образумитъ насъ, залитыхъ братской кровью,
Залѣчитъ раны всѣ и скорби облегчитъ.
„Пора!—я слышу стонъ въ безмолвьи тяжкомъ ночи,—
Довольно злыхъ угрозъ! Раскройся, міръ—тюрьма!"
Во мракъ вперяю я расширенныя очи:
Вотъ дрóгнетъ, наконецъ, испуганная тьма!
Мигъ—и разсвѣтъ блеснетъ, и защебечутъ птицы,
И развернется даль, заманчиво-пестра...

И крылья распахнетъ проснувшейся орлицы,
Быть можетъ, пѣснь моя...
— Скорѣй! Пора, пора!

П. Я.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

V. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ.

X.

Четыре послѣднихъ года, которые Рылѣеву оставалось прожить въ Петербургѣ (1821 — 1825), были годами быстраго разцвѣта его поэтическаго творчества. Онъ писалъ очень много и все время, свободное отъ службы и отъ политической суеты, посвящалъ литературѣ *).

Писалъ онъ почти исключительно стихами; прозой—очень рѣдко. За вычетомъ критическихъ статей, къ этому времени относится лишь его записка объ извѣстномъ „возмущеніи" въ Семеновскомъ полку 1820 года **).

Либеральная и общественная тенденція автора проступала съ каждымъ новымъ стихотвореніемъ все яснѣе и ярче. Поэтъ начиналъ спеціализироваться на одной опредѣленной темѣ, на одной

*) Есть, впрочемъ, указанія, что въ это же время онъ усиленно занимался политической экономіей, что по вечерамъ въ его квартирѣ устраивались цѣлыя лекціи по этой наукѣ въ присутствіи человѣкъ десяти слушателей [*А. Сиротининъ*. „К. Ѳ. Рылѣевъ", 142]. Занимался онъ и вопросами историческими и нравственными, какъ указываетъ Д. Кропотовъ, который имѣлъ въ рукахъ экземпляръ сочиненій Бентама во французскомъ переводѣ, принадлежавшій Рылѣеву, со множествомъ помѣтокъ, писанныхъ его рукой. [*Д. Кропотовъ*. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 235, 237]. На судѣ Рылѣевъ самъ свидѣтельствовалъ, что „вообще прилежалъ ко всѣмъ словеснымъ наукамъ; въ послѣдніе же годы особенно занимался изученіемъ правъ и исторіи разныхъ народовъ."

**) Если только эта статья дѣйствительно принадлежитъ ему. В. Д. Давыдовъ, который старался снять обвиненія, взводимыя въ этой исторіи на генерала И. В. Васильчикова [„Генералъ И. В. Васильчиковъ во время командованія гвардейскимъ корпусомъ". „Русская Старина" 1873. Іюнь, 785—798] признаетъ авторомъ статьи—Рылѣева. Статья имѣла очевидную цѣль „оправдать преступленіе семеновцевъ противъ дисциплины и порядка военной службы и была написана въ столь рѣзкомъ тонѣ, что издатели ея въ 1871 году принуждены были выпустить не мало строкъ (67), въ которыхъ заключались сужденія автора о дисциплинѣ, объ отношеніи власти къ обществу и т. п." [Русская Старина", 1871, IV, 533].

господствующей мысли. Мысль эта, въ настоящее время совсѣмъ не новая, даже истрепанная, имѣла за собой въ тѣ годы извѣстную прелесть новизны. Это была мысль о гражданскомъ служеніи поэта и поэзіи вообще,—мысль, высказанная въ общихъ чертахъ еще въ „Законоположеніи Союза Благоденствія" *).

Такая основная тенденція требовала, конечно, отъ поэзіи, хоть и печальнаго, и гнѣвнаго, но въ общемъ смѣлаго и ободряющаго тона. Онъ и замѣтенъ во всѣхъ стихахъ Рылѣева за эти годы его свободной и воинствующей жизни. Случается, что писатель иногда собьется съ тона и, въ подражаніе Байрону, напишетъ своему другу:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей... **)

Но это лишь минутное колебаніе. Въ общемъ Рылѣевъ не любитель минорнаго, ноющаго мотива. У Байрона онъ учился мужеству и гражданской доблести, а не хандрѣ и человѣконенавистничеству, какъ многіе изъ нашихъ тогдашнихъ байронистовъ. Англійскій бардъ былъ для него не мрачнымъ геніемъ и пѣвцомъ сатанинской гордости—онъ былъ эмблемой свободы, пѣвцомъ воскресшей Греціи, „свѣтиломъ вѣка, смерти котораго рады одни лишь тираны и рабы":

---

*) Отдѣлъ Союза, которому довѣрено распространеніе познаній, „старается, какъ гласитъ уставъ, изыскать средства изящнымъ искусствамъ дать надлежащее направленіе, состоящее не въ изнѣживаніи чувствъ, но въ укрѣпленіи, благородствованіи и возвышеніи нравственнаго существа нашего." [*А. Пыпинъ*. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885, 528]. Вообще идеалъ „гражданина", какъ онъ понятъ Рылѣевымъ въ его поэзіи, имѣетъ очень много сходнаго съ требованіями общественной морали, выставленными въ уставѣ „Союза Благоденствія". Съ критическими литературными пріемами нѣкоторыхъ декабристовъ-писателей совпадаютъ также и тѣ требованія, которыя этотъ уставъ ставилъ литературной критикѣ.

**) „Стансы" А. А. Бестужеву 1825 [*Мазаевъ*, 107].

Онъ жилъ для Англіи и міра,
Былъ, къ удивленью вѣка, онъ
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.
Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ;
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ генію лишь былъ послушенъ,
Властей другихъ не признавалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,
Но пылкая душа пѣвца
Презрительныхъ не разлюбила *).

Бодрое негодованіе—вотъ въ сущности основной мотивъ всей лирики Рылѣева за эти годы, при чемъ бодрость остается неизмѣнной, а негодованіе все больше и больше возростаетъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ роковому моменту.

Сначала въ этой лирикѣ замѣтна лишь общая морально-общественная тенденція. Поэтъ начинаетъ ставить себѣ строгія требованія, какъ писателю, и какъ-то боится отдаться тѣмъ чувствамъ, которыя „пѣвцу“ обыкновенно столь свойственны, т. е. любви и всякаго рода нѣжнымъ волненіямъ. Мы могли замѣтить такія опасенія еще въ тѣхъ стихахъ, которыя Рылѣевъ писалъ въ Малороссіи. Къ 1821 году эти тревоги поэта, кажется, разрѣшились въ твердое убѣжденіе, что его муза не должна служить ничему иному, какъ только „общественному благу“:

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!
Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ! *)
. . . .
Я славою не избалованъ;
Но къ благу общему дыша,
Къ нему отъ дѣтства я прикованъ,
Къ нему летитъ моя душа,
Его пою на звучной лирѣ... **)
. . . .

*) „На смерть Байрона“ 1825 [*Мазаевъ*, 107]. Принадлежность этого стихотворенія перу Рылѣева была не сразу установлена [*П. Ефремовъ* „Сочиненіе К. Ѳ. Рылѣева“ 1875. Спб., 339]. Но В. Якушкинъ имѣлъ въ рукахъ подлинный текстъ этихъ стиховъ, писанный рукой самого Рылѣева [*В. Якушкинъ*. „Изъ исторіи литературы 20-хъ годовъ“, „Вѣстникъ Европы“ 1888, XII, 591—592]. На исключительное значеніе этого стихотворенія, въ которомъ чуть ли не впервые „была прекрасно понята политико-соціальная основа поэзіи Байрона“, указывалъ *Н. Стороженко*, „Русскія Вѣдомости“, 1888, № 34.

**) „А. А. Бестужеву“ 1821 [*Мазаевъ*, 93].

***) „Къ Ѳ. Н. Глинкѣ“ 1822 [*Мазаевъ*, 95].

И съ этой минуты это благо становится очень ревниво: оно не терпитъ въ своемъ сосѣдствѣ другихъ чувствъ, иногда самыхъ законныхъ. Любовь къ женѣ, даже въ минуту, когда эта любовь можетъ спасти поэта отъ пагубнаго увлеченія *)—и та должна быть подавлена. Рылѣевъ пишетъ своей подругѣ жизни:

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвѣчать не въ силахъ ей,
Моя душа твоей не стоитъ.
Полна душа твоя всегда
Однихъ прекрасныхъ ощущеній;
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.
Прощаешь ты врагамъ своимъ,
Я не знакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
И оскорбителямъ моимъ
Плачу отмщеньемъ неизбѣжнымъ.
Лишь временно кажусь я слабъ;
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ,
Прощать обидъ я не умѣю.
Мнѣ не любовь теперь нужна,
Занятья нужны мнѣ иныя,
Отрадна мнѣ одна война,
Однѣ тревоги боевыя.
Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! Моя отчизна страждетъ;
Душа въ волненьи тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ **).

Выдержавъ побѣдоносную борьбу съ самыми сильными чувствами, гражданскій паѳосъ Рылѣева впервые получаетъ нѣкоторую художественную законченность въ двухъ одахъ: „Гражданское мужество" 1823 г. и въ „Одѣ на день тезоименитства Е. И. В. В. К. Александра Николаевича" 1823 г. Слѣдуя старымъ литературнымъ традиціямъ, Рылѣевъ удерживаетъ въ этихъ стихахъ повышенный тонъ старинной оды, оставляетъ на своихъ мѣстахъ всѣ условныя метафоры, но въ старое одѣяніе рядитъ новую гражданскую мысль, смѣлую и даже пророческую.

Ода „Гражданское мужество" — хвалебная пѣснь въ честь Мордвинова, столь прославленнаго тогда государственнаго мужа, „великана, который давилъ сильной пятой коварную несправедливость", „наслѣдника Аристида и Катона", „рыцаря гражданской доблести". „На немъ почіетъ надежда всѣхъ, кому дорого благо родины", и мы знаемъ, что именно на него обращались взоры декабристовъ, когда они задумались, кому же въ случаѣ

*) Смотри выше.

**) Это черновой варіантъ стихотворенія „къ NN", 1824, приведеннаго выше [*Мазаевъ*, 105].

удачи довѣрить бразды обновленнаго правительства. Для Рылѣева Мордвиновъ былъ самымъ вѣрнымъ и твердымъ оплотомъ среди разбушевавшихся гражданскихъ стихій:

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?
О, такъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ:
Онъ наступилъ ему на выю.
Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ;
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый *).

Надежды, возлагаемыя Рылѣевымъ на Мордвинова оправдались, какъ извѣстно, далеко не въ той степени, какъ ему и его товарищамъ этого хотѣлось, за то ода „Видѣніе", которую Рылѣевъ написалъ, какъ поздравленіе великому князю Александру Николаевичу со днемъ его ангела, оказалась, дѣйствительно, пророческой. Она также написана въ старомъ стилѣ, но изъ всѣхъ одъ, которыя огда въ безчисленномъ количествѣ писались—она единственная, въ которой обычныя пожеланія разныхъ благъ и добродѣтелей будущему царю разрослись въ цѣлую общественную программу. Устами Екатерины Великой онъ говорилъ великому князю:

„Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы

---

*) „Гражданское мужество", 1823 [*Мазаевъ*, 98—99].

Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.
„Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.
„Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеньи сонмъ царей.
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
„Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
„Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
„Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари" *).

Во всѣхъ этихъ пожеланіяхъ и восхваленіяхъ, какъ видимъ, тонъ очень мирный; поэтъ—либералъ безспорный, но въ своихъ

*) „Видѣніе", 1823 (*Мазаевъ* 97). По показанію самого Рылѣева на судѣ, оду „Гражданское мужество" цензура не пропустила. Ода же на день тезоименитства Александра Николаевича, съ двумя измѣненіями, была напечатана въ „Литературныхъ Листкахъ" Булгарина безъ подписи.

Рылѣеву приписывается также „Ода Александру I-му", помѣченная 1821 годомъ [„Отголоски 14 декабря 1825". Изъ записокъ одного недекабриста (Н. И. Греча) стр. 13, 14]. Ода довольно звонкая, насквозь пропитанная конституціоннымъ духомъ, съ призывомъ къ Александру I заступиться за грековъ и испанцевъ. Авторство Рылѣева, однако, не установлено [*П. Ефремовъ* „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева" 1875 339].

призывахъ онъ держится въ границахъ законнаго словеснаго протеста, обнаруживаетъ большую умѣренность, которая, впрочемъ, цензурѣ того времени не понравилась. Въ 1824 и 1825 году лирика Рылѣева становится окончательно нецензурной, переходя все болѣе и болѣе въ призывъ къ открытому возстанію *).

Изъ этихъ стихотвореній одно—на тему „Гражданинъ"—въ печать давно уже проникло, другія—извѣстныя „пѣсни" Рылѣева—съ цензурой, конечно, никогда не помирятся. Чтобы провѣрить, насколько за короткій срокъ возросли въ нашемъ писателѣ смѣлость рѣчи и боевая готовность писательскаго темперамента, достаточно сравнить стихотвореніе „Гражданинъ" съ вышеприведенными стихами на ту же тему. Рылѣевъ пишетъ:

Я ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка,
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги **).

*) Политическая дѣятельность Рылѣева и его трагическая смерть подала, конечно, поводъ приписать ему много самыхъ зажигательныхъ стихотвореній, написанныхъ имъ будто бы и на волѣ, и въ тюрьмѣ. Подлинность нѣкоторыхъ стихотвореній не установлена. Большой знатокъ рукописей Рылѣева, П. А. Ефремовъ отказывается признать подлинность слѣдующихъ стихотвореній, обыкновенно въ заграничныхъ изданіяхъ приписываемыхъ Рылѣеву: 1) „Свободы гордой вдохновенье! тебя не чувствуетъ народъ... Оно молчитъ, святое мщеніе etc. [принадлежитъ будто бы Н. Языкову] 2) „Тюрьма мнѣ въ честь, не въ укоризну..." 3) „Посланіе къ друзьямъ", гдѣ описана его тюремная жизнь съ большими отклоненіями въ сторону, съ призывомъ вспомнить старое вѣче. 4) „Посланіе къ женѣ"—передѣлка его предсмертнаго письма и 5) „Не слышно шума городского"—[написано Ѳ. Н. Глинкой]. См. *П. Ефремовъ* „Сочиненіе К. Ѳ. Рылѣева 1875 Спб." 339, 340. Въ извѣстномъ шуточномъ стихотвореніи Рылѣева „Ахъ, гдѣ тѣ острова, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы! гдѣ читаютъ Pucelle и летятъ подъ постель святцы"... въ этой игривой сатирѣ на литературную братію того времени нѣсколько серединныхъ куплетовъ въ намеками на Петра III и Павла I, вѣроятно тоже принадлежатъ кому нибудь изъ подражателей Рылѣеву, такъ какъ они совсѣмъ не совпадаютъ съ началомъ и концомъ стихотворенія.

**) „Гражданинъ" 1825. [*Мазаевъ* 108, 109].

Этой же моралью Брута проникнуты и пресловутыя „пѣсни“, которыя Рылѣевъ въ сообществѣ А. Бестужева сочинилъ въ 1825 году, надѣясь воспользоваться ими, какъ риѳмованными прокламаціями. Эти пѣсни, если вѣрить Н. Бестужеву, были составлены на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ и произвели въ короткое время значительное впечатлѣніе. „Хотя правительство, пишетъ Н. Бестужевъ, всѣми мѣрами старалось истребить эти пѣсни, гдѣ только могло находить ихъ, но онѣ были сдѣланы въ простонародномъ духѣ, были слишкомъ близки къ состоянію народа, чтобы можно было вытѣснить ихъ изъ памяти простолюдиновъ, которые видѣли въ нихъ вѣрное изображеніе своего настоящаго положенія и возможность улучшенія въ будущемъ... Рабство народа, тяжесть притѣсненія, несчастная солдатская жизнь изображались въ нихъ простыми словами, но вѣрными красками... Въ самый тотъ день, когда исполнена была надъ нами сентенція, и насъ, морскихъ офицеровъ, возили для того въ Кронштадтъ, бывшій съ нами унтеръ-офицеръ морской артиллеріи сказывалъ намъ наизусть всѣ запрещенныя стихи и пѣсни Рылѣева, прибавя, что у нихъ нѣтъ канонера, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева“. Основываясь на этомъ, Н. Бестужевъ полагаетъ, что эти пѣсни на долгое время должны были сохраниться въ народѣ *)... Въ этихъ словахъ Н. Бестужева слишкомъ много лиризма, и всему, что онъ писалъ, нельзя довѣрять въ одинаковой степени: едва-ли пѣсни Рылѣева имѣлись на лицо у всѣхъ грамотныхъ солдатъ: по крайней мѣрѣ въ качествѣ прямыхъ уликъ, онѣ не были представлены слѣдственной коммиссіи, и коммиссія, которая ими очень интересовалась, могла собрать о нихъ лишь незначительныя справки **). Но пѣсни сочинены всетаки были и распѣвались—если не въ солдатской средѣ, то на собраніяхъ самихъ декабристовъ и даже въ кабинетѣ Булгарина ***). Поня-

*) *Н. Бестужевъ* „Воспоминанія о Кондратіи Ѳедоровичѣ Рылѣевѣ“. „Сочиненія Рылѣева“, Лейпцигъ 1861. 28, 29, и *XIX. Вѣкъ*. Книга I, стр. 350.

**) Высочайше учрежденный комитетъ спрашивалъ Рылѣева, правда ли, что онъ желалъ воздѣйствовать на умы народа посредствомъ пѣсенъ и пародій, и требовалъ отъ Рылѣева, чтобы онъ представилъ текстъ пѣсенъ: „Вдоль Фонтанки рѣки, квартируютъ полки, слава!“ и „Подгуляла я: нужды нѣтъ, друзья! Это съ радости и проч.“. Рылѣевъ не призналъ себя авторомъ указанныхъ двухъ пѣсенъ и своею призналъ только пѣсню: „Ахъ, тошно мнѣ и въ родимой сторонѣ“.

***) Гречъ разсказываетъ, что однажды на ужинѣ у Булгарина они послѣ шампанскаго стали пѣть Рылѣевскія пѣсни. „Не всѣ были либералы, говоритъ Гречъ, а всѣ слушали съ удовольствіемъ и искренно смѣялись. Помню антилиберала В. Н. Берха, какъ онъ заливался смѣхомъ. Только Булгаринъ выбѣгалъ иногда въ другую комнату. Онъ струсилъ этой оргіи и выбѣгалъ, чтобы посмотрѣть, не взобрался ли на балконъ (это было въ первомъ этажѣ дома) квартальный, чтобы подслушать, что читаютъ и поютъ. У него всегда чесалось за ухомъ при такихъ случаяхъ: онъ не столько либеральничалъ,

тіе объ этихъ пѣсняхъ можетъ дать слѣдующая пѣсня, по показанію Рылѣева имъ дѣйствительно сочиненная и теперь почти цѣликомъ оглашенная *):

А и скучно же мнѣ
Во своей сторонѣ;
Все въ неволѣ, въ тяжкой долѣ...
Видно, вѣкъ такъ вѣковать.
Долго-ль русскій народъ
Будетъ рухлядь господъ
И людями, какъ скотами,
Долго-ль будутъ торговать?
Баринъ съ земскимъ судомъ
Да съ приходскимъ попомъ
Насъ морочатъ, да волочатъ
По дорогамъ, по судамъ...

Но были пѣсни и еще болѣе вольныя и рѣшительныя, призывавшія прямо къ возмущенію; съ нашей стороны было бы наивностью требовать отъ нихъ литературной отдѣлки или художественной цѣнности **): ихъ аляповатость была умышленная, такъ какъ онѣ должны были походить на лубочную картинку, и въ этомъ смыслѣ онѣ, дѣйствительно, имѣли шансы на успѣхъ.

Такова гражданская „лирика“ Рылѣева, по которой изъ года въ годъ можно прослѣдить ростъ его боевого настроенія. Число этихъ гражданскихъ лирическихъ стихотвореній, какъ видимъ, очень ограничено, и изъ нихъ своевременно въ печать попало лишь самое ничтожное количество. Вотъ почему говорить о вліяніи этой лирики на умы современниковъ въ широкомъ смыслѣ этого слова едва ли возможно.

Славу Рылѣева, какъ поэта и гражданина, составили не эти пѣсни, а его гораздо болѣе скромныя по тону и по содержанію „Думы“ и поэма „Войнаровскій“; и это понятно, потому что высокій подъемъ гражданскихъ чувствъ, граничавшій съ призывомъ къ возстанію, могъ быть усвоенъ и понятъ лишь нѣкоторыми избранными, тогда

какъ принималъ сторону поляковъ (?). [*Н. Гречъ.* „Записки о моей жизни“, Спб. 1886, 433]... Вѣроятно, къ этимъ пѣснямъ относится одно очень характерное замѣчаніе Мицкевича, съ перваго взгляда мало понятное. Въ своемъ курсѣ славянскихъ литературъ, который онъ читалъ въ Парижѣ, онъ говоритъ, что на собраніяхъ заговорщиковъ пѣлись „жестокія“ пѣсни, „финскаго и монгольскаго характера“, пѣсни, которыя приводили въ ужасъ польскихъ заговорщиковъ, находившихся тогда среди русскихъ. „Les polonais avaient souffert plus que personne du gouvernement russe; neaumoins le ton de ces chansons blessait leurs oreilles“. *A. Mickiewicz.* „Les Slaves“ Paris 1849, III, 289. Приподнятый патріотизмъ Мицкевича, конечно, сказался въ этой тирадѣ, но если дѣло идетъ о Рылѣевскихъ пѣсняхъ, то „смѣхъ“, о которомъ говоритъ Гречъ, былъ во всякомъ случаѣ не отличительной и не главной ихъ чертой.

*) *А Сиротининъ.* „К. Ѳ. Рылѣевъ“, „Русскій Архивъ“ 1890, Іюнь, 167.

**) Съ этой стороны ихъ очень сурово критикуетъ Сиротининъ, 167.

какъ гражданская мораль „Думъ“ и „Войнаровскаго“, какъ сейчасъ увидимъ, была по плечу всѣмъ, кто только думалъ объ общественныхъ подвигахъ, о служеніи родинѣ, о благородствѣ ума и чувствъ—а кто объ этомъ не думалъ въ тотъ сентиментальный вѣкъ? Чтобы вдохновиться стихотвореніемъ Рылѣева „Гражданинъ“, нужно было стоять въ лагерѣ недовольныхъ, а чтобы при чтеніи „Думъ“ на глазахъ навернулись слезы восторга—для этого достаточно было быть только „благомыслящимъ“, какъ тогда говорилось, сыномъ отечества.

XI.

Рылѣевъ очень любилъ свои „Думы“ и относился къ нимъ весьма ревниво, и мы будемъ вполнѣ правы, если предположимъ, что эта любовь была обусловлена въ значительной степени привязанностью „литератора“ и „поэта“ къ своему дѣтищу, а не исключительно убѣжденностью гражданина и вѣрою въ спасительность и правоту тѣхъ истинъ, которыя въ этихъ „Думахъ“ писатель высказывалъ. Хоть Рылѣевъ и заявлялъ открыто, что онъ не поэтъ, а гражданинъ преимущественно, но это признаніе не вполнѣ свободно: въ нашемъ писателѣ поэта было не меньше, чѣмъ гражданина. Форма, разработка темы, поэтическія красоты произведенія, нѣжныя чувства и поэтическіе образы были для Рылѣева большой приманкой, и онъ очень радовался, когда слышалъ себѣ похвалы, какъ художнику. Все это, конечно, нисколько не мѣшало ему нанизывать свои „Думы“ на одну строгую общественную и гражданскую мысль. Но не одна эта мысль заставляла его слагать эти пѣсни. Онѣ были навѣяны малороссійской природой, среди которой онъ прожилъ самые счастливые годы своей жизни, преданіями старины, которыя онъ любилъ за ихъ поэзію, воспоминаніями отечественной войны, которая насъ такъ прославила, юношескими мечтами о героическихъ подвигахъ во славу отчизны и иными, теперь, конечно, не уловимыми мыслями и чувствами...

„Думы“ стали печататься въ разныхъ журналахъ, начиная съ 1821 года, и вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1825 году въ Москвѣ. Тогда же Рылѣевъ поставилъ ихъ подъ охрану либеральнаго, ему столь дорогого имени Николая Семеновича Мордвинова, которому онъ посвятилъ свой сборникъ.

Работа надъ „Думами“ была закончена приблизительно въ концѣ 1823 года, такъ какъ, начиная съ 1824 года, Рылѣевъ сталъ въ журналахъ печатать отрывки изъ новой серіи аналогичныхъ „Думамъ“ стихотвореній, которыя онъ въ отличіе отъ „Думъ“ сталъ называть „поэмами“, и лучшимъ образцомъ которыхъ была изданная имъ въ томъ же 1825 году поэма „Войнаровскій“.

„Поэмы“, созданіе которыхъ совпадаетъ съ самыми тревож

ными годами политической дѣятельности Рылѣева (1824 и 1825), по своей основной гражданской тенденціи значительно смѣлѣе и опредѣленнѣе „Думъ“, но и въ нихъ совсѣмъ нѣтъ того боевого паѳоса, который такъ силенъ въ гражданской лирикѣ Рылѣева. И „Войнаровскій“, и отрывки изъ другихъ „Поэмъ“, какъ и „Думы“ — созданія прежде всего „поэтическія“, а затѣмъ уже „политическія“.

Поэтическія достоинства „Думъ“ не особенно высоки, да и внѣшняя форма ихъ, по собственному признанію Рылѣева, заимствована у извѣстнаго польскаго поэта Нѣмцевича, автора „Историческихъ пѣсенъ“ *). Нѣмцевичъ укрѣпилъ Рылѣева и въ мысли воспользоваться старинными преданіями и страницами исторіи, чтобы повысить въ читателѣ чувства гражданскаго долга и доблести. Это признаетъ и самъ Рылѣевъ, который въ предисловіи къ своимъ „Думамъ“ пишетъ:

„Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта.“

„Такъ говоритъ Нѣмцевичъ о священной цѣли своихъ „Историческихъ пѣсенъ“ (Spiewy Hystoryczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя „Думы“. Желаніе славить подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ для русскихъ не ново; не новы самый видъ и названіе „Думы“.

Одну изъ своихъ „Думъ“ Рылѣевъ послалъ Нѣмцевичу и на его благодарственное письмо отвѣчалъ такими словами:

„Прекрасныя чувства, которыми исполнено письмо ваше, живо меня тронули... Такъ, отечество ваше несчастно; оно въ наши времена имѣло и недостойныхъ сыновъ, но безславіе ихъ не могло помрачить чести великодушнаго народа, и изъ среды онаго явились мужи, которые славою дѣлъ своихъ несравненно болѣе возвысили славу Польши, нежели первые предательствомъ своимъ онную омрачили. Такъ,—и вы не одними воспоминаніями славныхъ дѣяній, совершонныхъ въ вѣкахъ минувшихъ, можете утѣшать себя. Къ счастію всего человѣчества, добрая слава дѣлъ нашихъ зависитъ не отъ одного успѣшнаго окончанія, но также отъ источника ихъ и побужденія,—и славныя имена Костюшки, Колонтая,

*) М. Мазаевъ, сличавшій „Пѣсни“ Нѣмцевича съ „Думами“ Рылѣева, указываетъ, что Рылѣевъ заимствовалъ не только форму у польскаго поэта, но бралъ у него цѣлыя строфы, а иногда (какъ, напр., въ Думѣ „Глинскій“) просто перефразировалъ оригиналъ. Для насъ эта неоригинальность Рылѣева въ данномъ случаѣ особаго значенія не имѣетъ, такъ какъ „Думы“ въ общемъ произведеніе слабое и монотонное.

Малаховскаго, Понятовскаго, Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ, не смотря на то, что успѣхъ не увѣнчалъ ихъ благородныя усилія, никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ, а дѣянія мужей сихъ будутъ всегда служить для юношества достойными образцами. Сѣмена добра и свѣта уже посѣяны въ отечествѣ вашемъ. Скоро созрѣютъ прекрасные плоды ихъ. Вы были однимъ изъ ревностнѣйшихъ сѣятелей; вы во все продолженіе жизни своей, какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждали въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Итакъ, мужъ почтенный, утѣшьтесь и, снявъ лиру свою съ печальной вербы; подобно лебеди на водахъ Леандра, воспойте на закатѣ дней своихъ высокіе гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуйте достойное ваше отечество..." *)

Самъ Рылѣевъ не иначе думалъ и о своей родинѣ, когда шелъ по стопамъ польскаго поэта. Соревнуя съ Тиртеемъ, онъ и сочинилъ свои русскія историческія пѣсни, въ которыхъ прошлое должно было указывать читателю, какъ вести себя въ будущемъ.

„Думы"—сборникъ очень разнообразныхъ историческихъ картинокъ русской старины, начиная со временъ легендарныхъ, кончая XVIII вѣкомъ. Внѣшняя форма этихъ картинокъ однообразна, стихъ не громокъ и не ярокъ, хотя мѣстами удаченъ, много романтическихъ условностей въ драматическихъ положеніяхъ, мѣстами много сентиментальной приторности, много ходульнаго, но порой попадаются и блестки поэзіи. Историческіе характеры, конечно, всѣ не выдержаны, иногда идеализированы до неузнаваемости **), достовѣрность историческихъ событій сомнительна и мѣстнаго колорита совсѣмъ не имѣется. Пейзажи разставлены, гдѣ надлежитъ, по мѣстамъ, но они написаны какъ бы по трафарету—все больше пейзажи мрачные и грозные: бушуютъ осенніе вѣтры, качаются древнія сосны, сѣдые туманы встаютъ, слышатся полуночные крики совы, буря реветъ и дождь шумитъ, молніи летаютъ во навкѣ, и всегда и вездѣ луна, то тусклая, то ясная, но всегда предвѣщающая нѣчто грозное и страшное; случается также, что вопреки законамъ природы денница въ полдень не сходитъ съ неба. Видно, что авторъ подыскивалъ фонъ для своей картины и былъ въ большомъ затрудненіи, такъ какъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь одну романтическую кулису, которой при каждомъ случаѣ и пользовался. Но когда онъ не придумывалъ, а вспоминалъ, пейзажъ получался живой и красивый ***).

---

*) Письмо къ Юліану Урсину Нѣмцевичу. 1823 г. Январь. *Мазаевъ*, 149.

**) Напр., Артемій Волынскій. Срв. *А. Бороздинъ* „Литературныя Характеристики" I. Поэтъ гражданской скорби двадцатыхъ годовъ, 199.

***) Взять хотя бы эту картинку окрестностей Острогожска, гдѣ Рылѣевъ самъ гулялъ неоднократно:

Нѣтъ, впрочемъ, особой надобности останавливаться на недочетахъ внѣшней формы этихъ стихотвореній Рылѣева; хоть авторъ работалъ надъ ними, стремясь придать имъ какъ можно больше художественной цѣнности, но они вообще на таковую претендовать не могутъ, и потому при ихъ исторической оцѣнкѣ надо имѣть въ виду главнымъ образомъ всетаки ихъ содержаніе.

Оно не поразитъ теперь никого ни своей силой, ни оригинальностью. Это—довольно полный списокъ обыденныхъ гражданскихъ и личныхъ добродѣтелей, необходимыхъ и для хорошаго властителя, и для хорошаго гражданина.

„Воспой дѣянія предковъ намъ",
Бояну витязи вѣщали.
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ,
И вѣщія зарокотали.

И новый Боянъ—какимъ себя мнилъ Рылѣевъ—поетъ славу князей благочестивыхъ и религіозныхъ, Владиміра, который внялъ словамъ старца-христіанина и въ пламенномъ восторгѣ отрекся отъ язычества; Мстислава, взывающаго къ Святой Дѣвѣ, въ минуту единоборства съ Редедей; Михаила Тверского, замученнаго въ Ордѣ; Дмитрія Донского, спасеннаго молитвой преподобнаго Сергія на Куликовомъ полѣ. Поетъ онъ славу князей, стяжавшихъ себѣ вѣчную память бранными подвигами: Олега, прибившаго свой щитъ ко вратамъ Цареграда, Святослава, нагонявшаго страхъ на Цимисхія, и вѣрнаго царева слуги Долгорукаго, который вырвалъ изъ рукъ шведовъ цѣлый фрегатъ и привелъ его въ покоренный Ревель.

Но Рылѣевъ не только славилъ нашихъ князей; онъ и обличалъ ихъ за всевозможные личные и гражданскіе ихъ пороки. Устами княгини Ольги онъ прочиталъ наставленіе Игорю за его алчность и чрезмѣрную воинственность, ставя властителю на

Тамъ гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ тѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись,
Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;
Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
. . . .

видъ, что онъ долженъ быть болѣе князь и отецъ своимъ подданнымъ, чѣмъ воинъ; онъ потревожилъ тѣнь несчастнаго Святополка, чтобы доказать намъ, какъ „ужасно быть рабомъ своихъ страстей“; князьямъ удѣльнымъ онъ выговаривалъ за ихъ постоянныя распри, онъ описалъ послѣднія минуты жизни Дмитрія Самозванца, всѣ душевныя терзанія этого тирана, у котораго на свѣтѣ „одинъ другъ—его кинжалъ“; припомнилъ онъ и Анну Іоанновну, какъ она блуждала по своимъ хоромамъ, какъ въ тронной залѣ она увидала у своихъ ногъ голову казненнаго ею Волынскаго, которая посинѣлыми устами звала ее на Судъ Божій...

Поэтъ требовалъ отъ властителей чистоты сердца и помысловъ, и глубокую скорбь возбуждалъ въ немъ образъ Годунова. Рылѣевъ, очевидно, любилъ Годунова за его просвѣщенный образъ мыслей и его широкіе государственные взгляды. „Дума“ Рылѣева „Борисъ Годуновъ“—едва ли не первая попытка реабилитировать въ памяти потомства этого похитителя престола. Поэтъ вѣритъ, что Годуновъ—убійца Дмитрія, и ему отъ всего сердца жаль, что душа столь граждански благомыслящаго и развитого царя должна нести такое бремя.

Дума—„Борисъ“—одна изъ лучшихъ. Припомнимъ нѣсколько строфъ:

Предъ образомъ Спасителя, въ углу
Лампада тусклая трепещетъ,
И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца страшно блещетъ.
Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы, лишь добродѣтели и сна
Великому не доставало!...
Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши:
До сна-ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему цареубійства повѣсть?
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой—
И, трепету невольно преданъ, онъ
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.
Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда, достичь пылая трона,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ гласъ,
Гласъ совѣсти, и вѣры, и закона.
„О, заблужденіе!“ онъ возопилъ:
„Я мнилъ, что гласъ сей сокровенный
На вѣкъ сномъ непробуднымъ усыпилъ
Въ душѣ, злодѣйствомъ омраченной!
„Я мнилъ: взойду на тронъ—и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные, и села;

Полезному открою всѣ пути,
И возвеличу блескъ престола.
„Я мнилъ: народъ меня благословитъ,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю; но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ.
„Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій...
Ахъ, удались! Дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!
Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужъ чаша наказанья!
„Взываю я—но тщетны всѣ мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы
И слышу сердца гласъ угрюмый.
Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую
И смою черное съ души пятно
И кровь царевича святую!
„Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
Не утомлюся отъ страданья
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодѣянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правленіе прославлю
И прахъ несчастнаго почтить слезой
Потомка поздняго заставлю.
„О, такъ! Хоть станутъ проклинать во мнѣ
Убійцу отрока святова,
Но не забудутъ же въ родной странѣ
И дѣлъ полезныхъ Годунова".
Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
И вдругъ, на гласъ святой надежды,
Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ
И осѣнилъ страдальца вѣжды.
И съ той поры державный Годуновъ,
Перенося гоненье рока,
Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ
И врагъ лишь одного порока.
Скончался онъ, и тихо приняла
Земля несчастнаго въ объятья...
И загремѣли за его дѣла
Благословенья и—проклятья!...

Рылѣевъ, читая мораль правителямъ, не обошелъ и ихъ подчиненныхъ. Его „Думы" не только—наставленіе для власть имущихъ, но и кодексъ морали для самихъ гражданъ. Какъ патріотъ, Рылѣевъ требовалъ отъ гражданина прежде всего любви къ ро-

динѣ, какимъ бы эта любовь испытаніямъ ни подвергалась. Измѣна отечеству была въ его глазахъ самымъ страшнымъ грѣхомъ, и онъ не поскупился на изображеніе душевныхъ терзаній тѣхъ—хотя бы героевъ—которые, враждуя съ порядкомъ, установившимся на родинѣ, рѣшились поднять противъ нея руку. Дума „Глинскій“ даетъ намъ картину такихъ душевныхъ мукъ одного литовскаго вельможи, который предпочелъ службу у великаго князя московскаго—служенію своей отчизнѣ и своему королю, съ которымъ имѣлъ личные счеты. Мрачна была по описанію Рылѣева и душа князя Курбскаго, окруженнаго ласкою и почетомъ въ Литвѣ, когда онъ сидѣлъ на пирахъ всегда угрюмый и для своей больной души все искалъ „чего-то“.

Любовь къ родинѣ—обязывала гражданина и преданностью къ ея вождю. Бѣда тому, кто, какъ царевичъ Алексѣй [Дума „Царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ“], поддастся соблазну, возмнитъ себя защитникомъ старины и задумаетъ „собрать перуны противъ отца и царя“. Слава тому, кто царя защититъ своей грудью, какъ это сдѣлаль Иванъ Сусанинъ. Ему Рылѣевъ посвятилъ одну изъ самыхъ трогательныхъ думъ, и въ ней онъ не пощадилъ поляковъ *).

Но если гражданскій долгъ обязывалъ гражданина къ повиновенію и жертвѣ, то онъ же обязывалъ и къ откровенной честной борьбѣ противъ всѣхъ гражданскихъ пороковъ. Рылѣевъ очень подробно останавливается въ своихъ „Думахъ“ на этой сторонѣ поведенія честнаго и смѣлаго гражданина.

Устами Артемона Матвѣева, сосланнаго въ Пустоозерскъ, поэтъ говоритъ:

„Пускай передъ царемъ меня
Чернитъ и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я:
Мнѣ честь сопутницей до гроба.
Щитомъ противъ коварства стрѣлъ
Среди моей позорной ссылки—
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде пылкій.
„Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовые.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободный.

*) Эта дума, какъ указываетъ баронъ Розенъ, была написана Рылѣевымъ раньше переговоровъ членовъ тайнаго общества съ делегатами, имѣвшими инструкціи отъ Патріотическаго Варшавскаго Общества. *Баронъ Розенъ* „М. Н. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 г.“. Русская Старина“ 1884. Январь, 63.

„Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о царѣ жалѣю.
„Близь трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся месть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьей—потомство,
Увы, его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ" *).

Почти тоже самое повторяетъ и Артемій Волынскій въ своей тюрьмѣ:

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ прѣзреннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.
„Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства—
И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
„Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.
„Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи—
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи...
„И пусть падетъ!—Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ

*) Дума "Артемонъ Матвѣевъ".

Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.
„Вражда къ тиранству закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ—
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную въ обломкахъ!" *).

Такимъ же глашатаемъ гражданской добродѣтели былъ въ глазахъ Рылѣева и Державинъ, къ которому онъ питалъ, какъ къ сатирику, великое уваженіе. Отдѣльное изданіе своихъ „Думъ" Рылѣевъ заканчивалъ пѣснью въ честь этого барда. Стоя надъ могилой Державина поэтъ говорилъ:

Не умеръ пламенный пѣвецъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.
„О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Не въ силахъ отказать и рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
Не умеръ ты, хотя здѣсь прахъ...
И въ звукахъ лиры сладкогласной,
И гражданъ въ пламенныхъ сердцахъ
Ты оживляешься всечасно.
„О, такъ! Нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда—долгъ его;
Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.
Избранникъ и посолъ Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, великій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.
„Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожитъ;
Какъ вольный славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
Наперекоръ судьбѣ и року,
Повсюду честь ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.
„Гремѣтъ грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ трономъ;
Ему невѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ.
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ

*) Дума „Волынскій".

Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.
„Ему ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?
Не осквернитъ онъ никогда
Порочной мыслію твореній.
Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердецъ
И развращать народа нравы.
„Поклонникъ пламенный добра,
Ничѣмъ себя не опорочитъ
И освященнаго пера
Въ нечестьи буйномъ не омочитъ.
Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
Онъ истину достойно цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ тайныхъ думахъ не измѣнитъ!
. . . .
„Парилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
„Сѣдую вызывая древность,
„И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
„Къ общественному благу ревность!“ *).

Такова гражданская мораль этихъ нѣкогда столь прославленныхъ „Думъ“. Всякій согласится, что она необычайно скромна и сдержанна. Либеральная нота, и тѣмъ болѣе протестующая, въ нихъ почти совсѣмъ не слышна, хотя у Рылѣева было намѣреніе заставить звучать ее громче. Въ его черновыхъ тетрадяхъ сохранились наброски двухъ думъ, по содержанію значительно болѣе смѣлыхъ, чѣмъ тѣ, которыя попали въ печать. Одна посвящена памяти „Мареы Посадницы“—тогда очень популярной либеральной героини, другая не менѣе либеральному и также тогда очень любимому образу—Вадима, возстающаго за свободу родины противъ ея утѣснителей варяговъ **). Эти думы остались неоконченными и не были напечатаны, а въ тѣхъ, которыя напечатаны, мы можемъ выискать развѣ лишь самые туманные намеки на настоящій оппозиціонной либерализмъ. Въ думѣ „Рогнѣда“ есть строфа, которая грозитъ „притѣснителямъ“. Въ думѣ „Богданъ Хмѣльницкій“ воспѣвается свобода украинской вольницы и, наконецъ, въ думѣ „Царевичъ Алексѣй“, которая также своевременно въ печать не попала, есть самый невинный намекъ на крѣпостное состояніе ***). Все остальное, что въ этихъ „Думахъ“ Рылѣева воспѣто и прославлено—не возвышается надъ уровнемъ самой благомыслящей гражданской морали, очень общей по своей формулировкѣ.

---

*) Дума „Державинъ“.

**) Въ этой думѣ есть такія строфы:
Грозенъ князь самовластительный!
Но наступитъ часъ ночной;
И настанетъ часъ рѣшительный,
Часъ для гражданъ роковой [*Мазаевъ*, 43].

***) Говорится о „разбросанныхъ жилищахъ утѣсненной нищеты“.

Такая умѣренность понятна, такъ какъ почти всѣ „Думы“ были сочинены Рылѣевымъ въ годы (1821—1823), когда его общественныя чувства еще не вполнѣ обострились. Это не мѣшало современникамъ восхищаться „Думами“, и какъ цѣнной литературной новинкой, и какъ гражданскимъ подвигомъ.

Прослушаемъ нѣсколько такихъ современныхъ отзывовъ, и мы увидимъ, какъ своевременна была эта, хотя и очень скромная, политическая пѣсня Рылѣева.

Что эти „Думы“ хвалилъ А. Бестужевъ, который говорилъ, что Рылѣевъ „пробилъ новую тропу въ русскомъ стихотворствѣ, избравъ цѣлью возбуждать доблести согражданъ подвигами предковъ“ [1])—то это само собою понятно. Хвалилъ ихъ и Гречъ, называя „умными благородными и живыми думами“ [2]); хвалилъ Булгаринъ, который отмѣчалъ въ нихъ ихъ „народность и благородныя чувстванія“ [3]) Ѳ. Н. Глинка признавалъ, что „Думы“ Рылѣева вышли съ большимъ блескомъ и надѣлали много шума [4]). Плетневъ говорилъ, что онѣ удовлетворяютъ любопытному вкусу чистотой и легкостью языка, наставительными истинами, прекрасными чувстваніями и картинами природы [5]), хотя онъ и полагалъ, что „исторію никакъ нельзя уломать въ лирическую пьесу“ [6]). Ѳ. И. Іорданъ утверждалъ, что „Думы“ Рылѣева заставляли въ свое время всѣхъ восхищаться [7]); Д. И. Хвостовъ, хоть и не былъ поклонникомъ „Думъ“, но полагалъ, что стихи Пушкина „Къ морю“ и „Наполеонъ“ писаны „во вкусѣ думъ Рылѣева“ [8]). Хвалилъ Рылѣева и кн. Вяземскій (правда, въ личномъ письмѣ къ нему) за то, что „Думы“ „носятъ на себѣ печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлыхъ и одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній нашихъ“ [9]). Строже всѣхъ и правильнѣе отнесся Пушкинъ къ пѣснямъ своего добраго пріятеля. Ему „Думы“ рѣшительно не нравились. Князю Вяземскому онъ писалъ, что „Думы“—дрянь и названіе ихъ происходитъ отъ нѣмецкаго dumm, а не отъ польскаго [10]). Тому

---

[1]) *А. Бестужевъ.* «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», «Полярная звѣзда», 1823, 29.

[2]) «Сынъ Отечества», 1823, № III, 113, при разборѣ «Полярной Звѣзды».

[3]) «Сѣверный Архивъ», 1824, № 5, 421—422.

[4]) *Ѳ. Н. Глинка.* «К. Ѳ. Рылѣевъ», «Русская Старина», III, 1871, 246.

[5]) *П. Плетневъ.* «Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ» 1824, «Сочиненія и переписка П. А. Плетнева», Спб. 1885, I, 186.

[6]) Письмо Плетнева къ Пушкину отъ 22 января 1825, «Сочиненія Плетнева», III, 314.

[7]) «Записки Ѳ. И. Іордана», «Русская Старина», мартъ 1891, 632.

[8]) «Графъ Д. И. Хвостовъ», «Русская Старина», августъ, 1892, 414.

[9]) Письмо кн. Вяземскаго къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву отъ 23 января 1823 г. *В. Якушкинъ.* «Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 г.г.» «Русская Старина», 1888, ноябрь, 312.

[10]) Письмо къ Вяземскому, 1825, май. «Сочиненія Пушкина» изд. Литер. Фонда, VII, 129.

же Вяземскому признавался онъ и раньше, прочитавъ только первыя „Думы", что онъ боится, какъ бы Плетневъ и Рылѣевъ не отучили его отъ поэзіи [1]). Въ письмѣ къ брату онъ „знаменитаго" Рылѣева приравниваетъ къ „знаменитому" Владиміру Панаеву [2]). А. Бестужеву замѣчалъ иронически, что Рылѣевъ—„планщикъ" (въ томъ смыслѣ, что составляетъ планы для своихъ стиховъ), что онъ, Пушкинъ, любитъ больше стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ [3]). Жуковскому онъ говорилъ, что „Думы" Рылѣева и цѣлятъ, а все не впопадъ [4]).

Самому Рылѣеву Пушкинъ писалъ, что въ его „Думахъ" встрѣчаются стихи живые, но что вообще они слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. „Всѣ они,—говорилъ онъ,—на одинъ покрой составлены изъ общихъ мѣстъ: описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая „Ивана Сусанина"—первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ" [5]).

Но, кажется, что это строгое мнѣніе Пушкина сложилось у него не сразу. Въ одномъ изъ его черновыхъ писемъ есть любопытная замѣтка. Въ 1823 году, когда Пушкинъ боялся, что Рылѣевъ отучитъ его отъ поэзіи, онъ пишетъ Вяземскому: „Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ едва ли не лучше думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: *такъ онъ вдругъ выросъ*" [6]).

Но Пушкинъ въ своихъ отзывахъ былъ всетаки ближе всѣхъ къ истинѣ, такъ какъ, дѣйствительно, первая попытка его друга перейти за границы чисто личнаго, лирическаго творчества оказалась не вполнѣ удачной. Это произошло потому, что талантъ Рылѣева не былъ талантомъ сильнымъ и оригинальнымъ, и навыкъ писательства для него очень много значилъ. Его талантъ обнаружилъ себя не сразу, а крѣпъ въ опытахъ, и лучшимъ доказательствомъ этому служатъ его „Поэмы", къ созданію которыхъ онъ приступилъ съ 1824 года, когда литературный навыкъ былъ уже пріобрѣтенъ въ работѣ надъ „Думами".

---

[1]) «Письма Пушкина и къ Пушкину». М. 1903, 13. Письмо къ кн. Вяземскому 1823 г.

[2]) Письмо къ Л. Пушкину 1823. Сочиненія, VII, 48.

[3]) Письмо къ Бестужеву, ноябрь 1825. Сочиненія, VII, 166.

[4]) Письмо къ Жуковскому, май 1825. Сочиненія VII, 131.

[5]) Письмо къ Рылѣеву, апрѣль 1825. Сочиненія VII, 127. Пушкинъ вообще придерживался того взгляда, что тотъ, кто пишетъ стихи, прежде всего долженъ быть поэтомъ; если же хочешь просто гражданствовать, то пиши прозой (Сочиненія VII, 146).

[6]) Письмо къ Вяземскому, 1823, ноябрь. Сочиненія VII, 56.

XII.

„Поэмы“ Рылѣева, это—тѣ же „Думы“, но только углубленныя по содержанію, расширенныя въ размѣрѣ и въ художественномъ смыслѣ значительно лучше выполненныя. Матеріалъ къ нимъ былъ собранъ раньше 1824 года, когда онѣ стали появляться въ печати. Увлеченіе Рылѣева малорусской стариной направило очень рано его вниманіе на исторію стараго козачества, которое для его вольнолюбивой души было полно всяческихъ приманокъ. Страницы старинной вольницы, изученныя на мѣстѣ, будили въ немъ и чувство, и фантазію.

Вмѣсто цѣлой галлереи миѳическихъ, легендарныхъ и историческихъ образовъ, взятыхъ изъ самыхъ различныхъ эпохъ нашей жизни и очень средственно обрисованныхъ въ „Думахъ“, въ поэмахъ Рылѣева есть единство и цѣльность художественной концепціи,—одна полная историческая картина, съ исторически вѣрными фигурами на первомъ планѣ, съ разработанной психологіей дѣйствующихъ лицъ и съ обстановкой, схваченной съ натуры. Все это даетъ большой перевѣсъ поэмамъ Рылѣева надъ его первыми попытками въ эпическомъ стилѣ.

Изъ этихъ поэмъ Рылѣевъ успѣлъ закончить только одну—поэму „Войнаровскій“, остальныя дошли до насъ въ видѣ отрывковъ.

Сюжеты всѣхъ этихъ историческихъ пѣсенъ взяты изъ исторіи борьбы Малороссіи за свою вѣру и свободу *). Этотъ основной боевой кличъ становится съ каждой поэмой все сильнѣе и

---

*) За исключеніемъ лишь одного отрывка «Партизаны», который указываетъ, что Рылѣевъ имѣлъ въ виду воспѣть Отечественную войну 1812 года. Въ отрывкѣ есть очень недурная партизанская пѣсня:

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.
Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми донцами.
Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ за чашей круговой
Минуты отдыха проводимъ.
Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча...

[*Мазаевъ*, 76].

опредѣленнѣе, и надо пожалѣть, что кромѣ „Войнаровскаго“ остальныя пѣсни остались недопѣтыми *).

---

*) А этихъ неоконченныхъ пѣсенъ было много. Послѣ «Войнаровскаго», который былъ написанъ въ 1824 году, Рылѣевъ принялся писать поэму изъ жизни Наливайки, затѣмъ составилъ планъ для «Хмѣльницкаго», который хотѣлъ выполнить въ 6 пѣсняхъ, проектировалъ также написать «Мазепу» Изъ поэмы «Хмѣльницкій» уцѣлѣлъ отрывокъ «Гайдамакъ». Онъ характеренъ, какъ хорошій примѣръ «байроническаго письма»:

«Въ немъ (въ Гайдамакѣ) не волнуютъ уже кровь
Младыхъ украинокъ любовь
И вѣрной дружбы гласъ привѣтный;
Давно онъ ко всему примѣтно
Остылъ безчувственной душой;
Въ ней вѣетъ холодъ гробовой:
Она, какъ хладная могила,
Его всѣ блага поглотила...
Всегда опущены къ землѣ
Его сверкающія очи;
Темнѣетъ на его челѣ
Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
Еще никто не зрѣлъ того,
Чтобы хотя на мигъ единый
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовомъ лицѣ его.
Однажды только, увѣряли,
Въ немъ очи радостью сверкали:
То было въ зáмкѣ богача,
Убитаго имъ на Волыни,
Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,
Гдѣ гнѣвъ небесный—саранча;
Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ хладно,
Гдѣ все погибло безпощадно
Иль отъ огня, иль отъ меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ногъ лежалъ магнатъ:
Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
Вонзилъ онъ съ хохотомъ булатъ...» [*Мазаевъ*, 74].

Многое обѣщала, кажется, и поэма «Мазепа», отъ которой сохранились лишь два удачныхъ отрывка. Въ особенности удалась Рылѣеву «Пѣсня сторонниковъ Мазепы»:

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—
Возвратимъ права народу
Иль со славою умремъ!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечомъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права!
Смѣло, други, въ бой свирѣпый!

Избирая Андрея Войнаровскаго героемъ цѣлой эпической поэмы *), Рылѣевъ счелъ нужнымъ познакомить читателя съ этой мало извѣстной личностью, и потому въ изданіи, которое было напечатано въ Москвѣ осенью 1825 года, онъ помѣстилъ нѣсколько пояснительныхъ приложеній. Поэма открывалась посвященіемъ А. А. Бестужеву. Рылѣевъ говорилъ своему другу много нѣжностей и въ послѣднихъ строкахъ—желая заранѣе отпарировать его строгій судъ—признавался открыто, что въ его поэмѣ „нѣтъ искусства", но что въ ней есть живыя чувства, и это потому, что онъ—Рылѣевъ—*„не поэтъ, а гражданинъ"*. За посвященіемъ слѣдовала краткая біографія Мазепы, составленная А. Корниловичемъ—также другомъ Рылѣева и впослѣдствіи декабристомъ. За этой біографіей слѣдовала другая,—жизнеописаніе самого Андрея Войнаровскаго, составленное А. Бестужевымъ. Изъ этой краткой біографіи читатель узнавалъ, что Андрей Войнаровскій былъ родной племянникъ Мазепы и былъ посланъ Мазепой въ Германію учиться наукамъ и иностраннымъ языкамъ. Европейски образованнымъ человѣкомъ вернулся онъ на родину и поступилъ на службу къ своему дядѣ. Онъ сталъ участникомъ тайныхъ замысловъ Мазепы и, какъ врагъ Россіи, дѣйствовалъ въ Турціи и въ Крыму. Одно время онъ былъ коронnымъ воеводою въ Царствѣ Польскомъ, а затѣмъ, когда Мазепа проигралъ свое дѣло и умеръ, Войнаровскій проживалъ въ Вѣнѣ, Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240,000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ, по требованію россійскаго резидента. Однако жъ, вслѣдствіе протеста вѣнскаго двора, по правамъ нейтралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго, и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго отдаться милости Петра I предала его во власть рус-

---

Жаждетъ битвы вѣрный конь...
Смѣло, дружно за Мазепой—
На мечи и на огонь! [*Мазаевъ*, 76].

Рылѣевъ давно интересовался судьбой знаменитаго гетмана. Одно время онъ собирался написать драму изъ жизни Мазепы и даже приступилъ къ разработкѣ сценарія [*В. Якушкинъ*. «Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ» «Вѣстникъ Европы», ноябрь 1888, 209]. О Мазепѣ говорилъ онъ и въ своей думѣ «Петръ Великій въ Острогожскѣ»; наконецъ, и судьба Андрея Войнаровскаго была тѣснымъ образомъ связана съ судьбой Мазепы. Поэтъ, конечно, идеализируетъ этотъ старый образъ, и великій хитрецъ и политикъ въ его изображеніи становится охранителемъ вольностей малорусскаго народа и «гражданиномъ» въ смыслѣ Рылѣева [Срв. *А. Бороздинъ*. «Литературныя характеристики», I, 201].

*) Сначала, какъ видно по черновымъ тетрадямъ, поэма «Войнаровскій» должна была называться «Ссыльный».

скихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы, и ея заступничество спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь, но когда и какъ—неизвѣстно. Знаменитый ученый Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири, въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ Войнаровскаго въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Исторію послѣднихъ дней его жизни и пожелалъ разсказать Рылѣевъ въ своей поэмѣ. Это была печальная исторія политическаго ссыльнаго, влачащаго одиноко свои безцвѣтные дни среди угрюмой сибирской природы, исторія медленнаго увяданія нѣкогда кипучаго сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ повѣсть о быломъ, о годахъ счастливой и славной жизни на вольной Украйнѣ.

Поэма могла стать очень трогательной и патетичной, если бы авторъ не выбралъ для нея слишкомъ однообразной формы: она почти цѣликомъ состоитъ изъ разсказа Войнаровскаго о своемъ прошломъ и настоящемъ, разсказа, который слушаетъ, случайно на сѣверѣ съ Войнаровскимъ встрѣтившійся, историкъ Миллеръ.

„Нельзя читать безъ волненія—писалъ одинъ современникъ—*пророческой* поэмы Рылѣева „Войнаровскій“, гдѣ Рылѣевъ себя олицетворяетъ подъ именемъ Мазепы, но самъ становится въ тѣнь, въ виду блеска, который придаетъ поэтической фигурѣ Александра Бестужева—своего самого близкаго друга“*). Трудно, конечно, уловить умышленное сходство между Мазепой и Рылѣевымъ, и Войнаровскимъ и Бестужевымъ, но если вспомнить, что одинъ погибъ за свое дѣло, другой былъ осужденъ въ ссылку, то при извѣстной живости фантазіи можно допустить такую аналогію. Она тѣмъ болѣе напрашивается, что въ стихахъ Рылѣева иногда, дѣйствительно, слышится какъ бы пророчество.

Н. Бестужевъ утверждалъ, что Рылѣевъ имѣлъ предчувствіе той участи, которая его ожидала; **) быть можетъ, въ данномъ случаѣ Н. Бестужевъ нѣсколько поддался обычному своему лиризму, какъ это съ нимъ случалось часто, но нельзя всетаки отдѣлаться отъ нѣкотораго страннаго чувства, когда, читая стихи Рылѣева, думаешь о томъ, что ожидало его и его товарищей. Смерть на плахѣ и ссылка—одно изъ любимыхъ драматическихъ положеній въ стихотвореніяхъ Рылѣева. Думы „Глинскій“, „Курбскій“, „Артемонъ Матвѣевъ“, „Волынскій“ „Минихъ“—все разныя варіаціи на тему о протестовавшихъ и пострадавшихъ сильныхъ личностяхъ. Всего яснѣе сознаніе опасности и ожиданіе грядущей кары выражено—какъ мы увидимъ—въ поэмѣ „Наливайко“; есть оно и въ „Войнаровскомъ.“

---

*) *Schnitzler*. Histoire intime de la Russie I; 207. 1854.

**) *Н. Бестужевъ*. „Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ“. Сочиненія Рылѣева. Лейпцигъ 1861, 3,4.

Если бы мы не знали, какъ кончилъ Рылѣевъ, то, читая „Войнаровскаго“, мы могли бы подумать, что поэма написана по личнымъ воспоминаніямъ сибирскаго ссыльнаго: такъ соблюденъ въ ней мѣстный колоритъ и такъ правдиво переданы чувства изгнанника. Въ этомъ колоритѣ, въ этой тонкой психологіи и, наконецъ, въ отдѣлкѣ внѣшней—вся литературная стоимость „Войнаровскаго“.

Припомнимъ, напр., такую картину природы:

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины...
Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака...

или такое описаніе охоты, когда Войнаровскій, въ трескучій морозъ—

Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ.. Вдругъ выстрѣлъ!.. Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ
Окровавленный упадаетъ...

или такую параллель между вольнымъ сердцемъ и вольной рѣкой:

„Видалъ ли ты, когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль, поднимая дикій вой,

Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи?
Такъ мы, свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей...

или, наконецъ, заключительныя строфы поэмы, въ которыхъ разсказывается, какъ Миллеръ шелъ возвѣстить Войнаровскому его освобожденіе, какъ онъ летѣлъ къ нему съ отрадной вѣстью о прощеньи и свободѣ, и какъ нашелъ своего друга замерзшимъ на могилѣ его жены, которая дѣлила съ нимъ его изгнаніе.

Но вотъ онъ (Миллеръ) къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣчать его нейдетъ...
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтный
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ:
Все пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
„Все въ запустѣньи! мыслитъ странникъ:
Куда жъ сокрылся ты, изгнанникъ?"
И думой мрачной отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ —
И что же видитъ предъ собою?
Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ оцущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣньи роковомъ;
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины;
Какъ мраморъ, лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

Когда читаешь всѣ эти строки, кажется, что онѣ писаны не Рылѣевымъ, а кѣмъ нибудь изъ его друзей, проживавшихъ на берегахъ Лены.

Приходится удивляться также и той отчетливости, съ какой воспроизведены въ поэмѣ Рылѣева думы и чувства ссыльнаго.

Раннее туманное утро, крутой берегъ Лены, и одинокій печальный путникъ съ длинной винтовкой за спиной... Давно онъ привезенъ въ крытой кибиткѣ въ эту страну изгнанія, давно посѣдѣли примѣтно его и усъ, и борода; онъ — не уголовный преступникъ, и на лбу его нѣтъ постыдной печати, но видъ его вдвое суровѣе, чѣмъ дикій видъ каторжника:

Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ предъ бурей мрачнымъ днемъ.
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ—
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ,
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ,

а между тѣмъ:

При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдого пришлеца
Въ избыткѣ чувствъ текутъ, какъ волны.

Онъ весь — огонь и стремленіе подъ мертвой и льдистой оболочкой. „Я,— Войнаровскій“, говоритъ онъ своему нежданному собесѣднику:

Ты видишь, дикъ я и угрюмъ,
Брожу, какъ остовъ—очи впали,
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ
Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ,
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей—
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага...
Но зналъ и я когда-то радость
И отъ души людей любилъ,
И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье
И пылкой юности мечты...

Эти пылкія мечты юности пришлось Вайнаровскому въ Сибири не только вспомнить, но какъ-бы пережить вновь, когда нежданно въ его заточеніе къ нему вернулась его супруга, чтобы дѣлить съ нимъ всю тягость изгнанія—правда, ненадолго, такъ какъ смерть поджидала ее въ этомъ сумрачномъ краѣ. Этотъ вводный, съ исторіей несогласный, эпизодъ въ поэмѣ хоть и до нельзя романтиченъ, сентименталенъ и условенъ, но безспорно трогателенъ и также полонъ пророчества. Кто не вспомнитъ женъ декабристовъ, читая эти строфы:

Разъ у якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой.
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня,
И свирѣпѣлъ морозъ жестокій.
Передо мной скалы и лѣсъ
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдаль тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался между горъ.
Въ боку былъ виденъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней... И что же?.. Узнаю
Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!..
Узнавъ объ участи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнаньѣ.
О, странникъ! Тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье!
Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы, я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я;
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

И какъ послѣ всего, что выстрадано и передумано, не испугаться грядущаго, не застыть въ ужасѣ передъ призракомъ близкой и безвѣстной смерти и не задуматься надъ тѣмъ, во что раньше безотчетно вѣрилъ?

Ахъ, можетъ былъ я въ заблужденьи,
Кипящей ревностью горя,
Но я въ слѣпомъ ожесточеньи
Тираномъ почиталъ царя... (Петра)
Быть можетъ, увлеченный страстью,

Не могъ я цѣну дать ему
И относилъ то къ самовластью,
Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой;
Рожденный съ пылкою душой,
Полезнымъ быть родному краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ пустынной и чужой.
Какъ тѣнь, вездѣ тоска со мною...
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей.
Душѣ честолюбивой бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ,
Тая тоску въ душѣ своей,
Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
Далеко отъ родныхъ степей...
Почто, почто въ битвѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
Почто съ безславіемъ иль со славой
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы, умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокій рокъ;
Умру я—и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!"

Кто читалъ записки декабристовъ, тотъ вспомнитъ, какъ нѣкоторымъ изъ нихъ навертывались подобныя мысли, очень схожія съ мыслями Войнаровскаго, и какъ часто въ заточеніи они спрашивали себя—какъ спрашивалъ и Войнаровскій:

Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ—врага иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?

Надъ всѣми этими намеками и параллелями читатель 1825 г., конечно, не задумывался. Поэма Рылѣева пріобрѣла особый смыслъ лишь послѣ 14 декабря, когда всѣ могли подивиться ея пророческому дару предвѣдѣнія; вѣроятно, въ силу этого она и подверглась цензурнымъ преслѣдованіямъ.

Но и помимо этихъ аналогій, которыя получили свой смыслъ значительно позже, основная мысль поэмы могла еще до 14 декабря возбудить бдительность *) цензуры и, по свидѣтельству

*) „Впрочемъ, вообще говоря, „Войнаровскій" пострадалъ въ 1825 году отъ цензурныхъ прижимокъ немного — этому онъ обязанъ Петру Александровичу Муханову († 1854), одному изъ благороднѣйшихъ и образованныхъ людей того времени. Мухановъ живо интересовался отечественной литерату-

самого Рылѣева, цензура, дѣйствительно, нѣсколько ощипала „Войнаровскаго“ *), и поэма была напечатана съ пропусками, которые, однако, были восполнены въ ходившихъ по рукамъ спискахъ **).

Основная мысль поэмы на первый взглядъ не заключала въ себѣ ничего либеральнаго; она была скорѣе патріотическая. При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ Войнаровскому, авторъ остался на сторонѣ Петра и возстаніе и измѣну Мазепы считалъ государственнымъ преступленіемъ. Чтобы убѣдить въ этомъ читателя, онъ и предпослалъ своей поэмѣ „жизнеописаніе Мазепы“, написанное Корниловичемъ. Въ этой біографіи Корниловичъ, отдавая должное таланту Мазепы, не признавалъ въ немъ защитника вольностей малороссійскихъ; его измѣну онъ объяснялъ, какъ разсчетъ личныхъ выгодъ, и указывалъ на его личное мелочное честолюбіе. Біографъ отказывался признать въ предательскомъ сердцѣ Мазепы чувство любви къ родинѣ. Рылѣевъ, повидимому, раздѣлялъ этотъ взглядъ Корниловича, потому что въ своемъ предисловіи къ поэмѣ писалъ: „считаемъ за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть (!), въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ: и могло ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія.—Желая преклонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ великаго государя — но истина восторжествовала, и провидѣніе наказало измѣнника.“

Были ли эти слова написаны для цензуры ***), или во взглядѣ Рылѣева на Мазепу, дѣйствительно, не было единства, но только въ самой поэмѣ, всякій разъ, когда рѣчь заходила про

рой, много самъ для нея работалъ, и, плѣнясь поэтическими красотами „Войнаровскаго“, употребилъ всѣ старанія, чтобы провести его сквозь цензурныя колодки“. „Русская Старина“ 1871. III. 521. „Замѣтка объ изданіяхъ „Войнаровскаго“.

*) Письмо Рылѣева къ Пушкину, мартъ 1825. *Мазаевъ*, 159.

**) „Замѣтка о „Войнаровскомъ“, „Русская Старина“ 1871 III, 647.

***) Безспорно для цензуры были въ текстѣ помѣщены нѣкоторыя примѣчанія. На слова Войнаровскаго о томъ, что онъ брошенъ въ дальніе снѣга за дѣло чести и отчизны—замѣчено: „такъ извиняетъ свое преступленіе справедливо и милосердно наказанный Войнаровскій.“ Къ словамъ Мазепы, сказанныхъ Войнаровскому, готовъ ли онъ не пожалѣть себя за Украйну, замѣчено: „напрасная забота! о благѣ Украйны пекся великій преобразователь Россіи.“ Противъ словъ Мазепы о томъ, что онъ рѣшился на измѣну, стоитъ: „какая слава озарила бы Мазепу, если бы онъ содѣйствовалъ Петру въ незабвенную битву полтавскую! какое безславіе омрачаетъ его за вѣроломное оставленіе побѣдоносныхъ рядовъ Петра!“ Къ словамъ Мазепы: „и Петръ и я—мы оба правы“ сдѣлано такое примѣчаніе: „это голосъ безразсуднаго отчаянія Мазепы, разбитаго подъ Полтавой. Удивительная дерзость—сравнивать себя съ Петромъ.“

Мазепу, авторъ отдавался не историческимъ воспоминаніямъ, а порыву собственныхъ гражданскихъ чувствъ, и патріотизмъ переходилъ въ либеральный паѳосъ. Съ этимъ паѳосомъ Мазепа говорилъ, напр., Войнаровскому:

„Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ,
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыкаться суждено.
Ты не таковъ—я это вижу;
Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей—честью.
Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту Великаго Петра;
Но—покоряяся судьбинѣ —
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!..
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ случая всему рѣшенье;
Успѣхъ не вѣренъ, и меня
Иль слава ждетъ, иль поношенье.
Но я рѣшился; пусть судьба
Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ!"

И Войнаровскій остался вѣренъ своему дядѣ, любя въ немъ не столько человѣка и родственника, сколько именно борца за свободу родины. Онъ относился къ Мазепѣ, какъ къ человѣку, даже критически, подчеркивая свой собственный образъ мыслей, мыслей свободныхъ, мужественныхъ, античнo-республиканскихъ:

Онъ (Мазепа) приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ —
Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя

Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
И, странникъ, повторю: не знаю,
Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю.
Но знаю то, что, затая
Любовь, родство и гласъ природы,
Его сразилъ бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы.

Мазепа умеръ, никому не открывъ своихъ замысловъ, и всѣ, кто шелъ за его гробомъ, остались при убѣжденіи, что они съ Мазепой хоронятъ свободу своей родины. Такъ думалъ и Войнаровскій, и память о Мазепѣ была для него единственнымъ утѣшеніемъ въ тяжелые дни тоски и унынія на дальнемъ сѣверѣ: все мнилось ему, что, какъ отпрыскъ славнаго вольнолюбиваго рода, онъ, Войнаровскій, можетъ быть еще нуженъ для великаго дѣла. Онъ говорилъ:

Съ душой для счастія увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ;
Я много горя испыталъ,
Но, тяжкой жизнью недовольный,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья въ смерти самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила
И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно свободный,
Дѣлами истинно великъ.
Но онъ достоинъ укоризны —
Сограждан самъ онъ погубилъ:
Онъ торжество враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ...
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ бъ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю...
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И, достояніе отцовъ,
Воскреснетъ прежняя свобода!..“

Избирая Мазепу и его племянника выразителями своихъ гражданскихъ чувствъ и идеаловъ, Рылѣевъ, какъ видимъ, долженъ

былъ чувствовать себя не вполнѣ свободнымъ. Онъ сам колебался въ оцѣнкѣ гражданскихъ добродѣтелей Мазепы, а за Войнаровскимъ особыхъ боевыхъ заслугъ не было. Для роли борцовъ за свободу родины исполнители были на этотъ разъ выбраны не вполнѣ удачно.

Рылѣевъ понималъ это и, окончивъ „Войнаровскаго", рѣшилъ ту же тему разработать въ новой поэмѣ. На этотъ разъ онъ остановился на личности гетмана Наливайки, на одной изъ самыхъ героичныхъ фигуръ въ исторіи борьбы казачества за вѣру и вольность.

Надъ поэмой „Наливайко" онъ работалъ очень усердно, и незадолго до 14 декабря значительная ея часть была готова *). Поэма была широко задумана, какъ это видно изъ сохранившейся въ бумагахъ Рылѣева программы **).

Дошедшіе до насъ отрывки представляютъ, однако, слишкомъ незначительный матеріалъ, чтобы судить о литературныхъ достоинствахъ всего произведенія, хотя и на этихъ отрывкахъ можно замѣтить, насколько стихъ Рылѣева окрѣпъ и сталъ болѣе образенъ.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ важна не столько художественная отдѣлка, сколько основная тенденція поэмы...

Это—та же пѣсня въ честь свободы, но уже совсѣмъ безъ оговорокъ и всякихъ неясностей. Наливайко,—это настоящій мститель за буйства и утѣсненія, которыя поляки себѣ позволили надъ Украйной; онъ готовъ идти на убійства ради своей идеи, и все: и любовь его, и дружба принесены въ жертву одному гражданскому чувству, его безграничной жаждѣ свободы для своей родины. „Ты правъ", говоритъ онъ одному изъ своихъ друзей:

— люблю родныхъ;
Мнѣ тяжко видѣть ихъ въ неволѣ,
Всѣмъ жертвовать готовъ для нихъ,
Но родину люблю я болѣ...
Забывъ вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть можетъ, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вѣковыя оскорбленья
Тиранамъ родины прощать
И стыдъ обиды оставлять
Безъ справедливаго отмщенья

*) *П. Ефремовъ*. „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева" 1875, 330.

**) Программа: Сельская картина. Нравы малороссіянъ. Кіевъ. Чувства Наливайки. Картины Украйны. Уніаты, евреи, поляки. Притѣсненія и жестокость поляковъ... Смерть старосты. Возстаніе народа. Наливайко—гетманъ. Новыя жестокости поляковъ. Походъ [Церковь. Пещера. Походъ казаковъ. Молитва Наливайки. Онъ можетъ и не хочетъ бѣжать.] Сраженіе. Тризна. Миръ. Лобода и Наливайко въ Варшавѣ [Наливайко въ темницѣ). Казнь ихъ. Эпилогъ [*Мазаевъ*, 67].

Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
Такъ можетъ быть и подлъ, и слабъ.
Могу ли равнодушно видѣть
Порабощенныхъ земляковъ?
Нѣтъ, нѣтъ! мой жребій—ненавидѣть
Равно тирановъ и рабовъ!..

И если есть средство возродить раба для новой жизни, то оно только въ пробужденіи таящагося въ немъ чувства свободы. Обозрѣвая лихіе полки казаковъ, выступившихъ съ нимъ въ походъ, Наливайко говоритъ своему другу:

Какъ измѣнилось все. Давно ли
Казакъ съ печали увядалъ,
Стоналъ и подъ ярмомъ неволи
Въ себѣ всѣ чувства подавлялъ?
Возьмутъ свое права природы;
Безсмертна къ родинѣ любовь;
Раздастся гласъ святой свободы,
И рабъ проснется къ жизни вновь.

Нѣтъ ничего болѣе тяжкаго и печальнаго, чѣмъ чувства порабощеннаго человѣка: даже улыбка весны развеселить его не можетъ. Среди общей радости поляковъ, евреевъ и уніатовъ—

Одни украинцы тоскуютъ,
И имъ не въ праздникъ пиръ весны.
Что за веселье безъ свободы,
Что за весна—весна рабовъ!
Имъ чужды всѣ красы природы,
Въ душахъ ихъ вѣчный мракъ гробовъ.
Печали облако не сходитъ
Съ ихъ истомленнаго лица;
На души ихъ, на ихъ сердца
Все новую тоску наводитъ.

На нихъ и на себя призываетъ Наливайко Божіе благословеніе, и за нихъ и за себя онъ молится:

Ты зришь, о Боже всемогущій!
Злодѣйствамъ ляховъ нѣтъ числа;
Какъ дубъ, на темѣ горъ растущій,
Тирановъ дерзость возросла.
Я невиновенъ, Боже правый,
Когда здѣсь хлынетъ кровь рѣкой;
Войну воздвигъ я не для славы,—
Я поднялъ мечъ за край родной.
Ты лицемѣровъ ненавидишь,
Ты грозно обличаешь ихъ;
Ты съ высоты небесъ святыхъ
На днѣ морскомъ песчинку видишь;
Ты проницаешь, мой Творецъ,
Въ изгибы тайные сердецъ...

Когда, наконецъ, созрѣлъ его замыселъ, и Наливайко видитъ себя вынужденнымъ начать дѣло кроваваго освобожденія, онъ

„какъ благоговѣйный сынъ“ церкви, очищаетъ душу свою постомъ и отдаетъ исповѣдь печерскому схимнику.

Эта „Исповѣдь“ самое сильное мѣсто въ поэмѣ.—Она была напечатана въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 годъ и стала случайно предсмертнымъ стихотвореніемъ Рылѣева. Самъ авторъ былъ ею очень доволенъ и писалъ Пушкину: „Въ „Исповѣди“— мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства Наливайко, хотя, наоборотъ, въ удальствѣ болѣе дѣла *).

„Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу **)
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я на душу принять готовъ.
Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ—Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть—рай!..
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все исчезло, какъ призракъ.
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ—
Какъ стая кровожадныхъ врановъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ, и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.

---

*) Письмо къ Пушкину. Май 1825 *Мазаевъ*, 161.

**) Въ рукописи къ этимъ стихамъ такой варіантъ:

Ахъ, еслибъ возвратить я могъ
Порабощенному народу
Блаженства общаго залогъ —
Былую праотцевъ свободу!
Вновь возвратить его свободу —

[„Русская Старина“ 1871 III, 112].

Одна мечта и ночь, и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
„Пора!" мнѣ шепчетъ голосъ тайный:
„Пора губить враговъ Украйны!"
Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!"

Поэма „Наливайко", какъ и „Войнаровскій", тоже получила особый смыслъ послѣ 14 декабря 1825 года. Она была точнымъ поэтическимъ возсозданіемъ тѣхъ чувствъ, какими былъ полонъ Рылѣевъ въ послѣдній годъ своей жизни; и такъ какъ въ обѣихъ поэмахъ авторъ былъ вполнѣ искрененъ, то и въ художественномъ отношеніи онѣ были несравненно болѣе цѣнны, чѣмъ все имъ написанное раньше.

Достоинство „Поэмъ" и ихъ серьезное содержаніе были сразу замѣчены современниками.

Одинъ изъ современниковъ Н. А. Маркевичъ писалъ Рылѣеву: „До сихъ поръ я писалъ вамъ, какъ человѣкъ, который любитъ стихи, но знаетъ цѣну своимъ собственнымъ; теперь позвольте мнѣ вамъ писать, какъ истинный гражданинъ своего любезнаго отечества, какъ добрый малороссіянинъ... Итакъ, могу ли я хладнокровно читать „Вайноровскаго" и „Наливайку"? Примите мою и всѣхъ знакомыхъ мнѣ моихъ соотечественниковъ благодарность. Будьте увѣрены, что благодарность наша искренняя, что мы отъ души чувствуемъ цѣну трудовъ вашихъ, которые васъ и предковъ нашихъ прославляютъ. Мы не потеряли еще изъ виду дѣяній великихъ мужей малороссіанъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась прежняя сила чувствъ и преданности къ отчизнѣ. Вы еще найдете живымъ у насъ духъ Полуботка. Примите нашу общую благодарность: вы много сдѣлали, очень много! Вы возвышаете цѣлый народъ,—горе тому, кто идетъ на усмиреніе цѣлыхъ странъ, кто покушается покрыть презрѣніемъ цѣлые народы, и они ему платятъ презрѣніемъ... Но слава тому, кто прославляетъ величіе души человѣческой, и кому народы цѣлые должны воздавать благодарность. „Исповѣдь Наливайки" врѣзана въ сердцахъ нашихъ и моемъ также" *).

*) *В. Якушкинъ.* „Изъ литературной и общественной исторіи 1820—1830 г." Русская Старина" 1888, декабрь, 599.

Приблизительно тоже писалъ Рылѣеву и другой его пріятель П. А. Мухановъ (въ послѣдствіи декабристъ). „Войнаровскій"— твой почтенный дитятко—писалъ онъ,—попалъ къ намъ въ гости; мы его приняли весьма гостепріимно, любовались имъ; онъ побывалъ у всѣхъ здѣшнихъ любителей и съѣздилъ въ Одессу... Войнаровскій твой отлично хорошъ. Я читалъ его М. Орлову (члену тайнаго общества), который имъ любовался; Пушкинъ тоже. И тебѣ стыдно, любезный другъ, что ты спишь, а не пишешь. Пора докончить *)... Вообще находятъ въ твоей поэмѣ много чувства, пылкости. Портретъ Войнаровскаго прекрасенъ. Все это шевелитъ души, но много нагихъ мѣстъ, которыя ты долженъ бы украсить описаніемъ мѣстности. Орловъ говоритъ, что, соединивъ высокія твои чувства съ романтизмомъ, ты бы чрезвычайно украсилъ свою поэму" **).

Большой успѣхъ „Войнаровскаго" и „Наливайко" отмѣчаетъ и декабристъ А. П. Бѣляевъ въ своихъ воспоминаніяхъ ***). Н. Бестужевъ — ставилъ „Войнаровскаго" по „соображенію и духу" выше всѣхъ поэмъ Пушкина ****), хотя и признавалъ, что по стихосложенію поэма Рылѣева не можетъ равняться даже съ самыми слабыми стихами Пушкина. Въ большомъ восхищеніи отъ отрывковъ „Наливайки" былъ и Дельвигъ *****).

Пушкинъ относился къ поэмамъ Рылѣева болѣе сдержанно, чѣмъ другіе, но и онъ, прочитавъ ихъ, значительно повысилъ свое мнѣніе о Рылѣевѣ, какъ поэтѣ. „Съ Рылѣевымъ мирюсь,— писалъ онъ брату: „Войнаровскій полонъ жизни". „Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его „Думъ", говорилъ онъ Бестужеву: слогъ Рылѣева возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ." „Если „Палѣй" пойдетъ, какъ начатъ, Рылѣевъ будетъ министромъ (на Парнассѣ)", читаемъ мы въ другомъ письмѣ къ Л. С. Пушкину. Ему же онъ писалъ изъ деревни, что „Войнаровскій" ему очень нравится, и что ему скучно, что его здѣсь нѣтъ у него." „Откуда ты взялъ, писалъ онъ Бестужеву, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ" я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ

*) Письмо писано въ 1824 г., и Мухановъ былъ знакомъ съ „Войнаровскимъ" только по отрывкамъ, которые были напечатаны въ журналахъ.

**) *П. Ефремовъ.* „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева". 1875, 306.

***) „Воспоминанія А. П. Бѣляева", „Русская Старина" 1881 мартъ, 488.

****) *Н. Бестужевъ.* „Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ". „Сочиненія Рылѣева" Лейпцигъ 1861, 26. Н. Бестужевъ въ оцѣнкѣ Пушкина держался вообще того мнѣнія, что Пушкинъ „не постигъ примѣненія своего таланта и употребилъ его не тамъ, гдѣ бы слѣдовало, что онъ искалъ вѣрныхъ, красивыхъ разительныхъ описаній, ловкости оборотовъ, гармоніи, ласкающей ухо, и проходилъ мимо высокаго ощущенія, глубокой мысли. Бестужевъ говорилъ, что если перевести сочиненія Рылѣева и Пушкина на иностранный языкъ, то Пушкинъ станетъ ниже Рылѣева.

*****) Письмо Пушкина къ брату. Апрѣль 1825. Сочиненія VII, 126.

его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ: я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай: да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ „Войнаровскаго" и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Бога, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!" „Чернецъ" Козлова полонъ чувства и умнѣе „Войнаровскаго", но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ" *).

Самому Рылѣеву Пушкинъ писалъ: „жду „Полярной Звѣзды" съ нетерпѣніемъ: знаешь для чего? для „Войнаровскаго". Эта поэма нужна была для нашей словесности", и въ концѣ письма онъ прощается съ Рылѣевымъ словами: „Прощай, *поэтъ*" **).

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ ***) видно, какъ единодушно былъ всѣми признанъ быстрый ростъ таланта Рылѣева ****). На поэта

---

*) Сочиненія Пушкина. Изданіе Лит.-Фонда, 69, 71, 111, 121, 117, 129.

**) Письмо къ Рылѣеву. Январь 1825. Сочиненія VII, 107. Въ „Войнаровскомъ" Пушкину особенно нравилось описаніе казни Кочубея, которую Мазепа видитъ во снѣ. „Есть у него, писалъ онъ Вяземскому, какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ". Слова эти относятся къ слѣдующимъ стихамъ въ поэмѣ:

„Вотъ, вотъ они!.. При нихъ палачъ!"
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая!.. Всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!.."

Н. Бестужевъ утверждаетъ, что противъ стиха „вотъ засучилъ онъ рукава" Пушкинъ написалъ на поляхъ своего экземпляра (который онъ вернулъ Рылѣеву со своими замѣтками): „Продай мнѣ этотъ стихъ".

***) Ихъ немного, такъ какъ послѣ 14 декабря имя Рылѣева въ печати не попадалось.

****) Если вѣрить А. О. Смирновой, то „Войнаровскій" понравился и императору Николаю Павловичу. Въ своихъ запискахъ она пишетъ: „Когда схватили бумаги Рылѣева, Одоевскаго, Кюхельбекера и Бестужевыхъ-Рюминыхъ (т. е. просто Бестужевыхъ), полиція отложила отдѣльно литературныя рукописи, Бенкендорфъ сохранилъ ихъ и отдалъ ихъ Государю только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія процесса. Государь прочелъ ихъ. Мнѣ кажется, что Рылѣевъ напечаталъ „Войнаровскаго" около 1825 г., „Думы"—раньше, но Государь не былъ знакомъ съ ними. Онъ говорилъ съ Жуковскимъ о поэтахъ-декабристахъ, жалѣя о томъ, что не зналъ, что у Конрада (sic) Рылѣева такой талантъ и что даже Бестужевы—поэты. Онъ даже сказалъ Жуковскому, что дума о царевичѣ Алексѣѣ очень хороша и Олегъ тоже, что дума объ Аннѣ Іоанновнѣ слишкомъ фантастична, и что Пушкинъ гораздо лучше понялъ Мазепу и Карла XII, и что „Войнаровскій" былъ только авантюристъ, но что въ этой поэмѣ есть прекрасные стихи. Онъ хвалилъ стихотворенія Рылѣева и Одоевскаго. Тогда Жуковскій далъ ему копію со стихотвореній, написанныхъ ими въ крѣпости, и они очень тронули Государя. Онъ

возлагались большія надежды, и онѣ, конечно, могли оправдаться, если бы не катастрофа, которая заставляетъ насъ теперь оцѣнивать значеніе Рылѣева, какъ поэта, въ сущности по первымъ опытамъ, а отнюдь не по произведеніямъ вполнѣ зрѣлымъ.

XIII.

При всѣхъ своихъ недочетахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, поэзія Рылѣева, какъ мы убѣдились, имѣла свои достоинства. Для развитія и блеска нашей стихотворной рѣчи, она успѣла мало сдѣлать. Рылѣевъ въ поэтической формѣ, которую онъ придавалъ своимъ стихамъ, былъ недурнымъ ученикомъ Жуковскаго и Пушкина. Но и въ этомъ смыслѣ его нельзя поставить на одну доску съ Языковымъ, Баратынскимъ, или Веневитиновымъ, изъ которыхъ каждый разработалъ, хоть и подъ вліяніемъ Пушкина, но затѣмъ самостоятельно, извѣстный поэтическій родъ творчества, кто элегію, кто веселую пѣсню, кто философскую лирику.

У Рылѣева не было такой пѣсни, которая бы носила на себѣ отпечатокъ его индивидуальности, именно какъ *художника*. Онъ писалъ недурныя лирическія пѣсни любовнаго типа, возвышался до патетической стихотворной рѣчи, умѣлъ при случаѣ набросать колоритный пейзажъ или пейзажъ съ настроеніемъ; ему удавался иногда эпическій разсказъ, и, конечно, всего сильнѣе, какъ поэтъ, бывалъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ стихахъ говорилъ о своихъ гражданскихъ чувствахъ, но вездѣ и всегда въ этихъ стихахъ чувствовался недостатокъ поэзіи, и ни одно изъ его стихотвореній не можетъ быть названо художественно законченнымъ или совершеннымъ.

„Въ поэтической дѣятельности Рылѣева,—говорилъ кн. Вяземскій,—не было ничего такого, что могло бы въ будущемъ обѣщать великія поэтическія созданія. Что было въ немъ поэтическаго, онъ все высказалъ. Стало быть, не въ литературномъ отношеніи можно сожалѣть о преждевременной погибели его. Можно въ немъ оплакивать только человѣка, увлеченнаго при жизни фанатизмомъ политическимъ, возросшимъ до крайней степени и, вѣроятно (!), безкорыстнымъ“ *). Этотъ отзывъ старика-Вяземскаго не согласуется съ тѣмъ, что говорилъ тотъ же Вяземскій въ дни своей юности, когда онъ хвалилъ поэзію Рылѣева за то, что она такъ выгодно выдѣлялась среди одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній того времени. И въ этомъ раннемъ

сказалъ ему тогда: „я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще не достаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ“. „Записки А. О. Смирновой“. СПБ. 1897. II, 19—20.

*) „По поводу бумагъ В. Жуковскаго. Два письма къ издателю „Русскаго Архива“. „Русскій Архивъ“. 1876, I, 260-261.

отзывѣ больше правды, чѣмъ въ позднѣйшемъ. Если отъ Рылѣева дѣйствительно, нельзя было ожидать великихъ поэтическихъ созданій, то во всякомъ случаѣ нельзя сказать, что онъ, какъ поэтъ, „все высказалъ, что имѣлъ сказать.“ Онъ умеръ на зарѣ своей литературной дѣятельности и талантъ его—не только не остановился въ своемъ развитіи, но крѣпъ съ каждымъ годомъ. Съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе обнаруживалась оригинальность этого таланта, потому что, при всей своей зависимости отъ учителей въ поэтической формѣ и въ языкѣ, онъ, какъ вѣрно выразился одинъ историкъ *) — въ мотивахъ своей поэзіи былъ поэтомъ самостоятельнымъ.

Оригинальность поэзіи Рылѣева заключена, конечно, въ ея гражданскихъ мотивахъ. Уже давно установлено, что онъ имѣетъ право на названіе нашего перваго пѣвца гражданской скорби и гражданскаго гнѣва, и его давно уже признали предшественникомъ Некрасова. Какъ авторъ „Думъ“, онъ можетъ быть названъ предшественникомъ и Алексѣя Толстого, который въ своихъ „Балладахъ“ историческими воспоминаніями и образами стремился пояснить общественные идеалы своего времени.

Отмѣчая такую оригинальность поэзіи Рылѣева, необходимо, однако, оговориться. Литературное произведеніе съ рѣзкой общественной, гражданской и даже политической тенденціей не было новостью въ годы, когда Рылѣевъ выступалъ со своей пѣснью. По силѣ и рѣшимости пѣсня Рылѣева была даже слабѣе и сдержаннѣе многаго, что въ этомъ духѣ было писано до Рылѣева. Но за Рылѣевымъ остается одна большая заслуга,—онъ былъ первый популяризаторъ гражданскихъ чувствъ, умѣвшій придавать имъ такую удачную поэтическую форму, которая помимо литературной цѣнности сохраняла за собой право на свободное обращеніе, право, которымъ не пользовалось ни одно изъ произведеній, родственныхъ поэзіи Рылѣева и пущенныхъ въ оборотъ раньше его пѣсенъ.

Нѣсколько историческихъ справокъ помогутъ намъ опредѣлить значеніе поэзіи Рылѣева среди однородныхъ ей литературныхъ памятниковъ.

Общая связь поэзіи Рылѣева съ либеральнымъ образомъ мысли того времени ни для кого не была тайной. Одинъ изъ участниковъ движенія 14 декабря, баронъ В. И. Штейнгель, въ своемъ письмѣ къ императору Николаю Павловичу, въ письмѣ, въ которомъ онъ излагалъ царю, насколько либеральный образъ мыслей былъ терпимъ и распространенъ наканунѣ 14 декабря, писалъ:

„Хотя цензура постепенно сдѣлалась строже, но въ то же время явился феноменъ не бывалый въ Россіи—IX томъ Исторіи

*) *В. Якушкинъ.* „Новые матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева. „Вѣстникъ Европы“ 1888, ноябрь, 213.

Россійскаго государства, смѣлыми, рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченнаго самовластія, и одного изъ великихъ царей открыто наименовавшій тираномъ, какому подобнаго мало представляетъ исторія! Непостижимо, какимъ образомъ въ то самое время, какъ строжайшая цензура внимательно привязывалась къ словамъ, ничего незначущимъ, какъ то: „ангельская красота", „рокъ" и проч., она пропускала статьи, подобныя „Волынскому", „Исповѣди Наливайки" и „Братьевъ Разбойниковъ" и пр. Передъ самымъ восшествіемъ Вашимъ на престолъ, въ 22 № „Сѣв. Архива" показалась статья объ избраніи Годунова на царство" *). Въ подтвержденіе своей мысли баронъ Штейнгель указывалъ также на запрещенныя стихотворенія Пушкина и на басню Дениса Давыдова „Голова и ноги".

Этотъ списокъ можно было бы увеличить, и мы увидали бы, что поэзія Рылѣева имѣла весьма замѣтныхъ предшественниковъ.

Она, дѣйствительно, примыкала, съ одной стороны, къ довольному кодексу гражданской морали, которую Карамзинъ проповѣдывалъ въ IX томѣ своей исторіи *), а также и Державинъ въ своихъ одахъ **); съ другой стороны, она примыкала къ самой настоящей свободомыслящей поэзіи, которая отъ прославленія гражданской добродѣтели переходила прямо къ политической программѣ.

Въ этомъ смыслѣ прямой предшественницей стихотвореній Рылѣева была знаменитая ода „Вольность", которую Радищевъ въ 1790 году включилъ въ свое „Путешествіе". Эту оду въ Москвѣ не хотѣли печатать, потому что предметъ такихъ стиховъ былъ „несвойственъ нашей землѣ", и, дѣйствительно, эта неуклюжая, литературно совершенно не отдѣланная ода осталась и до сихъ поръ явленіемъ намъ несвойственнымъ, т. е. изъ подъ цензурнаго запрета не вышла. Ода взывала къ вольности, которая должна была исполнить своимъ жаромъ сердце рабовъ, она взывала къ Бруту и Телю, по своему пересказывала цитаты изъ „Общественнаго договора" Руссо, воспѣвала „законъ" для всѣхъ равный, клеймила суевѣріе священное, которое въ союзѣ съ политическимъ суевѣріемъ крѣпнетъ и гнететъ общество; она говорила о властителѣ, который, сѣвши властно на грозномъ тронѣ, зритъ въ народѣ одну лишь „подлу

*) Рылѣевъ высоко цѣнилъ Карамзина за этотъ томъ. „Въ своемъ уединеніи,—писалъ Рылѣевъ Булгарину лѣтомъ 1821 года,—прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! Не знаю, чему больше удивляться: тиранству-ли Іоанна или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя—плодъ чтенія девятаго тома" [Рылѣевъ посылалъ Булгарину свою думу „Курбскій"]. *Мазаевъ*, 145.

**) Письмо барона В. И. Штейнгеля къ императору Николаю. „Историческій Сборникъ", Лондонъ, 1859, кн. I.

***) Мы знаемъ [см. думу „Державинъ"], какъ высоко Рылѣевъ ставилъ Державина, именно какъ гражданина.

тварь“ и не думаетъ о томъ, что можетъ придти мститель „склепанныхъ народовъ“. Ода необычайно откровенно говорила объ этомъ мстителѣ, призывая всѣ громы на голову тирана, въ послѣднихъ куплетахъ вызывала кровавую тѣнь короля Карла II англійскаго и пророчила вольности великую будущность. Если собрать изъ сочиненій Рылѣева все острое и жгучее, то оно окажется болѣе слабымъ и блѣднымъ (по смыслу, конечно), чѣмъ любая строфа этой старой вольнодумной оды, которая сохранилась, однако, въ памяти у весьма немногихъ, судя по тому, что ни въ сочиненіяхъ, ни въ частныхъ письмахъ либераловъ тѣхъ годовъ она слѣда почти не оставила.

Къ числу такихъ же предшественницъ пѣсни Рылѣева нужно отнести и знаменитую нѣкогда (1796) трагедію Княжнина „Вадимъ Новгородскій“. Трагедія, въ конечномъ своемъ выводѣ, необычайно благонамѣренная, направленная къ тому, чтобы убѣдить зрителей въ необходимости сильной и единой власти (въ лицѣ Рюрика),—она, устами Вадима (противника Рюрика), высказывала необычайно смѣлыя сужденія о властителяхъ и власти и принимала на себя защиту вольности вообще и новгородской въ частности. Въ ней можно было прочитать настоящій призывъ къ возстанію противъ утѣснителей свободы, плачъ надъ судьбой народа, который утратилъ и силу, и доблесть, подчинившись владыкѣ, и гордое величаніе героя республиканца, который, не въ силахъ будучи пережить униженія отчизны, предпочитаетъ пронзить себя собственнымъ мечомъ, чѣмъ признать надъ собой какую-либо власть, въ выборѣ которой онъ не участвовалъ.

Всѣ такія вольныя рѣчи были сказаны задолго до того, какъ началъ говорить Рылѣевъ.

Но и среди своего поколѣнія Рылѣевъ имѣлъ соперниковъ, и при томъ людей болѣе сильныхъ, чѣмъ онъ. Назвать хотя бы молодого Пушкина съ его эпиграммами и знаменитой одой „Вольность“ (1819).

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Рылѣевъ читалъ всѣ эти поэтическіе памятники вольной русской мысли, хотя во всемъ, что онъ писалъ, о нихъ нѣтъ упоминанія.

Итакъ, новаторомъ въ поэзіи назвать Рылѣева нельзя. Основной гражданскій мотивъ его лирическихъ пѣсенъ и эпическихъ опытовъ былъ не новъ: въ общей сентиментальной и дидактической формѣ онъ встрѣчался у Карамзина и Державина, а въ формѣ болѣе частной, какъ политическая проповѣдь,—въ такъ называемыхъ запрещенныхъ сочиненіяхъ. Что же касается поэтической формы, въ которую облекся этотъ основной мотивъ поэзіи Рылѣева, то она, какъ мы видѣли, особой красотой не отличалась.

Порознь взятыя, и форма, и содержаніе стихотвореній Рылѣева не представляются чѣмъ нибудь особенно знаменательнымъ,

но именно въ сочетаніи этой формы и этого содержанія лежала вся сила его стиховъ. Рылѣевъ былъ первый, который пустилъ въ общій литературный оборотъ такія темы. Онъ придалъ новую окраску нашей лирикѣ и эпосу, стараясь пропитать насквозь гражданскимъ чувствомъ и оду, и посланіе, и эпиграмму, и описательную поэму, и лирическую пѣснь, и даже пѣснь любовную. Вездѣ онъ желалъ быть гражданиномъ, не переставая быть поэтомъ — чего до него никто не дѣлалъ. Какъ гражданинъ, онъ созрѣлъ очень рано, а какъ поэтъ, опаздывалъ въ своемъ развитіи, и его поэзія заняла въ исторіи нашего стихотворнаго творчества довольно неопредѣленное мѣсто. По своему содержанію она была менѣе сильна, чѣмъ многія предшествовавшія ей попытки въ этомъ родѣ, попытки, имѣвшія исключительно въ виду одну лишь гражданскую или политическую тенденцію; по своей формѣ она была менѣе совершенна, чѣмъ пѣсня или эпосъ его современниковъ, которые отдавались вполнѣ свободному творчеству и воспитывали въ себѣ прежде всего поэтовъ.

Пѣсня Рылѣева — недопѣтая пѣсня, торопливая, несвободная и, главное, пѣсня, еще не достигшая той внутренней и внѣшней гармоніи, на которую она была способна.

Эта пѣсня, какъ извѣстно, оборвалась трагично и неожиданно. Никто, конечно, не могъ предвидѣть, что поэтъ кончитъ такъ печально, но онъ самъ, со страшной быстротой увлекаемый политической агитаціей, какъ будто чуялъ бѣду и пріучалъ себя къ ней, стремясь мечтой проникнуть въ душу людей, погибшихъ въ борьбѣ за идею или ссылкой искупающихъ свое увлеченіе ею.

Рѣшительность и смѣлость, съ какой Рылѣевъ перешелъ за предѣлъ пожеланій, мечтаній и словъ, были изумительны.

Н. Котляревскій.

* * *

Сентябрьскій воздухъ свѣжъ и чистъ,
Соленой влагой моря дышетъ
И съ тихимъ звономъ ржавый листъ
На стройномъ тополѣ колышетъ.

Волны лазурное стекло
Лежитъ въ пескахъ, какъ въ желтой рамѣ...
Безмолвно все, какъ ночью въ храмѣ,
И, какъ въ раю, вокругъ свѣтло!

Н. Шрейтеръ.

ТРОФИМЫЧЪ.

(Изъ воспоминаній врача о карійской каторгѣ).

Своеобразно-интересный человѣкъ былъ Алексѣй Трофимовичъ Морозовъ, младшій фельдшеръ карійско-каторжнаго лазарета.

Громаднаго роста, сутулый, сгорбленный, съ круглыми мясистыми щеками, круглой, коротко-остриженной, сѣдой головой, высокимъ морщинистымъ лбомъ, сѣрыми навыкатѣ глазами и воинственно закрученными сѣдыми, длинными усами, онъ по виду напоминалъ фельдфебеля николаевскихъ временъ. Сиповато-басистый, надтреснутый голосъ его, — во время дежурства по лазарету,—громко раздавался по палатамъ и корридору, какъ труба, напоминая о существованіи дисциплины для людей, по его мнѣнію, чѣмъ-либо нарушавшихъ таковую.

— Э-эхъ, каторга-матушка! Опять начадили дымомъ, накурили своимъ табачищемъ въ палатахъ,—вздохнуть нельзя! Ну-у-у, и братія!.. Зайдетъ вдругъ начальство, докторъ,—отвѣчай за васъ. Указано вамъ отхожее мѣсто, тамъ и давись дымомъ на льготномъ положеніи, а въ палатахъ курить не порядокъ... Икона святая въ углу; трудно-больные, ваши же товарищи; караулъ ходитъ, начальство, докторъ,—а кто отвѣчай? Трофимычъ отвѣчай! Ему первому въ затылокъ попадетъ... Не думай, братъ,—чего смѣешься, зубы скалишь? Попадаетъ и нашему брату въ препорцію...

Трофимычъ усаживался на кровати перваго попавшагося больного, машинально вынималъ изъ бокового кармана форменнаго, съ желтыми пуговицами, засаленнаго сюртука свою самодѣльную трубку, съ мѣдной крышечкой, набивалъ ее табакомъ-махоркой изъ сѣраго суконнаго кисета, съ двумя зелеными кисточками на вязкахъ, доставалъ изъ кармана брюкъ кремень, огниво и трутъ, высѣкалъ огонь и закуривалъ свою трубочку-носогрѣечку. Попыхивая ею и обводя добродушно-покровительственнымъ взоромъ каторжныхъ больныхъ, Трофимычъ неизмѣнно добавлялъ:

— Лѣтъ бы двадцать назадъ,—какое тутъ двадцать!... лѣтъ десять, а то и того меньше попробовали бы начадить въ палатахъ: задали бы вамъ перцу подъ рубаху, забыли бы, небось, какъ нарушать лазаретные порядки, когда не приказано субординаціей... Распустилась нынѣ каторга, не дай Богъ какъ распустилась...

— Въ тѣ времена и вамъ бы, Алексѣй Трофимычъ, не меньше нашего задали, кабы увидѣли, что и вы обкуриваете палаты!

— А ты думаешь, не задали бы? Э, э, э! Такихъ, братъ, подарковъ понаклали бы по тѣмъ мѣстамъ, по которымъ и вамъ накладываютъ, только штаны поддерживай,—спокойно, невозмутимо отвѣчалъ Трофимычъ,—до новыхъ вѣниковъ не забылъ бы! Накладывали въ тѣ времена и нашему брату,— а спроси: за что? Васъ-то, каторгу, за дѣло, потому судъ судилъ передъ зерцаломъ, чиновники въ мундирахъ засѣдали, значитъ — резонъ, повинка была, а насъ, горняковъ, за что били? За здорово живешь! Благослови, Господи! Прадѣдушки, дѣдушки да бабушки, тятьки да мамки наши къ рудникамъ, заводамъ приписаны были ни за грошъ, ни за копѣйку; по этому случаю насъ и били заурядъ съ каторгой... Безъ суда и слѣдствія, безъ чиновниковъ, безъ бумаги... Тебя кнутомъ били, плетью, шпицрутенами, розгами, — кто лѣчилъ? Трофимычъ лѣчилъ, по закону подавалъ пособіе... Зарубы, рубцы ваши вылѣчивалъ, занозы изъ спины вытаскивалъ, ночи просиживалъ надъ больными... А нашего брата били—и въ лазаретѣ не полагалось лѣчиться... „Домъ у тебя свой,—говорятъ,—имѣется, усадьба, хозяйство, тамъ и лѣчись: ты не каторжный!“ А напрашиваться будешь—прибавятъ, да съ приговоркой: „не лѣзь! не лѣзь! Не утруждай попусту начальство, не отнимай времени“!..

— Вы вотъ что, однако, братцы,—заканчивалъ старикъ свою рѣчь, понижая до шепота голосъ,—трубки свои спрячьте пока подальше; форточки отворите; по мѣстамъ разойдитесь, по кроватямъ,—скоро докторъ пройдетъ по лазарету... Субординація, дисциплина прежде всего: бьютъ, кто не соблюдаетъ!

Больше тридцати лѣтъ подрядъ знала каторга Трофимыча. Былъ онъ угрюмъ, мало разговаривалъ; всякаго начальства боялся хуже чорта, въ котораго вѣрилъ искренно, и какъ-то инстиктивно тяготѣлъ къ обездоленному люду; съ послѣднимъ онъ былъ разговорчивъ, передъ послѣднимъ охотно выкладывалъ душу, горе, служебныя неудовольствія. Каторжные его отлично понимали, и онъ самъ понималъ всякаго изъ нихъ съ перваго слова.

— Что, дядя, плетюгами побили?—говоритъ, бывало, Тро

фимычъ избитому плетью арестанту, перемѣняя компрессъ или накладывая повязку.—Да и гоже-жъ побили! Лежи, лежи, не шевелись, больнѣе будетъ... Эхъ ты, жизнь наша постылая! Ничего, терпи, братъ! Шкура наростетъ новая, Трофимычъ постарается: скоро опять человѣкомъ будешь,—гдѣ наше не пропадало?! Такъ ли, братику, били въ прежнее время? Спроси-ка Трофимыча: это что сейчасъ? Тьфу!.. Не хочешь ли трубочки? Ну, ну, ладно, ладно... Прежде какъ били? Не приведи, Создатель!.. Не человѣка привозили въ лазаретъ, а уголь...

— Вѣрно говоришь, Сергѣй Трофимычъ, совершенно правильно!—скажетъ кто-либо изъ стариковъ, старожиловъ каторги, лежавшихъ въ палатѣ.

— А ты чего суешься, когда тебя не спрашиваютъ?—разражался Трофимычъ, пріостанавливая работу накладыванія компресса или повязки и выпрямляясь во весь ростъ:— Я давно, братъ, Трофимычъ! Безъ тебя Трофимычемъ былъ, Трофимычемъ и умру... Ты бы лучше помогъ вотъ.. Иди-ка сюда, поддержи: видишь, человѣкъ на ногахъ стоять не можетъ.

Трофимычъ обладалъ громадной семьей. „Дюжина, какъ на подборъ!—говаривалъ онъ въ минуты душевнаго благодушія, сидя за чарочкой въ пріятельской бесѣдѣ:—Малъ-мала меньше, лѣстница!.. Всѣ въ меня! Самъ, значитъ, четырнадцатый; вотъ ты и раскуси эту благостыню... Какъ откроется двѣнадцать ртовъ сразу:—тятька, ѣсть хочу, хлѣба дай!—ну, значитъ, и того: шапку въ охапку и въ лазаретъ! Авось угомонятся, спать залягутъ... Такъ и живемъ отъ жалованья до жалованья!“

Получая 25 рублей въ мѣсяцъ содержанія, Трофимычъ былъ форменный нищій, при той дороговизнѣ, какая существовала въ Карѣ въ семидесятыхъ годахъ. Проживалъ онъ въ собственномъ небольшомъ деревянномъ домикѣ, состоявшемъ изъ кухни и одной чистой горницы, доставшемся ему въ приданое за женой, карійской урожденки.

Кромѣ каторжныхъ да конвойныхъ солдатъ и казаковъ, Трофимычъ, пожалуй, и людей другихъ не видывалъ. Сынъ обязательнаго горнаго служителя и крѣпостного заводскаго рабочаго, онъ, до 1861 г., былъ тѣмъ же крѣпостнымъ, подневольнымъ каторжнымъ и въ фельдшерскую „учебу“ попалъ помимо своей воли и желанія, когда начальство узнало, что четырнадцатилѣтній мальчуганъ обученъ отцомъ грамотѣ, читать, писать и на счетахъ считать. Обучившись въ каторжномъ лазаретѣ фельдшерской, существовавшей въ то время, премудрости, онъ, по окончаніи курса, пошелъ по мытарствамъ, „вдоль по каторгѣ“, какъ самъ вы-

ражался, перемѣщаясь, тоже помимо своей воли, изъ одного лазарета въ другой, пока не основался окончательно съ 1859 г. въ Карѣ, гдѣ и женился на дочери такого же горемыки, горнаго служителя Ляжева. Въ Карѣ застала его воля; тутъ онъ и остался на службѣ при переходѣ каторги изъ горнаго вѣдомства въ вѣдѣніе Тюремнаго Управленія.

При случаѣ Трофимычъ не отказывался и выпить,—„промочить горлышло",—а по своему богатырскому сложенію могъ „поднять" водки большія количества; однако, горькимъ, забулдыжнымъ пьяницей никогда не былъ.—„Если бы не водка-матушка, совсѣмъ бы мы, фельдшера, пропащими въ Карѣ сдѣлались!"—говаривалъ онъ, когда послѣ двухдневнаго непосѣщенія лазарета докторъ встрѣчалъ его упреками...

Исполнителенъ, аккуратенъ Трофимычъ былъ до мелочей: поставлена разъ кружка съ квасомъ съ правой стороны столика, у кровати больного, она и должна всегда стоять справа, переносить кружку на лѣвую сторону—„безпорядокъ".

— Онучи на ногахъ привыкаютъ къ ногамъ: правая къ правой, лѣвая къ лѣвой... Ногамъ легче въ привычной онучѣ... Такъ и для больного глаза кружка: открылъ глаза, руку протянулъ и — готово, безъ затрудненія! — философствовалъ Трофимычъ на замѣчаніе объ излишней пунктуальности:— Спокойнѣе болѣзнь проходитъ у человѣка, когда блюдется порядокъ, спокойнѣе смерть наступаетъ.

Непреоборимая боязнь постороннихъ, властныхъ посѣтителей въѣлась, всосалась въ Трофимыча съ молокомъ матери; онъ робѣлъ, терялся, дѣлался безпомощнымъ передъ каждымъ человѣкомъ, стоявшимъ выше его въ служебномъ рангѣ. Можно вообразить, что̀ творилось съ нимъ, когда ожидалось посѣщеніе лазарета генералъ-губернаторомъ, губернаторомъ, врачебнымъ инстпекторомъ: онъ нервно суетился, ощупывалъ пуговицы форменнаго сюртука, проводя по немъ указательнымъ пальцемъ сверху до низу, рычалъ себѣ что-то подъ носъ, обходя двадцать разъ палаты, заглядывая подъ тюфяки, подушки, и... потѣлъ, потѣлъ, бѣдняга, какъ въ жарко натопленной банѣ! Сказывались десятки лѣтъ рабской забитой жизни и полнаго произвола надъ личностью...

— Слава Тебѣ, Господи, уѣхали! Благополучно кончилось, все оказалось въ исправности,—радостно, облегченно говорилъ онъ по уходѣ ревизоровъ, стирая клѣтчатымъ платкомъ потъ, струившійся съ краснаго, какъ кумачъ, лица.—Ну, и струхнулъ же я, какъ изволили взглянуть въ мою сторону! Ажъ руки, ноги задрожали... Пропалъ, думаю, Трофимычъ... Идти поскорѣе, покурить трубочки съ радости...

Немало времени прошло, пока удалось мнѣ приручить, приблизить къ себѣ этого загнаннаго, нелюдимаго человѣка

онъ долго сторонился, смущался, стѣснялся, когда случалось пригласить его къ себѣ въ комнату выпить стаканъ чаю, ссылаясь на „недосугъ по лазарету“, „по своему домашнему хозяйству“. Чувствовалось, что человѣкъ на сторожѣ, въ возбужденіи, опаскѣ:—„Кто, молъ, его знаетъ? Начальство!..“

— Много мы биты, пуганы, г-нъ докторъ, вотъ съ измальства и боишься... Самъ не знаешь—чего, а боишься, опаску держишь... Все каторга кругомъ передъ глазами, каторга да каторга... Какъ ребенкомъ сталъ себя помнить, кромѣ каторжныхъ да конвойныхъ, никого не видывалъ... Тамъ, бывало, бьютъ, въ другомъ мѣстѣ бьютъ: плети, розги, шпицрутены... Зеленая улица въ пятьсотъ человѣкъ, за заводомъ, на окраинѣ, выставлена; палки въ рукахъ у каждаго солдата; помахиваютъ въ воздухѣ, посвистываютъ палки, извиваются что змѣи... Офицеры позади рядовъ солдатскихъ ходятъ, покрикиваютъ: „—Замѣчу, которая сволочь сфальшивитъ, за-по-о-о-р-ю-ю!!..“ Стоишь тутъ же въ толпѣ, руки, ноги трясутся, зубъ на зубъ не попадаетъ,—а смотришь! Стклянку съ нюхательнымъ спиртомъ держишь въ рукѣ, потому по наряду назначенъ помогать, отваживаться... Подвели человѣка, до штановъ раздѣли, руки обѣ къ ружейному прикладу привязали... Блѣдный-блѣдный, бѣлый, какъ глина, только ротъ разѣваетъ, воздуху набираетъ; дрожмя дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ... „Сми-и-и-и-р-н-о-о! На-а-чи-н-н-а-а-й!“ И пошла работа; зашевелилась Зеленая улица, только палки свистятъ по воздуху, да клочья мяса съ кровью полетѣли со спины! А онъ-то плачетъ... Какое тутъ плачетъ—какъ въ огнѣ живьемъ горитъ... Вся спина лоскутьями мяса покрылась, кровь течетъ, а его бьютъ! А его бьютъ!—„Чего фальшивишь? Запорю до полусмерти!“ кричитъ офицеръ, крестъ мѣломъ солдату на спинѣ шинели поставитъ, а солдатикъ только вздрогнетъ съ ногъ до головы, да голову въ шею втянетъ... Лучше не вспоминать, г-нъ докторъ! Вотъ опаска съ дѣтства и захватила... Отецъ, бывало, придетъ домой съ казенной работы,—старый ужъ человѣкъ былъ тогда покойный,—изломанный придетъ домой, плачетъ, горькими слезами заливается... Спина избита, въ кровяныхъ рубцахъ, кровь изъ спины каплетъ на полъ избы; мать плачетъ, мы, ребята, того больше... Плачетъ отецъ, да приговариваетъ, судьбу свою проклиная:—„Алешка, Алешка, и тебѣ этого не миновать!“ Вотъ она, закваска-то, и осталась: знаешь, понимаешь, что обязательныхъ не стало, свободны мы всѣ сейчасъ, бить насъ нельзя первому встрѣчному,—а душа-то все еще крѣпостная; такими проклятыми и въ могилу войдемъ!..

Трофимычъ не слыхивалъ, конечно, о „микробахъ“, „бациллахъ“, „бактеріяхъ“, „асептикахъ“, „антисептикахъ“; дальше

намазыванія пластырей, мушекъ, приготовленія микстуръ, декоктовъ, липоваго цвѣта, грудного сбора, кудрявой и простой мяты, кровопускательнаго куба не шли его медицинскія познанія, а съ сыпно-тифозными, дезинтериками и цынготными онъ спалъ рядомъ, чуть не на одной койкѣ.—„Все ближе къ больному, въ случаѣ испить попроситъ, или бѣжать вздумаетъ отъ бреда и жара, — а я тутъ, какъ тутъ! Пріемная комната далеко, не услышишь, что въ палатахъ дѣлается, а палатный служитель умыкается за день,—гдѣ ему скоро проснуться! Да и веселѣе мнѣ въ палатахъ спать съ народомъ, чѣмъ одному въ пріемной комнатѣ"...

— Какая тамъ микроба или бацилла (суконнымъ языкомъ и не выговоришь сразу!) полѣзетъ въ Трофимыча, г-нъ докторъ? Чѣмъ она поживится въ моихъ кишкахъ? Кишки наши безъ этихъ микробовъ переворочены давнымъ-давно: дѣлать ей совсѣмъ тамъ нечего... Смерть придетъ, вотъ это дѣло другое, съ этой много не покалякаешь... Смерть, — что она такое! Божье произволеніе, и бояться ея грѣшно: одинъ раньше, другой позже... Кабы кто оставался, тогда другое дѣло, а она вѣдь никого не спрашиваетъ: всѣхъ чиститъ,—и стараго, и малаго, и милаго и браваго... А микробы къ нашимъ кишкамъ не пристанутъ!

— Куда вы, Алексѣй Трофимычъ? Посидите, чайку выпьемъ!

— Пора, заболтался; въ палаты заглянуть надо, все ли въ порядкѣ... Безпокойный народъ попадается между больными: каторга, одно слово! Картежъ начинается, трубки появятся, надымятъ, начадятъ въ палатахъ. Не совсѣмъ благонадежный народъ... Чего добраго, и ножемъ заѣдетъ иной въ брюхо товарищу,—надоѣдаетъ вѣдь кандалами побрякивать!..

И Трофимычъ, конфузясь и суетясь, спѣшилъ удалиться.

Былъ у Трофимыча любимый сынокъ, мальчикъ лѣтъ восьми. Отецъ часто бралъ его съ собою въ лазаретъ, оставляя ночевать въ пріемной, когда самъ былъ дежурнымъ. Изрѣдка заходилъ Ваня и ко мнѣ выпить чаю съ булкой, получить кусокъ сахару; его дѣтская болтовня, любознательность разгоняли скуку одиночества.

— У тебя комната зачѣмъ съ рѣшеткой въ окнѣ? Развѣ ты бѣглый? —задавалъ мальчикъ серьезнымъ тономъ вопросъ, сидя на табуретѣ у стола и болтая ногами.

— Нѣтъ, Ваня, я не бѣглый; а съ рѣшеткой окно потому, что не успѣли убрать, когда переводили больныхъ въ другія помѣщенія. Рѣшетку скоро уберутъ, и комната будетъ свѣтлѣе...

— У насъ дома нѣтъ рѣшетки, а у тебя рѣшетка, — наставительно говорилъ мальчикъ.

— Да; не хочешь ли, Ваня, сахару?..

— Хочу... Тятя говоритъ: кабы не пробныя лазаретныя порціи, такъ хоть съ голоду помирай... Меня беретъ въ лазаретъ ночевать, самъ ѣстъ, меня кормитъ,—щами, кашей, квасомъ... Хлѣба сколько съѣмъ, а потомъ сплю,—нашимъ-то ребятамъ и завидно! Я не боюсь больныхъ; тятя говоритъ, всѣ они божьи, добрые... Третёводни старикъ Непомнящій, что въ четвертой палатѣ лежитъ, игрушку мнѣ подарилъ: важ-н а-а-я-я игрушка! Пильщикъ деревянный съ пилой: поставишь на край стола — шевелится, какъ живой, ей Богу, правда! Старикъ Непомнящій добрый, ласковый; зубовъ у него во рту нѣтъ, лобъ, щеки въ пятнахъ, клейменый; руки, ноги трясутся, а добрый: — „у меня, говоритъ, тоже когда-то свой Митя бывалъ, на тебя походилъ"... Тятя сказываетъ: пятнаютъ ихъ для отличія, чтобы не убѣгли; палачъ особый... Видывалъ я: бѣ-ѣ-д-о о-вы-ый! Съ усами, съ бородой, въ шароварахъ... Мы, съ Васькой да Сенькой у казенной кузницы разъ играли, „шлаки" собирали, въ мѣшокъ накладали; часовой у кузницы съ ружьемъ стоялъ, насъ туда не пускалъ, мы и играли въ сторонѣ... Пріѣхалъ смотритель тюрьмы Бочаковъ, пья-я ны-ый, распья-н-ы-ый! На ногахъ качается, насъ обругалъ, кнутомъ погрозилъ, мы на отвалъ убѣжали... Зашелъ онъ въ кузню, браниться, ругаться зачалъ,—намъ все слышно... Выбѣжалъ смотритель изъ кузни, кучеру сказалъ что-то, тотъ лошадь погналъ; потомъ человѣкъ шесть казаковъ прибѣжало, кучеръ съ ними пріѣхалъ, изъ телѣжки эта-а-а-кіе пучки розогъ вытащили! Смотритель изъ кузни за волосы кузнеца Ивана вытащилъ... Высо-о-о-кой такой кузнецъ! Повалили его и давай хлестать, и давай хлестать... Мы испугались, убѣжали, больше къ кузницѣ не ходили...

— Тятя говоритъ: палачъ отъ отца, отъ родной матери отрекается, заживо его попъ отпѣваетъ, потому онъ проклятый; сырое мясо ѣстъ, человѣчью кровь пьетъ. Плетью ударитъ, да въ ротъ! Плетью ударитъ, да въ ротъ! Такъ и сосетъ человѣческую кровь. Прошлый разъ, какъ я ночевалъ съ тятей въ лазаретѣ, одинъ больной, въ полночь самую, изъ палаты выскочилъ босикомъ, въ одной рубахѣ, да какъ закричитъ благимъ оматмъ! Я испугался, думалъ—зарѣжетъ; а онъ въ горячкѣ былъ... Тятя со старостой Петромъ поймали его въ корридорѣ, на кровать уложили, рубахой привязали.. Всѣ больные тогда перепужались, караулъ съ ружьями повыскакалъ, а потомъ ничего: я уснулъ, утромъ домой ушелъ...

—Хлѣбъ, говорятъ, на деревьяхъ растетъ, а я не виды-

валъ; сосновыя шишки знаю, какъ ростутъ, а хлѣба не видывалъ; здѣсь, въ Карѣ, нѣтъ его, не растетъ... Золото я видывалъ, какъ моютъ: мы разъ съ Митькой ходили въ старый разрѣзъ, пробовали; полоскали, полоскали, ничего не нашли... Въ Усть-Карѣ купцы золото скупаютъ, да и бьетъ же начальство того, кто попадется! Въ тюрьму сажаютъ, заковываютъ, пулей стрѣляютъ изъ ружей... Много народу здѣсь золотомъ занимается!

Разъ,—какъ сейчасъ помню, — болтали мы такимъ образомъ съ Ваней; дверь комнаты быстро отворилась,—вошелъ съ нахмуреннымъ лицомъ Трофимычъ.

— Съ верхняго разрѣза раненаго привезли!

Мы быстро вышли изъ комнаты. У лазаретнаго крыльца стояла четырехколесная телѣга, запряженная парой быковъ; около телѣги двое конвойныхъ съ ружьями.

— Что случилось? Когда и гдѣ ранили?

— Съ работы, изъ разрѣза, на ура побѣгъ, ваше благородіе, изъ верхнекарійскаго разрѣза, — заговорилъ торопливо старшій изъ конвойныхъ, пожилой коренастый человѣкъ съ рябоватымъ лицомъ, заговорилъ, захлебываясь, какъ бы проглатывая воздухъ: — побѣгъ сразу, вдругъ, никто опамятоваться не успѣлъ... Жара, солнце печетъ, въ глазахъ у караула рябитъ... Мы стояли на посту, у флага, разговаривали, какъ ударилъ выстрѣлъ... Черезъ отвалъ мелькнулъ, часовыхъ цѣпи проскочилъ: бѣжитъ и бѣжитъ! Бѣлая рубаха только видится... Какъ кошка, на отвалы карабкается... Стрѣльба по цѣпи пошла; съ поста зачали стрѣлять, а онъ бѣ-ѣ-жи-и-итъ! Мелькнетъ это—и опять подъ отвалъ скроется... Конные казаки съ поста по берегу поскакали, трое пѣшихъ съ ружьями въ догонку бросились... Набрались мы страху, ваше благородіе: отвѣчать вѣдь караулу приходится, потому каторжный, съ работы, изъ-подъ конвойныхъ, — а онъ бѣжитъ... Ну, на послѣднемъ отвалѣ, къ лѣсу, поскользнулся, упалъ,.. На ноги поднялся—тутъ его и подстрѣлили. Саженей, можетъ, четыреста убѣжалъ... Въ спину ударило: упалъ онъ, опять поднялся на ноги, руками взмахнулъ,—да и покатился съ отвала внизъ головой... Подбѣжали мы: лежитъ, стонетъ, кровь на брюхѣ, на спинѣ... Пока за телѣгой, въ тюрьму, конный казакъ бѣгалъ, пока начальство пріѣхало, пока ворочали его, осматривали, да въ разрѣзѣ тачку и кандалы разыскивали (сбилъ ихъ, сбросилъ), времени часа четыре прошло... Смотритель тюрьмы, сотенный командиръ, батальонный пріѣзжали, ругались:—„подлецы, говорятъ, всѣхъ перестрѣляемъ!“ — Тачку, кандалы насилу разыскали, съ нимъ въ телѣгу положили,—потому вещи казенныя...

Въ телѣгѣ, лицомъ къ небу, лежалъ мертвенно-блѣдный

человѣкъ, съ курчавой, черной бородой, раскрытыми остолбенѣлыми глазами, полуразинутымъ ртомъ; онъ тяжело дышалъ и протяжно стоналъ. Волосы на головѣ и бородѣ, рубаха и порты запачканы были желтоватымъ пескомъ, перемѣшаннымъ съ кровью. Въ ногахъ лежали арестантская куртка и тачка, — одноколесная телѣжка, съ прикованными къ ней кандалами: казенныя арестантскія вещи, неподлежащія утерѣ...

— Охъ, батюшки, тошно! — простоналъ раненый, когда, подхваченный Трофимычемъ и палатными служителями, онъ былъ вынутъ изъ телѣги.

Было часовъ девять вечера, когда уложенный на лазаретную кровать раненый былъ осмотрѣнъ. Положеніе оказалось безнадежнымъ: пуля семилинейной винтовки, при наклоненномъ впередъ положеніи бѣжавшаго, ударила въ спину, около позвоночника, прошла въ косвенномъ направленіи брюшную полость, оборвавъ и выбросивъ наружу петлю тонкой кишки. Омертвѣвшій аршинной длины кусокъ кишки болтался на поверхности.

— Пи-и-и-ть!—протянулъ больной. Дали ложечку воды, но влага не удержалась въ желудкѣ и была выброшена обратно.

— Вотъ незадача, вотъ незадача,—бормоталъ Трофимычъ, съ краснымъ потнымъ лицомъ сидѣвшій у головного конца постели, — знакомый человѣкъ-то, очень даже знакомый... И что вздумалось? Среди бѣла дня на ура броситься... Эхъ, каторга, каторга! Выбралъ бы ночь потемнѣе, а то... наскочилъ, бѣдняга! Сколько разъ вѣдь бѣгалъ, не сосчитаешь; за каждый разъ плети, за каждый разъ плети... Куда бѣгутъ, зачѣмъ бѣгутъ? Обхаживай ихъ, вылѣчивай, а они на рожонъ лѣзутъ... Не стоитъ съ ними заниматься!

Лицо больного было блѣдно, спокойно, только виднѣлась страшная усталость, какъ бы отъ только что оконченной тяжелой работы.

Наступившія сумерки измѣняли очертанія палаты; на полу сгущалась темнота, верхняя потолочная часть освѣщалась лучами заходящаго солнца, и клѣтчатыя, отъ оконныхъ рѣшетокъ, тѣни на стѣнѣ поднимались все выше и выше къ потолку... Плотно сжатыя, искривленныя къ углу рта, губы раненаго какъ бы разжимались и сжимались подъ вліяніемъ скользящихъ, сумеречныхъ тѣней, хотя и были въ дѣйствительности неподвижны. Полуобритая голова, съ высокимъ выпуклымъ лбомъ, съ выдающимися скулами, плотно прижималась затылкомъ къ подушкѣ. Небольшія торчащія уши; въ правомъ ухѣ вдѣта серебряная круглая серьга, какъ у женщины... Больной лежалъ не прямо на спинѣ, а въ полоборота, больше на правомъ боку, чтобы пулевое отверстіе спины не соприкасалось съ жесткой постилкой кровати.

— Пить! Пи-и-и-ть мнѣ! Батюшки, тяжко... Пропалъ! — громко проговорилъ больной и началъ приподниматься въ постели; лицо его вдругъ побагровѣло, губы сжались, лицо измѣнилось до неузнаваемости: сдѣлалось жестокимъ, безпощаднымъ...

— Сенька! — раздался громкій, скрипучій, бѣшено угрожающій крикъ:—Берегись, анафемская душа! За-р-ѣ-ѣ-ѣжу!

И скверная брань пронеслась по палатѣ... Лицо искривилось, губы перекосились, глаза широко расширились, кулаки сжались: онъ быстро усѣлся на кровати и... застоналъ..

— Охъ! тошно, тяжело, помогите Христа ради! — Что-то дѣтское, безпомощное, безсильно-жалкое разлилось по лицу; закапали слезы по худощавымъ щекамъ, и онъ рухнулъ на постель, какъ соломенный куль...

Солнце закатилось, наступала темнота. Палатный служитель внесъ въ палату зажженныя сальныя свѣчи, вставленныя въ два фонаря, которые и подвѣсилъ на веревкахъ, продернутыхъ въ блоки, вбитые въ потолокъ. На столикѣ, у изголовья раненаго, поставилъ отдѣльную свѣчу въ жестяномъ ручномъ подсвѣчникѣ. При этомъ слабомъ освѣщеніи палата приняла странный, сумрачный видъ. Желѣзныя рѣшетки, освѣщаясь косвеннымъ свѣтомъ черезъ зеленоватыя стекла въ рамахъ, отражались на окнахъ причудливыми тѣнями—клѣтками.

— Слу-ш-а-а-а-й!—пронесся протяжный, тягучій звукъ часового, стоявшаго внѣ зданія, въ лазаретномъ саду.

— Слу-ш-а-а-ай!—отозвался, какъ эхо, окликъ противоположнаго часового...

Больнымъ разносили ужинъ; мясной, пареный запахъ наполнилъ палату. Раненый лежалъ неподвижно и изрѣдка что-то бормоталъ въ бреду... Трофимычъ сидѣлъ, согнувшись, на рядомъ стоявшей кровати, съ странно-тяжелымъ выраженіемъ лица: на немъ была печать покорности, той тупой покорности людей, привыкшихъ часто видѣть смерть передъ глазами, что̀ отражается въ тусклости глазъ, въ плотно сжатыхъ губахъ: „Всѣ тамъ будемъ! ничего не подѣлаешь!..“

Мнѣ захотѣлось выйти на воздухъ изъ душной палаты; Трофимычъ остался у постели больного. Я усѣлся на скамеечкѣ въ лазаретномъ саду; темная, душная іюньская ночь охватила меня... Съ высоты далекаго неба мерцали звѣзды; едва уловимыя глазами дымки тумана нависли надъ долиной Кары̀, сгущаясь до молочнаго цвѣта надъ теченіемъ рѣчки, извиваясь надъ ея изгибами, поднимаясь волнообразно въ воздушное пространство, преломляя слабый, звѣздный свѣтъ, отражавшійся блестящими точками въ текущей водѣ... Тишина надъ долиной; едва слышно шелестятъ листья сто-

лѣтнихъ березъ, какъ бы перешептываясь между собою о давнихъ и настоящихъ страданіяхъ людей, невольныхъ обитателей долины... У самой лазаретной стѣны, шагахъ въ десяти отъ скамейки, стоялъ часовой, освѣщаемый тусклымъ свѣтомъ изъ лазаретнаго окна, и фигура его, съ ружьемъ на плечѣ, отражалась длинной тѣнью на землѣ и стоявшихъ поблизости березахъ...

— Слуш-а-а-й! — раздалось глухо съ противоположной стороны зданія; часовой не отвѣтилъ на призывъ и стоялъ неподвижно, не измѣняя позы...

Саженяхъ въ сорока отъ скамейки начинался крутой лазаретный спускъ съ плоскогорья, на которомъ, у подножія горы, расположено лазаретное зданіе, занимая высшую точку нижне-карійскаго поселенія. Вправо, по долинѣ, виднѣлись кое-гдѣ освѣщенныя окна обывательскихъ домовъ, но всѣхъ ярче и выпуклѣе, у берега рѣчки, въ полуверстѣ разстоянія, выдѣлялась каторжная пересыльная тюрьма, глядѣвшая десятками оконъ; въ линію тюрьмы, выше по теченію, выдѣлялась освѣщенная казачья казарма; дальше — полная темнота, какъ опущенная занавѣсь, загораживала долину... Къ востоку, въ лѣвую сторону, жилыхъ строеній не было; смутно виднѣлось лишь старое зданіе бывшей когда-то золотопромывальной, обвѣянное мрачными легендами о бывшемъ разгильдѣевскомъ времени, когда, напр., артель каторжныхъ изъ восьми человѣкъ, уличенныхъ въ утайкѣ пяти золотниковъ золота, была тутъ же, на мѣстѣ, забита до смерти плетьми, подъ личнымъ руководствомъ знаменитаго горнаго начальника... Въ двухъ стахъ саженяхъ отъ промывальни виднѣлась продолговатымъ бугромъ громадная могила, куда сотнями сваливались трупы каторжныхъ и горныхъ служителей (рабочихъ), умиравшихъ отъ голоднаго тифа, цынги, непосильныхъ работъ и жесточайшихъ ежедневныхъ тѣлесныхъ наказаній... Я вглядывался въ этотъ сумрачный міръ, сорокъ лѣтъ неподвижно коснѣвшій въ своихъ каторжныхъ порядкахъ и обиходѣ... Звѣзды далекаго неба, переломляясь въ дымкахъ тумана, поднимавшагося отъ земли, изрытой сотнями, тысячами рукъ подневольныхъ людей, таинственно мерцали, вызывая въ воображеніи фантастическіе образы бывшихъ и настоящихъ обитателей долины! Что-то невидимое, неосязаемое, лишь ощущаемое сердцемъ давило со всѣхъ сторонъ на душу, вызывая тò нравственное состояніе, которое выражается наружнымъ отупѣніемъ... Такъ застываетъ лицо матери при потерѣ дорогого, любимаго сына; она двигается, отвѣчаетъ на вопросы окружающихъ, дѣлаетъ обычное ежедневное дѣло, а въ дѣйствительности — окружающаго для нея не существуетъ...

Едва уловимый ухомъ, тонкій, тягучій звукъ долетѣлъ по воздуху изъ долины,—неопредѣленно, неясно, какъ оборвавшаяся гдѣ-то струна, но этотъ неясный звукъ сразу возстановилъ сознаніе дѣйствительности. Тягучіе заунывные звуки плыли по воздуху, переливаясь своеобразными тоскливыми тонами, передавая тоску-печаль невидимаго пѣвца... Яснѣе, громче, отчетливѣе потянулась по воздуху пѣсня тенороваго надтреснутаго голоса, отчетливѣе стали доносится слова: „стон-е-е-тъ онъ и д-е-е-е-нь, и ночь!..“ Пѣвецъ пѣлъ задушевно, страстно, видимо вкладывая душу въ слова сантиментальной пѣсни давняго времени: не слова его занимали, а собственное душевное настроеніе..

Я возвратился въ палату... Только ночью, при входѣ со свѣжаго уличнаго воздуха, поражаетъ настоящимъ образомъ та специфическая атмосфера, что выработывается въ старыхъ больничныхъ зданіяхъ изъ смѣси запаховъ лѣкарствъ, выдѣленій сотенъ больныхъ людей, лежалаго бѣлья, суконныхъ одѣялъ, халатовъ, ночной посуды, кружекъ съ квасомъ, остатковъ хлѣба, запаховъ карболоваго раствора, хлорной извести,—атмосфера эта, не смотря на привычку десятка лѣтъ, всегда возбуждаетъ сердцебіеніе и тошноту...

Трофимычъ сидѣлъ около больного въ той же позѣ, съ тѣмъ же выраженіемъ лица, въ какомъ я его оставилъ полчаса назадъ; на вопросъ о раненомъ, онъ сумрачно отвѣтилъ:

— Спитъ, кажись; глаза закрыты, бормочетъ что-то, а лежитъ спокойно...

Пульсъ падалъ; лицо было мертвенно-блѣдно, губы двигались по-прежнему, невольно раскрывая и закрывая блестѣвшіе бѣлизной зубы.. Въ палатѣ стояла мертвая тишина; больные лежали на кроватяхъ, прикрываясь одѣялами: спятъ или не спятъ, Богъ ихъ знаетъ! Трофимычъ приподнялся и лежавшими на столѣ „съемами“ снялъ нагаръ со свѣчи; около кровати посвѣтлѣло.

— Что, Трофимычъ, пропадать Путину приходится? Туда и дорога!—проговорилъ вдругъ совершенно явственно больной,—отошла, видно, путинская каторжная дорожка...

Трофимычъ вздрогнулъ и наклонился: вѣки больного были открыты, ввалившіеся глаза смотрѣли осмысленно, ясно: въ нихъ читалась близкая смерть...

— Поживешь, Путинъ, поправишься... То ли съ нашимъ братомъ бывало?—машинально сказалъ Трофимычъ, его рука нервно вздрагивала...

— Кака ужъ жизнь! Спасибо тебѣ, Трофимычъ... Пора... чего обманывать?.. Будетъ, помыкался... Вотъ... — заволновался больной, — крестъ у меня на шеѣ.. серебряный... матушка на гайтанѣ надѣла... давно, Трофимычъ... Умру,

возьми... самъ сними... украдутъ... Прикладъ храму Божію отъ Путина... Христа ради, исполни!..

Голова умирающаго скользнула по подушкѣ, наклонившись впередъ; лицо сразу осунулось, заострилось, подернувшись сѣроватымъ предсмертнымъ цвѣтомъ, глаза сомкнулись, ротъ полуоткрылся... Въ груди что-то хрипѣло, переливалось...

— Ма-м-м-а! Маменька родимая!—пронеся послѣдній призывъ умирающаго, и онъ замолкъ, вытянувшись по кровати; голова скатилась по подушкѣ... Трофимычъ дрожащими, прыгающими руками машинально крестился...

Въ этотъ день впервые открылась мнѣ прекрасная душа скромнаго, запуганнаго, невѣжественнаго каторжнаго фельдшера, и съ этой минуты я глубоко къ нему привязался...

Мы собирались съ Трофимычемъ въ служебную поѣздку въ верхнюю тюрьму для „присутствованія при исполненіи судебнаго приговора, въ количествѣ ста ударовъ плети, надъ каторжнымъ Ермолаевымъ“. Накапунѣ было получено „предписаніе“. Ѣхать было необходимо, тѣмъ болѣе, что предстояло выполненіе высшей мѣры наказанія, равносильной, при извѣстныхъ условіяхъ, смертной казни чрезъ истязаніе. Глухая, затаенная тоска, сознаніе безсилія, вставая со дна души, заволакивали ее темнымъ облакомъ грозныхъ предчувствій; не было силы позабыть, хотя временно, о предстоявшемъ на завтра „присутствованіи“...

Погода, какъ нарочно, стояла скверная; начались безпрерывные іюльскіе дожди, разражаясь то ливнями на два, три часа времени, то мелкимъ, частымъ мукосѣемъ... Низко нависшія тучи, обложивъ небо, загораживали солнце, превращая день въ сумерки, и тягота душевная усиливалась до физическаго страданія, до идіотскаго равнодушія ко всему... Пригласилъ я къ себѣ Трофимыча...

— Завтра ѣдемъ на верхнюю. Приготовьте, что слѣдуетъ,—время назначено къ пяти часамъ вечера. Приговоръ необычный, рѣдкій: сто ударовъ, да еще въ рукахъ Одинцова...

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ, г-нъ докторъ! Утро вечера мудренѣе... Все будетъ въ исправности!—проговорилъ коротко старикъ.

На другой день, къ 11 часамъ, Трофимычъ явился, въ сѣрой, арестантскаго сукна, шинели, подпоясанной ремнемъ, съ небольшой кожаной сумкой черезъ плечо. Вглядываясь, можно было замѣтить, что онъ изрядно „клюкнулъ“: глаза сузились, усы торчатъ не по формѣ, въ „разбросъ“; одинъ

пучекъ волосъ кверху, другой книзу; движенія быстры, разговоръ съ непрерывными жестами...

— Супруга-то моя, Домна-то Яковлевна, знаете, что выдумала, г-нъ докторъ? Съ пріятелемъ сидѣлъ я, съ нужнымъ человѣкомъ, а она и говоритъ: „Глаза нальешь, какъ доктору покажешься? Какъ въ тюрьму поѣдешь?"—Чудачка, говорю, какъ поѣду?.. На казенной лошади, не иначе... Пѣшкомъ не пойдемъ; служба казенная, потому предписаніе... „Глаза нальешь!" Да развѣ это возможно?! Пили мы по божьему, по-пріятельски, можно сказать. У меня, между прочимъ, все въ готовности: Трофимычъ старый пѣтухъ, сѣдало свое знаетъ, ничего не забылъ! Сумка готова, здѣсь, у сердца, виситъ, черезъ плечо перекинута, — не безпокойтесь... Пьянъ буду и тогда не забуду, потому предписаніе... Выпилъ же я съ пріятелемъ, нужнымъ человѣкомъ: кумъ не кумъ, а середка на половину будетъ... Къ тому же сродственникъ Ермолаеву... Ничѣмъ нельзя брезговать, г-нъ докторъ,—иначе забьютъ, ни за понюхъ табаку!

При быстрой передачѣ своихъ впечатлѣній, Трофимычъ ерзалъ на табуретѣ, куда грузно усѣлся по моему приглашенію. При разсказѣ жестикулировалъ руками, чаще всего прижимая ихъ къ области сердца, и умиленно-маслянымъ взглядомъ смотрѣлъ на мою особу...

— Вѣрю вамъ, Алексѣй Трофимычъ, старый вы служака, ничего не забудете... Скверное дѣло предстоитъ намъ, а ѣхать необходимо; для такого дѣла и выпивка съ кумомъ дѣло законнѣйшее,—проговорилъ я, чтобы „не спугнуть" экспансивной болтливости Трофимыча.

— Не кумъ онъ мнѣ, а полкумомъ приходится, это вѣрно... Ха, ха, ха, ха! Жена говоритъ: „глаза нальешь!" Да что она понимаетъ?! Вонъ стариченка-то, что пріѣхалъ за нами съ верхней тюрьмы, перемокъ, передрогъ, бѣдняга, трясется, зубъ на зубъ не попадаетъ. Дождь на дворѣ, холодъ, сиверко дуетъ,—какъ и поѣдемъ? Я ему щей горячихъ на лазаретной кухнѣ приказалъ налить: ѣстъ, руки трясутся, лихоманка бьетъ... Потомъ на пекарную печь усадилъ, — пусть, думаю, обогрѣется... Стариченка тщедушный, въ чемъ душа держится! Давнишній варнакъ карійской породы, а дождикомъ пробрало, — съ козелъ слѣзть не можетъ, окоченѣлъ! Тоже, будто, на человѣка похожъ, нельзя не отогрѣть... А объ сумкѣ „съ надобностями" вы не безпокойтесь,—она у сердца Трофимыча: оборудуемъ дѣло, живъ человѣкъ останется, не забьютъ... Пусть только Господь дождичка побольше посылаетъ... Старый я коваль, повадку всѣхъ смотрителей знаю! (И Трофимычъ таинственно-хитро подмигнулъ обоими глазами такъ комично, что я невольно разсмѣялся).

— Истинно говорю, увидите сами,—Трофимычъ не вретъ; нужна во всемъ сноровка... Немилостивъ Одинцовъ, а и на него есть Богъ! Не даромъ тридцать лѣтъ съ каторгой въ роднѣ состою; кумъ не кумъ, а полкумомъ приходишься... Сноровка на все нужна: за сто плетей двадцать сойти могутъ, потому на всякую штуку придумана оберъ-штука... Подкрѣпиться позвольте, г-нъ докторъ, погода холодная, сырость; ѣхать десять верстъ, запасецъ мнѣ добрый человѣкъ пожертвовалъ...

Мы „подкрѣпились" его и моимъ запасцемъ и тронулись въ путь. Трофимычъ сидѣлъ рядомъ со мною, невозмутимо спокойный, прикрывая шею отъ лившаго дождя приподнятымъ воротникомъ своей сѣрой шинели и по временамъ брюзгливо сѣтуя на дождь и на возницу.

— Не свались, халудора, съ козелъ, довези обязательно, потому служба,—брюзжалъ онъ сквозь зубы, относя названіе „халудора" къ возницѣ, жалкому, мокрому старичонкѣ, съ клинообразной, сѣдой бородкой, сидѣвшему на козлахъ и то и дѣло втягивавшему голову въ плечи, чтобы защититься отъ лившаго дождя:—Тоже конюхомъ считаешься подъ великій постъ! Лошадь твою на живодерню, и тебя съ ней туда же... Не могъ, что ли, выѣздного запречь?.. Ты думаешь, я не знаю, какія у васъ лошади? Знаю, братъ! Все знаетъ Трофимычъ... Сколько блохъ сидитъ въ тебѣ, и то знаетъ..

— Не моя воля, Алексѣй Трофимычъ, смотрительское приказаніе запречь животину!—оправдывался „халудора", не поворачивая головы.

— Сиди, братъ, крѣпче, не разговаривай! Еще свалишься съ козелъ, отвѣчай за тебя; за каждаго отвѣчать смысла не хватитъ... Сиди крѣпче, коли Богъ убилъ!—И Трофимычъ отворачивалъ свое мокрое лицо въ сторону, вынималъ изъ „секретнаго" кармана шинели трубку, кисетъ, кремень и огниво и старался высѣчь огонь на трутъ.

— Наказанье Господне, а не служба! — брюзжалъ онъ сквозь зубы, стискивая ими конецъ чубука:—Огонь не высѣкается, трутъ не горитъ, трубку невозможно раскурить... Ну, и служба наша, г-нъ докторъ! Волчье житье, а не служба, провались она!..—закончилъ онъ напрасныя старанія раскурить трубку, пряча табачныя принадлежности и обтирая мокрымъ рукавомъ той же шинели мокрое лицо.

— Что это значитъ, Алексѣй Трофимычъ? Сердитесь на дождь и, въ то же время, просите Бога, чтобъ больше дождика посылалъ?..

— Эхъ, г-нъ докторъ! Супружница моя полагаетъ, Трофимычъ глаза наливалъ съ пріятелемъ, а мы Бога славили за ниспосланіе дождика.. Сто плетей перенести, да въ один-

цовскихъ рукахъ, безъ дождя, безъ ненастья,—чѣмъ окончится?.. Смертонькой... Развѣ не видывалъ я такихъ случаевъ? Боже мо-о-о-й, сколько видывалъ... На кладбище сразу увозили, случалось, а Трофимычъ провожалъ: думаешь очнется, дыхать начнетъ... Лучше пьянымъ быть, да помочь, чѣмъ трезвымъ оболдуемъ, сложа руки, смотрѣть!

Сквозь несвязныя, торопливыя рѣчи старика мелькало что-то сознательное, обдуманное: ясно было, что Трофимычъ занятъ какимъ-то важнымъ, кровнымъ для него дѣломъ, что онъ къ чему-то подходитъ издалека, не умѣя владѣть точнымъ, логическимъ развитіемъ мысли. Я насторожился, боясь прямо задать вопросъ, чтобы боязливый, замкнутый человѣкъ, нежданно разговорившійся, не прекратилъ своихъ изліяній...

— Не курево мнѣ нужно, не табачный дымъ,—продолжалъ онъ возбужденно, приподнявъ кверху голову и подставляя лицо хлеставшему дождю,—а проба: загоритъ трубка — Ермолаеву скверно придется... Трубка что? Могу сейчасъ о камень разбить... Кисетъ съ табакомъ въ грязь, на дорогу, выбросить могу... Пропадай пропадомъ! Пускай дождикъ идетъ на здоровье; чѣмъ больше, гуще пойдетъ, тѣмъ душѣ легче, на совѣсти грѣха меньше будетъ... Тридцать вѣдь лѣтъ со сна вскакиваешь отъ страха: плети да плети, а прежде шпицрутены... Не деревянные же мы, душа-то тоже имѣется, хоть и подержаная...

— Не понимаю, Алексѣй Трофимычъ,—осторожно вставилъ я, наконецъ, вопросъ,—о чемъ вы говорите? Для насъ съ вами хорошаго въ дождѣ мало! Перемокли, какъ лягушки въ болотѣ...

Ко мнѣ, въ полный оборотъ, повернулось мокрое, широкое лицо Трофимыча, съ оскаленными отъ улыбки зубами; съ его фуражки, волосъ, усовъ, сросшихся бровей, носа, ручьями текла дождевая вода, но этому обстоятельству, видимо, онъ не придавалъ никакого значенія, хотя я, съ своей стороны, сидѣлъ, съежившись, скрючившись въ три погибели, меньше всего чувствуя склонность радоваться и хвалить Бога...

— Неопытны вы, г-нъ докторъ, въ нашихъ каторжныхъ дѣлахъ, молоды, зелены! Нездоровое это заведеніе каторга... Куда ни погляди — вездѣ убійство; бьютъ, почитай, съ утра до вечера... По приговорамъ бьютъ, съ докторомъ, фельдшеромъ, безъ приговора каждый смотритель полосуетъ... Со всей матушки Россіи горе въ Кару насылаютъ, а здѣсь съ нимъ распоряжаются, какъ смотрителю Господь на душу положитъ: цари они и боги арестантскіе... Ну, вотъ и остается

дѣйствовать снаровкой, смекалкой, да знакомствомъ съ самимъ „крестнымъ батюшкой“...

— Сегодня утромъ пріятель ко мнѣ заходилъ,—деньжонки у него появились, золотишка намылъ золотника четыре,— сродственникъ Ермолаеву... Двѣ бутылки сиводера принесъ, добрый человѣкъ, потому знаетъ, ѣду къ Ермолаеву въ гости... Сидѣли мы съ нимъ, выпили, это правда; рубль Сашкѣ-палачу пожертвовалъ, съ собой везу, — не безпокойтесь, у меня въ карманѣ запрятанъ, а передать,— это ужъ мое дѣло... Грѣшно вѣдь не посодѣйствовать... Скотину жаль, когда бьютъ, тѣмъ болѣе человѣка,—Богъ проститъ за это! Смотрителямъ что? Бьютъ Сашку, за волосы, въ шею ему сыплють за легкое исполненіе, — должность такая, — чужую шею пожалѣетъ, такъ свою подставляй; вотъ рублишка ему и годится. Въ тысячный разъ, можетъ, ѣду на эту штуку, знаю всѣ повадки, обычаи... Трофимыча берестянымъ туясомъ почитаютъ (такъ начальникъ каторги обозвалъ меня, полковникъ)! Пусть ихъ!.. Трофимычъ не сердится, ей Богу—не сердится. Какъ хочешь называй, брань на вороту не виснетъ..: Всякая тварь жить обязана, а не подъ плетью умирать... Пью я, когда придется съ пріятелемъ время провести, а глазъ не наливаю, это супружница напрасно говоритъ: чего она понимаетъ?! Отъ глупости говоритъ, отъ недостатковъ нашихъ. Иной разъ дня по три не ѣвши сидимъ, ребятамъ пить, ѣсть хочется, вотъ досада и беретъ... А какъ же не помочь горюну, не передать рубль Сашкѣ? Невозможное это дѣло, а она не понимаетъ... Сашку повидаю,—рубль передамъ, два-три слова скажу отъ кума-пріятеля... Сколько Трофимычъ палачей переслужилъ,—одинъ Господь знаетъ! Разные бывали, а знакомство со всѣми важивалъ. Всѣ были съ амбиціей; по шерсткѣ, какъ котовъ заморскихъ, надо было гладить... Фомка былъ, Пашка,—это разгильдѣевскіе служаки, въ давнихъ временахъ на службѣ состояли... Васька былъ; плетью быка убилъ, на споръ дѣло вышло съ пріятелями, за бутылку водки: между глазъ по лбу ударилъ, быкъ сразу и ноги кверху... За этого быка Разгильдѣевъ его искалѣчилъ—въ богадѣльнѣ умеръ... Народъ былъ денежный, франтовитый, а случалось—и имъ доставалось; битва была несоразмѣрная...

— Разскажу я вамъ, штука какая случилась. Давно это было, смѣху было довольно, а потомъ перепугались; да ничего,— обошлось на тотъ разъ... Ѳомка свою амбицію показалъ. Былъ при Разгильдѣевѣ разрѣзной надзиратель Кулаковъ, кровопивецъ былъ покойный, жестокій человѣкъ! Съ Ѳомкой-палачемъ дружбу особую водилъ, закадычные пріятели были. Былъ онъ въ чинѣ горнаго урядника, жалованье получалъ,

форму носилъ. Пили, случалось, вмѣстѣ, вотъ разъ и заспорили: водка кого до грѣха не доведетъ... Кулаковъ былъ огромаднаго роста дѣтина, вершковъ четырнадцати, зубы крушилъ десятками; ударитъ кого разъ, второй не захочетъ... Лошадь на плечахъ поднималъ: присядетъ подъ брюхо лошади, руками за переднія, заднія ноги возьмется, на плечахъ и подниметъ животину четверти на двѣ отъ земли... Боялись его всѣ, а Разгильдѣевъ любилъ, потому охрана надежная; Ѳомку тоже любилъ Разгильдѣевъ.. Заспорили Кулаковъ съ Ѳомкой о своей силѣ и рѣшили при свидѣтеляхъ, на пять рублей заклада: Кулаковъ три раза ударитъ плетью Ѳомку по голымъ стегнамъ, а Ѳомка одинъ разъ. „Кабы по зубамъ бить,—говорилъ Кулаковъ,—такъ я на одинъ бы разъ согласился, а Ѳомкѣ три далъ бы ударить". Выбрали время, собрались пріятели, будто судьи, человѣкъ десятокъ, водки заготовили, закуску, деньги за руки положили: кто кого, значитъ, одолѣетъ... Кинули жребій, честь честью, крестомъ осѣнились передъ вынутіемъ жребія: досталось Ѳомкѣ-палачу первому ложиться... Улегся онъ на землю, оголился, приготовился закладъ выигрывать.. Кулаковъ мигнулъ пріятелямъ: тѣ живо за голову за ноги поприпридержали, приналегли на Ѳомку; меня, какъ фельдшера, пригласили на случай,—больше, конечно, для порядка комедіи... Взялъ Кулаковъ плеть въ руки, рукава засучилъ по локоть: „разъ! два! три!"—только клочья шкуры полетѣли... Взвылъ Ѳомка, а на ноги вскочилъ безъ помочи; лицо блѣдное, губы посинѣли, дрожитъ весь, на глазахъ слезы... А компанія хохочетъ до упаду: „Ловко, Прохоръ Савичъ! Молодчина, закладъ выигралъ!" Оправился Ѳомка, штаны подвязалъ... — „Пожалуйте, — говоритъ,—Прохоръ Савичъ,—за вами чередъ, я свое получилъ", а у самого губы, зубы трясутся. — „Ляжемъ, ляжемъ, Ѳомушка, слово исполнимъ! Не по твоему лежать будемъ, безъ придержки за голову, за ноги, по собственной охотѣ!" Улегся на землю Кулаковъ, вытянулся во весь ростъ, зубы оскалилъ, смѣется... „Я тебя предупрежу, Прохоръ Савичъ, когда бить буду; крикну, тогда и ожидай!"—проговорилъ Ѳомка, а лицо у него страшное; всѣ сразу притихли... Взялъ онъ плеть, да какъ крикнетъ: „Поддержитесь, Прохоръ Савичъ!" и—урѣ-ѣ-ѣза-а-лъ! Какъ молоньей Кулакова пришибло, лицомъ въ землю уткнулся... Ѳомка стоитъ съ плетью, дышетъ тяжело, какъ быкъ въ запряжкѣ... Подбѣжали мы къ Кулакову, лицомъ кверху его повернули, а онъ синій, какъ удавленникъ въ петлѣ... Холодной водой едва отлили; ведеръ пятокъ, десятокъ вылили,—нюхательный спиртъ не дѣйствовалъ, сколько я ни старался. Очнулся онъ отъ воды, кругомъ озирается, а на ноги подняться не можетъ, едва, едва слово выгово-

рилъ: „убилъ, подлецъ!“ — „Долгомъ поквитались, Прохоръ Савичъ, на квитку сыграли: въ разсчетѣ теперь!“—проговорилъ Ѳомка. До самого Разгильдѣева доходила эта исторія, грозы ожидали, да любилъ онъ обоихъ: никакой резолюціи такъ и не послѣдовало. Кулаковъ съ этихъ поръ захлябалъ ногами, хуже, да хуже; года черезъ два-три калѣкой сдѣлался: ноги отнялись, распухли, раны появились, ходить пересталъ, а здоровъ былъ до этого, какъ быкъ! Каторга сколько радовалась...

— Такъ какъ же послѣ этого, г-нъ докторъ, нашему брату, фельдшеру, знакомства съ палачомъ не искать?—проговорилъ возбужденно Трофимычъ:—Никакъ безъ этого невозможно обойтись, вся власть надъ человѣкомъ въ его рукахъ находится... Народъ мы малозначащій, а помочь въ горѣ человѣку надо!.. Сашка, теперешній палачъ, ничего себѣ, хорошій человѣкъ, доброту имѣетъ: пивали мы съ нимъ, компаніюваживали по-пріятельски,—вотъ и ѣдешь безъ опаски, какъ къ знакомому... Мигнешь ему передъ парадомъ, пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ изъ рукъ въ руки переложишь,—онъ и понимаетъ, что „магарычъ“ будетъ, на слово пріятелю вѣритъ.. Закурю я трубочку съ вашего позволенія...

Дождь по-прежнему непрерывно хлесталъ по нашимъ лицамъ, забираясь, протекая за воротники пальто и шинели. На согнутыхъ колѣняхъ, на пальто стояла лужа дождевой воды; лошадь все время шла шагомъ по липкой грязи; старикъ-возница сидѣлъ, съежившись, на козлахъ, пригнувъ голову къ правому плечу, надвинувъ шапку на лѣвую половину головы, чтобы защититься, по возможности, отъ косого съ вѣтромъ дождя; сидѣлъ онъ мокрый, забросанный грязью отъ шлепанья лошадиныхъ копытъ по липкой, глинистой дорогѣ. Трофимычъ, не торопясь, досталъ изъ внутренняго кармана шинели кисетъ съ табакомъ, трубку, кремень и стальную пластинку-огниво („плашку“, какъ онъ ее называлъ) и началъ усиленно „чикать“ огнивомъ о кремень, съ положеннымъ на немъ кусочкомъ трута. Мокрое лицо его, съ нависшими на носу каплями дождя, приняло сосредоточенно-серьезное выраженіе; воинственные усы, обвислые отъ катившейся влаги, вздрагивали при каждомъ ударѣ огнива о кремень. Я сидѣлъ молча, по-прежнему боясь прерывать разговорившагося старика.

— Эй, ты, Ерема-мученикъ!—обратился онъ къ возницѣ:—Нѣтъ ли у тебя огнива и кремня? Мои не работаютъ... Одолжи на минутку, или высѣки огня.

— Нѣту, Трофимычъ! Нѣту, батюшка, да и руки дюже замерзли, не совладать съ кремнемъ и плиткой!—проговорилъ

тотъ старческимъ, охриплымъ голосомъ, поворачивая къ намъ свое мокрое лицо.

— Эхъ ты, горе-богатырь, Ерема-разгильдяй, самъ замерзнешь и насъ поморозишь... Ну, да не бѣда: Ермолаеву на добро и пользу... И дождь же идетъ лихой! Слава Тебѣ, Господи!..

Я, наконецъ, не вытерпѣлъ и спросилъ безъ обиняковъ:

— Чему радоваться, Алексѣй Трофимычъ? Кому отъ ненастья пользы въ Карѣ? Каторга на работахъ мокнетъ, сухой нитки не останется, конвойные мокнутъ, злятся, больныхъ въ лазаретѣ прибавится... Объясните мнѣ вашу загадку!

— Сегодня у насъ какое число? Пятнадцатое? Работъ нѣтъ: въ баняхъ парятся, всѣ въ сухомъ видѣ... Мы съ вами тоже высохнемъ, а *тому* на пользу...

— Кому? Какая польза можетъ быть отъ дождя?

— Тому, который сто плетей получить долженъ сегодня... Ему польза отъ ненастья, а мы что?.. Мы не глиняные... Сто-о-о пле-е-т е ей! — протянулъ онъ сиповато, — вѣдь это убійство, увѣчье въ рукахъ Одинцова въ сухую-то погоду, когда солнышко пригрѣваетъ... Знаю я его, наглядѣлся, наслушался! Выгонитъ изъ тюрьмы сотъ семь, восемь каторжниковъ въ ограду, полукругомъ выстроитъ, всѣ безъ шапокъ, какъ мертвые, стоятъ; гоголемъ самъ похаживаетъ, чтобы дрожали всѣ... Скамейка, съ уклономъ, посрединѣ двора; палачъ съ плетью; конвойные казаки съ ружьями... Красоваться тигрѣ надо, силу свою показать, могутность: тысячи глазъ на него смотрятъ, славу ему живодера-палача составляютъ, разсказываютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе о его подвигахъ... Всякая слава лестна, хотя бы и кнутобойная,—все же слава, почетъ... „Живодеръ идетъ! Живодеръ идетъ!“ шепчутъ тысячи со страхомъ, а онъ слышитъ, ему и лестно... Всякъ по своему почетъ понимаетъ! „Бей, подлецъ, крѣпче! Самого запорю до полусмерти, шкуру сдеру съ головы до пятокъ!“ Всѣ дрожатъ, а въ немъ кровь играетъ, звѣрѣетъ пуще... Погода хорошая, солнышко грѣетъ. Торопиться некуда... Стоитъ онъ, варваръ, тутъ же близехонько, брюхо выставитъ впередъ, только глазами взбрасываетъ на всѣхъ! Любуется своей удалью... Э-эхъ, г-нъ докторъ! Правду истинную говорю, необлыжную правду, благо суконный языкъ размололся: кипитъ, накипаетъ, выпивкой запьешь, придавишь слезы,—глядь, выскакиваютъ!.. Запримѣтилъ и я немало въ тридцать-то лѣтъ службы съ каторгой, хоть и дуракомъ считаюсь по природѣ... На толпѣ, на зрителяхъ, разгораются они, лютѣютъ, сами себя не помнятъ, а одинъ на одинъ,—я да вы, палачъ въ придачу, да конвой-

ныхъ четыре человѣка,—передъ кѣмъ тутъ отличиться? Куражъ, озорство пропадаютъ... Останься Одинцовъ вдвоемъ съ Ермолаевымъ, съ плетью въ собственныхъ рукахъ, пожалуй, и совсѣмъ бить не станетъ, помилуетъ—передъ собой красоваться какой толкъ? Въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи, гдѣ, по случаю дождя, сегодня приговоръ будутъ въ исполненіе приводить, повеличиться Одинцову не передъ кѣмъ: крысы подъ поломъ—и тѣ разбѣгутся!

И предсказанія Трофимыча сбылись: у Одинцова отъ „анафемской погоды“ разболѣлись зубы; исполненіе приговора было поручено тюремному приставнику Титычу и прошло „вполнѣ удовлетворительно“ для измученнаго ожиданіемъ Ермолаева.

Эпидемія сыпного тифа, начавшаяся въ карійской каторгѣ съ начала марта 1873 года, усиливалась. Ежедневная прибыль больныхъ въ лазаретѣ достигала двадцати-тридцати человѣкъ; смертность — восьми, двѣнадцати. Четыре наличныхъ палатныхъ фельдшера, а также и палатные служители, буквально выбивались изъ силъ. Бѣшеный горячечный бредъ сотенъ людей, валявшихся на полу въ палатахъ, производилъ впечатлѣніе какого-то кромѣшнаго ада; больные то и дѣло вскакивали съ коекъ, порывались бѣжать черезъ двери, окна. Полуобритые, всклокоченные, возбужденные, ругаясь отборнѣйшей руганью, они долго не могли успокоиться послѣ поимки.. Кроватей, лазаретнаго бѣлья и одежды не хватало болѣе, чѣмъ на триста человѣкъ. Остальные лежали на полу лазаретныхъ палатъ безъ всякой подстилки, въ своей собственной, каторжной одеждѣ съ кандалами на ногахъ; скоплялось до шестидесяти человѣкъ въ палатѣ, гдѣ въ обычное время стояло двадцать, тридцать кроватей. О лѣченіи, о спеціальномъ уходѣ не могло быть и рѣчи; наблюдалось одно, чтобы умиравшіе своевременно выносились изъ палаты, а не загнивали среди живыхъ товарищей...

— Оказія на каторгу налетѣла,—бормоталъ Трофимычъ, красный и потный, водворяя на мѣсто какого-нибудь сбѣжавшаго больного,—наказанье Божье! А какъ ловко заѣхалъ мнѣ по уху, думалъ — голову отшибетъ! Сморчекъ сморчкомъ, худой, плюгавый, въ чемъ душа держится, а какъ ударилъ! Откуда у нихъ сила берется? Болѣетъ, не пьетъ, вторую недѣлю капли въ ротъ не беретъ, а силы прибываетъ: нечистая сила, не иначе, помогаетъ...

Въ концѣ апрѣля и я впалъ въ безпамятство: тифъ захватилъ сразу, безъ передышки, болѣе чѣмъ на двадцать сутокъ. Первый, кого увидѣлъ я при возвращеніи сознанія, былъ наклонившійся надо мной Трофимычъ.

— Опамятовались? Слава Тебѣ, Господи!—радостно проговорилъ старикъ:—Долгонько пролежали безъ памяти, меня чуть не зарѣзали бритвой... Побѣгу, обрадую фельдшеровъ: въ лазаретѣ у насъ страсти творятся...

Вскорѣ пришла очередь и Трофимыча: „бацилла“ забралась-таки въ его кишки... Двадцать пять сутокъ боролся сильный организмъ съ страшной болѣзнью. Бредъ былъ спокойный, мурлыкающій, тягучій, но прорывались порой возгласы: „человѣка пожалѣй, братецъ, кумомъ будешь! Не всяко лыко въ строку... То ли съ нашимъ братомъ бывало?“ Трофимычъ умеръ, окруженный дюжиной дѣтей, „малъ мала меньше“.. Гробъ его, по счету восемнадцатый, былъ опущенъ въ общую могилу съ каторжанами, которымъ онъ служилъ вѣрой и правдой больше тридцати лѣтъ.

„Не стало *нашего* Трофимыча!“—долго вспоминала о немъ карійская тюрьма...

В. К—въ.

* * *

Златокудрая Осень мечтаетъ въ саду.
То заглянетъ въ купальню на сонномъ пруду,
Обойдя осторожно желтѣющій кустъ,
То къ окну замолчавшаго дома прильнетъ:
Не отвѣтитъ ей домъ,—онъ покинутъ и пустъ...
И, тоскуя, со вздохомъ она отойдетъ.

Выйдетъ въ поле, гдѣ красный осинникъ дрожитъ,
Узкой лентой дороги къ заборамъ прижатъ;
Въ безучастную даль сжатыхъ нивъ поглядитъ
И съ тревожною думой вернется назадъ.
Приласкаетъ задумчиво поздній цвѣтокъ
И одинъ за другимъ оборветъ лепестокъ.

Отъ безшумныхъ шаговъ сторонится трава.
Пятна солнца ложатся на влажный песокъ.
Не дыша, умираетъ на клёнахъ листва,
Подломившись, отрывисто хрустнетъ сучокъ;
Но надтреснутый звукъ тишины не смутитъ...
Златокудрая Осень о счастьи грустить!

В. Башкинъ.

Эпоха великихъ реформъ въ Японіи.

III.

Отреченіе шогуна было принято. Вся политическая власть перешла въ руки императора, которому и предстояло теперь съорганизовать новое правительство. Но надо вспомнить ту атмосферу бездѣлья и безсилья, которой дышалъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ столѣтій императорскій дворъ, для того, чтобы понять, какое непосильное бремя представляла для него эта новая задача. У императора въ тотъ моментъ не было ни администраціи, ни арміи, ни финансовъ,—ничего, кромѣ имени. Естественно, что императоръ не могъ сразу отказаться отъ услугъ шогуна и всей его административной машины, находившейся, конечно, въ рукахъ приверженцевъ шогуната. Экс-шогуну было поручено продолжать фактическое управленіе страной подъ общимъ наблюденіемъ и руководствомъ императора и его двора.

Однако подобное положеніе вещей вовсе не улыбалось имперіалистамъ, которые затратили столько жертвъ и столько силъ, чтобы вырвать съ корнемъ шогунатъ изъ жизни Японіи. Правда, юридически шогунатъ не существовалъ, но въ дѣйствительности—въ силу порученія императора и даннаго положенія вещей—шогунъ все еще оставался самымъ могущественнымъ лицомъ въ имперіи. Нельзя было терять времени; надо было быстро наносить ударъ за ударомъ этому разваливающемуся институту государственнаго права Японіи.

Прежде всего подъ давленіемъ побѣдившей партіи началась массовая смѣна чиновничества: сторонники шогуна должны были уступать свои посты участникамъ имперіалистическаго движенія. Эта смѣна, конечно, вызвала крайнее недовольство и ропотъ среди приверженцевъ стараго порядка, придала упругость ихъ сопротивленію. Затѣмъ охрана дворца была поручена другимъ кланамъ, а самураи изъ приверженцевъ шогуна были удалены изъ Кіото, и имъ было совсѣмъ запрещено появляться въ стѣнахъ императорской столицы. Наконецъ, въ совѣщаніи, созван-

номъ императоромъ и состоявшемъ изъ принцевъ, придворной знати, дайміосовъ и ихъ совѣтниковъ, 3-го января 1868 г. было постановлено, послѣ горячихъ дебатовъ и жестокихъ споровъ со сторонниками шогуна, принять отреченіе Іосинобу не только отъ его шогунатскихъ полномочій, но и отъ феодальныхъ правъ на земли и подданныхъ, принадлежавшихъ дому Токугава. Это было уже слишкомъ. Іосинобу отказался только отъ своихъ административныхъ правъ высшаго чиновника, а его захотѣли совершенно стереть съ лица земли, выбросить за бортъ еще продолжавшаго свое существованіе феодальнаго строя. Ни самъ онъ, ни принадлежавшіе его роду самураи не могли допустить подобнаго отношенія къ феодальнымъ правамъ одного изъ крупнѣйшихъ властителей того времени. Въ результатѣ послѣдовалъ рядъ столкновеній на сушѣ и на морѣ между сторонниками шогуна и императора. Но подточенный жизнью институтъ шогуната уже не проявлялъ достаточнаго сопротивленія, и при первой же встрѣчѣ враждующихъ сторонъ, не смотря на колоссальный перевѣсъ шогунатскихъ войскъ (10.000 противъ 1.500), послѣднія были разбиты. Іосинобу послѣ этого исчезаетъ изъ исторіи Японіи навсегда.

Мы не будемъ останавливаться на новой организаціи правительства. По существу, она оказалась повтореніемъ той системы, которая имѣла мѣсто въ Японіи нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, до укрѣпленія въ странѣ феодальныхъ порядковъ. Мы прослѣдимъ лучше дальнѣйшее развитіе тѣхъ факторовъ, которые продолжали работать надъ созиданіемъ новой Японіи.

Новое императорское правительство прежде всего поторопилось покончить съ осложненіями въ иностранной политикѣ: у него слишкомъ много было дѣла внутри страны для того, чтобы продолжать какія-либо недоразумѣнія съ европейцами и американцами. Къ этому же его побуждали и главнѣйшіе дѣятели только что минувшей японской революціи. За подписью нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ того времени, императору была подана соотвѣтствующая петиція, на которую правительство обратило самое серьезное вниманіе.

Хіого и Осака были открыты для иностранной торговли 1-го января 1868 г. Въ февралѣ того же года императоръ послалъ представителямъ иностранныхъ державъ требованіе, чтобы они сообщили своимъ правительствамъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ управленіи Японіи, и о томъ, что вся внутренняя и внѣшняя политика въ настоящее время сосредоточена въ рукахъ у него, императора. Въ знакъ правдивости и искренности этого сообщенія онъ пригласилъ представителей всѣхъ державъ явиться къ нему во дворецъ. Это былъ огромный шагъ впередъ,—дѣйствіе со стороны правительства, не слыханное въ исторіи Японіи. Императоръ, — этотъ богъ, который, по воззрѣніямъ народной религіи, не долженъ былъ показываться даже передъ ближайшими

своими подданными, — открыто выступаетъ передъ презрѣнными иностранцами, становится на равную ногу съ государями этихъ ненавистныхъ чужеземныхъ державъ. Но способный и культурный народъ Японіи легко освоился съ новыми идеями, легко понялъ неизбѣжность требованій новаго времени. Народъ уже слабо реагировалъ на это признаніе правъ иностранцевъ, и процедура оффиціальнаго сближенія японскаго правительства съ представителями иностранныхъ державъ обошлась почти безъ всякихъ сколько-нибудь значительныхъ инцидентовъ. Наконецъ, японское правительство сдѣлало свой послѣдній шагъ въ данномъ направленіи: договоры съ иностранными державами были объявлены освященными согласіемъ императора, который и принялъ на себя защиту ихъ отъ какихъ бы то ни было посягательствъ, грозя ослушникамъ тяжелыми карами. Правда, иностранцы не имѣли еще доступа внутрь страны, но они могли поддерживать свои сношенія съ Японіей черезъ цѣлый рядъ главнѣйшихъ приморскихъ пунктовъ.

Такъ съ историческаго пути Японіи было удалено одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ дальнѣйшему прогрессу страны: правительство не только перестало враждебно относиться къ западно-европейской культурѣ, но вскорѣ всѣми силами принялось содѣйствовать распространенію ея среди народа.

Работы, однако, предстояло еще очень много. Шогунатъ палъ, но феодализмъ вѣдь остался. На исторической сценѣ страны лицомъ къ лицу стали двѣ силы, другъ друга исключающія: съ одной стороны — имперіализмъ, подразумѣвающій полное и возможно глубокое объединеніе всѣхъ элементовъ государства; съ другой — феодализмъ, сопряженный съ сильнымъ дробленіемъ страны и большою самостоятельностью ея частей. Феодалы искали лишь такого объединенія Японіи, при которомъ она была бы въ силахъ оказать сопротивленіе натиску иностранцевъ; но они вовсе не думали о томъ, чтобы имъ самимъ пришлось убраться съ исторической сцены передъ новой организаціей, вызванной къ жизни ими самими. Они, напротивъ, мечтали о продолженіи феодальнаго строя при новыхъ, болѣе справедливыхъ условіяхъ.

Находясь на верхушкѣ общественной лѣстницы, феодальные князьки, конечно, воображали себя „солью земли“, а свое мнѣніе смѣшивали съ „общественнымъ мнѣніемъ“ страны. Вотъ почему одной изъ первыхъ задачъ побѣдителей шогуната было обезпечить на будущее время подчиненіе государственной власти „общественному мнѣнію“. И имъ, дѣйствительно, удалось добиться того, что молодой императоръ Японіи (нынѣ царствующій, ему тогда не было и двадцати лѣтъ) 17 апрѣля 1869 произнесъ въ собраніи придворной знати и дайміосовъ торжественную клятву въ томъ, что: 1) будетъ созвано совѣщательное собраніе, и всѣ правительственныя мѣры будутъ согласоваться съ требованіями

общественнаго мнѣнія; 2) принципы соціальнаго и политическаго строя будутъ тщательно изучаться, какъ высшими, такъ и низшими классами народа; 3) каждому члену общества будетъ оказано возможное содѣйствіе въ примѣненіи имъ своей воли ко всему хорошему; 4) всѣ вздорные обычаи стараго времени должны быть отвергнуты, и нелицепріятіе и справедливость должны являться основой всякаго дѣйствія, и 5) для того, чтобы твердо установить основы имперіи, будетъ открытъ полный просторъ для всякаго ума и таланта.

Такимъ образомъ, этой клятвой молодой императоръ, съ одной стороны, обѣщалъ дать большій просторъ въ общественной дѣятельности всякой личной инаціативѣ, съ другой—открыть общественному мнѣнію широкое вліяніе на ходъ государственной жизни страны. Но едва ли императоръ и большинство феодаловъ того времени ясно представляли себѣ, что значитъ согласовать государственное управленіе съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Общественное мнѣніе въ то время уже значительно демократизировалось, и вліяніе на ходъ національной жизни пріобрѣли болѣе широкіе круги общества. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ хотя бы списки наиболѣе выдающихся дѣятелей того времени: болѣе 75% этихъ именъ принадлежатъ семействамъ простыхъ самураевъ, и только остальные 20 — 25% руководителей политики вышли изъ семействъ феодальной и придворной знати. Самураи, какъ мы уже говорили, были тогда тѣмъ слоемъ населенія, изъ котораго выдѣлялась, главнымъ образомъ, японская интеллигенція. Неудивительно, что теперь, когда государству понадобились силы для прогрессивной работы и вытѣсненія той наслѣдственной бюрократіи, которая плотной прослойкой лежала между центральнымъ правительствомъ и народными массами, то оно почерпнуло эти силы главнымъ образомъ изъ среды самураевъ. Если усиліями послѣднихъ былъ низвергнутъ шогунатъ, т. е. исполненъ одинъ изъ основныхъ актовъ перехода отъ стараго порядка къ новому, то тотчасъ же обнаружилось, что эти разрушительныя силы стараго общественнаго порядка являются самыми надежными элементами и въ дѣлѣ организаціи новыхъ общественныхъ отношеній.

Но эти дѣятельные элементы японскаго общества были все-таки въ значительной степени закрѣпощены феодальнымъ строемъ, который продолжалъ существовать и не проявлялъ ни малѣйшаго желанія отступить на задній планъ. И теперь-то, когда открывалось широкое поле для общественной работы, эта зависимость казалась особенно ненавистной, —тѣмъ болѣе, что она далеко не была одной только фикціей. Въ самомъ дѣлѣ, каждый самурай со дня своего рожденія принадлежалъ къ какому-нибудь клану, былъ подданнымъ какого-нибудь феодальнаго властителя, который могъ потребовать его къ себѣ на службу. Иногда кланъ не хотѣлъ терять своихъ лучшихъ дѣятелей, и феодальный

сеньоръ требовалъ ихъ возвращенія въ кланъ. Такой, напримѣръ, случай имѣлъ мѣсто съ однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей реформаціоннаго періода Японіи—Окубо. Феодалъ того клана, къ которому принадлежалъ Окубо, занимавшій уже тогда видный постъ въ императорскомъ правительствѣ, потребовалъ вдругъ возвращенія Окубо въ свой ленъ. Только благодаря усиленнымъ просьбамъ императора, Окубо могъ снова заняться своей обще-имперской дѣятельностью. Правда, самураи сохранили еще въ значительной степени глубокую привязанность къ своимъ кланамъ, служеніе которымъ они считали своимъ долгомъ и процвѣтаніе которыхъ было источникомъ ихъ гордости. Но, тѣмъ не менѣе, эта зависимость отъ клана и феодала тяжело ощущалась наиболѣе передовыми и талантливыми самураями, идеаломъ которыхъ при томъ являлась Японія, объединенная подъ властью императора,—идеаломъ, представлявшимся недостижимымъ до тѣхъ поръ, пока за феодалами оставалось полное и безграничное право обложенія налогами своихъ леновъ и изданія мѣстныхъ законовъ. Такимъ образомъ, феодальная организація осуждалась наиболѣе подвижной частью тогдашней японской интеллигенціи и съ личной точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія ея общественнаго идеала. Но какими средствами можно было бы добиться того, чтобы представители феодальнаго строя поступились своими правами въ пользу государства? Достаточной для этого матеріальной силы въ распоряженіи партіи реформъ тогда не было: все войско состояло изъ отдѣльныхъ отрядовъ самураевъ, принадлежавшихъ феодаламъ и въ большинствѣ случаевъ искренне преданныхъ своимъ феодальнымъ сюзеренамъ. На успѣхъ гражданской войны въ данномъ случаѣ полагаться было нельзя. Идейное движеніе, охватившее страну, было, однако, настолько сильно, что и безъ достаточныхъ матеріальныхъ силъ оказалось возможнымъ покончить съ феодальнымъ строемъ.

Первое существенное ограниченіе правъ феодальныхъ владѣтелей было произведено декретомъ правительства (отъ 11 іюня 1868 г.), сократившимъ свободу дѣйствій феодаловъ вь тѣхъ сферахъ, въ которыхъ особенно задѣвались интересы имперской политики: такъ ихъ лишили права чеканить монету, раздавать титулы, приглашать на службу чужеземцевъ, заключать договоры съ сосѣдними кланами и иностранными государствами. Черезъ полгода имперское правительство пошло еще дальше, наложивъ свою руку на отношенія феодаловъ къ той арміи чиновничества, которая находилась у нихъ на службѣ. Прежде всего было проведено рѣзкое различіе между тѣми чиновниками, которые служили нуждамъ клана, и тѣми, которые были поставлены заботиться о личныхъ интересахъ своего господина. О всякомъ назначеніи первыхъ и всякихъ перемѣщеніяхъ ихъ, производимыхъ феодаломъ на своей территоріи, онъ долженъ былъ отнынѣ доводить до свѣдѣнія цен-

тральнаго правительства; далѣе феодальному сюзерену вмѣнялось въ обязанность назначать чиновниковъ не по ихъ наслѣдственнымъ правамъ на ту или другую должность, а по ихъ способностямъ и талантамъ.

Какъ ни ограничивались этими декретами права отдѣльныхъ феодаловъ въ пользу государства, но ими еще не отмѣнялся самый институтъ феодальнаго владѣнія: огромныя площади территоріи продолжали находиться во власти отдѣльныхъ лицъ, сохранявшихъ значительныя феодальныя права по отношенію къ населенію, обитавшему на этихъ территоріяхъ. Только отказъ отъ такого наслѣдственнаго права на землю и населеніе положилъ бы предѣлъ феодализму. Но всякія насильственныя мѣры, исходившія изъ центра въ этомъ направленіи, повели бы только къ гражданской войнѣ и почти навѣрное не дали бы никакихъ положительныхъ результатовъ. Партія реформъ нашла, однако, выходъ изъ этого труднаго положенія. Феодалы нѣсколькихъ могущественнѣйшихъ клановъ (именно клановъ Каго, Хиценъ, Сатзума, Хошіу, Тоза) и еще кое-кто изъ западныхъ даймiосовъ добровольно отреклись отъ своихъ феодальныхъ правъ, подавъ императору слѣдующее заявленіе: „Великое государство теперь вновь возстановлено, и самъ императоръ принялъ на себя общее руководство государственными дѣлами. Это, конечно, прекрасное и великое событіе. Но перемѣна эта должна быть совершена не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Нашей первой обязанностью будетъ теперь доказать свою лояльность и обнаружить свою преданность. Когда родъ Токугава захватилъ власть, онъ раздѣлилъ страну между своими сородичами, и богатства многихъ семействъ зиждутся именно на этомъ фактѣ. Они и не подумали спросить, не являются ли земли и люди, которыхъ они получили, даромъ императора, а просто въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вплоть до настоящаго времени удерживаютъ ихъ въ наслѣдственномъ владѣніи. Иные говорятъ, что ихъ владѣнія являются добычей ихъ оружія, все равно какъ еслибы они ворвались въ амбары и расхитили имущество, которое тамъ хранится, хвастаясь передъ солдатами, ихъ окружавшими, что сдѣлали они это съ рискомъ для своей жизни. Тѣ, которые врываются такимъ образомъ въ магазины, у всѣхъ людей извѣстны подъ именемъ воровъ и грабителей; къ тѣмъ же, кто грабитъ земли и воруетъ людей,—такъ не относятся! Какъ перепутались всѣ представленія о законности и преданности!“ „Мѣсто, на которомъ мы живемъ,—говорилось далѣе въ той же петиціи—земля императора, и пища, которой мы питаемся, возращена людьми императора. Какъ можемъ мы сдѣлать все это своей собственностью? Мы почтительнѣйше прилагаемъ при семъ списокъ нашихъ владѣній и людей и умоляемъ императора наградить ими тѣхъ, кто заслужилъ награды, и отнять ихъ отъ тѣхъ, кому надлежитъ наказаніе. Пусть же будутъ изданы император-

скіе приказы, которыми произведутся измѣненія и переустройство территорій различныхъ клановъ; пусть всѣ гражданскіе и уголовные кодексы и военные законы будутъ исходить отъ императора; пусть со всѣми дѣлами имперіи, великими и малыми, обращаются къ нему".

Впечатлѣніе, произведенное этой петиціей „кающихся дворянъ", было поразительно. Она вызвала движеніе, единственное въ своемъ родѣ. Феодальное дворянство начало присоединять свои подписи къ этому заявленію, поданному наиболѣе выдающимися и сильными его представителями. Въ самое короткое время изъ 276 феодаловъ 259 заявили о своей готовности отказаться отъ своихъ феодальныхъ правъ на территорію и населеніе; только 17 упорствовало, не желая разстаться со своими привилегіями. Но отказъ этихъ семнадцати не могъ уже имѣть никакого значенія, когда на сторонѣ партіи реформъ было и численное, и качественное превосходство. Судьба феодализма, подготовленная всѣми предыдущими теченіями въ области правовыхъ и экономическихъ отношеній, была рѣшена.

Указанная выше петиція была подана 5-го марта 1869 г. Государь рѣшилъ подвергнуть ее обсужденію уже созваннаго передъ этимъ собранія феодаловъ, при чемъ и выяснилась наличность тѣхъ массовыхъ симпатій въ сторону реформъ, о которой мы только что говорили. 25 іюля того же года правительство издаетъ эдиктъ, въ которомъ выражаетъ свое согласіе на принятіе тѣхъ феодальныхъ правъ, отъ которыхъ сами феодалы отказались добровольно. Дайміосамъ, не выразившимъ желанія присоединиться ко взглядамъ большинства, было приказано послѣдовать примѣру этого большинства; феодальные сеньоры возвращались въ свои прежнія владѣнія въ качествѣ простыхъ губернаторовъ, назначенныхъ на эту должность властью императора. Десятая часть доходовъ каждаго клана была назначена въ видѣ жалованья этимъ новымъ губернаторамъ, остальныя девять десятыхъ, за покрытіемъ мѣстныхъ расходовъ по управленію и благоустройству, должны были поступать въ императорскую казну. Наконецъ, декретомъ 4 октября 1870 г. было объявлено, что отнынѣ во всей имперіи будутъ дѣйствовать однообразные законы. Такъ былъ положенъ предѣлъ феодальному строю, продержавшемуся въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій.

Конечно, трудно проанализировать мотивы, которыми руководились отдѣльныя личности, принося въ этомъ массовомъ актѣ на алтарь отечества свои права и привилегіи. Несомнѣнно, однако, что вожаки движенія дѣйствовали сознательно и руководились главнымъ образомъ разсчетами благороднаго патріотизма. Ихъ поведеніе нашло восторженный пріемъ у тогдашней японской интеллигенціи, — самураевъ,—которые, какъ мы говорили, должны были осуждать феодальный строй и съ личной, и съ идей-

ной точки зрѣнія. Общественное мнѣніе, которое опредѣлялось теперь интеллигенціей, создало, такимъ образомъ, атмосферу, въ которой дышали и феодальныя владѣтельныя особы. Начавъ со стремленія обезпечить за собою всю полноту сюзеренныхъ правъ и подчинить для этого центральную власть „общественному мнѣнію" страны (понимая подъ этимъ терминомъ лишь свои пожеланія и планы), феодалы незамѣтно для себя попали подъ власть дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія, прорвавшагося въ общественную жизнь болѣе широкимъ потокомъ, чѣмъ они разсчитывали. Такое подчиненіе теченію, въ существѣ чуждому психологіи большинства представителей феодальнаго строя, произошло тѣмъ легче, что фактическая власть по управленію кланами находилась въ рукахъ новой исторической силы—самураевъ. Сами феодальные суверены, погрязшіе въ своихъ привилегіяхъ и въ своей сытой жизни, стали въ большинствѣ случаевъ слабыми, дряблыми, неспособными людьми. Они привыкли жить чужимъ умомъ и чужой работой. Когда лучшіе представители японскаго общества, изъ которыхъ многіе стояли у кормила феодальнаго правленія, стали на сторону партіи реформъ, то они легко заставили и своихъ феодальныхъ повелителей смотрѣть на текущія событія своими глазами. Большинство феодаловъ, такимъ образомъ, подражало выдающимся представителямъ своего сословія, не сознавая всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя были такъ тѣсно связаны съ актомъ ихъ отреченія, и совершенно безсознательно подчиняясь общественному теченію.

Но самураи при этомъ и сами теряли многое изъ своего привилегированнаго положенія; кромѣ того, какъ мы уже говорили, они были привязаны къ своимъ кланамъ, процвѣтаніе и благоустройство ихъ считали своей гордостью, имѣли возможность нерѣдко непосредственно участвовать въ мѣстномъ управленіи,—все это, казалось бы, должно было предохронять ихъ отъ увлеченія новыми идеалами: имперіализмомъ и личнымъ освобожденіемъ отъ клановой зависимости. Въ душѣ самурая-интеллигента, дѣйствительно, должна была происходить серьезная борьба между старыми привязанностями и новыми стремленіями къ переустройству своей родины. Откуда же онъ взялъ силы разбить оковы старыхъ привязанностей, рѣшить вопросъ въ пользу реформъ и довести дѣло до конца, во что бы то ни стало, хотя бы съ цѣлымъ рядомъ личныхъ жертвъ? Что это было? честолюбіе? Конечно, здѣсь было и оно, но сравнительно у немногихъ, такъ какъ большинство не могло надѣяться устроиться при центральномъ правительствѣ, тогда какъ феодальный строй все же давалъ многимъ теплыя и почетныя мѣста. Корыстолюбіе? Но съ паденіемъ феодальнаго строя изъ рукъ феодаловъ, а слѣдовательно, и близкихъ къ нимъ самураевъ, уходило право обложенія мѣстнаго населенія, а слѣдовательно, и всѣ разсчеты на наживу. Нѣтъ,

едва ли этими мотивами можно всецѣло объяснить движеніе, проложившее себѣ путь въ широкія массы. Въ данномъ случаѣ были болѣе могучіе факторы, болѣе чистые источники.

Многое уяснится для насъ, если мы вспомнимъ, что самураи въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій жили и воспитывались подъ вліяніемъ той этики, которая выше всего ставила жертву своими интересами на общую пользу, и что незадолго передъ эпохой революціи среди нихъ получила широкое распространеніе философія, которая всю отвѣтственность за зло общественной жизни возлагала на личность и уполномочивала эту личность силой сломить общественный строй, осужденный ея идеалами. Всѣ эти настроенія особенно усилились къ данному историческому моменту. Вотъ откуда въ значительной мѣрѣ черпали самураи рѣшимость довести дѣло обновленія своей родины до конца, хотя бы при этомъ потребовалось принести въ жертву и личныя выгоды, и даже свою жизнь.

На ряду съ основнымъ актомъ, только что указаннымъ нами, императорское правительство издало еще цѣлый рядъ декретовъ, которыми продолжалась демократизація общества и освобожденіе личности. Двадцать шестого іюля 1869 г. было уничтожено различіе между „придворною знатью" (*kude*) и „военною знатью" (*buke*); всѣ они слились въ одно почетное сословіе (*kwazokou*); затѣмъ многочисленные классы, надѣленные наслѣдственными и личными привилегіями и объединяемые обыкновенно подъ однимъ общимъ названіемъ самураевъ, были раздѣлены на двѣ сословныхъ группы *sizokou* и *sotsou*. Но декретомъ 8 марта 1872 г. *sotsou* были уничтожены, а люди, принадлежавшіе къ этой сословной группѣ, были частью возведены въ достоинство sizokou, частью отнесены къ непривилегированнымъ народнымъ массамъ. Еще раньше, 12 октября 1871 г., были уничтожены касты презрѣнныхъ профессій (*hipin* и *eta*). Въ это же самое время было объявлено, что для всѣхъ гражданъ Японіи безъ различія ихъ званія, сословія и положенія должны существовать одни общіе суды (1870—1871 гг.). Смѣшенію сословій былъ данъ далѣе толчекъ разрѣшеніемъ каждому заниматься какимъ ему угодно ремесломъ и профессіей (1871 г.), допущеніемъ смѣшанныхъ между сословіями браковъ (1871 г.), актовъ усыновленія, не стѣсняемыхъ происхожденіемъ усыновляемаго (1873 г.), припиской къ простонародью младшихъ вѣтвей знати (1874 г.) и къ сословію sizokou—чиновниковъ изъ простонародья и ихъ дѣтей (1872 г.). Такимъ образомъ, тѣ сословныя начала, на которыхъ держался феодализмъ, были значительно ослаблены и уступили мѣсто новымъ общественнымъ отношеніямъ, которыя дѣлали совершенно невозможнымъ возвратъ феодализма къ жизни.

Но феодализмъ, тѣмъ не менѣе, далеко еще не былъ вырванъ съ корнемъ. Если были сглажены отношенія между сословными

группами, существовавшими среди населенія, то тѣмъ болѣе должны были быть уничтожены привилегіи, существовавшія для различныхъ группъ землевладѣнія. И мы видимъ дѣйствительно, что государство поспѣшило въ этомъ направленіи предпринять рядъ реформъ.

Кромѣ земель, принадлежавшихъ кланамъ, существовали многочисленныя владѣнія, которыя были дарованы на различныхъ льготныхъ основаніяхъ разнымъ знатнымъ семьямъ, самураямъ, буддійскимъ монастырямъ, шинтоистскимъ храмамъ. Имперское правительство съ самаго момента реставраціи императорской власти, т. е. съ 1868 г., стало дѣлать попытки возвратить себѣ эти владѣнія. Иногда оно объявляло ихъ своею собственностью и вступало во владѣніе ими безъ всякаго вознагражденія съ своей стороны прежнему собственнику; нѣкоторымъ буддійскимъ монастырямъ и большинству шинтоистскихъ храмовъ оно оставило часть ихъ обработанной земли; большинству знатныхъ и самурайскихъ семействъ оно стало выплачивать пенсію, въ размѣрѣ ихъ дохода. Операція эта затянулась на нѣсколько лѣтъ. Часть владѣній, на которыя государство такимъ путемъ возстановило свои права, вошло въ число государственныхъ земель; пахотныя земли были уступлены отчасти частнымъ лицамъ, нерѣдко фермерамъ, или арендаторамъ, которые ихъ воздѣлывали. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ сквозило не столько преслѣдованіе непосредственныхъ интересовъ фиска, сколько желаніе ввести однообразныя законодательныя нормы въ области землевладѣнія для того, чтобы подготовить правильную раскладку поземельныхъ налоговъ. Слѣдовало также подвести подъ общее обложеніе всѣ тѣ земли, которыя съ давнихъ поръ были освобождены отъ всякихъ сборовъ. Наконецъ, къ началу 1872 г. были стерты всѣ юридическія различія въ области землевладѣнія Въ февралѣ того же года приступлено къ кадастру. Въ мартѣ разрѣшена продажа земель, запрещенная или стѣсненная въ различныхъ частяхъ Японіи; въ январѣ 1873 г. была установлена общая система ипотеки.

Но и за всѣмъ тѣмъ феодальный порядокъ оставался всетаки еще нетронутымъ во многихъ отношеніяхъ. Дайміосы, правда, лишились всѣхъ своихъ сюзеренныхъ правъ, но цѣлый рядъ административныхъ особенностей феодальнаго строя продолжалъ дѣйствовать въ жизни: такъ, напримѣръ, губернаторская власть сдѣлалась наслѣдственной привилегіей дайміосовъ; налоги и подати собирались не довѣренными чиновниками имперіи, а самими губернаторами; новые губернаторы по прежнему оставались главнокомандующими у себя на мѣстахъ надъ военными силами, которыя по прежнему состояли изъ самураевъ; губернаторы въ своихъ округахъ сохранили право назначать и смѣнять всѣхъ чиновниковъ. Однимъ словомъ, новый порядокъ носилъ на себѣ всѣ слѣды до-

вольно неудачнаго компромисса между старыми историческими традиціями и новыми началами.

Недостатки этого компромисса давали себя чувствовать на каждомъ шагу. Съ одной стороны, лучшіе элементы общества тяготились тѣми преимуществами, которыя оставлялись на ихъ долю. Такъ, напримѣръ, губернаторъ Токусимы (Ава) со всѣми своими самураями перешелъ въ сословіе земледѣльцевъ. Было далѣе нѣсколько случаевъ, когда губернаторы сами признавали себя неспособными къ отправленію тѣхъ административныхъ обязанностей, которыя налагались на нихъ наслѣдственнымъ правомъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ даймiосовъ жертвовали въ пользу народа свои дворцы и храмы своихъ предковъ. Самураи Котси (Тоза) отказались отъ своихъ привилегій на пенсію. Съ другой стороны, неспособность тѣхъ или другихъ губернаторовъ заставляла центральное правительство постоянно вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла; было открыто нѣсколько заговоровъ; кое-гдѣ въ провинціи поднимались волненія самураевъ; чиновники отдѣльныхъ областей или отказывались повиноваться, или становились на сторону безпокойныхъ элементовъ общества. Въ Тсикудзенѣ въ 1871 г. цѣлая группа чиновниковъ была изобличена въ изготовленіи фальшивой монеты: сорокъ шесть человѣкъ изъ нихъ были присуждены къ тяжелымъ наказаніямъ, а губернаторъ лишенъ власти; на его мѣсто былъ назначенъ принцъ Арисугава,—это былъ первый случай, когда кланъ пересталъ управляться своими членами. Въ нѣкоторыхъ кланахъ распоряженія центральнаго правительства получались, но никогда не исполнялись. Очевидно, что дѣло въ такомъ положеніи долго оставаться не могло,—тѣмъ болѣе, что со стороны сторонниковъ реформъ все громче и громче стали раздаваться жалобы на то, что правительство боится дѣлать дальнѣйшіе рѣшительные шаги. Среди выдающихся дѣятелей того времени сложилась тайная организація, которая выдвинула программу дальнѣйшихъ реформъ, широко охватывавшую самыя разнообразныя стороны государственной жизни: императорскій домъ, личный составъ правительственнаго и административнаго механизма, армію и флотъ, финансы, народное образованіе, иностранную политику.

Все это побуждало новое правительство развертывать свою реформаторскую дѣятельность и стремиться къ окончательному освобожденію отъ остатковъ феодальнаго строя.

Второго апрѣля 1871 г. былъ изданъ декретъ, учреждавшій императорскую гвардію, которая должна была зависѣть только отъ одного правительства. Она должна была образоваться изъ войскъ, выдѣленныхъ кланами. Къ концу мая гвардія была сформирована; она являлась теперь ядромъ будущей императорской арміи и дѣлала правительство въ военномъ отношеніи независимымъ отъ клановъ. Такое положеніе дѣла, конечно, вызвало броженіе среди нѣкоторыхъ клановъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ

реформахъ иные изъ нихъ видѣли не коренную ломку государственнаго порядка, а лишь временный успѣхъ нѣсколькихъ болѣе сильныхъ клановъ. Однако, броженіе это не дало сколько-нибудь крупныхъ результатовъ, такъ какъ общественное мнѣніе было уже подготовлено къ этой реформѣ въ достаточной степени, а сама реформа была проведена съ достаточной обдуманностью и осмотрительностью.

Такою же осторожностью и продуманностью, такимъ же пониманіемъ психологіи активныхъ массъ даннаго историческаго момента отличаются и дальнѣйшіе шаги руководителей партіи реформъ. Мы только что видѣли, что правительству удалось освободиться отъ феодальной опеки въ дѣлѣ организаціи военныхъ силъ; то же теперь ему предстояло сдѣлать и въ сферѣ гражданскаго управленія. Иначе говоря, оно должно было отнять у эксдаймiосовъ ихъ послѣднія права и привилегіи, которыя имъ принадлежали, какъ наслѣдственнымъ губернаторамъ своихъ провинцій. Это было сдѣлано 29 августа того же 1871 г., когда декретъ объявилъ, что кланы уничтожаются, а образуются префектуры. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, партія реформъ постаралась такъ съорганизовать министерство, чтобы въ него входили представители всѣхъ наиболѣе могучихъ клановъ. И, дѣйствительно, мы видимъ министерскіе портфели къ этому моменту въ рукахъ членовъ клановъ Сатзума, Хошіу, Хидзенъ и Тоза. И, тѣмъ не менѣе, правительство сильно побаивалось, что этотъ рѣшительный ударъ отжившему феодальному строю можетъ вызвать движеніе въ странѣ. Однако, къ счастью, этого не случилось. Губернаторы, бывшіе дайміосы, были созваны въ Токіо; имъ было приказано поселиться въ этомъ городѣ; государство обязалось выплачивать имъ пенсіи въ размѣрѣ $^1/_{10}$ тѣхъ доходовъ, которые они получали въ своихъ ленахъ. Имъ разрѣшено было путешествовать за границу. Въ провинціи были назначены префекты, непосредственно зависившіе отъ императора. Молодое правительство располагало теперь не только самостоятельнымъ войскомъ, но и своей администраціей, и своимъ фискомъ, такъ какъ налоги съ тихъ поръ должны были собираться императорскими чиновниками.

Но какъ ни далеко ушло правительство на пути реформированія страны, на лицо всетаки оставался одинъ изъ самыхъ основныхъ устоевъ феодальнаго строя: военныя силы государства все еще опирались на отдѣльный классъ общества, контингентъ войскъ все еще пополнялся изъ однихъ самураевъ. Декретъ 28-го декабря 1872 г. расшаталъ, наконецъ, и эту послѣднюю опору феодальнаго правопорядка, положивъ основаніе всеобщей воинской повинности. Но еще и до этого правительство подготовило умы, предложивъ самураямъ прекратить обычай ношенія двухъ сабель и другихъ внѣшнихъ признаковъ ихъ общественнаго положенія. Съ паденіемъ феодализма отжили свой вѣкъ и самураи.

Однако, государство не могло предоставить самураевъ самимъ себѣ. Ихъ насчитывалось въ то время около 400,000 человѣкъ, а со всѣми ихъ женами и дѣтьми около 2,000,000. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ они привыкли жить на счетъ государства, исполняя только военныя функціи и даже съ презрѣніемъ относясь къ мирнымъ профессіямъ и различнымъ средствамъ пріобрѣтенія презрѣннаго металла. Теперь, при измѣнившихся условіяхъ, наиболѣе способные и подвижные элементы пристроились при новомъ порядкѣ общественныхъ отношеній, другіе, болѣе мирные и, быть можетъ, менѣе честолюбивые и сильные, возвратились въ ряды крестьянскихъ и ремесленныхъ массъ. Но, во всякомъ случаѣ, все это была небольшая доля двухмилліонной арміи самураевъ. Какъ же было поступить съ остальными? Неужели же отдать ихъ на произволъ всѣхъ случайностей, на которыя были обречены эти созидатели новой Японіи, въ большинствѣ случаевъ сами оказавшіеся не въ силахъ приспособиться къ новымъ условіямъ существованія? Нѣтъ, это было бы слишкомъ безжалостно, это могло бы вызвать цѣлый рядъ волненій, вооружить противъ новаго правительства общественное мнѣніе. Нѣтъ, на это правительство не могло рѣшиться ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія своей безопасности. Выходъ оставался одинъ,—приходилось взять на себя тѣ обязательства, которыя существовали между феодалами и самураями въ то время, когда эти послѣдніе составляли военную силу страны. Приходилось принять на себя уплату тѣхъ доходовъ, которые они получали, были ли то доходы пожизненные или наслѣдственные. Государство такъ и сдѣлало. Оно приняло на себя выплату всѣхъ такихъ доходовъ, которые составляли до 20,000,000 руб. ежегодно. Нечего и говорить, что эта огромная сумма для молодой имперской казны вскорѣ оказалась совершенно непосильной. Государство прибѣгло тогда (въ 1873 г.) къ выкупу. При этомъ половину своихъ обязательствъ оно уплачивало наличными деньгами, а половину восьмипроцентными свидѣтельствами съ такимъ расчетомъ, что, напримѣръ, лицо, имѣвшее наслѣдственную пенсію въ 1,000 руб., получало сразу сумму въ 3.000 руб., если только соглашалось затѣмъ пользоваться ежегоднымъ доходомъ лишь въ 240 руб., а лицо, имѣвшее пожизненную пенсію тѣхъ же размѣровъ, получало единовременно 2.000 руб. и затѣмъ ежегодный доходъ въ 160 руб. Условія эти были прямо невыгодными, и тѣмъ не менѣе, хотя выкупъ не былъ обязательнымъ,—большинство самураевъ произвело предложенный правительствомъ обмѣнъ обязательствъ. Что принуждало ихъ къ этому? Однихъ, несомнѣнно, боязнь, что несогласіе на подобныя условія можетъ вызвать въ недалекомъ будущемъ предложеніе еще худшихъ; другихъ—убѣжденіе, что этимъ размѣномъ они совершаютъ патріотическое дѣло, помогаютъ своей родинѣ выпутаться изъ сложнаго и опаснаго положенія; и такихъ мы должны

считать не малое количество. Нечего и говорить, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти „выкупныя свидѣтельства" (подъ конецъ обязательныя) были проѣдены и пропиты такъ же безтолково, какъ проѣдались и пропивались „выкупныя свидѣтельства" нашимъ дворянствомъ приблизительно въ то же самое время. Но „оскудѣніе" пришло въ дворянскіе японскіе роды позднѣе, когда государство успѣло совершенно окрѣпнуть и когда для него уже не страшно было недовольство не сумѣвшихъ пристроиться къ тому времени сравнительно немногочисленныхъ элементовъ общества.

Такъ завершилась японская революція—разсчеты новой жизни со старыми традиціями. Какъ быстро и энергично прошла эта ломка старыхъ устоевъ и замѣна ихъ новыми! Въ самомъ дѣлѣ, отъ паденія шогуната до полнаго разсчета съ самураями прошло всего какихъ-нибудь пять лѣтъ (1868—1873 г.). А вѣдь буквально камня на камнѣ не осталось: организація правительства, сословное дѣленіе общества, фискальная система, войско и флотъ, иностранная политика—все это было подвергнуто коренной перестройкѣ. Какія же огромныя силы нужны были для этого! Да, силы эти были велики, но въ нихъ нѣтъ ничего специфически-японскаго.

IV.

Партія реформъ состояла всетаки изъ очень пестрыхъ элементовъ. Стоитъ только вспомнить крайнихъ и умѣренныхъ, объединившихся для борьбы съ шогунатомъ, чтобы понять, что эти разнородныя теченія не могли слиться въ одинъ потокъ послѣ того, какъ имъ удалось опрокинуть главное препятствіе, загораживавшее выходъ въ новое русло политической жизни страны.

И, дѣйствительно, мы видѣли, что уже первые шаги имперіализма были обставлены такъ, чтобы соперничающимъ силамъ была предоставлена возможность принимать одинаковое участіе въ дѣлахъ управленія. Императоръ далъ клятву созвать совѣщательное собраніе и управлять страной согласно требованіямъ „общественнаго мнѣнія", выразителями котораго считались феодалы и самураи. Руководители тогдашней политики предполагали, что это совѣщательное собраніе объединитъ у кормила правленія наиболѣе активные и наиболѣе сильные элементы общественной жизни тогдашней Японіи. Однако, послѣдовавшія событія не оправдали этихъ надеждъ.

Восемнадцатаго апрѣля 1869 г. (на слѣдующій день послѣ принесенія императоромъ вышеприведенной присяги) было созвано это совѣщательное собраніе—*kogisho* (парламентъ), какъ его громко назвали. Но оказалось, что гора родила мышь. Члены этого совѣщанія явились сюда по назначенію своихъ даймiосовъ и въ

громадномъ большинствѣ представляли безцвѣтную массу среднихъ людей, совершенно не способныхъ разобраться въ данномъ историческомъ моментѣ и зараженныхъ всѣми сословными предразсудками и традиціями данной группы. Почти всѣ члены этого совѣщательнаго собранія были самураями изъ различныхъ клановъ.

Характерными для этого *kogisho* фактами будетъ то, что предложеніе правительства относительно уничтоженія обычая *hara-kiri* провалилось въ этомъ парламентѣ большинствомъ двухсотъ голосовъ противъ трехъ, а предложеніе одного изъ выдающихся дѣятелей того времени, Мори Аринори, о лишеніи самураевъ права носить мечи было отвергнуто собраніемъ единодушно. Лишенное всякой возможности непосредственно вліять на законодательство, совершенно неспособное уловить и быть выразителемъ мнѣнія лучшей и активной части японскаго общества, kogisho превратилось въ вялый политическій клубъ, совершенно не интересовавшій общество и являвшійся какой-то смѣшной пародіей на парламентскій режимъ. Онъ вскорѣ совсѣмъ прекратилъ свое существованіе.

Такимъ образомъ, надежды на совѣщательное собраніе, какъ на средство объединить разношерстные элементы партіи реформъ, рухнули. А между тѣмъ рознь во взглядахъ относительно того момента, гдѣ должны остановиться реформы и къ чему изъ завѣщеннаго исторіей не должны были прикасаться реформаторы, все увеличивалась и въ японскомъ обществѣ, и среди руководителей тогдашней политики. Особенно большія разногласія вызвали реформы, направленныя къ уничтоженію самураевъ, какъ обособленнаго военнаго класса. Изъ двухмилліонной массы самураевъ, конечно, нашлось не мало такихъ, которые не могли простить правительству этого удара ихъ гордости и всему распорядку ихъ жизни. Чувствовалось, что недовольство значительной части самураевъ должно такъ или иначе прорваться. Но правительство представляло изъ себя къ этому моменту довольно компактную организацію; должны были поэтому организоваться и недовольные самураи, если хотѣли добиться какихъ-нибудь реальныхъ результатовъ. Имъ нуженъ былъ для этого прежде всего сильный и искусный вождь. И такой вождь нашелся.

Среди выдающихся дѣятелей того времени мы встрѣчаемъ пять именъ: Ивакура и Санджо, вышедшихъ изъ рядовъ придворной знати, Сего и Окубо, самураевъ изъ Сатзумы, и Кидо, самурая изъ Хошіу. Четверо изъ нихъ были искренними реформаторами, не любившими останавливаться ни передъ какими традиціями, когда дѣло шло о томъ, чтобы обезпечить родинѣ новый, болѣе правильный порядокъ жизни. Не таковъ былъ Сего. Въ его міросозерцаніи было много романтики, много привязанности къ старинѣ. Даже въ борьбѣ съ шогуномъ онъ видѣлъ лишь средство возвеличенія своего собственнаго клана. Онъ собствен-

ными руками способствовалъ паденію шогуна. И что же? Не прошло и пяти лѣтъ, какъ за шогунатомъ палъ феодализмъ, и потокъ реформъ унесъ съ собою всѣ привилегіи военнаго класса самураевъ, смылъ его съ почвы родной Японіи. Нѣтъ, Сего съ этимъ не могъ примириться. Какъ только онъ почувствовалъ, что жизнь начинаетъ обманывать его, что своей собственной работой онъ подкапывается подъ дорогіе ему устои, онъ удалился къ себѣ въ Сатзуму и задумалъ обширный и дерзкій планъ не уступать реформаціонному теченію правъ стараго военнаго класса самураевъ. Средство оставалось одно—поднять оружіе противъ зарвавшагося, по его мнѣнію, правительства и вызвать возстаніе самураевъ. И Сего рѣшился на эту мѣру и началъ дѣятельно готовиться къ реализаціи своего смѣлаго плана.

Пользуясь своимъ вліяніемъ въ имперскомъ правительствѣ и у мѣстныхъ властей, онъ укрѣпилъ нѣсколько крѣпостей, сдѣлалъ запасы пороха, наполнилъ арсеналы оружіемъ, открылъ множество частныхъ военныхъ школъ, въ которыхъ учащаяся молодежь образовала нѣчто въ родѣ военныхъ братствъ, воспитывавшихся въ духѣ ненависти къ новому режиму. Кромѣ того, надо сказать, что открытый, смѣлый и благородный характеръ Сего невольно привлекалъ къ нему сердца самураевъ: онъ былъ идоломъ этого военнаго класса Мѣстныя обстоятельства сильно помогали выполненію его замысловъ. Сатзума въ началѣ семидесятыхъ годовъ сохранила за собой феодальную организацію, и ея управитель Ой-яма былъ личнымъ другомъ Сего.

Въ это же время запутался нѣсколько и корейскій вопросъ. Начиная съ шестнадцатаго столѣтія, когда на полуостровъ обрушились японскія войска подъ предводительствомъ Хидейоши, Корея стала отправлять посольства въ Японію для поздравленій съ восшествіемъ на престолъ каждаго изъ шогуновъ. Теперь, когда строй японскаго государства измѣнился, Корея не только отказалась относиться къ своей сосѣдкѣ съ уваженіемъ, но приняла даже вызывающій образъ дѣйствій: она отказалась принять къ себѣ японскаго посланника. Такое поведеніе свидѣтельствовало какъ будто о томъ, что новое правительство не можетъ заставить уважать себя. Это сильно задѣвало національное самолюбіе и давало лишній козырь въ ходѣ противъ правительства.

Но правительство не могло вступить на путь вооруженнаго давленія на Корею: всеобщая воинская повинность была объявлена совсѣмъ еще недавно, новыя войска только что обучались военному искусству; кромѣ того, оно слишкомъ было занято и внутренними мирными реформами. Партія мира восторжествовала. Сего, надѣявшійся корейской экспедиціей спасти положеніе самураевъ, которымъ пришлось бы сыграть въ ней видную роль въ виду существовавшаго недостатка въ регулярныхъ войскахъ, совершенно порвалъ свои отношенія съ правительствомъ. Въ это

же время, въ 1874 г., на той же самой почвѣ вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ Іето Шимпеи, который безуспѣшно пробовалъ втянуть въ свое предпріятіе Сего и лозунгомъ котораго было: война съ Кореей, возстановленіе даймiосовъ, изгнаніе иностранцевъ! Съ этимъ возстаніемъ правительство справилось довольно легко, хотя Тайсуки одновременно съ этимъ поднялъ въ странѣ агитацію за введеніе представительнаго правленія, опираясь главнымъ образомъ на клятву, принесенную императоромъ. Но все это были не опасные враги. Наибольшій страхъ внушалъ правительству Сего.

А между тѣмъ судьба, какъ нарочно, давала ему чрезвычайно удобные для агитаціи факты. Надо вспомнить, что къ этому моменту какъ разъ относятся акты окончательной ликвидаціи отношеній правительства къ самураямъ. Въ это же время имѣли мѣсто два событія въ сферѣ иностранной политики, которыя еще больше подлили масла въ огонь. Одно изъ нихъ была формозская экспедиція. Полудикари Формозы напали на японцевъ, потерпѣвшихъ у ихъ береговъ кораблекрушеніе, и нѣкоторыхъ изъ нихъ убили. Японія потребовала удовлетворенія отъ Китая, которому тогда принадлежала Формоза, но удовлетворенія не получила. Тогда она послала туда свои войска, которыя, конечно, легко остались побѣдителями надъ дикарями. Но во всей этой исторіи Японія, подъ давленіемъ иностранныхъ державъ, дѣйствовала съ большой нерѣшительностью и кончила тѣмъ, что отправила въ Пекинъ посольство, которому было предписано во что бы то ни стало заключить съ Китаемъ миръ.

Вторымъ событіемъ, которое въ глазахъ народа опять таки было минусомъ по отношенію къ иностранной политикѣ правительства, было неожиданное нападеніе корейцевъ на японскій пароходъ, зашедшій въ одну изъ корейскихъ гаваней за углемъ и провіантомъ. Японское правительство и тутъ уклонилось отъ войны. Вмѣсто того, чтобы немедленно, какъ этого ожидали многіе, высадить въ Кореѣ войска и начать военныя дѣйствія, японское правительство предпочло воспользоваться уроками, которые ей еще такъ недавно дали западно европейскія державы и сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Оно послало эскадру, чтобы угрозой пушекъ вырвать у Кореи мирный договоръ. Это ему и удалось. Но національное самолюбіе у многихъ не могло примириться съ подобной умѣренной программой дѣйствія.

Итакъ, недовольство правительствомъ, его новшествами и иностранной политикой росло и крѣпло особенно среди самураевъ. Начались вооруженные протесты. Нѣсколько отрядовъ самураевъ, вооруженныхъ старымъ оружіемъ, напали на одну крѣпость и перебили или переранили около трехсотъ человѣкъ гарнизона, а затѣмъ бѣжали въ прилежащія горы, гдѣ и погибли сами отъ своихъ рукъ. Этотъ примѣръ нашелъ подражателей еще

въ двухъ мѣстахъ. Очевидно, событія достаточно назрѣли. Ни правительству, ни самураямъ Сатзумы нельзя было долѣе держаться выжидательной политики. Тогда возсталъ и Сего; подъ его предводительствомъ собралось около 30.000 человѣкъ, прекрасно вооруженныхъ западно-европейскимъ оружіемъ солдатъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ принадлежавшихъ къ са-, мураямъ, семейной профессіей которыхъ была военная служба. Въ распоряженіи правительства въ данный моментъ оказалось такое же по численности войско, но то было войско молодое, не испытанное, недавно оторванное отъ сохи и ремеслъ. Событія, однако, благопріятствовали правительству. Сего позамѣшкался при осадѣ одной попутной крѣпости. Это и спасло правительство: оно успѣло собраться съ силами. Завязалась упорная борьба между правительствомъ обновленной Японіи и отжившей военной организаціей японскаго феодолизма. Борьба была кровопролитная. Она началась 29 января 1877, а кончилась 24 сентября того же года смертью, добровольной или въ битвѣ, почти всѣхъ предводителей этого повстанческаго движенія. За это время въ рядахъ правительственныхъ войскъ перебывало до 66.000 человѣкъ, у повстанцевъ до 40.000. Общій уронъ, пришедшійся на раненныхъ и убитыхъ, достигъ 35.000 человѣкъ, или 33% всѣхъ сражавшихся.

Правительство восторжествовало. Съ нимъ окончательно восторжествовалъ и новый порядокъ. Если бы самураи Сатзумы одержали верхъ, то несомнѣнно, что ходъ японской исторіи былъ бы задержанъ, быть можетъ, на много лѣтъ возвратомъ къ феодальнымъ пережиткамъ. Въ этой же борьбѣ правительство окончательно завоевало симпатіи націи: оно доказало явно всѣ преимущества новаго государственнаго строя. Противъ цвѣта самураевъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе жившихъ военнымъ дѣломъ, выступили войска, не особенно превосходившія численностью и состоявшія изъ крестьянъ, ремесленниковъ и купцовъ, и одержали блестящія побѣды надъ этими профессіоналами военнаго дѣла, прекрасно вооруженными и находившимися подъ предводительствомъ выдающихся вождей.

Побѣда правительства еще больше расположила народныя массы къ нему, благодаря удивительной умѣренности, съ которой оно отнеслось къ побѣжденнымъ повстанцамъ. Достаточно сказать, что, спустя какія нибудь 12 лѣтъ (въ февралѣ 1889 г.), императоръ возвратилъ уцѣлѣвшимъ вождямъ возстанія всѣ ихъ титулы и почести.

Но въ то же самое время, когда правительство вело свою послѣднюю борьбу съ послѣдними представителями стараго режима, оно продолжало и свою созидательную работу. Мы видѣли, какъ много сдѣлало оно ради демократизаціи общества; не менѣе за это время было имъ сдѣлано и для проведенія въ японскую жизнь всѣхъ формъ западно-европейской культуры. Оно съ лихора-

дочной поспѣшностью устраивало желѣзныя дороги, доки, маяки, рудники, желѣзные и мѣдные заводы, устанавливало телеграфныя сообщенія, усовершенствовало почтовыя сношенія. Оно занялось кодификаціей и пересмотромъ законовъ, устранило изъ судебнаго процесса пытки, отмѣнило эдикты, изданные противъ христіанства, разрѣшило изданіе газетъ, установило декретомъ 1875 г. „*Genro-in*" (родъ сената), на обязанности котораго лежало изданіе законовъ, и „*Daishin-in*", чтобы укрѣпить юридическій авторитетъ судовъ; оно созвало съѣздъ префектовъ.

Если всѣ мѣры, клонившіяся къ демократизаціи общества, вели къ тому, что масса японскаго народа становилась компактнѣе, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія общихъ правъ личности, что общественное мнѣніе страны стало опираться на болѣе широкіе слои населенія и выработывать болѣе широкія положенія, то, съ другой стороны, потокъ новыхъ идей и начинаній въ области матеріальной культуры заставилъ передовыхъ людей внимательнѣе присматриваться къ источнику этой культуры—къ западно европейскимъ государствамъ и Сѣверо-Американскимъ Соединенымъ Штатамъ, изучать ихъ не только по книгамъ и чертежамъ, а и путемъ личнаго наблюденія, личнаго знакомства съ ними. Отсюда—необходимость путешествій въ эти еще не такъ давно запретныя страны. И мы, дѣйствительно, видимъ, что цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей Японіи путешествуетъ въ Америку и Западную Европу, подолгу остается тамъ и сживается не только съ матеріальными сторонами жизни культурныхъ народовъ, но и съ духовными условіями ихъ существованія. Японскіе передовые дѣятели недаромъ дышали въ этихъ путешествіяхъ конституціоннымъ воздухомъ культурныхъ государствъ Европы и Америки. Они вынесли изъ этихъ путешествій глубокое убѣжденіе въ преимуществахъ представительнаго правленія. Имъ тѣмъ легче было усвоить эту мысль, а затѣмъ пропагандировать ее у себя на родинѣ, что сама Японія, какъ мы видѣли, никогда долго не была абсолютной монархіей, а почти всегда фактическая власть была отдѣлена отъ номинальнаго ея источника. Эти идеи они привезли къ себѣ на родину. Достаточно будетъ привести два-три наиболѣе выдающихся примѣра, чтобы охарактеризовать настроеніе лучшей части тогдашней японской интеллигенціи.

Такъ, Ивакура, глава одного изъ посольствъ, въ отвѣтъ на тостъ, предложенный въ честь его въ Англіи, сказалъ, между прочимъ: „Мы теперь въ достаточной степени ознакомились со многими изъ вашихъ учрежденій и убѣдились, что своимъ успѣхомъ они обязаны *свободному* и энергичному духу, ихъ проникающему"...

Графъ Ито въ своей рѣчи въ Санъ-Франциско говорилъ: „находясь въ абсолютномъ подчиненіи у деспотическихъ правителей въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, нашъ народъ не зналъ

свободы мысли. Теперь вмѣстѣ съ матеріальнымъ прогрессомъ онъ научился понимать свои права, которыя вѣками не признавались за нимъ".

Подобные же взгляды мы находимъ въ докладной запискѣ, поданной въ 1873 г. правительству графомъ Инуйе, бывшимъ министромъ земледѣлія и торговли.

Тѣ же идеи очень часто стали высказываться и въ литературѣ, и съ каѳедръ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ ученыхъ этого времени, Фукузава, неустанно твердилъ, что правительство существуетъ для народа, а не народъ для правительства.

Но особенно большія заслуги въ дѣлѣ пропаганды представительнаго правленія принадлежатъ Итакаги Тайсуки, занимавшему одно время министерское кресло. Агитаторская дѣятельность его относится главнымъ образомъ къ тому же четырехлѣтію 1873 — 1877, когда дѣйствовалъ и Сего. Только Сего сосредоточилъ свои силы въ Сатзумѣ. а Итагаки въ Тозѣ.

Итагаки не упускалъ ни одного момента, удобнаго для пропаганды своихъ идей. Такъ, агитировалъ онъ во время осложненій съ Кореей и особенно въ годъ борьбы правительства съ Сего. Дождавшись момента, когда междоусобная борьба достигла своего высочайшаго напряженія, Итагаки обратился къ правительству съ памятной запиской, въ которой обвинялъ администрацію въ стремленіи заглушить голосъ общественнаго мнѣнія, въ узурпаціи власти, исключавшей самодѣятельность націи; въ стремленіи понизить, а не повысить общій тонъ жизни, такъ какъ самураи были низведены на степень простолюдиновъ, а не простолюдины путемъ образованія подняты до уровня самураевъ. Записка эта, далѣе, требуетъ представительнаго собранія и говоритъ о народныхъ правахъ. Но Итагаки въ своемъ проектѣ представительнаго собранія имѣлъ въ виду лишь привилегированные классы. Онъ со своими сторонниками полагалъ, что, пока народъ необразованъ, пока не искусился въ общественной и политической жизни, не слѣдуетъ передавать управленіе страной въ его руки. Онъ и его сторонники возмущались только тѣмъ, что, хотя реставрація императорской власти была дѣломъ всѣхъ самураевъ, фактической властью овладѣли представители лишь четырехъ клановъ. Онъ думалъ, что необходимо дать возможность участія въ управленіи всѣмъ самураямъ, и онъ готовъ было первоначально удовольствоваться представительнымъ собраніемъ, состоявшимъ наполовину изъ оффиціальныхъ лицъ, наполовину изъ *самураевъ*, не занимающихъ никакого правительственнаго поста.

Но правительству сначала казались опасными даже эти проекты. Однако жизнь повернула его въ сторону представительнаго правленія скорѣе, чѣмъ этого можно было ожидать.

Весною 1878 г. былъ убитъ министръ Окубо Тошимитсу. Являясь однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ правительства, онъ

волей-неволей бралъ на себя отвѣтственность за многое, что совершалось этимъ правительствомъ; благодаря такому положенію вещей, онъ считался главнымъ виновникомъ неудачи и паденія Сего; вотъ почему нѣсколько сторонниковъ этого защитника самураевъ и направили удары своихъ кинжаловъ на Окубо. Убійцы тотчасъ же сами отдались въ руки правосудія, позаботившись напередъ распространить въ широкихъ кругахъ общества тѣ мотивы, которыми они руководились при совершеніи своего преступленія. Оказывалось, что однимъ изъ главныхъ преступленій правительства эти люди считали неспособность его установить представительное правленіе. Убійство Окубо не терроризировало правительство: японцы люди мужественные. Но оно заставило его серьезно задуматься о томъ, что эти акты насилія противъ представителей власти, которые за послѣднее время стали повторяться все чаще и чаще, едва ли могутъ быть признаны явленіемъ случайнымъ, а не коренятся глубоко въ условіяхъ переживаемой эпохи. Правительство рѣшило ускорить намѣченные имъ шаги.

Два мѣсяца спустя послѣ смерти Окубо, былъ изданъ эдиктъ, которымъ устанавливались выборныя собранія для мѣстнаго самоуправленія въ различныхъ городахъ и префектурахъ. Мы не будемъ останавливаться на организаціи этихъ мѣстныхъ парламентовъ. Скажемъ только, что, какъ ни узка была сфера ихъ дѣйствія, они дали возможность на своихъ ежегодныхъ сессіяхъ выработаться цѣлому ряду политическихъ дѣятелей.

Но эти мѣстныя собранія не могли, конечно, удовлетворить Итагаки и его сторонниковъ, которые стремились ограничить власть установившейся около престола олигархіи. Итагаки удвоилъ свою агитацію. Онъ организовалъ своихъ сторонниковъ въ сообщество, названное *Ziyu-to* (либералы), которое и составило первую политическую партію въ Японіи Либералы подвергались за свои рѣчи и статьи сильнымъ гоненіямъ со стороны правительства.

Въ 1881 г. въ правительственной олигархіи произошло дальнѣйшее расщепленіе. Изъ кабинета вышелъ талантливый Окума Шигенобу, министръ финансовъ, и тотчасъ всталъ въ оппозицію къ существующему правительству. На своемъ революціонномъ знамени онъ написалъ: „представительное правленіе“ и образовалъ партію прогрессистовъ, включившую въ свои ряды много выдающихся общественныхъ дѣятелей эпохи. Образованіе новой и при томъ сильной оппозиціонной партіи показало правительству, что движеніе въ сторону представительнаго правленія захватило значительную долю массъ, активныхъ въ данный историческій моментъ. Приходилось идти еще и еще дальше на уступки. Вскорѣ за удаленіемъ изъ кабинета Окумы, въ томъ же 1881 г.,

правительство объявило, что черезъ десять лѣтъ имъ будетъ созвано національное собраніе.

Этимъ актомъ правительство собственно отнимало у оппозиціи ея главное оружіе, такъ какъ послѣдняя не могла надѣяться ускорить введеніе парламентскаго режима и вмѣстѣ съ тѣмъ не могла оспаривать тѣхъ принциповъ, на которыхъ правительство предполагало организовать представительное правленіе, такъ какъ правительство хранило на этотъ счетъ полнѣйшее молчаніе. Однако, ни либералы, ни прогрессисты не сложили своего оружія и направили свои удары главнымъ образомъ противъ личнаго состава правительства, стараясь всѣми силами возбуждать будущихъ избирателей противъ тѣхъ, кто въ настоящее время стоялъ у кормила правленія.

При такихъ условіяхъ борьба приняла особо-острый характеръ. Правительство прибѣгло къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ для полицейскаго государства репрессіямъ: закрытіе съѣздовъ и собраній по усмотрѣнію администраціи, конфискація и запрещеніе газетъ по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, высылка изъ столицы по усмотрѣнію полицейскихъ властей, административное рѣшеніе политическихъ дѣлъ, арестъ и содержаніе въ тюрьмахъ на основаніи одного только подозрѣнія и тому подобныя мѣры полицейскаго произвола практиковались въ это время въ широкихъ размѣрахъ. Отвѣтомъ служили заговоры на жизнь министровъ и даже попытки воспользоваться динамитомъ. Какъ бы то ни было, японское интеллигентное общество нашло въ себѣ мужество въ теченіе всего періода ожиданія парламентскаго режима вести смѣлую и открытую противоправительственную борьбу, хотя правительство въ это же самое время было занято не только политической борьбой съ оппозиціонными силами общества, но и выполненіемъ широкой реформаторской программы.

При условіяхъ такой борьбы правительство, конечно, не только не могло позабыть своего обѣщанія или отсрочить его выполненіе, но даже поторопилось съ проведеніемъ его въ жизнь. Національное собраніе было открыто не въ 1891 г., а на годъ раньше.

Въ 1890 г., слѣдовательно, была провозглашена конституція. Рядъ блестящихъ празднествъ сопровождалъ это выдающееся въ жизни націи событіе.

Но въ этотъ же великій для Японіи день произошелъ случай, который показывалъ, какъ много своеобразнаго сохранилось въ нравахъ этой страны, не смотря на всю ту лихорадочную спѣшку, съ которой она впитывала въ себя соки западно-европейской культуры. Въ этотъ день былъ убитъ министръ народнаго просвѣщенія виконтъ Мори, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей молодой Японіи. Онъ палъ отъ руки юноши, едва достигшаго совершеннолѣтія. Мотивомъ къ убійству послужило желаніе отом-

стить Мори за его яко-бы непочтительное отношеніе къ храму Изы, который покойный министръ посѣтилъ незадолго до катастрофы, унесшей его въ могилу. Молодой фанатикъ думалъ, что непочтеніе къ алтарю, посвященному прародительницѣ государей Японіи, можетъ призвать на страну гнѣвъ богини и тѣмъ нанести имперіализму непоправимый ударъ. Нишино Бунтаро — такъ звали убійцу—прекрасно зналъ, что идетъ на вѣрную смерть, но онъ съ юныхъ лѣтъ впиталъ въ себя основы самурайской этики: не останавливаться ни передъ какимъ самопожертвованіемъ, если этого требуютъ интересы родины.

На этомъ мы и покончимъ свой очеркъ изъ эпохи великихъ реформъ въ Японіи. Сдѣлаемъ лишь самое краткое резюме, которое напрашивается у насъ съ нашей точки зрѣнія.

Что же дала эта эпоха *великихъ* реформъ Японіи? Была ли она *великой* эпохой въ жизни страны Восходящаго Солнца? Въ чемъ же именно ея величіе? Какъ много ею сдѣлано для націи?

И много, и мало... Много, слишкомъ много по сравненію съ недавнимъ прошлымъ; мало, слишкомъ мало по сравненію съ ближайшимъ будущимъ, съ тѣмъ, что предстоитъ сдѣлать, надъ чѣмъ придется поработать, быть можетъ, многимъ еще поколѣніямъ.

Смыслъ всѣхъ перемѣнъ, произведенныхъ реформами второй половины минувшаго столѣтія, заключается въ раскрѣпощеніи личности отъ путъ той политической паутины, черезъ которую такъ часто не могла прорваться ни личная иниціатива гражданъ, ни организованная дѣятельность тѣхъ или другихъ ихъ группъ. Политическая организація страны стояла преградой на пути къ дальнѣйшему развитію послѣдней. И страна,—лучше сказать, активныя массы даннаго историческаго момента ея,—произвела революцію, вѣрнѣе, рядъ революцій, иногда кровавыхъ, чаще безкровныхъ, въ результатѣ которыхъ въ самое короткое время отъ стараго порядка не осталось камня на камнѣ.

Стоитъ вспомнить хотя бы основныя реформы этого періода для того, чтобы согласиться, что для освобожденія личности отъ *политическаго* гнета за это время было сдѣлано очень много. Высвобожденіе личности отъ крѣпостныхъ путъ государства сказалось чрезвычайно быстрымъ ростомъ въ области матеріальныхъ благъ. Матеріальный прогрессъ страны возбуждаетъ такое же удивленіе, какъ и политическій. Развитіе производительныхъ силъ страны сопровождалось повышеніемъ жизненнаго уровня ея населенія. По крайней мѣрѣ, Murray указываетъ на общій подъемъ заработной платы и такую высокую степень благосостоянія производительныхъ классовъ, о которой не зналъ ни одинъ изъ предыдущихъ періодовъ исторіи страны („The story of Japan“, стр. 422).

Но съ проникновеніемъ европейскихъ идеей и орудій производ-

ства глубочайшимъ измѣненіямъ подверглась вся организація народнаго труда. Капитализмъ опустилъ свою цѣпкую лапу на территорію Японіи, страну до этого момента исключительно мелкаго ремесла и земледѣлія. Онъ явился сюда подъ защитою жерлъ пушекъ огромныхъ военныхъ кораблей,—вооруженный всѣмъ многовѣковымъ опытомъ своей работы въ культурныхъ странахъ Европы и Америки, и тотчасъ же принялся орудовать, какъ говорится, во всю. Рядъ фабрикъ поднялъ свои черныя трубы среди волшебныхъ по красотѣ ландшафтовъ, и клубы дыма стали подниматься къ бирюзовому небу. Появились и разрослись промышленные центры, стягивающіе сотни тысячъ рабочихъ

Мы знаемъ, что предвѣщаютъ эти перемѣны. Мы знаемъ, что тамъ, гдѣ каждый день регулярно начинаетъ раздаваться рѣзкій звукъ фабричнаго или заводскаго свистка, тамъ внимательное ухо изслѣдователя неизбѣжно уловитъ стонъ и скрежетъ зубовный стянутаго сюда пролетаріата, изъ котораго капитализмъ выжимаетъ потъ и этотъ потъ превращаетъ въ слитки золота. Все это, конечно, имѣетъ мѣсто и въ Японіи. Нищета пролетаріата тамъ мѣстами ужасна... Японскій народъ разорвалъ многія изъ политическихъ путъ, но ему еще предстоитъ разбить цѣпи *соціальнаго* рабства.

А. Николаевъ.

Въ деревнѣ.

Прохладно за старою ригой,
Гдѣ дремлетъ раскидистый дубъ,
И пахнетъ смолою душистой
Поставленный за-ново срубъ.

По только что вырытымъ грядамъ
Заносчиво ходитъ пѣтухъ.
У влажной, извитой тропинки
Помятъ молчаливый лопухъ.

Не даромъ все утро ворчала
Глухая хозяйка на насъ:
Закрыть мы забыли калитку,—
Открыта она и сейчасъ.

Бѣгутъ ребятишки гурьбою,
Съ собой насъ на рѣчку зовутъ;
Крестьянскія дѣвушки пѣсню,
Сажая разсаду, поютъ.

Жужжатъ золотистыя мухи.
Прозразное небо свѣтло,
И съ блѣдной весенней лазури
Отрадное льется тепло.

В. Башкинъ.

За счастьемъ и правдой.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника).

VII.

Народное образованіе.—Въ поѣздѣ и на пароходѣ.—Американскія кладбища.—Знакомство съ семьей польскихъ переселенцевъ.—Болѣзнь.

Мой милый, умный, чуткій мистеръ Гревсъ оказался не совсѣмъ правъ, утверждая, что уже ближайшее будущее уравновѣситъ мои первыя эллисъ-айландскія впечатлѣнія. Именно о „равновѣсіи"-то и не могло быть рѣчи. Я чувствовалъ, что меня захватываетъ, оглушаетъ, уноситъ; быстро затушевывались самыя свѣжія и острыя дорожныя впечатлѣнія и воспоминанія,—не только о баварцѣ, съ его странной перспективой принудительнаго общенія, или о рѣшеткѣ неудачныхъ иммигрантовъ, но даже о дикой выходкѣ моихъ добрыхъ соотечественниковъ на пристани Эллисъ-Айланда. Я просто пьянѣлъ отъ всего, что тутъ видѣлъ, слышалъ, читалъ...

Прежде всего—подавлялъ самый городъ. Въ то время, какъ у насъ все вниманіе муниципалитетовъ направляется на центры,—здѣсь заботы городского управленія распредѣляются равномѣрно и на отдаленныя окраины.

Направившись за городъ, вы встрѣчаете обширныя пространства ровной, гладкой земли, разбитыя на правильные кварталы, съ гранитными мостовыми, съ отлично устроенной канализаціей, водопроводомъ, газовымъ освѣщеніемъ... Все тутъ готово для织 засѣленія... Странное впечатлѣніе производятъ эти ярко горящіе среди обширныхъ пустынныхъ участковъ газовые фонари очень изящной формы, и большею частью пустые еще вагоны загородной конки. Но пройдетъ годъ, другой—на участкѣ то здѣсь, то тамъ начинаютъ вырастать удобные коттэджи, на углу открывается „гроссери"—бакалейная лавка—съ продажею мяса и пріемомъ всякаго рода почтовой корреспонденціи, затѣмъ появляется и „дрогъ-стори"—аптечный магазинъ и „ласундри"—прачешная (обыкновенно,—китайская), въ одномъ изъ коттэджей поселяется

врачъ, въ другомъ—открывается школа, и, еще недавно пустынный, глухой участокъ быстро застраивается новенькими, чистенькими домами вдоль поддерживаемыхъ въ безукоризненной чистотѣ улицъ...

Въ Нью-Iоркѣ 350 народныхъ школъ, гдѣ подростки отъ 10 до 15 лѣтъ получаютъ свое очень сносное обязательное обученіе. Въ области средняго и высшаго образованія приходится часто наталкиваться на очень своеобразныя проявленія того же американскаго „чудачества". Такова долголѣтняя борьба старѣйшаго (основанъ въ 1626 году) американскаго университета—Гарвардъ-Юниверзити—съ правительствомъ, борьба изъ-за освобожденія отъ всякой правительственной субсидіи... Въ Америкѣ многіе убѣждены, что наука можетъ быть свободна лишь при условіи совершенной независимости, а это, дескать, невозможно, разъ университетъ будетъ пользоваться содержаніемъ отъ правительства. И вотъ, университетъ ведетъ долгую борьбу, пока, наконецъ, не получаетъ согласія центральнаго правительства освободить его отъ субсидіи и всякой опеки и предоставить собственнымъ силамъ и средствамъ.

Большое впечатлѣніе произвели на меня школы для слабоумныхъ. Десятки школъ и почти двѣ сотни учителей заняты этимъ, на первый взглядъ неблагодарнымъ, дѣломъ. Однако жъ, энергія и живая любовь къ обиженному судьбой преодолѣваютъ всякія препятствія.

Отмѣчая успѣшный ходъ этой отрасли народнаго образованія, статистика въ то же время констатируетъ, что со времени учрежденія сказанныхъ школъ число преступниковъ изъ среды слабоумныхъ замѣтно и прогрессивно падаетъ. 17 школъ этого рода, при 700 ученикахъ, обладали въ 1896 г. недвижимой собственностью въ 8 милліоновъ рублей, при общемъ ежегодномъ расходѣ на ихъ содержаніе въ суммѣ свыше 370 т. р. Нужно ли говорить, что дѣло образованія слѣпыхъ и глухонѣмыхъ поставлено тутъ еще шире? Достаточно указать, что стоимость принадлежащаго 80 школамъ этого рода недвижимаго имущества превышала въ 1896 г. тридцать пять милліоновъ рублей...

И такъ во всемъ!.. Эта жизнь ослѣпляла, ошеломляла, поражала и захватывала. Еще такъ недавно, на Эллисъ-Айландѣ, у меня было рѣшительное намѣреніе немедленно, не позже какъ черезъ недѣлю, направиться дальше, порвать съ неудачно сложившимся прошлымъ, съ его калѣчившимъ душу кошмаромъ, чтобы среди совершенно новой обстановки, совершенно новыхъ людей зажить по новому...

Теперь меня захватывало ближайшимъ потокомъ этой своеобразной жизни, тянуло въ ея бурное теченіе. Я жилъ изо дня въ день, наблюдая и поглощая впечатлѣнія. Между прочимъ, перебирая, по переходѣ на квартиру, свои книги, я нашелъ въ одной

изъ нихъ затерявшееся было письмо, которое по порученію случайныхъ своихъ товарищей, двухъ оставшихся до слѣдующаго рейса въ Роттердамѣ поляковъ, обѣщалъ занести ихъ родственникамъ, жившимъ гдѣ-то на окраинѣ—въ Южномъ Бруклинѣ. Нашелъ это письмо уже на восьмой день по пріѣздѣ и послалъ на Эллисъ-Айландъ помощнику комиссара (Assistant Commissioner) открытку съ отвѣтомъ, прося извѣстить о судьбѣ имѣвшаго прибыть иммигрантомъ изъ Роттердама Юзефа Флянека. На слѣдующій же день пришелъ отвѣтъ, гласившій, что сказаннаго лица въ числѣ иммигрантовъ еще не значится, а ближайшій пароходъ Общества „Nasm“ имѣетъ прибыть лишь 10 числа, т. е. черезъ два дня. Стало быть, письмо не утратило своего значенія, и его нужно было передать заблаговременно. На другое же утро, нѣсколько пасмурное, но теплое, я направился по указанному на конвертѣ адресу.

Для этого нужно было сѣсть въ поѣздъ по линіи Гринвичъ-стритъ. Поднявшись по чугунной лѣстницѣ на площадку на высотѣ третьяго этажа сосѣднихъ домовъ, я вступилъ въ крытое, стальное зданіе станціи, купилъ билетъ и направился съ нимъ на перронъ.

— Опустите вашъ билетъ вотъ сюда, въ этотъ аппаратъ!— сказалъ мнѣ билетеръ, джентльмэнъ внушительнаго вида съ позументомъ на форменномъ кепи, указывая на стоявшій передъ нимъ небольшой ящикъ зеркальнаго стекла, съ узенькой щелью въ верхнемъ основаніи.

Табличка розоватаго плотнаго картона—мой билетъ—плавно скользнула по діагонально установленной наклонной площади внизъ, къ отверстію, зіявшему въ крышкѣ стола. Вотъ и весь контроль: автоматическій счетчикъ ко времени закрытія кассы показываетъ номера перваго и послѣдняго изъ проданныхъ за день билетовъ, другой, такой же счетчикъ, внизу аппарата, отмѣтитъ на особомъ заномерованномъ листкѣ число прошедшихъ черезъ аппаратъ билетовъ. Ни хожденія по ногамъ публики, ни надоѣдливой процедуры прокалыванія вашего билета щипцами...

На перронѣ сидѣло на скамьяхъ и прохаживалось взадъ и впередъ по площадкѣ человѣкъ двадцать, ожидавшихъ ближайшаго поѣзда. Сквозь металлическій переплетъ, на чувствительной глубинѣ, сѣрѣла улица; по ней ползли рѣшетчатыя американскія грузовыя подводы, сновали ребятишки, бѣжала конка...

Глухой грохотъ, похожій на отдаленный громъ, далъ знать о приближеніи поѣзда. Черезъ минуту къ перрону аккуратно подкатилъ маленькій низкотрубный паровозъ съ шестью длинными и такими же низенькими пассажирскими вагонами. Одновременно съ этимъ автоматически задвинулась широкою проволочною сѣткой входная дверь на перронъ и отодвинулась выходная, при чемъ соотвѣтственнымъ механизмомъ, посредствомъ

простого нажиманія кнопки въ спинкѣ стула, управлялъ тотъ же билетеръ (онъ же контролеръ, онъ же начальникъ станціи). Расходы на служебный персоналъ тутъ, очевидно, низведены до минимума...

Черезъ полминуты мы тронулись въ путь, безъ звонковъ, окриковъ, свистковъ; поѣздъ мягко трогалъ съ мѣста и также мягко останавливался. Публика выходила безъ суеты и давки, хотя на нѣкоторыхъ станціяхъ обновлялся весь составъ пассажировъ.

Въ кассѣ Саутъ-Бруклинъ мнѣ выдали билетъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда входная съ пристани на паромъ желѣзная рѣшетка задвинулась и дрожащій, жалобно-смѣющійся ударъ гонга возвѣстилъ, что ферри-боотъ отчаливаетъ отъ пристани. Не прошло и пяти минутъ, какъ на мѣсто отошедшаго плавно придвинулся второй, такой же. Публика заняла свои мѣста въ длинныхъ каютахъ вдоль борта, экипажи помѣстили въ крытомъ пространствѣ посреди судна. Еще двѣ, три минуты—и, ритмично постукивая, нашъ паромъ вспѣнилъ зеленоватыя воды лагуны.

Публика была разношерстная: человѣкъ пять негровъ, два китайца, одинъ солдатъ въ свѣтло синей тужуркѣ съ пелеринкой, пасторъ въ черномъ сюртукѣ со стоячимъ прямымъ воротникомъ, нѣсколько сельскихъ рабочихъ и 2—3 дамы. Негры закурили сигары, а фермеры, усердно мявшіе зубами табачную жвачку, принялись преотвратительно сплевывать, испещряя вокругъ себя полъ желтовато-коричневыми пятнами. Пасторъ, повидимому, ничего не имѣвшій противъ послѣдствій жвачки, указалъ неграмъ, что курить въ каютѣ нельзя. Одинъ изъ курильщиковъ, глуповато ухмыляясь, сейчасъ же, какъ школьникъ, сунулъ руку съ сигарой въ карманъ, а двое другихъ ограничились сочувственнымъ, звучнымъ „о, да!“, продолжая дымить, какъ и раньше, пока на порогѣ не показалась одна изъ миссъ.

— О-у!..—воскликнула она,—но здѣсь нестерпимо!..

Сигары мигомъ полетѣли въ единственный, остававшійся еще открытымъ, иллюминаторъ, и курильщики принялись охорашиваться, обдергивать манжеты, поправлять свои ярко-пестрые огромные галстухи, а фермеры неуклюже поплелись къ своимъ фургонамъ, хотя фея, удовольствовавшись произведеннымъ эффектомъ, немедленно удалилась...

На смѣну фермерамъ, одинъ за другимъ явились чистильщики обуви. Одинъ изъ нихъ, юноша съ лукавыми глазами, съ перваго же взгляда открылъ во мнѣ „грингорна“: скорчивъ таинственно-фамильярную рожу, указывая на мои чуть-чуть подернутые пылью ботинки, онъ сказалъ:

— Съ самой Европы, э?

По его слѣдамъ обнаружилъ мое инкогнито и продавецъ бездѣлушекъ, и я вынужденъ былъ выслушать блестящую лекцію

о достоинствахъ какихъ-то особенныхъ патентованныхъ и привилегированныхъ бинтовъ, стоющихъ сущіе пустяки (одинъ долларъ!), но придающихъ усамъ, этому лучшему украшенію мужского лица, рѣшительно неотразимый видъ... За „усодержателями“ слѣдовали необыкновенно практичные гребни, при чемъ каждый можетъ выбирать себѣ гребень раціонально, соотвѣтственно густотѣ волосъ, что̀ предохраняетъ отъ преждевременнаго облысѣнія и его послѣдствія—катарровъ носа, глазъ и даже оболочекъ головного мозга (!!)“... За гребнями послѣдовали особаго устройства волшебныя запонки...

И все это показывалось, объяснялось и доказывалось не торопливо, дѣловито и вмѣстѣ съ такой подчеркнутой обязательностью, точно слушатель самъ вызвалъ объясненія и нивѣсть какъ былъ за нихъ благодаренъ. Это—чисто американская черта коммерческой дипломатіи,—по крайней мѣрѣ, я нигдѣ больше не встрѣчалъ ея въ такой высокой степени.

Чтобы избавиться, наконецъ, отъ этой лекціи, я вышелъ на палубу... Мы огибали небольшой островокъ Говерноръ-Айландъ.

Здѣсь еще сравнительно недавно стояли грозныя для своего времени батареи, составлявшія крѣпость Кастль Вильямъ. Теперь здѣсь осталась одна единственная пушка, ежедневно, при закатѣ солнца, подающая находящимся въ мѣстныхъ гаваняхъ кораблямъ сигналъ выставлять судовые огни. На островѣ, при штабѣ войскъ атлантическаго военнаго округа, есть военный музей, а въ немъ—тщательно подобранная коллекція оружія, начиная съ мушкетовъ королевы Анны до скорострѣльныхъ винтовокъ, способныхъ давать 18 выстрѣловъ въ минуту. Здѣсь же хранится и чучело боевого коня генерала Шеридана...

Обогнувъ какія-то хмурыя, далеко выступавшія въ море дощатыя стѣны, нашъ ферри-боотъ придвинулся къ пристани, и я вышелъ изъ первыхъ.

Улица съ небольшими одноэтажными домами, съ деревянными заборами, шла замѣтно въ гору и была пустынна, какъ это бываетъ на окраинахъ большихъ городовъ въ позднее утро, когда все, что по роду своихъ занятій должно ежедневно направляться въ городъ, уже отбыло туда, а дома остались лишь малыя дѣти да небогатыя хлопотухи-хозяйки. У одной изъ калитокъ я увидѣлъ молодую женщину: она была въ платкѣ, очевидно наскоро накинутомъ на голову, и обстрѣливала улицу живыми карими глазами.

— Гдѣ тутъ, сударыня, 19-ая улица?—спросилъ я ее по-англійски.

Веселый, смѣющійся взглядъ конфузливо забѣгалъ по всей моей фигурѣ и снова юркнулъ въ глубину улицы.

— Но, но!—залепетала она, отрицательно качая головой.

Я повторилъ вопросъ по французски.

— Но, но!.. Не знаю, що панъ каже!.. — заговорила она по-малорусски, морща отъ смѣха смуглорозовое, открытое лицо и прикрываясь концомъ платка.

— Вотъ неожиданность!.. Да вы изъ Украйны? — радостно спросилъ я по-русски.

— Эге-жъ: зъ Галичіны, зъ Самбора!..

— Параска!—послышался изъ-за калитки тягучій, надтреснутый, старческій голосъ, — зъ якимъ ты тамъ чортовымъ бісомъ базикаешь?

Дивчина „пхикнула" и, какъ вода между пальцевъ, юркнула въ калитку. Тамъ что-то стукнуло, звякнуло... Послышались спорящіе голоса, и все снова стихло. Точно по ошибкѣ на минутку промелькнувшая, родная картинка исчезла, словно сбѣжала съ экрана волшебнаго фонаря... Я пошелъ дальше и, пройдя два квартала, увидѣлъ сѣрую стѣну съ нависшею надъ нею густою темною зеленью.

— Это — кладбище, „Гринвудъ Семетри", — отвѣтилъ на мой вопросъ щеголь-полисмэнъ, стоявшій на перекресткѣ. — Входъ двумя кварталами выше.

Я пошелъ по указанному имъ направленію и вскорѣ достигъ суроваго, въ англійскомъ готическомъ стилѣ, портала, за которымъ разстилалась широкая, безукоризненно чистая асфальтовая мостовая, съ такими же тротуарами по сторонамъ, великолѣпными скамьями на тротуарахъ и изящными газовыми фонарями по обочинамъ.

Изъ купленной мною наканунѣ небольшой книжки Блекуэля— „Pictorial Brooklyn" я уже зналъ, что Гринвудъ Семетри—мѣстная достопримѣчательность. Американцы не ставятъ крестовъ надъ могилами, но очень заботятся объ украшеніи кладбищъ. Разстилавшійся передо мною знаменитый американскій некрополь, занимающій пространство въ 220 десятинъ, казался роскошнѣйшимъ изъ парковъ: великолѣпная растительность, среди которой найдете образцы рѣдкихъ мѣстныхъ и чужестранныхъ, акклиматизированныхъ въ Америкѣ, деревъ, вѣнчаетъ вершину громаднаго холма, усѣянную, въ свою очередь, нѣсколькими небольшими возвышеніями, съ которыхъ невольно залюбуетесь видомъ на зеленую равнину внутренней части острова.

Межъ этими частными возвышенностями, въ оригинальномъ безпорядкѣ, размѣщены восемь искусственныхъ озеръ, питаемыхъ водой изъ особаго гигантскаго резервуара на такъ называемомъ Фаунтинъ-Гиллѣ. Причудливо извиваясь, кладбище-паркъ прорѣзаютъ вымощенные камнемъ проспекты, общей длинною свыше 22 верстъ. Эти авеню, какъ и отдѣльныя части кладбища, носятъ собственныя названія, отчетливо изображенныя на особыхъ табличкахъ со стрѣлками и надписями, указывающими, кромѣ того,

и направленіе къ главнымъ пунктамъ некрополя, а равно—и къ ближайшимъ изъ пяти выходовъ.

Среди милліонныхъ мраморныхъ, бронзовыхъ и лабрадоровыхъ мавзолеевъ американскихъ милліардеровъ, тутъ встрѣчаются порой скромные, но, дѣйствительно, замѣчательные памятники высокаго общественнаго значенія.

Вотъ, напримѣръ, на Локустъ-Гиллѣ памятникъ основателю одной изъ старѣйшихъ и честныхъ газетъ „Tribune“, Горасу Грилею,—даръ признательной памяти мѣстныхъ тружениковъ печатнаго дѣла. Барельефъ изображаетъ Грилея въ молодости, предъ наборной кассою, съ верстатью въ лѣвой рукѣ... Вотъ памятникъ основателя другой выдающейся американской газеты „Нью-Іоркъ Герольдъ“, Джемса Гордона Беннета, снарядившаго первую экспедицію Стэнли для розысковъ Ливингстона. Не вдалекѣ отъ памятника Гораса Грилея красуется капелла надъ могилой замѣчательной благотворительницы миссъ Дэйнсеръ, не только пожертвовавшей все свое состояніе—свыше 550 т. р.—на помощь бѣдствующимъ и недугующимъ, но остававшейся всю жизнь дѣвственницей, чтобы „свободнѣе утирать слезы несчастнымъ“, какъ говоритъ о ней Блекуэль. Капелла воздвигнута на средства, собранныя общественной подпиской.

На участкѣ № 140 воздвигнутъ скромный памятникъ другому рѣдкому человѣколюбцу и одному изъ величайшихъ духовныхъ ораторовъ Америки—Генри Уорду Бичеру.

— Кто, безучастный къ страданіямъ брата, смѣетъ называть себя христіаниномъ?—спрашивалъ онъ не разъ, и громовой голосъ, грозно сверкавшій взглядъ, волновавшій дремлющую совѣсть счастливыхъ, и теперь еще помнятъ старожилы Бруклина, фермеры Ричмонда и Бронкса, верстъ на пятьдесятъ кругомъ.

На Гей-Вуудъ-Гиллѣ—бронзовый монументъ „тому, кто силою ума въ одно мгновеніе перебросилъ мостъ чрезъ пучины океана“,—Морзе, изобрѣтателю телеграфа. На Батль-Гиллѣ—темно-бронзовая пирамида, окруженная по четыремъ угламъ бронзовыми же, въ ростъ человѣка, фигурами—памятникъ воинамъ, уроженцамъ штата Нью-Іоркъ, положившимъ жизнь въ войнѣ за освобожденіе негровъ. Фигуры изображаютъ солдатъ въ формѣ, принятой въ арміи Соединенныхъ Штатовъ,—артиллериста, пѣхотинца, кавалериста и сапера.

Нѣсколько шаговъ далѣе—свидѣтельство сердечной скорби согражданъ по 105, оставшимися не распознанными, жертвамъ пожара Бруклинскаго театра 5 декабря 1876 г.

Но шедевромъ всѣхъ этихъ памятниковъ скорби, признательности и благоговѣнія къ памяти дорогихъ усопшихъ является трогательный по своей простотѣ и величественный по идеѣ монументъ надъ могилкою двѣнадцатилѣтняго героя, погибшаго въ войну 1863 г.

Фигурка мальчика въ солдатской формѣ, въ естественную величину, съ барабаномъ у пояса, поставлена на мраморную плиту, чуть возвышающуюся надъ почвою холма. Онъ стоитъ лицомъ къ востоку, со взглядомъ, устремленнымъ на небосклонъ, и приподнятыми надъ барабаномъ руками, точно ждетъ появленія свѣтила, чтобы дать сигналъ. Надъ этой статуей высится громадная мачта, а на ней каждый праздникъ, съ восходомъ солнца, подымается звѣздный флагъ,—республика осѣняетъ прахъ ребенка, отдавшаго жизнь дѣлу освобожденія.

Вотъ трогательная исторія маленькаго барабанщика.

Въ скромномъ городкѣ штата Виргиніи, Петерсбургѣ, въ которомъ и въ настоящее время не наберется 20 т. жителей, со дня на день ждали враговъ. Незначительный по численности гарнизонъ въ тревожномъ ожиданіи совсѣмъ истомился. Объ этомъ провѣдалъ приближавшійся тайкомъ непріятель и рѣшилъ произвести нападеніе на разсвѣтѣ, когда сонъ особенно сильно долитъ изнуреннаго человѣка.

Незамѣтно подкравшись во тьмѣ, враги успѣли уже уложить большую часть передового поста гарнизона, и въ томъ числѣ, барабанщика, когда бранная суматоха подняла на ноги обитателей ближайшихъ къ мѣсту битвы домовъ; въ паническомъ ужасѣ обыватели разбѣжались отъ опасной полянки подальше. Вмѣстѣ съ другими выбѣжалъ на улицу и временно проживавшій (съ родителями) въ Петерсбургѣ герой малютка; онъ видѣлъ, какъ упавшій на земь барабанщикъ тщетно силился приподняться и, наконецъ, опрокинулся, мертвый, навзничь. Мальчикъ не растерялся, не убѣжалъ, какъ взрослые: подъ огнемъ завязавшейся уже перестрѣлки онъ подбѣжалъ къ убитому, отстегнулъ его барабанъ и бросился впередъ, громкою барабанною дробью призывая гражданъ къ защитѣ.

Битва кончилась; враги были отбиты, но на полянкѣ лежало мертвое тѣльце ребенка, пронизанное нѣсколькими пулями... Родители перевезли прахъ маленькаго бруклинца на родину, а государство почтило его памятникомъ.

Есть что-то героическое и вмѣстѣ глубоко трогающее въ этомъ памятникѣ ребенку. Кажется, и сейчасъ онъ готовъ ударить тревогу, будя спящихъ, призывая ихъ очнуться отъ тусклой дремоты себялюбія, мелкихъ интересовъ и наживы для великой борьбы за дальнѣйшее освобожденіе человѣчества...

Часовъ пять подрядъ провелъ я на „Гринвудъ-Семетри“, переживая странныя, непривычныя чувства—отзвуки событій жизни свободнаго народа, ознаменованныхъ всѣми этими статуями, пирамидами, капеллами. Голосъ мертвыхъ такъ много и внятно говорилъ мнѣ въ пользу живущихъ, что мои личныя смутныя,

тягостныя сомнѣнія и безпредметныя, неопредѣленныя опасенія одинокаго иностранца, закинутаго въ водоворотъ чуждой жизни, совсѣмъ улеглись...

Часамъ къ четыремъ я разыскалъ нужный мнѣ домъ. Это было старенькое, невысокое, не смотря на свои два этажа, зданіе, очевидно, наслѣдіе еще тѣхъ временъ, когда утомленные шумной торговой сутолокой Нью-Іорка отцы и дѣды теперешнихъ дѣльцовъ, потомки голландскихъ засельниковъ острова, искали тутъ „lust in rust“—отдыха въ покоѣ тихихъ полудеревенскихъ улицъ и по-деревенски устроенныхъ жилищъ, съ маленькими, скромно глядящими окнами и низкими, смиренно пригнувшимися потолками, прохладныхъ лѣтомъ, теплыхъ зимой.

Звонка у дверей не было; я вошелъ въ настежь открытый корридоръ и постучался у первой двери налѣво.

Мнѣ отворила миловидная женщина съ груднымъ ребенкомъ на бѣлыхъ, обнаженныхъ по локоть рукахъ.

— Здѣсь живетъ господинъ Францъ Желковскій?—спросилъ я ее по-англійски.

— Здѣсь... Что вамъ угодно?...

— Вручить вотъ это письмо.

— А-ахъ,—отъ брата!... Вотъ, благодарю!... О, очень благодарю васъ!... Это не отецъ, мильцю!—проговорила она по-польски, наклоняя тщательно зачесанную голову надъ пухленькимъ ребенкомъ, который, при звукахъ разговора, оторвался отъ материнской груди и протянулъ ко мнѣ розовенькія ручки. — Войдите! Очень прошу васъ!

— А вы, можетъ быть, говорите и по-русски?—освѣдомился я, входя за нею въ гостиную, обширную, скромно обставленную комнату, уже нѣсколько подернутую тихими вечерними тѣнями.

— Только немножко, только немножко!—отвѣчала она нараспѣвъ и съ застѣнчивой улыбкой.—Садитесь, прошу васъ... Ахъ, я такая невѣжливая, и тутъ... такой непорядокъ и... я не могу хорошо это сказать... А вотъ, мой Францъ,—онъ хорошо знаетъ по-русску... Онъ скоро будетъ дома и такъ будетъ радъ!... Вы у насъ пообѣдаете, не правда ли?... Мы, знаете, совсѣмъ такъ, безъ... безъ моды, а вы еще письмо привезли. Я вамъ такъ благодарна!... Вы позволите мнѣ прочитать его?

— О, прошу васъ, не стѣсняйтесь!

Она отошла поближе къ свѣту, присѣла на лавку и, на минутку положивъ въ широкій подолъ платья барахтавшагося ручонками ребенка, живо вскрыла конвертъ.

— Письмо не мнѣ, а мужу,—сказала она задумчиво.—Какъ жаль, что его нѣтъ дома...

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—прошу васъ передать супругу, что случайный товарищъ Юзефа радъ былъ исполнить его просьбу... Затѣмъ, позвольте попросить воды и откланяться...

— Онъ сейчасъ будетъ, — сказалъ вошедшій въ эту минуту

малорослый шатенъ лѣтъ 23-хъ.—Онъ шелъ со мной, только его остановилъ на дорогѣ какой-то рыжій нѣмецъ, а я забѣжалъ купить фруктовъ... Станиславъ Вжещъ, братъ прекрасной Анельки... Имѣю честь представиться...

— А! Вы пріѣхали изъ Нью-Іорка,—продолжалъ онъ послѣ взаимныхъ привѣтствій и распросовъ... — На ферри-боотѣ?.. У васъ тутъ было какое-нибудь дѣло?

— Никакого. Я хотѣлъ только занести письмо...

— Письмо отъ Юзефа,—пояснила хозяйка.

— Ого! это очень любезно,—не по-американски: нести письмо такъ далеко, когда его можно послать по почтѣ. Вы только на дняхъ пріѣхали въ Америку? Не успѣли еще устроиться? Есть знакомые? Имѣете что-нибудь въ виду? А?.. Или, можетъ быть, вамъ любопытно посмотрѣть, какъ живутъ поляки въ Америкѣ?

Онъ сыпалъ своими вопросами, на которые я еще не успѣлъ отвѣтить, какъ вдругъ въ комнату вошелъ и самъ хозяинъ съ цѣлой группой земляковъ-товарищей.

Это былъ человѣкъ лѣтъ 25-ти, худощавый, съ серьезными, пытливыми глазами. Онъ спокойно поздоровался со мной, и у насъ завязалась обычная въ такихъ случаяхъ бесѣда.

Меня разспрашивали о родичѣ, оставшемся въ Амстердамѣ, о Европѣ, объ оставшихся родныхъ мѣстахъ... Пока я разсказывалъ, размѣстившаяся по лавкамъ у стола молодежь разглядывала меня съ любопытствомъ деревенскихъ парней, къ которымъ случайно попалъ гость изъ города. Это были все простодушныя, круглыя лица и наивные, почти дѣтскіе глаза. Спокойная увѣренность тона, непринужденность и оживленная выразительность взгляда хозяина говорили, наоборотъ, о болѣе сложной культурѣ: по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не первый уже годъ проживалъ въ Америкѣ. И манера слушать у него была иная, чѣмъ у прочихъ: почти не глядя на меня и низко наклонивъ красивую голову, онъ хмурилъ и сдвигалъ брови, разглаживалъ свои тонкіе шелковистые усы, одобрительно кивалъ въ интересныхъ пунктахъ разсказа головой,—словомъ, выражалъ всѣ признаки глубокаго, чуткаго вниманія.

Ранніе ноябрьскіе сумерки быстро сгущали надвигавшуюся тьму. Углы комнаты, съ ея убогой крашеной деревянной мебелью, совсѣмъ уже потонули во мракѣ, и, лишенныя занавѣсей, окна, казалось, съ усиліемъ всматривались теперь внутрь... Хозяйка зажгла надъ простымъ, окрашеннымъ масляной краской столомъ висячую лампу, со стекломъ въ видѣ узкой, увѣнчанной по краямъ красивыми зубчиками вазы, и стала собирать ужинъ: разставила посуду, положила два бѣлыхъ длинныхъ хлѣба, а въ томъ углу, гдѣ сидѣлъ я съ хозяиномъ, застлала столъ толстой, должно быть, вывезенной еще изъ Польши, бѣлой скатертью.

За ужиномъ продолжали разговоръ о заработкахъ и о жизни въ Америкѣ; въ него постепенно втянулись почти всѣ присут-

ствующіе, какъ оказалось, вскорѣ по пріѣздѣ, довольно сносно, съ помощью хозяина, устроившіеся на табачной фабрикѣ. Всѣ они не жалѣли о своемъ переселеніи, а одинъ изъ этихъ молодыхъ людей вдохновился даже на цѣлый панегирикъ странѣ, „гдѣ рабочихъ людей цѣнятъ и не спрашиваютъ вѣроисповѣданій“. Въ общемъ, повидимому, эти люди были довольны новой родиной, хотя и воспоминанія о старой вызывали порой искренній вздохъ и растроганные взгляды... Хозяинъ былъ всѣхъ сдержаннѣе и, какъ будто, холоднѣе. Въ немъ чувствовался человѣкъ, имѣющій сильное вліяніе въ этомъ кружкѣ земляковъ, закинутыхъ въ далекія страны.

Позднимъ вечеромъ по пустынной улицѣ, освѣщенной газовыми фонарями, меня проводили до пристани, и вскорѣ ферриботъ понесъ меня по темнымъ волнамъ рѣки. Впереди свѣтили частые огни огромнаго чужого города... Позади тоже,—и я увозилъ странное двойственное впечатлѣніе. Весь вечеръ я провелъ почти съ земляками, но все же я не могъ не чувствовать какого то отчужденія: они уже нашли здѣсь свое мѣсто, а я еще продолжаю блуждать въ пространствѣ, для всѣхъ чужой и одинокій. На душѣ у меня было тяжело... Можетъ быть, на моемъ настроеніи сказывалась уже близкая болѣзнь, которую мнѣ суждено было пережить на чужбинѣ...

Вагонъ электрическаго трамвая съ воемъ, гуломъ и свистомъ быстро пробѣжалъ пустынныя части Бруклина, и вскорѣ мы подкатили къ неуклюже надвинувшейся надъ улицей черной горѣ желѣза и стали, составляющей восточную оконечность знаменитаго Бруклинскаго моста.

Это чудо инженернаго искусства, дѣйствительно, поражаетъ: передъ вами перспектива уходящаго куда-то вдаль полотна и цѣлая система стальныхъ канатовъ. Мостъ, кажется, повисъ въ воздухѣ—чудо, которымъ онъ въ полной мѣрѣ обязанъ математикѣ. Да, только строжайшая точность разсчетовъ дала возможность этимъ сотнямъ тысячъ пудовъ металла взлетѣть на высоту почти 20 саженъ надъ водой и такъ устойчиво укрѣпиться въ своемъ гордо-вызывающемъ положеніи, что милліонъ пудовъ груза на мосту не заставилъ бы его осѣсть даже на два дюйма... *).

Полотно моста раздѣляется вдоль на четыре отдѣленія: два крайнихъ—для экипажей и велосипедистовъ, два слѣдующихъ для поѣздовъ канатной желѣзной дороги (туда и обратно) и среднее, возвышающееся надъ остальными,—для пѣшеходовъ. Поѣзда канатной дороги курсируютъ каждыя три минуты пара; два спеціальнаго типа локомотива подхватываютъ прибывающіе вагоны

*) Мостъ начатъ постройкой въ 1875 году по проекту архитектора Джона Рэблинга и оконченъ въ 1883 году уже его сыномъ, серьезно заболѣвшимъ во время производства работъ, но не оставлявшимъ дѣла и наблюдавшимъ за нимъ изъ окна даже въ самыя трудныя минуты болѣзни.

и живо передвигаютъ ихъ по передаточнымъ путямъ къ пункту отправленія. Видъ съ середины моста на окрестности замѣчателенъ, особенно въ сумерки, когда тысячи загорающихся подъ вами огней постепенно наполняютъ всю необъятную поверхность, вплоть до сливающагося съ вечернимъ небомъ горизонта. Тамъ, гдѣ-то въ страшной глубинѣ, они кажутся мирріадами глазъ какихъ-то фантастическихъ существъ, неустанно перемигивающихся и на своемъ символическомъ языкѣ говорящихъ о чемъ-то, недоступномъ человѣку... Смотришь въ эту сверкающую бриллiантами влажную ночную мглу, и кажется, что очутился въ какомъ-то фантастическомъ, волшебномъ мірѣ, не имѣющемъ ничего общаго ни съ математикой, ни съ дѣловыми разсчетами практичныхъ янки...

Впрочемъ, въ тотъ вечеръ мнѣ было не до фантазій: еще подходя къ кассѣ канатной дороги, я ощутилъ приступъ странной тупой боли въ желудкѣ. Боль эта, по временамъ обострявшаяся, перемежалась легкой тошнотой и перешла въ рѣзкія схватки. На улицу Паркъ-Роу, съ ея колоссальными дворцами гигантовъ американской прессы, вышелъ я изъ вагона уже больнымъ: пройдя саженъ сто, я принужденъ былъ остановиться... На бѣду еще, я плохо знакомъ былъ съ этою частью города. Съ постоянными остановками и разспрашивая дорогу, я вышелъ на Гейдъ-стритъ.

Здѣсь въ громадномъ семиэтажномъ домѣ, у ближняго перекрестка, начинался пожаръ: два верхніе этажа уже скрывались въ дыму, въ окнахъ этажей, лежавшихъ ниже, судорожно и безпорядочно метались огни; изъ трехъ выходныхъ наружныхъ дверей, какъ потревоженные муравьи, высыпали на улицу возбужденно суетившіеся и кричавшіе люди; съ нѣсколькихъ коротенькихъ балконовъ пятаго и четвертаго этажей по желѣзнымъ лѣстницамъ спускались на балконы низшихъ этажей тѣ, которымъ дымъ преграждалъ доступъ къ внутреннимъ лѣстницамъ дома; тѣмъ же путемъ на веревкахъ спускали наиболѣе цѣнное имущество; войсковой охраны не было: ея мѣсто занимала цѣпь изъ членовъ пожарнаго общества, зорко наблюдавшая за поступавшимъ на ея попеченіе имуществомъ погорѣльцевъ.

Вдругъ что-то загудѣло и зашипѣло, — это былъ отрядъ пожарныхъ дружинниковъ, съ оглушительно свистѣвшимъ паровымъ огнегасителемъ. И точно его только и дожидалось,—изъ оконъ трехъ верхнихъ этажей бѣшено, злобно вырвалось пламя... Но не прошло и минуты,—ему навстрѣчу сверкнули серебристыя струи воды, завязалась грандіозная борьба стихій, одинаково полезныхъ человѣку и одинаково губительныхъ, когда они выйдутъ изъ послушанія... Почти одновременно набѣжали съ разныхъ сторонъ еще три отряда—домъ густо облѣпили „кожаныя головы“, какъ тутъ называютъ пожарныхъ (по кожанымъ или каучуковымъ

шлемамъ *), покрывающимъ ихъ головы, вмѣсто нашихъ металлическихъ, быстро нагрѣвающихся касокъ).

Однако, мнѣ было не до зрѣлища. Не помню уже, какъ добрался я до своей комнаты, какъ улегся въ постель. За ночь дѣло еще ухудшилось: я не смѣлъ шевельнуться, свободно вздохнуть. Холодный, липкій потъ выступалъ на лбу, я кусалъ губы, стискивалъ зубы, подавляя безумное желаніе закричать, заревѣть бѣшено-дико отъ той бѣшено-дикой боли, которая терзала и рвала меня внутри. Были моменты, когда мнѣ казалось, что еще одинъ такой приступъ муки—и я перестану существовать... Въ другія минуты, среди ужаснѣйшихъ терзаній, вдругъ находила полоса страннаго деревяннаго отупѣнія. Затѣмъ разражался новый, еще болѣе мучительный приступъ боли.

Такъ, съ малыми промежутками тяжелаго кошмарнаго забытья, прошла вся ночь и слѣдующія сутки. Хозяйка, должно быть, видѣвшая, какой странной походкой я наканунѣ пробирался въ свою комнату, кажется, приняла ее за результаты похмѣлья: раза два, проходя мимо моей полупритворенной двери, она, искоса, оглядывала царившій въ комнатѣ безпорядокъ, но не пыталась войти, даже не освѣдомилась, скоро ли можно ей заняться уборкой.

Утро вторыхъ сутокъ принесло нѣкоторое облегченіе: боли стали затихать, но чувствовалась общая слабость; въ ушахъ стоялъ звонъ, свистъ, глухой шумъ — всѣ признаки остраго малокровія. А вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ меня мучить нестерпимый кожный зудъ, особенно въ сгибахъ суставовъ, въ поверхности пальцевъ; малѣйшая попытка почесать зудящее мѣсто вызывала на немъ крупные пузыри.

Взглянулъ я на утро въ зеркало и ужаснулся: на меня глядѣло желтыми, какъ лимонъ, глазами желтое, чужое лицо...

Я чувствовалъ себя такимъ покинутымъ и одинокимъ, что сначала мнѣ какъ-то не приходило даже въ голову обратиться къ доктору. Вспомнивъ извѣстныя мнѣ средства, я просто отправился къ дрогисту и принялъ у него тутъ же порошокъ азотно-кислаго висмута... Это принесло мнѣ нѣкоторое облегченіе, а затѣмъ о моемъ положеніи узнали миссисъ Клайнъ и миссисъ Макъ-Герлахъ, мои добрыя сосѣдки, и направили меня въ амбулаторію при клиникѣ.

Идея дарового лѣченія давно уже пустила здѣсь глубокіе корни. Такъ амбулаторія, съ правомъ въ критическихъ случаяхъ потребовать безплатнаго врача на домъ *), функціонируетъ при

*) Пропитанные особымъ огнеупорнымъ веществомъ, шлемы эти очень слабо нагрѣваются даже передъ очень сильнымъ огнемъ.

**) И, однако же, традиціонное уваженіе къ почтенному званію не позво-

Нью-Іоркскомъ госпиталѣ еще съ 1791 года. Цѣлый рядъ подобныхъ же учрежденій съ безплатной или почти безплатной (10 и 20 ц. за „номеръ") раздачей лѣкарствъ, разсѣянъ по всей странѣ. Въ одномъ Нью-Іоркѣ этихъ больницъ разныхъ наименованій и назначеній—общихъ и спеціальныхъ—свыше семидесяти, въ Бруклинѣ—около сорока. И вездѣ при нихъ цѣлый штатъ врачей, въ числѣ которыхъ значатся иной разъ и записныя знаменитости, склады перевязочныхъ матеріаловъ, аптеки: даровое лѣченіе признается одной изъ главныхъ основъ въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія, а принадлежать къ составу дѣятелей на этомъ поприщѣ считается высокой гражданскою честью.

Нью-Іоркскій госпиталь занимаетъ цѣлый огромный кварталъ, въ которомъ для амбулаторіи отведенъ отдѣльный, очень помѣстительный корпусъ. Въ ясное морозное утро добрался я до больницы, гдѣ, уплативъ установленные 10 центовъ, получилъ очередной 103 нумеръ.

Обширная, на половину заставленная длинными рядами ярко отполированныхъ скамей, зала кишѣла сдержанно гудѣвшимъ народомъ, среди котораго попадались и далеко не бѣдно одѣтые. Молодой щупленькій субъектъ въ очень коротенькомъ щегольскомъ пиджачкѣ обходилъ скамьи, что-то на ходу записывая въ щегольскую же книжечку. Опросивъ меня о родѣ заболѣванія, онъ предложилъ на выборъ профессора Стуарта или доктора медицины Кемпбилля, послѣ чего, кинувъ еще разъ пристальный взглядъ на мой лимонно-желтый лобъ, указалъ мѣсто на одной изъ скамеекъ.

Сверхъ всякаго ожиданія, черезъ полчаса меня уже позвали въ кабинетъ,—высокую, длинную комнату объ одномъ громадномъ окнѣ, выходившемъ на госпитальный дворъ. Высокій, худой, мефистофелевскаго типа брюнетъ въ очкахъ, сидѣвшій за прекраснымъ столомъ спиною къ окну, указалъ мнѣ стулъ и проговорилъ торопливо:

— Лѣта?.. Симптомы? Въ чемъ страданье?

Сидѣвшій за другимъ, маленькимъ столомъ у боковой стѣны, полный и совсѣмъ лысый господинъ быстро записывалъ мои показанія, точно на допросѣ. Затѣмъ они вдвоемъ удивительно быстро осмотрѣли, выслушали, выстукали меня всего, опять-таки отмѣчая что-то каждый у себя, въ книгѣ.

— Причина заболѣванія?

— Не знаю, профессоръ.

— Профессоръ приметъ васъ въ четвергъ: я — его ассистентъ. Кашля нѣтъ? Такого—изъ глубины легкихъ?

— Нѣтъ... Что вы находите у меня?

— О, ничего особеннаго: печень гиперемирована, почки не

литъ нью-іоркцу безпокоить врача безплатнымъ приглашеніемъ на домъ: бѣднякъ самъ лично направляется въ госпиталь.

въ порядкѣ, вѣроятно, и селезенка... Повышена возбудимость нервной системы; вскорѣ, впрочемъ, смѣнится угнетеннымъ состояніемъ. Но не пугайтесь: поправимъ!.. Умѣренная, очень умѣренная діэта... Методически правильный образъ жизни... Нѣмецъ?

— Нѣтъ, русскій.

— О, крѣпкій, очень крѣпкій народъ!.. Это хорошо: поправимъ. Лѣчитесь. Вотъ рецептъ: микстура... Это все!.. Слѣдующій!

Я получилъ прописанную мнѣ микстуру минутъ черезъ десять по предъявленіи рецепта. Молоденькая и очень миловидная миссъ, вся въ сѣромъ, выдававшая лѣкарства, тоненькой скороговоркой, но обстоятельно, разъяснила мнѣ, какъ принимать, и совѣтовала аккуратно лѣчиться, не пренебрегая указаніями доктора. Было пріятно слушать, какъ усердно и участливо она щебетала съ каждымъ больнымъ, словно птичка, у своего дубоваго окошечка. Полное отсутствіе даже тѣни казеннаго, стереотипнаго отношенія къ дѣлу; должно-быть, славная душа!—подумалъ я невольно, начиная чувствовать себя уже не такимъ безпомощнымъ и одинокимъ.

Принималъ я микстуру очень аккуратно, но... облегченіе наступало туго. Упадокъ силъ продолжался, аппетитъ ослабѣвалъ; появились рѣжущія и тянущія боли въ сочлененіяхъ, состояніе духа было подавленное.

Въ такомъ состояніи я отправился черезъ нѣсколько дней въ больницу, но опоздалъ — двери уже были закрыты. Усталый, я присѣлъ на скамейкѣ, напротивъ,—и здѣсь мнѣ сдѣлалось дурно: мнѣ показалось, что кто-то внезапно окатилъ меня водой. Это была волна изнурительнаго пота; въ глазахъ пошли желтые круги, зданіе больницы заплясало и поплыло куда-то...

— Эй, пріятель!—услышалъ я чей-то сиплый предостерегающій голосъ:—тутъ нельзя спать, ограбятъ!

Поднимаю глаза—толстый, круглолицый субъектъ въ кургузой курткѣ, въ коротко полой мягкой шляпѣ, съ небольшимъ павлиньимъ перомъ за лентой,—видимо, итальянецъ, какіе тутъ работаютъ на постройкахъ или по улицамъ продаютъ фрукты.

— Скажите, пожалуйста,—еле выговорилъ я,—гдѣ тутъ по близости аптека?

Итальянецъ наклонился ближе, внимательно взглянулъ мнѣ въ лицо и въ ту же секунду поспѣшно отступилъ назадъ, почти отпрыгнулъ.

— Санта Марія бенедетта! *)—воскликнулъ онъ въ страхѣ,— да у него іелоу-фиверъ! **) Васъ въ карантинъ надо, amico!

— Іелоу-фиверъ! Іелоу-фиверъ! — запищалъ откуда-то взявшійся маленькій оборвышъ лѣтъ восьми.

— Іелоу-фиверъ! Берегитесь: іелоу-фиверъ! — живо подхватилъ другой, постарше.

---

*) Святая Марія благодатная!

**) Желтая лихорадка, чрезвычайно заразительная и опасная болѣзнь.

Два-три прохожихъ остановились по ту сторону рѣшетки сквера; трое или четверо—у входа; нѣсколько женщинъ, подошедшихъ купить картофеля изъ небольшой телѣжки торговца зеленью, суетливо перебѣжали площадь и вытянули шеи, чтобы получше разглядѣть причину тревоги. На лицахъ недоумѣніе, страхъ, недружелюбные взгляды въ мою сторону.

— Пожалуйста, укажите мнѣ аптеку! — тѣмъ временемъ молилъ я итальянца, чувствуя, что вотъ-вотъ нахлынетъ на меня новая волна и заслонитъ сознаніе.

— Какая тамъ аптека, corpo di Bacco!.. Въ госпиталь надо!.. Галоу *), мистеръ Катчеръ!—окликнулъ онъ проходившаго мимо коренастаго полисмэна съ широкимъ поясомъ въ рукѣ.—Вотъ, этому джентльмэну нужно въ госпиталь!

Тотъ, не спѣша, вошелъ въ скверъ и прежде всего надѣлъ свой поясъ, въ знакъ того, что онъ снова при исполненіи обязанностей службы.

— Желаете въ госпиталь?—мягко спросилъ онъ, наклоняясь.

— Нѣтъ... Мнѣ стало дурно, я просилъ только указать аптеку...

Полисмэнъ повернулся къ итальянцу и вопросительно поднялъ брови.

— Да вы поглядите, мистеръ Катчеръ, глаза у него совсѣмъ желтые! Что его слушать!—задорно настаивалъ тотъ.

— Вы, мистеръ删ателли, не врачъ, однако,—замѣтилъ полисмэнъ.—Чѣмъ могу служить вамъ, сударь?..

— На Суинбэрнъ **) его!.. Вотъ чѣмъ!—не унимался итальянецъ.

— На Суинбэрнъ, на Суинбэрнъ! — раздались голоса изъ-за рѣшетки.

Полисмэнъ обернулся въ ту сторону, знакомъ успокаивая толпу.

— Мнѣ непріятно указывать вамъ, мистеръ Дателли, границы, которыя, какъ порядочному человѣку, вамъ и самому, безъ сомнѣнья, должны быть извѣстны,—сказалъ полисмэнъ вѣжливо:—вы попусту безпокоите и больного джентльмэна, и публику!.. Вотъ, сударь, насупротивъ—докторъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Хотите, доведу васъ до дверей?.. Это лучше аптеки...

Никогда еще въ жизни не видѣлъ я полицейскаго въ роли добраго самаритянина. Это разомъ подняло мою бодрость: я поспѣшилъ отказаться отъ его помощи и до кабинета врача добрался собственными силами.

Въ кабинетѣ, у единственнаго, полузаставленнаго матовымъ экраномъ, окна стояла софа, на которую докторъ Райтеръ тотчасъ

*) Галоу—фамильярное восклицаніе, которымъ въ просторѣчіи привѣтствуютъ пріятелей при встрѣчѣ.

**) Суинбэрнъ—островокъ на рейдѣ съ госпиталемъ для контагіозныхъ.

меня и усадилъ. Это былъ высокій, стройный человѣкъ, уже въ лѣтахъ, съ правильными чертами продолговатаго лица и замѣтно выдавшимся кадыкомъ. Сильно развитая нижняя челюсть придавала лицу выраженіе какой-то разъ навсегда застывшей торжественности, а блестящіе, выпуклые сѣрые глаза глядѣли строго-ласково, безъ сухости, свойственной большинству людей, привыкшихъ къ виду страданія.

— Гастрическое недомоганье?—тихо спросилъ онъ, вглядываясь мнѣ въ лицо.—Ну, отдохните... А пока выпейте вотъ это...

Онъ подалъ мнѣ стаканчикъ съ какими-то каплями. Я выпилъ и почти въ тотъ же моментъ ощутилъ боль, грозно напомнившую мнѣ недавно пережитыя.

Онъ выслушалъ внимательно мой сбивчивый разсказъ о болѣзни, также сосредоточенно осмотрѣлъ меня и спросилъ:

— Вы—не алкоголикъ?

— Нѣтъ.

— Лѣчитесь?

Я разсказалъ про висмутъ, про посѣщеніе госпиталя. Онъ на минуту примолкъ и задумался.

— Ничѣмъ, къ сожалѣнію, не могу вамъ особенно помочь!—проговорилъ онъ, вставая, и въ голосѣ его я, дѣйствительно, слышалъ сожалѣніе.—Процессъ долженъ идти своимъ чередомъ... Продолжайте, пожалуй, принимать вашъ висмутъ... Ведите правильный образъ жизни...

— Но, докторъ, я очень ослабѣлъ...

— Дальше ослабѣете еще больше, пока процессъ не закончится, я полагаю—выздоровленіемъ... Лѣкарства вамъ не помогутъ...

Онъ проводилъ меня до дверей, отказавшись отъ предложеннаго доллара, и на прощанье сунулъ какую-то карточку, сказавъ:

— Поправляйтесь, не тратьтесь на врачей... Когда почувствуете себя лучше, приходите по указанному тутъ адресу: не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, и не о тѣлѣ одномъ надлежитъ намъ заботиться...

Повидимому, докторъ Райтеръ отличался своеобразными взглядами на медицину и, вѣроятно, принадлежалъ къ какому-нибудь религіозно-мистическому братству, адресъ котораго далъ мнѣ, заботясь о спасеніи моей души больше, чѣмъ о врачеваніи тѣла...

VIII.

Общество улучшенія быта бѣдныхъ—„Райскій Паркъ".—Особенности американской благотворительности.

Я не стану утомлять читателя подробнымъ описаніемъ своей болѣзни и выздоровленія. Въ одномъ только отношеніи совѣтъ доктора Райтера принесъ мнѣ пользу: я понялъ, что нужно больше надѣяться на свои силы, чѣмъ на лѣкарства. Я сталъ

ѣсть только по ясно выраженному требованію организма, иногда оставаясь безъ пищи по цѣлымъ днямъ; кромѣ того,—гулялъ во всякую погоду, увеличивая разстояніе по мѣрѣ прибавленія силъ.

Не могу, впрочемъ, не отдать дани благодарности одному превосходному благотворительному учрежденію, которому многимъ обязанъ въ этотъ періодъ выздоровленія отъ тяжкой болѣзни.

Направившись какъ-то осмотрѣть знаменитый „China Town"—часть Нью-Іорка, населенную китайцами,—я наткнулся на „People Baths" (народныя бани), учрежденіе, которое слѣдовало бы почтить своимъ вниманіемъ всѣмъ, кто сколько-нибудь серьезно интересуется дѣломъ охраненія народнаго здравія.

Рельефная металлическая вывѣска надъ входными дверьми небольшого двухъ-этажнаго зданія гласила, что „People-Baths" принадлежитъ „Обществу улучшенія быта бѣдныхъ" *)

Тишина въ пріемной, какъ въ церкви, и полнѣйшее отсутствіе свойственныхъ нашей банѣ промозглыхъ, кислыхъ запаховъ; о назначеніи зданія можно угадать лишь по нѣкоторому избытку влажности воздуха. У стѣны, противоположной входу, — кіоскъ съ окошечкомъ и неизмѣнной кассиршей. Заплативъ здѣсь установленные пять центовъ и получивъ взамѣнъ нѣсколько грубоватое, но безусловно свѣжее, холщевое полотенце и кусокъ душистаго мыла, достаточный, чтобы до бѣла вымыться хоть трубочисту, я долженъ былъ занять мѣсто на скамейкѣ, — для соблюденія очереди.

„Слѣдующій!.. Слѣдующій!"—раздавалось изъ глубины высокаго корридора, выходившаго въ пріемную, и только по этому зову, не суетясь и не спѣша, одна за другой подымались со скамей обтертыя, усталыя фигуры и исчезали внутри зданія. Вскорѣ дошла очередь и до меня.

Я вступилъ въ обширный, роскошно цементированный залъ, съ высокимъ стекляннымъ потолкомъ; посерединѣ тянулся длинный стальной корпусъ кабинъ,—каждому посѣтителю отдѣльная. Надъ дверью корридора — черная по бѣлому фону лаконическая надпись: „Пользоваться двадцать минутъ".

Кабина, продолговатая, свѣтлая комнатка съ рѣшетчатымъ стальнымъ переплетомъ, вмѣсто потолка, занимаетъ около 8 кв. аршинъ. Она состоитъ изъ двухъ половинъ: раздѣвальни и купальни, раздѣленныхъ гуттаперчевой занавѣской, передвигающейся на мѣдныхъ кольцахъ по горизонтальному стальному шесту. Стѣны, выкрашенныя ярко-бѣлою масляной краскою, по мѣрѣ надобности, обмываются дезинфецирующимъ растворомъ; полъ—цементный, съ маленькимъ гуттаперчевымъ коврикомъ въ раздѣ-

*) Обществу этому принадлежитъ также иниціатива устройства лѣтнихъ купальныхъ домовъ съ обширными резервуарами на 300 — 400 человѣкъ.

вальнѣ. Единственная мебель — небольшая продолговатая (около полуаршина длиной) стальная полочка для сидѣнья, плотно вдѣланная въ боковую стѣну, на высотѣ $^3/_4$ арш. отъ пола. Экономія мѣста удивительная, и, только благодаря ей, и возможно устройство образцово-дешевыхъ народныхъ бань въ частяхъ города со скученнымъ населеніемъ, т. е. именно тамъ, гдѣ въ цѣляхъ общественной гигіены въ нихъ и ощущается надобность. Такъ же разсчетливо и цѣлесообразно устроена самая купальня съ душами, температуру которыхъ легко регулировать по мѣрѣ надобности.

Я еще не успѣлъ раздѣться, какъ въ наружную дверь постучались, и когда я отперъ—на порогѣ появился рыжеволосый служитель-шведъ, съ гордою, почти военной осанкой.

— Простите: забылъ спросить... Умѣете? — лаконически сказалъ онъ, кивнувъ въ сторону купальнаго аппарата.

— Да, сумѣю.

— Въ первый разъ здѣсь?

— Въ первый.

— Хорошо. Можете оставаться полчаса. Это общее правило для перваго раза...

Когда я пришелъ во второй разъ,—тотъ же шведъ внимательно посмотрѣлъ на меня и спросилъ, очевидно, узнавъ меня:

— Лѣчитесь?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— А!.. Обождите минутку!

Онъ куда-то исчезъ, оставивъ меня въ корридорѣ, и вскорѣ такъ же стремительно вновь появился.

— Все время лѣченія можете оставаться по получасу, а когда публики мало — и дольше.

— Слышите, Джимъ?—обратился онъ къ другому служителю,—мистеръ—больной: пусть его лѣчится на здоровье!

Такъ, безъ всякихъ рекомендацій, ходатайствъ и просьбъ съ моей стороны, мнѣ была доставлена эта льгота, въ данномъ положеніи для меня очень важная. Я нарочно останавливаюсь на этой мелочи, характерной для американскихъ благотворительныхъ и общественныхъ учрежденій. Это черта внимательности и совершенно не казеннаго отношенія къ дѣлу. Эти люди сами угадывали, что нужно, и старались, чтобы учрежденіе приносило всѣмъ наибольшую пользу, — больнымъ, какъ и здоровымъ... Вообще, у американцевъ есть чему поучиться всѣмъ, кто интересуется благотворительностью и мѣрами оздоровленія общества.

Пришлось мнѣ какъ-то проходить невдалекѣ отъ Грендъстритъ по небольшому скверу, влѣво отъ котораго раскинулась обставленная мрачными, неприглядными домами обширная площадь со слѣдами ужаснаго разрушенія, — точно послѣ свирѣпой бомбардировки. Глубокія, полуразсыпанныя извилистыя рытвины, напоминавшія подземные ходы средневѣковаго замка, обнажали бурыя, далеко ушедшія вглубь стѣны подвальныхъ этажей

съ какими-то амбразурами и нишами дверей, заложенныхъ кирпичемъ. Мѣстами, какъ обломки зубовъ издыхающаго диковиннаго звѣря, торчали изъ земли остатки простѣнковъ, и рабочіе безъ сюртуковъ, но въ котелкахъ, разбирали стѣны, таскали камни и кирпичи и складывали ихъ въ приблизительно одинаковыя, равно отстоящія одна отъ другой кучи. Человѣкъ тридцать другихъ нагружали этими обломками безпрестанно, съ ритмической правильностью подъѣзжавшія таратайки, или же выгружали привезенный ими черноземъ и разравнивали его по расчищенной уже отъ камней части площади.

Картина, въ общемъ, была не изъ обыкновенныхъ, и я поинтересовался узнать, что тутъ происходитъ.

— Paradise Park,—отвѣтилъ мнѣ на вопросъ длинный, сухой нѣмецъ и прибавилъ: — о, это важное предпріятіе. Стоитъ два милліона долларовъ!

Два милліона долларовъ, — почти четыре милліона рублей!.. Длинный нѣмецъ нѣсколько преувеличилъ, но производившіяся предо мной разрушительныя работы, дѣйствительно, поглотили милліоны, и на этомъ стоитъ остановиться, хотя бы потому, что истратили эту уйму денегъ именно „сребролюбивые янки“, и притомъ—изъ побужденій, ничего общаго съ матеріальною выгодой не имѣющихъ...

Въ этомъ мѣстѣ, въ двухъ шагахъ отъ богатаго, блещущаго роскошью Бродуэйя, долгіе годы процвѣталъ знаменитый „Paradise Park“ или „Райскій Паркъ“—гнѣздилище нищенства, порока и несчастья. Ничто, даже въ трущобахъ Уайтчепеля и Двора Чудесъ Парижа, не могло идти въ сравненіе съ царившей тутъ мрачной дикостью преступленій, нищеты и разврата Диккенсъ, наблюдавшій самыя ужасныя сцены въ жизни подонковъ великобританской столицы, отзывался съ ужасомъ о нравахъ нью-іоркскаго „Paradise Park'а...“

Ограниченный пятью узкими, кривыми улицами, кварталъ этотъ состоялъ изъ множества высокихъ и узкихъ зданій, биткомъ набитыхъ десятками тысячъ одичавшихъ существъ обоего пола, давно уже отвыкшихъ отъ того, что называется заработаннымъ хлѣбомъ. Грабежи, убійства, всякаго рода членовредительства, обезображеніе нищими украденныхъ дѣтей, гнусный торгъ подростками обоего пола и животными, чередовались съ отвратительнѣйшими ночными оргіями, въ которыхъ человѣкъ опускался ниже животнаго. Торговцы всей этой грязью были даже среди малолѣтковъ; съ другой стороны, десяти - двѣнадцатилѣтнія дѣти попадались и среди потребителей. Ночи не проходило тутъ безъ того, чтобы изъ глубины узкихъ, извилистыхъ подземныхъ корридоровъ, какими таинственно сообщались вертепы, не раздавался раздирающій, быть можетъ, предсмертный стонъ, леденившій кровь случайнаго прохожаго. Здѣсь грабили даже днемъ, грабили на улицахъ, среди толпы, охотно укрывав-

шей преступника и остававшейся совершенно безучастной къ его жертвѣ, какъ и къ тѣмъ изъ райскихъ обитателей, которыхъ злой недугъ выбрасывалъ изъ рядовъ арміи отчаянія и обрекалъ умирать по угламъ грязныхъ, вонючихъ подваловъ, на голомъ полу, посылая проклятія себѣ, міру, минутѣ своего рожденія... Въ иной годъ число безъ вѣсти пропавшихъ и, вѣроятно, погибшихъ во мракѣ подваловъ „Райскаго Парка“ возбуждало волненіе даже среди старыхъ, видавшихъ всякіе виды полицейскихъ. „Но,—говоритъ Блокуэль *),—полиція оставалась одинаково безсильной, какъ въ защитѣ жертвъ, такъ и въ передачѣ виновныхъ въ руки правосудія...“

Наконецъ, дошло до того, что жители ближайшихъ къ „Райскому Парку“ улицъ стали выселяться, а Паркъ, между тѣмъ, разростался и поглощалъ все новыя жертвы: зловредная язва обнаруживала наклонность къ распространенію, угрожая омертвить не одно поколѣніе.

Тутъ-то и пришла на помощь энергія и практическая сметка привыкшаго къ самодѣятельности народа. Собранный по иниціативѣ нѣсколькихъ методистовъ монстръ-митингъ постановилъ: „такъ какъ всякое общество обязано бороться съ бѣдностью, условіями, ее порождающими, и слѣдствіями, изъ нея вытекающими, то—собрать необходимый капиталъ и выкупить главнѣйшіе вертепы“.

Къ резолюціи митинга не замедлило присоединиться и женское Миссіонерское Общество **)—Ladies Missionary Society, рѣшившее тотчасъ же и безотлагательно вступить въ борьбу съ врагомъ въ самомъ его логовищѣ. Не одинъ годъ, однако, прошелъ въ безплодныхъ попыткахъ и усиліяхъ повліять на самое населеніе „Paradise Park'а“: свыкшійся съ отчаяніемъ, какъ съ естественнымъ своимъ состояніемъ, подчасъ озвѣрѣвшій, меньшой братъ гналъ отъ себя миссіонерокъ-благотворительницъ, неустанно изо дня въ день проникавшихъ въ тотъ или иной притонъ съ живою помощью и словомъ участія; въ лучшемъ случаѣ ихъ беззастѣнчиво надували, были случаи—и не единичные—насилія и ограбленія.

Но препятствія не охладили героическихъ женщинъ, не смутили и общества, терпѣливо, съ завидною выдержкой выжидавшаго конечныхъ результатовъ, въ убѣжденіи, что энергія и трудъ побѣдятъ все. Шагъ за шагомъ шли труженицы къ намѣченной цѣли, пробуждая самосознаніе несчастныхъ, взывая къ отзывчивости счастливыхъ, и, наконецъ, передовая позиція врага была взята: была собрана значительная сумма и выкуплена „The Old Brewery“ („Старая Пивоварня“)—отвратительнѣйшій изъ притоновъ, самыя стѣны котораго, казалось, были

*) „Putorial New-Iork“. Стр. 46.
**) Существуетъ уже свыше 100 лѣтъ.

пропитаны міазмами преступленій, на мѣстѣ же этомъ воздвигнуто многоэтажное зданіе „Миссія Пяти Угловъ", со всѣми его учрежденіями существующее и теперь *).

Не мало содѣйствія въ этой борьбѣ проявило и „Общество попеченія о дѣтяхъ", лѣтъ сорокъ тому назадъ открывшее въ той же части города процвѣтающее и понынѣ „Убѣжище для малолѣтнихъ газетчиковъ", или News-boys' Lodging Hous **), гдѣ за шесть центовъ (около 11 к.) желающему выдается сытный, здоровый обѣдъ и за такую же плату—постель съ образцово-чистымъ и свѣжимъ бѣльемъ, а неимущимъ — то и другое безплатно. Тутъ нелишне будетъ отмѣтить, что самая плата установлена, главнымъ образомъ, изъ этическихъ и воспитательныхъ соображеній, въ предположеніи, что здоровый, крѣпкій мальчикъ, во-первыхъ, всегда промыслитъ себѣ нѣсколько центовъ въ день продажею газетъ или переноскою пакетовъ съ покупками, а во-вторыхъ, что изъ побужденій здоровой гордости онъ скорѣе предпочтетъ заплатить за пріютъ изъ своего заработка, чѣмъ пользоваться имъ даромъ ***)...

Такимъ образомъ, подъ напоромъ общихъ дружныхъ усилій, мало по малу и пробита была брешь въ глухой стѣнѣ, отдѣлявшей обездоленныхъ отъ Божьяго міра; число кліентовъ, по собственной иниціативѣ обращавшихся въ Миссію за помощью, стало возрастать. Однако же, самый очагъ заразы все еще продолжалъ существовать. Нужно было пустить въ ходъ радикальное средство—выкупить густо заселенный кварталъ сразу и цѣликомъ.

И вотъ, десятки митинговъ, сотни рѣчей, сотни газетныхъ статей и замѣтокъ принялись отчеканивать простую, но плодотворную мысль: нравственное оздоровленіе зараженной мѣстности лежитъ на обязанности городского общества, въ его цѣломъ. И городъ отозвался: къ деньгамъ, собраннымъ по подпискѣ, муниципалитетъ внесъ недостающую, довольно значительную сумму, и, кажется, за милліонъ двѣсти тысячъ долларовъ (около

---

*) Тутъ подается безплатная медицинская помощь съ раздачей лѣкарствъ (постоянное дежурство врачей, фельдшеровъ, акушерокъ и сидѣлокъ); тутъ бюро для пріисканія занятій, бюро всевозможныхъ справокъ и юридической помощи; пріютъ, съ выдачей одежды и пищи неимущимъ; рядъ просторныхъ чистыхъ комнатъ для обѣднѣвшихъ, вслѣдствіе какого-либо несчастія, семействъ; школа грамотности, ремесленная, поварская, пѣвческая, клубъ обществъ воздержанія и трезвости, сберегательная касса, залъ для религіозно-нравственныхъ собесѣдованій и увеселительныхъ собраній, библіотека, читальня.

**) При „Убѣжищѣ", въ свою очередь, имѣются: профессіональная школа, дневные и вечерніе ремесленные классы, гимнастическій залъ, читальня и библіотека. Многіе изъ призрѣваемыхъ, по достиженіи ими болѣе зрѣлаго возраста, попеченіемъ открытаго при пріютѣ бюро пристраиваются къ болѣе сложнымъ и выгоднымъ занятіямъ.

***) И предположеніе это блестяще оправдывается: за время существованія пріютъ потребовалъ на свое содержаніе около полумилліона долларовъ, изъ коихъ почти цѣлая треть образовалась изъ платы, внесенной кліентами.

2.235,000 рублей) „Paradise Park“ былъ выкупленъ и срытъ до основанія, а на его мѣстѣ проектированъ публичный паркъ.

На этомъ дѣло не остановилось: дешевизна ли рабочихъ рукъ, цѣлою массой брошенныхъ на трудовой рынокъ, дальнѣйшія ли усилія филантропической агитаціи,—только вокругъ бывшаго „Райскаго Парка“ въ скоромъ времени выросъ цѣлый рядъ фабрикъ, дающихъ, быть можетъ, скудный, но вѣрный, а главное—трудовой кусокъ хлѣба тысячамъ тѣхъ, кого ждала тутъ нищенская жизнь и преждевременная смерть въ порокѣ, въ нравственной тьмѣ.

Конечно, и по настоящее время Нью-Іоркъ не сталъ градомъ праведниковъ и даетъ, какъ и всякій другой міровой городъ, обильный матеріалъ статистикѣ преступленій *), но если и теперь еще гдѣ-нибудь на извилинѣ Молбери-Бендъ или пасмурной Моттъ-стритъ и небезопасно въ туманный осенній вечеръ проходить одинокому чужестранцу, за то все же спасена одна твердыня порока и нищеты. Теперь матери прилегающихъ къ „Пяти-Угламъ“ кварталовъ могутъ выпускать на улицу своихъ дѣтей безъ страха, что гдѣ-нибудь за угломъ ихъ уже поджидаетъ десяти-двѣнадцатилѣтній агентъ „Колодца наслажденій“ или „Адамова яблока“, прельщая ужаснымъ соблазномъ.

Уже изъ сказаннаго видно, что ходячее обвиненіе въ черствости, въ безучастіи американцевъ къ нуждающимся, а въ особенности къ надломленнымъ жизнью—несправедливо. Интересно, откуда идетъ, на чемъ основывается подобное обвиненіе?..

На томъ, что психика американца, вообще, довольно рѣзко расходится съ психикой европейца. Всякаго вновь прибывшаго въ Америку рѣзко шокируетъ кажущееся отсутствіе въ американцѣ сердечности, сострадательности, въ насъ, европейцахъ, почти всегда окрашенной оттѣнкомъ пріятной для насъ сентиментальности. На дѣлѣ же, американецъ и въ себѣ, и въ своемъ ближнемъ прежде всего цѣнитъ гордость и личное достоинство. Американецъ не понимаетъ, какимъ образомъ нуждающійся ближній можетъ стать оселкомъ для самоусовершенствованія другого, и въ милостынѣ, если приходится подать ее, онъ прежде всего видитъ ужасное униженіе для принимающаго. Отсюда—на человѣка, способнаго испрашивать подаяніе, онъ склоненъ смотрѣть, какъ на существо, потерявшее стыдъ, опустившееся ниже бродяги, который, вообще говоря, скорѣе что-нибудь украдетъ, чѣмъ протянетъ руку за подаяніемъ.

*) Рѣдкая недѣля тутъ проходитъ безъ того, чтобы кого-нибудь не убили или хоть не поранили... За пять лѣтъ 1895—1901 гг. въ С. Шт. насчитывается 46,478 убійствъ, что составляетъ около 9% всего числа преступленій. Самоубійствъ за 12 лѣтъ (1889—1901) въ Нью-Іоркѣ было 3,769 или 20,9 на 100,000 ч. населенія.

Это, повторяю, отнюдь не значитъ, что американецъ пройдетъ безучастно мимо голоднаго; но накормитъ онъ его совсѣмъ не изъ тѣхъ традиціонно-унизительныхъ для человѣческаго достоинства или фарисейскихъ побужденій, какъ это большею частью дѣлается у насъ. Приходитъ, напр., въ обѣденную пору на ферму безработный просить работы. Можно быть увѣреннымъ, что хотя бы здѣсь и не нуждались въ лишнемъ работникѣ, его тутъ накормятъ,—быть можетъ, даже за однимъ столомъ съ хозяиномъ. Послѣдній разсуждаетъ такъ: человѣкъ ищетъ труда — это его право. Онъ ищетъ его даже въ обѣденную пору, стало быть,— очень нуждается, вѣроятно, голоденъ, — надо накормить... Но пусть тотъ же прохожій попроситъ милостыню: онъ возбудитъ къ себѣ если не подозрѣніе, что это воръ, вышедшій на развѣдки, то пренебреженіе, даже гадливость, и ужъ во всякомъ случаѣ хозяинъ сочтетъ позоромъ посадить такого человѣка рядомъ съ собою.

При этихъ условіяхъ, естественно, въ странѣ должно рости число благотворительныхъ заведеній для лицъ неспособныхъ къ труду и, наряду съ этимъ, — сокращаться до возможнаго минимума число нищихъ, что и видимъ въ Америкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, на первое іюня 1890 г. въ богоугодныхъ заведеніяхъ призрѣвалось:

слабоумныхъ. . .	95,609	(изъ нихъ бѣлыхъ 84,997)
глухонѣмыхъ . .	40,592	(„ „ „ 37,747)
слѣпыхъ	50,568	(„ „ „ 43,351)

Что даетъ громадное число 166,095 чел., неспособныхъ самостоятельно обезпечить себѣ существованіе трудомъ.

Въ то же самое время, въ качествѣ нищихъ, на улицахъ большихъ городовъ можно встрѣтить лишь дѣйствительно увѣчныхъ,— обыкновенно у людныхъ перекрестковъ. Да и эти немногіе—собственно, не нищіе, а какъ бы продавцы, предлагающіе прохожимъ дешевые карандаши, спички и т. п. грошовый товаръ, и одна лишь надпись бѣлыми буквами на черной висящей на груди доскѣ показываетъ публикѣ, что предъ нею — несчастный, обиженный судьбой. И вѣчно торопящіеся куда-то американскіе прохожіе даютъ ему на ходу свои центы, изрѣдка берутъ изъ его рукъ купленные ими предметы, а иной разъ даютъ и серебряныя монетки и уходятъ, не дожидаясь сдачи.

Вслѣдствіе изложеннаго взгляда на благотворительность, дѣятельность самихъ благотворительныхъ обществъ — они насчитываются тутъ десятками — носитъ здѣсь, преимущественно, общественно-утилитарный характеръ: слѣдуетъ улучшать самую жизнь, а не бросать лишь крохи бѣднымъ. Таковъ не высказанный, но рѣзко сквозящій во всемъ мѣстномъ благотворительномъ обиходѣ девизъ американскаго милосердія.

П. Владыченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

этимъ примириться. Вообще, онъ обращался очень почтительно съ тещей, но въ послѣднее время большею частью уходилъ изъ дому или запирался въ мастерской, когда появлялась госпожа Лангенъ. Конечно, она это вскорѣ замѣтила и не преминула указать дочери...

И ко всему этому постоянныя денежныя затрудненія, необходимость сводить концы съ концами, разсчитывать каждый грошъ!

Во время своей холостой жизни Бреденгоферъ привыкъ таки сорить деньгами и не очень печалился, если карманъ, случалось, пустовалъ. Онъ всегда могъ перехватить то тамъ, то здѣсь и отъ дяди Германа никогда не слыхалъ отказа. Теперь онъ не получалъ помощи ни откуда, а нуждался въ ней больше, чѣмъ когда-либо. Право, простолюдинамъ жить легче, имъ не надо заботиться о внѣшнихъ условіяхъ, а вотъ когда принадлежишь къ извѣстному классу общества, то волей-неволей приходится соблюдать декорумъ. Чтобы поддерживать къ себѣ уваженіе, необходимо имѣть хоть внѣшнее, показное благосостояніе; и горе тому, кого не хватаетъ на это,—не долго онъ продержится среди своихъ!

Молодой человѣкъ съ глубокимъ вздохомъ провелъ рукой по лбу. Онъ былъ блѣденъ и худъ, въ глазахъ чувствовалось утомленіе, лобъ и виски были влажны... Лѣниво и неохотно взялся онъ снова за кисть. Въ этотъ вѣтряный, жаркій день онъ чувствовалъ себя особенно плохо: какая-то свинцовая тяжесть во всѣхъ членахъ, непонятная усталость, отъ которой едва волочатся ноги. Ему надо было сходить въ городъ, но онъ все оттягивалъ эту необходимость, при мысли, что надо будетъ взбираться на четвертый этажъ. Уже давно у него совсѣмъ не было аппетита, и онъ ѣлъ только потому, что большіе глаза Лены умоляюще смотрѣли на его нетронутую тарелку. Эти взгляды были настоящимъ мученіемъ, и онъ чувствовалъ, какъ въ немъ закипало необъяснимое раздраженіе противъ жены. А вѣдь онъ любилъ ее! О, да, конечно! Когда ея не было дома, онъ всегда тревожился—гдѣ она, что съ ней? Но если она сидѣла рядомъ, ему хотѣлось поддразнивать ее, затрогивать непріятные для нея вопросы. Они вспыхивали оба, горячились, а потомъ... потомъ... какъ сладко бывало примиреніе! Скучно и однообразно быть всегда въ ладу: художнику необходимо возбужденіе, волненіе!..

— Ахъ! — Бреденгоферъ тяжело перевелъ дыханіе и закрылъ лицо руками; имъ овладѣла непобѣдимая сонливость. Онъ сидѣлъ и безсознательно прислушивался къ стуку въ дверь. Онъ не могъ бы сказать, надъ чѣмъ онъ такъ заду-

мался: обрывки мыслей, неопредѣленные и тяжелые, смутно шевелились въ мозгу.

Опять постучались.

— Войдите!

На порогѣ показалось привѣтливое лицо доктора Рейтера.

— Здравствуйте, мой юный другъ! А я уже думалъ, что и васъ нѣтъ дома. Я стучалъ разъ пять или шесть!

— Простите, пожалуйста!

Бреденгоферъ вскочилъ въ смущеніи. Неужели же онъ, дѣйствительно, заснулъ?

— Такъ заработались?

Рейтеръ подошелъ къ мольберту и сталъ разсматривать картину.

— Недурно, очень недурно! Гдѣ вы нашли такой интересный колоритъ?

Гордость автора заговорила въ Бреденгоферѣ: въ словахъ Рейтера ему послышалось искреннее восхищеніе. Его усталое лицо оживилось.

— Это скалы въ Герольштейнѣ при закатѣ солнца,—началъ онъ объяснять.—Вы знаете, прошлой осенью я ѣздилъ туда спеціально на этюды; это мѣсто еще не заѣзжено туристами, а я люблю уединеніе. Теперь я все раздумываю, какъ назвать эту картину: въ этихъ яркихъ, каменныхъ глыбахъ, на мрачномъ сѣромъ фонѣ, есть что-то символическое.

Докторъ Рейтеръ насторожился.

— Это прекрасная идея, изъ нея можетъ нѣчто выйти. Вы скоро кончите картину?

— Скоро ли я ее кончу? О, нѣтъ!

Бреденгоферъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, наклонилъ голову, прищурилъ глаза и внимательно разсматривалъ пейзажъ.

— Если бы мнѣ только найти краски, краски!—Въ увлеченіи онъ подошелъ къ самой картинѣ и чуть не трогалъ ее пальцемъ. — Видите ли этотъ красный цвѣтъ? Онъ долженъ быть совсѣмъ иного тона, онъ долженъ горѣть! А тутъ въ разсѣлину скалы попалъ солнечный лучъ и борется съ тьмой ущелья. Здѣсь, видите, здѣсь играютъ блики отраженнаго свѣта... а съ этой стороны,—вы слушаете? Обратите вниманіе, тутъ уже совсѣмъ темно, сѣрый камень глядитъ мертвецомъ, а на небѣ еще догораютъ яркіе, фантастическіе огни...

— Прекрасная картина! — подтвердилъ Рейтеръ. — Когда она будетъ закончена, она должна произвести удивительное впечатлѣніе!

— О, да! — Бреденгоферъ глядѣлъ на свое дѣтище вдохновенными глазами, его щеки разгорѣлись, онъ улыбался.

— Я еще хочу добавить птицу, которая одиноко и таинственно вылетаетъ изъ глубины ущелья и несется къ небу, какъ душа, жаждущая свѣта. Лучъ солнца горитъ на краяхъ ея широко распростертыхъ крыльевъ... Подумайте только, какъ это величественно!—Онъ протянулъ руку къ полотну.— И она теряется тамъ, высоко, высоко, въ небесахъ! Да, долженъ это написать!

— Великолѣпно, великолѣпно! — Докторъ Рейтеръ былъ внѣ себя отъ восторга. — Вы поэтъ!—Онъ обнялъ юношу.— Знаете что, мой дорогой другъ! Вы должны выставить эту картину, безъ сомнѣній, безъ колебаній, непремѣнно! Она вамъ доставитъ извѣстность, славу!

— Какъ вы говорите? Выставить? — сказалъ Бреденгоферъ. — Пожалуй... Только вѣдь это очень трудно: принимаютъ лишь людей съ именемъ, а я не хочу пробовать напрасно и получить отказъ, — добавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

— Еще этого не хватало!—Рейтеръ положительно сіялъ отъ избытка чувствъ.—А я-то на что со всѣми моими связями? Отлично! Всю жизнь разыгрывать мецената и не помочь при случаѣ начинающему таланту! Но я вамъ говорю, я знаю толкъ! Говорю, что картина хороша, очень хороша! — Онъ еще разъ подошелъ къ мольберту, потомъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и прищурился.—Мало сказать хороша, превосходна, чудесна! Это освѣщеніе! А настроенія сколько! Ее примутъ на каждую выставку, и покупатели найдутся, вѣрьте мнѣ, и еще спорить будутъ, кому достанется! — Онъ положилъ руку на плечо совершенно осчастливленнаго юноши и закончилъ значительно и съ удареніемъ: — Вы еще припомните когда-нибудь мои слова! Знайте, эта картина—первая ступень къ вашей славѣ! Такъ-то, мой милый, юный другъ!

Краска залила слегка заострившіяся черты лица Бреденгофера, и онъ сталъ глядѣть здоровѣе и моложе. Онъ невольно выпрямился и бросился на грудь къ старику.

— Благодарю васъ, благодарю,—повторялъ онъ съ почти дѣтскимъ увлеченіемъ.—Она мнѣ удастся, должна удасться, я вѣрю въ это! — Его глаза блестѣли, а въ голосѣ звенѣли какіе-то новые звуки. — Да, да! Я знаю навѣрное, что закончу ее, и тогда... прощай нужда и грошевые разсчеты! Лена ни въ чемъ не должна терпѣть недостатка. И я самъ поправлюсь... — онъ почти робко взглянулъ на свои желтыя, какъ воскъ, прозрачныя руки,—я опять буду такимъ, какъ прежде. Знаете,—онъ довѣрчиво взялъ Рейтера подъ

руку и сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ по мастерской, — съ непривычки страшно трудно экономить! Никакъ этому не научишься!

Старикъ, съ юношески свѣжимъ лицомъ, озабоченно посмотрѣлъ на молодого человѣка со странными, нельзя сказать старческими, но усталыми складками у рта и глазъ.

— Скажите, Бреденгоферъ, что съ вами? — сказалъ онъ участливо. — У васъ очаровательная, молодая жена, вы оба талантливы, вы идеальная парочка, собственно говоря, и, однако, что-то васъ угнетаетъ?

— Я и самъ не знаю!

Бреденгоферъ подошелъ къ зеркальцу, висѣвшему на стѣнѣ противъ его мольберта.

— Видите-ли, у меня всюду морщинки, какъ у старика. Да что говорить! — Онъ быстро отвернулся отъ зеркала и, показывая на щеки, добавилъ: — Онѣ снова станутъ розовыми и свѣжими. Дорогой докторъ, вы сдѣлали доброе дѣло, вы снова вдохнули въ меня бодрость. Я точно ожилъ!.. Ла-ла! Ла-ла-ла!

Тихонько напѣвая, онъ снова остановился передъ картиной.

— Это путешествіе въ Герольштейнъ принесло мнѣ счастье.—Онъ разсмѣялся.— Куда это Лена запропастилась? Вотъ-то она удивится! Но я ей сразу не скажу!

— Пожалуйста, передайте мой сердечный привѣтъ вашей женѣ! — Рейтеръ приложилъ руку къ сердцу и съ восторгомъ поднялъ глаза кверху:—Что за прелестная женщина! Просто, маленькая волшебница! Ну, до свиданья, юный художникъ! Только заканчивайте картину, остальное касается меня.

Они пожали другъ другу руки. Рейтеръ на прощанье добавилъ съ улыбкой:

— Страшно занятъ сегодня, долженъ спѣшить. Надо забѣжать еще въ двѣ-три мастерскія, — обѣщалъ побывать. Потомъ долженъ заѣхать къ Перичіони,—знаете, восходящая оперная звѣзда, — я далъ слово показать ей Берлинъ, и мы поѣдемъ кататься. Вотъ обворожительная женщина, я вамъ доложу!—Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ.—Глаза—темные, какъ бархатъ, и бездонные, какъ ночь; довольно поглядѣть на нихъ, чтобы потерять разсудокъ! Цвѣтъ лица — матовый! А ротикъ! О, этотъ ротикъ!

Рейтеръ не стоялъ на мѣстѣ отъ восхищенія.

— Должно быть, это очень красиво,—сказалъ безучастно Бреденгоферъ.

Онъ слушалъ разсѣянно, всѣ его мысли были заняты картиной. Онъ смотрѣлъ на мольбертъ съ страстной тоской:

ему не терпѣлось сейчасъ же приняться за работу. Теперь онъ, навѣрное, сразу подыщетъ краски.

— Знаете что, дружище!—Рейтеръ схватилъ его за верхнюю пуговицу пиджака.—Вы должны познакомиться съ Перичіони. Это для васъ находка! Истинно артистическая натура! Я васъ на-дняхъ приглашу съ ней вмѣстѣ. Хотите?

— Да, да... — молодой человѣкъ, поглощенный своими мыслями, рѣшительно ничего не слышалъ.

— Итакъ, еще разъ до свиданья! Поклонъ вашей женѣ! До свиданья, прощайте! Всего лучшаго!

Онъ ушелъ, и Бреденгоферъ остался одинъ въ своей мастерской. Сильный порывъ вѣтра ворвался въ окно и вновь разбросалъ по всей комнатѣ исписанные листки бумаги, лежавшіе на столѣ. Бреденгоферъ собралъ ихъ и положилъ на прежнее мѣсто. Скоро, наконецъ, ему можно будетъ не марать рукъ объ чернила, не строчить статеекъ въ мелкія газетки и не дрожать вѣчно отъ страха, что ихъ не примутъ. Быстрымъ движеніемъ онъ повернулся къ своей картинѣ и остановился, точно въ первый разъ глядя на нее любовнымъ взглядомъ.

Итакъ, это первая ступень къ славѣ!

Давно забытое ощущеніе счастья и радости овладѣло имъ. И въ то же время лихорадочная жажда дѣятельности, нетерпѣливое желаніе показать свѣту оконченное произведеніе. Онъ началъ писать и писалъ, не останавливаясь, ни разу не колеблясь въ выборѣ краски, не допуская ни критики, ни сомнѣнія. Пульсъ его учащенно бился, а на похудѣвшихъ щекахъ выступилъ яркій румянецъ. Губы его улыбались: мысленно онъ уже видѣлъ свою картину на выставкѣ, читалъ о ней отзывы въ газетахъ, публика спѣшила увидѣть новое произведеніе дотолѣ неизвѣстнаго автора. У картины стояла толпа, слышались возгласы удивленія и восторга, вопросы о цѣнѣ... Бреденгоферъ остановился въ смущеніи: сколько, въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ ему запросить? Надо посовѣтоваться съ Рейтеромъ. Впрочемъ, денежный вопросъ отступалъ на второй и даже третій планъ: главное—заявить о себѣ, проявить талантъ. Счастливое выраженіе застыло на его лицѣ. Онъ продолжалъ работать, слегка посвистывая. Потъ мелкими каплями струился по его блѣднымъ, впалымъ вискамъ, но онъ не замѣчалъ ничего.

Дверь осторожно пріотворилась и въ ней показалось разгоряченное личико Лены, выглядывавшее изъ подъ широкополой соломенной шляпы. Она лукаво усмѣхалась, ей не терпѣлось скорѣе сообщить мужу важную новость, и она закрывала ротъ букетомъ, точно желая заставить себя молчать насильно. Онъ работалъ, не оборачиваясь, хотя освѣ-

щеніе измѣнилось: туча заволокла небо, и зловѣщіе мутно-желтые тона, предвѣщавшіе бурю, давали невѣрные оттѣнки краскамъ.

— Ричардъ!

Онъ не слышалъ. Лена еле сдерживала веселый смѣхъ. Она размахнулась и бросила въ него букетомъ. Цвѣты попали въ мольбертъ, по счастью, не задѣвъ картины, и упали на полъ.

Бреденгоферъ громко вскрикнулъ и вскочилъ съ мѣста. Видно было, что онъ перепугался и разсердился.

— О, Ричардъ, прости!

Лена бросилась къ нему и обвила его шею обѣими руками.

— Я не думала тебя испугать! Я хотѣла тебя только заставить очнуться. Ты такъ задумался! Ну, не сердись! Ты послушай!—Она цѣловала его мягкими теплыми губами.—Какая у меня новость... отгадай!

— Что такое?—онъ ласково поглядѣлъ на нее, погладилъ по головѣ, потомъ опять повернулся къ картинѣ. Розы, незамѣченныя, лежали на полу.

Лена наклонилась и подняла цвѣты.

— Бѣдняжки!—сказала она тихо.

Прошло нѣсколько минутъ. Онъ продолжалъ работать, не отрываясь. Молодая женщина не вытерпѣла, ей надо было подѣлиться своей радостью.

— Послушай,—начала она,—я была сегодня у Дэмеля, знаменитаго профессора, моего бывшаго учителя, и просила его достать мнѣ ангажементъ или уроки. Онъ предложилъ мнѣ аккомпанировать у него на дому его ученицамъ три раза въ недѣлю... И только подумай, Ричардъ, я буду получать за это семьдесятъ марокъ въ мѣсяцъ! Семьдесятъ марокъ! Вѣдь это чудесно! Столько денегъ! Какъ я счастлива!—Она хлопала въ ладоши и, какъ ребенокъ, вертѣлась на каблукахъ. Вдругъ она остановилась и притихла.—Что у тебя за лицо сегодня, Ричардъ? Ты недоволенъ, что я пошла къ нему тайкомъ отъ тебя? Но вѣдь вышло все къ лучшему?!—Въ смущеніи она искоса поглядывала на него.

Онъ былъ багрово красенъ, и между бровей появилась складка, не предвѣщавшая ничего добраго.

— Какъ ты могла это сдѣлать!—онъ гнѣвно топнулъ ногой.—Что ты воображаешь себѣ?.. Какъ могла ты это выдумать?! И изъ за семидесяти марокъ въ мѣсяцъ... Вѣдь это нищенское вознагражденіе! Да если бы онъ предложилъ тебѣ сотни, я бы и то не далъ своего согласія! Сидѣть часами, согнувшись надъ роялемъ, при твоемъ слабомъ здоровьи, барабанить, какъ машина, унизить до этого твое искусство

и отнимать тебя у меня на цѣлыхъ полдня... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Какой ты ребенокъ!—Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и весело и звонко разсмѣялся: — Выбей эту глупость изъ головы! И самой тебѣ это не доставитъ удовольствія, повѣрь мнѣ.

Она все ниже и ниже опускала голову. Конечно, ей всегда казалась очень незавидной доля аккомпаніатора, но теперь она ухватилась за эту мысль. Ей съ каждой минутой казалась заманчивѣе мечта самой зарабатывать деньги, жертвовать собой до нѣкоторой степени, и вдругъ ея мужъ ни съ того съ сего заявляетъ: выкинь это изъ головы!

Она поблѣднѣла:

— Но намъ нужны деньги...—прошептала она,—и я также хочу...

— Дурочка!—Онъ обнялъ ее за плечи и подвелъ къ картинѣ.—Ты взгляни на это! Только что былъ Рейтеръ и сказалъ, что эта картина составитъ мнѣ извѣстность. Такъ посуди сама, могу ли я дозволить своей женѣ пропадать полдня изъ за какихъ-то семидесяти марокъ. Да если бы мнѣ и не повезло настолько, я всетаки никогда этого не допущу: я черезчуръ люблю тебя.

— Но мнѣ бы такъ хотѣлось...

Онъ перебилъ ее.

— Радуйся со мной вмѣстѣ, Лена!—И онъ обѣими руками поднялъ ее на воздухъ.—Скоро всѣмъ нашимъ заботамъ конецъ! Мы сможемъ обходиться безъ помощи твоего брата, которая меня порядочно-таки тяготитъ. Мать тоже перестанетъ вѣчно плакаться... Хорошо мы заживемъ съ тобой!

Лена разсѣянно смотрѣла на картину. Мужъ не сказалъ ей ни одного теплаго слова, онъ не понялъ, какъ трудно было ей рѣшиться пойти къ профессору, чего ей стоило согласиться на роль аккомпаніатора: онъ былъ занятъ только своей картиной.

Она высвободилась изъ его объятій и подошла къ окну.

— Тебѣ не нравится моя картина? Ты не говоришь ни слова?—сказалъ Бреденгоферъ, не отходя отъ мольберта,— это очень странно съ твоей стороны,—добавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

Лена обернулась. Выраженіе его лица непріятно поразило ее, и она отвела глаза.

Она ощущала что-то странное, какую-то непонятную тоску, отчужденность отъ мужа и неудовлетворенность.

Что съ ней? Неужели она не счастлива. О, нѣтъ, какая странная мысль!..

Но непрошенныя слезы одна за другой катились по ея щекамъ.

На дворѣ между тѣмъ темнѣло. Черная туча надвигалась все ближе. Наконецъ, хлынулъ дождь.

— Какая досада! — воскликнулъ Бреденгоферъ, бросая кисть.

XI.

Магдалина Бреденгоферъ стояла передъ зеркаломъ, примѣряя большую черную шляпу съ перьями. Широкія поля выгодно оттѣняли ея тонкое, блѣдное личико. Вчера они увидѣли съ мужемъ эту шляпу въ окнѣ магазина, она была довольно дорога, но Ричардъ настоялъ на томъ, чтобы ее купить.

— Она тебѣ къ лицу!—сказалъ онъ женѣ.—И при томъ въ ней что-то художественное. Да и перья тебѣ всегда пригодятся! Теперь, когда моя картина на выставкѣ, намъ нѣтъ необходимости такъ стѣсняться. Мнѣ хочется, чтобы завтра ты была интересна!—Онъ вошелъ въ лавку, а она не оказала ни малѣйшаго сопротивленія.

Шляпа, дѣйствительно, шла къ ней необыкновенно и очень скрашивала и дополняла ея туалетъ: на ней было скромное бѣлое шерстяное платье, оставшееся еще со временъ дѣвичества. Зеркало отражало тоненькую фигурку съ блѣдными щеками и блестящими глазами, окруженными темною тѣнью.

Послѣднее время ей пришлось пролить не мало слезъ: разрывъ съ братомъ послѣ рѣзкаго письма къ нему Ричарда, постоянное неудовольствіе матери... Она всячески скрывала свое огорченіе отъ мужа, чтобы не разстраивать его понапрасну.

И сегодня она охотно осталась бы дома вмѣсто того, чтобы идти на устроенное докторомъ Рейтеромъ свиданье съ модной пѣвицей.

Дверь въ спальную отворилась, и вошелъ Бреденгоферъ уже въ шляпѣ, съ тросточкой подъ мышкой и перчатками въ рукахъ.

— Готова ты?—спросилъ онъ весело, — какъ тебѣ идетъ шляпа! Ну что, двигаемся?

— Я бы предпочла не идти вовсе,—сказала Лена.—Оставь меня... Мнѣ не по себѣ... Я нездорова...—Она вдругъ разрыдалась.

— Что съ тобой?—онъ окинулъ ее озабоченнымъ взглядомъ и привлекъ къ себѣ.—Послѣднее время ты такая нервная, раздражительная... Ради Бога, не распускайся, это можетъ плохо кончиться.

— О нѣтъ, не бойся,—сказала она холодно и отодвину-

лась отъ него.—Онъ не понимаетъ меня,—подумала она,—ему и дѣла нѣтъ до того, что я тоскую о братѣ.—Я могу пойти, если ты этого хочешь, — сказала она беззвучно,—мнѣ все равно.

Они вышли подъ руку на улицу, оба стройные, красивые, изящные.

Докторъ Рейтеръ уже давно мечталъ свести своихъ юныхъ друзей съ синьорой Перричіони. Теперь было условлено сойтись въ скверѣ около зданія выставки.

— Вотъ увидишь, Лена, мы превесело проведемъ время!— Повидимому, онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи: глаза его блестѣли и смотрѣли смѣло и весело.

Они взяли парнаго извозчика и быстро покатили по улицѣ, залитые заходящими лучами сентябрьскаго солнца.

— Какая ты хорошенькая сегодня, и какъ я тебя люблю,— сказалъ весело Бреденгоферъ.—Какъ только продамъ картину, мы будемъ кататься съ тобой ежедневно!

Она кивнула головой. Его веселое настроеніе мало-помалу сообщилось и ей.

Рейтеръ встрѣтилъ ихъ у воротъ. Онъ подалъ руку Ленѣ и повелъ ее сквозь густую толпу къ столику, за которымъ уже сидѣла пѣвица съ темнымъ брюнетомъ-итальянцемъ, ея аккомпаніаторомъ.

— Позвольте представить: господинъ и госпожа Бреденгоферъ. Онъ — чудный художникъ, она — маленькій соловушко. Синьора Перричіони—наша божественная, несравненная дива. Синьоръ Лавалло.

Быстро завязался оживленный разговоръ. Лена, вначалѣ разочаровавшаяся въ пѣвицѣ, должна была признаться, что въ этой полной и немолодой женщинѣ неистощимый запасъ жизни, энергіи и веселья. Бреденгоферъ занялся ею исключительно, а къ Ленѣ подсѣлъ синьоръ Лавалло.

— Вы тоже пѣвица?—съ нѣжными пѣвучими нотами въ голосѣ, спрашивалъ онъ молодую женщину, низко къ ней наклоняясь.—Вы должно быть прекрасно поете?

— О, я право не знаю...—смущенно возражала Лена,—не знаю...

— Я вижу сразу, что въ васъ есть нѣчто артистическое. Въ вашихъ глазахъ чувствуется музыкальная натура. Не возражайте, я человѣкъ опытный. Вы спросите синьору Перричіони, сколько талантовъ я открылъ и вывелъ на дорогу.

Дива и ея импрессаріо обмѣнялись болѣе чѣмъ дружескимъ взглядомъ.

— Докторъ Рейтеръ, — продолжалъ Лавалло, обращаясь къ Ленѣ,—много говорилъ мнѣ о васъ. А онъ и знатокъ, и вѣрный цѣнитель искусства. Я бы очень хотѣлъ васъ послу-

шать. Отсюда я ѣду въ большое турне по Россіи: я намѣренъ дать рядъ концертовъ въ Варшавѣ, Москвѣ, Петербургѣ и во всѣхъ большихъ городахъ. Мнѣ еще не достаетъ исполнительницы народныхъ пѣсенъ. Я бы хотѣлъ юную, тоненькую, изящную пѣвицу, съ нѣжнымъ голоскомъ. Вы вѣдь знаете эти простыя, незатѣйливыя мелодіи, которыя просятся въ душу. Ей не надо даже особенной подготовки, только бы было нѣчто, то самое, что чувствуется въ васъ.—Онъ наклонился и поцѣловалъ ей руку.—О да, у васъ въ избыткѣ это непередаваемое нѣчто.

Она смотрѣла на него почти испуганная, но польщенная.

— А развѣ синьора Перричіони не можетъ такъ пѣть?

— О нѣтъ, она не для этой музыки. Она, какъ бы это сказать, черезчуръ много изучала классиковъ и утратила отчасти непосредственное чутье, необходимое для народной музыки. И при томъ... эти пѣсенки удаются только тѣмъ, у кого такая чистая душа, какъ у васъ...—Онъ смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ нѣжнаго восторга и удивленія въ большихъ влажныхъ глазахъ.

Симпатія Лены къ ея собесѣднику все возрастала.

— А когда можно мнѣ васъ услышать?—спрашивалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Право, не знаю...—Она робко поглядывала на мужа, но тотъ былъ всецѣло поглощенъ синьорой Перричіони.—Заходите къ намъ какъ-нибудь, я вамъ спою.

— О, благодарю васъ, благодарю васъ!—Онъ крѣпко жалъ ей руку. — Скажите, поете вы какія-нибудь изъ пѣсенокъ, отъ которыхъ слезы выступаютъ на глаза?

Ленѣ было пріятно говорить съ человѣкомъ, который, повидимому, такъ любитъ искусство. Она говорила о музыкѣ съ блестящими глазами, ежеминутно спрашивала его:—Знаете вы это? а это?—и если онъ отвѣчалъ отрицательно, она тихонько напѣвала мелодію и говорила ему слова.

Всѣмъ сидящимъ было, повидимому, очень весело: вечеръ былъ прохладный и тихій, электрическіе фонари бросали мягкій свѣтъ на нарядную, пеструю, шумную толпу. Оркестръ весело наигрывалъ вальсы и мазурки.

Когда въ воздухѣ почувствовалась ночная свѣжесть, никому не хотѣлось расходиться, и рѣшено было перейти въ небольшой ресторанъ, знакомый Бреденгоферу еще со временъ его студенчества. Рейтеръ приказалъ подать шампанскаго, и веселье стало болѣе шумнымъ. Лена сіяла отъ счастья: слова Лавалло зажгли въ ней угасшую было надежду на возможность артистической карьеры. Если бы онъ дѣйствительно взялъ ее съ собой въ турне, и она бы вер-

нулась, покрытая славой!.. Тогда прощай нужда, невзгоды, тревоги. Она искоса поглядывала на мужа... Что-то онъ скажетъ? ужъ, конечно, порадуется и будетъ гордиться ею...

Когда они вышли, Ричардъ спросилъ ее:

— О чемъ ты разговаривала съ итальянцемъ?

— Онъ хочетъ придти послушать мое пѣніе.

— Зачѣмъ это еще?

Его равнодушный тонъ покоробилъ ее.

— Онъ хочетъ пригласить меня въ турне по Россіи.

— Ну это еще что за выдумка?—Онъ засмѣялся.—Пустяки! Брось, пожалуйста...—Она ничего не возразила, но, глубоко оскорбленная, молча и сосредоточенно шла впередъ, не глядя на него и избѣгая опираться на его руку.

XII.

Лена взволнованно ходила по комнатѣ. Рояль былъ раскрытъ, ноты разбросаны въ безпорядкѣ. Лавалло только что ушелъ. Лена спѣла ему нѣсколько своихъ любимыхъ вещей и рѣшительно привела его въ восторгъ. Онъ вскочилъ съ мѣста, цѣловалъ ей руки, повторяя:

— Вы для меня настоящая находка! Этотъ въ душу проникающій голосъ, эта грація исполненія! Нѣтъ, рѣшительно сама судьба столкнула меня съ вами!

Лена не помнила себя отъ счастья: она видѣла уже себя на эстрадѣ, а у ногъ своихъ тысячную рукоплещущую толпу. У нея захватывало духъ, и она не могла стоять спокойно на мѣстѣ. А Лавалло, то и дѣло цѣлуя ей руки и близко заглядывая въ лицо, повторялъ:

— Вы должны на концертахъ одѣваться совсѣмъ просто: гладкое бѣлое платье и никакихъ украшеній. Волосы зачесаны почти гладко и заплетены въ двѣ косы... Мы поставимъ на афишѣ, что вы дѣвушка, это будетъ лучше. Вѣдь на видъ никто не дастъ вамъ больше шестнадцати лѣтъ. О, вы будете имѣть колоссальный успѣхъ, ручаюсь: вы умѣете тронуть слушателя.

Уходя, синьоръ Лавалло оставилъ Лену взволнованной и счастливой. Ей не терпѣлось подѣлиться своей радостью съ Ричардомъ, но онъ ушелъ на выставку. Наконецъ, она уловила звукъ его шаговъ на лѣстницѣ и выбѣжала за дверь.

— Что съ тобой, Лена? отчего ты такая горячая, возбужденная?

Она обняла его обѣими руками и, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ, шептала:

— О, Ричардъ, какое счастье! Синьоръ Лавалло приглашаетъ меня съ собой въ Петербургъ.

— Что?! въ Петербургъ? съ Лавалло?

Онъ расхохотался.

— Вотъ выдумала!

Она не сдалась сразу и стала совершенно серьезно доказывать ему всѣ выгоды этого предложенія.

— Ты подумай только,—закончила она съ пылающими щеками,—вѣдь я могу стать знаменитой пѣвицей!

— И ты воображаешь, что я тебя отпущу?—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— Ты?!... не пустишь... нѣтъ, ты не можешь... ты этого не сдѣлаешь...

Она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

Онъ упрямо кивнулъ головой.

— Нѣтъ, сдѣлаю. Я тебѣ сказалъ и повторяю: этого не будетъ! Это безумная фантазія, которая можетъ зародиться только въ женскомъ мозгу. Если еще разъ этотъ Лавалло сунется сюда, я его выброшу за дверь!

— Ты этого не смѣешь сдѣлать!—крикнула она внѣ себя.

— Нѣтъ, я это сдѣлаю!

— А, ты и это хочешь отнять у меня! О, ты!!. Отдай мнѣ мое искусство, мое пѣніе, мою счастливую свободу! Ты отнялъ у меня брата, отнялъ мое... мое... а теперь...

Она разрыдалась.

— Договаривай! — горячо подхватилъ онъ, хватая ее за руки.—Что я отъ тебя отнялъ? Твоего брата и...—онъ крѣпче сжалъ ея руки,—говори!

— Ничего, ничего,—повторяла она, придя въ себя и съ ужасомъ глядя въ его искаженное страданьемъ лицо.

— Ты не хочешь мнѣ сказать, но я знаю: я отнялъ у тебя твое счастье!..

Онъ выпустилъ ея руки и медленными шагами, сгорбившись и волоча ноги, какъ старикъ, пошелъ къ дверямъ.

— Ричардъ! Ричардъ! — крикнула она со слезами и бросилась за нимъ.—Ричардъ, прости меня, я... я...—она остановилась на минуту и потомъ крикнула съ болью:

— Я такъ несчастна!

Слово было сказано, наступило томительное, зловѣщее молчаніе.

— Нѣтъ! нѣтъ!—почти простонала она, увидѣвъ его блѣдное лицо съ трясущимися губами.—Нѣтъ! Я люблю тебя!

Она бросилась къ нему, но онъ не отвѣтилъ на ея ласку. Что-то чуждое, холодное промелькнуло между ними.

Она постояла съ минуту съ безпомощно повисшими руками, потомъ повернулась, медленно прошла въ свою комнату и заперла двери на ключъ.

Настала осень. Деревья обнажились, холодный вѣтеръ сердито свисталъ въ вѣтвяхъ, завывалъ въ трубѣ...

Ричардъ Бреденгоферъ сидѣлъ въ мастерской, безсильно опустивъ голову. Въ углу, только что вынутая изъ ящика, привезенная съ выставки картина, его надежда, его гордость... она осталась непроданной. Жгучее чувство разочарованія и стыда давило грудь молодого человѣка.

Какъ сказать это Ленѣ? Но хуже всего, что на продажѣ этой картины было основано столько разсчетовъ. Откуда взять денегъ, чтобы расплатиться съ долгами? А долговъ за послѣднее время накопилось много. Въ домѣ-же не было и десяти марокъ. Еще спасибо Сусаннѣ, послѣднее время она частенько приходила на выручку, а безъ нея пришлось бы туго. Она совсѣмъ забрала въ руки ихъ маленькое хозяйство, прогнала много тратившую и дерзкую Грэту и наняла деревенскую служанку, которая была, правда, много дешевле, но за то подавала ежедневно супъ безъ навара и пережаренное мясо.

Ричардъ давно уже не могъ ничего ѣсть, а Лена, недовольная вмѣшательствомъ невѣстки, становилась день ото дня блѣднѣе и мрачнѣе. Она почти не выходила изъ своей комнаты и днями сидѣла въ большомъ старинномъ креслѣ, праздная и скучающая. Она почти забросила пѣніе, ни во что не входила, ничѣмъ не интересовалась. Куда дѣвалась ея жизнерадостность и веселость, блескъ ея глазъ, румянецъ ея щекъ... Она стала неузнаваема.

Въ комнатѣ темнѣло, а Ричардъ все сидѣлъ неподвижно. Будущее казалось ему безысходнымъ, мрачнымъ. До слуха его донеслись звуки рояля и голосъ Лены. Онъ всталъ, пошелъ къ ея комнатѣ и остановился въ дверяхъ. Она не замѣтила его прихода; голосъ ея звучалъ такъ грустно, что у него защемило на сердцѣ.

— Das du so krank geworden,
Wer hat es den gemacht?
Kein kühler Hauch aus Norden
Und keine Sternennacht.

Голосъ Лены оборвался, аккордъ замеръ.

— Что-же ты не поешь дальше?—спросилъ Ричардъ.

Она обернулась. Лицо ея было блѣдно. Мелькомъ взглянувъ на мужа, она снова наклонилась надъ роялемъ.

— Das ich trag Todeswunden
Das ist der Menschen Thun;
Natur liess mich gesunden —
Sie lassen mich nicht ruhn.

Въ голосѣ ея слышалась страстная тоска.

— Лена!

Она не обернулась: вѣрно, не слышала призыва.

— Лена, Лена!—со стономъ вырвалось изъ груди Бреденгофера. Онъ бросился къ ея ногамъ и спряталъ голову въ ея колѣняхъ.

— Что съ тобой, Ричардъ?

— О, Лена, ты поешь эту пѣсню... эту пѣсню...

— Да, я могу теперь пѣть ее... я ее выучила.

— Ты можешь пѣть ее, потому что... потому что ты уже почти несчастна.

Она не отвѣчала, только ниже наклонила голову.

Они сидѣли молча, неподвижно... Въ комнатѣ было темно, вѣтеръ уныло гудѣлъ за окномъ.

Вдругъ онъ громко всхлипнулъ, схватилъ руки Лены и, покрывая ихъ горячими поцѣлуями, зашепталъ прерывающимся голосомъ:

— О, прости меня, прости меня, Лена! Можешь ты простить меня?

Она не отвѣчала, но по лицу ея текли горячія слезы.

— Я люблю тебя горячо, невыразимо,—продолжалъ онъ,—и доставляю тебѣ столько страданій!

— Не ты, не ты... другіе...

— О, голубка моя, родная моя, жизнь моя...—Онъ цѣловалъ ей лицо, руки, платье.

Она съ материнской лаской гладила его по головѣ. Успокоенный и размягченный ея нѣжностью, онъ разсказалъ ей исторію съ картиной.

— Намъ надо денегъ,—закончилъ онъ.—Денегъ! Это ужасно! У насъ нѣтъ ничего, а надо жить и платить долги! Можетъ быть, еще разъ... обратиться къ Сусаннѣ!

— О нѣтъ, только не къ ней, — горячо запротестовала она.—Она и такъ отравила мнѣ жизнь! Я ненавижу ее и не хочу принимать отъ нея никакого одолженія.

— Успокойся, Леночка, милая, все будетъ по твоему!

— У кого же ты достанешь денегъ?—спросила она вдругъ упавшимъ госособъ. — Видишь ли, если бы ты позволилъ мнѣ давать уроки или поѣхать съ Лавалло...

Она не кончила, встрѣтивъ его исполненный упрека взглядъ.

— Знаешь что?—воскликнулъ онъ съ внезапной рѣшимостью.—Надо попросить у дяди Германа. И это ты должна сдѣлать. Вѣдь онъ не сможетъ тебѣ отказать. О, ты мое сокровище, развѣ кто-нибудь устоитъ передъ твоими глазами, твоей нѣжностью, твоей тихой просьбой! Вѣдь ты поѣдешь къ нему, ты попросишь его?

Онъ смотрѣлъ на нее влюбленными глазами.

Она улыбалась.

— Ну, конечно, я все готова сдѣлать для тебя.

Онъ прижалъ ее къ себѣ съ тихой лаской.

Счастливые надеждой на лучшее будущее, увѣренные въ счастливомъ исходѣ ихъ замысла, они перешли на диванъ и усѣлись въ уголку, какъ сиживали, бывало, въ первые дни послѣ свадьбы.

Вошла, тяжело стуча деревенскими сапогами, ихъ новая служанка, зажгла лампу, и въ комнатѣ сразу стало веселѣе и уютнѣе. А за окномъ бушевала настоящая буря, и окна дрожали отъ свирѣпыхъ порывовъ вѣтра.

XIII.

Хлѣбъ на поляхъ давно убранъ. Обнаженныя и мрачныя, они простираются до самаго горизонта. Тамъ и сямъ одиноко торчитъ обнаженное деревцо, да галки и грачи съ крикомъ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто.

Въ деревнѣ почти всѣ сидятъ по домамъ, — очень ужъ сѣро и непріятно на воздухѣ,—только неугомонные бѣлоголовые ребятишки съ крикомъ и шумомъ бѣгаютъ по улицѣ.

Дядя Германъ полулежалъ въ креслѣ, отдыхая послѣ обѣда, и покуривалъ трубку. Домъ его мало чѣмъ отличался отъ крестьянскихъ построекъ,—развѣ только что былъ больше и чище, да крыша новѣе, да садъ больше. Заслышавъ прямо подъ окнами голоса дѣтей, онъ всталъ и вышелъ на крыльцо. Всѣ эти мальчики и дѣвочки были ему знакомы отъ рожденья, многихъ изъ нихъ онъ крестилъ и, суровый по виду, онъ такъ или иначе по своему любилъ эту мелюзгу. Нѣсколько времени онъ молча смотрѣлъ на ихъ игры, потомъ спустился на улицу и пошелъ за околицу. Вдругъ онъ съ удивленіемъ замѣтилъ вдали на пыльной дорогѣ женскую фигуру. И, по мѣрѣ того, какъ они приближались другъ къ другу, удивленіе его все возрастало. Незнакомка была одѣта по городскому, въ большой шляпѣ и шла мелкими, усталыми шагами. Когда они поровнялись, она вдругъ зашаталась, поблѣднѣла и чуть было не грохнулась на землю, но старикъ во время поддержалъ ее. Кто бы это могъ быть? Изъ рукъ ея выпала небольшая сумочка и на серебряной дощечкѣ дядя Германъ прочиталъ: Магдалина Бреденгоферъ.—Вотъ кто это!—подумалъ старикъ не безъ удивленія. Между тѣмъ, Лена пришла въ себя и, еще пошатываясь отъ слабости, пошла, опираясь на руку смущеннаго дядюшки. Семь верстъ отъ станціи она прошла пѣшкомъ, съ утра ни-

чего не ѣла, свѣжій воздухъ совсѣмъ опьянилъ ее, прирожденную жительницу Берлина, а кромѣ того, она всю дорогу дрожала отъ страха, идя одна среди пустыхъ, безлюдныхъ полей. Въ послѣднюю минуту волненіе дало окончательный толчекъ, и силы оставили ее.

Тетя Анна растерянно поглядывала на запертую дверь своей комнаты, гдѣ на ея постелѣ лежала Лена.

— Бѣдняжка! — вздыхала она, — и какая худенькая и блѣдненькая!

— Чортъ знаетъ, что такое,—ворчалъ дядя Германъ,—не терплю женщинъ, которыя падаютъ въ обморокъ. Вѣдь не поддержи я ее, такъ бы въ грязь и хлопнулась!

— Кажется, проснулась!—прошептала тетя Анна, заслышавъ шорохъ за дверью, и на цыпочкахъ вошла въ сосѣднюю комнату.

Лена, дѣйствительно, не спала. Широко раскрытыми глазами глядѣла она передъ собой, повидимому, не вполнѣ сознавая, гдѣ она находится. Канарейки звонко щелкали подъ окномъ, на креслахъ и диванахъ лежали вязанныя салфеточки работы самой хозяйки, а на стѣнѣ, въ рамкѣ изъ раковинокъ, выцвѣтшій портретъ молодого человѣка и подъ нимъ надпись: любовь вѣчна.

— Ну что, дѣточка?—ласково говорила тетя Анна.—Лучше тебѣ? Ну, скажи, голубчикъ. Ты позволяешь мнѣ говорить тебѣ ты? Правда? Ты не помнишь меня? Я тетя Анна. Я видѣла тебя разъ у Алленштейновъ, помнишь, въ день вашей помолвки. Ты меня не замѣтила. Да и немудрено. А я тебя запомнила. Ну, что съ тобой, бѣдняжка, разскажи мнѣ!— И тетя Анна ласково гладила по головѣ молодую женщину, цѣловала ея мокрыя отъ слезъ щеки. Разстроганная Лена бросилась на шею къ старушкѣ и разрыдалась.

— Вы должны, вы должны намъ помочь!

— Ну да, ну да... онъ только на видъ грубоватъ, а въ сущности онъ предобрый.

— Да? правда? нѣтъ, не можетъ быть... Я пришла сюда отъ имени Ричарда просить дядю помочь намъ. У насъ нѣтъ ни гроша, одни долги, намъ нечѣмъ заплатить за квартиру.

— Бѣдняжка!—Тетя Анна всплеснула руками.—Ты пойди, попроси его! Вотъ дай я помогу тебѣ одѣться!—И старушка любовно расчесывала длинные, густые волосы Лены.

— Я боюсь!—шептала Лена, пряча голову на груди старушки и сжимая руки.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ!

При входѣ обѣихъ женщинъ старикъ Бреденгоферъ спустилъ ноги съ дивана и выпрямился.

— Ну-съ, что скажете? Да какая вы блѣдная: небось, ничего не ѣли. Живо, Анна, дай-ка поѣсть чего-нибудь!

Старушка вышла, и Лена осталась наединѣ со старикомъ. Старый кабинетъ съ вылинявшими обоями, съ цѣлой серіей трубокъ на каминѣ, съ потертымъ кожанымъ диваномъ внушалъ ей робость не меньшую, чѣмъ самъ старикъ. А тотъ поглядывалъ на нее изъ-подъ сѣдыхъ нахмуренныхъ бровей.

— Ну-съ, племянница, какъ себя чувствуете?

— Благодарю васъ,—отвѣтила она тихо, еле сдерживая дрожь.

— И съ чего это вы вздумали идти пѣшкомъ со станціи?

— У меня не хватило денегъ на экипажъ. Ричардъ...

— Не произносите при мнѣ этого имени! Не хочу я слышать объ этомъ неблагодарномъ мальчишкѣ.

Общая неблагодарность относительно него была больнымъ мѣстомъ старика. Лена этого не знала.

— Неблагодарный? Почему онъ неблагодаренъ?

— А то нѣтъ?—голосъ стараго Бреденгофера звучалъ сердито.—Мало я для не него сдѣлалъ? Я, старикъ, его дядя, воспитавшій его, всегда оказывавшій ему поддержку, а онъ... Не спросивъ меня, не сказавъ ни слова, отказался отъ блестящей партіи, чтобы глупѣйшимъ образомъ жениться на дѣвчонкѣ!

Лена еще больше поблѣднѣла. Она закусила губы и не возразила ни слова.

— Ну и жалкая же вы на видъ, ей Богу!—сказалъ старикъ почти участливо.—Надо вамъ подкрѣпиться, отвѣдать Анниной стряпни, да пожить тутъ дня два на свѣжемъ воздухѣ. Зачѣмъ, въ сущности, онъ васъ прислалъ?

— Мнѣ надо васъ спросить... но еще есть время, завтра...

Она замолчала, закусивъ губы.

Это молчаніе оскорбило дядюшку.

Опять неблагодарность! Можно сказать, подобрали ее на улицѣ, а когда ее спрашиваютъ, что ей надо, она не изволитъ отвѣчать!

Тетя Анна внесла ветчину, масло, яйца, булки.

Лена, какъ ни была голодна, не могла проглотить ни куска. „Дѣвчонка“, „глупѣйшимъ образомъ“—не шло у нея изъ головы.

Она ушла въ себя, свернулась, какъ мимоза, отъ грубаго прикосновенія.

Вечеръ прошелъ въ тягостномъ молчаніи. Старикъ былъ сердитъ на племянницу, тетушка съ тревогой поглядывала на обоихъ, а молодая женщина упрямо не открывала рта.

На утро старикъ, который непривычно тревожно провелъ ночь, спросилъ у сестры:

— А гдѣ же племянница?

— Уѣхала на зарѣ на станцію, мельникъ взялся ее подвезти.

— Уѣхала! Почему?

— Ты съ ней такъ сурово обошелся, такъ ее обидѣлъ! Она не могла снести этого, она такая нѣжная и хрупкая!..

— Я? ее обидѣлъ? Анна, ты дура!

— Да, обидѣлъ, обидѣлъ... бѣдняжка не посмѣла тебѣ сказать, зачѣмъ она пріѣзжала: у нихъ нѣтъ ни гроша, они умираютъ съ голода!

— Ну, ужъ и умираютъ! А если и такъ, то и прекрасно, пусть платятся за собственную глупость!

Тетя Анна пожала плечами и наципочкахъ вышла изъ кабинета. Въ своей комнатѣ она вынула изъ верхняго ящика коммода старательно запрятанныя тысячу марокъ, которыя она берегла на памятникъ жениха, и, вложивъ въ конвертъ, отослала Ленѣ.

XIII.

Въ маленькой квартиркѣ Бреденгоферовъ царитъ уныніе: уже двѣ недѣли Ричардъ лежитъ въ постели. Ежедневно въ своемъ элегантномъ купэ подъѣзжаетъ Алленштейнъ, выслушиваетъ больного и въ утѣшеніе говоритъ молодой женщинѣ:

— Мужайтесь, дѣло не такъ плохо; все обойдется, вѣрьте мнѣ. Я на дняхъ привезу еще коллегу спеціалиста!

И онъ исчезаетъ нарядный, изящный, поглаживая на прощанье свою роскошную бороду, щуря глаза и цѣлуя руку молодой женщинѣ.

По его уходѣ Ричардъ нетерпѣливо поворачивается.

— Лена! онъ ровно ничего не понимаетъ. Безъ него я бы давно былъ здоровъ! Дай мнѣ той настойки, которую совѣтовала мама...

И рѣзкій кашель прерываетъ его слова.

А за окномъ непрерывно и неслышно падаютъ густые хлопья снѣга и устилаютъ толстымъ пушистымъ ковромъ землю, деревья, подоконники.

Ежедневно приходитъ госпожа Лангенъ, приноситъ бульонъ и яйца для больного; время отъ времени показывается Сусанна, почти всегда нарядная, надушенная, спѣшащая на вечеръ или возвращающаяся съ визитовъ. Ея смѣхъ, яркіе туалеты, пряный запахъ духовъ, видимо, раздражаютъ больного. Въ прежнее время Лена радовалась бы этой перемѣнѣ, но теперь она пугаетъ ее.

— Что вы шепчетесь? Чего вы ходите на ципочкахъ? Отчего ты такая блѣдная, Леночка?—постоянно съ раздраженіемъ спрашиваетъ больной,—вы такъ себя держите, точно я умираю...

И Лена дѣлаетъ надъ собой усиліе и улыбается безкровными губами.

— Всѣ мнѣ въ тягость, всѣ, Лена, кромѣ тебя. Если бы ты знала, какъ тяжело лежать, когда надо работать, когда въ головѣ столько плановъ.

Она заботливо наклонилась надъ нимъ. Лицо его горѣло, глубоко впавшіе глаза блестѣли.

Сердце Лены сжалось отъ жалости, любви и еще какого-то новаго непередаваемаго чувства.

Она поцѣловала его въ лобъ.

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами.

— Лена, отчего ты не поешь больше? Спой мнѣ Шумана... мою пѣсню, знаешь?

Она сѣла за рояль, не зажигая свѣчей, и начала прелюдію.

— Не то, не то, Лена... Мою пѣсню! Я ее хочу слышать!

Она не рѣшалась.

— Да начинай же!—въ его голосѣ слышалось нетерпѣніе.

. . . .

Das du so krank geworden,
Wer hat es denn gemacht?

Лена сама не узнала своего голоса: такъ глухо онъ звучалъ, столько слышалось въ немъ безнадежной грусти.

Ричардъ сѣлъ на кровати. Глаза его были широко раскрыты:

— Ты сегодня въ голосѣ!—сказалъ онъ.—Но не чувствуется души въ твоемъ пѣніи, точно ты сама далеко.

— Не всегда бываешь одинаково настроена, — отвѣтила она мягко.

О, съ какимъ бы облегченьемъ крикнула она: я не могу пѣть, потому что ты боленъ, ты умираешь, и это раздираетъ мнѣ душу!

Онъ задумался. Лена сидѣла у рояля. Темнота сгущалась. Глубокій вздохъ раздался съ постели. Лена подошла къ мужу.

— Das ich trag Todeswunden
Das ist der Menschen Thun...

прошепталъ онъ.—Эта пѣсня не выходитъ у меня изъ памяти.

Лена гладила его по головѣ.

— Не волнуйся, Ричардъ, успокойся! Ты и такъ не спишь цѣлыя ночи напролетъ.

— О, какъ тяжела жизнь, Лена, какъ безжалостны люди!— Въ этихъ словахъ было столько безпомощной горечи, что слезы выступили на глаза Лены.

Снѣгъ давно стаялъ. Въ ботаническомъ саду вздулись почки, а кое-гдѣ на солнышкѣ стали пробиваться первые листья. Въ воздухѣ повѣяло тепломъ.

Грустно и тихо было въ маленькой квартиркѣ на четвертомъ этажѣ. На дверяхъ висѣла надпись: просятъ не звонить!—и дверь была пріоткрыта. Госпожа Лангенъ совсѣмъ переселилась къ дочери. Сусанна приходила два раза въ день, а докторъ Алленштейнъ не являлся больше безъ знаменитаго спеціалиста по груднымъ болѣзнямъ, который, впрочемъ, не считалъ нужнымъ скрывать правду и только пожималъ плечами и повторялъ: „Безнадежно!“

Это послѣднее ухудшеніе наступило внезапно. Еще недавно больной вдругъ почувствовалъ себя лучше, сталъ вставать, ходить по комнатѣ, цѣлыми часами болталъ съ Рейтеромъ, разсказывая ему съ лихорадочно блестящими глазами о своихъ планахъ. У всѣхъ возродилась надежда, и даже Лена повеселѣла. Рейтеръ сіялъ, увѣрялъ Ричарда въ его геніальности и терпѣливо выслушивалъ безконечные разсказы о будущихъ картинахъ и литературныхъ работахъ.

— Только бы мнѣ поправиться,—горячо повторялъ молодой человѣкъ,—о, какъ я стану работать!

Уже съ мѣсяцъ назадъ Лена почувствовала, что ожидаетъ ребенка. Мать и всѣ окружающіе были посвящены въ эту тайну, одинъ Ричардъ ничего не зналъ и не замѣчалъ, цѣликомъ погруженный въ свои мечты.

Лена собиралась и не знала, какъ ему объ этомъ сказать,—она все ждала, когда онъ окончательно выздоровѣетъ, это былъ какъ разъ періодъ ихъ возродившихся надеждъ. Но однажды подъ вечеръ она нашла его безъ чувствъ въ его мастерской. Его подняли, уложили, и съ тѣхъ поръ онъ больше не поднимался.

Лена поняла, что это начало конца.

Она не плакала, ни одна жалоба не вырвалась изъ ея груди. Блѣдная, худая, она, какъ тѣнь, бродила по своей грустной, тихой квартиркѣ. Она не скрывала отъ себя истины и покорилась своей участи. По вечерамъ у больного поднималась температура, и онъ бредилъ всѣ ночи напролетъ. Сусанна прислала опытную сидѣлку, но Лена не допускала

ее до больного, не отходя отъ него ни на минуту ни днемъ, ни ночью.

Ричардъ въ бреду постоянно говорилъ о ихъ первомъ знакомствѣ, о ихъ встрѣчѣ въ вагонѣ, объ утрѣ въ Кельнскомъ соборѣ... И Лена, держа его горячую руку, казалось, вновь переживала счастливое прошлое. Только по ночамъ она плакала, и этими слезами заливалась вся горечь накопившихся разочарованій и мелочей, которыя воздвигали временами стѣну между ней и мужемъ. Они опять были вдвоемъ, опять одни въ цѣломъ мірѣ, и никто и ничто не могло бросить тѣнь на ихъ чистое, свѣтлое чувство.

Однажды ночью онъ проснулся. Его взглядъ былъ совершенно ясенъ и сознателенъ.

— Прибавь огня!—сказалъ онъ совершенно отчетливо.

Лена встала и сняла абажуръ. Въ комнатѣ стало свѣтло.

— Мы одни съ тобой?—прошепталъ онъ.

— Одни! — также шепотомъ отвѣтила она, склоняясь къ нему и прикасаясь губами къ его горячимъ, лихорадочно сухимъ устамъ.

— Мой мужъ... мой дорогой, любимый, единственный!

Его громадные, далеко вглубь ушедшіе глаза искали ея взгляда.

— Я скоро умру,—сказалъ онъ совершенно спокойно.

Она не возражала.

— Я умру,—повторилъ онъ тише.—Мнѣ не жаль жизни, она такъ тяжела! Мнѣ жаль только тебя, Лена, одну тебя. Бѣдная ты моя!—Онъ видимо усталъ и дышалъ тяжело.

— Бѣдная Леночка! — повторилъ онъ черезъ нѣсколько секундъ.

Вся дрожа, Лена склонилась надъ нимъ, и слезы горячей, неудержимой струей хлынули изъ ея глазъ.

— Ричардъ, останься, не уходи! — прерывающимся шепотомъ повторяла она, — не уходи для меня... для твоего ребенка!..

Онъ широко открылъ глаза и со внезапной силой поднялся на локтѣ:

— Ребенка! Лена, Лена!

Она спрятала лицо въ подушкахъ и, стараясь удержать рыданья, шептала:

— Да, да... мой ребенокъ! Твой ребенокъ!

Онъ опять опрокинулся навзничь. Глаза его сіяли мягкимъ, ровнымъ свѣтомъ. Губы открылись, и онъ повторилъ тихо: — Мое дитя, наше дитя!

— Ты не увидишь его никогда, никогда...—почти закричала Лена.

И опять голова ея безпомощно опустилась на подушки рядомъ съ его исхудавшимъ лицомъ.

Минуты шли. Наконецъ, губы больного зашевелились:

— Поцѣлуй меня!

Лена склонилась къ мужу.

— Спасибо тебѣ за все... прости меня... Спасибо...

— Что ты, Ричардъ, что ты!

— Я былъ счастливъ съ тобой... спасибо, — докончилъ онъ съ видимымъ усиліемъ.

Онъ замолчалъ; слезы Лены вдругъ высохли. Она не отрывала глазъ отъ мужа, не выпускала его руки.

Въ окно забрежжилъ тусклый разсвѣтъ.

Дядя Германъ, вызванный телеграммой изъ деревни, сидѣлъ въ столовой и усердно вытиралъ глаза большимъ носовымъ платкомъ съ красными горошинками. Рядомъ съ нимъ на диванѣ рыдала Сусанна; госпожа Лангенъ, блѣдная, заплаканная, тихонько вздыхала, вытирая непрестанно струившіяся слезы. Одинъ докторъ Алленштейнъ сохранялъ свой неизмѣнно спокойный и сіяющій видъ.

Ричардъ лежалъ въ третьей комнатѣ, и всѣ двери къ нему были закрыты.

Лена не отходила отъ него и не подпускала къ нему никого. Безъ кровинки въ лицѣ, она ходила, какъ автоматъ, спокойная съ виду, не плача и не говоря ни слова. На всѣ попытки проникнуть къ нему она отвѣчала упорнымъ отказомъ и безъ церемоніи заперла дверь на ключъ даже передъ дядей Германомъ. Непреклонность молодой женщины и сила ея выдержки покорили всѣхъ, и они безропотно подчинились ея волѣ.

Изъ-за запертыхъ дверей не доносилось ни одного звука, тамъ царила полная тишина...

Вдругъ ключъ скрипнулъ въ замкѣ, дверь отворилась послышались легкіе шаги, и вошла Лена.

Она остановилась, обвела взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и тихо, но твердо сказала: — Онъ умеръ. — Затѣмъ повернулась и снова скрылась за таинственными дверями.

XV.

Послѣ похоронъ Ричарда, Лена еще долго оставалась одна въ своей маленькой квартиркѣ. Здѣсь переживала она прошлое и недѣлями не выходила изъ дому. Наконецъ, ея состояніе начало внушать опасенія, и ее уговорили переѣхать

къ матери. Дядя Германъ выразилъ неожиданно для всѣхъ готовность взять на себя полное содержаніе молодой женщины и назвался въ крестные отцы къ будущему ребенку, а тетя Анна еженедѣльно присылала Ленѣ масла и яицъ. Лена принимала все просто, спокойно „во имя его ребенка", твердо рѣшивъ, какъ только окрѣпнетъ, самой зарабатывать уроками музыки и пѣнія. Алленштейнъ и докторъ Рейтеръ также выказывали ей много вниманья, старикъ присылалъ фрукты, цвѣты, Сусанна не переставала изрѣдка навѣдываться, такъ что между ней и старушкой Лангенъ установились болѣе мирныя отношенія.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одну изъ субботъ Фрицъ Лангенъ засидѣлся за завтракомъ. Ему не хотѣлось идти на службу. Послѣднее время онъ сталъ плохо спать, часто бывалъ раздражителенъ. Амалія догадывалась, что его тревожитъ мысль о сестрѣ. Но послѣ ихъ окончательной размолвки Лена упорно не подавала признаковъ жизни. Дверь скрипнула, и онъ поднялъ усталый, разсѣянный взглядъ На порогѣ стояла Лора, держа за руку какую-то высокую даму въ глубокомъ траурѣ.

— Тетя Лена пріѣхала! — сказалъ звонкій дѣтскій голосокъ.

— Лена!—Лангенъ вскочилъ со стула. Амалія съ удивленіемъ привстала на мѣстѣ.

— Фрицъ!..—тихо произнесла Лена.—Фрицъ!—она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему.

— Ты вернулась ко мнѣ, Лена!.. — голосъ его звучалъ глухо, онъ точно не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Я такъ несчастна... — еле слышно прошептала она, однако онъ понялъ и разобралъ эти слова и, обернувшись къ Амаліи, сказалъ непривычно мягко:

— Будь добра, принеси рюмку вина Ленѣ, она еле стоитъ на ногахъ.

И едва дверь за высокой женщиной въ шумящемъ шелковомъ платьѣ закрылась, братъ и сестра бросились другъ къ другу, и въ одномъ взглядѣ, въ ихъ первомъ словѣ сказалась вся ихъ любовь другъ къ другу.

— Лена, Лена!—повторялъ онъ, вглядываясь въ блѣдное и исхудавшее лицо, а она крѣпко сжимала его руки, точно въ нихъ была вся ея поддержка, все спасенье.

— Чѣмъ могу я помочь тебѣ, Лена? Только раздѣлить твое горе...

— Я не знаю, какъ буду жить.. Такъ безпросвѣтно темно.

— А ребенокъ? — сказалъ Лангенъ, и взглядъ его съ любовью скользнулъ по курчавой головкѣ Лоры, выглядывавшей изъ двери.

— Папа, можно къ тетѣ Ленѣ?

— Можно, дѣточка, войди!

— Да, Лена, — сказалъ онъ тихо, снова обращаясь къ сестрѣ,—дѣти—это наше спасенье, въ нихъ наша недежда, вѣра въ будущее! Какъ бы мы жили безъ нихъ, мы диллетанты въ жизни, если бы мы не вѣрили, что въ нихъ повторится наша жизнь, но безъ нашихъ ошибокъ и заблужденій. И у тебя будетъ свое дитя, и оно станетъ свѣтомъ и счастьемъ твоей жизни, и ему на пользу послужитъ твой опытъ.

Она поникла головой, по лицу ея медленно катились слезы, но въ глазахъ загорался первый робкій лучъ надежды.

— Мужайся, Лена, онъ воскреснетъ для тебя въ твоемъ ребенкѣ.

— Да... дитя, наше дитя, *его* дитя...—повторяла она, пряча голову на грудь брата.

Конецъ.

ГОРОДЪ БРИЛЛІАНТОВЪ.

Романъ *Германа Гейерманса.*

Переводъ съ нѣмецкаго *) **В. С.**

I.

Онъ выскочилъ изъ конки прямо противъ казино и остановился на тротуарѣ. Передъ нимъ былъ рядъ старыхъ облупившихся зданій, среди которыхъ, окруженная желѣзной рѣшеткой, зеленѣла травка. Эта картина такъ именно и запечатлѣлась въ его памяти: не каждый домъ въ отдѣльности со своими причудливыми формами, не тѣ жалкіе люди которые въ немъ живутъ или жили, а именно эта сѣрая, безформенная каменная громада со врѣзавшимся въ нее маленькимъ пыльнымъ садикомъ. Сердце его сжалось отъ какой-то странной горькой радости, что все это такъ мало измѣнилось, только выглядѣло еще бѣднѣе, обветшалѣе и старѣе, чѣмъ рисовалось въ туманной дали его воспоминаній. Какъ часто въ открытомъ морѣ думалъ онъ о тѣсномъ еврейскомъ кварталѣ и съ теплымъ, сердечнымъ чувствомъ представлялъ себѣ эти темныя, грязныя улицы. Но послѣ стольких лѣтъ всетаки было трудно воскресить юношескія впечатлѣнія во всей ихъ свѣжести. Въ его лихорадочномъ возбужденіи, они внезапно исчезли изъ его памяти. И все же нервная судорога сжимала его горло, у него захватывало дыханіе отъ радости, что онъ снова видитъ эти знакомыя темныя массы, со свѣтлыми блестками оконъ, эти мрачные, коричневые и черные тона фасадовъ и крышъ „еврейскаго городка". Онъ чувствовалъ своеобразную живописную красоту этихъ кривыхъ улицъ, темныхъ закоулковъ и безпорядочно скученныхъ въ сѣромъ полу-

*) Послѣднее произведеніе извѣстнаго голландскаго романиста и драматурга Германа Гейерманса младшаго вышло въ свѣтъ одновременно въ голландскомъ и нѣмецкомъ оригиналахъ.

мракѣ, на фонѣ грязной мостовой, жалкихъ домишекъ съ неровными крышами, поросшими мохомъ. Онъ такъ именно и ожидалъ это увидѣть.

Но все стало старѣе, много старѣе, и походило на дряхлую еврейскую старушонку, которая прикрываетъ свои волосы чернымъ парикомъ. У него защемило сердце, и онъ невольно подумалъ, что такъ, безъ жалобы и ропота, гибнутъ растенія, лишенныя даже возможности закричать отъ ужаса.

Вдали на холмѣ, надъ рядами еврейскихъ лавченокъ вырисовывался сѣрый, тяжелый и неуклюжій силуэтъ храма Моисея и Аарона.

Сплошныя, грязныя стѣны, кривыя двери и окна, тамъ и сямъ развѣшанныя для просушки пестрыя тряпки и между ними яркое пятно красной фланелевой юбки. Кое-гдѣ за стекломъ пара цвѣточныхъ горшковъ, да въ щели между домами пыльный, обожженный солнцемъ, неподвижный подъ горячими лучами безвѣтреннаго дня жалкій клочекъ зелени.

Элеазаръ не отрывалъ глазъ отъ площади, улицы, домовъ, темные полутона которыхъ казались ему исполненными той особой красоты и значенія, какими полонъ сѣдой туманъ, застилающій море въ сумерки. И развѣ въ этой таинственной тишинѣ нѣтъ скрытаго смысла? О, это задумчивое молчаніе старыхъ стѣнъ, за которыми копошится столько людей; въ ихъ сложной жизни слышится больше болѣзненной тревоги, чѣмъ въ шумѣ не вѣдающихъ покоя океанскихъ волнъ, къ которому онъ прислушивался цѣлыми мѣсяцами, и который наполнялъ душу его мистическимъ страхомъ...

Маленькій, худенькій еврейчикъ, чистильщикъ сапогъ, сидѣвшій на порогѣ казино, увидя, что онъ стоитъ неподвижно съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукѣ, замахалъ ему щеткой и сталъ зазывать его. У Элеазара было еще много времени впереди. Слѣпая тетка Регги ждала его не раньше полудня, а онъ былъ грязенъ и запыленъ послѣ долгаго путешествія по желѣзной дорогѣ. Онъ положилъ на землю свой мѣшокъ. Еврейчикъ, согнувшись, быстрыми, но неуклюжими движеніями подвернулъ его панталоны; догадавшись, что незнакомецъ тоже еврей, онъ сразу отнесся къ нему довѣрчиво и принялся за чистку. Элеазаръ сверху смотрѣлъ на его изогнутую спину, на его искривленный позвоночный столбъ, который никогда не былъ прямъ, на его сѣдые волосы безпорядочно выбивавшіеся изъ подъ фуражки съ оторваннымъ козырькомъ.

Сгорбленный еврейчикъ, со слипшимися прядями сѣдыхъ волосъ, почти лежалъ на грязномъ каменномъ порогѣ, поплевывалъ на щетку, ползалъ на колѣнахъ, и его грязное,

униженное тѣло раба просвѣчивало сквозь многочисленныя дыры его лохмотьевъ.

...— Жарко сегодня, сударь!..

Элеазару было почти совѣстно принимать отъ другого человѣка такія услуги и сознавать, что первый еврей, съ которымъ онъ встрѣчается послѣ многихъ лѣтъ, почти лежитъ у его ногъ съ покорной преданностью безсловеснаго, не сознающаго себя животнаго.

Но вѣдь такая мысль была неумѣстной глупостью среди старыхъ, грязныхъ домовъ еврейскаго квартала... Онъ отогналъ ее тѣмъ легче, что вниманіе его было отвлечено: онъ замѣтилъ группы евреевъ у оконъ казино.

Предъ однимъ изъ нихъ на столѣ лежалъ клочекъ бумаги съ загнутыми краями: вокругъ него столпились нѣсколько человѣкъ, погруженныхъ, повидимому, въ молчаливое и напряженное созерцаніе. Всѣ они стояли согнувшись, съ опущенными внизъ головами, не отрывая глазъ отъ бѣлаго пятна. Ихъ было шесть. Первый, повидимому, польскій уроженецъ, съ большой головой и длинной рыжей бородой на блѣдномъ лицѣ, держалъ въ тонкихъ цѣпкихъ пальцахъ лупу, близко поднося ее къ бумагѣ. Его рыжія брови были сдвинуты, а глаза сощурены, какъ у очень близорукаго человѣка. Сдвинутая на затылокъ войлочная шляпа на огненно красныхъ курчавыхъ волосахъ еще рѣзче оттѣняла блѣдность лица. Темно-коричневый платокъ туго охватывалъ тонкую шею. Лицо было довольно полное, блѣдное, съ выдающимися скулами. Онъ сидѣлъ совершенно неподвижно, прижавшись грудью къ краю стола и сосредоточенно и серьезно глядя въ лупу. О его плечо облокотился старикъ въ фуражкѣ съ козырькомъ и съ худымъ, изрытымъ оспой лицомъ. Его ротъ былъ открытъ отъ удивленія, а глаза быстро мигали. Прямо противъ окна, совсѣмъ на виду, сидѣлъ третій съ безпорядочно всклокоченной мѣднокрасной бородой клиномъ. Элеазару казалось, что онъ его знаетъ, что ему знакомо это широкое, рыхлое лицо со похотливой складкой около рта и бѣгающими глазами. Гдѣ и когда онъ встрѣчалъ его? Но онъ положительно уже видѣлъ этотъ мясистый носъ съ чувственными ноздрями, эти тонкія губы, окруженныя темной каемкой отъ жеванія табаку. Это было гладкое, добродушное лицо почти безъ выраженія, безъ слѣда мысли, страстей, заботъ или болѣзней, лицо, принявшее землисто-сѣрый оттѣнокъ отъ постояннаго пребыванія въ комнатахъ. Единственной характерной его чертой была рѣзко выраженная чувственность.

Элеазаръ пристально вглядывался въ него... Нѣтъ, этотъ человѣкъ ему совершенно незнакомъ.

Юркій еврейчикъ на мгновеніе оставилъ щетки и задалъ какой-то вопросъ Элеазару. Тотъ отвѣтилъ разсѣянно.

Напротивъ польскаго уроженца, также внимательно глядя на бумагу, стоялъ четвертый еврей. У него былъ большой мясистый носъ и гладко выбритыя щеки съ синеватымъ отливомъ. Онъ смотрѣлъ на бумагу съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, точно онъ видѣлъ чудо, и казалось, глаза его вотъ-вотъ выскочутъ изъ орбитъ. Онъ приподнялся на стулѣ и стоялъ неподвижно, опершись о столъ своимъ круглымъ животомъ.

Рядомъ съ нимъ стояли еще двое другихъ, у которыхъ можно было различить лишь небольшую часть лица. Ни одинъ изъ евреевъ не шевелился: клочекъ бумаги приковывалъ къ себѣ все ихъ вниманіе. На фонѣ темной залы блѣдныя лица, неподвижныя и безмолвныя, казались какой-то фантастической картиной, обрамленной четыреугольникомъ окна и полуспущенной гардиной. Фигуры совершенно стушевывались въ полумракѣ, виднѣлись одни головы съ блестящими глазами, напряженно устремленными на бумагу. У другихъ оконъ такія же группы, тѣ же расплывающіеся въ тѣни контуры, тѣ же блѣдныя лица, то мясистыя, то угловатыя, блѣдныя руки, дряблыя даже на видъ, и то же напряженное вниманіе, сосредоточенное на маленькомъ бѣломъ лоскуткѣ.

Элеазаръ съ молчаливымъ недоумѣніемъ поглядывалъ на этихъ людей. Благодаря уличному шуму и оконнымъ стекламъ, онъ не могъ уловить ни одного звука, а между тѣмъ онъ видѣлъ, что губы шевелились, глаза поднимались вверхъ, руки дѣлали нервныя движенія, но ни одно слово изъ разговора не долетало до него. Точно блѣдныя маски, тѣни, живущія въ таинственномъ полумракѣ и связанныя какимъ-то загадочнымъ для него интересомъ.

Группа за первымъ окномъ вдругъ замѣтно оживилась, и ея напряженное вниманіе было прервано: польскій еврей сильно жестикулировалъ, то и дѣло вопросительно поднимая руки и быстро шевеля губами; казалось, между нимъ и сидящимъ напротивъ евреемъ завязался ожесточенный споръ. Оба низко наклонили головы надъ бумагой и, повидимому, ссорились. Ихъ волосы тряслись отъ волненія, а рыжая длинная борода поляка такъ и ходила по столу. Потомъ онъ вдругъ откинулся на спинку стула и заговорилъ спокойнѣе и медленнѣе. Другой, съ длиннымъ мясистымъ носомъ и со вздувшимися на вискахъ жилами, взволнованно и сердито качалъ головой. Лупу снова пустили въ дѣло. Одинъ изъ присутствующихъ взялъ что-то пинцетомъ съ бумаги и присматривался къ нему сверкающими глазами. Все вниманіе остальныхъ было цѣликомъ поглощено ссорой двухъ

евреевъ, которые, перегнувшись, черезъ столъ, почти касались головами другъ друга. Полякъ, съ краснымъ лицомъ и побагровѣвшей шеей, быстро шевелилъ губами, глазами, всѣмъ лицомъ, помогая себѣ пальцами и руками. Его противникъ, который теперь въ свою очередь откинулся назадъ, смѣялся, открывая большой черный беззубый ротъ. Руки его съ растопыренными пальцами были вытянуты, онъ поднималъ и опускалъ ихъ, и все тѣло его тряслось. Все это—видимое сквозь стекло, не пропускавшее никакихъ звуковъ, казалось таинственнымъ и страннымъ и производило сильное впечатлѣніе на Элеазара: выступавшія изъ мрака бѣлыя лица, горѣвшіе жаднымъ огнемъ глаза, смѣсь рѣзкихъ контуровъ и черныхъ красокъ съ мягкими, постепенно уходящими вглубь полутонами,—все это приковывало зрѣніе, возбуждало фантазію.

Чистильщикъ доканчивалъ второй сапогъ, а Элеазаръ все стоялъ неподвижно, погруженный въ свои мысли. Рыжій польскій еврей грубо набросился на своего собесѣдника, шапки полетѣли долой, лица исказились злобой, а губы заходили быстрѣе. Остальные участники тоже повскакивали съ мѣстъ, и Элеазару были ясно видны шесть испуганныхъ, серьезно и сосредоточенно глядѣвшихъ еврейскихъ лицъ. Тотъ, который держалъ нѣчто пинцетомъ, положилъ его обратно на бумагу; всѣ напряженно прослѣдили за его движеніемъ и снова начали оживленно жестикулировать. Пошли въ ходъ руки, заходили бороды. Полякъ былъ въ сильномъ возбужденіи и время отъ времени протягивалъ лупу стоявшему позади него худому еврею, съ сжатыми губами, и опять всеобщее вниманіе сосредоточивалось на клочкѣ бумаги и томъ, невидимомъ Элеазару, что на немъ находилось.

По прежнему тусклый свѣтъ лежалъ на согбенныхъ головахъ и мертвенно блѣдныхъ рукахъ, и за стекломъ шла таинственная, загадочная, непонятная ему жизнь...

Вдругъ, безъ видимой причины, очарованье исчезло... Тотъ сказочной ореолъ, которымъ Элеазаръ окружилъ картину, увлекшись ея художественной стороной, внезапно разсѣялся, и она предстала въ своей реальной правдѣ. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ этой перемѣнѣ: вѣроятно, какой нибудь пустякъ вернулъ его къ дѣйствительности. Случайно замѣченный слой пыли на стеклѣ, или просто внезапно сказавшееся утомленіе послѣ дороги. Это ощущеніе дѣйствительной, а не фантастической жизни за окномъ стало еще ярче послѣ того, какъ одинъ изъ евреевъ вытащилъ изъ кармана пирогъ и началъ жевать его, широко раскрывая ротъ.

Но особенно удивило Элеазара то, что онъ вдругъ узналъ еврея съ круглой бородой и чувственнымъ лицомъ... Конечно, это онъ, Дрейфъ, помощникъ раввина, Дрейфъ, который

училъ его мальчикомъ и послѣ молитвы съ „тефиллинъ" разсказывалъ исторію евреевъ, ихъ бѣгство изъ Египта, явленіе Бога Моисею на горѣ Синаѣ, Дрейфъ съ влажными глазами—онъ какъ сейчасъ видѣлъ его въ маленькой комнаткѣ съ низкимъ потолкомъ при свѣтѣ тусклой керосиновой лампы,—неужели же это онъ торгуется съ другими евреями изъ-за нѣсколькихъ не отшлифованныхъ алмазовъ, которые, по всей вѣроятности, лежатъ на этомъ клочкѣ бумаги?

Гнѣвъ и презрѣніе вспыхнули вдругъ въ глазахъ Элеазара, устремленныхъ на окна казино. Всѣ старыя впечатлѣнія всплыли снова. Онъ выказалъ минутную слабость, обрадовавшись знакомымъ мѣстамъ, краскамъ, людямъ, которыхъ онъ не видѣлъ такъ долго. Но теперь онъ снова сталъ самимъ собой, сильнымъ своей волей, своими требованіями, своимъ знаніемъ... О, они еще услышатъ о немъ... пусть пройдутъ годы, пусть онъ самъ себѣ сломитъ на этомъ голову, но онъ дастъ имъ о себѣ знать, этимъ безмолвнымъ тѣнямъ за стекломъ!

А внизу у ногъ его копошился на грязныхъ камняхъ сѣдой сгорбленный еврейчикъ, поплевывая на свои щетки. Все его костлявое тѣло, изъеденное нищетой, вздрагивало отъ усилій, и щетка быстро скользила по сапогамъ, наводя на нихъ яркій глянецъ.

Кругомъ дома, высокія крыши, грязныя, влажныя стѣны, оконца съ грязными занавѣсками. Тяжелый воздухъ, пропитанный особымъ специфическимъ запахомъ, свойственнымъ только Эйленбургу *). Вотъ она эта сѣрая, печальная жизнь, которая столько лѣтъ стояла нетронутой въ его воспоминаніяхъ, жизнь тѣсныхъ закоулковъ, куда не проникаетъ лучъ солнца, гдѣ копошатся въ вѣчныхъ сумеркахъ быстро увядающія женщины и даютъ жизнь хилымъ, больнымъ дѣтямь, гдѣ все гибнетъ безъ свѣта О, какъ хорошо онъ зналъ эту хлопотливую муравьиную суету среди темныхъ каменныхъ стѣнъ, этихъ истощенныхъ женщинъ въ коленкоровыхъ парикахъ, этихъ ребятишекъ съ больными глазами, игравшихъ въ грязи, и эти маленькія, низкія, душныя комнатки, съ маленькими висячими лампами и спертымъ воздухомъ... Куда ни глянешь, всюду задыхающійся отъ бѣдности и тѣсноты, хрипящій въ агоніи, сдавленный со всѣхъ сторонъ, старый, какъ камни, народъ... Шумъ и толкотня на площади, улицахъ и базарѣ становились все напряженнѣе, все усиливался нестройный, безпорядочный гулъ, смягчаемый угрюмыми стѣнами и тяжело

*) Часть еврейскаго квартала въ Амстердамѣ.

нависшими крышами. Онъ болѣзненно чувствовалъ и ощущалъ, съ необыкновенной ясностью и остротой, эту роковую борьбу стараго народа въ тѣсныхъ каменныхъ катакомбахъ, народа, терпимаго и позволявшаго терпѣть себя, народа, который такъ привыкъ къ своему рабству, дошелъ до такой жалкой степени паденья, что уже не въ силахъ оторвать свои жадные, похотливые взоры отъ земной грязи, кликнуть боевой кличъ и закружиться въ побѣдной пляскѣ...

Позоръ, позоръ, позоръ! Проклятія достойные потомки славныхъ отцовъ! Народъ Израилевъ навлекъ на себя общее презрѣніе изъ-за слѣпой, вѣками нерушимой вѣры въ прогнившіе догматы ветхаго ученія, отъ котораго давно исходитъ духъ смерти и разложенія.

Чистильщикъ кончилъ работу и поднялъ свою грязную всклоченную голову, съ глубокими морщинами на лбу. Монета упала въ его запыленную и запачканную ваксой руку и, удивленный щедрой подачкой, онъ смѣялся, кланялся и благодарилъ.

Элеазаръ взялъ свою дорожную сумку и пошелъ было дальше, вдоль толкучаго рынка, но у канала еще разъ остановился, поддаваясь острому впечатлѣнію напряженной жизни, кишащей въ полумракѣ нагроможденныхъ зданій. Окна казино съ группами евреевъ на фонѣ темной залы, торгующихся изъ-за блестящихъ камешковъ, казались ему теперь мертвыми. У дверей стояли кучки мужчинъ въ высоко подвязанныхъ широкихъ галстухахъ и мягкихъ черныхъ войлочныхъ шляпахъ. Другіе подходили къ нимъ, быстро взбѣгали по ступенямъ и исчезали за дверьми главной залы, со свѣтлыми окнами. Люди непрерывно входили и выходили, мелькали темныя фигуры съ блѣдными лицами, слышалось шарканье ногъ по тротуару, а худенькій еврейчикъ все сидѣлъ неподвижно, согнувшись надъ своими щетками. И надъ всѣмъ этимъ стоялъ неумолкаемый гулъ, поминутно прорѣзываемый звонками конки, а вдали, въ прозрачномъ неподвижномъ воздухѣ, высились мрачныя стѣны богадѣльни.

— А всетаки нѣтъ на свѣтѣ города лучше,—пробормоталъ про себя Элеазаръ,—только какъ онъ старъ, какъ ужасно старъ... и нѣтъ въ немъ ни солнца, ни зелени... И люди живутъ и умираютъ въ этой каменной могилѣ. Явится ли когда-нибудь нашъ избавитель, тотъ исполинъ духа, который разбудитъ насъ отъ этой спячки? Кто будетъ тотъ вдохновенный счастливецъ, который разобьетъ старыя скрижали и насадитъ молодые побѣги на развалинахъ обветшавшей синагоги?...

Еврейство, христіанство, бриллІанты, первыя майскія почки новой зелени,—какъ все это дико... Элеазаръ пошелъ впередъ,

улыбаясь широко раскрытыми сѣрыми глазами. И пока онъ медленно подвигался, сгибаясь подъ тяжестью мѣшка, набитаго тяжелыми, грязными и столько разъ жадно перечитанными книгами, онъ думалъ, что долженъ былъ бы ненавидѣть этотъ выродившійся, упрямо вѣрующій еврейскій народъ, гибнущій безъ жизненныхъ силъ среди этой груды тѣсныхъ, старыхъ, разрушающихся домовъ, народъ, который былъ лишь тѣнью своихъ великихъ, сильныхъ волею предковъ. Онъ миновалъ площадь съ разложеннымъ передъ лавочками товаромъ, оглашаемую криками торговцевъ. Всѣ окрестныя улицы, переулки, темныя и сырыя щели кишмя кишѣли народомъ. Ноги шаркали о камни, платья развѣвались отъ быстроты движеній. Онъ попалъ въ толпу и, точно уносимый теченіемъ, миновалъ уйленбургскій мостъ; теперь онъ шагалъ по пыльной Еврейской улицѣ, все еще размышляя надъ тѣмъ, былъ ли еще Дрейфъ помощникомъ раввина, и могъ ли онъ по своему положенію заниматься торгашествомъ? Или онъ ошибся и принялъ за него другого?

Вдругъ кто-то положилъ ему руку на плечо.

— Вы уже вернулись?.. вы удивительно хорошо выглядите!

Это былъ Зейкерперъ, сосѣдъ тети Регги.

II.

Она спала въ креслѣ съ открытымъ ртомъ, сложивъ на колѣняхъ руки. Смеркалось. На грязномъ дворѣ играли дѣти, и ихъ веселый гамъ доносился сквозь полуоткрытую дверь.

Шея старухи была сильно вытянута, а голова откинута назадъ. Одна половина лица тонула въ полумракѣ комнаты, другая освѣщалась неровнымъ тусклымъ свѣтомъ, проникавшимъ изъ дверной щели. Казалось, что лицо раздѣлено ровно пополамъ на два профиля,—темный и свѣтлый, прорѣзанныхъ рѣзкой линіей рта. Изъ подъ парика, не плотно приколотаго шпильками, выбивались сѣдыя, серебристыя пряди волосъ. Легкій храпъ раздавался въ комнатѣ и смѣшивался съ глухо долетавшимъ крикомъ дѣтей, который звучалъ такъ странно въ полутемной комнатѣ рядомъ со старческимъ лицомъ. Мирно, тихо постукивалъ съ жалобнымъ скрипомъ маятникъ.

На дворѣ играли трое или четверо еврейскихъ дѣтей и одинъ христіанскій ребенокъ, калѣка. Младшій былъ болѣзненно полный и изжелта блѣдный мальчуганъ, съ большими темными внимательными глазами и рѣдкими всклокоченными волосами...

Ребенокъ сидѣлъ на грязномъ каменномъ порогѣ, его юбочка была подоткнута и вытянутыя голыя ножонки запачканы пылью. Въ маленькихъ кривыхъ ручкахъ онъ вертѣлъ капустный листъ, отрывая и разбрасывая отъ него мелкіе кусочки. Нѣсколько такихъ же листьевъ, вялыхъ и гнилыхъ, было разбросано вокругъ. Большіе черные глаза слѣдили за игрой остальныхъ, громко кричавшихъ дѣтей. Изъ цинковой сточной трубы капала жидкость въ выгребную яму, которая испускала зловоніе, хотя и была прикрыта небольшой деревянной дощечкой. Мейеръ, сынъ Зейкерпера, приподнялъ доску за ржавое кольцо и началъ ворошить палкой густую, жирную, зловонную массу. За нимъ потянулась дѣвочка съ лопаткой отъ угольевъ. Вокругъ ямы разлилась темно зеленая жижа со слипшимися комками нечистотъ. Янъ, хромой сынъ сапожника, лежалъ, вытянувшись во всю длину, свѣсивъ голову надъ ямой, и, слегка заткнувъ носъ, старался нащупать что-то въ этой гущѣ. Его обезображенная ножка была напряженно искривлена. Саартье наблюдала за ихъ занятіемъ, упершись въ грязь колѣнями и руками. Изъ подъ зеленой юбченки выглядывали ея худыя, какъ палки, ноги въ дырявыхъ черныхъ чулкахъ, сквозь которые просвѣчивало грязное тѣло. Мейеръ, старшій изъ нихъ, сидѣлъ, поджавъ ноги, у самой стѣны.

Это былъ блѣдный мальчикъ съ тонкими чертами лица, съ жидкимъ чернымъ пушкомъ на головѣ, почти сплошь покрытой рубцами и струпьями. Буро желтые струпья на головѣ, вискахъ, ушахъ...

— Вотъ оно, ей Богу, вижу,— пробормоталъ съ закрытымъ носомъ Янъ.

— Ты его видишь?—спросилъ Мейеръ, наклоняя свою золотушную голову къ самой ямѣ.

Саартье вытащила свою лопатку и тоже низко наклонила курчавую головку съ блѣднымъ личикомъ, спокойно вдыхая зловонье.

— Гдѣ же ты его видишь?

— А тамъ. Тебѣ его оттуда не видно.

— Ты можешь его достать?

— Ну, молчи... вонь-то какая!

— Хочешь лопатку?

— Молчи же!

Узенькой, тонкой дощечкой онъ осторожно добывалъ что-то изъ грязи. Три маленькихъ личика наклонились съ интересомъ надъ черной вонючей массой.

— Поймалъ?

— Ты думаешь это такъ легко? — бормоталъ Янъ въ носъ.

— Давай, я лопаткой достану,—сказала Саартье, нагибаясь еще ниже.

— Ничего ты не подѣлаешь со своей лопаткой... Да берегись ты! Чортъ возьми, какъ воняетъ!.. Господи Боже мой, вотъ такъ вонь. Одно свинство!.. Ну... тащу, тащу!

— Ты бы привязалъ палочку къ лопаткѣ, — сказалъ Мейеръ, хлопая въ ладоши.—А, что? что?

— И такъ достану!

— Я еще ничего не вижу.

— А оно не потонетъ опять?—спросила Саартье, копаясь обѣими рученками въ грязи. Янъ ничего не отвѣчалъ, онъ осторожно передвигалъ дощечку въ нижнемъ слоѣ нечистотъ. Мóсье *), болѣзненный мальчикъ, который до сихъ поръ возился съ капустными листьями, ползкомъ добрался до дѣтей и протиснулся между Саартье и Мейеромъ. Его руки скользили по грязи, которая прилипала къ ногамъ и юбкѣ и хлюпала подъ его пальцами. Очевидно, не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, онъ глядѣлъ на дыру большими влажными глазами.

— Пойди прочь Мóсье,—крикнула Саартье,—упадешь!

— Тамъ... тамъ... тамъ...—лепеталъ ребенокъ, протягивая рученки къ зловонной ямѣ.

Саартье поднялась, взяла его подъ мышки и отнесла на порогъ дома.

— Сиди тутъ смирно... а не то позову тетю... Будешь ты меня слушаться? Что? Попробуй-ка еще разъ! Слышишь? Тебѣ говорю, слышишь?

Она сунула ему въ руки капустный листъ, и блѣдный, болѣзненно пухлый ребенокъ снова принялся его ощипывать.

Янъ старательно привязывалъ лопатку къ дощечкѣ. Мейеръ придерживалъ концы. Но веревочка ежеминутно лопалась.

— Подожди, я дамъ тебѣ мой шнурокъ,– сказалъ Мейеръ, вытягивая черную тесемку изъ своихъ стоптанныхъ башмаковъ. Саартье была проворнѣе и живо оторвала полоску матеріи отъ своихъ панталонъ на колѣнѣ. Янъ, щуря глаза, плотно связалъ ею концы своихъ инструментовъ. Они опять улеглись на край ямы, свѣсивъ головы, а густая масса растекалась во всѣ стороны, распространяя ѣдкій, удушливый смрадъ.

Это былъ маленькій, грязный дворикъ позади темнаго полуразвалившагося зданія, выходившаго на узкую уличку. У входа въ него были двѣ едва замѣтныя дверки; напротивъ въ заборѣ тоже двѣ калитки. Съ третьей стороны дворъ замыкался высокой и мрачной стѣной склада. Лишь въ верх-

*) Моосъ, Мосье—Моисей; Сооръ, Саартье, Соортье—Сара.

ней его части виднѣлся рядъ маленькихъ грустныхъ оконецъ съ темными рамами и стеклами, ставшими отъ времени разноцвѣтными, какъ мыльные пузыри. Эти стекла, точно многочисленные глаза квадратной каменной громады, смотрѣли тускло и безучастно на людскую суету внизу. Казалось, даже этотъ старый, подслѣповатый домъ задыхается въ этой мрачной, вонючей, мокрой дырѣ и стремится вверхъ, чтобы глотнуть хоть немного воздуха и свѣта. Верхнія оконца горѣли въ лучахъ заходящаго солнца; нѣкоторыя были полуоткрыты, и въ нихъ стояли горшки съ цвѣтами и высовывались длинные шесты, на которыхъ было развѣшано бѣлье, выдѣляясь рѣзкими, бѣлыми и пестрыми пятнами на фонѣ темной стѣны.

Время отъ времени изъ оконъ доносились звуки голосовъ, глухо повторяемыхъ эхомъ, а внизу маленькія блѣдныя дѣти играли въ узкомъ четыреугольномъ пространствѣ, куда никогда не проникалъ лучъ солнца. Громче всѣхъ раздавался голосъ Саартье.

Одно изъ оконъ перваго этажа раскрылось, и толстая, полногрудая женщина въ бѣлой кофтѣ, съ небрежно закрученными въ узелъ волосами, облокотилась на подоконникъ и свѣсилась внизъ. Въ вечернихъ сумеркахъ можно было разглядѣть ея поблекшее, блѣдное лицо, глаза безъ выраженія, тонкія злыя губы. Ея толстыя груди тяжело лежали на сложенныхъ рукахъ. Она крикнула изъ всѣхъ силъ:

— Закройте крышку... Провоняли все!.. Ступайте прочь! Убирайтесь вонъ!

— Почему это?—закричалъ Янъ, упрямо продолжая свое занятіе.

— Говорю вамъ, закройте крышку, свиньи!

— Эхъ,—отвѣтилъ Янъ,—тамъ что-то лежитъ!

— Что же ты тамъ нашелъ, хромой чортъ!

— Ея яблоко,—сказалъ Мейеръ, указывая на Саартье.

— Такъ изъ за этого вы весь воздухъ поганите? Закройте сейчасъ же, говорю вамъ!

Толстая, красная, потная голова мужчины показалась въ окнѣ рядомъ съ женщиной.

— Сейчасъ же положить доску на мѣсто!—крикнулъ онъ сердито.

Но упрямый Янъ, зная отлично, что изъ склада нѣтъ хода во дворъ, и что тамошніе жильцы въ ссорѣ съ нижними обитателями, ничего не отвѣтилъ, только крикнулъ вызывающимъ тономъ: „Поглядите, вонъ и мадамъ пожаловала",—съ мальчишескимъ задоромъ глядя на красныя, лоснящіяся щеки мужчины. Тотъ посинѣлъ отъ злости. Опершись кулаками о подоконникъ, онъ яростно выкрикивалъ бранныя

слова, которыя, казалось, съ трудомъ выходили изъ его бычачьей шеи съ отвислымъ подбородкомъ.

— Проклятый калѣка... весь воздухъ отравили!.. Свинья! Разбойникъ!.. разбойникъ!.. разбойникъ!..

Онъ хрипѣлъ отъ злости, шея его побагровѣла и подбородокъ трясся. Тогда женщина, совсѣмъ перегнувшись изъ окна и грозя своей пухлой бѣлой рукой, стала въ свою очередь визгливо и протяжно выкрикивать ругательства, потомъ, видя, что они не помогаютъ, съ злобой захлопнула окно.

Въ другихъ окнахъ начали тоже показываться сердитыя лица.

Дѣти, слегка испуганныя сыпавшейся на нихъ бранью, присмирѣли. Изъ темнаго полуразрушеннаго зданія раздался голосъ сапожника:—Что еще тамъ такое?

Янъ, ободренный голосомъ отца, отвѣтилъ жалобно:

— Онъ, тотъ жилецъ сверху, не позволяетъ мнѣ достать яблоко!

— Не суйтесь не въ свое дѣло вы, подлецы, мошенники!..— раздался громовой голосъ по направленію къ пакгаузу.

И снова во дворикѣ воцарилась тишина.

— Ну, что,—поймалъ?

— Тише. Подожди... опять выскользнуло... а теперь совсѣмъ его не вижу.

— А ну, дай я попробую!

И они снова наклонились, пристально вглядываясь.

— Давай, я достану,—сказалъ сердито Мейеръ,—это вѣдь ея лопатка и ея яблоко!

— Да, пусть онъ достанетъ, если ты не можешь,—возразила Саартье,—у него руки длиннѣе, чѣмъ у тебя.

— Чортъ возьми, ты думаешь, что это такъ легко?.. тихонько... не толкни меня... Ну-ка, подпихни его ко мнѣ палкой, Мейеръ, а то оно опять выскользнетъ. Держи его крѣпче! крѣпче! Потише... потише...

Раздался общій громкій крикъ восторга. Они остались на своихъ мѣстахъ. Саартье вытерла яблоко своей зеленой юбкой, старательно очистивъ всѣ особенно загрязненныя мѣста.

Янъ жадно поглядывалъ на него. Мейеръ, вполнѣ увѣренный, что получитъ свою долю, бросалъ обратно въ яму комья нечистотъ.

— Можно и такъ его съѣсть,—заявилъ Янъ.

Но Саартье, нагнувъ надъ яблокомъ свою черную курчавую головку, плевала на него, терла подоломъ, пока оно не заблестѣло.

— Ну, теперь я дамъ каждому по кусочку. Первому Яну...

Она закусила яблоко, а Янъ жадно протягивалъ свою

грязную руку. Саартье дала ему кусочекъ, потомъ Мейеру и Мóсье, который снова подползъ къ нимъ.

— Оно на вкусъ совсѣмъ не испортилось,—сказалъ Мейеръ.

— Что-же ты воображаешь, что кожица что-нибудь пропускаетъ?—сказалъ Янъ разсудительно.—Да если бы оно пролежало тамъ цѣлую недѣлю, его всетаки можно было бы ѣсть.

— Ну, что ты?.. какъ ты думаешь, Сааръ?—горячо возразилъ Мейеръ.

— Мнѣ кажется, если бы оно пролежало тамъ недѣлю, я не могла бы его ѣсть,—сказала Саартье, быстро жуя свое яблоко.

— Ну, а я бы могъ,—заявилъ Янъ.—Недавно мы выловили въ Зингельскомъ каналѣ, я и Шеля—знаешь—палкой съ гвоздемъ. Боже, сколько ихъ тамъ въ водѣ и какія все отличныя!

— И теперь ихъ тамъ много?—спросилъ Мейеръ, поглядывая на все уменьшавшійся огрызокъ въ рукѣ Саартье.

— Послѣ базара, всегда цѣлая масса... Слышите? О, да... Можно наѣсться до сыта... Коосъ выловилъ чуть не двадцать... Ты мнѣ больше не дашь ни кусочка?

— Вѣдь я тебѣ уже дала,—сказала Саартье,—мнѣ самой ничего не останется...

Но когда всѣ съ молчаливой просьбой уставились на нее, она откусила своими ровными бѣлыми зубками каждому еще по кусочку.

Янъ снова наклонился надъ ямой и копался въ ней лопаткой.

— Что, очень глубоко?—спросилъ Мейеръ.

— Еще бы. Тебя совсѣмъ покроетъ! и еще какъ! — воскликнулъ Янъ, набравъ на лопатку жижи и медленно ее выливая.

— Ну, если умѣть плавать...—сказалъ Мейеръ и плюнулъ въ яму.

— Какъ удержишься въ такомъ свинствѣ, — возразилъ Янъ.—Сейчасъ же захлебнешься.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—возразилъ Мейеръ, продолжая плевать.

Они вели свои немудреные разговоры со всей серьезностью взрослыхъ людей. Саартье переводила взглядъ съ Мейера на Яна, Мосье копошился рученками въ грязи. Тусклый свѣтъ догоравшаго туманнаго ноябрьскаго дня озарялъ блѣдныя лица, руки, голыя ножонки ребенка. Минутами, когда шумъ на улицѣ и въ сосѣднихъ домахъ замиралъ совершенно, голоса мальчиковъ звонко раздавались среди тѣсныхъ стѣнъ. Янъ складывалъ кучки изъ грязи.

— Отчего твой отецъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы прошла твоя короста на головѣ?—спросилъ онъ Мейера.

— Это не короста,—сказалъ Мейеръ,—это такъ себѣ.

— Надо мазью помазать, — продолжалъ Янъ, внимательно глядя на голову въ струпьяхъ.

— Отецъ говоритъ, что это пустяки,—возражалъ Мейеръ.— У моего брата тоже самое, и у младшей сестры, и у старшей...

— Сколько же васъ?—спросилъ Янъ.

— Насъ семеро.

— Васъ семеро! А насъ четверо.

— Насъ было одиннадцать человѣкъ, — сказалъ Мейеръ, — четверо умерли, и моя младшая сестра тоже скоро умретъ.

— Она тоже умретъ?

— О, навѣрное!

— Что же съ ней?

— Да развѣ я знаю?

— У насъ тоже одинъ умеръ,—разсказывалъ Янъ, задумчиво припоминая и медленно сцарапывая грязь съ края ямы.—Боже мой, какъ это было чертовски странно... у насъ какъ разъ была такая яма въ погребѣ... И воняло же тамъ!.. Охъ, воняло!.. Господи прости, что за смрадъ!.. А по утрамъ мы всѣ должны были выгребать ее ведрами... Только это мало помогало, да... И такъ это смѣшно было, да... очень забавно... Маленькій гробикъ стоялъ на двухъ стульяхъ... Вы когда-нибудь уже видѣли маленькій гробикъ?.. Совсѣмъ бѣлый, вотъ какъ апельсинная корка изнутри... да, и вотъ туда его положили!..

— Онъ лежалъ въ маленькомъ гробикѣ?

— А какъ-же!

— И закрытъ крышкой?—спросила Саартье.

— А какъ же иначе... вѣдь смѣшно, правда?

— Это твой братецъ Диррекъ?

— Вотъ дура! Да развѣ Диррекъ умеръ?... Это былъ маленькій... Мейеръ его видѣлъ... Тебя еще тогда здѣсь не было!.. Онъ еще ни слова не говорилъ... вотъ какъ Мóсье... И всегда у него былъ поносъ... Господи прости, что за поносъ! Отецъ говорилъ, что онъ умеръ отъ постояннаго поноса... Гробикъ былъ такой маленькій, какъ крышка отъ этой дыры... А по утрамъ сколько бывало смѣху съ водой въ погребѣ... Мы должны были ходить туда босикомъ... братъ и я... А братъ, — тотъ полуголый шлепнулся въ воду... Ха-ха-ха!.

Дѣтскій смѣхъ громко прозвенѣлъ по дворику.

— А дальше?—спросила Саартье.

— Вотъ еще... дальше... А дальше!.. Глупая ты!.. вѣдь это не сказка! Чего же ты еще хочешь, а дальше...

Сзади скрипнула дверь. На порогѣ показалась старая сгорбленная, изсохшая, пожелтѣвшая еврейка, съ вытянутыми впередъ дрожащими руками. Ея парикъ сдвинулся назадъ, и сѣдые завитки волосъ робко выглядывали изъ-подъ него вокругъ лба и висковъ.

Густая синева окружала тусклые сѣрые глаза. Двѣ скорбныя складки залегли въ углахъ рта, глубокія морщины изрѣзывали все лицо ото лба до заостреннаго подбородка. Бѣлая ночная кофта, застегнутая у ворота гладкой красной брошкой, широкими складками падала на черную юбку.

— Ты здѣсь, Саартье?—спросила она.

— Да, тетя.

— Ты присматриваешь за Мóсье!

— Да, тетя.

— Кто еще съ тобой?

— Янъ отъ сосѣдей и Мейеръ.

— Такъ... такъ... Умѣешь ты смотрѣть на часы Мейеръ?

— Да, конечно,—сказалъ Мейеръ, кивая головой слѣпой старухѣ.

— А которой теперь часъ? — спросила она, слегка улыбаясь.

— Да гдѣ же часы?

— А у насъ можно поглядѣть,—сказала Саартье, подбѣгая съ нимъ вмѣстѣ къ дверямъ и смотря на мѣдный циферблатъ.

— Половина шестого!—заявилъ громко Мейеръ.—Двухъ минутъ только не хватаетъ!

— Половина шестого,—повторила слѣпая...—Ну, играйте, себѣ...

Она было вошла въ комнату, но тотчасъ вернулась: можно подышать воздухомъ и подождать его здѣсь. Только бы не пропустить его. Она взяла за спинку близь стоящій стулъ, поставила его на порогѣ и, ласково кивая дѣтямъ, сказала:

— Дай-ка мнѣ Мосю, Саартье.

Она взяла ребенка на колѣни, терла ласково своей худой рукой его холодныя и влажныя ножки и сидѣла спокойно, мигая своими слѣпыми глазами.

Янъ продолжалъ соскребать грязь съ края ямы и разсказывалъ отрывисто и серьезно:

— ...Какъ это страшно!.. дома... А потомъ пожарные... изъ трубъ... Охъ, какія струи... дымъ повсюду... а огонь какой! Господи прости, какой огонь! Небо было такое красное... такое красное... какъ... какъ... совсѣмъ звѣздъ не было видно...

— Неужели же все горѣло?—спросилъ Мейеръ съ любопытствомъ.

— О!.. все было такое красное, какъ внутри печки... И видно было, какъ балки падаютъ. .

— Вѣдь камни не горятъ,—сказала недовѣрчиво Саартье.

— Еще какъ горятъ!—заявилъ Янъ, оглядывая кругомъ стѣны,—я бы хотѣлъ, чтобы это здѣсь когда нибудь случилось.

— О, я бы не хотѣла! — воскликнула испуганно Саартье.

— А я — да, — сказалъ Мейеръ, который еще никогда не видѣлъ пожара и началъ вслухъ соображать, какъ бы это вышло: — я бы хотѣлъ, чтобы огонь вспыхнулъ сейчасъ, и мы всѣ бы это видѣли... Развѣ вы этого бы не хотѣли?

— Еще бы! — сказалъ Янъ. — Это было бы прекрасно... Искры разлетаются тогда по всему городу... и потомъ пожарные: дзинь-дзинь-дзинь! дзинь-дзинь-дзинь! Здорово!

— А если мы сгоримъ?—сказала Саартье.

— О, нѣтъ, никто не сгораетъ,—весело отвѣтилъ Янъ, — они всѣхъ спускаютъ по лѣстницѣ, а кто въ домѣ живетъ, тотъ можетъ стоять и смотрѣть.

— Я бы хотѣлъ, чтобы это сейчасъ случилось,—сказалъ Мейеръ, глядя на стѣны, верхнія окна которыхъ сіяли на солнцѣ.

— Днемъ это не интересно, — отвѣтилъ Янъ, качая головой.

— Почему?

— Днемъ виденъ только дымъ!

— А огня не видно?

— Нѣтъ.

— А ты видѣла когда нибудь пожаръ?—крикнула Саартье теткѣ.

— Да, — отвѣтила та. — Говорите лучше о чемъ нибудь другомъ. Не накликайте на домъ несчастія...

Но дѣти продолжали перешептываться. Старуха сидѣла на порогѣ, обнявъ рукой больнаго ребенка и тихонько покачивая его на колѣняхъ. Невдалекѣ раздавались звуки колокола.

Тускло сѣрые глаза пристально смотрѣли вверхъ изъ тѣснаго, узкаго каменнаго колодца. Прямо надъ головой старухи свѣсилась съ косяка „мезуза“ въ заржавленной трубочкѣ *). И на старческое, сморщенное лицо, обрамленное

*) „Мезуза“—прибитая къ косяку жестяная трубочка, заключающая листокъ пергамента съ написанными на немъ стихами изъ Пятикнижія. Этотъ религіозный обычай есть напоминаніе о десятой казни египетской, когда эвреи должны были чѣмъ-нибудь отмѣчать свои жилища.

сѣдыми волосами и обращенное къ небу, падалъ неровный, робкій свѣтъ.

Маленькій Мосье уснулъ.

III.

Такъ и засталъ ее Элеазаръ, когда вошелъ съ Зейкерперомъ черезъ полутемныя ворота. Вопросы за вопросами посыпались въ низенькой комнатѣ. Смущенная и испуганная, слѣпая прислушивалась съ удвоеннымъ напряженіемъ, безпокоясь за Давида и Саару, которые пошли вмѣстѣ на вокзалъ и, вѣроятно, остались ждать слѣдующаго поѣзда. Она повторяла это нѣсколько разъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Зейкерперъ въ отвѣтъ раскатывался веселымъ смѣхомъ, который звонко вырывался изъ его груди, и повторялъ нараспѣвъ:

— Вѣдь они не дѣти, Регги... Что-о?.. Они вернутся, вернутся навѣрное!..

И опять градъ вопросовъ осыпалъ Элеазара. Но тотъ совершенно не чувствовалъ себя растроганнымъ. Онъ напряженно потиралъ мокрый лобъ рукой, силясь отвѣчать въ томъ же сердечномъ тонѣ, но были моменты, когда мысли его куда то улетали, онъ не слышалъ словъ или не улавливалъ ихъ значенія и, испуганно спохватившись, заставлялъ повторять себѣ вопросы.

— Ну, что же было потомъ?—спрашивала тетка, устремивъ на него слѣпыя глаза.

Онъ разсказывалъ и удивлялся своимъ собственнымъ словамъ, которыя казались ему рѣчами кого-то посторонняго. Онъ настолько былъ полонъ другихъ тяжелыхъ мыслей, что говорилъ съ трудомъ.

— Въ Чикаго есть дома въ двѣнадцать этажей,—разсказывалъ Элеазаръ; и въ ту же минуту у него мелькала мысль, что носъ ея не былъ раньше такъ тонокъ и теменъ, что это совсѣмъ не ея носъ, что онъ удлиннился и похудѣлъ; что въ чертахъ знакомаго и любимаго лица появилось что-то увядшее и болѣзненное... — двѣнадцать этажей и подъемная машина до самаго верха.—И опять во время короткой паузы онъ глядѣлъ на темные круги подъ ея глазами,—на эти изсиня черныя углубленія, которыя вмѣстѣ съ тонкимъ носомъ дѣлали лицо похожимъ на маску.

Ему стало больно и грустно при воспоминаніи о томъ, какой она была раньше, какъ бываетъ больно и грустно увидѣть при яркомъ дневномъ свѣтѣ больного, который долго лежалъ въ кровати въ полутемной комнатѣ, и глаза котораго не выносятъ дневного свѣта.

Пока онъ говорилъ, съ трудомъ подбирая фразы, голосъ его все становился мягче, точно онъ боялся, что звуки слишкомъ грубо коснутся этого лица съ вялыми, дряблыми чертами, маленькими, тусклыми глазами и заострившимся носомъ.

Его собственное тѣло казалось ему чѣмъ-то тяжелымъ, громоздкимъ, черезчуръ здоровымъ въ этой жалкой тѣсной комнатѣ, гдѣ дышалось съ такимъ трудомъ, и куда едва пробивался сквозь спущенныя шторы блѣдный свѣтъ.

Зейкерперъ повторялъ слова Элеазара съ выраженіемъ удивленія, стараясь тѣмъ привлечь его вниманіе. Лицо стараго зеленщика, толстое, изжелта-блѣдное и грязное, выглядывавшее изъ подъ засаленной фуражки, вызывало въ Элеазарѣ то же чувство тревожнаго смущенія.

Онъ переводилъ взглядъ съ тети Регги на Зейкерпера, иногда мимоходомъ посматривалъ на маленькаго Мосье и на Мейера, который стоялъ, просунувъ голову между толстыхъ ногъ отца. Онъ привлекъ къ себѣ Саартье и обнялъ своей большой мускулистой рукой тоненькое тѣльце ребенка. Разговоръ какъ-то не клеился: Зейкерперъ былъ всетаки не свой и мѣшалъ задушевности. Элеазаръ сидѣлъ безучастно, всецѣло поддаваясь тому впечатлѣнію, которое производили на него ихъ новыя лица, лица, ставшія ему чужими, благодаря измѣнившимся формамъ носа и рта, цвѣту волосъ, всему складу лица. Только глаза сохранили прежнее выраженіе, да по прежнему звучали ставшіе чуть-чуть глуше голоса, со знакомыми, чисто-еврейскими пѣвучими нотами, при первыхъ звукахъ которыхъ въ немъ всплыли самыя отдаленныя воспоминанія. Онъ наклонился ниже, сильнѣе привлекъ къ себѣ Саартье, обдернулъ ея зеленое полинялое платьице и заглянулъ въ ея запачканное личико.

— Она очень похожа на Эсфирь,—сказалъ онъ серьезно и тихо.

— Какъ двѣ капли воды,—согласился Зейкерперъ.

— Она долго страдала,—разсказывала слѣпая, покачивая головой съ глубокимъ сожалѣніемъ,—долго, долго... И ничего нельзя было подѣлать. Однажды, въ субботу, напала на нее такая тоска... Давидъ вамъ объ этомъ писалъ... Писалъ вамъ объ этомъ Давидъ?

— Да,—отвѣтилъ Элеазаръ.

— А потомъ Давидъ сказалъ, лучше сюда переѣхать,— квартира тутъ все равно пустая—вотъ мы и переѣхали. Понимаете? Я и такъ не могла по лѣстницѣ ходить... а еще дѣти... Понимаете?

— И я, нижній жилецъ, очутился сосѣдомъ сверху,—пополнялъ Зейкерперъ.

Элеазаръ живо вспомнилъ покойную сестру и посмотрѣлъ на ея маленькую карточку въ золоченой рамкѣ, которая стояла на выступѣ печки, рядомъ со стаканами и бѣлыми фарфоровыми чашками.

— Это длилось нѣсколько мѣсяцевъ, — продолжала слѣпая,—вскорѣ послѣ Мосинаго рожденія началось. Цѣлую зиму она умирала. Съ утра она еще была совсѣмъ здорова,—разсказывала старуха о томъ, что она могла видѣть своими слѣпыми глазами,—она вытирала вилки и ложки и сказала мнѣ: „какой снѣгъ, тетя"—а это была снѣжная зима—и начала еще... еще начала такимъ мягкимъ голосомъ... Давидъ опять нашелъ работу, и она хотѣла спечь ему булку къ субботѣ. Около полудня она такъ устала, что легла съ Мосье на постель, а къ вечеру она умерла. Да, да, Божья воля. Ее похоронили въ воскресенье. Никогда я не думала, что я переживу ее, что я услышу, какъ гробъ ея спускаютъ по лѣстницѣ... Божья воля, только не дай Богъ еще разъ это услышать... Божья воля...

Она разсказывала спокойно, почти улыбаясь, съ равнодушіемъ старухи, притупленной къ страданіямъ долгой и тяжелой жизнью. Зейкерперъ добавилъ нѣсколько подробностей: удивительно быстро разложилось тѣло. Въ субботу такъ пахло на весь домъ, что въ верхнемъ этажѣ нельзя было ничего ѣсть,—даже супъ скисъ. И это зимой.

— Да, такъ это и было,—подтвердила тетя Регина, моргая глазами. Дѣти ночевали у Зейкерпера, а она съ Давидомъ на полу около покойницы. Ночью Давидъ долженъ былъ открыть окно: до того невыносимъ былъ запахъ. При этомъ онъ сказалъ:—Тетя, какой снѣгъ!—И она почувствовала холодъ.

— А знаете какая исторія вышла съ гробомъ? — спросилъ Зейкерперъ.—Нѣтъ? Они никакъ не могли снести его внизъ!—И, наклоняясь къ Элеазару, онъ пояснялъ ему, что случилось, какъ они протискивали гробъ, а онъ застрѣвалъ между выступами лѣстницы, точно онъ не хотѣлъ выходить,—просто чудо, настоящее чудо, а между тѣмъ наверхъ его внесли совершенно спокойно.—Это потому, что гробъ разбухъ отъ разложившагося тѣла, — добавилъ онъ, поникнувъ головой.

Онъ еще хотѣлъ кое-что поразсказать, но ихъ перебили Давидъ и Сооръ, которые вернулись съ вокзала, сердитые на то, что даромъ прождали. Сестра Соортье была совершенно внѣ себя и не хотѣла здороваться съ Элеазаромъ. Почему онъ не прислалъ телеграммы, чтобы они знали навѣрное, когда онъ

пріѣдетъ? Элеазару пришлось объяснять еще разъ, что въ Гамбургѣ ему удалось попасть на курьерскій поѣздъ, и что онъ потому пріѣхалъ раньше, чѣмъ самъ разсчитывалъ.

Они сидѣли вокругъ грязнаго стола, покрытаго темной скатертью, и Регги, довольная, что Давидъ и Сооръ, наконецъ, дома, нащупала на плитѣ кофейникъ и заварила кофе. Сумерки сгущались, и въ комнатѣ темныя тѣни чередовались съ золотистымъ отблескомъ заката.

Послѣдній лучъ солнца горѣлъ на стеклахъ высокаго желтаго шкафа и бросалъ яркіе блики на мѣдную посуду, стоявшую аккуратно въ рядъ, на жаровню и праздничный семисвѣчникъ *).

Давидъ сидѣлъ ближе всѣхъ къ окну, и можно было разсмотрѣть его блѣдныя щеки и безцвѣтные глаза.

У Соортье въ полумракѣ выступала только лиловая кофточка, облекавшая мягкія, округлыя формы, да задорно покачивающійся на головѣ уборъ изъ лентъ.

— Ну, разсказывай же, разсказывай... Ты ничего не говоришь, — сказалъ Давидъ, наклоняясь впередъ.

— Я уже столько разсказывалъ,—устало возразилъ Элеазаръ, съ мучительнымъ ощущеніемъ тошноты отъ непривычнаго для него спертаго воздуха.

— Ну, разскажи еще разъ,—сказала настойчиво Соортье, съ пѣвучими нотами въ голосѣ, прихлебывая кофе.

Тетя Регги отломала кусокъ пирога дѣтямъ, которыя принялись ѣсть его медленно, по крошкамъ. Въ комнатѣ раздавалось чмоканье и чавканье, — всѣ занялись пирогомъ и кофе. Со двора доносился шумъ воды, стекавшей изъ трубы въ яму. Изъ подъ воротъ въ раскрытыя окна долеталъ смѣшанный гулъ человѣческихъ голосовъ.

Элеазаръ, чтобы удовлетворить любопытство вновь пришедшихъ, блѣдныя лица которыхъ рѣзко выдѣлялись въ сумеркахъ, принялся снова разсказывать, что случалось съ нимъ во время его путешествія: сначала о томъ, какъ долго ему пришлось пролежать въ госпиталѣ, о качкѣ на морѣ и морской болѣзни, о буряхъ и о штилѣ, когда цѣлыми днями приходится стоять неподвижно, выжидая попутнаго вѣтра, о томъ, какъ неприютно на парусномъ суднѣ, о черствыхъ сухаряхъ и соленомъ мясѣ, о юнгѣ, который умеръ въ дорогѣ, и о его погребеніи... Но все замерло у него въ душѣ. Онъ разсказывалъ равнодушно, точно какія-то пустыя сказки, и сознавалъ, что въ его устахъ эти приключенія теряютъ

*) Въ дни „хануки"—праздничнаго воспоминанія объ освященіи Храма— по вечерамъ зажигаютъ въ домахъ съ молитвою особыя свѣчи, число которыхъ, увеличиваясь ежедневно, доходитъ въ послѣдній вечеръ праздника до семи; для этого обряда въ семьяхъ хранятся особые подсвѣчники.

свой колоритъ. Путешествіе на кораблѣ было долго и мучительно, а особенно для него, угнетеннаго еврея, среди здоровенныхъ, жующихъ табакъ и пьющихъ водку морскихъ волковъ. Онъ не могъ разсказать всего этимъ людямъ, которые такъ громко, съ такимъ смакомъ жуютъ пирогъ и прихлебываютъ кофе; онъ не имѣлъ духу заговорить о томительныхъ дняхъ на качающемся, неспокойномъ, старомъ кораблѣ, гдѣ онъ такъ страдалъ отъ непрерывной морской болѣзни, и гдѣ его звали не иначе, какъ жидкомъ. Онъ—жидокъ! Въ больницѣ, когда къ нему стали мало по малу возвращаться силы, онъ съ глубокой внутренней радостью перечелъ нѣсколько разъ книгу Спинозы. Иногда книга выпадала изъ его усталыхъ рукъ, онъ задумывался и старался вообразить себѣ этого человѣка среди грубыхъ крестьянъ голландской деревни. Положивъ руки на книгу, закрывъ глаза, чтобы лучше сосредоточиться, онъ представлялъ себѣ еврея Спинозу, еврея съ медленной, грустной походкой, то бродящаго по полямъ, то, согнувшись въ глубокой задумчивости, роющаго землю на гребнѣ дюнъ. Сколько выстрадалъ въ то время, величаво и покорно, этотъ одинокій человѣкъ!

И грубые мужики, тяжело стуча ногами, проходили въ церковь мимо его бѣднаго домика, громко повторяя своими большими ртами съ грязными зубами: — Здѣсь живетъ жидокъ Спиноза. Сколько разъ дѣти смѣялись и ругались надъ нимъ, когда онъ робко пробирался вдоль стѣнъ!.. Да, все это было!.. Элеазаръ переживалъ все это съ болью, прислушиваясь въ тишинѣ больницы къ своему учащенному дыханію, а потомъ книга вновь завладѣвала имъ, унося его на вершины, гдѣ нѣтъ мѣста человѣческой мрази. И потомъ онъ поправился и попалъ на корабль, гдѣ снова сталъ добродушнымъ жидкомъ... жидкомъ и остался.

И пока Элеазаръ, чтобы поддержать разговоръ, понукаемый нѣсколько принужденными: „а дальше что?“ — передавалъ кое-какъ незначительные случаи изъ своего путешествія, въ немъ живо воскресала горечь всего того, что ему пришлось терпѣливо выносить цѣлыми недѣлями отъ капитана, отъ буфетчика съ краснымъ раздутымъ лицомъ, отъ грубыхъ матросовъ, которыхъ тяжелая корабельная жизнь обратила въ добродушныхъ съ виду, но на дѣлѣ совершенно озвѣрѣлыхъ морскихъ волковъ, всѣ мечты которыхъ вертѣлись вокругъ полупьяныхъ женщинъ, гармоники и виски. О, эти дни одинокой грусти въ тѣсной каютѣ, эти обѣды и молитва, которую онъ выслушивалъ, какъ чужой, которая стѣснялъ его, одинокаго, молчаливаго еврея, среди грубыхъ, невѣжественныхъ парней. Съ перваго же дня онъ почувствовала себя угнетеннымъ, съ того дня, когда онъ заболѣлъ въ

своей каютѣ и слышалъ черезъ стѣну разговоры и вопросы: „а гдѣ жидокъ"? — и отвѣтъ: — „жидокъ тамъ"— и опять — „жидокъ"... — и иногда — „жидъ" — или: — „нашъ жидокъ"—и такъ безъ конца. Грубый, раскатистый смѣхъ надъ тяжеловѣсными шуточками штурмана, заявлявшаго, что не желалъ бы быть „обрѣзаннымъ Шмулемъ", и грязные разговоры, и звонъ тарелокъ, и гулъ голосовъ, къ которому онъ съ боязливой тоской прислушивался изъ каюты, — все это такъ повліяло на него, такъ придавило его съ перваго же дня, что онъ и самъ сразу почувствовалъ себя угнетеннымъ, приниженнымъ жидкомъ. Его робость еще увеличивалась отъ физической слабости, и онъ ни къ кому не обращался прямо и смѣло. Никогда еще не чувствовалъ онъ такъ горько грубую силу христіанскаго народа и гнетъ его кулака, опирающагося на священное писаніе. Здѣсь не было возможности уйти, уединиться, какъ въ городахъ. На просторѣ безконечнаго моря, подъ необъятнымъ куполомъ небесъ, онъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ день за днемъ, часъ за часомъ испилъ ту горькую чашу униженія, которую подносятъ чуткому еврейскому народу эти рослые, широкоплечіе люди съ грубымъ добродушіемъ, съ дикимъ пѣніемъ еврейскихъ псалмовъ ихъ языческому божку. За его тихій, кроткій нравъ и за его постоянную улыбку всѣ они вскорѣ стали его звать „милымъ жидкомъ". Они не хотѣли его обидѣть и не понимали, что это прозвище было для него позорнымъ ударомъ бича. Онъ, этотъ „милый жидокъ", разстался съ ними дружески,—точно собака, которая лижетъ бьющую ее руку,—въ первый разъ въ жизни вынужденный испытать на себѣ до конца жестокую судьбу отверженной расы, безсмысленную вражду одного народа къ другому, съ полнымъ забвеніемъ первыхъ и самыхъ простыхъ божескихъ завѣтовъ.

Если бы Элеазаръ захотѣлъ добросовѣстно передать тетѣ Регги, Давиду, Саартье и Зейкерперу свое путешествіе, это была бы печальная повѣсть о дняхъ и ночахъ болѣзни и суроваго одиночества. Но они не поняли бы этого также, какъ не понимали матросы на кораблѣ его застывшей улыбки. И въ блѣдномъ свѣтѣ сумерокъ онъ разсказывалъ имъ о разныхъ внѣшнихъ событіяхъ, обо всемъ томъ, о чемъ обыкновенно разсказываютъ путешественники, точно жизнь ихъ была сплошнымъ рядомъ романтическихъ, страшныхъ и удивительныхъ приключеній.

Было бы грубой ошибкой сказать хоть одно слово о той гнетущей тоскѣ, которая воскресала въ немъ при воспоминаніи о его путешествіи, въ этой тѣсной кучкѣ громко жующихъ людей съ призрачно блѣдными лицами въ тускломъ

свѣтѣ угасающаго дня. Одного они бы не поняли, другого, что возбудило бы ихъ досаду, коснулись бы слишкомъ грубо. И онъ пространно разсказывалъ о далекихъ странахъ, о страхѣ, который онъ испыталъ въ то утро, когда вдругъ съ нимъ рядомъ на койкѣ юнга пересталъ шевелиться, и изсиня блѣдная рука трупа повисла безъ движенія, какъ коротко и несложно было погребенье: наскоро сметанный, вмѣсто савана, кусокъ стараго паруса, а за обѣденнымъ столомъ пѣніе псалмовъ и краткая заупокойная молитва. Голосъ его грустно раздавался среди общей тишины.

Въ желтоватомъ отблескѣ маленькихъ окошекъ, лица казались худѣе, а черты ихъ расплывчатѣе. Съ минуту всѣ молчали, задумчиво переводя дыханіе, точно передъ ними носилась холодная, изсиня блѣдная рука мертвеца.

Сооръ первая покачала головой и сказала нараспѣвъ: — Ой, бѣдняга... Ой, несчастный... — Остальные зашевелились; большія кофейныя чашки снова тускло засвѣтились въ ихъ рукахъ, и угрюмый шорохъ нарушилъ тишину...

Потомъ заговорилъ Давидъ, мрачно разсказывая о смерти Эсфири, и въ блѣдныхъ сумеркахъ разговоръ вертѣлся вокругъ того, „что она еще сказала передъ кончиной", и всяческихъ семейныхъ бѣдъ, пока Зейкерперъ не замѣтилъ нерѣшительно, что слѣдовало бы поговорить о чемъ-нибудь другомъ, и врядъ ли можетъ доставить удовольствіе Эли лышать только о смерти и горестяхъ, въ первые же часы его возвращенія въ родной домъ.

Маленькая Саартье заснула на колѣняхъ у Элеазара. Сквозь тонкую матерію онъ прощупывалъ ея маленькія ребра и чувствовалъ ея дыханіе, а завитки ея спутанныхъ курчавыхъ волосъ щекотали его подбородокъ.

Онъ пересталъ быть центромъ всеобщаго вниманія, могъ больше не говорить, и сидѣлъ, согнувшись, прислушиваясь къ жалобамъ Давида, которому пришлось изъ за болѣзни глазъ сидѣть нѣсколько мѣсяцевъ безъ дѣла; потомъ недѣли двѣ онъ проработалъ, а теперь опять былъ безъ заработка. Ему совѣтовали поѣхать въ Антверпенъ, но тамъ ждала нищета еще хуже... нельзя ничего заработать шлифовкой... дѣло тамъ испорчено и христіане портятъ его все больше и больше... А вчера было собраніе въ „Палé". Деккеръ говорилъ... приняли нѣсколько резолюцій... да развѣ поможешь резолюціями? Хоть обкусай себѣ ногти... Гдѣ нѣтъ денегъ, тамъ ихъ и не будетъ... Еще черезъ мѣсяцъ наступитъ зима... если не пришлютъ помощи изъ Америки... Богъ вѣсть, удастся ли выпутаться.

Грустно звучали въ полутьмѣ его жалобы, а Саартье и

Зейкерперъ подверждали ихъ черезъ столъ краткими, пѣвучими возгласами.

Элеазаръ, опершись подбородкомъ о курчавую голову ребенка, слушалъ, и ему казалось, что онъ не уѣзжалъ, что онъ всегда сидѣлъ въ той же комнатѣ съ тѣми же людьми.

На дворѣ сумерки все болѣе и болѣе сгущались; штукатурка глухой стѣны казалась призрачной завѣсой сѣраго тумана, на которой пятномъ выдѣлялась сточная труба, единственный предметъ, напоминавшій о дѣйствительности. Въ одномъ изъ маленькихъ оконъ, съ частымъ переплетомъ и тюлевыми занавѣсками, вырисовывалась круглая спина и медленно покачивающаяся, почти квадратная, коротко остриженная, худая голова гранильщика. Лицо скрывалось въ темнотѣ, и нельзя было разобрать его чертъ. Въ тишинѣ раздавался глухой голосъ, принадлежавшій этой раскачивающейся головѣ на круглой спинѣ. Густыя тѣни ложились на его тѣло, на молочную бѣлизну занавѣсокъ, на спинку кресла.

Тетя Регги сидѣла у изразцоваго очага съ мѣдными дверцами, и догаравшіе уголья съ вспыхивающими синими языками слабо озаряли ея лицо, изжелта темное, точно старинный пергаментъ, и ея слегка изогнутую руку, обнимавшую Мосье. Это была единственная фигура, выступавшая изъ мрака; остальные сидѣли возлѣ Элеазара, и онъ ихъ не видѣлъ; только повернувшись лицомъ къ шкафу, онъ различалъ семисвѣчникъ, тускло свѣтившійся на нижней полкѣ. Низкій потолокъ съ неуклюжими темными балками тяжело нависъ надъ комнатой, погруженной въ густой полумракъ, мѣстами нарушаемый рѣзкими черными и коричневыми контурами и золотистыми отсвѣтами. Послѣдній отблескъ отраженнаго свѣта падалъ изъ маленькихъ, запыленныхъ оконъ уже охваченной ночью сѣрой стѣны. Со двора и отъ неровной постройки съ облупившейся штукатуркой поднимались испаренья и лѣнивыми клубами расползались по крышамъ, забирались мягкими кольцами въ комнату, мракъ которой прорѣзывался кое-гдѣ слабымъ отсвѣтомъ блѣднаго лица, бликомъ на кофейной чашкѣ, на стеклянныхъ дверцахъ шкафа, мѣдной посудѣ...

Элеазаръ сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, всецѣло отдаваясь впечатлѣнію надвигающихся тѣней, сочетанію густого мрака и золотистыхъ вечернихъ тоновъ, послѣднихъ лучей свѣта на темнѣющихъ зданіяхъ. Его бѣлая, какъ мѣлъ, рука потянулась къ тускло свѣтящейся чашкѣ. Пальцы его дрожали; тяжелый запахъ, кисло-сладкія испаренія, проникавшія со двора, снова вызвали въ немъ горячій приливъ боязни и тревоги. Давидъ, всецѣло погруженный въ разсказъ своихъ ежедневныхъ заботахъ, продолжалъ перечислять свои

невзгоды и говорилъ глухимъ, жалобнымъ голосомъ, спорилъ съ Саартье и Зейкерперомъ.

— Выпейте еще чашечку, Эли,—сказала Регги, которая встревожилась, не слыша его голоса.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, вставая съ мѣста,—мнѣ душно!

Съ ребенкомъ на рукахъ онъ подошелъ къ двери и прислонился къ косяку, стараясь подавить поднимавшуюся тошноту, вызванную тѣснотой, вонью, мракомъ... Въ комнатѣ заговорили громче. Зейкерперъ о чемъ-то спорилъ и кричалъ, по временамъ издавая пѣвучія восклицанія. Они, повидимому, ссорились, но онъ не зналъ, изъ за чего; онъ смотрѣлъ передъ собой воспаленными, усталыми глазами, прислушиваясь къ однообразному шуму голосовъ.

— Правда-же!.. правда!

— И почемъ вы это знаете? почемъ вы знаете?—раздавался ворчливый голосъ Давида.

— Да будь я проклятъ!.. Вѣдь это правда, Сооръ? правда это? это стоило ему денегъ?

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! Ни цента...—утверждалъ Давидъ съ озлобленіемъ.—Не могутъ же оспаривать то, что я видѣлъ собственными глазами. Онъ не заплатилъ ни цента... Ни одного цента! Провалиться мнѣ! Вотъ хоть провалиться!

— Онъ заплатилъ, — клянусь моей жизнью, и вашей жизнью!—отвѣчалъ голосъ Зейкерпера.

— Пусть вы правы! Пусть такъ! Да!—ворчалъ раздосадованный Давидъ.

— Вы говорите о вещахъ, которыхъ не понимаете,—упрямо кричалъ все громче и громче первый.

— Охъ, покажу я тебѣ!—вышелъ Давидъ изъ себя.

— Что-о! Ты мнѣ покажешь! А почему не я тебѣ?—спросилъ задорно Зейкерперъ, но такимъ сдавленнымъ голосомъ, точно у него что-то застряло въ горлѣ.

— Ужъ не высѣчь ли вамъ меня!—сказалъ сухо Давидъ.

Вмѣшался голосъ слѣпой успокоительно:

— Не ссорьтесь!.. Ну что за важность, заплатилъ онъ или не заплатилъ...

Давидъ не уступалъ, старался доказать свою правоту, говорилъ во весь голосъ и размахивалъ руками, а Зейкерперъ силился его перекричать. Нѣкоторое время Элеазаръ прислушивался. Потомъ, все еще стоя въ дверяхъ, онъ сталъ разсматривать сильно потрескавшуюся стѣну, торчащія палки съ развѣшаннымъ бѣльемъ, верхнія оконца темнаго полуразрушеннаго зданія, почти совершенно окутанныя испареніями. Въ одной изъ квартиръ горѣлъ свѣтъ, и видно было, какъ худая плоскогрудая женщина въ лиловомъ платкѣ,

согнувшись, чесала ребенка, часто поднося гребень къ лампѣ и всматриваясь въ него пристальными глазами.

Глубоко, какъ старая, заглохшая боль, которая снова даетъ о себѣ знать, что-то сдавило и обожгло ему горло такъ же, какъ и въ тотъ часъ, когда онъ впервые опять увидѣлъ маленькія, старыя лачужки. Прислонившись къ косяку дверей, онъ машинально водилъ рукой по мезузѣ, по жестяной трубкѣ, гдѣ гнили и плѣсневѣли листки Библіи. Онъ не могъ удержаться отъ улыбки, ощупалъ эту покрытую грязью вещицу и слегка подтолкнулъ ее. Она закачалась. Продолжая улыбаться странной улыбкой, онъ отковырялъ ее пальцемъ, взялъ въ руки, поворачивалъ во всѣ стороны, и въ полусвѣтѣ сумерокъ она казалась блестящей игрушкой. Саартье проснулась и смотрѣла, что онъ дѣлаетъ.

— О!—сказалъ ребенокъ, внимательно поглядывая украдкой.—О!.. Дядя!..

— А что?—улыбнулся онъ, продолжая вертѣть въ рукахъ мезузу; и вдругъ улыбка сошла съ его лица, смѣнившись неожиданно горькимъ выраженіемъ; онъ опустилъ трубку въ карманъ, продолжая обнимать ребенка.

— А что тамъ внутри, дядя?—спросила дѣвочка съ любопытствомъ, отлично понимая, что онъ дѣлаетъ нѣчто дурное.

— Ничего...—сказалъ онъ тихо, усмѣхаясь.—Ничего, обезьянка... завтра получишь отъ меня центъ!

Съ ребенкомъ на рукахъ вошелъ онъ снова въ комнату и спросилъ, не пора-ли Саартье и Мосье ложиться спать. Тетя Регги кивнула головой, встала и вынесла спящаго Мосье.

— Можетъ, посвѣтить вамъ?

— А что мнѣ это поможетъ?—ласково усмѣхнулась слѣпая.—Глупенькій... Вѣдь я дѣлаю это каждый вечеръ.

Саартье, Давидъ и Зейкерперъ были въ самомъ разгарѣ спора. Элеазаръ съ Саартье на рукахъ ощупью пробирался въ альковъ.

— Не бойтесь,—успакаивала слѣпая,—здѣсь нѣтъ лѣстницы... тутъ альковъ... Только не наткнитесь на керосинку и не попадите въ ведро...

Дверь за ними закрылась, и они очутились въ полной темнотѣ. Онъ слегка поддался впередъ, двигаясь ощупью, какъ тетя Регги, и не спуская ребенка съ рукъ. Старуха положила Мосье въ постель и взяла Саартье. Элеазаръ зажегъ спичку, которая на секунду освѣтила глубокую кровать со впадиной посрединѣ, печную трубу и грязную стѣну. Спичка догорѣла до конца, обожгла ему пальцы и упала; онъ зажегъ вторую быстрымъ, боязливымъ движеніемъ.

— Что вы дѣлаете?—спросила слѣпая,—не зажигайте огня.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ тихо, озираясь съ широко раскрытыми глазами, при каждой вспышкѣ спички.

Это былъ темный альковъ безъ оконъ, съ голой, мокрой отъ сырости стѣной съ облупившейся темной штукатуркой.

Вѣроятно, раньше это была маленькая кладовка. Въ глубинѣ стояла грязная досчатая кровать съ прорваннымъ матрацомъ и дыравымъ стеганымъ одѣяломъ, разлезшимся по швамъ. Клочья грязной сбитой ваты торчали со всѣхъ сторонъ. Ничего больше не лежало на кровати. Сбоку торчалъ косой выступъ печной трубы, на которомъ стояла керосиновая кухня, а рядомъ висѣлъ на веревкахъ второй матрацъ. Полъ былъ кирпичный, старый и неровный.

На нижней части стѣны выступали пятна плѣсени и подтеки жира. Невыносимый запахъ пробивался сквозь щели пола. Четыре раза Элеазаръ зажигалъ спичку, и четыре раза она озаряла мрачный альковъ съ кроватью у сырой стѣны.

— Что вы дѣлаете? Что же вы дѣлаете?—говорила слѣпая, укладывая ребенка.—Вы не въ Америкѣ, Эли... у насъ нѣтъ подъемныхъ машинъ,—шутила она

— А гдѣ же вы спите?—спросилъ онъ, зажигая еще одну спичку.

— Съ дѣтьми, на кровати... А гдѣ же иначе?..

— А Давидъ?

— На полу...

— На полу...—повторилъ онъ задумчиво, безо всякаго удивленія, потому что онъ привыкъ это видѣть и, ребенкомъ, самъ спалъ на матрацѣ на полу съ Эсфирью, Брамомъ и Іосифомъ, которые всѣ уже умерли.

— Но какой тутъ запахъ!—продолжалъ онъ.—Здѣсь внизу, вѣрно, выгребная яма. Такъ воняетъ... такъ воняетъ... дѣлается дурно...

— Это отъ ведра, дядя,—сказала Саартье, показываясь въ дверяхъ.

Спичка догорѣла. Онъ сердито чиркнулъ другой и, обернувшись, увидѣлъ ведро съ ручкой, почти до верху полное нечистотъ. Онъ бросилъ въ него догоравшую спичку, она зашипѣла, и снова стало темно. Босыя ножонки затопали по полу. Ребенокъ подбѣжалъ къ нему, взялъ его за руку и звонко сказалъ:—Покойной ночи, дядя Эли!—Онъ наклонился, поцѣловалъ протянутый ему ротикъ, съ трудомъ переводя дыханіе въ смрадномъ воздухѣ, который шелъ отъ ведра и щипалъ ему носъ, ротъ, глаза, горло, легкія.

— Та-акъ... ну, спи,—сказала слѣпая.

— Слышишь, Сарочка?

— Да, тетя.

Давидъ вошелъ ощупью.

— Вы здѣсь?.. а гдѣ Эли?

— Я здѣсь,—сказалъ онъ, откашливаясь.

— Вылей-ка ведро, Давидъ,—сказала тетя Регги,—что фура еще не пріѣхала?..

— А оно еще тутъ?.. Ну, и переполнено же оно,—посмѣивался Давидъ, беря его за ручку.

Въ раскрытую дверь Элеазаръ видѣлъ, какъ Давидъ со своими кривыми ногами, сгорбившись, вышелъ во дворъ, и самъ, чувствуя схватки въ животѣ и поднимавшуюся тошноту, пошелъ вслѣдъ за нимъ, сначала во дворъ, а потомъ черезъ ворота въ узкую улицу.

На углу онъ остановился и топнулъ ногой, силясь превозмочь тошноту и судорожныя схватки въ желудкѣ, точь въ точь такія, какія онъ испыталъ при морской болѣзни. Голова его была тяжела, глаза влажны и горѣли. Маленькая уличка, оканчивавшаяся тупикомъ, была очень оживлена: много евреевъ сидѣло у воротъ; на углу подъ фонаремъ, мальчики, лежа на землѣ, играли въ карты и шумѣли. Это было единственное свѣтлое пятно на всей улицѣ. По ту сторону канала все было погружено въ угрюмый, грозный мракъ, утопало въ вечерней тьмѣ. Онъ былъ такъ удрученъ, такъ опечаленъ всѣми этими впечатлѣніями, что долго стоялъ неподвижно, глубоко вздыхая въ непроглядномъ мракѣ. По ту сторону Грахта *) возвышались неуклюжія стѣны съ облупившейся штукатуркой и торчащими кривыми палками для просушки бѣлья. Старый полуразрушенный амбаръ съ темной покосившейся крышей выдвинулся далеко впередъ и нависъ черной тяжелой тѣнью надъ заплѣснѣвелой водой.

Узкая лѣстница съ маленькими ступеньками изъ гнилого, осѣвшаго отъ частой ходьбы дерева, съ гладко вылощенными постояннымъ треніемъ перилами вела наверхъ къ маленькой галлерейкѣ, на которую выходило три двери. Но не это такой грустью сдавливало ему горло, а та зловѣщая, страшная тьма, которая нависла надъ прогнившей, застоявшейся водой, окутала и узкую уличку, и дома, и воду, и развалины зданій по ту сторону Грахта безпросвѣтной тоской... мрачная тоска на ступеняхъ лѣстницы, на развалившемся амбарѣ, на жесткомъ, высохшемъ бѣльѣ, на рѣшеткахъ оконъ,—мрачная тоска, мрачная, какъ ночь, подъ густыми сводами деревьевъ, мрачная, какъ полетъ летучей мыши, мрачная, какъ крышка гроба подъ сѣнью погребальной колесницы, мрачная, какъ грязь на облупившихся стѣнахъ, на покрытыхъ мохомъ крышахъ, мрачная, какъ ста-

*) Набережная канала въ Амстердамѣ.

рая лѣстница съ дрожащими ступенями надъ неподвижной водой, густой, какъ кисель, съ большими, расплывающимися жирными пятнами.

Съ влажными глазами, холоднымъ потомъ на лбу, онъ машинально бродилъ по улицамъ во мракѣ, насыщенномъ зловонными испареніями... Вчера еще, третьяго дня кругомъ него шумѣло море, море, то залитое солнцемъ, то подъ куполомъ нависшихъ облаковъ... Такъ добрелъ онъ до Грахта и присѣлъ около камня, криво торчащаго изъ кучи мусора. Здѣсь было нѣсколько яснѣе, и по водѣ скользилъ тусклый зеленоватый свѣтъ, похожій на туманъ или тающія облака; онъ блестѣлъ металлическимъ отсвѣтомъ на старыхъ кирпичныхъ фасадахъ и исчезалъ въ лабиринтѣ домовъ, прогнившія стѣны которыхъ, казалось, сгибались подъ цѣлымъ лѣсомъ тяжелыхъ, громоздкихъ трубъ.

Вдоль стѣнъ росли деревья; какъ безсильно склоняется голова старца на закатѣ дней, такъ поникла надъ самой водой ихъ грустная, чахлая листва. Тѣсный горизонтъ, ограниченный каналомъ, деревьями и старыми, покрытыми пылью и золой домами, которые тяжело высились въ затхломъ воздухѣ...

Съ неутолимой болью и тоской въ душѣ, съ угаромъ въ головѣ и груди, онъ подперъ подбородокъ руками и смотрѣлъ себѣ подъ ноги въ воду, переполненную всякой гнилью и грязью и покрытую пузырями. На поверхности неподвижно плавала картофельная шелуха, старые обручи отъ бочекъ, сухіе листья, а между ними грязные лохмотья, капустные качаны и разбухшая дохлая собака. Смрадъ былъ настолько невыносимо удушливъ, что передъ нимъ снова воскресло представленіе объ альковѣ съ грязнымъ ведромъ; онъ быстро вскочилъ и, прислонивъ голову къ доскамъ амбара, почувствовалъ такой сильный приступъ тошноты, что, казалось, вотъ лопнутъ у него легкія и брызнетъ кровь, въ дребезги разлетится черепъ, и жизнь покинетъ его.

Долго стоялъ онъ безъ сознанія и воли, прислонившись головой къ стѣнѣ амбара, смотря на его нижнія заплѣснѣвѣлыя доски, на забрызганный песокъ, на камни, на извергнутую имъ массу, хотя онъ отлично зналъ, что въ ней ничего не было, кромѣ еврейскаго пирога съ коринкой и цукатами и кофе... ничего больше, онъ зналъ это навѣрное: еврейскій пирогъ съ коринкой, коринкой и цукатами, и— кофе.

Однако приступъ тошноты повторился. На этотъ разъ ему казалось, что онъ извергаетъ изъ себя этотъ ужасный смрадъ, смрадъ изъ комнатъ, смрадъ двора, смрадъ безпросвѣтной тьмы. И пока, обезсиленный, онъ стоялъ, прислонившись къ

амбару, въ памяти его возсталъ вечеръ на морѣ съ его голубымъ просторомъ, однообразнымъ шумомъ волнъ, и маленькій черный парусъ на горизонтѣ, и причудливое фіолетовое облачко... Въ ушахъ у него шумѣло, спина была холодна, какъ ледъ, а голова пуста, пуста, и волосы казались тяжелыми и давили на нее.

И, когда онъ поднялъ голову, слезы брызнули у него изъ глазъ, мучительныя слезы, горячія, какъ кровь. Досада на свою слабость загорѣлась въ немъ, и онъ сердито провелъ платкомъ по лицу. Что-что выпало съ металлическимъ звономъ изъ его кармана. Онъ его поднялъ и узналъ жестяную трубочку съ двери тети Регги, съ прогнившими листками Библіи внутри. Со страстной ненавистью бросилъ онъ ее въ зловонный, покрытый плѣсенью Грахтъ, гдѣ она исчезла между всякой гнилью, разбухшимъ трупомъ собаки и протухшими лохмотьями. По водѣ пошли круги,—и грязь, и обручи, и собака слегка заколыхались.

Возвращаясь черезъ ворота домой, онъ замѣтилъ, что уже поздно. Маленькія оконца наверху блестѣли жалкимъ свѣтомъ, а внизу, передъ дверью, сидѣли Регги, Саартье и Давидъ, вышедшіе подышать воздухомъ.

IV.

Въ жаркій тревожно-душный полдень Элеазаръ отправился на фабрику. Изъ всѣхъ боковыхъ улицъ доносилось шарканье многочисленныхъ человѣческихъ ногъ о раскаленный асфальтъ. Дома, казалось, устало наклонялись впередъ отъ изнеможенія; широко раскрытыя окна, будто отверстыя пасти, старались глотнуть воздуха, а выступавшіе въ жидкомъ, желтоватомъ свѣтѣ подоконники точно испускали хриплый стонъ. Клубы сѣроватыхъ облаковъ нависли надъ городомъ, и ихъ плотный куполъ дѣлалъ воздухъ еще удушливѣе въ темныхъ узкихъ каналахъ, среди высокихъ остроконечныхъ фасадовъ зданій. Къ концу улица суживалась, народъ спѣшилъ впередъ, толкаясь и поднимая облака горячей пыли, которая клубами неслась дальше. Передъ лавками останавливались женщины и лѣниво плелись дальше, поднимая платье рукой въ перчаткѣ. Мимо Элеазара, почти задѣвая его, прошла, тяжело дыша и отдуваясь, весноватая еврейка съ ярко блестящими брилліантами въ бѣлыхъ, жирныхъ ушахъ, съ лицомъ, краснымъ какъ піонъ, въ желтой блузѣ съ сильно пропотѣвшими подъ мышками рукавами и толстыми, жирными бедрами. Она отдувалась, обливаясь потомъ, а въ ея безобразныхъ, безкровныхъ отъ избытка жира ушахъ

искрились и переливались бриллiанты, точно двѣ капли росы на цвѣткѣ, дрожа, какъ тонкія осеннія паутинки, среди столбовъ пыли, поднимаемой ногами на тротуарахъ. Тучная и грузная, она исчезла за угломъ, покачивая своими выступающими бедрами.

Элеазаръ подошелъ къ обросшему зеленью каналу, который, со своими дугообразными, старыми мостами, пересѣкалъ лабиринтъ улицъ. Одна его сторона была вся залита свѣтомъ. Свѣтъ горѣлъ на фронтонахъ и выступахъ зданій, на стеклахъ и подоконникахъ, зажигая яркіе лучи на мѣдныхъ кнопкахъ.

Пивоваренный заводъ покрывалъ тѣнью противоположный берегъ, и его труба казалась исполинскимъ копьемъ, воткнутымъ въ стремя, рядомъ съ сѣдломъ.

Въ неподвижной водѣ, раздѣленной рѣзкой линіей на тѣневую и свѣтлую стороны, отражался рядъ зданій съ узкими бѣлыми и желтыми зубцами, маленькія оконца съ дыравыми занавѣсками, зеленыя пыльныя деревья. Старыя, почернѣвшія сточныя трубы изрыгали нечистоты въ каналъ, далеко распространяя удушливый смрадъ.

Каналъ былъ почти безлюденъ: вдали шелъ почтальонъ, какой-то рабочій сидѣлъ на своей ручной телѣжкѣ; дѣвушка въ стучащихъ деревянныхъ башмакахъ мыла выступъ лѣстницы. Здѣсь вѣяло почти деревенскимъ покоемъ, покоемъ мирной деревеньки съ залитыми солнцемъ тропинками и лугами, на которыхъ тяжело выступаютъ стада коровъ. Здѣсь всетаки можно было дышать. Между зданіями набережной видны были небо и облака, а въ водѣ канала—ихъ отраженіе.

Изъ фабричныхъ зданій доносился шумъ; рабочій везъ ручную телѣжку по скрипучей, раскачивающейся доскѣ, положенной вкось по ступенямъ лѣстницы.

— Іуда занятъ?—спросилъ Элеазаръ.

— Іуда? Іуда наверху,—отвѣтилъ привратникъ.

Передъ нимъ въ темномъ узкомъ проходѣ, скрипя, какъ по щебню, катилась по мелкимъ остаткамъ каменнаго угля тачка. Все здѣсь было ему знакомо до мельчайшихъ подробностей: вывѣшенныя на стѣнѣ владѣльцемъ фабрики условія для гранильщиковъ алмазовъ, разныя объявленія, длинный черный корридоръ, уголъ, въ которомъ сидѣлъ привратникъ, хриплый ревъ машинъ. Съ дикимъ воемъ, визгомъ и громомъ вырывался онъ изъ нижнихъ этажей, изъ дверей и раскатывался по проходу и лѣстницамъ. Точно буря разыгралась въ громадномъ зданіи, понеслась вдоль каменныхъ стѣнъ, хрипло засвистѣла въ окнахъ и загудѣла въ углахъ, гдѣ камень и желѣзо оказывали больше сопротивленія.

На самомъ концѣ глубокаго прохода показалось пламя: яркій огонь съ клубами дыма вырвался изъ печки,—но желѣзная дверь захлопнулась, скрывая отъ глазъ огненное море. Въ лицо Элеазару пахнуло отвратительнымъ запахомъ машинъ и машиннаго масла. Онъ подождалъ, пока мимо него провозили пустую тачку, потомъ вошелъ въ открытую залу, гдѣ вертѣлись колеса, стояли, согнувшись, рабочіе, мелькали языки пламени, прошелъ ее насквозь, потомъ миновалъ дворъ и еще одну залу, гдѣ шумъ былъ еще сильнѣе, и гдѣ дикіе звуки пѣсни заглушали визгъ и свистъ колесъ и блоковъ. Элеазаръ прислушался къ старинной пѣсенкѣ·

Не легко гранильщику живется:
Мало ѣстъ и мало онъ смѣется...
Вѣкъ терпи, вѣкъ горюй
И алмазы полируй!

Эта была пѣсенка гранильщиковъ, которую онъ слышалъ, когда служилъ мальчикомъ на фабрикѣ, а старый Яковъ вертѣлъ колесо, потому что еще не было паровыхъ машинъ. Пока онъ поднимался по лѣстницѣ, онъ съ улыбкой вспоминалъ прошлое, стараясь вызвать въ памяти эти стихи, которые онъ такъ часто пѣлъ, выкрикивая во все горло:

Коркой хлѣба да селедкою мы сыты,
Наши дѣти рубищемъ покрыты...
Вѣкъ терпи, вѣкъ горюй
И алмазы полируй!

Витая лѣстница вела въ первый, второй и третій этажи. Онъ толкнулъ одну изъ дверей, и его сразу оглушилъ шумъ машинъ, вырвавшійся изъ залы съ глухимъ стономъ, прерываемымъ металлическимъ звономъ ступки, гдѣ мальчикъ толокъ алмазный песокъ *); онъ быстро вскочилъ на лѣсенку, переброшенную въ видѣ мостика надъ вертящейся осью.

Іуда сидѣлъ, согнувшись надъ своимъ колесомъ, внимательно слѣдя за его четырьми зубьями, одно изъ которыхъ онъ плотно обхватилъ клещами и смотрѣлъ на него съ удивленной улыбкой. Онъ сердечно пожалъ своей загрубѣлой, черной рукой бѣлую руку Элеазара, но громкій стукъ машинъ, осей и колесъ заглушалъ звукъ его голоса. Моппесъ, Кларунъ, Леонъ, Гесъ и Рійстъ вышли изъ за своихъ скамеекъ и подошли къ ихъ лавкѣ, радушно и шумно съ нимъ здороваясь, перебивая другъ друга и сыпя неудачными шутками раньше, чѣмъ онъ успѣлъ сказать два слова.

*) Остатки алмазовъ не вполнѣ чистой воды служатъ для окончательной, самой тонкой обработки бриллiантовъ.

Японцы въ нѣмецко-японскомъ освѣщеніи.

Bresnitz von Sydacoff, Aus dem Reiche des Mikado und die asiatische Gefahr. Leipzig.—Brunn, die japanische Verfassungsurkunde. Leipzig.—Tokuzo Fukuda. die gesellschaftliche und wirtschaftliche Entwickelung in Japan, Stuttgart, 1900, in Muenchener Volkswirtschaftlichen Studien, 42.—Kinza Rinoe M. Hirai, Japan, wie es wirklich ist, Leipzig.—Professor Inazo Nitobé, Bushido, die Seele Japans, Tokyo, 1903.—Graf Hans von Königsmark. Japan und die Japanier, Berlin, 1900.—Lanterer, Japan, das Land der aufgehenden Sonne einst und jetzt. Leipzig, 1903.—Ottmar von Mohl, am japanischen Hofe. Berlin, 1904.—Munzinger, die Japaner, Berlin, 1898.—Professor Rathgen, die Entstehung des modernen. Japan. Dresden, 1896.—Die Zeitschrift „Ost-Asien". Berlin, 1904).

I.

Для путешественника, который посвящаетъ „Ниппону" нѣсколько дней или даже недѣль, Японія представляется чудеснымъ райскимъ уголкомъ, гдѣ живутъ не грубые настоящіе люди, а по особому заказу приготовленныя изящныя куколки, которыя проводятъ свою жизнь на сценѣ созданнаго талантливымъ художникомъ волшебнаго театра, при чемъ самое представленіе цѣликомъ исчерпывается граціозными присѣданіями и поклонами, милыми улыбками и комплиментами, а больше всего прелестными цвѣточными праздниками, то въ честь цвѣтущей вишни, то хризантемы, во славу ароматной весны и чудной смѣющейся природы.

И если вѣрить шинтомстской сказкѣ, то нельзя не признать, что солнечная богиня Аматеразу, дѣйствительно, съ любовью и заботой приготовила родину для цвѣтущихъ дѣтей своихъ. Въ теплое южное море, полное жизни и движенія, брошены здѣсь вулканическіе острова, обладающіе всѣми возможными климатами и чудной растительностью. И немного труда нужно было первоначальнымъ обитателямъ страны для того, чтобы обезпечить себя и семью разнообразной питательной пищей. Море давало ему всевозможныхъ рыбъ и громадныхъ морскихъ улитокъ; лѣса были населены медвѣдями, оленями, антилопами, зайцами, барсуками, лисицами и обезьянами, листва была населена самой разнородной птицей. Луковицы лиліи, молодые листья и корни морскихъ розъ, отростки бамбука и различные коренья могли служить приправою

къ мясу. Маленькія дыни росли въ дикомъ видѣ. Корни разныхъ видовъ таро дополняли обильное меню. Въ январѣ созрѣвали маленькіе дикіе апельсины. Похожіе на сливы, плоды дерева бива вмѣстѣ съ сливами каки, китайская груша—представляли собою дико-растущій дессертъ, а корейская ель, вѣчно зеленый дубъ, водяной и манчжурскій орѣхъ давали очень вкусныя маслянистыя сѣмена. Такъ для первоначальнаго обитателя Ниппона этого было болѣе, чѣмъ довольно. Столъ былъ накрытъ. И уже дѣломъ самого маленькаго японца было затѣмъ разведеніе составляющаго его теперешнюю пищу риса и всѣхъ южныхъ техническихъ растеній, которыя въ изобиліи даютъ ему и шелкъ, и хлопчатую бумагу, и пахучій чай, и крѣпкую сакэ.

Но наградивъ своего питомца всѣми дарами богатой природы, не позабывъ при этомъ заложить въ нѣдры страны богатѣйшія залежи каменнаго угля и всевозможныхъ минеральныхъ запасовъ, добрая богиня Аматеразу особенно постаралась о красотѣ этой выросшей изъ моря жемчужины. Снѣжныя вершины горныхъ великановъ и вѣчно плещущее, вѣчно шумящее море, причудливые очертанія вулканическихъ скалъ и утесовъ и мирныя смѣющіяся равнины. Темная хвоя альпійской растительности и вѣчная зелень тропическихъ кактусовъ и пальмъ; разбивающіеся въ дребезги водопады и молчаливыя, задумчивыя озера... А главное, цвѣты, цвѣты и цвѣты. Цѣлое море пестрыхъ, пахучихъ цвѣтовъ, громадныя массы цвѣтущихъ деревьевъ, ароматомъ и солнечнымъ свѣтомъ напоенный воздухъ, вѣчно измѣнчивая декорація восходящаго солнца и темной южной ночи, свѣта и тѣни на небѣ вверху и въ океанѣ внизу, рѣдкое разнообразіе ландшафта даровала богиня этой странѣ восходящаго солнца, и немудрено послѣ этого, что на престолѣ ея и до сихъ поръ царствуетъ небесный властитель Тенно, прямой потомокъ благодѣтельной солнечной феи.

И вполнѣ естественно послѣ этого, что въ лицѣ маленькаго японца природа создала не только художника и поэта, но и вполнѣ законченнаго, проникнутаго съ ногъ до головы принципами гармоніи и изящества, эстета, для котораго красота формъ имѣетъ несравненно больше значенія, чѣмъ этичность содержанія, у котораго сама индивидуальность получаетъ смыслъ и значеніе, только какъ законченная часть болѣе совершеннаго цѣлаго, семьи и государства, а природа получаетъ значеніе не только вѣчнаго источника гармоніи и красоты, но и цѣлостнаго космоса, который даетъ собою несравненное зрѣлище земного совершенства, земной полноты жизни, непосредственно воспринимаемаго чувствомъ, прекраснаго по сю-сторонняго міра.

Правда, для серьезнаго европейскаго наблюдателя психика японца представляется, съ одной стороны, непонятной, а съ другой—какъ бы стоящей на низшей ступени развитія. И даже такой

знатокъ японской жизни, какъ Мунцингеръ, не безъ европейскаго высокомѣрія отмѣчаетъ у японцевъ недостатокъ такъ называемаго идеализма. „Чисто духовное,—говоритъ этотъ серьезный изслѣдователь—не дѣло японца, стоящаго на ступени непосредственнаго воспріятія. Это бросается въ глаза, какъ мало онъ имѣетъ интереса къ метафизическимъ и этическимъ вопросамъ. Ни въ его исторіи, ни въ его господствующихъ склонностяхъ не сказывается тенденціи къ идеализму. Онъ любитъ дѣйствительное и осязаемое. Онъ не можетъ понять, какъ можно воспламеняться психологическими и догматическими вопросами. Для тонкихъ различеній религіозныхъ взглядовъ у него нѣтъ ни теоретическаго, ни практическаго пониманія. То очарованіе, которое находитъ образованный умъ западнаго европейца въ мірѣ фантазіи и романтики, для него представляется непостижимой загадкой". Мало того, этотъ изслѣдователь обвиняетъ японцевъ даже въ склонности къ философскому матеріализму и утилитаризму. Особенной популярностью среди нихъ пользуются Гербертъ Спенсеръ и Стюартъ Милль. И если даже японцы имѣютъ чрезвычайное уваженіе къ знанію и наукѣ и сами „добились въ научной области такихъ успѣховъ, которые привели въ изумленіе западную Европу, то все же эти успѣхи—утверждаетъ Мунцингеръ—отнюдь не результатъ глубокаго мышленія". И если это обнаруживаетъ въ японцахъ „прекрасныя и идеальныя черты характера", то опять таки нисколько не доказываетъ „идеалистической природы японскаго генія". Такъ осуждаетъ спекулятивно настроенный и романически воспитанный европеецъ сыновъ восходящаго солнца, но, съ другой стороны, и самъ не можетъ отказать имъ въ удивительномъ пониманіи того эстетическаго, которому великій Кантъ посвятилъ едва ли не самую замѣчательную часть своей философской критики, а именно Kritik der Urteilskraft.

„Все теченіе жизни у японца,—говоритъ Мунцингеръ,—можетъ быть названо эстетическимъ. Добрая фея вложила въ его колыбель даръ пониманія прекраснаго, въ особенности же свѣтлыхъ сторонъ жизни вообще. Онъ любитъ прекрасныя формы и отдается имъ со всѣмъ своимъ чувствомъ. У него есть ясно выраженное пониманіе красотъ окружающей его чудной природы. Когда въ февралѣ цвѣтутъ сливы, а вишни въ началѣ апрѣля, когда въ концѣ октября раскрываются бутоны астръ и ихъ узкіе лепестки развертываются подобно солнечнымъ лучамъ, когда въ ноябрѣ становятся кроваво-красными листья клена и напоминаютъ собою зарево заходящаго солнца, когда, наконецъ, зимою бѣлый снѣжный покровъ окутываетъ землю,—что случается тамъ довольно рѣдко,—тогда старый и малый стремятся на воздухъ, чтобъ насладиться прекраснымъ видомъ". „Часъ или два охотно проводитъ японецъ въ созерцаніи кипящаго водопада или вѣтвей

прозрачной ели, склонившихся неподвижно надъ тихими волнами потемнѣвшаго озера; и это наполняетъ его восхищеніемъ. Въ вечернія сумерки идетъ онъ въ уединенный уголокъ сада, чтобы послушать пѣніе „унгуизу“ — соловья; онъ стремится въ лѣсъ, чтобъ съ наступленіемъ сумерекъ прислушаться къ тому, какъ кукушка—„хототогизу“ поетъ свою однотонную меланхоличную пѣсню. Каждый японецъ знаетъ красоты своей страны, и если только у него есть время и деньги, онъ не останавливается передъ самымъ далекимъ путешествіемъ, чтобы только насладиться ими“.

И по утвержденію того же автора, „такое пониманіе природы не представляется въ Японіи привилегіей высшихъ классовъ: здѣсь оно прирождено; имъ обладаетъ въ такой же степени поденщикъ, какъ и профессоръ“. „ У меня не проходило ни одной весны и осени,—разсказываетъ онъ дальше,—безъ того, чтобы мой поваръ не просилъ послѣ обѣда позволенія идти съ дѣтьми въ Уэно или Дангосаку посмотрѣть, какъ цвѣтутъ деревья. Всѣ большіе народные праздники здѣсь — праздники природы. и празднуютъ ихъ подъ открытымъ небомъ. Тысячи стремятся тогда на воздухъ,—и это воистину эстетически прекрасное художественное зрѣлище, когда покрытыя снѣжно-бѣлыми и розовыми цвѣтами деревья простираютъ къ темно-лазурному небу свои вѣтви, а подъ ними движется веселая, жизнерадостная толпа мужчинъ и женщинъ въ праздничномъ настроеніи, со смѣхомъ и шутками, и ведетъ съ собою пестро наряженныхъ дѣтей. На японскихъ народныхъ праздникахъ такъ же пьютъ природу, какъ на нѣмецкихъ—пиво“.

Если теперь перенести эстетическій способъ воспріятія японца въ область морали, то мы легко получимъ тотъ типъ француза дальняго востока, который уже неоднократно былъ предметомъ описанія путешественниковъ. Вотъ какъ характеризуетъ основную эстетическую добродѣтель своихъ соотечественниковъ профессоръ Иназо Нитобэ, посвятившій интересную книжку японской „бушидо“, или кодексу рыцарскаго совершенствованія: „рыцарское благородство есть цвѣтокъ, который является столь же прирожденнымъ на почвѣ Японіи, какъ и ея символъ въ видѣ вишневаго цвѣта; это не высохшіе остатки старой добродѣтели, которая сохранялась бы въ нашемъ историческомъ гебаріи. Среди насъ она является еще живымъ существомъ, полнымъ красоты и силы, и если она не принимаетъ теперь никакой осязательной формы или образа, то, тѣмъ не менѣе, она проникаетъ собою всю атмосферу нашей морали и доказываетъ съ очевидностью, что мы стоимъ еще подъ ея могучимъ очарованіемъ“. Блескъ и красота героическаго подвига, прекрасный обликъ мужественнаго стоицизма, сила храбрости и безумной отваги, изящество и утонченность внѣшняго поведенія—все это результаты японской исто-

ріи, наложившіе свою неотразимую печать на народный характеръ страны, которые дѣлаютъ японца не только эстетомъ снаружи, но и во внутренней его сущности. Какъ справедливо говоритъ о бушидо японскій ученый: „давно уже исчезли тѣ общественныя условія, которыя принесли съ собой и возростили эту добродѣтель, однако, подобно тому, какъ далеко отъ насъ удаленныя звѣзды,—которыя нѣкогда были, а теперь ихъ уже нѣтъ,—шлютъ намъ всетаки до сихъ поръ свои лучи, такъ же точно свѣтитъ намъ до сихъ поръ сіяніе рыцарства, этого дитяти феодализма, озаряетъ пути нашего ученія о морали и переживаетъ то учрежденіе, которое было его матерью“.

Эти слова японскаго патріота вполнѣ подтверждаетъ уже цитированный нами Мунцингеръ, предпринявшій съ наибольшимъ успѣхомъ опытъ характеристики „ямато дамашіи“, или, иначе, всей духовной жизни Японіи. „Для японца деньги ничто, а честь это—все. Онъ презираетъ жадность къ деньгамъ, имъ владѣетъ честолюбіе цѣликомъ. Онъ скорѣе расточителенъ, чѣмъ корыстолюбивъ. Въ денежныхъ дѣлахъ онъ обладаетъ выдающимся благородствомъ. Воровство... чуждо его натурѣ“. „Матеріализмъ“, который присущъ его духовной жизни, выражается не въ стремленіи къ матеріальнымъ благамъ или даже къ жизни, полной наслажденія. Они не поклонники мамоны, и брюхо они не сдѣлали своимъ богомъ. Если у нихъ и употребляется поговорка: „джунинъ уохара“: десять людей—десять животовъ, то только въ смыслѣ изреченія, что „гдѣ только два есть человѣка, тамъ три есть взгляда на предметъ“. Къ славѣ направлены всѣ стремленія японца, отсюда и общее стремленіе у молодыхъ японцевъ стать во что бы то ни стало великими людьми. Они хотятъ составить себѣ имя, хотятъ блистать. Эта „gloire“ французовъ, которая столь же присуща французамъ дальняго востока, какъ обитателямъ дальней Франціи. „Рыцарство, великодушіе, чувство чести, любовь къ оружію, склонность къ блеску—всѣ эти свойства, которыя еще Цезарь подмѣтилъ у древнихъ галловъ, подходятъ цѣликомъ къ современнымъ японцамъ, съ тою только разницей, что въ отличіе отъ французовъ японецъ всегда слѣдуетъ своей поговоркѣ: „вылетѣло слово изо рта, его не притащатъ назадъ и 4 лошади“. „Они обладаютъ гордостью и самознаніемъ и никому не бросаются на шею... Подслуживаніе и пресмыкающаяся угодливость имъ совершенно чужда, и только тотъ можетъ выдумать эти черты, кто совершенно не понимаетъ ихъ вѣжливости. Рабскія чувства, со всѣми сопровождающими ихъ некрасивыми чертами, имъ совершенно не свойственны. Они знаютъ, что они такое на самомъ дѣлѣ, и что они могутъ; они знаютъ это подчасъ слишкомъ хорошо, и потому впадаютъ легко въ суетность, самомнѣніе и тщеславіе“. Они совершенно лишены той чувствительности сердца, которая часто заставляетъ европейца жертвовать

очень многимъ ради проявленія благодарности за оказанныя благодѣянія или помогать нуждающимся по чувству жалости или состраданія. Японецъ не любитъ быть кому-либо обязаннымъ, онъ не желаетъ быть въ европейскомъ смыслѣ благодарнымъ, онъ благодаритъ съ утонченной вѣжливостью, но этимъ дѣло и кончается, а когда онъ самъ оказываетъ помощь страждущимъ и обремененнымъ, онъ дѣлаетъ это по чувству рыцарской обязанности, которая призываетъ его всегда и вездѣ заступиться за слабѣйшаго, за угнетеннаго. И менѣе всего готовъ японецъ склониться передъ какимъ-нибудь несчастьемъ, подчинить себя гнету страданія; то, чего нельзя побороть, онъ спокойно обходитъ: „шиката га наи"—ничего не подѣлаешь! говоритъ онъ и съ новою силой и эластичностью беретъ препятствіе жизни. Стоическое спокойствіе при перенесеніи японцами физической боли стало всеобщей поговоркой. То героическое мужество, съ которымъ выпилъ Сократъ кубокъ яда, для японца нѣчто вполнѣ естественное, и этотъ стоицизмъ настолько поражаетъ европейскаго наблюдателя, что онъ склоненъ его объяснять то свойственнымъ японцу презрѣніемъ къ матеріальнымъ благамъ, то скептицизмомъ, который не признаетъ ни чистилища, ни ада, то, наконецъ, полной безчувственностью представителей желтой расы. Однако, тотъ же Мунцингеръ, который такъ рѣшительно отрицаетъ идеалистическія свойства японцевъ, признаетъ у нихъ, тѣмъ не менѣе, не только наличность сентиментальности и романтизма, но и такія катастрофы чувства, которыя ставятъ его совершенно втупикъ. „Мысль, что позоръ можетъ быть смытъ только собственной кровью, что грѣхъ можетъ быть искупленъ только собственной жизнью, это для японскаго народа—символъ вѣры, который привелъ къ созданію строгаго кодекса чести и къ тому, что хара-кири (вскрытіе живота) стало общепринятымъ обыкновеніемъ. У японцевъ это настолько разумѣется само собою, что ни одной женѣ не пришло бы на мысль остановить мужа, если бы, согласно господствующимъ воззрѣніямъ или его воображенію, этотъ актъ оказался бы необходимымъ."

По воззрѣніямъ японца, особенно изъ бывшей касты рыцарей или самурайевъ, ничего не можетъ быть не только возвышеннѣе и величественнѣе, но и нравственно лучше и благороднѣе, чѣмъ такое самоубійство. „Самоубійство для японца не только не безнравственно, но, наоборотъ, романтика и сентиментальность соткали вокругъ него своего рода священный нимбъ."

Хара-кири, правильнѣе называемое „сеппуку", хоть и принадлежитъ къ явленіямъ, вымирающимъ въ Японіи, тѣмъ не менѣе ни одинъ японецъ не отзовется легкомысленно объ этомъ „почетномъ" видѣ самоубійства. „При помощи сеппуку,—говоритъ графъ Кёнигсмаркъ,—избѣгалъ воинъ позорнаго плѣна на полѣ битвы, и этотъ родъ смерти былъ вмѣстѣ съ тѣмъ предо

ставленъ рыцарямъ, какъ почетная привилегія, вмѣсто обычнаго наказанія". Совершеніе сеппуку могло быть, дѣйствительно, признано привилегіей только особенно мужественныхъ и стойкихъ людей; сопряженное съ чрезвычайными физическими страданіями, обставленное внушающими ужасъ предсмертными приготовленіями, совершавшееся при свидѣтеляхъ, въ торжественной обстановкѣ,— оно требовало такого присутствія духа и самообладанія, что воистину только герои могли совершать надъ собою эту страшную казнь. Но казнь эта, какъ гласитъ бушидо, была крайнимъ средствомъ для полнаго очищенія замаранной чести, и смыслъ ея былъ таковъ: „я хочу открыть передъ вами мѣстопребываніе моей души и показать вамъ, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Смотрите сами: чиста она или замарана?" И дикій героизмъ подобнаго очищенія чести нигдѣ, можетъ быть, такъ не проявляется ярко, какъ на извѣстной исторіи 47 свободныхъ рыцарей, или ронинъ, память о которыхъ и до нынѣ хранится въ народѣ. Напомнимъ вкратцѣ эту печальную быль XVIII вѣка. Высокій придворный чиновникъ Кира надругался, при встрѣчѣ, надъ княземъ Ако, и этотъ послѣдній не стерпѣлъ оскорбленія: онъ бросился съ мечомъ на обидчика, но только легко его ранилъ. За такое самовольство дайміо получилъ приказъ совершить надъ собою хара-кири, а вмѣстѣ съ нимъ подверглись казни его семья и вассалы; его владѣнія были отняты, а его самураи объявлены свободными, какъ волны, или ронинами. И вотъ 47 изъ ихъ числа рѣшили цѣною своей жизни отмстить за господина. Черезъ 2 года упорныхъ стараній удалось имъ, въ одѣяніи ремесленниковъ, подъ кровомъ снѣжной бури, достичь своей цѣли; проникнувъ во дворецъ враждебнаго даймiо, они предложили ему совершить сеппуку; когда же онъ отказался отъ этой почетной смерти, онъ былъ обезглавленъ мстителями. Голову Кира они положили на гробъ своего господина и затѣмъ добровольно явились въ судъ и сообщили о своемъ преступленіи; судъ призналъ ихъ достойными почетной смерти, и всѣ 47 произвели надъ собою смертную казнь. Всѣ 47 легли они вокругъ гроба своего господина, и японцы за два вѣка своей исторіи не забыли этихъ могилъ. Вотъ какъ описываетъ графъ Кёнигсмаркъ мѣсто вѣчнаго покоя „вѣрныхъ": „окруженное каменной балюстрадой, лежитъ небольшое кладбище на тѣнистой вершинѣ холма. Здѣсь покоятся обсаженныя вѣчною зеленью могилы рониновъ, рядомъ, другъ возлѣ друга. Стоймя поставленныя, обвѣтренныя каменныя плиты возвѣщаютъ имена вѣрныхъ: на каждомъ памятникѣ тлѣютъ куренія, рядомъ жертвы изъ воды и риса для ушедшихъ духовъ; ежедневно посѣщаютъ паломники это мѣсто и возобновляютъ свои дары... Цвѣтами и куреніями чтутъ они славную память усопшихъ."

Такъ, по словамъ Кёнигсмарка, своеобразный „фанатизмъ коренится въ сердцѣ цѣлой націи, проявляется одинаково и въ

дворянствѣ, и въ простомъ народѣ, настигаетъ свои жертвы съ быстротою молніи, наконецъ, искупаетъ свой грѣхъ цѣною собственной жизни". Трудно отрицать идеализмъ японской души въ виду такихъ фактовъ, трудно объяснять однимъ сентиментализмомъ ихъ эстетическое рыцарство.

Отрицателямъ идеалистическихъ чертъ у японцевъ приходится, однако, говорить объ ихъ „преувеличенной сентиментальности" еще по другому поводу, именно при описаніи ихъ пламенной любви къ ихъ прекрасной, залитой солнцемъ, родинѣ. Сравнивая европейскій патріотизмъ съ японскимъ, Брезницъ фонъ-Зыдакофъ говоритъ слѣдующее въ своей книжкѣ о царствѣ Микадо и азіатской опасности: „въ то время, какъ у насъ въ Европѣ идеализмъ уже давно улетучился и пошлое стремленіе къ корысти придушило всѣ болѣе благородныя чувства, въ Японіи стоитъ въ полномъ цвѣту идеальный героизмъ и стремленіе къ чистому античному величію; развѣ мы въ Европѣ, — продолжаетъ этотъ авторъ,—не наблюдаемъ каждодневно, что самыя священныя чувства самымъ пошлымъ образомъ эксплуатируются высокими персонами для того, чтобъ наполнять себѣ карманы или безнаказанно предаваться извѣстнымъ порокамъ. Развѣ мы не видимъ каждодневно, что патріотическіе и благочестивые вопли извѣстныхъ круговъ въ Европѣ—только фразы, направленныя къ тому, чтобъ обмануть платящій налоги народъ? И надъ этой фразой сами смѣются и издѣваются различные принцы и превосходительства, церковные князья и денежные бароны, какъ только ни остаются между собою. Развѣ мы не видимъ, далѣе, что у насъ въ Европѣ хорошо оплаченная реклама дѣлаетъ великихъ правителей изъ слабоумныхъ отцовъ отечества, а изъ завѣдомыхъ воровъ и корыстолюбивыхъ и пустыхъ головъ—первоклассныхъ финансовыхъ геніевъ или первокласныхъ государственныхъ людей?" Въ противоположность этому фонъ Зыдакофъ находитъ, что—въ Токіо послѣдній носильщикъ является болѣе пылкимъ патріотомъ, чѣмъ въ Европѣ богато оплачиваемые министры; и въ царствѣ Микадо сердце послѣдняго босяка точно также исполнено идеализма и стремленія служить родинѣ, какъ сердце самого Микадо и сановниковъ его двора. Въ этомъ соревнованіи всѣхъ государственныхъ гражданъ безъ различія ихъ положенія приносить всѣ возможныя жертвы для отечества и согражданъ лежитъ объясненіе того сказочнаго прогресса, который достигнутъ Японіей во всѣхъ областяхъ жизни, и тѣхъ побѣдъ, которыя до сихъ поръ одержаны японскимъ оружіемъ."

И въ самомъ дѣлѣ, „любовь къ отечеству и любовь къ родинѣ, согласно Мунцингеру, есть единственно господствующая въ Японіи идея, великій идеалъ, который среди всѣхъ историческихъ переворотовъ спасенъ народомъ, какъ высшій, а можетъ быть, и единственный". Единственный лозунгъ господствуетъ надъ всѣмъ: „дай

Ниппонъ", т. е. великая Японія! „Патріотизмъ есть вѣнецъ и основа всѣхъ публичныхъ добродѣтелей... Вся мораль строится здѣсь на японской идеѣ... Ради отечества съ радостью должно пожертвовать и кровью, и имуществомъ. Японія не богатая страна, но средства для китайской войны были вотированы единогласно. И если бы тогда парламенту пришло въ голову отказать въ деньгахъ на усиленіе арміи и флота, то весь народъ восталъ бы противъ этого, какъ одинъ человѣкъ." Но, къ сожалѣнію, національная идея доходитъ у японцевъ иногда, въ отдѣльныхъ случаяхъ, не только до политическаго шовинизма, но и прямо національнаго фанатизма. Такъ было, напримѣръ, въ дѣлѣ убійства въ 1889 г. министра народнаго просвѣщенія Мори, который сдѣлалъ довольно таки безумное предложеніе: замѣнить японскій языкъ въ школахъ англійскимъ, а потомъ, при посѣщеніи знаменитаго храма Дайджингу, весьма легкомысленнымъ образомъ оскорбилъ святыню. Одинъ изъ фанатиковъ націонализма убилъ министра, а затѣмъ покончилъ и съ собою; и замѣчательное дѣло: въ то время, какъ гробъ министра постепенно забывался всѣми, къ гробницѣ его убійцы ежегодно паломничали тысячи гражданъ, покрывали ее цвѣтами и возжигали передъ ней курительныя свѣчи. Въ покойномъ видѣли они спасителя національной идеи, мученика безграничной любви къ отечеству. Другой примѣръ безмѣрной любви къ отечеству японцевъ заслуживаетъ также быть упомянутымъ: одинъ молодой морякъ былъ чрезвычайно удрученъ мыслью объ угрожающей его отечеству опасности со стороны великой сѣверной державы. Онъ обращался повсюду съ письмами и предупрежденіями, старался всѣмъ открыть глаза на грядущее бѣдствіе, но, какъ казалось ему, никто не обращалъ на это серьезнаго вниманія; тогда онъ покончилъ съ собою съ тѣмъ, чтобы его послѣднія мысли и опасенія были переданы всей странѣ, какъ голосъ загробнаго міра, какъ предупрежденіе человѣка, заплатившаго своей жизнью за право быть услышаннымъ...

II.

Если бы японцы ограничились только одними высокими чувствами при своемъ вступленіи во всемірный оборотъ послѣ спячки, продолжавшейся $2^1/_2$ вѣка, ихъ участи, воистину, нельзя было бы позавидовать. Они представили бы собою ту печальную картину гибели варварскихъ народовъ „подъ напоромъ цивилизаціи", которую мы видѣли и въ Америкѣ, и въ Африкѣ, а теперь наблюдаемъ особенно ярко на обитателяхъ Сандвичевыхъ острововъ. Открытые со всѣхъ сторонъ для морскихъ посѣщеній великихъ державъ, находясь на прямомъ пути между промышленной Америкой и азіатскимъ материкомъ, обладая прекрасными гаванями

и неистощимымъ угольнымъ запасомъ, японцы неминуемо должны были подвергнуться судьбѣ тѣхъ самыхъ айносовъ, которыхъ они въ свое время не только покорили, но и основательно искоренили на своихъ чудныхъ островахъ. Правда, Японіи разъ уже удалось отдѣлаться отъ непрошенныхъ европейскихъ гостей, но врядъ ли, однако, теперь повтореніе старой исторіи было возможно.

Европейское нашествіе грозило странѣ восходящаго солнца еще въ XVI вѣкѣ, когда португальцы не только завязали съ Японіей торговыя сношенія, но и импортировали туда массу католическихъ миссіонеровъ, горѣвшихъ жаждою подчинить трону верховнаго первосвященника новыя отдаленныя страны; и успѣхъ отцовъ іезуитовъ былъ блестящій: имъ удалось черезъ 30 лѣтъ послѣ прибытія отца Франциско Ксавье въ Кагошиму привести въ лоно единой спасительной церкви не менѣе 150,000 японцевъ, построить тамъ около 200 церквей и сдѣлать своими адептами удѣльныхъ князей (дайміо) въ Бунго, Омунѣ и Аримѣ. Только при помощи чрезвычайныхъ мѣръ и кровавыхъ преслѣдованій удалось впослѣдствіи Хидейоши, великому шогуну (военному регенту) Японіи извести въ странѣ іезуитскую „заразу“, да и то при послѣдущемъ окончательномъ усмиреніи католическаго бунта очень много помогли протестанты—голландцы со своими прекрасными пушками... Тяжелымъ пятномъ на японской исторіи лежитъ и до сихъ поръ память объ этой печальной борьбѣ съ католицизмомъ, которая сопровождалась мучительными казнями, пытками, массовыми преслѣдованіями и убійствами. Однако, японцы имѣли за собою весьма серьезное оправданіе своимъ дѣйствіямъ. Съ одной стороны, какъ говоритъ докторъ Лаутереръ: „дурной примѣръ, который давали португальскіе и испанскіе купцы, дѣлалъ европейцевъ ненавистными въ Японіи и бросалъ очень дурной свѣтъ на ихъ религію; ихъ корыстолюбіе, ихъ грубая чувственность и торговля бѣдными японскими дѣтьми, которыхъ они продавали цѣлыми кораблями въ Маниллу и Макао, такъ что тамъ даже негры и малайцы держали японцевъ у себя въ видѣ рабовъ,—все это отнюдь не могло говорить въ пользу облагораживающаго, спасительнаго вліянія католическаго христіанства.“ Съ другой же стороны, нельзя не отмѣтить, что въ то же самое время, какъ японцы преслѣдовали католиковъ,—подъ предводительствомъ католическихъ князей французскаго двора (Карла IX) устраивалась знаменитая Варѳоломеевская ночь, которая стоила жизни не менѣе какъ 25,000 человѣкъ и явилась достойной преемницей истребленія альбигойцевъ въ Безье, гдѣ въ 1209 г. пало не менѣе 7,000 человѣкъ. Впрочемъ, не надо забывать, что въ то время, какъ въ Испаніи дѣйствовала инквизиція, даже въ христіанской Германіи одинъ судья похвалялся тѣмъ, что онъ вымучилъ пытками, а потомъ и сжегъ живьемъ не менѣе 700

человѣкъ обоего пола въ качествѣ вѣдьмъ и колдуновъ! Японцы со своими католиками сдѣлали только то, что католики дѣлали въ Европѣ съ еретиками, и нельзя забывать при этомъ, что одушевляемые не только ревностью о вѣрѣ, но и пыломъ торговой конкурренціи, голландцы и англичане принимали живое участіе въ истребленіи католиковъ въ Японіи. Они охотились за католическими миссіонерами на португальскихъ и испанскихъ корабляхъ, разстрѣливали японскихъ христіанъ изъ морскихъ орудій во время католическаго возстанія, ликовали при видѣ истязаній католиковъ, а объяпонившійся Вильямъ Адамсъ возбуждалъ шогуна Іейязу къ новымъ преслѣдованіямъ поклонниковъ „римскаго антихриста".

За португальскими и испанскими миссіонерами грозили своимъ нашествіемъ въ Японію всевозможные Пизарро и Америго Веспучи. Отъ этой счастливой будущности японцы спаслись только тѣмъ, что закрыли свою страну совершенно для иностранцевъ и лишь въ видѣ исключенія позволили голландцамъ торговать у себя подъ особымъ надзоромъ и при исключительныхъ условіяхъ. И такія мѣры Брезницъ фонъ-Зыдаковъ считаетъ вполнѣ естественными: „европеецъ былъ почти вездѣ ненавидимъ, куда только онъ ни желалъ внести благословеніе своей культуры. Культурная работа испанцевъ въ Африкѣ была только массовымъ убійствомъ и опустошеніемъ страны, а исполненная ненависти борьба краснокожихъ съ бѣлолицыми окончилась полнымъ истребленіемъ первыхъ... Какова же теперь культурная работа въ Конго и другихъ черныхъ земляхъ? Развѣ не пришелъ туда бѣлый, какъ господинъ страны, шествуя съ сувереннымъ презрѣніемъ черезъ всѣ нравы и обычаи туземныхъ народовъ? И развѣ возстаніе боксеровъ въ Китаѣ... не было національнымъ патріотическимъ движеніемъ, которое стремилось защитить Китай отъ размыва подъ вліяніемъ тяжелаго давленія бѣлой расы? И развѣ не ту же цѣль преслѣдовало возстаніе Тереро въ нѣмецкой колоніи? Развѣ не дрожитъ всякій отдаленный народъ за свою свободу, за существованіе своихъ нравовъ и обычаевъ, разъ только появляются въ его гаваняхъ мачты европейскихъ кораблей?"

Въ XIX вѣкѣ японской исключительности пришелъ конецъ. Культурные народы Америки и Европы явились на этотъ разъ въ Японію не съ миссіонерами и старыми бомбардами, а на современныхъ броненосцахъ и съ усовершенствованнымъ дальнобойнымъ орудіемъ. Многократныя бомбардировки японскаго побережья со стороны сначала однихъ американцевъ, а затѣмъ и другихъ просвѣщенныхъ державъ показали японцамъ съ достаточной убѣдительностью, что время національной исключительности прошло, и что нужно volens nolens вступить въ среду „культурнаго" оборота. И вотъ тутъ-то и оказалось, что японцы обладаютъ не только патріотизмомъ и высоко развитымъ чув-

ствомъ чести, не только не желаютъ играть роль краснокожихъ въ Америкѣ или боксеровъ въ Китаѣ, но обладаютъ такими удивительными чертами ума, таланта и нравственной энергіи, которыя дали имъ право встать равными въ средѣ военныхъ и промышленныхъ державъ современности.

По утвержденію знатоковъ японской духовной жизни, японецъ превосходитъ насъ, европейцевъ, въ своемъ дарѣ воспріятія. Онъ не обладаетъ метафизическими способностями и слабъ въ постиженіи „сущностей и корня всѣхъ вещей". Изъ философовъ онъ любитъ, какъ мы уже замѣтили, больше всего Спенсера и Дж. Стюарта Милля, и эти послѣдніе извѣстны всякому японскому гимназисту. Японецъ по природѣ приверженецъ позитивной философіи. Въ своемъ міровоззрѣніи онъ безспорный матеріалистъ и совершенно неспособенъ постичь красоты заоблачнаго нѣмецкаго и вмѣстѣ философскаго кукованія. Но за то „у него острый умъ, ловкія руки, даръ быстраго и вѣрнаго схватыванія предмета. Онъ мастеръ въ области практической дѣйствительности. Въ особенности онъ ловокъ во всякихъ техническихъ занятіяхъ. Въ Осакѣ, этомъ центрѣ японской промышленности, гдѣ съ каждымъ новымъ годомъ подымаются къ небу новыя фабричныя трубы, уже изготовляются машины самыхъ сложныхъ конструкцій. Въ ея мастерскихъ льютъ пушки, на верфяхъ въ Нагасаки строютъ военные корабли. Отчеканенныя въ Осакѣ монеты считаются лучшими въ мірѣ. Во многихъ отрасляхъ техники и индустріи Японія сумѣла въ три десятилѣтія достигнуть того, чего Европа добилась въ теченіе столѣтій, и идти съ ней рядомъ на одной линіи. Способный ученикъ во многомъ сравнялся со своимъ мастеромъ, у котораго онъ былъ въ ученіи. Широкимъ потокомъ разлилась по странѣ западно-европейская индустрія, и не далеко то время, когда этотъ потокъ возвратится назадъ съ тѣмъ, чтобы затопить міровой рынокъ волнами своего производства... И чѣмъ сложнѣе техническая работа, тѣмъ болѣе она подходитъ для японца"...

„Въ области нашего знанія,—говоритъ тотъ же наблюдатель,—японецъ усвоилъ себѣ его не безъ большого успѣха; все, что просто можно перенять, что нужно, такъ сказать, выучить наизусть, то усваиваетъ онъ съ невѣроятной легкостью. Онъ обладаетъ гораздо лучшей механической памятью, чѣмъ мы. Въ особенности бросается это въ глаза при изученіи языковъ", и въ то время, какъ европейцы не идутъ далѣе нѣсколькихъ японскихъ „комнатныхъ" словъ, съ японцемъ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: „Отправьтесь въ Іокагаму или Токіо, говоритъ Мунцингеръ, и обратитесь тамъ ко всякому хорошо одѣтому японцу по англійски, и, по всей вѣроятности, онъ вамъ отвѣтитъ тоже по англійски. Ко всякому студенту, который отличается особымъ костюмомъ, можно спокойно обратиться по нѣмецки: по всей вѣ-

роятности, онъ пойметъ васъ. Нѣмецкіе профессора преподаютъ своимъ студентамъ по нѣмецки, а нѣкоторые и по англійски... И нѣмецкіе профессора очень довольны своими туземными учениками. Въ головѣ японскаго студента нагромождена масса знаній. Японскій студентъ гораздо прилежнѣе нѣмецкаго... Ему неизвѣстенъ величайшій врагъ занятій—пьянство. Болѣе, чѣмъ къ нему, онъ склоненъ въ пользу спорта — гребного, лаунтенниса, футбола",—и это, какъ оказывается, необходимо. Духовная работа сильно отражается на немъ, и многіе такъ переутомляются, что послѣ экзамена уже неспособны къ дальнѣйшей напряженной работѣ.

На долю японцевъ выпала воистину чудовищная работа. Послѣ двухъ-вѣковой изолированности имъ пришлось въ нѣсколько лѣтъ нагонять то, чего другіе добивались столѣтіями. И для выполненія этой работы нуженъ былъ большой талантъ. И, дѣйствительно, у японца есть этотъ талантъ, по утвержденію безпристрастныхъ наблюдателей. Японцы обладаютъ „необычайной остротой ума"; они надѣлены особой способностью къ тѣмъ именно наукамъ, которыя составляютъ честь и славу послѣдняго столѣтія; они не только поклоняются позитивной философіи, они удивительно легко усваиваютъ позитивный методъ изслѣдованія. „Ихъ теперешніе успѣхи лежали соотвѣтственно этому не въ области чисто духовныхъ знаній, а въ области эмпирическихъ наукъ". „Если наши врачи говорятъ объ образцовыхъ по истинѣ препаратахъ японскихъ медиковъ, если наши химики и бактереологи воздаютъ славу тонкимъ анализамъ своихъ японскихъ учениковъ, то я менѣе всего удивляюсь этому: экспереметированіе—ихъ призваніе. Именно тѣмъ, что необходимо для этого, они обладаютъ въ высочайшей степени".

Съ другой же стороны, въ своихъ занятіяхъ положительной наукой они совершенно не знали тѣхъ препятствій и той раздвоенности, которыя были въ Европѣ необходимымъ слѣдствіемъ господства церковной метафизики и церковной морали. Религіозная догма и церковныя суевѣрія никогда въ Японіи не играли такой роли, какъ въ европейскомъ средневѣковьи. Здѣсь сожженіе Джіордано Бруно было бы абсолютно невозможно. Религіозныя воззрѣнія японца въ высшей степени оригинальны. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ японскій же писатель, Кинза Ріугэ М. Хирай: „когда думаютъ, что опредѣленная часть японцевъ принадлежитъ къ буддистамъ или шинтоистамъ, то впадаютъ въ громадную ошибку. И если полагаютъ, что японскіе буддисты заключаютъ въ себѣ поклонниковъ Гуатамы, отвергающихъ всѣхъ другихъ великихъ пророковъ и провидцевъ, то заблуждаются еще разъ. Если, далѣе, принимаютъ, что такъ называемый буддистъ въ Японіи придерживается только ученій и имени буддизма, то этимъ впадаютъ еще въ большее заблужденіе. И точно также ошибается тотъ, кто ду-

маетъ также относительно шинтоизма. Въ дѣйствительности въ Японіи не одного ни одного человѣка, который могъ бы быть отмѣченъ въ качествѣ чистаго буддиста или чистаго шинтоиста: мы того воззрѣнія, что всѣ существующія въ мірѣ религіи содержатъ въ себѣ истину... Я желалъ бы изобразить наши воззрѣнія на всѣ религіи міра при помощи слѣдующаго сравненія: когда на берегу моря, освѣщеннаго луною, стоитъ нѣсколько человѣкъ на разныхъ мѣстахъ побережья, то каждый изъ нихъ видитъ передъ собою длинный бликъ луннаго свѣта на водѣ, который идетъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоитъ; двигается наблюдатель, за нимъ двигается и свѣтъ; останавливается онъ, и свѣтъ останавливается съ нимъ вмѣстѣ. Онъ думаетъ, что только онъ и близко, рядомъ съ нимъ стоящіе видятъ свѣтъ въ полномъ объемѣ, такъ какъ все остальное море представляется ему черной равниной, подобной „Ничто". Съ тревогой старается онъ, чтобы и другіе люди такъ же видѣли чудное отраженіе, какъ и онъ самъ, и онъ упорствуетъ, что его точка зрѣнія есть единственная, съ которой можно видѣть свѣтъ, и что всѣ остальные, стоящіе въ другихъ мѣстахъ, видятъ только темную, закрытую ночью, поверхность воды. А вдали отъ берега, съ вершинъ высокой горы представляется опять другой видъ: сверху внизъ смотрятъ тамъ люди на море и познаютъ, что лунный свѣтъ не ограничивается длинными, узкими полосами на водѣ или немногими мѣстами, на которыхъ находятся тѣ люди, но что вся поверхность широкаго океана отражаетъ свѣтъ подобно громадному зеркалу и не одного уголка не оставляетъ во мракѣ. Ни одинъ изъ видовъ съ различныхъ мѣстъ не былъ ложнымъ, но всѣ они были истинны... Но временамъ пребываемъ и мы около нашего собственнаго, прорѣзаннаго луннымъ свѣтомъ, душевнаго моря, но потомъ опять паритъ наша окрыленная душа къ своимъ высочайшимъ горнымъ вершинамъ и тамъ получаетъ иное впечатлѣніе отъ безконечности вселенной".

Одушевленные горячимъ патріотизмомъ, лишенные всякихъ теологическихъ предразсудковъ, обладая даромъ позитивнаго изслѣдованія, японцы вполнѣ естественно не остановились передъ громадностью представившейся имъ задачи и со всей энергіей пробудившагося отъ спячки титана принялись за усвоеніе чужихъ знаній и чужой культуры,—и въ этомъ отношеніи японцы не были новичками: уже въ древности почерпали они у сосѣдей все то хорошее, что тѣ могли дать, заимствовали у нихъ съ величайшей готовностью и науку, и искусство, и нравственныя ученія. Изъ Китая, а отчасти изъ совсѣмъ нынѣ одичавшей Кореи восприняли они и буддизмъ, и конфуціанство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и лишенную религіозной оболочки общественную нравственность. Изъ Китая получили они свои наиболѣе употребительные письменные знаки, оттуда же пришла къ нимъ поэзія, музыка, живопись

и пластическое искусство; въ настоящее же время японцы безъ всякаго національнаго тщеславія обратились къ Западной Европѣ, чтобы заимствовать оттуда не только ея техническія открытія, но и серьезную положительную науку, они воспользовались опытомъ своихъ европейскихъ братьевъ не только для того, чтобы построить броненосцы и создать громадную армію, они сумѣли по достоинству оцѣнить всѣ блага современнаго культурнаго правового строя и ввели у себя европейскій судебный порядокъ, школьную организацію, представительное устройство; „всю государственную машину они перенесли къ себѣ изъ Европы и, что удивительнѣе всего, — по утвержденію одного знатока Японіи — эта машина идетъ“.

Все дѣло въ томъ, что если японцы сами имѣли сравнительно мало великихъ оригинальныхъ идей, за то, съ другой стороны, они никогда не были рабскими подражателями и поклонниками всего чужого: „все, что они ни перенимали, все это скоро становилось японскимъ, все это приводили они постоянно въ гармоническое согласіе съ окружающей средой“.

„При всемъ недостаткѣ въ оригинальности, японецъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть ясно выраженная индивидуальность, которая на долгое время не выноситъ чуждаго, какъ чужого... Японизація это—радикальный процессъ, при которомъ мало гнутъ, но много ломаютъ, при которомъ постоянно держатъ ножъ въ рукѣ и вырѣзываютъ прочь все то, что не подходитъ, что оказывается чужероднымъ... Никогда и ничего не перенимали они безъ критики у иностранцевъ... Другой народъ былъ бы совершенно раздавленъ той массою новаго, которое вторглось къ японцамъ въ послѣдніе годы; въ концѣ концовъ, очутившись въ полной летаргіи съ притупленными чувствами, онъ позволилъ бы себѣ навязать со стороны положительно все; японцы на рѣдкость не теряли трезвой способности сужденія, острымъ взглядомъ различали они годное отъ негоднаго, и въ общемъ, поскольку дѣло идетъ о механизмѣ нашей культуры, надо признать за ними, что они вполнѣ послушались завѣта: изслѣдуй все, удерживай лучшее“.

На благодатную почву пала европейская культура и просвѣщеніе въ Японіи, и не пустой маскарадъ продѣлала эта страна „съ механизмомъ“ европейской культуры. И что прежде всего и больше всего нашло себѣ доступъ въ страну восходящаго солнца, это — европейское просвѣщеніе, свѣтская школа и всеобщее народное обученіе. Въ свое время молодые японцы платились жизнью за жажду европейской культуры. Еще въ XVII вѣкѣ подъ страхомъ смертной казни было запрещено изучать творенія „чужеземныхъ варваровъ“, но уже тогда многіе юноши тайкомъ, подъ страхомъ смерти, изучали запрещенныя науки, стремились усвоить себѣ свѣтъ чуждаго знанія. И, какъ разсказываетъ исторія того времени, многіе гордые самураи не

стыдились позора поступать прислугой къ иностранцамъ, чтобы только изучить чужеземный языкъ. Великіе люди Японіи, Ито Инуйе и ея апостолъ Нишима, бѣжали за границу, что было запрещено подъ страхомъ смерти, съ единственной цѣлью учиться на далекомъ Западѣ... Въ настоящее время просвѣщеніе—общее благо всего японскаго народа. Въ 1872 г. былъ изданъ характерный указъ, который мы приводимъ цѣликомъ: „всякое знаніе,— говорится тамъ, — какъ нужное для повседневной жизни, такъ равно необходимое для того, чтобы стать офицеромъ, врачемъ, земледѣльцемъ, ремесленникомъ и купцомъ, пріобрѣтается ученіемъ. Не смотря на то, что обученіе безусловно необходимо, чтобы успѣшно дѣйствовать въ жизни, до сихъ поръ считали его излишнимъ для простого народа, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по большей части, занимались безцѣльными разсужденіями и безполезными упражненіями въ сочиненіяхъ; это приносило мало практической пользы, и результатами была бѣдность и неудачи въ жизни. Поэтому такъ должно преподавать науку, чтобы ни въ одномъ мѣстѣ ни осталось невѣжественной семьи, и ни въ одной семьѣ не оказалось невѣжественнаго ея члена“.

Все начальное обученіе въ Японіи находится подъ государственнымъ контролемъ. Школы содержатся на счетъ общинъ, при чемъ большая часть расходовъ покрывается школьными сборами. Посѣщеніе школы обязательно отъ 6—14-лѣтняго возраста. Однако, большинство дѣтей посѣщаютъ школу, по собственной охотѣ, гораздо дольше. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 32 недѣль занятія продолжаются не менѣе 3 — 6 часовъ; послѣ каждаго часа перемѣна въ 15 м. Предметы обученія тѣ же, что и въ Европѣ, за исключеніемъ религіи, которая замѣняется преподаваніемъ морали. На одного учителя приходится не болѣе 60 дѣтей. Тѣлесныя наказанія дѣтей абсолютно воспрещены. Учителя получаютъ образованіе въ 50 семинаріяхъ, учрежденныхъ въ 1900 г. Содержаніе ихъ, при крайней ограниченности потребностей, весьма мало: главный учитель получаетъ до 500 р. въ годъ, младшій учитель до 120 р. Кромѣ этихъ школъ, въ Японіи нашли широкое распространеніе дѣтскіе сады по нѣмецкому образцу, и существуетъ масса частныхъ начальныхъ училищъ. Открыты также особыя школы для дѣтей отсталыхъ, слѣпыхъ и глухихъ, при чемъ школы послѣдняго рода достигли особенно блестящихъ успѣховъ въ Токіо.

Среднее и высшее образованіе въ Японіи подверглось въ послѣднее время также радикальному преобразованію. Старыя схоластическія школы, которыя наполняли все время учащихся изученіемъ китайскихъ идеограммъ и всевозможныхъ классиковъ, съ ихъ многотомными и мудреными изреченіями, исчезли безвозвратно; ихъ мѣсто заняли теперь прогимназіи и гимназіи, реальныя училища, учительскія семинаріи, техническія училища, художествен-

выя школы, дворянскія училища, морская академія, кадетскій корпусъ, военныя школы, музыкальная консерваторія для европейской и китайской музыки. Въ 1881 г., вмѣсто учрежденной въ 1856 г. „школы для разгадыванія варварскихъ письменъ", появился прекрасный, по европейски организованный университетъ, первыми профессорами котораго были приглашенные изъ Европы ученые, уступившіе впослѣдствіи свое мѣсто въ значительной части своимъ японскимъ ученикамъ. Въ токійскомъ университетѣ слушаютъ лекціи 1000 студентовъ. Онъ организованъ по типу американскаго colldge и распадается на 6 факультетовъ: правовѣдѣнія, литературы, — включая сюда филологію, философію, исторію и т. п., — естественныхъ наукъ, техники, медицины и сельскаго хозяйства. Богословскаго факультета нѣтъ. Медицинскій факультетъ цѣликомъ стоитъ подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, а юридическій, литературный и сельско-хозяйственный—въ значительной степени. До настоящаго времени многіе предметы читаются тамъ на нѣмецкомъ языкѣ, и работаютъ такіе ученые, какъ профессора Бельцъ и Скриба. Съ университетомъ связаны большія клиники и прекрасный ботаническій садъ. Второй университетъ основанъ въ Кіото въ 1897 г.

Значительное число частныхъ школъ для изученія новыхъ языковъ и миссіонерскія религіозныя школы дополняютъ картину японскаго просвѣщенія. Въ этихъ школахъ, кромѣ англійскаго и нѣмецкаго языковъ, занимающихъ первое мѣсто, изучаются еще французскій, голландскій, русскій, корейскій, итальянскій и испанскій. Замѣчательную роль въ новомъ движеніи сыграла школа кейогиджуку, учрежденная Фукузавой. Принадлежа къ передовымъ людямъ Японіи, онъ отказался отъ всякихъ политическихъ должностей, даже поста министра народнаго просвѣщенія, посвятилъ свою жизнь учрежденному имъ педагогическому институту, и, безъ сомнѣнія, можетъ быть названъ духовнымъ отцомъ доброй половины японскихъ политиковъ. Число его учениковъ превосходитъ многія сотни, а послѣ китайской войны въ эту школу поступило около 100 корейцевъ, пожелавшихъ изучить японскій языкъ.

Весьма замѣчательно, далѣе, развитіе японской прессы. Въ этой области Японія продѣлала прямо головокружительный процессъ развитія. Первая японская газета появилась въ 1852 г. Въ 1879 г. можно было насчитать уже 266 изданій, при чемъ большая часть изъ нихъ приходилась на еженедѣльные и ежемѣсячные журналы, издаваемые преимущественно учеными обществами и союзами. Ежедневная пресса была тогда въ Японіи еще неизвѣстна. Въ 1886 г. въ Японіи было уже 2000 газетъ, при чемъ многія изъ нихъ выходили въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Съ 1886 г. по настоящее время, японская журналистика пережила такой подъемъ, подобнаго которому не знаетъ исторія:

число газетъ дошло до 4000! Въ одномъ Токіо появляется не менѣе 120 газетъ, при чемъ одна, изъ нихъ „Новое Время“ (Джиджи Шимпо) выходитъ въ количествѣ 400,000 экземпляровъ. Каждый номеръ ея охватываетъ собою 30—40 страницъ формата англійскихъ газетъ и содержитъ въ себѣ иллюстраціи, портреты, каррикатуры и новыя извѣстія со всего міра. Вторая по величинѣ газета Японіи была „Ни-Коку-Шинбунъ“, которая выходила въ количествѣ 300,000 экземпляровъ и была запрещена правительствомъ только потому, что была въ сильной степени противъ войны съ Россіей. Издатель газеты, Окіама, членъ парламента и вождь одной изъ оппозиціонныхъ партій, съ разрѣшенія парламента, былъ приговоренъ судомъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы за свою пропаганду противъ войны и принесенный этимъ вредъ отечеству. Изъ другихъ наиболѣе распространенныхъ газетъ отмѣтимъ „Токійскую газету“ (Токіо-Нителли Шинбунъ), „Національную газету“ (Кокормень Шинбунъ), „Народъ“ (Джиминъ) и „Японію“ (Ниппонъ). Среди газетъ за свое отрицательное отношеніе къ войнѣ пострадала также „Простой Народъ“ (Хейминъ) и ея издатель Саккай. Въ этой газетѣ проводилась мысль, что бѣдный народъ, въ качествѣ плательщика податей, несетъ и такъ довольно тягостей, и война можетъ принести ему только новыя тяжелыя жертвы. За вредъ интересамъ отечества въ военное время Саккай былъ приговоренъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы, которые, однако, были сокращены апелляціоннымъ судомъ въ Токіо на половину.

Для общей характеристики духовной жизни въ Японіи приведемъ нѣкоторыя цифры, относящіяся къ развитію тамъ прессы и книжнаго издательства, которыя заимствуемъ изъ берлинскаго японскаго журнала „Ost-Asien“ (іюльская книжка 1904 г.). Въ 1900 г. тамъ издавалось 944 періодическихъ изданія и въ томъ же году появилось 18.281 отдѣльныхъ произведеній печати, изъ которыхъ къ области политики и управленія относилось 387, къ юридическимъ наукамъ—1209, политической экономіи—262, военному дѣлу—251, сельскому хозяйству—1432, религіи, включая христіанство—1104, искусству и живописи—1192, музыкѣ—223.

Нельзя не признать эти данныя весьма характерными.

III.

Японія страна землетрясеній: ежегодно ихъ происходитъ не менѣе 1260. Правда, большая часть ихъ совершенно невиннаго свойства. Однако, разъ только ночью внезапно начинаетъ качаться постель, или днемъ плескаться вода въ стаканѣ, немедленно всякій бѣжитъ на улицу, чтобы не погибнуть подъ развалинами крыши. Въ восточной Японіи послѣднее землетрясеніе было въ 1855 г., когда въ Іедо погибло болѣе 100.000 человѣкъ.

Центральную Японію землетрясеніе посѣтило въ 1891 г. Нагойя и Бифу въ то время сильно пострадали. Касамотсу и Такегахана были совершенно разрушены. Во время этого землетрясенія были опрокинуты всѣ дома, провалились мосты, исчезли холмы, а трещины поглотили цѣлыя селенія, оставивъ на ихъ мѣстѣ тину; въ общемъ 120.000 домовъ было разбито, 20.000 людей ранено, 10.000 убито. Японія знаетъ, кромѣ того, еще другія катастрофы: вслѣдствіе подводныхъ землетрясеній море бросается иногда на берегъ страшными волнами и смываетъ тогда съ береговъ города и селенія, заноситъ пескомъ гавани, разбиваетъ океанскія суда. Въ 1896 г. на восточномъ берегу сѣверной Японіи, словно потокомъ, смыло 27.000 человѣкъ со всѣми ихъ домами, кораблями и поселеніями. Всѣмъ этимъ бѣдствіямъ еще помогаетъ страшный тайфунъ. Въ 1871 г. нѣсколько дней стояла жара въ 22% по Цельзію, на четвертый день ударилъ дождь, на пятый буря, а поднявшійся тайфунъ сбрасывалъ въ море цѣлыя набережныя, обращалъ въ болота рисовыя поля и сдувалъ, какъ перышко, дома и виллы; онъ нагромоздилъ по улицамъ цѣлыя баррикады изъ выброшенныхъ барокъ, кораблей и джонокъ и несъ съ собою страшное опустошеніе. Въ своихъ нѣдрахъ прекрасная Японія скрываетъ роковыя подземныя силы, и грознымъ предостереженіемъ всевозможныхъ бѣдствій являются тамъ еще дѣйствующіе вулканы. Еще до сихъ поръ дымится островъ Оошима, грохочетъ Азайяма, дышетъ парами Назумояма. Чудная страна подвержена постояннымъ вулканическимъ и стихійнымъ катастрофамъ и подъ смѣющейся поверхностью скрываетъ еще не усмиренныхъ титановъ.

Казалось бы, обитателямъ такой страны ужъ не до организаціи жизни: жить отъ одной катастрофы до другой, чувствовать подъ ногами вѣчно колеблющуюся почву, быть постоянно подъ угрозой вулканическихъ изверженій и морского наводненія—это уже не жизнь, а какая-то сплошная пытка, которая другую расу заставила бы сложить руки, пользоваться „минутой" и отвѣчать на угрозы природы пьянымъ смѣхомъ изъ „пира во время чумы". Быть можетъ, другой народъ, болѣе слабый, чѣмъ японцы, погрузился бы и въ самомъ дѣлѣ въ полное отчаяніе и апатію подъ гнетомъ своего безсилія передъ элементарной силой. Но японецъ не таковъ: онъ любитъ жизнь, организуетъ и украшаетъ ее безотносительно отъ того, будетъ ли онъ жить завтра или нѣтъ. Онъ устраивается такъ, какъ будто думаетъ прожить столѣтія. Онъ тратитъ массу времени и силъ на благоустройство своей обстановки и окружающей среды, а въ своей семьѣ организуетъ ту ячейку, которая, вопреки землетрясеніямъ и океану, должна дать безсмертіе его народу, замѣнить отжившую жизнь вѣчно новыми ея ростками. Японецъ любитъ жизнь и наслаждается ею, онъ любитъ свое общежитіе и дѣлаетъ его привлекательнымъ.

И первое, къ чему прилагаетъ большія старанія всякій японецъ, это—чистота. „Всякая грязь представляется ему ужасомъ, и онъ старается о томъ, чтобы на его тѣлѣ и въ его домѣ было чисто до блеска. Большинство японцевъ, не исключая крестьянъ и поденщиковъ, лѣтомъ берутъ ванны каждый день, а зимою, по общему правилу, разъ въ недѣлю. Въ ночь на новый годъ моется весь народъ, и за этимъ слѣдятъ съ такой щепетильностью, словно религіозный долгъ воспрещаетъ вступить нечистыми въ новый годъ"... Надо замѣтить при этомъ, что японцы купаются въ страшно горячей водѣ, и тотъ, кто не имѣетъ дома ванны, тотъ идетъ обязательно въ публичныя бани. Въ одномъ Токіо не менѣе 11.000 бань. „Съ величайшей щепетильностью остерегаются японцы всякихъ накожныхъ сыпей... Свое платье содержатъ они въ поразительной чистотѣ. Людей въ разорванной или затасканной одеждѣ можно встрѣтить гораздо меньше, чѣмъ въ Германіи". Правда, нѣмецкіе путешественники поражаются легкостью костюма японца въ жаркое время: у мужчинъ часто весь костюмъ состоитъ изъ однихъ только панталонъ до колѣнъ, или даже простой повязки, прикрывающей наготу,—но и эти принадлежности туалета всегда отличаются чрезвычайной чистотой, даже у представителей простого народа. „Уличная грязь съ величайшей тщательностью не допускается внутрь жилища; кто входитъ въ домъ, тотъ прежде всего долженъ снять сапоги".

Но не только за чистотою такъ слѣдитъ японецъ, онъ стремится сдѣлать жизнь эстетически прекрасной: „и если для насъ японскія кушанья не представляются особенно вкусными, то во всякомъ случаѣ они выглядятъ замѣчательно красивыми и аппетитными, и нигдѣ не ѣдятъ съ большимъ приличіемъ, чѣмъ въ Японіи... Каждое движеніе, каждый поклонъ здѣсь закруглены, лишены всего угловатаго—совершенны въ своемъ родѣ. Здѣсь избѣгаютъ порывистыхъ движеній. Если бы наши рабочіе и ремесленники, въ своихъ грязныхъ рабочихъ блузахъ, встрѣчаясь на улицѣ, преклонялись бы другъ передъ другомъ нѣсколько разъ до земли, останавливались бы затѣмъ, со снятыми шляпами, для обмѣна любезностей и, наконецъ, расходились бы съ не менѣе многочисленными и глубокими поклонами,—то у насъ нашли бы это просто смѣшнымъ. Но тотъ, кто видитъ это въ Японіи, тотъ забываетъ о смѣшномъ подъ впечатлѣніемъ прекраснаго. Начиная съ дѣтства, здѣсь очень много придаютъ значенія этикету и приличіямъ, а въ школахъ, въ особенности для дѣвочекъ, введены для этого даже особые предметы преподаванія. До послѣдняго времени все воспитаніе японской женщины было основано на эстетическомъ началѣ". Кромѣ чтенія, письма и счета, обращалось особое вниманіе на музыку, живопись, поэзію и такія искусства, какъ „искусство приготовленія чаю", „составленіе букетовъ", „вознесеніе благоуханій" и т. п.; эти послѣд-

ніе предметы обученія не состояли, а поскольку они до сихъ поръ существуютъ, и не состоятъ въ усвоеніи просто кулинарныхъ или декоративныхъ пріемовъ. Какъ утверждаетъ японскій авторъ Кинза Ріугэ М. Хирай, здѣсь воспринимается „глубокій какъ этическій, такъ спиритуалистическій принципъ (?), который таинственнымъ образомъ связывается не только съ приготовленіемъ чая или подборомъ цвѣтовъ, но и со всѣми другими отраслями японскаго знанія, нравовъ и даже обычаевъ". И если дѣло идетъ здѣсь о многолѣтнемъ изученіи предмета, то ужъ никакъ не самого чая, цвѣтовъ и т. п. Какъ говоритъ японскій патріотъ, здѣсь постигается „духовный принципъ" этихъ домашнихъ искусствъ, такъ много содѣйствующихъ украшенію жизни японца, въ противовѣсъ всѣмъ мрачнымъ явленіямъ окружающей его природы.

„Японецъ никогда не искажаетъ своего лица движеніемъ страстей, взрывы гнѣва, со всѣми ихъ отвратительными проявленіями, гримасами и негармоническими движеніями, противорѣчатъ его эстетическому вкусу... Живая игра лица и жесты у французовъ и итальянцевъ вызываетъ у японца удивленіе и отвращеніе; любезная улыбка на губахъ сопровождаетъ его обращеніе съ ближними, при чемъ громкій, потрясающій горы смѣхъ такъ же, какъ громкій крикъ, противорѣчатъ его тонкому чувству и считаются исключительной привилегіей кельнершъ и гейшъ, которыя находятся по ту сторону приличій. Японецъ любитъ гармоническое не только въ своей средѣ, но и въ самомъ себѣ... По отношенію къ крѣпкимъ напиткамъ онъ трезвъ и умѣренъ. Ресторанной жизни въ нашемъ нѣмецкомъ смыслѣ слова въ Японіи совсѣмъ нѣтъ. Такъ называемые чайные дома являются на самомъ дѣлѣ гостиницами для проѣзжающихъ, а напитокъ, которымъ тамъ по общему правилу пользуются, есть дѣйствительно чай. Грубые скандалы подъ вліяніемъ алкоголя, грубая брань и чертыханье здѣсь совершенно неизвѣстны. И это не только въ высшихъ классахъ, но и среди низшихъ слоевъ населенія. Нерѣдко можно наблюдать, какъ два кули со своими ручными телѣжками, благодаря неосторожности и быстрому бѣгу, наѣзжаютъ съ разныхъ сторонъ другъ на друга. Это порождаетъ, конечно, далеко не пріятное чувство, и если бъ дѣло шло между европейскими рабочими, то они выразили бы свое огорченіе при помощи рукоприкладства или, по крайней мѣрѣ, бранью. Здѣсь же оба кули, едва прикрытые рабочей блузой, съ голыми ногами и руками, удовлетворяются тѣмъ, что дѣлаютъ другъ другу элегантный салонный поклонъ и вѣжливо другъ передъ другомъ извиняются". „Эта—замѣчаетъ Мунцингеръ—ни съ чѣмъ несравнимая благовоспитанность, эта благодѣтельная гармонія пронизываетъ весь народъ".

Чрезвычайная любезность японцевъ и ихъ благовоспитан-

ность, которая дѣлаетъ изъ нихъ „примѣрныхъ и послушныхъ мальчиковъ", обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ неподражаемымъ искусствомъ японскаго самообладанія, которымъ поражаются всѣ иностранцы. Японецъ „большой мастеръ" въ искусствѣ представляться и отличается чрезвычайнымъ самообладаніемъ, воспитаннымъ въ немъ вѣками. Невозможно прочесть на его лицѣ, что у него на сердцѣ. На словахъ онъ также ничего не выдастъ. Онъ не сообщителенъ, сдержанъ, всегда замкнутъ". „Онъ прирожденный дипломатъ... И представители европейскихъ державъ должны пускать въ ходъ все свое остроуміе, чтобы не стать безсознательной игрушкой въ рукахъ японскихъ государственныхъ людей... Новые договоры, заключенные Японіей съ европейскими державами на основѣ политической равноправности, представляютъ собою мастерскія произведенія, которыя сдѣлали бы честь лучшему европейскому политику. Маска невиннаго, безопаснаго ребенка сдѣлалась для японца второй природой"... Однако, эту маску нельзя считать признакомъ лживости и льстивости характера; и если японецъ почти никогда не разстается съ любезной, привѣтливой улыбкой, то это отнюдь не значитъ, что онъ непремѣнно хочетъ ввести въ заблужденіе своего собесѣдника. Вотъ что замѣчаетъ по поводу постоянной японской улыбки графъ Кёнигсмаркъ, посвятившій Японіи свои наблюденія туриста.

„Здѣсь все смѣется,—говоритъ онъ,—однако здѣсь смѣются иначе и по другимъ основаніямъ, нежели у насъ. На далекомъ Востокѣ смѣхъ не столько выраженіе радости, сколько результатъ издавна привитаго этикета, старательно культивированнаго самообладанія. За смѣхомъ японца никогда не скрывается издѣвательства, вызова или лести, и еще менѣе можно его смѣшивать съ маскою угодливой подчиненности. При поверхностномъ сужденіи, мы можемъ опредѣлить этотъ смѣхъ, какъ нѣмую рѣчь нашего рукопожатія. Этого послѣдняго японецъ не знаетъ, однако же, какъ мы протягиваемъ руку при всякомъ случаѣ, такъ японецъ при всѣхъ обстоятельствахъ дѣлаетъ веселое лицо". Но изслѣдуя этотъ смѣхъ „психологически", тотъ же авторъ приходитъ къ другимъ выводахъ. Онъ приходитъ къ мысли, что въ смѣхѣ „находитъ свое условное выраженіе весь народный характеръ, который путемъ многовѣкового самовоспитанія, подавляющаго всякое проявленіе чувства, до высочайшей степени развилъ въ себѣ духъ патріотизма и національнаго самопожертвованія. И этотъ именно духъ фанатической любви къ отечеству, который создалъ старо-японскихъ героевъ, до сихъ поръ является двигательной пружиной, воспламеняющей потомство древнихъ самураевъ къ неустанной непрерывной работѣ, которая дѣлаетъ новаго японца честолюбивѣйшимъ человѣкомъ міра. То феноменальное, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее преобразованіе современной Японіи, произведенное въ теченіе одного человѣческаго воз-

раста, потребовавшее неслыханныя примѣненія какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ силъ, было возможно только для такого народа, который, подобно японскому, одушевленъ безмѣрнымъ патріотическимъ тщеславіемъ, умѣетъ отнестись съ одинаково безстрастной улыбкой къ жизни, любви и смерти“.

Японская улыбка имѣетъ еще и другое значеніе: „Подобно другимъ формамъ приличія, которымъ на востокѣ придаютъ много значенія, и улыбка также подлежитъ правиламъ строгаго этикета, который очень тонко различается для отдѣльныхъ классовъ общества. Болѣе значительное лицо улыбается менѣе часто, чѣмъ лицо не столь значительное; и ротъ, и сама улыбка мѣняются сообразно соціальному положенію. Эта улыбка, воспитанная въ японцѣ съ дѣтства, становится инстинктивной, какъ и то самообладаніе, которое въ ней отражается. Преклоняющійся передъ формами, японецъ всегда постарается подъ улыбкой скрыть свое душевное горе, чтобы не доставить лишняго огорченія своему ближнему эгоистическимъ выраженіемъ страданія. Но свое участіе къ чужому горю онъ выскажетъ всегда съ серьезнымъ выраженіемъ лица“. „Въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ японецъ чуждъ ироніи и сарказма“. Благодаря своей тактичности и вѣжливости, японецъ всегда старается избѣгать въ разговорѣ упоминанія о себѣ и своихъ дѣлахъ. На вопросы личнаго свойства онъ постарается отвѣтить какъ можно болѣе кратко и обще, съ поклонами и благодарностями, но, повидимому, съ живымъ интересомъ справляется о состояніи другого, о его мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ, о событіяхъ и подробностяхъ его жизнии. Но никогда японецъ не будетъ разспрашивать съ нескромнымъ любопытствомъ, никогда безтактно не затронетъ онъ щекотливой темы, напротивъ, онъ закрываетъ глаза на слабости другого. И какъ онъ никому не будетъ грубо льстить, такъ не будетъ подвергать его уничижающей или злостной критикѣ. Молча составляетъ онъ себѣ свое сужденіе о дѣйствіяхъ другого.

Преданные радостному и счастливому пользованію жизнью, японцы глубже другихъ народовъ поняли философскую истину, что собственное счастье покоится на счастьи другого, а гармоническое общежитіе основывается на терпимости къ слабостямъ ближнихъ... И потому, восклицаетъ авторъ, „такъ хорошо живется среди этихъ привѣтливыхъ, милыхъ людей“!

Японская вѣжливость и самообладаніе, поразительная выдержка во всѣхъ отношеніяхъ могла бы быть, на общераспространенный европейскій взглядъ, результатомъ только желѣзной дисциплины и неукоснительныхъ взысканій, строгаго надзора и благодѣтельнаго вліянія палки; однако такое сужденіе по отношеніи къ Японіи представляется въ высокой степени преждевременнымъ. Великолѣпные образчики японской выдержки и дисциплины, японскаго умѣнія жить съ подобными себѣ менѣе всего объясняются

спасительнымъ воздѣйствіемъ строгости и всепроникающаго начальственнаго надзора.

Врядъ ли есть страна, гдѣ такъ относятся къ дѣтямъ, какъ въ Японіи; врядъ ли гдѣ молодое поколѣніе пользуется такой безмѣрной лаской, любовью и внимательностью старшихъ, какъ безчисленные японскіе малыши—надежда и украшеніе отечества. Въ Японіи нѣтъ семьи безъ дѣтей, а главное—безъ наслѣдника и продолжателя рода. Если нѣтъ своего ребенка, то непремѣнно усыновляютъ со стороны. Понятна поэтому та картина, которая такъ поражаетъ наѣзжихъ иностранцевъ: японская народная масса оказывается въ буквальномъ смыслѣ слова нагруженной дѣтьми. Отцы и матери ведутъ дѣтей за руки, у женщинъ и мужчинъ привязаны на спинѣ представители самого юного поколѣнія; старшія дѣти тащутъ на спинѣ съ удивительной осторожностью своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ; и даже эти послѣднія, въ видѣ своихъ дѣтей, баюкаютъ массу самыхъ разнообразныхъ куколъ. „Къ восхищенію всѣхъ, говоритъ Кенигсмаркъ, движется юная Японія съ чрезвычайнымъ достоинствомъ среди взрослыхъ. Даже мужская взрослая молодежь, очевидно, наслаждается ея движеніями. По праву называютъ Японію раемъ для дѣтей. Ихъ юность протекаетъ ничѣмъ не омраченная, окруженная той же самой нѣжной заботливостью и любовью, съ какою ухаживаютъ здѣсь за цвѣтами. Ребенокъ никогда не слышитъ здѣсь суроваго слова, къ нему обращаются только съ веселымъ лицомъ. Это становится для него самого привычкой, и съ самой ранней юности дитя воспринимаетъ безсознательно вѣжливыя формы обращенія взрослыхъ. Дѣтскія лица, ихъ радостныя игры составляютъ чрезвычайно притягательные моменты въ японской народной жизни“.

„Я знаю много европейцевъ,—говоритъ Мунцингеръ,—которые далеко не расположены къ японцамъ, но я не знаю ни одного, кто бы не былъ очарованъ дѣтьми Японіи: это—солнечные лучи страны, которыми она возрождается къ жизни. Дѣвочкамъ даютъ имена: цвѣтокъ, астра, весна, елочка, снѣжинка, и онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ этимъ именамъ. Веселость и жизнерадостность улыбаются каждому изъ дѣтскихъ глазъ. Мальчики храбры и свободны въ выраженіи своего интеллигентнаго лица, въ дѣвочкахъ все исполнено приличія, граціи и нѣжности“. И тотъ же авторъ подтверждаетъ сказанное выше объ обращеніи съ дѣтьми. „Дѣтей никогда не бьютъ... Здѣсь считаютъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ розги воздѣйствіе на сердце ребенка“.

Этимъ воздѣйствіемъ японецъ пользуется для того, чтобы, при помощи мягкой и любящей семьи, развить моральную дисциплину среди будущихъ гражданъ. И однимъ изъ средствъ такого воспитанія является старая китайская мудрость, которая учитъ дѣтей на массѣ примѣровъ безграничному самоотверженію „ради

любви къ родителямъ, внушаетъ принципы безусловнаго повиновенiя и доходящаго до обожанiя преклоненiя передъ ихъ авторитетомъ. Остановимся на нѣкоторыхъ знаменитыхъ 24 разсказахъ о дѣтской преданности, на которыхъ воспитывается японскiй ребенокъ. Въ одномъ случаѣ маленькiй мальчикъ добываетъ для злой мачихи любимую ею рыбу, а когда прудъ замерзаетъ, и онъ не можетъ пробить льда, то ложится обнаженнымъ тѣльцемъ на ледъ, чтобы протаять нужную прорубь... Въ другомъ случаѣ взрослый сынъ, не имѣя возможности прокормить своего престарѣлаго отца и маленькаго сына, жертвуетъ послѣднимъ для перваго и уже собирается зарыть его живымъ въ землю... Въ третьемъ случаѣ мальчикъ, видя, что его родителямъ не хватаетъ покрова для защиты отъ массы комаровъ и москитовъ, завѣшиваетъ ихъ своимъ пологомъ и отдаетъ себя въ жертву жаднымъ насѣкомымъ. Курьезнѣе всего, однако, случай, гдѣ сынъ 70 лѣтняго возраста играетъ на полу у ногъ родителей въ дѣтскiя игры только для того, чтобы скрыть этимъ отъ стариковъ ихъ чрезвычайную старость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и близость кончины. Правда, во многихъ изъ этихъ случаевъ являются разные боги и награждаютъ добрыхъ дѣтей, но жертвы дѣтей уже потому чрезвычайно велики, что старики въ Японiи по достиженiи 50 лѣтняго возраста обыкновенно поступаютъ на положенiе „гоинкiосама“, т. е., другими словами, полнаго отдыха и покоя. И старикъ, и старуха сдаютъ всѣ семейныя заботы на руки младшаго поколѣнiя, часто прiемныхъ дѣтей, а сами пользуются свободнымъ временемъ для того, чтобы отдаться музѣ созерцанiя. Особенно такой отдыхъ приноситъ великое счастье японской женщинѣ, которая, такимъ образомъ, среди почета и ласки заканчиваетъ свой неустанный, тяжелый жизненный трудъ.

Современная японская семья, не смотря на устраненiе прежняго семейнаго коммунизма, представляетъ все же больше организацiю рода, чѣмъ отдѣльную семейную единицу. Все современное хозяйственное и правовое развитiе не могло еще создать того „индивида“, на которомъ строится вся европейская жизнь. Каждый родъ представляетъ въ извѣстной степени безсмертную единицу, въ которой нѣтъ отжившихъ или вымершихъ členомъ, и гдѣ предки и потомки живутъ и дѣйствуютъ вмѣстѣ, благодаря культу усопшихъ. По отзыву всѣхъ наблюдателей Японiи, если у японцевъ и есть какая-нибудь религiя, то это именно обожанiе предковъ. Умершiй дѣдъ или отецъ изъ семьи не уходитъ, а остается жить въ ней въ качествѣ добраго, благодѣтельнаго духа. Сынъ не прерываетъ съ нимъ связи, благодаря постояннымъ молитвамъ къ нему и жертвоприношенiямъ на домашнемъ алтарѣ. Сынъ и отецъ вѣчно неразлучны, и съ этой точки зрѣнiя понятенъ тотъ фактъ, что во время послѣдней китайской войны императоръ Муцухито награждалъ знаками отличiя стариковъ от-

цовъ за павшихъ на полѣ битвы сыновей, а, по японскимъ разсказамъ, умершій знаменитый адмиралъ Сакамото явился во снѣ японской императрицѣ Харуко и обѣщалъ ей сражаться вмѣстѣ съ остальными умершими за честь и славу Японіи. Умершіе въ Японіи живутъ. Можно подумать, что этотъ, проникнутый обожаніемъ природы, народъ именно въ вѣчно возобновляющейся жизни семьи видитъ проявленіе безсмертной силы природы, которая на мѣсто отжившаго создаетъ свѣжее и юное и поддерживаетъ вѣчно зеленый покровъ родового дерева. Безсмертіе родовой клѣточки является здѣсь какъ бы основой мистическаго обожествленія рода; въ родителяхъ эта религія видитъ конкретный источникъ живой творческой струи въ возрождающейся жизни... Индивидуалистическія стремленія современности уже подняли свою разрушительную руку надъ японской семьей, но и до сихъ поръ еще въ ней приносится жертва роду, какъ въ индивидуальномъ развитіи—обществу и государству.

До сихъ поръ еще наслѣдуетъ въ семьѣ только одинъ старшій сынъ, и только путемъ прижизненнаго выдѣленія изъ семьи или усыновленія въ чужую семью устраиваются младшіе сыновья. Положеніе японской женщины цѣликомъ ограничивается ея ролью матери, воспитательницы и хозяйки, безусловно подчиненной сначала отцу, потомъ мужу, а послѣ смерти послѣдняго — старшему сыну. И по истинѣ, положеніе японской женщины не можетъ быть названо завиднымъ! Если японецъ-мужчина жертвуетъ собою цѣликомъ во имя принциповъ чести или національнаго тщеславія, то японская женщина, въ свою очередь, жертвуетъ собою безъ остатка, чтобы сильной половинѣ рода человѣческаго жилось хорошо, легко и пріятно. По отзыву всѣхъ иностранцевъ, японская женщина чрезвычайно обаятельна. Ея скромная сдержанность кажется большинству чѣмъ-то симпатичнымъ; въ то время, какъ по природѣ мужчина представляется сильнымъ, могучимъ и повелѣвающимъ элементомъ, женщина является элементомъ страдающимъ, воспринимающимъ и повинующимся. И дѣйствительно: въ обворожительномъ для многихъ существѣ японки есть нѣчто чрезвычайно нѣжное, тихое и скромное. Всякое желаніе обратить на себя вниманіе, всякая не женская энергія ей чужда; мужскія стремленія къ эмансипаціи проходятъ, совершенно ея не затрагивая. Въ семейной жизни японка чрезвычайно старательна, чиста и цѣломудрена, на ея попеченіи лежитъ все домашнее хозяйство и воспитаніе дѣтей. Она послушна мужу, какъ первая его служанка, и не позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ его дѣла; съ трогательной заботливостью ухаживаетъ она за родными мужа, за нимъ самимъ и старается всѣмъ, чѣмъ можетъ, сдѣлать счастливой жизнь. Путемъ воспитанія изъ души молодой японки устраняются всякіе признаки индивидуальности, всякіе порывы и стремленія къ широкимъ идеаламъ, всякая

активность и желаніе самостоятельно устроить свою судьбу. Вотъ рецепты, согласно которымъ въ Японіи до сихъ поръ воспитывается женщина.

„Единственныя свойства, которыя идутъ женщинѣ, это—нѣжность, послушаніе, цѣломудріе, мягкость и спокойствіе... Ея единственная великая обязанность въ жизни, это — послушаніе. Если супругъ обращается съ нею не хорошо, то она должна съ спокойнымъ лицомъ предстать передъ нимъ и нѣжнымъ, дружескимъ голосомъ указать ему на это. Если же онъ будетъ гнѣваться и не пожелаетъ послушаться увѣщаній, то она должна нѣкоторое время подождать и вернуться къ нему, когда его сердце успокоится; никогда не должна женщина выступать противъ супруга съ рѣзкимъ выраженіемъ лица и повышеннымъ голосомъ, женщина должна всегда сидѣть на корточкахъ и строго слѣдить за своимъ поведеніемъ. Утромъ она должна рано встать, вечеромъ поздно ложиться, до обѣда не должна отдыхать, не должна знать усталости въ шитьѣ, тканьѣ и вышиваньи, она не должна пить много сакэ и до 40-лѣтняго возраста можетъ только рѣдко ходить въ храмы и другія мѣста, гдѣ собирается много народа... Она всегда должна помнить о разстояніи между полами и ни при какихъ условіяхъ не вступать въ корреспонденцію съ молодымъ человѣкомъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и знаніяхъ, какъ въ цвѣтахъ и фасонѣ своего платья, она должна соблюдать скромную сдержанность... Пять самыхъ плохихъ болѣзней, которыми страдаетъ женщина, слѣдующія: невѣжество, недовольство, сплетни, ревность и глупость; самая худшая изъ нихъ, мать остальныхъ четырехъ, это—глупость". И по этимъ правиламъ—по утвержденію Мунцингера—не только воспитывается японская дѣвушка, но и нарисованный здѣсь идеалъ вполнѣ воплощается въ дѣйствительности. Японка всегда послушна, всегда довольна, всегда весела, и всегда нѣжная игрушка и служанка своего мужа!

Между тѣмъ, какъ говоритъ японскій патріотъ Кинза Ріугэ М. Хирай, японка не только обладаетъ всѣми свойствами сильнаго и сознательнаго человѣка, но и доказала исторически свои права на иное положеніе и иное отношеніе къ себѣ со стороны мужчины. Ужъ не говоря о томъ, что національная японская литература, въ особенности же поэзія, обязана во многомъ японской женщинѣ своимъ развитіемъ, еще въ феодальныя времена японки надѣвали на себя рыцарскіе доспѣхи и сражались въ бояхъ, не уступая мужчинамъ. Въ послѣднее время, въ эпоху возстанія Сайго, образовался цѣлый полкъ красавицъ дѣвушекъ, которыя сумѣли сочетать изящную женскую внѣшность съ добродѣтелями храбраго солдата. Японская исторія знаетъ и сильныхъ волею императрицъ, которыя справлялись съ государственными дѣлами безъ помощи со-регентовъ и шогуновъ. И въ настоящее время начинается въ Японіи новое движеніе, которое дало

странѣ женщинъ врачей, сидѣлокъ и учительницъ, приказчицъ и жрицъ, а самое главное—фабричныхъ работницъ. Съ этимъ вмѣстѣ родилось и женское движеніе. Во главѣ его стоитъ госпожа Цуда, которая, вмѣстѣ съ уравненіемъ японской женщины въ правахъ, мечтаетъ и о сближеніи японцевъ съ европейскимъ обществомъ.

До настоящаго времени, однако, обычаи страны и юридическое положеніе японской женщины обусловливаютъ ея подчиненную и пассивную роль. Бѣдные родители, не имѣющіе возможности прокормить дочь, отдаютъ ее для приготовленія въ гейши. Этихъ дѣвочекъ съ ранняго возраста учатъ изящнымъ искусствамъ, утонченному этикету и приличіямъ, искусству нравиться и занимать, угождать и развлекать жаждущихъ веселія, и съ 8—9 лѣтъ разряженныя дѣвочки уже принимаютъ участіе въ угощеніи посѣтителей. Но главное призваніе гейши, это—искусство: она поетъ, танцуетъ, декламируетъ, пишетъ стихи и иногда участвуетъ въ драматическихъ представленіяхъ. Гейша, это—артистка въ полномъ смыслѣ слова, но артистка, избирающая своею цѣлью служеніе тѣмъ искусствамъ, которыя у насъ въ крайнѣ грубой формѣ продуцируются въ различныхъ Варіетэ и шантанахъ. Японская артистка стоитъ неизмѣримо выше своей европейской сестры и служитъ только одному искусству. Въ 18 лѣтъ кончается ея обязательная работа на антрепенера-воспитателя, и она уже самостоятельно продолжаетъ свою художественную карьеру. Искусство ея не высокаго стиля, но иногда оно доводится до высокой степени совершенства. На гораздо болѣе тяжелую участь осуждаютъ своихъ дѣтей тѣ бѣдные родители, которые отдаютъ ихъ въ „незанъ“, т. е. въ кельнерши. Тяжелый трудъ и хлопотливыя занятія, требовательность гостей и строгость хозяевъ дѣлаютъ жизнь такой незанъ далеко не завидной. Всегда веселая и привѣтливая, всегда быстрая и ловкая, замѣчательно вѣжливая и чистая, она представляетъ идеалъ прислуги, но за веселой улыбкой скрывается неустанная работа, за свободной и скромной манерой—желѣзная дисциплина и вѣчная зависимость. Не мудрено, что многія дѣвушки предпочитаютъ хоть на время поступать въ число „мусмэ“, въ веселые дома, гдѣ продажей своего тѣла онѣ пріобрѣтаютъ кусокъ хлѣба для себя и—очень часто—для своей нищей семьи. Правда, положеніе этихъ дѣвушекъ въ Японіи совершенно иное, чѣмъ въ Европѣ. Въ своемъ воззрѣніи на порокъ японецъ исполненъ очень наивнаго и простого взгляда на вещи. Въ порокѣ, какъ таковомъ, онъ не видитъ ничего особеннаго, и женщина, продающая себя, не является для него чѣмъ-то отверженнымъ и погибшимъ: она продаетъ только свое тѣло, души ея никто не трогаетъ; и если условныя формы общественныхъ отношеній допускаютъ существованіе обитательницъ красиваго квартала „Иошивари“, то онѣ же охраняютъ эти глу-

боко несчастныя существа, и нужно отдать японкѣ справедливость: только нужда гонитъ ее въ домъ ужаса, и, какъ только нужда прекращается, она немедленно покидаетъ его; она не теряетъ тамъ даже своей привлекательности и своей женственности и, выйдя оттуда, становится честной женой и матерью. Женщина, то какъ служанка, то какъ игрушка мужчины, можетъ въ извѣстной степени мѣнять въ Японіи эти роли, но изъ подчиненности ему она не выходитъ, какъ мы уже видѣли, и въ семьѣ.

Японка выходитъ замужъ не по любви, а по приказанію родителей: они выбираютъ ей мужа, они же вступаютъ въ сношенія съ другомъ семьи, облеченнымъ обязанностью свата, и рѣшаютъ быть или не быть браку. Невѣста видитъ своего будущаго мужа только одинъ разъ мелькомъ, до свадьбы, во время смотринъ (міаи), а иногда не видитъ его и совсѣмъ. Послѣ замужества японка входитъ въ домъ своего мужа и поступаетъ въ полное его распоряженіе и отчасти его родителей. „Положенію молодой женщины,—говоритъ Мунцингеръ,—которая внезапно перемѣщена въ чуждую обстановку и должна со страхомъ стараться, чтобы понравиться своему мужу, или, что еще труднѣе, свекрови и свекру—отнюдь нельзя позавидовать. И ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, при первомъ же посѣщеніи дома своихъ родителей, которое нравы разрѣшаютъ на третій или седьмой день, она только съ большимъ трудомъ можетъ быть возвращена къ своему мужу; что удивительнаго, далѣе, если при такомъ способѣ заключенія брака сожительство часто оказывается невозможнымъ, и въ результатѣ является разводъ. Разводъ, правда, очень легокъ. Однако, онъ цѣликомъ находится въ распоряженіи мужа, женщина не имѣетъ права просить о разводѣ, а мужъ по своему усмотрѣнію можетъ отпустить жену по слѣдующимъ семи причинамъ: непослушанія, бездѣтности, прелюбодѣянія, ревности заразительныхъ сыпей и другихъ заразительныхъ болѣзней, сплетенъ и наклонности къ воровству. Гарантіями противъ черезчуръ поспѣшной и произвольной выдачи разводнаго письма являются: въ высшихъ классахъ боязнь скандала, въ низшихъ — открытая семейная жизнь и гласность, на что съ особымъ удареніемъ указываетъ графъ Кенигсмаркъ. На практикѣ, однако, разводъ далеко не является такимъ распространеннымъ явленіемъ въ Японіи, какъ этого можно было бы ожидать. Родители, имѣющіе дѣтей, не разводятся почти никогда, и если въ концѣ 90 годовъ около $^1/_4$ всѣхъ браковъ подлежали разводу, то въ настоящее время, благодаря воздѣйствію морали Запада, а также новаго перенесеннаго съ Запада гражданскаго кодекса, разводы становятся все рѣже и рѣже. „Нравственность народа,—говоритъ Мунцингеръ,— оказалась выше, чѣмъ его свободная мораль.“

Мужъ полный хозяинъ въ домѣ. Онъ обращается съ женой, какъ съ подчиненнымъ лицомъ, и менѣе всего—съ той утончен-

ностью, съ которой относится къ женщинѣ, по принципу, европеецъ; съ другой стороны, однако, онъ ея никогда не оскорбляетъ и не бьетъ. Свое зависимое положеніе японка, благодаря самопожертвованію и привитой воспитаніемъ выдержкѣ, умѣетъ превратить въ „радостное и смиренное служеніе"; ея послушаніе теряетъ рабскій характеръ, и она умѣетъ оставаться человѣкомъ, не смотря на все свое безправіе. Но нельзя не замѣтить, что та желѣзная дисциплина, которая подъ кровомъ всевозможныхъ церемоній и приличій охватываетъ японскую семью, первой своей жертвой дѣлаетъ женщину. Семейный фанатизмъ является здѣсь какъ бы дополненіемъ національнаго фанатизма и фанатизма чести. Японская женщина такъ же жертвуетъ своимъ „я" для семьи, какъ японецъ-мужчина жертвуетъ собою для государства и общества.

Аристократическая мораль рыцарственнаго народа, представляющая собою своеобразное сочетаніе „бушидо" и конфуціанской этики, опирающаяся, съ одной стороны, на западно европейскій позитивизмъ, а съ другой—на традиціонный культъ предковъ, даетъ намъ образы, во многомъ достойные удивленія, исполненные силы, красоты и благородства. Но нельзя здѣсь же не замѣтить, что они во многомъ являются намъ чуждыми, оставляютъ насъ холодными, не смотря на все наше удивленіе передъ ними; и это не мудрено: изображеніе японскаго характера здѣсь не закончено: съ одной стороны, европейскіе наблюдатели обратили свое главное вниманіе на черты, отличающія японца отъ дѣтей европейской культуры, съ другой—сами японскіе патріоты, рисуя намъ свою родину, остановились преимущественно на тѣхъ оригинальныхъ свойствахъ національнаго характера, которыя дѣлаютъ японцевъ не только подражателями, но и творцами въ области человѣческой этики. Такъ случилось, что въ нарисованной выше картинѣ мы такъ мало замѣчаемъ того новаго, радикально настроеннаго, глубоко индивидуалистическаго дѣятеля новой Японіи, который вынесъ на своихъ плечахъ главную тяжесть прогрессивной эры и очень недалекъ былъ отъ того, чтобы создать въ странѣ восходящаго солнца демократическую республику. Времена бушидо прошли, и въ новой Японіи на первое мѣсто явились новые европейски-воспитанные элементы.

Моральная система феодальной Японіи должна пасть вмѣстѣ съ ея замками и рыцарскими латами. Какъ говоритъ профессоръ Иназо-Нитобэ, „мы теперь ищемъ повсюду другихъ источниковъ счастья и свѣта, силы и утѣшенія"; однако до сихъ поръ старый духъ еще живетъ въ новыхъ формахъ, а идеаломъ японца является по прежнему душа, подобная „дыханію дико растущаго вишневаго дерева, раскрывающаго лепестки своихъ цвѣтовъ навстрѣчу утреннему солнцу". Такъ отвѣтилъ на вопросъ о сущности японца Мотофи въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи, и

нельзя не признать, что въ этомъ сравненіи содержится доля правды. Какъ дикая вишня, японецъ гордъ и свободенъ; какъ ея цвѣты, онъ стремится къ красотѣ и изяществу; какъ растеніе, пробудившееся утромъ послѣ долгой ночной спячки, тянется онъ къ свѣту и простору. Недаромъ и теперь еще вишневый цвѣтъ есть символъ бушидо, праздникъ его до сихъ поръ является національнымъ торжествомъ, а сама страна зовется страною восходящаго солнца!

Реусъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Изъ Англіи.

I.

Туристомъ, который никогда раньше не бывалъ въ Англіи, овладѣваетъ сильное, приподнятое чувство, когда онъ впервые завидитъ въ туманѣ бѣлыя, обрывистыя скалы Дувра, воспѣтыя еще Шекспиромъ. Вообще, какъ я замѣтилъ, только что перенесенная морская болѣзнь почему-то располагаетъ къ сентиментальности и освѣжаетъ въ архивахъ памяти событія или обрывки произведеній, которыя когда-либо сильно трогали васъ. Вѣроятно, поэтому, настроеніе не одного туриста, впервые завидѣвшаго съ корабля дуврскія скалы, можетъ быть формулировано знаменитыми словами Гейне: „Страна свободы! привѣтствую тебя. Привѣтъ тебѣ, свобода, молодое солнце обновленнаго міра! Старыя солнца его, любовь и вѣра, погасли и похолодѣли и не могутъ больше свѣтить и согрѣвать... Вся сила человѣческаго духа устремлена теперь на любовь къ свободѣ, и свобода сдѣлалась, можетъ быть, религіею новаго времени, — и это опять религія, которую проповѣдуютъ не богатымъ, но бѣднымъ и которая имѣетъ своихъ провозвѣстниковъ, своихъ мучениковъ и своихъ искаріотовъ“ (Englische Fragmente).

Туристу невольно приходитъ въ голову, съ какимъ чувствомъ должны были завидѣть впервые эти скалы люди, которыхъ, начиная съ XVI вѣка, прибивали сюда религіозныя и политическія бури. Первыя массовыя переселенія начались въ XVI вѣкѣ; они явились результатомъ преслѣдованій со стороны герцога Альбы. Тысячи фламандцевъ оставляли родину и переправлялись черезъ каналъ. Королева Елизавета, давая у себя пріютъ фламандцамъ, руководствовалась не сентиментальными, а чисто практическими соображеніями, которыя такъ формулированы современнымъ исто-

рикомъ: „Люди, готовые пострадать за свои религіозныя или политическія убѣжденія, принадлежатъ къ цвѣту страны; государство, преслѣдуя или изгоняя ихъ, теряетъ лучшихъ гражданъ, а потому страна, которая даетъ имъ пріютъ, несомнѣнно выигрываетъ“. Соображеніе это, какъ сейчасъ увидимъ, вполнѣ подтвердилось. Антверпенскіе купцы, поселившись въ Лондонѣ, дали англійской торговлѣ тотъ смѣлый размахъ, которымъ она отличается до сихъ поръ. Фламандскіе моряки, выбравшіе себѣ южные портовые города Англіи (главнымъ образомъ, Cingue Ports, т. е. Сэндвичъ, Дувръ, Хизсъ, Ромней и Хэстингсъ), влили новую жизнь въ британскій флотъ. Фрэнсисъ Дрэкъ, бороздившій въ то время Атлантическій и Тихій океаны, имѣлъ экипажъ, на половину состоявшій изъ голландцевъ. Первыя великія морскія путешествія англійскихъ моряковъ сдѣланы подъ командой отца и сына Каботъ, которые тоже были политическими изгнанниками изъ Венеціи и, такимъ образомъ, сторицей отплатили за пріютъ. Джонъ Каботъ въ іюлѣ 1494 г. открылъ Лабрадоръ, а сынъ его Себастіанъ—Ньюфаундлэндъ, Гудзоновъ заливъ и проливъ и изслѣдовалъ берегъ Америки до Лаплаты. Но больше всего Англія была вознаграждена за гостепріимство фламандскими ткачами и суконщиками. Они привезли съ собой искусство валять сукна. Съ тѣхъ поръ Англія получила новый источникъ богатства. „Англіи незачѣмъ было уже посылать шерсть во Флоренцію для окраски и во Фландрію — для изготовленія сукна“. Фламандцы привезли съ собою секретъ всего производства. „Суконныя фабрики возникли въ Норичѣ, а затѣмъ вскорѣ во всѣхъ восточныхъ графствахъ“ *).

Генрихъ VIII своими религіозными преслѣдованіями разогналъ значительную часть населенія Англіи. Наиболѣе смѣлые и рѣшительные отправились за океанъ. При Елизаветѣ фламандцы поправили зло, свершенное ея отцомъ. Новыя отрасли промышленности дали занятіе многимъ. Фермеры нашли подъ рукой сбытъ для руна. Фламандцы внесли новую закваску въ англійскую соціальную и религіозную жизнь. „Многіе лондонскіе купцы, принимавшіе видное участіе въ революціяхъ XVII вѣка—фламандскаго происхожденія, говоритъ Торольдъ Роджерсъ... Эти эмигранты дали Англіи сильный толчекъ впередъ по пути прогресса. До того времени мы были самымъ отсталымъ народомъ въ Западной Европѣ. Эмигрантамъ мы обязаны тѣмъ, что скоро стали сильными промышленными конкуррентами сосѣдей“ **).

Въ концѣ семнадцатаго вѣка къ берегамъ Англіи направилась другая переселенческая волна, которая принесла съ собой цвѣтъ сосѣдняго народа. Я говорю о гугенотахъ, бѣжавшихъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта отъ драгонадъ, казней и тюремнаго заключенія.

---

*) J. R. Green, „History of the English People“, p. 386.

**) „Industrial and Commercial History“, p. 303.

Въ Англіи тогда былъ періодъ, названный историками the Second Stuart Tyranny; но король, тѣмъ не менѣе, понялъ, какъ много выиграетъ Англія, если дастъ пріютъ бѣглецамъ. Почти всѣ главныя отрасли промышленности Франціи находились тогда въ рукахъ гугенотовъ. Изгоняя ихъ, Людвикъ XIV разорялъ свою страну и давалъ великолѣпный подарокъ Англіи. Вольтеръ, какъ ловкій дипломатъ, выгораживаетъ короля. „Если бы короли не были обмануты,—говоритъ онъ въ „Dictionnaire Philosophique";—если бы они могли предвидѣть, что послѣдствіемъ религіозныхъ преслѣдованій будетъ пятидесятилѣтняя гражданская война, разореніе страны и гибель половины населенія, они потушили бы своими слезами тѣ костры, которые они зажгли". Вольтеръ, конечно, сваливаетъ вину на „іезуитовъ", которымъ влагаетъ въ уста такую обвинительную рѣчь противъ гугенотовъ: „Наглецы! Вы почитаете Бога, проповѣдуете добродѣтель и слѣдуете сами своему ученію! Вы любите человѣчество, помогаете ему и утѣшаете... Вы превратили пустыни, по которымъ бродили скованные рабы, въ богатые и населенные города; но мы открыли, что вы насъ презираете. Вы никогда не читаете нашихъ комментарій; вы знаете, что мы мошенники. Вотъ почему мы немедленно донесемъ на васъ подестѣ. Мы будемъ вопить, бія себя въ грудь, что вы проповѣдуете ересь, и станемъ требовать вашего истребленія, какъ враговъ неба" *). Вольтеръ, однако, напрасно выгораживалъ Людовика XIV.

Гугеноты, какъ фламандцы, принесли съ собою въ Англію новыя отрасли промышленности. Часть ихъ, поселившаяся близъ Лондона въ Spitalfields (теперь это,—одинъ изъ кварталовъ столицы), завела здѣсь фабрики для произведенія шелка. Другіе поселились въ Манчестрѣ и здѣсь основали хлопчатобумажныя фабрики. Гугеноты щедро заплатили Англіи за гостепріимство, которое ей ничего не стоило. Они положили начало промышленности, которая до сихъ поръ является главнымъ источникомъ національнаго богатства. Потомки гугенотовъ, слившись съ кореннымъ населеніемъ, дали, кромѣ того, Англіи рядъ талантливыхъ общественныхъ дѣятелей (Гаркортъ, Лабушэръ и др.). Восемнадцатый вѣкъ пригналъ къ берегамъ Англіи маркизовъ, герцоговъ и виконтовъ, устраивавшихъ отсюда возстанія противъ республики. Англія охотно пользовалась услугами ихъ, такъ какъ ей нужно было ослабить промышленнаго конкуррента. Волна за волной, эмигранты стали набѣгать въ XIX вѣкѣ на берега Великобританіи. Движенія 30-го и 48-го года принесли съ собою тысячи людей, гигантовъ и карликовъ.

„Можно себѣ представить,—говоритъ современникъ,—сколько противоположнаго снадобья захватываютъ съ собой съ материка

---

*) Dictionnaire Philosophique. „Persécution".

и оставляютъ въ Англіи приливы и отливы революцій и реакцій, истощающихъ, какъ перемежающаяся лихорадка, европейскій организмъ, и что за удивительные слои людей выбрасываются этими волнами и бродятъ по сырому, топкому лондонскому дну...“ Бури сорокъ восьмого года, пронесшіяся черезъ Францію, Германію, Австрію и Италію, и пятьдесятъ перваго года спеціально черезъ Францію,—прибили къ берегамъ Англіи многочисленныхъ изгнанниковъ, поселившихся грудно въ Лондонѣ, главнымъ образомъ, въ одномъ кварталѣ—Соо (Soho). „Тамъ,—писалъ тогда *Times*,—обитаетъ жалкое населеніе чужеземцевъ, носящихъ шляпы, какихъ никто не носитъ, и волосы тамъ, гдѣ ихъ не надобно, населеніе несчастное, убогое, загнанное, и котораго трепещутъ всѣ сильные... Европы, кромѣ англійской королевы“...

„Да, тамъ, дѣйствительно, — писалъ Искандеръ, — по public hous'амъ и харчевнямъ сидятъ эти чужіе, эти гости за... горькимъ портеромъ въ кружкѣ и съ еще больше горькими словами на губахъ, поджидая революціи, къ которой они больше не способны, и денегъ отъ родныхъ, которыхъ никогда не получатъ.

„Какихъ оригиналовъ, какихъ чудаковъ я не наглядѣлся между ними! —продолжаетъ Искандеръ.—Тутъ, рядомъ съ коммунистомъ стараго толка, ненавидящимъ всякаго собственника во имя общаго братства — старый карлистъ, пристрѣливавшій своихъ родныхъ братьевъ во имя любви къ отечеству, изъ преданности къ Монтемолино или Донъ-Хуану, о которыхъ ничего не зналъ и не знаетъ. Тамъ, рядомъ съ венгерцемъ, разсказывающимъ, какъ онъ съ пятью гонведами опрокинулъ эскадронъ австрійской кавалеріи, и застегивающимъ венгерку до самаго горла, чтобы имѣть еще больше военный видъ, венгерку, размѣры которой показываютъ, что ея юность принадлежала другому, — нѣмецъ, дающій уроки музыки, латыни, всѣхъ литературъ и всѣхъ искусствъ изъ-за насущнаго пива, свободомыслящій, космополитъ, презирающій всѣ націи, кромѣ Куръ-Гессена или Гессенъ-Касселя, смотря по тому, въ которомъ изъ Гессеновъ родился; полякъ, прежняго покроя, католически любящій независимость, и итальянецъ, полагающій независимость въ ненависти къ католицизму“.

Къ берегамъ Англіи буря прибила героевъ, оставившихъ яркій слѣдъ въ исторіи, и скромныхъ рядовыхъ, въ родѣ того, который писалъ Искандеру по латыни: „Domine, ego sum Gallus, ex patria mea profugus pro causa libertatis populi. Nihil habeo ad manducandum“, etc.

„Нѣмецкая эмиграція, — говоритъ современникъ,—отличалась отъ другихъ своимъ тяжелымъ, скучнымъ и сварливымъ характеромъ. Въ ней не было энтузіастовъ, какъ въ итальянской; не было ни горячихъ головъ, ни горячихъ языковъ, какъ между французами. Другія эмиграціи мало сближались съ нею. Разница въ манерѣ, въ habitus'ѣ, удерживала ихъ на нѣкоторомъ разстоя-

ніи; французская дерзость не имѣетъ ничего общаго съ нѣмецкой грубостью. Отсутствіе общепринятой свѣтскости, тяжелый школьный доктринизмъ, излишняя фамильярность, излишнее простодушіе нѣмцевъ затрудняли съ ними сношенія непривычныхъ людей. Они и сами не очень сближались, считая себя, съ одной стороны, гораздо выше прочихъ по научному развитію, а съ другой—чувствуя передъ другими непріятную неловкость провинціала въ столичномъ салонѣ, или чиновника въ аристократическомъ кругу. Внутри нѣмецкая эмиграція представляла такую же разсыпчатость, какъ и ея родина. Общаго плана у нѣмцевъ не было: единство ихъ поддерживалось взаимной ненавистью и злымъ преслѣдованіемъ другъ друга". Ссоры, впрочемъ, были достояніемъ не однихъ только нѣмецкихъ изгнанниковъ...

„Французская эмиграція, какъ и всѣ другія, увезла съ собой въ изгнаніе и ревниво сохранила всѣ раздоры, всѣ партіи. Сумрачная среда чужой и непріязненной страны, не скрывавшей, что она хранитъ свое *право убѣжища* не для ищущихъ его, а изъ уваженія къ себѣ, раздражала нервы. А тутъ оторванность отъ людей и привычекъ, невозможность передвиженія. Столкновенія стали злѣе, упреки въ прошедшихъ ошибкахъ—безпощаднѣе. Оттѣнки партій расходились до того, что старые знакомые прерывали всѣ сношенія, не кланялись...

„Были, дѣйствительно, теоретическіе и всяческіе раздоры; но рядомъ съ идеями стояли лица; рядомъ со знаменами—собственныя имена, рядомъ съ фанатизмомъ—зависть, и съ откровеннымъ увлеченіемъ - наивное самолюбіе".

Отсутствіе живого дѣла, оторванность отъ родины, матеріальная нужда, — все это содѣйствовало обостренности отношеній. Только львы эмиграціи, какъ Кошутъ, Маццини, Ворцель, Луи Бланъ имѣли связи съ англійскимъ обществомъ и пользовались глубокимъ уваженіемъ, доходящимъ до поклоненія. Только очень немногіе имѣли средства или заработокъ, дающій самостоятельность. Остальные — жестоко бѣдствовали и... ссорились между собою. У Гарибальди былъ оригинальный, но не осуществимый планъ, какъ покончить съ дрязгами въ кругу изгнанниковъ. Свой проектъ герой объединенія Италіи развивалъ Искандеру.

Это было въ 1854 г. Гарибальди приплылъ въ Лондонъ изъ Южной Америки капитаномъ корабля и сталъ въ Вестъ-Индскихъ докахъ. „Гарибальди, въ толстомъ свѣтломъ пальто, съ ярко-цвѣтнымъ шарфомъ на шеѣ и фуражкой на головѣ, казался мнѣ, — говоритъ Герценъ,—больше истымъ морякомъ, чѣмъ тѣмъ славнымъ предводителемъ римскаго ополченія, статуэтки котораго продавались во всемъ свѣтѣ... Между тѣмъ, въ простыхъ и безцеремонныхъ разговорахъ его мало по малу становилось чувствительно присутствіе силы. Безъ фразъ, безъ общихъ мѣстъ, народный вождь, удивлявшій своей храбростью старыхъ солдатъ, обли-

чался. Въ капитанѣ корабля легко уже было узнать того уязвленнаго льва, который, огрызаясь на каждомъ шагу, отступалъ послѣ взятія Рима и, растерявъ своихъ сподвижниковъ, снова сзывалъ въ С.-Марино, въ Равеннѣ, въ Ломбардіи, въ Тиролѣ, въ Тесино солдатъ, мужиковъ, бандитовъ, кого попало, чтобы только снова ударить на врага".

Когда Гарибальди отплывалъ за углемъ въ Ньюкестель на Тейнѣ, чтобы оттуда уйти въ Средиземное море, Герценъ замѣтилъ, что ему ужасно нравится морская жизнь, и что изъ всѣхъ эмигрантовъ Гарибальди избралъ благую часть.

— А кто имъ не велитъ сдѣлать тоже,—возразилъ Гарибальди съ жаромъ.—Это была моя любимая мечта, смѣйтесь надъ ней, если хотите, но я и теперь ее люблю. Меня въ Америкѣ знаютъ; я могъ бы имѣть подъ моимъ начальствомъ три, четыре такихъ корабля. На нихъ я взялъ бы всю эмиграцію: матросы, лейтенанты, работники, повара,—всѣ были бы эмигранты. Что теперь дѣлать въ Европѣ? Привыкать къ рабству, измѣнять себѣ, или въ Англіи ходить по міру. Поселиться въ Америкѣ еще хуже—это конецъ, это страна „забвенія родины", это новое отечество, тамъ другіе интересы, все другое; люди, остающіеся въ Америкѣ, выпадаютъ изъ рядовъ. Что же лучше моей мысли (и лицо его просвѣтлѣло), что же лучше, какъ собраться въ кучку около нѣсколькихъ мачтъ и носиться по океану, закаляя себя въ суровой жизни моряковъ, въ борьбѣ съ стихіями, съ опасностью. Пловучая революція, готовая пристать къ тому или другому берегу, независимая и недосягаемая". Въ эту минуту, — прибавляетъ Герценъ,—Гарибальди и мнѣ казался какимъ-то классическимъ героемъ, лицомъ изъ Энеиды, о которомъ, живи онъ въ иной вѣкъ, сложилась бы своя легенда, свое Arma virumque cano".

Англичане рѣшительно ничего не потеряли отъ того, что дали убѣжище даже такимъ сѣрымъ рядовымъ, которыхъ съ излишнею желчностью описываетъ Искандеръ, но, напротивъ, много выиграли: буря всетаки прибила сотни талантливыхъ врачей, художниковъ, музыкантовъ, ремесленниковъ и пр. Они съ лихвою заплатили Англіи за гостепріимство. Въ числѣ итальянскихъ эмигрантовъ былъ отецъ знаменитаго англійскаго художника и поэта Россети.

Семьдесятъ первый годъ былъ послѣднимъ въ XIX вѣкѣ, который принесъ съ собою въ Англію массу политическихъ эмигрантовъ (коммунаровъ). Мало по малу тучи на горизонтѣ въ Западной Европѣ расходятся. Даже въ Австріи показывается солнце, во всякомъ случаѣ настолько, что позволяетъ венгерцамъ возвратиться на родину. Возвращаются также на родину итальянцы, нѣмцы, испанцы и французы. Лондонъ, какъ политическій эмигрантскій центръ стараго типа, пустѣетъ окончательно, но вотъ, съ начала восьмидесятыхъ годовъ, сюда начинаютъ прибы-

вать новые переселенцы, совершенно неимущіе, ищущіе только работы и готовые за кусокъ хлѣба работать сколько угодно часовъ. Я говорю о полякахъ и русскихъ евреяхъ. Вслѣдствіе духа общественности, а также вслѣдствіе крайней скудости въ средствахъ, которыя дозволяютъ переселенцамъ добраться только до перваго порта, они селились вмѣстѣ, въ одномъ кварталѣ. И вотъ въ то время, какъ въ большинствѣ англійскихъ городовъ нельзя встрѣтить иностранца, въ двухъ кварталахъ Лондона переселенцевъ такъ много, что всюду на стѣнахъ пестрѣютъ афиши на русскомъ и еврейскомъ языкахъ. Въ этихъ кварталахъ началась конкурренція изъ за куска хлѣба между туземнымъ пролетаріатомъ и пріѣзжимъ. Переселенцы, не зная языка, не понимая окружающихъ условій, считаютъ, что поступаютъ вполнѣ правильно, когда берутся работать за всякое вознагражденіе.

Туземный пролетаріатъ видитъ въ этой готовности продать свой трудъ за грошъ—преступленіе. И вотъ, на этой почвѣ возникъ рядъ недоразумѣній. Недовольство, въ концѣ концевъ, разрѣшились бы вполнѣ нормально. Во-первыхъ, переселенцы селились только въ двухъ кварталахъ Лондона, въ Лидсѣ и въ Манчестрѣ, такъ что новый вопросъ носилъ совершенно частный характеръ. Во-вторыхъ, даже и въ этихъ кварталахъ вопросъ былъ временный, а не постоянный. Когда переселенцы осваивались съ языкомъ и начинали понимать укладъ новой жизни, они присоединялись къ англичанамъ-работникамъ и брали такую же плату, какъ всѣ. Такимъ образомъ, переселенецъ являлся нежелательнымъ конкуррентомъ, покуда онъ представлялъ изъ себя новичка (greener, по мѣстной терминологіи). Въ третьихъ, при нормальныхъ условіяхъ, все пришло бы вскорѣ въ равновѣсіе потому, что переселенцы принесли съ собою новыя, спеціальныя отрасли производства. Поляки, напримѣръ, ввели производство гнутой (вѣнской) мебели. Капиталистами явились англичане; но всѣ работники-поляки или евреи. Въ этомъ отношеніи, англичане не были конкуррентами. Евреи привезли съ собою производство готоваго платья, дешевой обуви и выдѣлку мѣха. Капиталистами опять явились англичане; но туземной конкурренціи въ области труда—не было. Въ послѣдніе два-три года, однако, вопросъ о конкурренціи переселенцевъ и вообще о нихъ, раздутый совершенно искусственно въ мелкой прессѣ, принялъ вдругъ неожиданные размѣры. Нѣсколько причинъ содѣйствовало тому, что чисто мѣстному, въ общемъ, ничтожному по размѣрамъ, вопросу приданъ былъ характеръ государственной важности. Послѣ войны явилось много безработныхъ. Защитники имперіализма, между тѣмъ, доказывали массамъ на выборахъ, что эта политика означаетъ, прежде всего, обиліе работы и высокую плату. Переселенцы явились благовиднымъ оправданіемъ для имперіалистовъ. Вотъ почему британскіе работники си-

дятъ безъ хлѣба!—стала доказывать оффиціальная газета Чемберлэна—„Daily Express". —Иностранцы отняли нашу промышленность, а теперь вырываютъ у васъ работу"! Во всей Англіи, кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ, работники глумятся надъ такимъ объясненіемъ, но это не мѣшаетъ имперіалистамъ повторять его.

Затѣмъ, нынѣшнее министерство на выборахъ 1895 г., чтобы заручиться содѣйствіемъ работниковъ, надавало имъ много обѣщаній, которыхъ оно не желало и не могло сдержать. Къ числу такихъ обѣщаній относится государственный пенсіонъ для всѣхъ престарѣлыхъ. Не было министра, который не сулилъ бы тогда всѣмъ шестидесятилѣтнимъ по 5, а то и по 7 ш. въ недѣлю. Министерство не выполнило обѣщанія. На выборахъ 1900 г. вниманіе избирателей было поглощено южно-африканской войной, поэтому можно было умолчать про пенсіонъ. Но вотъ снова приближаются общіе выборы. Переселенцы явились отличнымъ предлогомъ, чтобы отложить пенсіонъ для престарѣлыхъ. „Мы обѣщали вамъ пенсіонъ; но можемъ ли мы дать его теперь?—говорятъ работникамъ имперіалисты. —И безъ того иностранцы являются сюда, чтобы отбивать у васъ хлѣбъ и работу. Когда же они узнаютъ про пенсіонъ, они нахлынутъ тучами. Вотъ почему прежде, чѣмъ дать вамъ пенсіонъ, необходимъ законъ, воспрещающій неимущимъ иностранцамъ пріѣзжать въ Англію". На частныхъ выборахъ эта аргументація не производила никакого впечатлѣнія: министерство терпѣло пораженіе за пораженіемъ. Парламентъ относился съ недовѣріемъ къ словамъ министерства; но мелкая пресса била тревогу. И вотъ, походъ противъ переселенцевъ началъ принимать конкретную форму.

II.

Въ 1902 г. была назначена королевская коммиссія изъ семи человѣкъ (двухъ лордовъ, трехъ коммонеровъ, одного бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ и одного крупнаго фабриканта) для изслѣдованія вопроса объ иммигрантахъ. Коммиссія работала въ продолженіе года. Всѣмъ желающимъ предоставлено было высказаться. Опросили священниковъ, магистратовъ, полицейскихъ инспекторовъ, врачей, мелочныхъ лавочниковъ, работниковъ, кабатчиковъ; показанія составили четыре громадныхъ тома. Дальше я постараюсь разобраться въ этомъ богатомъ матеріалѣ и попытаюсь извлечь всѣ аргументы, выставленные свидѣтелями за и противъ переселенцевъ. А теперь посмотримъ, къ какимъ выводамъ пришла коммиссія.

Изъ собранныхъ нами фактовъ,—говоритъ она,—несомнѣнно вытекаетъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ въ Англію переселилось очень много иностранцевъ. Количество ихъ значительно

больше, чѣмъ въ былое время. По составу это, по преимуществу, выходцы изъ Россіи и Польскаго края, а по вѣроисповѣданію—евреи. Нѣтъ основанія предполагать, что потокъ переселенцевъ уменьшится, если существующія въ Англіи таможенныя условія не измѣнятся".

Коммиссія поспѣшила прибавить, что собранныя свѣдѣнія отнюдь не доказываютъ необходимости полнаго воспрещенія въѣзда въ Англію переселенцамъ. Затѣмъ, было бы крайне не желательно,—продолжаетъ коммиссія,—стѣснить какимъ-нибудь образомъ пріѣзжающихъ иностранцевъ (т. е. не переселенцевъ) *); но необходимо контролировать прибывающихъ переселенцевъ, въ особенности изъ восточной Европы. Контроль долженъ заключаться въ томъ, что администраціи слѣдуетъ предоставить право какъ воспрещенія въѣзда нежелательнымъ иностранцамъ (aliens), такъ и высылки послѣднихъ изъ предѣловъ Англіи.

Коммиссія, однако, убѣдилась, какъ увидимъ дальше, что походъ противъ неимущихъ переселенцевъ нельзя основать на преступности ихъ. Пролетаріи изъ восточной Европы, въ особенности изъ Россіи, выдѣляютъ самый ничтожный процентъ преступниковъ. По показаніямъ свидѣтелей, все это смирный, крайне трудолюбивый, трезвый народъ, который только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ приходитъ въ столкновеніе съ законами страны. И вотъ, коммиссія находитъ другой поводъ, чтобы мотивировать билль противъ иностранцевъ. „По нашему мнѣнію,—говоритъ она,—величайшее зло, проистекающее отъ присутствія неимущихъ переселенцевъ (alien immigrants), заключается въ чрезмѣрной скученности, въ особенности наблюдаемой въ нѣкоторыхъ кварталахъ Лондона. Скученность эта (overcrowding) имѣетъ послѣдствіемъ вытѣсненіе кореннаго населенія. По нашему мнѣнію, зло (скученность) такъ велико, что врядъ ли можетъ быть устранено примѣненіемъ одинаковыхъ законовъ къ коренному населенію и къ переселенцамъ. Мы, поэтому, думаемъ, что необходимо *спеціальное законодательство*, которое воспрещало бы неимущимъ переселенцамъ селиться въ такихъ округахъ, гдѣ наблюдается уже скученность и гдѣ приростъ населенія можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія.—Мы полагаемъ также, что необходимо очистить Англію отъ преступниковъ-иностранцевъ и отъ другихъ предосудительныхъ личностей".

Коммиссія того мнѣнія, что необходимо выработать мѣры, которыя не только бы считались съ настоящими условіями, но предваряли бы въ нѣкоторомъ родѣ будущее. Она рекомендуетъ слѣдующее.

---

*) Коммиссія употребляетъ два термина для иностранцевъ foreigners, т. е. имущіе и временно пріѣзжающіе по дѣламъ или для удовольствія, и aliens, т. е. неимущіе переселенцы, имѣющіе намѣреніе основаться въ Англіи.

Государство должно установить контроль надъ нѣкоторыми классами иностранцевъ, прибывающихъ въ Англію. Съ этой цѣлью слѣдуетъ учредить новый, переселенческій департаментъ (Department of immigration). Нужно завести точную переселенческую статистику, для чего надлежитъ обязать всѣхъ владѣльцевъ кораблей доставлять подробныя свѣдѣнія объ эмигрантахъ. Правила эти должны относиться или ко всѣмъ англійскимъ портовымъ городамъ, или къ нѣкоторымъ, оговореннымъ спеціально *). Новый переселенческій департаментъ назначаетъ спеціальныхъ чиновниковъ, которые опрашиваютъ всѣхъ прибывающихъ переселенцевъ, чтобы выяснить ихъ личность. И если окажется, что прибывающіе относятся къ *нежелательнымъ* (т. е. если они преступники, проститутки, идіоты, умалишенные, отмѣнно предосудительныя личности или совершенно лишены средствъ, такъ что содержаніе ихъ падетъ на плательщиковъ налоговъ), то чиновники доносятъ объ этомъ департаменту.

Департаментъ, получивъ неудовлетворительныя свѣдѣнія объ эмигрантѣ, передаетъ ихъ магистрату, который рѣшаетъ, можетъ ли быть переселенецъ пропущенъ въ Англію или нѣтъ.

По приговору суда каждый пропущенный въ Англію переселенецъ (alien immigrant) можетъ быть высланъ за границу, если въ теченіе двухъ лѣтъ окажется, что онъ, или она — преступникъ, проститутка, сутенеръ или *вообще крайне предосудительная личность*, а также если обнаружится, что эмигрантъ не имѣетъ средствъ къ существованію. Въ подобныхъ случаяхъ переселенческій департаментъ обязываетъ владѣльцевъ корабля, на которомъ прибылъ высылаемый, доставить его въ тотъ портъ, откуда эмигрантъ взятъ.

Всѣ переселенцы подвергаются въ Англіи прежде, чѣмъ спуститься съ корабля, тщательному медицинскому осмотру. Страдающіе заразительными или отвратительными болѣзнями не пропускаются. Владѣльцы кораблей обязаны увезти такихъ эмигрантовъ обратно.

Всѣ переселенцы обязаны давать о себѣ, подъ страхомъ каторжныхъ работъ и изгнанія впослѣдствіи, вѣрныя свѣдѣнія.

Что касается скученности переселенцевъ, то коммиссія рекомендовала слѣдующія мѣры. Если найдено будетъ, что въ извѣстномъ кварталѣ живетъ слишкомъ много переселенцевъ, то переселенческій департаментъ запрещаетъ иностранцамъ (aliens) селиться въ этомъ мѣстѣ. Въ портахъ, гдѣ высаживаются пере-

---

*) Въ Англіи есть нѣсколько портовъ, куда по преимуществу прибываютъ не пассажирскіе, а эмигрантскіе корабли: Гуль, Лондонъ, Соутгэмптонъ. Сюда направляются изъ Гамбурга и Либавы громадные, неуклюжіе пароходы, въ родѣ *Блюхера*, описаннаго въ прошломъ письмѣ, нагруженные лошадьми, рогатымъ скотомъ и переселенцами изъ Россіи. Пассажирскіе пароходы пристаютъ въ Фолькстонѣ, Ньюхэвенѣ, Дуврѣ, Гаричѣ и въ Куинборо.

селенцы, полиція увѣдомляетъ пріѣзжихъ, какіе кварталы до того переполнены, что въ нихъ иностранцамъ воспрещено селиться. Эмигрантовъ опрашиваютъ, въ какихъ мѣстахъ они намѣрены жить. Если будетъ найдено, что переселенецъ живетъ въ переполненномъ округѣ, гдѣ ему селиться нельзя, — онъ подлежитъ высылкѣ изъ предѣловъ Англіи.

На основаніи этихъ совѣтовъ составленъ Aliens Bill, обѣщанный въ тронной рѣчи и внесенный въ парламентъ въ мартѣ 1904 года. Въ общемъ, билль совпадаетъ съ совѣтами коммиссіи, только всюду, гдѣ она говоритъ о магистратѣ, авторъ билля вставилъ „полиція“. Администрація рѣшаетъ, можно ли переселенца пропустить въ Англію или нѣтъ. Полицейскій инспекторъ, а не судья, опредѣляетъ благонадежность переселенца. Пропущенный эмигрантъ на два года попадаетъ подъ полицейскій надзоръ, какъ выпущенный на свободу каторжникъ. Онъ обязанъ сообщать полиціи о перемѣнѣ адреса. Въ биллѣ оппозиція и многіе консерваторы усмотрѣли покушеніе на всѣ вольности Англіи, такъ какъ законодатели проектировали усилить власть полиціи. Началась усиленная агитація противъ билля. Посмотримъ теперь, къ чему сводится аргументація противниковъ и защитниковъ переселенцевъ.

III.

Я приведу сперва показанія различныхъ свидѣтелей, высказавшихся противъ эмигрантовъ. Всѣ эти показанія, главнымъ образомъ, касаются выходцевъ изъ Россіи—поляковъ и евреевъ. Первыхъ много въ восточномъ Лондонѣ, но, главнымъ образомъ, въ каменноугольныхъ раіонахъ, въ Шотландіи и въ Уэльсѣ. Поляки, не понимающіе языка, не знаютъ даже, какую ненависть возбуждаютъ противъ себя. Они желаютъ только работы. „Происхожденіе польской колоніи въ Шотландіи слѣдующее. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ владѣльцы большого завода въ Лэнэркширѣ отказались повысить заработную плату кочегарамъ. Работники устроили стачку. Тогда владѣльцы завода выписали изъ Россіи партію поляковъ, которые согласились работать по 12 ш. въ недѣлю (т. е. за половину того, что получали шотландцы). Полякамъ заработокъ показался до такой степени выгоднымъ, что они выписали своихъ родныхъ и друзей, которые стали работать въ каменноугольныхъ шахтахъ *). Скоро началась стачка въ большой шахтѣ, гдѣ добывается огнеупорная глина. Владѣльцы замѣнили тогда всѣхъ шотландцевъ смирными поляками. Вмѣсто 8 шиллинговъ въ день, поляки охотно согласились получать по 4 ш. 6 п. Теперь поляки всюду работаютъ въ шахтахъ, гдѣ до-

*) Minutes of Evidence, 11867 (post).

бываніе угля особенно затруднительно. Хозяева очень дорожатъ ими, такъ какъ это очень трудолюбивый и совершенно безотвѣтный народъ, въ особенности литовцы. Только ихъ нарядчикъ понимаетъ нѣсколько словъ по-англійски. Поляки и литовцы рѣшительно не могутъ уразумѣть, почему работники-шотландцы относятся къ нимъ съ такой глубокой ненавистью. Эти переселенцы не имѣютъ представленія объ условіяхъ труда въ Англіи, о трэдъ-юніонахъ и о правахъ работниковъ, такъ какъ прикидываютъ ко всему свои старыя мѣрки" *). Впрочемъ, тотъ же свидѣтель показываетъ, что когда съ поляками и литовцами ихъ шотландскіе товарищи попробовали въ послѣднее время столковаться черезъ посредство переводчиковъ, — большая часть ихъ (90%) присоединилась къ „Miners'Union", т. е. къ союзу горныхъ работниковъ. Поляки и литовцы, когда поняли въ чемъ дѣло, охотно согласились соблюдать minimum заработной платы. Перейдемъ теперь къ показаніямъ противъ переселенцевъ-евреевъ.

„Ткачи-евреи получаютъ у себя на родинѣ въ Лодзи по семи рублей въ мѣсяцъ,—жалуется одинъ изъ свидѣтелей (Дѣло идетъ о кустаряхъ, работающихъ на ручныхъ станкахъ). Они привыкли работать по восемнадцати часовъ въ день и могутъ жить при условіяхъ, намъ совершенно непонятныхъ. Уайтчепельскія берлоги приводятъ насъ, англичанъ, въ ужасъ, но для еврея-эмигранта, привыкшаго на родинѣ жить въ подвалѣ или на чердакѣ,— онѣ кажутся чуть ли не дворцами. Эмигрантъ умѣетъ жить однимъ чернымъ хлѣбомъ и жидкимъ чаемъ. Ему ни почемъ чрезмѣрный рабочій день, поэтому, онъ страшно понижаетъ заработную плату" **).

„Заработная плата, которая кажется англичанамъ нищенской, представляетъ для голоднаго, загнаннаго населенія восточной Европы такую чарующую прелесть, что, если мы не примемъ предупредительныхъ мѣръ въ видѣ воспрещенія иммиграціи,— намъ придется принять около пяти милліоновъ переселенцевъ... Мы охотно готовы симпатизировать этимъ голоднымъ, трудолюбивымъ людямъ, которыхъ отрѣзали на родинѣ отъ всякаго заработка, но мы не можемъ пожертвовать для ихъ спасенія нашими работниками". ***) Свидѣтели, высказывающіеся противъ допущенія переселенцевъ, выставляютъ, что количество ихъ страшно быстро растетъ. Если вѣрить этимъ показаніямъ,—оффиціальная статистика не точна. Почти нѣтъ никакой возможности опредѣлить, сколько именно переселенцевъ прибыло въ Англію,—говоритъ Фрэдерикъ Брэдшоу. Судя по всеобщимъ переписямъ, въ Великобританіи было иностранцевъ:

---

*) Ibid., 23041 и дальше.

**) Ibid., 21228 и дальше.

***) ib., 6180.

Годы:	
1871	114.000
1881	135.640
1891	219.523
1901	286.925

Населенія въ Соединенномъ Королевствѣ было въ 1881 г.— 34.884.848, въ 1891 г. — 37.732.922, а въ 1901 г. — 41.458.721. Такимъ образомъ, за десять лѣтъ процентное отношеніе иностранцевъ въ Англіи поднялось съ 0,58 до 0,69. Изъ этихъ иностранцевъ 22.627 живутъ въ Шотландіи, а 135.377 въ Лондонѣ. Изъ иностранцевъ, живущихъ въ столицѣ, 95.245—русскіе или поляки. Сорокъ двѣ тысячи изъ нихъ поселились въ одномъ кварталѣ Степней. За десять лѣтъ населеніе въ этомъ кварталѣ увеличилось на 38 тысячъ. Все это—иностранцы, такъ какъ коренное населеніе вытѣсняется чужеземцами. За двадцать лѣтъ не меньше двѣнадцати тысячъ англичанъ вытѣснены изъ Степней пріѣзжими. Ростъ иностраннаго населенія въ этомъ кварталѣ опредѣляется слѣдующими цыфрами:

въ 1881 г.	15.99
„ 1891 „	32.284
„ 1901 „	54.310

Такъ же сильно возрасло иностранное населеніе въ сосѣднемъ кварталѣ, въ Уайтчепелѣ. Вотъ нѣкоторыя цыфры. Въ Уайтчепелѣ иностранцевъ было

въ 1881 г.	9.660
„ 1901 „	29.188

Въ настоящее время иностранцы составляютъ здѣсь 37% всего населенія квартала *). Читатели, конечно, замѣтили, что факты, приводимые свидѣтелемъ, не имѣютъ того грознаго характера, который онъ имъ придаетъ. Вмѣсто „наводненія Англіи иностранцами“, о которомъ кричитъ уличная пресса, мы имѣемъ только 0,69%, т. е. раза въ четыре—пять меньше, чѣмъ во Франціи или въ Германіи. Во всей Великобританіи *только* 287 тысячъ иностранцевъ всѣхъ національностей, считая въ томъ числѣ американскихъ милліонеровъ, посланниковъ, консуловъ, представителей торговыхъ фирмъ, инженеровъ, литераторовъ и пр. Громадное большинство этихъ иностранцевъ платитъ квартирный и подоходный налоги и, конечно, ни въ коемъ случаѣ не является бременемъ для коренного населенія. Такимъ образомъ, цифры, которыми уличная пресса ослѣпляетъ публику, сводятся къ тому, что въ двухъ лондонскихъ кварталахъ рабочее населеніе изъ иностранцевъ, за послѣднія двадцать лѣтъ, увеличилось, хотя далеко еще не достигло 100 тысячъ. Этими фактами, конечно,

*) Minutes of Evidence, 746.

не преминули воспользоваться тѣ, которые разбили въ парламентѣ сторонниковъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ неимущимъ переселенцамъ. Многіе свидѣтели оспариваютъ даже и приведенныя цифры: они говорятъ, что иные переселенцы только временно живутъ въ Англіи, такъ какъ мѣсто ихъ назначенія Америка или Южная Африка. Защитники стѣснительныхъ мѣръ отвѣчаютъ на это: „Совершенно вѣрно: многіе переселенцы уѣзжаютъ дальше; но намъ отъ этого еще хуже. Уѣзжаютъ наиболѣе состоятельные, предпріимчивые, талантливые и молодые. Неимущіе, неспособные и калѣки достаются Англіи“ *). „Если у переселенца имѣются деньги, онъ всегда уѣзжаетъ въ Америку и въ Южную Африку. У иностранцевъ, остающихся въ Англіи, среднимъ счетомъ, имѣется только по 23 шиллинга на брата. Если же принять во вниманіе, что у одного оставшагося оказалось 1000 ф., а у другого—500 ф., то у остальныхъ еще меньше, чѣмъ по 23 ш.“ **) По мнѣнію свидѣтеля, бѣдняковъ-евреевъ привлекаетъ въ Лондонъ, между прочимъ, размѣръ благотворительности мѣстной еврейской общины, которая расходуетъ въ годъ 116.000 ф. ст. Это утвержденіе, конечно, опровергаетъ основное положеніе защитниковъ стѣснительныхъ мѣръ, что неимущіе иностранцы ложатся бременемъ на британскихъ плательщиковъ налоговъ. Анализъ громадной суммы, расходуемой ежегодно Jewish Board of Guardians (Еврейскимъ благотворительнымъ комитетомъ), показываетъ, что деньги эти идутъ на содержаніе ремесленныхъ школъ, на покупку инструментовъ, швейныхъ машинъ, но отнюдь не на милостыню.

Иностранцы, жалуются сторонники мѣръ противъ иммиграціи, вытѣсняютъ въ двухъ лондонскихъ кварталахъ (Уайчепелѣ и въ Степней) коренное населеніе изъ квартиръ. „Хорошо извѣстно,—показываетъ одинъ изъ подобныхъ свидѣтелей,—что домовладѣльцы (т. е. англичане) предпочитаютъ имѣть квартирантомъ не англичанина, а переселенца, такъ какъ послѣдній очень смиренъ, не предъявляетъ никакихъ претензій и охотно соглашается платить за свой уголъ, сколько ни набавитъ хозяинъ... Квартирная плата въ Уайтчепелѣ и Степней повысилась съ тѣхъ поръ, какъ туда явились неимущіе иностранцы (aliens). Квартиры, которыя сдавались въ 1901 г. по 1 ф. 13 ш. въ недѣлю, въ 1902 г. сдавались по 4 ф. 7 ш. Въ остальныхъ мѣстахъ квартирная плата повысилась на 67—94%. Домовладѣльцы (англичане) всюду поднимаютъ квартирную плату, гдѣ только селятся неимущіе иностранцы. Англійскіе работники не въ состояніи платить такую высокую ренту. И, такимъ образомъ, коренное населеніе въ двухъ кварталахъ вытѣсняется иностранцами“ ***). Почему же

*) Minutes of Evidence, 1313 и дальше.
**) ib. 864.
***) Ib., 11525.

переселенцы, получающіе ничтожную заработную плату, могутъ давать такую высокую ренту? Потому,—отвѣчаютъ сторонники стѣснительныхъ мѣръ,—что эмигранты могутъ жить цѣлой семьей въ одной комнатѣ и даже въ одномъ углу, тогда какъ британскій работникъ желаетъ имѣть цѣлую квартиру для себя. Предъ нами столкновеніе двухъ культуръ—высокой и крайне низкой. „Непосвященный наблюдатель, заглянувшій въ какой-нибудь домъ по сосѣдству съ Mile End Rd. или Commercial Rd. (улицы въ Уайтчепелѣ), будетъ пораженъ,—говоритъ одинъ изъ свидѣтелей. Въ каждомъ домѣ помѣщается одна, а иногда и двѣ мастерскія. Атмосферу можно себѣ представить. Лѣтомъ вентиляція недостаточна, а зимою всѣ окна для тепла закупорены. Люди работаютъ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ спитъ цѣлая семья. Вотъ одна комната, сдаваемая за 4 ш. 6 п. въ недѣлю семьѣ русскихъ евреевъ, состоящей изъ мужа, жены и двоихъ дѣтей. Мужъ башмачникъ и прикованъ цѣлый день къ стулу; но получаетъ такъ мало, что жена занимается еще стиркой бѣлья и все въ той же комнатѣ. Другія двѣ комнаты снимаетъ портной; но глаза у него ослабѣли, и онъ можетъ заработывать не больше 2 ш. въ день. А такъ какъ хозяинъ (англичанинъ) беретъ за двѣ комнаты 12 ш., то, чтобы свести концы съ концами, портной сдаетъ одну комнату русскому еврею-мебельщику, жена котораго въ послѣднемъ фазисѣ чахотки“ *). Англійскіе квартиры немыслимы безъ ванны. Домовладѣльцы въ Уайчепелѣ и Степней сдаютъ русскимъ евреямъ даже ванную комнату, какъ отдѣльное жилое помѣщеніе. Одинокимъ переселенцамъ сдаютъ углы на чердакѣ, подъ наклономъ крыши, на лѣстницѣ и даже въ погребѣ, гдѣ держатъ угли. Прибывающіе переселенцы до такой степени нетребовательны, до такой степени смирны и до такой степени желаютъ заработать, что довольствуются любымъ угломъ. Они привыкли спать безъ постелей, прямо на полу, безъ простынь, тогда какъ даже въ тюрьмахъ англійскіе каторжники имѣютъ постельное бѣлье. „Я видѣлъ, какъ 27 человѣкъ работали и спали въ двухъ маленькихъ комнатахъ,—показываетъ съ ужасомъ одинъ свидѣтель **).—Всѣ они питались толко чернымъ хлѣбомъ и жидкимъ чаемъ. Все это были „гринеры“, greeners, т. е. только что прибывшіе эмигранты. Мужчины и женщины шили, сидя на полу, а на постеляхъ въ тѣхъ же комнатахъ спали дѣти. Домовладѣлецъ получалъ за двѣ комнаты шестнадцать шиллинговъ въ недѣлю... Эти люди могутъ жить при такихъ условіяхъ, при которыхъ мы англичане, представители высшей культуры, существовать не можемъ. Переселенцы привыкли обходиться безъ всякаго комфорта. Ради куска хлѣба русскіе

*) Minutes of Evidence, 11519—11520.

**) Англійская статистика считаетъ „скученностью“, если на комнату приходится больше, чѣмъ два человѣка.

евреи готовы работать съ ранняго утра до поздней ночи. Они такъ смирны, что терпѣливо переносятъ всякое притѣсненіе" *). Голодный, нетребовательный переселенецъ въ Уайтчепелѣ страшно понизилъ заработную плату. Восемь лѣтъ тому назадъ мастеровой, „кончающій" сапоги, получалъ по 5 ш. 6 п. за шесть паръ, теперь иностранцы охотно берутъ за ту же работу 2 ш. **).

Теперь приведу аргументы, которые, по меньшей мѣрѣ, звучатъ странно въ устахъ крайнихъ тори и представителей нѣкоторыхъ фабрикъ. Еще большій эффектъ получается тогда, когда эти аргументы сочувственно комментируются *Таймсомъ*, *С. Джемсовой Газетой* или *Глобусомъ*. *Times* цитируетъ показанія свидѣтелей, что переселенецъ не идетъ въ трэдъ-юніонъ и тѣмъ сильно понижаетъ заработную плату коренного населенія. Между тѣмъ, именно *Times* въ прошломъ году открылъ походъ противъ рабочихъ союзовъ и доказывалъ, что они погубили британскую промышленность. *С. Джемсова Газета* горой стоитъ за „вольный" трудъ, но все же приходитъ въ ужасъ отъ системы „выжиманія пота". *Глобусъ*, какъ *Таймсъ*, противъ всякаго вмѣшательства государства между предпринимателемъ и работникомъ, но не тогда, когда дѣло касается переселенцевъ...

„Если бы мы только могли остановить притокъ переселенцевъ,—говоритъ свидѣтель, крупный фабрикантъ,—мы легко бы тогда покончили и „съ системой выжиманія пота", и съ чрезмѣрно низкой заработной платой (starvation wages). Но до тѣхъ поръ, покуда въ Англіи будутъ иностранцы, которые должны работать за ничтожную плату или умереть,—до тѣхъ поръ станетъ держаться „потогонная система" труда; до той поры также не исчезнетъ *starvation wages* (т. е. чрезмѣрно низкая нищенская плата, едва дающая работнику возможность прокормиться). Теперь, когда люди требуютъ себѣ справедливую плату за восьмичасовой или девятичасовой день, являются иностранцы, которые соглашаются работать по шестнадцати часовъ въ день за гроши". Показаніе это странно не само по себѣ, а въ устахъ тѣхъ, которые даютъ и комментируютъ его. *Starvation wages* и „система выжиманія пота" въ исторіи англійской промышленности, конечно, гораздо древнѣе появленія иностранцевъ. Анализъ положенія труда въ Англіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в.в. внушилъ Марксу знаменитое опредѣленіе: „Капиталъ есть мертвый трудъ, который, подобно вампиру, оживаетъ вслѣдствіе всасыванія въ себя живого труда, и пріобрѣтаетъ при этомъ тѣмъ болѣе жизненной силы, чѣмъ болѣе всосано имъ этого труда" ***). Въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка на фабрикахъ въ Іоркширѣ дѣтей буквально замучивали до смерти.

---

*) Minutes of Evidence, 14956.

**) Ib., 3629.

***) *Капиталъ*, т. I, ст. 178.

„Въ началѣ іюня 1836 г., напр., къ судьѣ въ Дьюсбери поступили жалобы на нарушеніе фабричнаго акта хозяевами весьма больших фабрикъ, находящихся по сосѣдству съ Бэтли. Часть фабрикантовъ обвинялась въ томъ, что они принудили пять мальчиковъ отъ 12—15 лѣтъ работать съ 6 часовъ утра пятницы до 4 часовъ пополудни слѣдующей субботы, не давая имъ никакого отдыха, кромѣ времени для ѣды и одного часа сна около полуночи. И эти дѣти должны были исполнять свою неустанную тридцатичасовую работу въ *Shoddy-hole*, такъ называется тотъ адъ, въ которомъ раздергиваются шерстяныя лохмотья, и воздухъ котораго, представляющій цѣлое море пыли, отброса и т. п., принуждаетъ даже взрослыхъ работниковъ завязывать постоянно ротъ носовымъ платкомъ для того, чтобы защитить легкія. Хозяева увѣряли, что они позволили дѣтямъ спать четыре часа, но упрямые мальчики положительно не захотѣли идти въ постель“ **). Англійскій авторъ того времени пишетъ: „Алчность владѣльцевъ заводовъ и жестокости, совершаемыя ими ради пріобрѣтенія прибыли, едва ли были превзойдены даже тѣми жестокостями, которыя были совершены испанцами послѣ покоренія Америки, ради пріобрѣтенія золота“. Вотъ еще картина изъ тѣхъ временъ, когда конкурренціи горсти переселенцевъ еще не существовало. „На митингѣ въ Нотингэмѣ (въ концѣ пятидесятыхъ годовъ) предсѣдатель, судья графства, заявилъ, что въ той части городского населенія, которая занимается выдѣлкою кружевъ, лишенія и страданія доходятъ до такой ужасной степени, какая неизвѣстна остальному цивилизованному міру. Дѣти 9 и 10-тилѣтняго возраста стаскиваются съ ихъ грязныхъ постелей въ 2, 3, 4 часа утра и вынуждаются работать, за самыя жалкія средства къ существованію, до 10, 11 и 12 часовъ ночи; въ продолженіе такого труда члены ихъ мало по малу теряютъ свой естественный объемъ, все тѣло какъ будто съеживается, черты лица получаютъ тупое выраженіе, и все ихъ человѣческое существо цѣпенѣетъ и переходитъ въ такое безжизненное, каменеподобное состояніе, одинъ видъ котораго внушаетъ ужасъ... Система, господствующая здѣсь... есть система безграничнаго рабства, рабства въ соціальномъ, физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи... Мы декламируемъ противъ виргинскихъ и каролинскихъ плантаторовъ. Однако, невольничій рынокъ, со всѣми ужасами кнута и торговли человѣческимъ тѣломъ, едва ли отвратительнѣе этого медленнаго человѣкоубійства, которое совершается ради изготовленія вуалей и воротничковъ“ **). Или вотъ еще картина минувшаго времени ***). „Въ продолженіе трехъ поколѣній англійской

*) Ibid, стр. 187.

**) *Капиталъ*, т. I, стр. 189.

***) Положеніе Ланкашира, описываемое дальше, совершенно отошло въ

расы, хлопчатобумажная промышленность пожрала девять поколѣній ткачей. Правда, что въ нѣкоторыя отдѣльныя эпохи лихорадочнаго расширенія промышленности, рабочій рынокъ представлялъ значительные пробѣлы. Такъ было, напр., въ 1834 г. Но фабриканты немедленно обратились къ коммиссіонерамъ, завѣдующимъ попечительствомъ о бѣдныхъ, съ требованіемъ,—переслать на сѣверъ „излишнее населеніе“ земледѣльческикъ округовъ, объяснивъ при этомъ, что фабриканты берутся „поглотить и потребить это излишнее населеніе“... Съ согласія попечителей и бѣдныхъ въ Манчестрѣ были учреждены особые агенты. Были составлены списки земледѣльческихъ работниковъ и списки эти были переданы агентамъ. Затѣмъ фабриканты устремились въ различныя бюро, и послѣ того, какъ они выбрали то, что имъ казалось пригоднымъ, цѣлая масса семействъ были высланы съ юга Англіи на сѣверъ. Эти грузы людей, снабженные этикетами, подобно товарнымъ тюкамъ, были доставляемы на баржахъ и на возахъ. Нѣкоторые же должны были тащиться пѣшкомъ, и многіе изъ нихъ, потерянные и полуголодные, плутали взадъ и впередъ по мануфактурнымъ округамъ. Такая доставка работниковъ развилась въ настоящую отрасль торговли... Эта правильная торговля, это барышничество человѣческой плотью, продолжалось непрерывно, и эти люди были покупаемы и продаваемы манчестерскими агентами манчестерскимъ фабрикантамъ такъ же правильно, какъ негры покупаются и продаются владѣльцами хлопчатобумажныхъ плантацій въ южныхъ штатахъ.

Теперь внуки этихъ торговцевъ увѣряютъ внуковъ тѣхъ бѣлыхъ негровъ, которыми они когда-то торговали, что никакое улучшеніе положенія работниковъ въ Англіи не возможно, покуда не остановится притокъ переселенцевъ. Перейдемъ теперь спеціально къ вопросу о системѣ „выжиманія пота“ и къ тому, насколько она находится въ зависимости отъ притока переселенцевъ. Палата лордовъ назначила въ 1890 г. большую коммиссію для изслѣдованія „Sweating System“. Добытые результаты составили колоссальный трудъ—„Report and Evidence of the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System“. „Существованіе системы объяснялось въ значительной степени—до тѣхъ поръ, пока коммиссія не опубликовала добытые ею матеріалы, — притокомъ иностранцевъ пролетаріевъ, главнымъ образомъ, евреевъ изъ Россіи и польскихъ провинцій,—говоритъ Сидней Вебъ. Вліяніе этихъ переселенцевъ, какъ оказывается, сильно преувеличено. Съ 1882—1886 г. въ Лондонъ пріѣхало отъ 20—30 тысячъ русскихъ евреевъ, изъ которыхъ мѣстный еврейскій благотворительный комитетъ (Jewish Board of Guardians) отправилъ

область преданій съ тѣхъ поръ, какъ демократія призвана къ общественной жизни.

дальше около 12 тысячъ. Послѣ 1886 г. усиленная эмиграція русскихъ въ Лондонъ прекратилась. Въ 1888—92 г. эмиграція русскихъ евреевъ изъ Лондона превышаетъ иммиграцію. Затѣмъ, когда положеніе евреевъ въ Россіи ухудшилось, переселеніе снова увеличилось. Перепись 1891 г. показала, что во всемъ Лондонѣ русскихъ и поляковъ, съ женами и дѣтьми, только 26.742 чел.; за предѣлами Лондона выходцевъ изъ Россіи или польскихъ провинцій, въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ, можно найти только въ Манчестрѣ и Лидсѣ. А между тѣмъ Sweating System существуетъ въ каждомъ большомъ городѣ. Перепись 1891 г. показываетъ, что въ Англіи и въ Уэльсѣ *всѣхъ* иностранцевъ, считая пролетаріевъ и состоятельныхъ людей, всего лишь 198.113. Другими словами, въ Англіи одинъ иностранецъ приходится на 145 человѣкъ туземнаго населенія. Въ любой странѣ больше англичанъ, чѣмъ всѣхъ иностранцевъ во всей Англіи. Русскіе евреи въ Лондонѣ, Манчестрѣ и Лидсѣ заняты изготовленіемъ платья, башмаковъ и выдѣлкой мѣха; но Sweating System существуетъ въ такихъ отрасляхъ промышленности и въ такихъ городахъ, гдѣ эти переселенцы никогда еще не являлись съ предложеніемъ своего дешеваго труда. „Выжимальщики пота“ процвѣтаютъ въ Бирмингэмѣ, въ Шефильдѣ, въ Ковентри, гдѣ иностранцевъ совершенно нѣтъ. *Sweating System* искони практикуется при изготовленіи ножей, гвоздей, цѣпей. Даже въ портняжномъ дѣлѣ количество пролетаріевъ иностранцевъ, изъ которыхъ „выжимаютъ потъ“, ничтожно въ сравненіи съ количествомъ англійскихъ работниковъ и работницъ. Всѣ факты, добытые до сихъ поръ, рѣшительно опровергаютъ утвержденіе, что *Sweating System* исчезнетъ, если воспретятъ неимущимъ иностранцамъ (pauper aliens) пріѣзжать въ Англію“ *).

Цитируемый авторъ доказываетъ, что дѣйствительной причиной существованія системы „выжиманія пота“ является не иностранецъ, а работа на дому.

„Система эта является симптомомъ существованія въ нашемъ обществѣ фазиса промышленности, который когда-то былъ вполнѣ нормальнымъ, но теперь, при развитіи индустріи, представляетъ нѣчто отжившее. Главныя отрасли англійской промышленности прошли нѣсколько фазисовъ, покуда явилась нынѣшняя фабричная система производства. Отжившіе фазисы могутъ быть намѣчены такъ: 1) Ремесленникъ работалъ на дому своими собственными инструментами надъ собственнымъ сырымъ матеріаломъ, при чемъ самъ продавалъ потребителю свои товары. 2) Ремесленникъ работалъ на дому своими собственными инструментами надъ матеріаломъ, доставленнымъ капиталистомъ. Послѣдній раздавалъ сырье многимъ мастерамъ и самъ продавалъ готовый

*) Sweating: its Cause and remedy. „Fabian Tract № 50“, p.p. 4—7.

фабрикатъ. Берлога „выжимальщика пота“ является переходной ступенью между мастерской ремесленника и фабрикой. Въ ней скомбинированы всѣ отрицательныя черты мастерской и фабрики при отсутствіи ихъ положительныхъ чертъ... Работа на дому представляетъ дѣйствительную причину системы „выжиманія пота“ *)

Возвратимся, однако, къ показаніямъ свидѣтелей, требующихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ пріѣзда неимущихъ иностранцевъ. „Они довольствуются самой скромной ѣдой“,—жалуется одинъ изъ свидѣтелей. „Неужели мы допустимъ, — говоритъ консервативный *Глобусъ,*—чтобы раса, довольствующаяся кускомъ черного хлѣба и селедкой, вытѣснила нашихъ работниковъ, борющихся за то, чтобы рабочее населеніе питалось бѣлымъ хлѣбомъ и говядиной?“ Восклицаніе это довольно-таки подозрительно, когда раздается со столбцовъ „*Globe*“. Газета эта существуетъ второй вѣкъ. Когда-то, еще до перваго великаго билля о реформахъ, т. е. лѣтъ 75 тому назадъ, газета возмущалась „дикими бреднями черни“ о политическихъ правахъ и сытной пищѣ. Въ то время газета съ глубокимъ сочувствіемъ комментировала такія произведенія, какъ „Essay on Trade and Commerce“. Авторъ этого труда писалъ: „Наша мануфактурная чернь забрала себѣ въ голову мысль, что, какъ англичане, они имѣютъ природное право на обладаніе особенной привилегіей: быть свободнѣе и независимѣе работниковъ какой бы то ни было другой страны Европы... Можно сказать положительно, что чѣмъ меньше будетъ такихъ идей въ головахъ нашихъ мануфактурныхъ работниковъ, тѣмъ будетъ лучше и для нихъ самихъ, и для государства. Работники не должны никогда считать себя независимыми отъ тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ“.

Авторъ тогда рекомендовалъ даже ту пищу, которая, по его мнѣнію, вполнѣ приличествуетъ бѣднякамъ: похлебку изъ той же селедки. Какъ сильно измѣнилось время! Теперь въ Англіи нѣтъ консервативной газеты, у которой хватило бы смѣлости сказать: „Работники не должны никогда считать себя независимыми отъ тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ“.

„Иностранецъ работаетъ слишкомъ много,—продолжаетъ другой свидѣтель, — иногда семь дней въ недѣлю, при чемъ дважды въ недѣлю сутки напролетъ. Часто, заходя въ мастерскую, я находилъ людей, которые заснули отъ полнаго истощенія“ **). Приведу еще одинъ курьезный доводъ и закончу этимъ показанія свидѣтелей противъ переселенцевъ. Одинъ свидѣтель жалуется, что его чувство британца оскорблено, когда онъ въ восточномъ Лондонѣ видитъ массу людей, съ которыми нужно объясняться черезъ переводчика. Итакъ, аргументы сторонниковъ ограничительныхъ мѣръ противъ переселенцевъ сводятся къ слѣдующему: иностра-

---

*) Ib., p. 7.
**) Minutes of Evidence, 11690.

нецъ-пролетарій является опаснымъ конкуррентомъ британскаго работника, такъ какъ много работаетъ, мало получаетъ, мало ѣстъ и живетъ при невозможныхъ для культурнаго человѣка условіяхъ. Съ другой стороны, мы видѣли, что притокъ иностранцевъ, въ сущности, ничтоженъ. По словамъ Вебба и др. *Sweating System* существовала до появленія иностранцевъ-пролетаріевъ и держится въ такихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ пріѣзжіе совершенно не конкуррируютъ съ туземными работниками. Вопросъ о соперничествѣ переселенцевъ возникаетъ *только* въ двухъ кварталахъ Лондона, въ Манчестрѣ, Лидсѣ, да еще въ двухъ горныхъ округахъ. Переселенцы пролетаріи отчаянно сбиваютъ цѣны только въ первые мѣсяцы своего пріѣзда, пока они еще не понимаютъ языка и не могутъ столковаться съ англійскими товарищами. Затѣмъ они записываются въ рабочіе союзы, и тогда судьба переселенцевъ такая же, какъ и туземныхъ работниковъ. Вотъ что далъ намъ анализъ показаній свидѣтелей, требующихъ ограничительныхъ мѣръ. Никто изъ этихъ свидѣтелей не затрогиваетъ совершенно расовый или религіозный вопросы.

Обратимся теперь къ показаніямъ свидѣтелей, рѣзко высказывающихся противъ какихъ бы ни было ограниченій иммиграціи въ Англіи.

IV.

Прежде всего они отрицаютъ фактъ „переполненія“ Лондона иностранцами, что, впрочемъ, врядъ ли нужно было доказывать. Лондонъ—федеративный, муниципальный союзъ двадцати девяти городовъ, слившихся вмѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ округовъ, какъ, напр., въ Вуличѣ, Батерси, Гриничѣ, Дептфордѣ, Луишэмѣ и пр., иностранцевъ не больше 0,82%. Въ пятнадцати округахъ отъ 1—3,5%, въ двухъ—4,5%, въ одномъ—6,46%. И только въ Степней (восточный Лондонъ) иностранцы составляютъ 18,18% кореннаго населенія. Въ общемъ, въ Лондонѣ, на 4.536.540 жителей иностранцевъ—135.377, т. е. 2,98%. Сюда входятъ представители всѣхъ націй, посланники и нищіе. Въ любой столицѣ континента иностранцевъ вдвое больше *). Слѣдующая таблица показываетъ приростъ иностранцевъ въ Лондонѣ, обнаруженный двумя народными переписями.

	1891 г.	1901 г.	Приростъ.
Русскихъ	12.034	38.117	26.083
Поляковъ	14.708	15.420	712
Нѣмцевъ	26.920	27.427	507
Французовъ	10.366	11.264	898
Итальянцевъ	5.138	10.889	5.751
Американцевъ (изъ Соед. Шт.) .	4.905	5.561	656
Австрійцевъ	3.041	6.189	3.148
Другихъ національностей	17.941	20.510	2.569
	95.053	135.377	40.324

*) Показанія, сдѣланныя Чарльсомъ Имэнюэлемъ.

Въ статистическихъ таблицахъ при всеобщихъ переписяхъ вѣроисповѣданіе не обозначается, а только національность, соотвѣтственно странѣ. Вотъ почему приведенныя цифры обозначаютъ не только русскихъ и поляковъ, но, и евреевъ изъ южныхъ и польскихъ губерній. Въ общемъ, поляковъ-католиковъ въ Лондонѣ около 10 тысячъ человѣкъ, а русскихъ приблизительно столько же.

Одинъ изъ свидѣтелей объясняетъ, почему неимущіе иностранцы тѣснятся въ двухъ кварталахъ, въ извѣстныхъ улицахъ, а туземное населеніе отодвигается дальше. „Восточный Лондонъ представляетъ очень мало привлекательнаго для англичанъ,—говоритъ свидѣтель.—Онъ переполненъ и нездоровъ. Дома и комнаты тутъ тѣсны, стары, крайне запущены, а домовладѣльцы не расположены дѣлать поправки. Рента быстро растетъ, хозяева не желаютъ, поэтому, сдавать квартиры на долгій срокъ. Такимъ образомъ, у квартирантовъ является крайняя неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Англійскіе работники, сколько-нибудь правильно заработывающіе, двинулись къ окраинамъ, гдѣ муниципалитеты выстроили теперь цѣлыя улицы новыхъ, здоровыхъ, удобныхъ и комфортабельныхъ котеджей. Иностранный пролетаріатъ, не знающій языка, не увѣренный въ завтрашнемъ днѣ, вынужденъ тѣсниться въ нездоровыхъ кварталахъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь помѣщаются также и мастерскія. Какъ только переселенецъ освоивается съ условіями и обезпечиваетъ себѣ работу, онъ тоже передвигается къ окраинамъ, и, такимъ образомъ, вопросъ о скученности (overcrowding) переселенцевъ перестаетъ существовать“. Эмигранты имѣли громадное выгодное моральное вліяніе на восточный Лондонъ,—говоритъ другой свидѣтель. „Чтобы оцѣнить значеніе этого вліянія,—продолжаетъ онъ,—нужно знать характеръ Истъ-Энда до тѣхъ поръ, пока тамъ появились иностранцы. Населеніе его тогда состояло изъ трехъ классовъ: 1) мастеровыхъ и мелочныхъ лавочниковъ, жившихъ домами; 2) многочисленнаго преступнаго класса, заселявшаго цѣлыя улицы, какъ, напр., Флоуэстритъ, Динстритъ, Литлъ-Перлстритъ и пр., и 3) чернорабочихъ, перебивавшихся впроголодь*). Лѣтомъ послѣдніе еще кое-какъ существовали, зимой же—хронически голодали. Когда муниципалитетъ выстроилъ дешевые котеджи, первый классъ оставилъ Истъ-Эндъ, который превратился въ море отчаянной нищеты и преступленія. Здѣсь ютились преступники всего Лондона. Отсюда они направлялись на ночныя работы. Въ то время по нѣкоторымъ улицамъ Истъ-Энда опасно было ходить даже днемъ. Полисмэны рѣшались проникать въ глухіе переулки только вмѣстѣ. Истъ-Эндъ, прилегающій къ докамъ, былъ тогда также очагомъ порока

*) Характерное англійское выраженіе говоритъ, что этотъ классъ то на минуту выплывалъ, то тонулъ, at times with their heads above water, at other times just submerged.

Цѣлыя улицы были заселены проститутками. Сюда матросы съ кораблей и богатые люди изъ Вэстъ-Энда отправлялись искать дома, въ которыхъ промышляли бестіальными пороками, вывезенными съ востока. Притокъ мирныхъ, трудолюбивыхъ, воздержныхъ и трезвыхъ эмигрантовъ въ двадцать лѣтъ совершенно преобразилъ дикій, преступный и бестіальный кварталъ. Непотребные дома, притоны, гдѣ блазированные богачи могли удовлетворять свои патологическіе пороки, берлоги, гдѣ курили гашишъ и опіумъ,—все это исчезло; преступное, порочное и патологическое населеніе расползлось по богатымъ кварталамъ. Истъ-Эндъ теперь одинъ изъ самыхъ спокойныхъ, трезвыхъ и безопасныхъ кварталовъ Лондона. Въ домахъ, гдѣ когда-то творились несказуемыя дѣла, которыя даже Крафтъ Эбингъ излагаетъ въ своемъ курсѣ не иначе, какъ по латыни; въ помѣщеніяхъ, гдѣ Джэкъ-Потрошитель уродовалъ свои жертвы,—теперь всюду работаютъ скромные и трезвые переселенцы изъ Россіи и польскихъ провинцій" *). Показанія генералъ-инспектора (нѣчто въ родѣ начальника департамента полиціи) относительно преступности иностранцевъ очень любопытны. Преступниками являются не скромные, трудолюбивые пролетаріи, прибывающіе на эмигрантскихъ корабляхъ изъ Либавы и Гамбурга, а, главнымъ образомъ, американскіе мошенники высшаго полета, пріѣзжающіе въ Англію въ лучшихъ каютахъ перваго класса. Въ общей суммѣ иностранцевъ въ Англіи американцы (изъ Соединенныхъ Штатовъ) составляютъ только 10%, между тѣмъ они даютъ 23½% преступниковъ. Русскіе и поляки составляютъ 33% всѣхъ переселенцевъ, между тѣмъ на нихъ падаетъ только 17% преступленій, совершенныхъ всѣми иностранцами. Если бы русскіе и поляки были такъ преступны, какъ пріѣзжіе американцы, на ихъ долю должно было бы пасть не 17, а 76% преступленій.

Переселенцы-работники понижаютъ цѣны только въ первое время, покуда не освоятся. Этотъ періодъ, по показаніямъ свидѣтелей, продолжается отъ трехъ до девяти мѣсяцевъ. Иностранцы привезли съ собою цѣлый рядъ новыхъ производствъ. Свидѣтель Чарльзъ Бэккеръ, владѣлецъ громадныхъ магазиновъ въ Лондонѣ и въ провинціи, показалъ, что теперь Англія отправляетъ въ колоніи и на нейтральные рынки громадные транспорты готоваго платья, обуви, непромокаемыхъ плащей, гнутой мебели, мѣховыхъ вещей и пр. Все это—производства, введенныя иностранцами. У Бэккера на фабрикахъ работаютъ тысячи англичанъ и иностранцевъ, главнымъ образомъ, русскихъ евреевъ. Отношенія между работниками отличныя. Заработная плата никогда не падаетъ ниже 30 ш. въ недѣлю.

Цѣлый рядъ свидѣтелей англичанъ опровергаетъ положеніе,

---

*) *Alien Immigration*, London. 1904, p.p. 160—163.

что, даже въ первое время послѣ прибытія въ Англію, пролетаріи-иностранцы ложатся когда-нибудь бременемъ на плательщиковъ налоговъ. „Безпомощный пауперъ, въ сущности, не существуетъ въ восточномъ Лондонѣ,—говоритъ фабричный инспекторъ Джемсъ Браунъ. Переселенцы такъ трудолюбивы, что быстро изучаютъ новое ремесло, приспособляются къ новымъ условіямъ и выбираются собственными силами изъ трясины нищеты". „Работники-евреи получаютъ по 25 — 40 ш. въ недѣлю, какъ и англичане. Не трудно встрѣтить работниковъ-переселенцевъ, получающихъ черезъ годъ послѣ пріѣзда 3 фунта въ недѣлю". „Переселенцы изъ Россіи, — показываетъ директоръ Тойнби-Холла (народнаго университета и университетскаго поселенія въ Уайтчепелѣ),—выбиваются изъ послѣднихъ силъ, чтобы дать дѣтямъ техническое образованіе и сдѣлать изъ нихъ хорошо обученныхъ мастеровыхъ. Въ этомъ отношеніи переселенцы выгодно отличаются отъ кореннаго населенія. Jewish Board of Guardians, въ этомъ отношеніи, усиленно помогаетъ родителямъ. Въ прошломъ году комитетъ платилъ за 600 мальчиковъ-евреевъ, обучавшихся ремеслу... Въ школахъ дѣти русскихъ переселенцевъ быстро обгоняютъ туземцевъ. Второе поколѣніе совершенно не похоже на заморышей отцовъ. Оно быстро сливается съ кореннымъ населеніемъ и также, какъ англичане, высоко цѣнитъ физическое развитіе... Въ „Working boys clul" (клубъ мальчиковъ-работниковъ) въ Истъ-Эндѣ 90%—дѣти переселенцевъ".

Статистика показываетъ, что въ восточномъ Лондонѣ количество лицъ, получающихъ общественную помощь, не только не увеличивается, но даже уменьшается въ послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, перепись показала, что за десять лѣтъ количество лицъ, получившихъ общественную помощь, уменьшилось:

въ Англіи и Уэльсѣ . . .	на 23%
„ Лондонѣ вообще . . .	на 19,8%
„ Уайтчепелѣ	на 60,8%.

V.

Билль противъ безпрепятственнаго пріѣзда въ Англію „неимущихъ, преступниковъ и вообще предосудительныхъ личностей" былъ обѣщанъ въ февралѣ въ тронной рѣчи, а затѣмъ внесенъ въ парламентъ. До этого печать указывала, что „вопросъ объ иностранцахъ" созданъ совершенно искусственно, для „отвода глазъ". Печать доказывала, что вся страна, кромѣ двухъ - трехъ округовъ, совершенно не подозрѣваетъ даже о существованіи такого зла. Выяснялось, что стѣсненіе пріѣзда, не принося практическихъ результатовъ, можетъ повести къ совершенно нежелательному увеличенію значенія полиціи. Но главный бой про-

изошелъ въ палатѣ общинъ. Здѣсь противъ билля выступили коммонеры всѣхъ партій. И, послѣ сравнительно слабаго сопротивленія, сторонники билля уступили.

„Министерство имѣло уже время убѣдиться,—сказалъ одинъ коммонеръ,—что билль не встрѣтилъ никакого сочувствія въ странѣ. По личному опыту я знаю, что избиратели разражаются хохотомъ при каждомъ упоминаніи о проектѣ. Предполагается, что иностранцы выдѣляютъ большій процентъ преступниковъ, чѣмъ коренное населеніе. Въ этомъ предположеніи есть нѣкоторая доля истины, хотя, въ сущности, все это—блестящіе, свѣтскіе мошенники и шуллера изъ Америки, противъ которыхъ билль не направленъ. Американцы въ Англіи составляютъ 10% иностраннаго населенія, но выдѣляютъ 25% преступниковъ. Большая часть ихъ пріѣзжаетъ въ Англію въ первомъ классѣ, такимъ образомъ, билль, если онъ станетъ закономъ, не избавитъ ее отъ этихъ свѣтскихъ преступниковъ“. Ораторъ предлагалъ министерству ограничиться биллемъ, который воспрещалъ бы селиться въ Англіи переселенцамъ, страдающимъ заразительными болѣзнями, и уполномочивалъ бы судъ изгонять изъ Англіи иностранцевъ, осужденныхъ здѣсь за уголовныя преступленія.

Противъ билля выступилъ также молодой коммонеръ-тори Черчёль. Онъ задалъ вопросъ, какимъ образомъ полицейскій инспекторъ будетъ знать, что пріѣзжій—преступникъ? Правительство должно знать, что преступникъ не пріѣдетъ съ привѣшенной табличкой, на которой будетъ значиться: „Я только что отбылъ семь лѣтъ каторжныхъ работъ во Франціи“, или: „я ѣду изъ холодной страны, гдѣ пробылъ двадцать лѣтъ за преступленіе, предусмотрѣнное договорами 1870 и 1895 гг. о выдачѣ преступниковъ“. Наиболѣе серьезные доводы противъ билля выставилъ сэръ Чарльзъ Дилкъ, одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ въ парламентѣ. Сэръ Чарльзъ указалъ, что рядъ крайне свѣдущихъ людей, какъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Кэнельмъ Догби, какъ бывшій начальникъ лондонской полиціи Брэдфордъ, какъ нынѣшній начальникъ, затѣмъ рядъ судей и магистратовъ—согласно показали, что нѣтъ возможности помѣшать преступникамъ пріѣзжать въ Англію. Нужно было бы для этого требовать паспорта у всѣхъ пріѣзжихъ, во всѣхъ англійскихъ портовыхъ городахъ. Это повело бы за собою такія стѣсненія и такую ломку всего англійскаго строя, что вызвало бы всеобщее негодованіе. Кромѣ того, возвращеніе къ паспортной системѣ повело бы къ чрезвычайному усиленію власти полиціи, что меньше всего желательно англичанамъ. Полиція является лойяльной обществу до тѣхъ поръ, пока она всецѣло находится подъ общественнымъ контролемъ, и покуда функціи ея точно опредѣлены. Если билль пройдетъ, администрація получитъ слишкомъ растяжимыя полномочія опрашивать пріѣзжающихъ и слѣдить

за ними. Полиція выйдетъ изъ подъ непосредственнаго контроля и, мало по малу, превратится въ такую же грозную для общества гидру, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на континентѣ. По мнѣнію Дилка, билль нужно свести къ тому, что частью наказанія для преступниковъ-иностранцевъ должно явиться изгнаніе изъ Англіи.

Старый коммонеръ-тори задалъ вопросъ, какъ будетъ поступать правительство съ иностранцемъ, осужденнымъ у себя на родинѣ за преступленіе, которое не подходитъ подъ договоръ о выдачѣ, напр., за lése majesté въ Германіи? „Если англійская полиція обратится за справками къ германской,—продолжаетъ коммонеръ,—то отвѣтъ въ такомъ случаѣ получится неблагопріятный для переселенца: германская полиція дастъ ему невыгодную аттестацію. У меня, старика, кровь кипитъ отъ негодованія, когда я подумаю, что британское министерство желаетъ насадить у насъ полицейскій произволъ. Если билль пройдетъ, то репутація Англіи, какъ убѣжища для всѣхъ несправедливо гонимыхъ и преслѣдуемыхъ, сильно пострадаетъ".

Коммонеръ Тревеліянъ сказалъ, что никто ничего не имѣетъ противъ изгнанія преступниковъ изъ Англіи; но нужно предварительно точно установить, дѣйствительно ли изгоняемый преступникъ. Въ данномъ случаѣ Англія не можетъ положиться на аттестацію полиціи той страны, изъ которой прибываетъ переселенецъ. Если бы въ сороковыхъ годахъ англійское правительство обратилось за справками къ австрійской или неаполитанской полиціи относительно венгерскихъ или итальянскихъ эмигрантовъ, то, безъ сомнѣнія, получило бы справки, что и Кошутъ, и Маццини, и Гарибальди—преступники, которыхъ ждетъ висѣлица или каторжная тюрьма. Могло ли британское правительство принять такую характеристику и выслать изгнанниковъ, которыхъ народъ встрѣчалъ такъ восторженно?

Коммонеръ майоръ Сили (консерваторъ) категорически заявилъ, что Англія не можетъ отказать иностранцу въ гостепріимствѣ на основаніи аттестаціи континентальной полиціи. Духъ англійскаго закона требуетъ, чтобы лучше двадцать преступниковъ ускользнули отъ наказанія, чѣмъ хотя бы одному невинно преслѣдуемому было отказано въ убѣжищѣ. Въ палатѣ слова майора были покрыты громкими аплодисментами. Генералъ-атторней, защищая билль, сказалъ, что въ Англіи существуютъ договоры о выдачѣ преступниковъ. Въ этихъ договорахъ точно указаны дѣянія, признаваемыя и Англіей преступленіями. Если полицейскій инспекторъ получитъ свѣдѣнія, что иностранецъ, желающій высадиться въ Англіи, осужденъ у себя на родинѣ за одно изъ этихъ преступленій, то почему же полиція не можетъ помѣшать эмигранту сойти съ корабля? Во избѣжаніе злоупотребленій со стороны полиціи, министерство готово принять по-

правку, въ силу которой иностранецъ можетъ обжаловать рѣшеніе инспектора—магистрату. Магистратъ постарается тогда получить копію съ приговора суда надъ переселенцемъ.

Дилкъ, возражая генералъ-атторнею, указалъ, что тотъ тщательно обошелъ основное затрудненіе. Какъ правительство думаетъ примѣнить билль? значитъ ли это, что полиція будетъ опрашивать только эмигрантовъ, прибывающихъ на переселенческихъ корабляхъ изъ Гамбурга и Либавы, или же всѣхъ пассажировъ, пріѣзжающихъ на пакетботахъ изъ Голландіи, Франціи и Америки? Генералъ-атторней согласится, что допрашивать такихъ пассажировъ нельзя. А если такъ, то къ чему же сведется дѣятельность билля?

Особенно тщательно разработанъ былъ вопросъ, намѣченный Чарльзомъ-Дилкомъ—сэромъ Кенельмомъ Дигби. Онъ далъ анализъ перваго пункта билля, въ силу котораго нежелательнымъ переселенцамъ предполагается отказать въ правѣ высадиться въ Англіи. Анализъ этотъ былъ до такой степени тщателенъ, что убѣдилъ очень многихъ. „Нежелательные эмигранты, — говоритъ сэръ Кенельмъ Дигби,—раздѣляются биллемъ на двѣ группы. Къ первой относятся лица, осужденныя у себя на родинѣ за преступленія, за которыя они подлежали бы выдачѣ изъ Англіи, затѣмъ проститутки, сутенеры и личности, по терминологіи билля, *отмѣнно предосудительныя*. Ко второй группѣ относятся неимущіе и лица, которыя могутъ стать бременемъ для плательщиковъ налоговъ. Коммиссія, собиравшая матеріалъ объ эмигрантахъ, пришла къ заключенію, что запретить иностранцу высадиться можетъ только магистратъ послѣ гласнаго производства. Билль предоставляетъ это право полицейскому инспектору“. Такимъ образомъ, по словамъ Дигби, полиція получаетъ „совершенно нежелательныя полномочія“, которыя, къ тому же, она не можетъ выполнить. „Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ полицейскій инспекторъ удостовѣрится, что пріѣзжій былъ осужденъ, или что онъ *отмѣнно предосудительная* личность? Какимъ образомъ инспекторъ узнаетъ, что высаживающаяся съ корабля женщина—проститутка, а ступающій на берегъ мужчина—сутенеръ? Билль, если онъ станетъ закономъ, можетъ создать рядъ крайне прискорбныхъ и не поправимыхъ ошибокъ. Возьмемъ, напримѣръ, законъ о проституткахъ. Чтобы новая мѣра дала какіенибудь практическіе результаты, ее необходимо примѣнить во всѣхъ портахъ, въ томъ числѣ въ Ньюхэвенѣ, Фолькстонѣ и Дуврѣ *). Необходимо дать полиціи право допрашивать всѣхъ пассажирокъ, въ какомъ бы классѣ онѣ ни прибыли, не занимаются ли онѣ проституціей? Мало того, инспекторъ дол-

*) Города, гдѣ главнымъ образомъ высаживаются пассажиры, прибывающіе съ континента.

женъ требовать отъ каждой пассажирки доказательства, что она не проститутка. Конечно, парламентъ никогда не дастъ полиціи такихъ полномочій. А въ такомъ случаѣ къ чему же сведется билль? Внѣ сомнѣнія, что и проститутки, и профессіональные преступники всегда найдутъ способъ обойти полицію и представить ей самыя лучшія удостовѣренія. Ошибки, которыя неминуемо сдѣлаетъ полиція, падутъ на голову министерства внутреннихъ дѣлъ." Сэръ Кенельмъ Дигби ссылается на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ для доказательства, что билль противъ иностранцевъ не дастъ никакихъ практическихъ результатовъ. Преступники, профессіональные мошенники, проститутки и ихъ сутенеры совершенно свободно попадаютъ въ Америку, такъ какъ пріѣзжаютъ въ каютахъ перваго класса. Отчетъ американскаго генеральнаго инспектора по переселенческимъ дѣламъ показываетъ, что въ 1900 г. въ доступѣ въ Соединенные Штаты получили отказъ только четыре бывшихъ каторжника и семь проститутокъ (три кубанки, три японки и одна испанка); въ 1901 г.—семь каторжниковъ и три проститутки-китаянки, въ 1902 г.—девять каторжниковъ и три проститутки-японки. Можетъ ли,—спрашиваетъ Дигби,—министерство внутреннихъ дѣлъ рисковать своею репутаціей ради достиженія подобныхъ ничтожныхъ результатовъ? Американское законодательство, кромѣ того, не имѣетъ „такой опасной своею растяжимостью и неопредѣленностью категоріи, какъ *личности отмѣнно предосудительныя*." Законодательство это ясно, точно, и, тѣмъ не менѣе, практическіе результаты его почти сводятся къ нулю.

Что же касается пункта, въ силу котораго полиціи предоставляется право останавливать неимущихъ эмигрантовъ, которые, вѣроятно, станутъ бременемъ для плательщиковъ налоговъ,—то онъ тоже чреватъ страшными опасностями. Итальянскіе, венгерскіе и другіе политическіе эмигранты часто пріѣзжали въ Англію безъ всякихъ средствъ, такъ какъ ихъ имущество бывало конфисковано. Англія гордится,—говоритъ Дигби,—тѣмъ, что дала убѣжище Ледрю-Роллену, Кошуту, Гарибальди, Маццини, Ворцелю, Луи Блану и многимъ другимъ, которыхъ теперь, если билль пройдетъ, полиція можетъ не впустить, какъ „пауперовъ, не имѣющихъ средствъ къ существованію." Гугеноты, бѣжавшіе въ Англію послѣ отмѣны нантскаго эдикта, фламандцы, укрывшіеся здѣсь отъ герцога Альбы—всѣ явились безъ средствъ; но они привезли знанія и новыя производства, обогатившія страну. Англія съ лихвою вознаграждена за то, что въ XVI и XVII вв. еще не дѣйствовалъ законъ, воспрещающій „пауперамъ" доступъ.

Сэръ Кенельмъ Дигби дальше приводитъ гипотетическій конкретный примѣръ для доказательства, что и существующіе трактаты о выдачѣ преступниковъ не могутъ служить руководствомъ, когда билль пройдетъ.

„Предположимъ,—говоритъ Дигби,—турецкое или китайское правительства желаютъ заполучить эмигранта, ищущаго убѣжища въ Англіи. Съ этой цѣлью они или представляютъ англійской полиціи доказательства, что эмигрантъ былъ осужденъ въ Турціи или въ Китаѣ за преступленіе, предусмотрѣнное въ трактатѣ о выдачѣ, или увѣряютъ нашу администрацію, что эмигрантъ— *отмѣнно предосудительная личность*, съ китайской или турецкой точки зрѣнія, конечно. Если англійская полиція приметъ доказательства и откажетъ эмигранту высадиться, то это будетъ равносильно выдачѣ его Китаю или Турціи“.

Въ парламентѣ аргументація Дигби нашла многихъ сторонниковъ на всѣхъ скамьяхъ. Противъ билля выступили одинаково рѣзко, какъ радикалы, такъ и консерваторы. Теоретическія возраженія приведены уже мною. Коммонеры выставили рядъ поправокъ не только къ каждому *пункту*, но и къ каждому *слову* билля. Чтобы принять союзъ *и* въ первой строчкѣ билля понадобилось, напр., семь дней. Министерство убѣдилось, что, при всемъ усердіи въ прибѣганіи къ „гильотинѣ“, если обсужденіе будетъ продолжаться съ такой медленностью, — на разсмотрѣніе билля понадобится нѣсколько лѣтъ. А такъ какъ билль явился только результатомъ желанія угодить двумъ избирательнымъ округамъ да предлогомъ, чтобы оправдать неисполненіе своего обѣщанія въ вопросѣ относительно пенсіона для престарѣлыхъ,—то министерство сняло съ очереди Alliens Bill. Такимъ образомъ, двухгодичная кампанія уличной прессы кончилась полнымъ пораженіемъ.

Діонео.

Изъ замѣтокъ школьнаго учителя.

Печать и школа.

I.

Въ 1893 г. въ К—скомъ уѣздномъ училищѣ, куда я только что былъ назначенъ учителемъ, происходилъ школьный праздникъ. Мои сослуживцы рѣшили послѣ обычнаго молебствія устроить „литературное утро“. Предложили и мнѣ „что-нибудь прочесть“. Я охотно согласился и выбралъ общеизвѣстный разсказъ—„Пѣвцы“ (утро было 28 октября, т. е. въ годовщину рожденія Тургенева).

Какъ водится, на праздникъ пригласили разныхъ „почетныхъ лицъ“. Пріѣхалъ, между прочимъ, и инспекторъ народныхъ училищъ. По установленному порядку, „утро“ закончилось рѣчами,

раздачей конфектъ. Затѣмъ дѣтей отпустили по домамъ, а взрослыхъ штатный смотритель „попросилъ откушать хлѣба-соли“. Только что мы—гости, учителя, мужчины и дамы—размѣстились вокругъ большого стола съ закусками, сѣвшій насупротивъ меня инспекторъ неожиданно обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Позвольте вамъ замѣтить, что я крайне удивленъ вашимъ выборомъ. И не одобряю его... Да, и не одобряю...

— Это вы на счетъ чего?—удивился я строгости тона. А тонъ былъ таковъ, что завязавшійся было общій разговоръ сразу прекратился.

— Я о вашихъ „Пѣвцахъ“,—еще громче отвѣтилъ инспекторъ.—Я крайне пораженъ, какъ вы могли остановиться на Тургеневѣ. Вы должны знать, что этотъ писатель извѣстенъ своими либеральными выходками и явно антиправительственнымъ образомъ мыслей... Со стороны учителя это непозволительный выборъ. Это... это... вовсе не рекомендуетъ ни вашего вкуса, ни образа мыслей...

Между прочимъ, тутъ же, за столомъ, присутствовалъ „генералъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ“. Не берусь судить—возмутило ли его инспекторское замѣчаніе (пожалуй, для „праздника“, дѣйствительно, не умѣстное), или заговорило въ немъ самолюбіе, только онъ счелъ нужнымъ тоже возвысить голосъ и обратиться къ инспектору:

— Позвольте вамъ замѣтить,—проговорилъ генералъ,—что вы вмѣшиваетесь въ неподлежащую сферу. Чтеніе было публичное. На немъ присутствовалъ я—представитель полиціи, я, по закону, и отвѣтственъ. Извините-съ, ничего либеральнаго и антиправительственнаго я не видѣлъ и не допустилъ бы. Сочиненія Тургенева цензурой разрѣшены... кромѣ, впрочемъ, „Дыма“,—примирительно закончилъ генералъ. — „Дымъ“, дѣйствительно, въ одномъ изданіи по спискамъ числится...

Замѣтивъ, что я поднимаюсь и ухожу, генералъ демонстративно взялъ меня за руку и спросилъ:

— Это вы тамъ старались ребятишекъ муштровать? а?

— Да, и я старался.

— Благодарю васъ за доставленное удовольствіе. Все было очень прекрасно...

Какое изъ двухъ „начальствъ“ оцѣнивало Тургенева правильно, т. е. „антиправительственные“ ли взгляды у „этого писателя“, или не „антиправительственные“ — рѣшать не буду. Не стану и спорить, что выговоръ при данной обстановкѣ былъ не совсѣмъ тактиченъ. Однако, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту инспектора. Отнюдь не слѣдуетъ думать, будто онъ ненавистникъ, Menschenfresser, мракобѣсъ и т. д. Это былъ самый обыкновенный человѣкъ, и мнѣніе, высказанное имъ, тоже довольно обыкновенное, или, по крайней мѣрѣ, довольно распро-

страненное. Даже о министрѣ гр. Д. А. Толстомъ покойный педагогъ С. А. Бобровскій въ „Русской Школѣ" разсказывалъ:

„Посѣтивъ всѣ классы (таганрогской гимназіи), Толстой зашелъ въ учительскую комнату, на одной изъ стѣнъ которой висѣлъ портретъ Бѣлинскаго. Увидя его, онъ спросилъ меня, (инспектора гимназіи), чей это портретъ? Когда я сказалъ, что это портретъ Бѣлинскаго, министръ былъ, повидимому, какъ бы удивленъ и, раздражительно обращаясь къ директору, сказалъ, что онъ и представить себѣ не могъ, чтобы въ комнатѣ, гдѣ собираются учителя, люди просвѣщенные, вывѣшивался на почетномъ мѣстѣ портретъ „Бѣлинскаго", этого *„шелопая, прохвоста, выгнаннаго изъ университета"* (Кавычки и курсивъ г. Бобровскаго). Директоръ былъ весьма озадаченъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я снялъ портретъ, въ такой степени непріятный для высокаго посѣтителя. Я снялъ его со стѣны и поставилъ за книжный шкафъ, въ которомъ, на нашу бѣду, стояли на переднемъ планѣ сочиненія этого незабвеннаго писателя. Это еще болѣе раздражило министра, который сдѣлалъ директору еще непріятное замѣчаніе и приказалъ исключить ихъ изъ библіотечнаго шкафа и выбросить въ сарай, къ вещамъ, негоднымъ къ употребленію". *)

Другой педагогъ—гораздо болѣе извѣстный—Ѳ. И. Буслаевъ, подвергся крупной непріятности за то, что далъ ученицамъ читать „Айвенго" Вальтеръ-Скотта и „Базаръ житейской суеты" Теккерея. **)

Третій педагогъ—Вик. Острогорскій—о семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XIX в. говоритъ:

„Даже упоминаніе имени Бѣлинскаго въ классѣ и классное чтеніе самимъ преподавателемъ отрывковъ навлекало на преподавателя подозрѣніе въ неблагонадежности".

А вотъ факты ближайшихъ къ намъ дней:

21 декабря 1895 г. въ г. Астрахани мѣстные учителя хотѣли почтить память К. Д. Ушинскаго (25-лѣтіе со дня смерти), хотя бы панихидою. Но инспекторъ народныхъ училищъ нашелъ это желаніе неодобрительнымъ и своимъ подчиненнымъ отслужить панихиду не разрѣшилъ. Въ томъ же 1895 г., по словамъ „Тамб. Губ. Вѣд.", въ Тамбовѣ „на сценѣ былъ поставленъ „Ревизоръ", но начальство губернской гимназіи запретило воспитанникамъ быть въ этотъ день въ театрѣ, находя эту комедію вредной въ воспитательномъ отношеніи.—Запрещено было юношамъ смотрѣть и „Власть тьмы".

Въ 1902 г. (къ 25-лѣтію со дня смерти Некрасова) томское

---

*) „Русск. Шк.", 1901 г., кн. XII, ст. 28.

**) См. „Воспоминанія о женскомъ Ермоловскомъ училищѣ въ Москвѣ.— „Рус. Шк.", 1893 г.

общество попеченія о народномъ образованіи предполагало устроить „Некрасовское утро“. Программа была представлена попечителю западно-сибирскаго учебнаго округа на утвержденіе; но попечитель не утвердилъ ея. Канцелярія округа нашла біографическій очеркъ „рѣзкимъ“ и „мало пригоднымъ“. По ея мнѣнію, разсказъ, какъ Некрасовъ голодалъ и ночевалъ съ нищими, „представляется чрезвычайно мрачнымъ и рѣзкимъ“. „Чтеніе стихотворенія „Осторожность“ можетъ повести за собою недовольство со стороны мѣстнаго духовенства“ *); что касается „Размышленія у параднаго подъѣзда“, то „очевидная тенденціозность этого стихотворенія исключаетъ всякую возможность его прочтенія“. Въ заключеніе канцелярія округа „предложила“ томскому обществу на будущее время, „во избѣжаніе напрасной траты времени въ управленіи округа на просмотръ подобныхъ статей и произведеній, составленіе программъ поручать лицамъ, литературно-образованнымъ“.

Эти, какъ видно, весьма распространенные взгляды на Тургенева, Бѣлинскаго, Некрасова и др.—проникая въ деревенскую глушь, отливаются въ еще болѣе уродливую форму. Такъ, въ Симбирской губ. учебное начальство нашло „антиправительственнымъ“ либретто оперы: „Жизнь за Царя“. И на этомъ основаніи г-жѣ Сѣровой, любительницѣ „пересаживать ученую музыку въ народъ“, предложено было пѣть на мотивы „Жизни за царя“ учебную книжку Баранова: „Наше родное“. Объ этомъ во всякомъ случаѣ трудно исполнимомъ требованіи разсказываетъ сама г-жа Сѣрова въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ (1895 г.). Она организовала въ с. Судосевѣ хоръ, въ которомъ, конечно, приняли участіе и ученики начальной школы. 14 мая 1893 г. въ судосевскую школу поступила бумага, гласившая: „Пѣніе г-жѣ Сѣровой можетъ быть разрѣшено только въ зданіи школы, съ выборомъ матеріала изъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, каждый разъ въ присутствіи учителя“.

На основаніи этой бумаги, учитель потребовалъ,—разсказы-

---

*) Повидимому, это замѣчаніе вызвано, между прочимъ, слѣдующими словами:

„Крестный ходъ въ селѣ Остожьѣ.
Вдругъ пожаръ!“ кричитъ народъ.
„Не бросать же дѣло Божье—
Кончимъ прежде крестный ходъ“.
И покудова съ иконой
Обходили все село,
Искрой, вѣтромъ занесенной,
И другой посадъ зажгло.
Погорѣли! Въ этомъ много
Правды горькой и простой,
Но вѣдь это противъ Бога,
Противъ вѣры... ой! ой! ой!

ваетъ г-жа Сѣрова,—„чтобы я пользовалась исключительно текстомъ изъ Барановскаго сборника, употребляемаго для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Неисполненіе курьезнаго требованія вызвало гоненіе на моихъ пѣвчихъ, хотя изъ школы (уже) ни одинъ ученикъ не участвовалъ въ моемъ хорѣ. Пѣвчихъ разъ загнали на съѣзжую, гдѣ урядникъ подвергъ ихъ слѣдующему допросу:

— Вы что дѣлаете у Сѣровой?

— Поемъ.

— Что вы поете?

— Глинку.

— „Глинку?"—переспросилъ урядникъ. Въ полномъ недоумѣніи обратился онъ къ мѣстному земскому доктору за разъясненіемъ:

— Ваше благородіе, растолкуйте вы мнѣ, что это—„глинку пѣть не опасная вещь?"

Дѣло, конечно, не въ томъ, что урядникъ не зналъ, что такое Глинка: на то онъ и урядникъ, чтобы такихъ тонкостей не знать. Суть заключается въ полномъ неумѣньи опредѣлить, гдѣ граница, которая отдѣляетъ „опасную вещь" отъ „неопасной". А этимъ неумѣньемъ страдаютъ далеко не одни урядники. Не далѣе, какъ въ 1903 г., въ Славяносербскомъ уѣздѣ земскій начальникъ Савельевъ, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, былъ, видимо, очень пораженъ смѣлостью, съ какой учителя обсуждаютъ вопросъ объ излишествѣ буквы ѣ въ русской азбукѣ. По долгу службы, онъ счелъ своею обязанностью напомнить учителямъ, что буква ѣ отъ начальства установлена, и критиковать ее все равно, что критиковать распоряженіе высшей власти: это—тотъ же соціализмъ и бунтъ противъ правительства.

Такая рѣчь произносилась Савельевымъ на экзаменѣ, въ присутствіи шести учителей, и произвела сильное впечатлѣніе. О ней появились корреспонденціи, и газеты сдѣлали г. Савельеву нѣсколько неодобрительныхъ замѣчаній. Въ писаніи корреспонденцій были заподозрѣны шесть учителей, слышавшихъ рѣчь, и мѣсяца черезъ два всѣ шестеро были уволены.

Относительно г. Савельева надо замѣтить, что онъ человѣкъ молодой и сравнивать скептическое отношеніе къ буквѣ ѣ съ соціализмомъ могъ по неопытности и свойственной молодымъ людямъ горячности. Гораздо интереснѣе взгляды, такъ сказать, установившіеся, съ которыми пришлось считаться, напримѣръ, томскому обществу: интереснѣе потому, что именно они съ наибольшей силою сказались на судьбѣ школьныхъ библіотекъ.

II.

Недѣли черезъ три послѣ патріотическаго праздника, на которомъ я читалъ неодобренныхъ инспекторомъ „Пѣвцовъ“, штатный смотритель Лукьянъ Иларіоновичъ С. заявилъ мнѣ, какъ библіотекарю, что „шкафы надо очистить“.

— То есть какъ очистить?—спросилъ я.

— Тутъ много книгъ не разрѣшенныхъ. Директоръ приказалъ изъять ихъ.

— Какія же книги вы хотите изъять?

— А вотъ Тургенева... Толстого тоже.

К—ое училище существуетъ съ 1804 г. Библіотека составлялась трудами нѣсколькихъ поколѣній. Правда, было въ шкафахъ не мало хлама. Но были и цѣнныя изданія, и прямо таки библіографическія рѣдкости... По долгомъ препирательствѣ, между мною и смотрителемъ состоялось нѣчто вродѣ договора. Вообще право каждой книги находиться въ библіотечномъ шкафу я долженъ былъ доказать точной ссылкой на тотъ № „Журн. мин. нар. просв.“, гдѣ она разрѣшена. Съ своей стороны смотритель далъ слово не настаивать на изъятіи: 1) изданій оффиціальныхъ, хотя бы и не разрѣшенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и 2) старыхъ педагогическихъ журналовъ. Затѣмъ, книга можетъ остаться въ шкафу, если она разрѣшена въ другомъ изданіи, т. е. вышедшая, положимъ, въ 1890 г., не подлежитъ изъятію, если разрѣшено изданіе только 1875 г. Наконецъ, авторъ остается цѣликомъ, если хоть одно его произведеніе было разрѣшено. Исключеніе изъ этого послѣдняго пункта составили лишь „завѣдомо неблагонадежныя“—какъ выразился Лукьянъ Иларіоновичъ—книги: напр., 13-й томъ Толстого (съ „Крейцеровой сонатой“).

Исполнить директорское предписаніе смотритель, видимо, торопился и меня торопилъ, то и дѣло спрашивая:

— Ну, что? скоро покойниковъ хоронить будемъ?

Хоронили ихъ тотчасъ послѣ роспуска учениковъ на святки. „Покойниковъ“ вытащили изъ шкафовъ и составили имъ опись. Имена ихъ: Салтыкова нѣсколько книжекъ, Бокль, „Современникъ“ за нѣсколько лѣтъ (были три книжки, подписанныя Пушкинымъ), „Библіотека для чтенія“, „Сѣверная Пчела“, „Дѣло“, „Отечественныя Записки“. Изъ старыхъ журналовъ уцѣлѣлъ лишь „Русскій Вѣстникъ“. Затѣмъ былъ составленъ протоколъ, который гласилъ, приблизительно, слѣдующее: „Означенныя въ сей описи книги, въ количествѣ четырехсотъ девяноста семи (497) переплетовъ, записанныя въ матеріальной книгѣ подъ №№..., а въ хронологическомъ каталогѣ подъ №№..., и изъятыя,

какъ не разрѣшенныя къ употребленію въ библіотекахъ уѣздныхъ училищъ, должны быть, согласно предложенію г. директора народныхъ училищъ, отъ (числа) за №, хранимы особо, съ принятіемъ мѣръ противъ растраты ихъ и съ предупрежденіемъ, если бы кто пожелалъ пользоваться ими, какъ матеріаломъ для чтенія, что таковое возбраняется".

Протоколъ былъ скрѣпленъ подписями; книги уложены въ ящики, пересыпаны нафталиномъ (отъ моли), забиты и вынесены въ сарай. Распоряжавшемуся этою „похоронною процессіею", Лукьяну Илларіоновичу вздумалось почему то спросить:

— Чей это, бишь, разсказъ про какого-то французскаго начальника, который статую республики поставилъ, а Наполеона велѣлъ на чердакѣ на всякій случай хранить?..

Къ сожалѣнію, изъятыя книги „сохранить на всякій случай" не удалось: нѣсколько лѣтъ спустя мои бывшіе ученики сообщили мнѣ, что сарай К-аго училища во время пожара сгорѣлъ, а вмѣстѣ сгорѣли и ящики съ книгами. Повидимому, такова вообще судьба „запрещенной литературы": въ брянскомъ, напр., городскомъ училищѣ изъятыя книги были сложены на чердакъ. Лѣтъ черезъ пять или шесть кому то изъ учителей захотѣлось на нихъ взглянуть; увидалъ онъ клочки бумаги да куски переплетовъ, а книги были уже истреблены сторожами на подтопку печей. Говорили мнѣ, что, такимъ образомъ, исчезло до 500 томовъ.

Въ иныхъ случаяхъ и совсѣмъ нельзя узнать, куда изгнанныя книги дѣлись. Такъ было, между прочимъ, въ д—скомъ городскомъ училищѣ. Здѣсь, когда рѣчь зашла о необходимости выписать сочиненія Достоевскаго и историка Соловьева, кто-то справился въ старой матеріальной книгѣ: оказалось, что въ школьной библіотекѣ былъ раньше и Достоевскій, и Соловьевъ, и Шиллеръ, и Руссо... Но отъ этихъ авторовъ не осталось и слѣда ни на чердакѣ, ни въ сараяхъ, и лишь въ прежнихъ каталогахъ противъ нихъ въ графѣ замѣчаній стояло слово: „изъяты". Высказывалась довольно вѣроятная догадка, что учителя распредѣлили запретную литературу между собою, такъ какъ не предвидѣли, что впослѣдствіи запретное станетъ вновь разрѣшеннымъ. И за это ихъ нельзя строго винить: самъ министръ гр. Д. А. Толстой, приказывая выбросить Бѣлинскаго въ сарай, какъ „вещь негодную для употребленія", не предвидѣлъ, что вопросъ о „негодности" Бѣлинскаго понадобится рѣшить заново особымъ циркуляромъ. Въ 1896 г. министерство народнаго просвѣщенія выяснило, „по сношенію съ главнымъ управленіемъ военныхъ учебныхъ заведеній, что т. т. III, VI и VIII (говорится, повидимому, о солдатенковскомъ изданіи) внесены въ приложенный къ программамъ курса кадетскихъ корпусовъ перечень литературныхъ произведеній и включены въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанниковъ". Поэтому „ученый комитетъ полагалъ, что было бы

желательно включить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, но съ тѣмъ, чтобы одновременно съ этими сочиненіями было включено въ эти библіотеки и важное для правильнаго пониманія и оцѣнки ихъ сочиненіе Пыпина: „Жизнь и сочиненія Бѣлинскаго“. Министръ, гр. И. Д. Деляновъ, полагаетъ, однако жъ, болѣе цѣлесообразнымъ дозволить выдачу лишь III, VI и VIII томовъ изъ фундаментальныхъ библіотекъ ученикамъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, по усмотрѣнію преподавателей словесности“.

По всей вѣроятности, когда-нибудь будетъ разрѣшено школьнымъ библіотекамъ имѣть и старые журналы, вродѣ „Современника“, „Дѣла“, „Отечественныхъ Записокъ“, или только нѣкоторые изъ нихъ, какъ „Библіотеку для чтенія“, „Сѣверную Пчелу“. Пока же, насколько я могъ замѣтить, въ библіотечныхъ шкафахъ (по крайней мѣрѣ, городскихъ и уѣздныхъ училищъ) оставленъ одинъ катковскій „Русскій Вѣстникъ“, хотя, конечно, были до генеральной провѣрки книжнаго имущества съ министерскими каталогами и другіе журналы, получавшіеся въ прежнія времена школами безпрепятственно. Не забудемъ, что даже относительно начальныхъ школъ лишь въ 1871 г. сдѣлано распоряженіе попечителямъ округовъ: „если въ библіотекахъ оказались бы книги, не показанныя въ каталогѣ, то чтобы такія книги были представлены на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія“.

III.

„Праздникъ“, по случаю котораго начальство усомнилось въ моемъ „образѣ мыслей“, былъ 28 октября, а 1 ноября того же 1893 года, я получилъ оффиціальную бумагу слѣдующаго содержанія:

„Учителю-библіотекарю
... училища г. Петрищеву.

Прошу васъ, м. г., при выдачѣ книгъ ученикамъ для домашняго чтенія ни въ какомъ случаѣ не выдавать книгъ, внесенныхъ въ каталогъ учительской библіотеки, и вообще строго слѣдить за тѣмъ, чтобы какъ въ ученической, такъ и въ учительской библіотекахъ были лишь тѣ книги, которыя внесены въ каталоги библіотекъ“.

Привожу эту бумагу, какъ наглядное доказательство, что упорное разграниченіе между фундаментальной (для учителей) и ученической библіотеками далеко не пустая формальность. Было бы, однако, ошибкою думать, будто разграниченіе выражаетъ собою старую—и пока господствующую—педагогическую теорію которая полагаетъ, что съ писателями, вродѣ Боккачіо, Зола,

Мопассана и пр. вообще слѣдуетъ „годить" и не показывать ихъ человѣку до совершеннолѣтія и вступленія въ бракъ. Къ школамъ примѣненъ другой принципъ, который, логически развиваясь, создалъ библіотеки троякаго типа:

1) фундаментальныя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; онѣ до сихъ поръ юридически (т. е. ни закономъ, ни циркулярами) не лишены права пользоваться общегражданскимъ уставомъ о цензурѣ и печати;

2) ученическія библіотеки средней школы—онѣ же и учительскія для городскихъ и уѣздныхъ училищъ;

3) ученическія—для городскихъ училищъ, онѣ же и учительскія для начальной народной школы.

Это троякое дѣленіе, если не считать справочныхъ и спеціальныхъ изданій, проведено довольно систематически. Ясно, что составители министерскихъ каталоговъ не столько имѣли въ виду возрастъ читателя, сколько предрѣшали и нормировали кругъ интересовъ, т. е. учителю городского училища положено интересоваться не больше, чѣмъ гимназисту, а учителю народной школы наравнѣ съ учениками городскихъ училищъ.

Какими же предѣлами ограничены умственные запросы гимназиста, а стало быть, и учителя городского училища?

Въ 1900 г. въ Бѣлостокѣ издана была довольно любопытная по замыслу „книга-тетрадь" подъ заглавіемъ: „Мои впечатлѣнія. Замѣтки о прочитанныхъ книгахъ". Составлена она преподавателями бѣлостокскаго коммерческаго училища. „Мои впечатлѣнія" даютъ списокъ „избранныхъ книгъ изъ библіотеки средней школы". Списокъ снабженъ вопросами, какими, по мнѣнію составителей, слѣдуетъ задаваться во время чтенія, и „дневникомъ" для записи о прочитанномъ. Съ видимымъ сожалѣніемъ редакція признаетъ свой трудъ „далеко не полнымъ", потому что „многія изъ хорошихъ, но пока еще не одобренныхъ м. н. п. книгъ не могли быть включены въ каталогъ". И, дѣйствительно, совершенно не включенными оказались: Салтыковъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Н. К. Михайловскій, Г. И. Успенскій, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Шелгуновъ... Ради краткости останавливаюсь далѣе лишь на одномъ отдѣлѣ „изящной словесности и критики". Бѣлинскій, Некрасовъ, Никитинъ, Златовратскій вошли въ каталогъ подъ характернымъ заголовкомъ: „Избранныя сочиненія". Въ число избранныхъ книгъ не вошла даже „Анна Каренина", и все, что послѣ этого романа Л. Н. Толстымъ написано и въ Россіи издано. Той же участи подверглись у Ѳ. М. Достоевскаго: „Братья Карамазовы", „Преступленіе и наказаніе", „Идіотъ", „Бѣсы" и т. д.

И всетаки коммерческія училища недаромъ подверглись обвиненію въ „либерализмѣ": бѣлостокская „тетрадь" очень серьезно разнится, напр., отъ перечня „книгъ для чтенія воспитанниками

бѣлгородскаго учительскаго института". Въ этомъ перечнѣ (рукописномъ) очень полно представлена допушкинская литература. Державинъ указанъ по академическому изданію, „весь" Батюшковъ, „весь" Загоскинъ и т. д. Послѣ пушкинскій періодъ идетъ уже въ отрывкахъ и съ пробѣлами и заканчивается Тургеневымъ. О литературѣ новѣйшаго времени составитель какъ бы размышляетъ словами стариннаго хронографа, который, изложивъ раздѣленіе церквей, говоритъ по поводу „латинской ереси": „итако совершенно удалишася православной вѣры и къ тому же о папахъ римскихъ писать нечего".

„Мои впечатлѣнія" находятъ кое-что написать и о „римскихъ папахъ": указанъ Мордовцевъ (правда, одинъ „Двѣнадцатый годъ"); упомянутъ Гаршинъ, у котораго, впрочемъ, взято лишь: „Аяслярское дѣло", „Крестоносцы", „Четыре дня"; названъ Боборыкинъ („Въ путь-дорогу"), даже А. П. Чеховъ („Въ сумеркахъ"), Короленко („Слѣпой музыкантъ") и Горькій („Избранныя сочиненія"). Остались слѣды и другихъ подобныхъ попытокъ: на стр. 11 было напечатано: „Щедринъ, „Господа Головлевы", но эти три слова замазаны черной типографской краской; на стр. 9-ой подъ точно такимъ же чернымъ пятномъ позднѣйшаго происхожденія исчезла книга: „Короленко, „Сонъ Макара". Съ этими пятнами, изъ-подъ которыхъ, однако, раньше напечатанное недурно читается, „Мои впечатлѣнія" и вышли въ обращеніе.

Спѣшу оговорится: „либерализмъ", который заключается въ микроскопическихъ намекахъ на писателей новаго времени, надо понимать условно. Конечно, „не либеральное направленіе" въ школахъ считается почему-то болѣе полезнымъ, но въ разсужденіи литературы его правильнѣе бы называть направленіемъ нигилистическимъ,—ибо оно старается не о томъ, чтобы библіотеки устраивать, а о томъ, чтобы ихъ сводить на нѣтъ. Такъ это и было, напр., въ карачевской учительской семинаріи, гдѣ въ серединѣ 90-хъ годовъ вся ученическая библіотека свободно размѣщалась на двухъ полочкахъ и находилась въ вѣдѣніи законоучителя. Разумѣется, такое книгохранилище не имѣло ни малѣйшаго воспитательнаго значенія, да и ученики предпочитали не „безпокоить библіотекаря":

— Все равно,—нѣсколько преувеличивая, говорили они,—толку не будетъ. По исторіи вѣдь ничего, кромѣ житія святыхъ, не достанешь, а изящная словесность исчерпывается Майнъ-Ридомъ и Фенимором Куперомъ.

Отзвуки того же страннаго „направленія" сказываются и въ городскихъ училищахъ. Здѣсь, между прочимъ, „программа" обязываетъ учителя „пройти" „біографіи образцовыхъ писателей",—т. е. объяснить Тургенева и Толстого ученику, который смѣетъ читать однѣ лишь „Записки Охотника" да „Дѣтство и Отроче-

ство"; растолковать Кольцова, Гоголя, ни однимъ словомъ не упоминая о Бѣлинскомъ...

Не походитъ ли въ этомъ случаѣ учитель на охотника, которому связали руки и велятъ убить медвѣдя?

Такого рода „нелиберализмъ", въ сущности, равносиленъ отказу отъ литературы, какъ воспитательнаго средства первостепенной важности—что, по меньшей мѣрѣ, не экономно. А затѣмъ, онъ оставляетъ совершенно открытымъ вопросъ — для какой цѣли школа тратитъ деньги на оборудованіе библіотекъ? Не ясно ли, что слово liber въ этомъ случаѣ употребляется всуе? Здѣсь гораздо правильнѣе и умѣстнѣе вести рѣчь 1) о серьезномъ отношеніи къ книгѣ, когда учитель желаетъ руководить чтеніемъ учениковъ и употреблять казенныя ассигновки на пополненіе библіотекъ съ пользою для дѣла, и 2) объ отношеніи несерьезномъ, формальномъ, когда библіотекарь считаетъ свою задачу выполненной, если ключи отъ ввѣренныхъ ему шкафовъ не потеряны. Съ этой точки зрѣнія, изданная въ Бѣлостокѣ „тетрадь" весьма примѣчательна, такъ какъ показываетъ, что вправѣ предложить средняя школа ученику при самомъ искреннемъ и горячемъ желаніи вліять на его литературный вкусъ.

Замѣчу кстати, что это желаніе свойственно, конечно, не однимъ лишь коммерческимъ училищамъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія нѣкоторые учителя издавна практикуютъ такой способъ: берутъ на свою отвѣтственность изъ фундаментальной библіотеки книги и выдаютъ ученикамъ. Дѣлалъ и я также, и по личному опыту могу сказать, что ученики берутъ „фундаментальную литературу" съ большою признательностью. Казенныя дѣтскія книги у меня иногда пропадали, или возвращались въ истерзанномъ видѣ. Но ни одна книга, выданная „на мой счетъ" изъ учительской библіотеки, не затерялась, ни одна не была порвана. Только разъ ученикъ Г., мальчикъ изъ очень бѣдной семьи, облилъ взятую у меня „казенную" Трилогію А. К. Толстого масломъ. Но и объ этомъ я узналъ лишь, когда Г. возвратилъ мнѣ совершенно новую книжку, купленную и переплетенную учениками въ складчину; на корешкѣ были вытиснены даже буквы: „Б. Б. Г. У.", т. е. библіотека Б-скаго городскаго училища; не доставало только библіотечнаго штемпеля.

Но значеніе такого способа вліять на умы учениковъ не слѣдуетъ преувеличивать. Какъ бы щедро ни пользоваться фундаментальною библіотекою, ученики не упускаютъ случая задать вопросъ:

— А почему у насъ нѣтъ Добролюбова? Нельзя ли въ нашей библіотекѣ достать сочиненія Михайловскаго или Салтыкова-Щедрина?..

Вопросъ коварный, однородный съ тѣми „загвоздками", которыми порою школьники любятъ безпокоить законоучителей:

— Почему на второй день были день и ночь и на третій день были день и ночь, а солнце сотворено только на четвертый?

Или:

— До потопа преломлялись ли лучи въ капляхъ воды, и была ли тогда радуга?

Иначе говоря, какъ бы признательно ни относились ученики къ преподавателю, который далъ возможность пользоваться фундаментальною библіотекою, всетаки, на ихъ оцѣнку, онъ—фигура, нѣсколько комическая.

IV.

Въ ноябрѣ 1902 г. нѣсколько учителей п-ой гимназіи кавказскаго учебнаго округа обратились ко мнѣ, какъ къ журналисту, съ просьбою—печатно высказаться по довольно любопытному поводу: изъ составленнаго педагогическимъ совѣтомъ списка газетъ и журналовъ были вычеркнуты „Вѣстникъ Европы“ и „Русскія Вѣдомости“, а, вмѣсто нихъ, указано выписать: „Русскій Вѣстникъ“ и „Гражданинъ“.

— Мы,—говорили учителя,—противъ начальства не идемъ. По § 74 гимназическаго устава, выборъ книгъ зависитъ только отъ педагогическаго совѣта и ни отъ кого больше. Но циркулярами насъ въ этомъ правѣ ограничили—мы покоряемся. Въ 1887 году приказано „вовсе не выписывать книгъ сомнительнаго направленія“—мы и не выписываемъ. Велѣно наблюдать, чтобы при пополненіи библіотеки поддерживались на училищныя средства только тѣ изданія, которыя „того заслуживаютъ“—мы и наблюдаемъ. Словомъ, мы хотимъ одинаково исполнять и законъ, и циркуляры. А насъ заставляютъ одинаково плевать и на то, и на другое. Посудите сами. Есть журналъ „Вѣстникъ Европы“, въ которомъ близкое участіе принимаетъ извѣсный ученый-академикъ Пыпинъ. И есть „Русскій Вѣстникъ“, въ которомъ работаетъ извѣстный плагіаторъ Энгельгардтъ, Пыпина для своей книги обокравшій. Мы обязаны министерскій циркуляръ исполнить и на казенныя деньги достойнѣшаго поддержать... Такъ и было между нами постановлено. И вдругъ наше рѣшеніе по боку, циркуляръ по боку: велѣно на казенныя деньги плагіатора поддерживать. Теперь о „Гражданинѣ“. Никто кн. Мещерскаго за языкъ не тянулъ, а самъ онъ, по внушенію собственной совѣсти, печатно покаялся, что тонъ его газеты—кабацкій. Между тѣмъ, тонъ „Русскихъ Вѣдомостей“, какъ всѣмъ извѣстно, отмѣнно корректенъ и приличенъ. По точному смыслу циркуляра мы и хотѣли приличную газету поддержать, а намъ приказываютъ—кабацкую!.. Надо же, наконецъ, выяснить, чѣмъ мы должны руководствоваться? Если закономъ—хорошо. Если циркулярами—

тоже, допустимъ, хорошо. А ежели ни законами, ни циркулярами, то начинается крайняя степень анархіи...

Чтобъ понять эту жалобу, нужно помнить, что, помимо центральнаго надзора за школьными библіотеками, существуетъ еще надзоръ мѣстный. Необходимость въ мѣстномъ надзорѣ ясно вытекаетъ изъ самаго понятія—„книга сомнительнаго направленія". Эти три слова, безспорно, многозначительны, но именно потому они и неопредѣленны, и смыслъ, влагаемый въ нихъ, всегда былъ, есть и будетъ субъективнымъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ всѣ попытки точно опредѣлить, что именно слѣдуетъ понимать подъ „сомнительнымъ направленіемъ", успѣха не имѣли.

Наиболѣе старательное опредѣленіе давала—еще въ 1818 г.—„Инструкція ученому комитету". „Инструкція" исходила изъ общаго соображенія, что книга „должна направить къ истинной, высокой цѣли—къ водворенію въ составѣ общества постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью, или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ." А потому „въ книгахъ о вѣрѣ" не должно быть допускаемо „все то, что могло бы внушить отвращеніе къ должностямъ семейственнымъ и общественнымъ, къ тому же всѣ произвольныя умствованія, не совмѣстимыя съ повиновеніемъ верховной и духовной власти." Слѣдуетъ „допускать также тѣ книги о нравственной философіи и умозрительномъ законодательствѣ, кои не отдѣляютъ нравственности отъ вѣры и не противорѣчатъ практическому христіанству. Ѳеоріи о естественномъ правѣ также надлежитъ отвергнуть. Ложныя ученія о происхожденіи верховной власти не отъ Бога, а отъ условій между людьми, подлежатъ тому же отверженію. Изслѣдованіе о свойствахъ языковъ и исчисленіе временъ надлежитъ устремлять къ подтвержденію истинъ, открытыхъ вѣрою" и т. д...

Необходимо замѣтить, что „Инструкція" относится собственно къ учебнымъ руководствамъ, какъ и нѣкоторые позднѣйшіе акты того же типа,—напр., распоряженіе 1864 г. по женскимъ гимназіямъ вѣдомства императрицы Маріи. Распоряженіе это гласило:

„Вслѣдствіе появившихся въ новѣйшее время заграничныхъ сочиненій, въ которыхъ видно ясно стремленіе къ матеріализму, вниманіе всѣхъ начальствующихъ лицъ должно быть обращено на то, чтобы естественныя науки преподавались не иначе, какъ со всегдашнимъ указаніемъ на Премудрость Божію, какъ на единственный источникъ блага".

При всей рѣшительности, формулировки эти слишкомъ растяжимы, особенно, если ихъ приложить не къ учебникамъ, которые можно писать и на заказъ, а къ произведеніямъ свободнаго творчества, какія, собственно, и предназначаются для библіотеки.

Наконецъ, много значатъ условія мѣста и времени. Въ былые

дни „Хижина дяди Тома“ считалась книгою безусловно „сомнительнаго“ и даже „вреднаго“ направленія. Теперь она рекомендуется для дѣтскаго чтенія. Точно также изданіе совершенно безупречное на взглядъ даже составителя „Инструкціи“ 1818 г. можетъ оказаться неудобнымъ для кавказскаго округа или Донской области, потому что въ немъ случайно есть сопоставленія и выводы, непріятные кому-либо изъ мѣстныхъ начальствующихъ лицъ. Такимъ образомъ, центральный органъ надзора, т. е. ученый комитетъ, естественно нуждается въ помѣстныхъ истолкователяхъ его взглядовъ. Таковые истолкователи и существуютъ въ лицѣ попечителей округовъ, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ; низшее же наблюденіе въ гимназіяхъ, между прочимъ, возложено на „классныхъ наставниковъ или другихъ членовъ педагогическихъ совѣтовъ“; они обязаны „разсматривать“ вновь получаемыя періодическія изданія, и „въ случаѣ неодобренія книжки, о томъ должно быть сообщено сначала педагогическому совѣту, затѣмъ попечителю округа, который, если бы возбудившая сомнѣніе книжка была и имъ не одобрена, доноситъ о томъ въ министерство народнаго просвѣщенія или прямо сообщаетъ въ ученый комитетъ“ (цирк. 1896 г.).

Кромѣ того, въ качествѣ истолкователей, какое направленіе нужно считать „сомнительнымъ“, кое-гдѣ выступали становые пристава. Но вмѣшательство ихъ, повидимому, найдено неудобнымъ. По крайней мѣрѣ, вятскій губернаторъ особымъ приказомъ, напечатаннымъ въ 1896 г. въ мѣстныхъ „Губерн. Вѣд.“, указалъ становымъ, что имъ не слѣдуетъ „требовать школьныя библіотеки для провѣрки къ себѣ на домъ и привлекать въ дѣлѣ надзора за (школьными) библіотеками нижнихъ чиновъ полиціи“, а надо предоставить всецѣло таковой надзоръ учебному начальству.

Бдительность же учебнаго начальства начинается съ того момента, когда книгу только еще предположено пріобрѣсти для библіотеки. Укажу для примѣра порядокъ, принятый въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ: педагогическій совѣтъ выбираетъ книги— конечно, изъ числа допущенныхъ ученымъ комитетомъ, и составляетъ списокъ ихъ, обязательно указывая противъ каждаго названія тотъ № „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“, гдѣ книга „разрѣшена“. Въ такомъ удобоконтролируемомъ видѣ „списокъ“ поступаетъ къ директору народныхъ училищъ или къ участковому инспектору. Здѣсь онъ провѣряется, и лишь послѣ провѣрки директоръ или разрѣшаетъ пріобрѣсти выбранныя книги, или не разрѣшаетъ.

Теоретически разсуждая, о такой формальности трудно сказать, что она имѣетъ смыслъ. Министерскіе каталоги для учителей обязательны; отступленіе отъ нихъ карается въ дисциплинарномъ порядкѣ; думать, что педагогическій совѣтъ способенъ сдѣлать лживую ссылку на „Журн. министерства народнаго просвѣщенія“,

т. е. по просту служебный подлогъ, — явная нелѣпость: стало быть, провѣрка „списковъ“ и утвержденіеихъ—ни что иное, какъ излишняя и праздная трата времени и силъ. Но такъ, повторяю, можно разсуждать лишь теоретически. На практикѣ же чины мѣстнаго надзора находятъ не мало работы, не смотря на самое тщательное соблюденіе учителями каталоговъ ученаго комитета.

V.

Прежде всего мѣстная надзирающая за библіотекой власть старательно слѣдитъ, чтобы возможно полнѣе былъ оборудованъ „духовно-нравственный“ или богословскій отдѣлъ. Въ виду господствующаго положенія, какое занимаетъ Законъ Божій, каждый списокъ выбранныхъ учителями изданій обязательно начинается книгами религіознаго содержанія.

Начальство, которому представляется списокъ на утвержденіе, строго за этимъ слѣдитъ и, соображая, какъ соблюдена пропорція между различными отдѣлами, видитъ, „обиженъ“ ли Законъ Божій, или учителя обратили на столь важный предметъ должное вниманіе.

Какія избрать книги для богословскаго отдѣла—зависитъ, конечно, отъ батюшки. Если законоучитель человѣкъ сговорчивый, онъ рекомендуетъ выписать немногое и „самонужнѣйшее“ и не настаиваетъ, чтобы его списокъ былъ принятъ полностью, и даже скажетъ, когда кто-либо пожалуется, что денегъ мало:

— Ну, чтожъ—выбросьте нѣсколько книжекъ изъ моего списка.

Но есть батюшки ревностные и несговорчивые. Одного такого я наблюдалъ, между прочимъ, въ д—скомъ городскомъ училищѣ. Когда было ассигновано на библіотеку 150 р., онъ представилъ „списокъ“ рублей на сорокъ.

— О. Александръ,—стали просить учителя,—нельзя ли изъ вашего списка что-либо снять? Вѣдь на другіе отдѣлы ничего не остается...

Батюшка категорически отказался исполнить просьбу:

— Мое дѣло—религія,—отвѣчалъ онъ на всѣ доводы: — она должна быть на первомъ планѣ.

Одинъ изъ „пылкихъ“ учителей, слывущій „либераломъ“, началъ спорить:

— Не понимаю, Александръ Николаевичъ, — проговорилъ онъ,—изъ-за чего вы хлопочете? Богословскій отдѣлъ у насъ не такъ ужъ бѣденъ — по крайней мѣрѣ, богаче другихъ. Это вопервыхъ. А во-вторыхъ, никто вашего отдѣла не читаетъ — ни учителя, ни ученики, ни даже сами вы къ нему не прикасаетесь. Для чего жъ вы новыя книги выписываете? Чтобъ онѣ зря на полкахъ стояли?

Вмѣсто отвѣта, Александръ Николаевичъ взялъ свой списокъ и тутъ же дополнилъ его еще нѣсколькими книгами. Въ этомъ дополненномъ видѣ онъ и былъ молчаливо принятъ совѣтомъ.

Смыслъ ясенъ: въ педагогическихъ совѣтахъ интересы „религіозно-нравственнаго“ отдѣла защищаются однимъ голосомъ, интересы свѣтскихъ отдѣловъ — нѣсколькими голосами; такимъ образомъ, провѣрка и утвержденіе списковъ начальствомъ не только уравновѣшиваетъ неравенство голосовъ, но и даетъ законоучителю перевѣсъ.

VI.

Какъ ни тщательно слѣдитъ ученый комитетъ за подборомъ книгъ, все же въ его каталоги входятъ авторы разныхъ оттѣнковъ — и „либеральные“ (Григоровичъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой), и „консервативные“. По этой причинѣ въ самомъ началѣ службы, когда мнѣ пришлось составлять списокъ желательныхъ для библіотеки книгъ, я и допустилъ слѣдующую ошибку: въ моемъ спискѣ значились только авторы съ „либеральной репутаціей“. Сдѣлалъ я это не изъ пристрастія къ либерализму, а вышло оно у меня само собою — я выбиралъ авторовъ, которые лучше пишутъ. Однако, штатный смотритель, заглянувъ въ составленный мною списокъ, смутился:

— Хорошо то оно хорошо,—сказалъ онъ,—что вы на образцовыхъ писателей главное вниманіе обратили. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, всякій хламъ выписывать? А только — ужъ очень либерально. Директоръ непремѣнно вредное направленіе усмотритъ... Знаете что? — вы ихъ разсыропьте. Консерватизму подпустите...

Я сталъ было говорить, что „разсыропливать“ не нужно, такъ какъ всѣ книги взяты мною изъ министерскаго каталога, но смотритель меня урезонилъ:

— Повѣрьте моей опытности, — возражалъ онъ, — что вашего списка представить нельзя. Здоровый нагоняй за него будетъ.

„Консерватизма“ мы „подпустили“, т. е., выражаясь словами штатнаго смотрителя, „образцовыхъ“ писателей выбросили, а на ихъ мѣсто поставили „всякій хламъ“. И, слѣдовательно, обязанность представить директору списокъ предохранила насъ отъ увлеченій „либерализмомъ“. А увлеченія, какъ видно, возможны, если даже строго держаться границъ, указанныхъ въ каталогахъ. Директорскій надзоръ возстановилъ равновѣсіе между „либеральною“ (привлекательною) литературой и консервативной, которую смотритель непочтительно назвалъ хламомъ.

Это значеніе мѣстнаго надзора немаловажно, но его, какъ

и все въ мірѣ, не слѣдуетъ ни преувеличивать, ни преуменьшать. Преувеличивать не надо, потому что, соблюдая каталогъ, много не налиберальничаешь. Въ этомъ же к—омъ уѣздномъ училищѣ вскорѣ послѣ перваго списка мнѣ понадобилось составить второй, такъ какъ нашелся благотворитель, который сдѣлалъ небольшое пожертвованіе на покупку книгъ для ученической библіотеки. Второй списокъ получился на рѣдкость „консервативный".

— Не дай Богъ, — смѣясь, говорили мои сослуживцы, — если еще кто-нибудь вздумаетъ на библіотеку пожертвовать!.. Для насъ въ министерскомъ каталогѣ ничего больше нѣтъ — ни либеральнаго, ни консервативнаго...

Дѣйствительно, третій списокъ пришлось бы почти сплошь заполнить изданіями, завѣдомо вышедшими изъ продажи. Кстати,— такія изданія содержались и содержатся въ каталогахъ съ того времени, какъ возникли ограниченія школьныхъ библіотекъ. Въ началѣ министерство объясняло это желаніемъ побудить авторовъ и издателей къ новому выпуску книги *).

Однако, изъ скудости каталоговъ ученаго комитета нельзя вывести заключеніе, будто равновѣсіе между либеральной и консервативной печатью чины мѣстнаго надзора наблюдаютъ напрасно. Нѣтъ, это дѣло серьезное, и цѣли оно преслѣдуетъ отнюдь не платоническія.

— До меня тутъ, — жаловался какъ-то въ 1898 г. директоръ народныхъ училищъ Ч—скій, — по губерніи такое вольнодумство развилось, что Боже упаси!.. Теперь тише стало. Только въ двухъ городскихъ училищахъ еще нигилисты сидятъ. Понимаете: „Московскихъ Вѣдомостей" читать не желаютъ! Каждый годъ „Новаго Времени" требуютъ...

Говорилось это въ кружкѣ знакомыхъ, но вовсе не близкихъ къ Ч—ому людей. Одинъ изъ слушателей рѣшился замѣтить директору, что „Новое Время" министерствомъ разрѣшено наравнѣ съ „Московскими Вѣдомостями".

— Те-те-те!.. — возразилъ Ч—кій. — Знаемъ мы эту пѣсню: „разрѣшено". Кто жъ не понимаетъ, что это протестъ противъ „Московскихъ Вѣдомостей", а если хотите, то и противъ койкого повыше... Слышали, какое Грингмутъ вліяніе имѣетъ? Его самъ Николай Павловичъ изъ Москвы для совѣтовъ вызываетъ, какъ ближайшаго друга!.. **) И противъ такого человѣка протестовать?!. Развѣ вы не понимаете, что это прямая оппозиція министру?..

*) См. „примѣчаніе" къ каталогу 1873 г.

**) Рѣчь идетъ о покойномъ министрѣ Н. П. Боголѣповѣ. При немъ въ провинціи почему-то были распространены слухи о ближайшемъ участіи издателя „Моск. Вѣд". г. Грингмута въ разработкѣ новыхъ школьныхъ плановъ.

„Оппозиція министру", — конечно, сильно сказано. Но что и „Новое Время" мѣстною властью, вопреки разрѣшенію ученаго комитета, запрещалось,—я знаю по собственному опыту. И, если педагогическій совѣтъ въ своемъ спискѣ просилъ именно эту газету, директоръ ее зачеркивалъ и писалъ: „Московскія Вѣдомости". Въ случаѣ повторенія „проступка" „Новое время" просто зачеркивалось, т. е. училище въ наказаніе оставлялось на годъ безъ газеты.

Разумѣется, такъ дѣлаютъ не всѣ. Есть директора, которые буквально исполняютъ указанія ученаго комитета, предоставляя выборъ той или другой разрѣшенной газеты вкусу самихъ учителей. Однако, мнѣ удалось встрѣтить учителя Г—ва, который 7 или 8 лѣтъ прослужилъ въ смоленской дирекціи и столько же лѣтъ читалъ однѣ „Московскія Вѣдомости". Потомъ Г—въ попалъ въ другую дирекцію, гдѣ также были распространены „Московскія Вѣдомости", но, въ виду перемѣны начальства, учителя, особенно молодежь, стали мечтать о „Новомъ Времени". Между прочимъ, и въ б—скомъ училищѣ зашелъ споръ и возникли разногласія: одни говорили, что слѣдуетъ просить „суворинскую газету"; по мнѣнію другихъ выходило, что просить опасно, и потому лучше еще одинъ годъ пробыть съ газетой Грингмута. Г—въ сначала слушалъ молча. Но когда за „Новое Время" высказался законоучитель, онъ, видимо, не вытерпѣлъ и саркастически спросилъ:

— А „Русскихъ Вѣдомостей" вы, о. Григорій, не желаете? Можетъ быть, и „Вѣстникъ Европы" вамъ дать?.. Вы меня простите — я по старинѣ разсуждаю: коли взялся быть учителемъ, такъ и будь учителемъ! а либеральныя пустозвонства оставь! Не къ лицу бы нашему брату либеральничать... На кой намъ чортъ „Новое Время?" Жиды мы, что ли?

— При чемъ тутъ жиды?—обидѣлся законоучитель.

— Что жидъ, что либералъ — все равно, — отрѣзалъ Г—въ. Однимъ миромъ мазаны. Да и Суворинъ этотъ... Фамиліи на „инъ" самыя подозрительныя... Навѣрное, жидъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Ей Богу, должно быть, жидъ, — убѣждалъ Г—въ. — Разсудите сами,—съ какой стати русскій человѣкъ станетъ жидовскую газету издавать?..

Замѣчу кстати, что словами: „консервативный" и „либеральный" въ школахъ вообще злоупотребляютъ. И причина тому, между прочимъ, заключается въ слѣдующемъ. По широко распространенному мнѣнію начальства, учебный строй долженъ быть сугубо консервативнымъ.

„Школа — гласитъ, напр., рукописная „педагогика", которую учили воспитанники б—аго учительскаго института, — можетъ покоиться лишь на началахъ твердыхъ, незыблемо установлен-

ныхъ исторіею народа. Ея строй нельзя сообразовать съ минутными вѣяніями и модными политическими бреднями, потому что она говоритъ объ истинахъ вѣчныхъ, а политическія моды преходящи. Ни одинъ разумный архитекторъ не станетъ строить фундаментальнаго зданія на рѣчныхъ перекатахъ. Точно также и учитель не можетъ служить истинамъ вѣчнымъ, увлекаясь политическою партійностью. Въ классѣ нѣтъ мѣста политикѣ. Школа обязана держаться началъ охранительныхъ, т. е. консервативныхъ, и другихъ началъ, кромѣ консервативныхъ, для нея не существуетъ и существовать не можетъ".

Само по себѣ это ученіе было бы достаточно вѣскимъ, какъ и другія серьезныя ученія; но въ его основѣ лежитъ смѣшеніе понятій: оно говоритъ о консерватизмѣ, какъ методѣ дѣйствій, а имѣетъ въ виду консерватизмъ, какъ боевую политическую партію, программа которой формулируется кратко, но выразительно:

— Искоренимъ реформы шестидесятыхъ годовъ.

На практикѣ это логическое противорѣчіе, конечно, вскрывается; и ученіе, излагаемое „педагогикой", пріобрѣтаетъ вполнѣ точный смыслъ:

— Учитель долженъ слѣдовать указаніямъ „консервативныхъ" органовъ печати, т. е. „Московскихъ Вѣдомостей", „Гражданина" и т. п.

— Все, лежащее внѣ этихъ партійныхъ органовъ, обращается, такимъ образомъ, въ „модныя политическія бредни", и даже „Новое Время" подвергается совершенно незаслуженному обвиненію въ либерализмѣ.

Впрочемъ, чины мѣстнаго надзора за школьными библіотеками не всегда рѣшаются собственнымъ умомъ различать консервативное отъ либеральнаго, но ищутъ намековъ и указаній въ министерскихъ каталогахъ. На этомъ основаніи въ нѣкоторыхъ дирекціяхъ требовалось, чтобы каждый представленный на утвержденіе списокъ содержалъ 50% „рекомендованныхъ" книгъ, 30% „одобренныхъ" и не болѣе 20% „допущенныхъ". Какъ извѣстно, разнообразіе терминовъ, которые употреблялъ ученый комитетъ, дѣлая отзывы о книгахъ, упразднено лишь въ 1901 г.

Наоборотъ, другіе директора, взявъ на себя трудъ опредѣлить разницу между консервативнымъ и либеральнымъ, приходили къ выводамъ, нѣсколько шаткимъ. Такъ, въ одно и то же время въ о—ской дирекціи считалось „либерализмомъ" выписывать „Русское Обозрѣніе", а не „Русскій Вѣстникъ", въ м—ской же дирекціи учителя пріобрѣтали кличку: „либералы", если просили „Русскій Вѣстникъ", а не „Русское Обозрѣніе".

VII.

Не надо удивляться разнообразію взглядовъ на одно и то же періодическое изданіе. Разногласія у чиновъ мѣстнаго надзора неизбѣжны, такъ какъ самъ ученый комитетъ долгое время не давалъ сколько-нибудь опредѣленныхъ руководящихъ указаній. Даже циркуляръ 1896 года установилъ только для ученическихъ библіотекъ средней школы, какіе именно „журналы не обнаруживаютъ неодобрительнаго направленія и малограмотности“ — на всю Россію ихъ оказалось 9. Относительно же преподавателей гимназій и реальныхъ училищъ комитетъ ограничился предложеніемъ соблюдать два принципа: 1) „возможно осторожнѣе расходовать средства“ и 2) выписывать „лишь тѣ періодическія изданія, которыя отличаются серьезнымъ содержаніемъ“. Что это значитъ—предоставлялось, очевидно, рѣшить мѣстной власти.

Въ еще болѣе неопредѣленномъ положеніи были низшія школы. Тотъ же циркуляръ 19 іюня 1896 г. „разрѣшаетъ“ имъ „выписку періодическихъ изданій *лишь за тѣ годы*, которые будутъ предварительно разсмотрѣны и одобрены ученымъ комитетомъ“. Отсюда нѣкоторые директора народныхъ училищъ вывели, что газетъ вовсе допускать не слѣдуетъ, такъ какъ чтеніе ихъ черезъ $1^1/_2$—2 года послѣ выхода въ свѣтъ текущаго интереса не представляетъ. Циркуляръ 4 марта 1897 г. счелъ возможнымъ дать учителямъ низшихъ школъ нѣкоторую льготу: „со стороны министерства не встрѣтилось препятствій къ выпискѣ періодическихъ изданій и безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ ученымъ комитетомъ,—если эти изданія: 1) техническаго или спеціальнаго, а не общелитературнаго содержанія, и 2) однажды уже были имъ разсмотрѣны и допущены *къ обращенію*“.

Подчеркнутыя слова, очевидно, lapsus memoriae: „допускаются къ обращенію“ книги не ученымъ комитетомъ м-ва н. п., а главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати. Но дѣло не въ этомъ. Важно, что вопросъ—въ правѣ ли педагогическіе совѣты городскихъ, напр., училищъ выписывать „общелитературные“ журналы и газеты, хотя бы и разрѣшенные для народныхъ библіотекъ,—остался совершенно открытымъ. Или, точнѣе, всецѣло предоставленъ на благоусмотрѣніе мѣстнаго начальства, отъ котораго вполнѣ зависитъ примѣнить или не примѣнить общее правило: допущенное въ народныя библіотеки-читальни допускается и въ библіотеки городскихъ училищъ.

Такая осторожность ученаго комитета вполнѣ понятна. Періодическая печать столь измѣнчива, что за нею нуженъ неусыпный надзоръ. Вотъ тому примѣръ: „Нива“ искони считается „допущенной“, но въ 1893 г. она объявила, что даетъ „прило-

женіемъ" „Полное собраніе сочиненій Достоевскаго". Поэтому въ Донской области и другихъ мѣстахъ ее запретили. Въ 1894 г. она подверглась той же участи опять за Достоевскаго, въ 1895 г. за Григоровича, въ 1896 г.—за Боборыкина.

Особенно обязательную и безусловно необходимую помощь ученому комитету оказываетъ надзоръ, когда дѣло касается областныхъ изданій. Провинціальная періодическая печать—явленіе очень недавнее и пока подвержена многимъ неожиданностямъ. Не допускать къ учителямъ мѣстную газету, напр., не всегда удобно. А между тѣмъ опредѣлить ея „направленіе" въ Петербургѣ, съ общецензурной точки зрѣнія, немыслимо. Только мѣстной власти доступно рѣшить столь щекотливую задачу. Поучительный въ этомъ отношеніи эпизодъ былъ разсказанъ въ „Русск. Школѣ" (мартъ, 1901 г.).

Подольское епархіальное начальство „сочло своимъ долгомъ" указать губернатору на вредное для школьнаго дѣла направленіе статей и сообщеній, нашедшихъ себѣ мѣсто въ неоффиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей". Губернаторъ „запросилъ" редактора, а редакторъ документально установилъ, что всѣ „инкриминируемыя статьи и сообщенія" заимствованы изъ „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей". „Сообщенія и статьи" оказались нѣсколько странными: духовное начальство печатало ихъ съ цѣлями хвалебными, но когда онѣ почти дословно были позаимствованы оффиціальнымъ свѣтскимъ органомъ,—смыслъ вышелъ укоризненный. Озадаченный столь удивительнымъ обстоятельствомъ, губернаторъ предложилъ архіерею написать опроверженіе. Все-таки преосвященный сумѣлъ найти выходъ: онъ циркулярно запретилъ священникамъ подольской епархіи выписывать неоффиціальную часть „Губернскихъ Вѣдомостей". Или еще случай, бывшій въ Екатеринославѣ въ концѣ 1903 г. На мѣщанскомъ собраніи одинъ изъ ораторовъ, между прочимъ, сказалъ, что директоръ народныхъ училищъ „прежде" противился открытію мѣщанской школы; но когда попечитель округа обѣщалъ ходатайство поддержать, директоръ тоже сталъ относиться сочувственно. Слова эти были напечатаны въ мѣстномъ „Вѣстникѣ Юга": замѣтка вполнѣ невинная, но она можетъ уронить директорскій престижъ въ глазахъ подчиненныхъ.

Очевидно, не всякую областную газету можно допустить въ училищѣ; чтобъ удостоиться этой чести, она должна быть: 1) „благонамѣренной" съ общей точки, т. е. исповѣдывать программу консервативной партіи; 2) „благонамѣренной" съ мѣстныхъ точекъ зрѣнія, т. е. не печатать „сообщеній", по тѣмъ или инымъ причинамъ невыгодныхъ и непріятныхъ ближайшей власти. И, наконецъ, такая газета должна внушать увѣренность, что ею руководятъ люди „солидные", которые сумѣютъ во время промолчать, во время сказать... Кажется, этимъ требованіямъ удовлетворяютъ

очень немногіе провинціальные органы. По крайней мѣрѣ, рѣдко можно встрѣтить городское училище, которому бы разрѣшили выписывать даже „неоффиціальную часть“ губернскихъ вѣдомостей, которыя, какъ извѣстно, обязательно получаются во всѣхъ волостныхъ правленіямъ и безпрепятственно во всѣхъ народныхъ библіотекахъ.

VIII.

Оберегая очень серьезно школьныя библіотеки отъ изданій „сомнительнаго направленія“, мѣстный надзоръ имѣетъ, однако, и свои неудобства. Изъ нихъ укажу только два, главнѣйшія.

Во-первыхъ, директора и инспектора народныхъ училищъ и иныя власти порою ужъ слишкомъ буквально понимаютъ министерскія предписанія, и тѣмъ ставятъ каталоги ученаго комитета въ не совсѣмъ выгодное положеніе. Напр., въ 1893 г., въ к—омъ уѣздномъ училищѣ возникъ „серьезный“ принципіальный вопросъ — какъ быть съ богослужебными книгами? Не опасно ли просить о разрѣшеніи пріобрѣсти ихъ? Послѣ долгихъ споровъ, учителя рѣшили, что просить опасно, и что лучше предварительно „частнымъ образомъ“ посовѣтоваться съ инспекторомъ народныхъ училищъ. Инспекторъ также „частнымъ образомъ“ далъ совѣтъ: такъ какъ каталогомъ богослужебныя книги не допущены, то всего правильнѣе купить ихъ за счетъ хозяйственныхъ суммъ, какъ предметъ училищнаго обихода. Штатнымъ смотрителемъ совѣтъ былъ выполненъ въ точности. Но тутъ открылось новое затрудненіе: куда купленныя книги записать? Въ библіотеку нельзя, ибо онѣ не разрѣшены, а въ „имущество“, т. е. на ряду съ партами, досками и пр. предметами, какъ будто неудобно.

Въ томъ же году и въ томъ же училищѣ библіотекарь сдѣлалъ удивительное открытіе: оказалось, что школа не имѣетъ Библіи. Законоучитель о. Алексѣй, когда ему сказали объ этомъ, смутился:

— Не можетъ быть!—возразилъ онъ.—Надо помекать.

Стали искать и нашли въ старыхъ спискахъ слово: Библія, а противъ него какой-то непонятный знакъ, изображающій, повидимому, что книга изъята, но когда, кѣмъ и на какомъ основаніи—установить, къ сожалѣнію, не удалось. Но любопытно: когда при выборѣ книгъ для выписки библіотекарь посовѣтовалъ „просить Библію съ параллельнымъ текстомъ“, т. е. напечатанную и на славянскомъ, и на русскомъ языкѣ, штатный смотритель испугался:

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ онъ,—такая ученымъ комитетомъ не разрѣшена. А мы вотъ что: будемъ просить только для учительской библіотеки и на одномъ славянскомъ языкѣ. Не то нагоритъ, пожалуй...

Извѣстны случаи, когда мѣстнымъ надзоромъ не разрѣшались: псалтирь, сводъ законовъ, предназначавшіяся для широкаго распространенія оффиціальныя изданія разныхъ министерствъ (напр., министерства земледѣлія). Впрочемъ, относительно церковныхъ книгъ всѣ недоразумѣнія, надо полагать, прекращены циркуляромъ 10 ноября 1901 г.: по особому ходатайству петербургскаго общества грамотности, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія признадъ возможнымъ допустить въ низшія школы изданія, выходящія съ дозволенія духовной цензуры. По ходатайству того же общества были „допущены“ и книги министерства земледѣлія—кромѣ „сочиненій учебнаго характера“.

Второе неудобство заключается въ пристрастіи, какое оказывали кое-гдѣ чины мѣстнаго надзора къ нѣкоторымъ изданіямъ, не всегда того заслуживающимъ. Такъ, въ серединѣ 90-хъ годовъ по школамъ о—ской дирекціи—и за ихъ, конечно, счетъ—разсылались по нѣсколько экземпляровъ разныхъ сочиненій директора народныхъ училищъ.

Около того же времени въ Донской области директоръ Остроумовъ указалъ выписывать никому неизвѣстный журнальчикъ „Семьянинъ“. Согласно желанію г. Остроумова, этотъ журнальчикъ выписывался, между прочимъ, первымъ донскимъ окружнымъ училищемъ два года. Первый годъ „Семьянинъ“ выходилъ крайне неаккуратно и весьма странно: въ одной книжкѣ была напечатана „Капитанская дочка“ Пушкина, въ другой—либретто „Жизни за царя“. Въ началѣ второго года, собравъ подписныя деньги, онъ прекратился.

Судя по всему, такого рода указанія и циркулярныя „рекомендаціи“ бывали и въ другихъ мѣстахъ.

Они вынудили, наконецъ, министра издать циркуляръ:

„Принимая во вниманіе,—писалъ въ 1896 г. гр. И. Д. Деляновъ,—что подобныя рекомендаціи ближайшаго учебнаго начальства могутъ быть поняты подчиненными лицами въ смыслѣ обязательной выписки (рекомендованныхъ) изданій, я нужнымъ считаю объяснить директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ всю неловкость подобныхъ распоряженій“.

IX.

Имѣютъ ли право учителя просить о выпискѣ изданія, которое, по ихъ мнѣнію, полезно, но каталогомъ ученаго комитета не разрѣшено? Въ началѣ моей службы мѣстное начальство въ принципѣ не одобряло такихъ просьбъ. Онѣ понимались, какъ „оппозиція министру“, или, по крайней мѣрѣ, какъ протестъ противъ каталоговъ ученаго комитета. По этой именно причинѣ мы и не рѣшались просить даже богослужебныхъ книгъ. Инспек-

торъ народныхъ училищъ, котораго считали чиновникомъ освѣдомленнымъ, доброжелательно предостерегъ насъ:

— Требникъ тамъ или Октоихъ, — говорилъ онъ, — конечно, книги не опасныя. Но ходатайствовать о нихъ не совѣтую. Попечитель округа это истолкуетъ, какъ указаніе на оплошность ученаго комитета. И въ министерствѣ тоже... Вы сами понимаете, что такихъ вещей никто подчиненнымъ не дозволитъ.

Однако, позднѣйшій циркуляръ (въ февралѣ 1896 г.) установилъ иную точку зрѣнія. Ходатайство о разрѣшеніи не „допущенныхъ“ изданій стало разсматриваться, какъ своего рода содѣйствіе ученому комитету. Учителямъ или другимъ причастнымъ къ школьной библіотекѣ лицамъ предлагалось обозначить лишь названіе книги, имя автора, переводчика, издателя, мѣсто и время изданія и привести „вкратцѣ мотивы, по которымъ пріобрѣтеніе извѣстныхъ книгъ признается желательнымъ“.

Новою точкою зрѣнія кое-гдѣ поспѣшили было воспользоваться. Вятское, напр., земство просило разрѣшить для народныхъ библіотекъ пріобрѣтеніе брошюръ по скотоводству, не справляясь съ каталогомъ министерства народнаго просвѣщенія. Мотивировалась просьба тѣмъ, что изъ популярныхъ книжекъ по сельскому хозяйству наиболѣе цѣнны новыя. А онѣ-то именно и не могутъ быть своевременно ученымъ комитетомъ разсмотрѣны и разрѣшены. Если же земство само станетъ ихъ представлять комитету на просмотръ, то, пока получится отвѣтъ, брошюра уже будетъ распродана, или успѣетъ выйти другая—болѣе желательная. И, такимъ образомъ, заботы земства о поднятіи среди крестьянъ уровня сельскохозяйственныхъ знаній будутъ по прежнему встрѣчать очень серьезный тормазъ.

Въ 1900 г. черезъ губернатора былъ полученъ отвѣтъ:

„Министерство внутреннихъ дѣлъ признаетъ ходатайство вятскаго земскаго собранія заслуживающимъ уваженія, почему оно и входило по этому поводу въ сношеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, объясняя, что въ случаѣ неимѣнія со стороны послѣдняго препятствія къ осуществленію сказанной мѣры, списокъ книгъ по скотоводству, которыя подлежали бы допущенію въ народныя библіотеки, могъ бы быть составленъ ветеринарнымъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Министерство народнаго просвѣщенія, выражая свое сочувствіе сдѣланному предложенію, увѣдомило, что оно признавало бы, однако, необходимымъ предварительное ознакомленіе съ означеннымъ спискомъ“. „Въ виду вышеизложеннаго министерство внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ вятской губернской управѣ представить списокъ тѣхъ книгъ и брошюръ по скотоводству, распространеніе которыхъ она находитъ желательнымъ среди народа“.

Т. е. земство, въ интересахъ народнаго благосостоянія просило освободить его отъ двойной цензуры (главное управленіе

по дѣламъ печати и ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія); оба министра выразили сочувствіе и предложили цензуру тройную, включивъ ветеринарный комитетъ.

Столь же неожиданная судьба постигла земское ходатайство по случаю 30-лѣтія со дня смерти К. Д. Ушинскаго: Земство просило „допустить“ къ безпрепятственному употребленію въ начальныхъ школахъ „Родное Слово“ и „Дѣтскій Міръ“, а педагогическія сочиненія Ушинскаго—въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ. На это въ 1901 г. министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ, что „до настоящаго времени для начальныхъ училищъ разрѣшены 2-я часть „Родного Слова“ и „Дѣтскій Міръ“, а для учительскихъ библіотекъ 1-я часть „Родного Слова“, вмѣстѣ съ руководствомъ къ преподаванію по этой книгѣ“. Въ заключеніе министръ проситъ увѣдомить, „будетъ ли земство настаивать на дальнѣйшемъ движеніи своего ходатайства“ *).

Ближайше освѣдомленные въ настроеніи учебнаго начальства, мы, учителя, „правомъ своимъ содѣйствовать ученому комитету“ не торопились пользоваться. А если и возбуждали ходатайства о разрѣшеніи книгъ, то лишь въ случаяхъ безспорныхъ и не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію. Напр., въ 1897 г. учителя д—аго городского училища просили разрѣшить Жюль-Верна. Т. е., собственно, Жюль-Вернъ былъ и раньше „допущенъ“, но въ очень дорогихъ изданіяхъ—за каждый романъ около трехъ рублей. Мы же, ссылаясь на скудость училищныхъ средствъ, просили позволенія выписать изданіе дешевое. Это намъ позволили. Въ другомъ училищѣ, б—скомъ, чтобъ ходатайствовать о словарѣ Граната, предварительно частнымъ образомъ спрашивали совѣта у директора народныхъ училищъ. И это вполнѣ понятно. Учителя, а тѣмъ паче „начальникъ училища“,—чиновники. А неудовлетворенное ходатайство чиновничьей коллегіи до нѣкоторой степени равносильно служебному замѣчанію. Вотъ почему, даже осмѣлившись просить о допущеніи книги, учителя обыкновенно „надоѣдали“ начальству дважды, — сначала „начерно“, т. е. частнымъ образомъ выпытывая мнѣніе директора, а потомъ уже „набѣло“. Конечно, если „черновое“ ходатайство давало результатъ отрицательный, „бѣловое“ не возбуждалось.

X.

Чтобы правильнѣе оцѣнить установленный гр. Д. А. Толстымъ надзоръ за школьными библіотеками, припомнимъ забытый проектъ, принадлежавшій министру Норову. Норовъ предлагалъ высшему правительству одобрять авторовъ „такихъ произведеній, ка-

*) См. „Русск. Школа.“ 1901 г. кн. VII—VIII.

кія, по строгому обсужденію ихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, признаны будутъ достойными". Въ этихъ видахъ министръ „испросилъ дозволеніе" представлять государю за каждую треть года вѣдомость о произведеніяхъ, достойныхъ вниманія, съ краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія". 20 августа 1856 г. Норовъ сдѣлалъ надлежащія въ этомъ смыслѣ распоряженія по министерству, но проектъ, кажется, такъ и не былъ приведенъ въ исполненіе.

Мысль вліять на писателей, чтобы получить желательную для тѣхъ или иныхъ цѣлей литературу, не была новинкой даже при Норовѣ. Ею широко пользовался еще Людовикъ XIV во Франціи. И хоть въ серединѣ XIV вѣка, по свидѣтельству Бокля, „многіе" хотѣли подобно Людовику XIV возвести поощреніе литераторовъ въ стройную систему, все же это обычное оружіе такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма" всегда приносило одинъ лишь вредъ.

„Литература — говоритъ Бокль — представляетъ разумъ, склонный къ прогрессу, правительство — порядокъ, который стремится къ консерватизму. Будучи раздѣленными, эти двѣ силы направляются къ лучшему, посредствомъ взаимодѣйствія; перевѣсъ той или другой рѣшается народомъ. Но если обѣ силы соединятся, если правительство подкупитъ разумъ,—необходимымъ послѣдствіемъ будетъ деспотизмъ въ политикѣ, сервилизмъ въ литературѣ. Никогда писатели не были такъ расточительно награждаемы, какъ во времена Людовика XIV, но никогда они вмѣстѣ съ тѣмъ не были такъ грубо сервильны, столь неспособны выполнить свою задачу—быть проповѣдниками истины и науки".

Фридрихъ II былъ вполнѣ правъ, когда говорилъ: „лучшее, что я сдѣлалъ для литературы, было именно то, что я предоставилъ ее самой себѣ". Онъ могъ добавить, что это было полезно и для народа, и для самого Фридриха. Да, и для самого Фридриха, потому что далеко не рѣшено, можно ли „подкупить разумъ": „исторія показываетъ", что, не взирая на изощреннѣйшіе способы „подкупа", Вольтеры все же остаются Вольтерами, Новиковы — Новиковыми, Бѣлинскіе—Бѣлинскими. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, народъ тоже умѣетъ „награждать" любовью, уваженіемъ и даже матеріальными благами, и при томъ такъ щедро, какъ далеко не всегда смогутъ и короли. И когда народъ поощряетъ однихъ писателей, а правительство другихъ,—наступаетъ взаимное непониманіе и разладъ, который съ фатальной неизбѣжностью приводитъ къ разнымъ болѣе или менѣе печальнымъ осложненіямъ.

Очевидно, планъ Норова на первыхъ же шагахъ могъ обнаружить глубокое различіе во взглядахъ на писателей. И его резонно оставили втуне.

Гр. Д. А. Толстой подошелъ къ рѣшенію задачи съ другой стороны. Онъ какъ бы говорилъ:

— Господа писатели пусть вѣдаются съ уставомъ о цензурѣ и печати, какъ имъ угодно. А мы будемъ допускать въ школы, что намъ угодно. И учителя, и ученики будутъ воспитывать свои взгляды лишь на тѣхъ произведеніяхъ, какія мы допустимъ.

И, дѣйствительно, благодаря удачному сочетанію общаго и мѣстнаго надзора, изъ школьныхъ библіотекъ литература „сомнительнаго направленія“ безусловно исчезла. Правда, различіе во взглядахъ на писателей обнаружилось: школьные каталоги съ замѣтнымъ постоянствомъ не любятъ именно тѣхъ произведеній, какія наиболѣе нравятся обществу. Но къ этому различію причастно вѣдь не высшее правительство, а всего лишь ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія.

Позволительно, однако, усомниться, что для учителя, напр., всѣ средства подвергаться вліянію печати заключены въ школьной библіотекѣ. Недопущенная литература выходитъ въ свѣтъ. Ее читаютъ всѣ. Учителей на нее можетъ натолкнуть и общественная дѣятельность, и общественная жизнь, и взаимный обмѣнъ мыслей. Наконецъ, пусть школа изгоняетъ Салтыкова, Михайловскаго, Милюкова, „Русское Богатство“, „Русскую Мысль“, но что препятствуетъ учителю доставать изгнанныя книги у знакомыхъ, въ публичныхъ библіотекахъ, гдѣ таковыя есть, покупать за собственныя средства?

Учитываютъ ли чины общаго и мѣстнаго надзора опасность, такъ сказать, внѣшкольныхъ и внѣслужебныхъ вѣяній. Принимаютъ ли они противъ нихъ мѣры? И если принимаютъ, то какія?

А. Петрищевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новыя книги.

Станиславъ Пшибышевскій. Homo Sapiens. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Перев. М. Н. Семенова. Обложка работы Н. Ѳеофилактова. Москва. Книгоиздательство „Скорпіонъ“, 1904.

Романъ г-на Пшибышевскаго начинается со встрѣчи двухъ пріятелей Фалька и Микиты. Оба—сверхъ-человѣки; Микита немножко, Фалькъ окончательно. Фалькъ сверхъ-романистъ, Микита — сверхъ-живописецъ. Фалькъ пытается изобразить то, чего еще не было: „не было страданія, которое выше страданія, не

было наслажденія, которое переходитъ въ страданіе, не было цѣлаго ряда новыхъ понятій" (стр. 8)... Не трудно видѣть, что въ этой формулѣ почтеннаго сверхъ-романиста банальность смѣшалась съ нелѣпостью. „Наслажденіе, переходящее въ страданіе"—избитѣйшая и извѣстнѣйшая вещь, отмѣченная въ учебникахъ физіологіи, а страданіе, которое выше страданія — напыщенная безсмыслица. Сверхъ-живописецъ Микита высказываетъ свое credo не менѣе удачно. Онъ очень хвалитъ романъ Фалька, но на вопросъ автора: „Такъ тебѣ серьезно понравилось"?—описываетъ въ воздухѣ широкій кругъ.—„Ты пріобрѣлъ новый жестъ", — говоритъ ему Фалькъ.—А „пріобрѣсти новый жестъ" это оказывается очень важно:

— „Теперь, знаешь ли, уже нѣтъ никакой возможности выражаться словами. Всѣ эти (какія?) тонкости, неуловимые оттѣнки могутъ быть переданы только жестами",—отвѣчаетъ Микита. Казалось бы, это жестокое осужденіе романа г-на Фалька: вѣдь не могъ же онъ написать его жестами, а не словами, но Фалькъ соглашается съ этимъ, а Микита развиваетъ свою идею дальше:

— „Вотъ, напримѣръ, большая линія, понимаешь ли, большой размахъ, движеніе, горячій подводный потокъ. Это лишь немногіе понимаютъ... Былъ я какъ-то у одного скульптора—ты увидишь у меня его работы—я ползалъ на колѣняхъ передъ этимъ человѣкомъ. Говорю ему: это превосходно. Что такое? Объясняю. Ахъ, вотъ что вы думаете. Тутъ онъ описалъ въ воздухѣ неизмѣримо могучую линію. Этотъ понималъ!" Микита тоже понимаетъ.—„Ну, теперь я имъ покажу,—говоритъ онъ. — О! моя голова трещитъ отъ всевозможныхъ плановъ. Имѣй я тысячу рукъ, тысячу новыхъ линій могъ бы я тебѣ показать, — и тогда бы ты меня понялъ" (стр. 11). Недурной рецептъ для популяризаціи художественныхъ произведеній. Публика хохотала надъ картинами Микиты, но это, вѣроятно, оттого, что она видѣла только картины, а не жесты... Что если бы примѣнить этотъ пріемъ популяризаціи на нѣкоторыхъ выставкахъ новѣйшихъ художниковъ: передъ каждой картиной геніальный жестикуляторъ!.. Успѣхъ можно бы считать обезпеченнымъ. А пока книгоиздательство „Скорпіона" пытается облегчить намъ отчасти задачу пониманія геніальныхъ твореній Микиты: на обложкѣ оно помѣщаетъ рисунокъ г-на Н. Ѳеофилактова: въ красной рамкѣ картинка перомъ; черныя деревья, черная трава, на переднемъ планѣ по-дѣтски нарисованная долговязая дѣвица съ невѣроятно длинными руками, а за ней унылая физіономія неизвѣстнаго брюнета. Еще какія-то двѣ дѣвицы идутъ, обнявшись, на заднемъ планѣ, а при внимательномъ взглядѣ можно усмотрѣть и третью: она лежитъ въ кустахъ, сложивъ ручки на животикѣ. Общій фонъ черный, но дорожка въ лѣсу окрашена сурикомъ. Вѣроятно, есть символическій смыслъ и въ томъ, что сурикомъ окрашены еще

листья кустовъ и... волосы долговязой дѣвицы. Это замѣчательное произведеніе г-на Н. Өеофилактова особооговорено на обложкѣ книги и, кромѣ того, перепечатано въ одномъ изъ номеровъ журнала „Вѣсы“. Изъ этого мы должны заключить, что это не простая пачкотня, а нѣчто „символизирующее“. Не картина, а жестъ, намекъ на геніальныя творенія Микиты.

По какому-то недоразумѣнію романъ г-на Пшибышевскаго выдерживаетъ у насъ второе изданіе. Трудно представить себѣ произведеніе болѣе вымученное, надуманное, претенціозное и безвкусное. Тотъ же скульпторъ, который описалъ въ воздухѣ „неизмѣримо могучую линію“, сказалъ какъ-то Микитѣ: „смотрите: вотъ пять пальцевъ, которые можно видѣть и осязать,—тутъ онъ растопырилъ пальцы, — но здѣсь, между пальцами, этого нельзя видѣть, этого нельзя осязать, но тутъ-то и заключается самая суть“ (стр. 11)... Такъ на протяженіи всей книги: герои дѣлаютъ видъ, что они что-то глубокомысленно разглядываютъ между пальцами, что у нихъ „десять міровъ проходятъ передъ глазами“ (стр. 13)... „Случалось тебѣ видѣть крикъ неба? Нѣтъ? Такъ знай же, я видѣлъ, какъ небо кричало“ (ib.)... „Я поднимался, поднимался, я выросъ до неба, такъ что могъ о солнце закурить папиросу“... Имъ нуженъ „мозгъ, въ которомъ развязался узелъ, святой узелъ (?!) всѣхъ воспріятій; мозгъ, въ которомъ линія становится тономъ, великое событіе—жестомъ“ (27). Они не хотятъ знать „ни смѣшной логики, ни вашего сознанія, ни атавистическихъ полумѣръ половаго подбора (?!)“ (27). А между тѣмъ, когда вся эта сверхъ-мудрость принимаетъ сколько-нибудь осязательныя формы, выходитъ простая банальность довольно-таки дурнаго вкуса. Микита увѣренъ, что онъ написалъ уже „все человѣчество и еще нѣчто больше: то, что лежитъ за человѣкомъ“ (46), но когда онъ излагаетъ одинъ изъ своихъ „геніальныхъ“ замысловъ въ сколько-нибудь осязательной формѣ, то выходитъ вотъ что: „въ серединѣ картины должна быть женщина обольстительная, заманчивая, а со всѣхъ сторонъ — снизу, сверху—тянущіяся къ ней тысячи рукъ. Тысячи рукъ *дико кричатъ*, съ остервененіемъ спорятъ о ней. Худыя, нервныя руки художниковъ, толстыя, мясистыя, съ большими перстнями руки биржевиковъ, тысячи другихъ рукъ—цѣлая оргія жаждущихъ, алчныхъ рукъ...“ (95) Разумѣется, тутъ необходимо, во-первыхъ, чтобы руки „дико кричали“, а во-вторыхъ, чтобы у красавицы волосы были... ну, хоть суриковаго цвѣта, какъ на картинкѣ г-на Өеофилактова,—чтобы придать этому банальному сюжету хоть черточку „оригинальности“ и „новизны...“ То же несчастіе преслѣдуетъ и Фалька. По словамъ автора, онъ пишетъ гдѣ-то замѣчательныя вещи и говоритъ много „хорошихъ остротъ“, но на долю читателя достаются лишь напыщенные пустяки и плохія остроты. Есть, напр., сцена, въ которой Фалькъ завоевываетъ сердце одной набожной

дворянской дѣвицы необыкновенною силой своей діалектики и своихъ изумительныхъ познаній. Рѣчь идетъ о прусской политикѣ въ польскихъ провинціяхъ. Фалькъ находитъ самымъ важнымъ, что политика раздробленія и продажи польско-дворянскихъ имѣній нѣмецкимъ колонистамъ уничтожаетъ потребительную силу страны. Колонисты, по его мнѣнію, „ничего не потребляютъ, потому что все необходимое производятъ сами. Итакъ, кто же будетъ потреблять?..“ (205). Авторъ предусмотрительно обставляетъ своего сверхъ-мудреца такими сверхъ-глупцами, что ни одинъ не находитъ возраженія, въ томъ числѣ редакторъ газеты. Между тѣмъ, вся эта побѣдоносная рѣчь есть только самая плохенькая передовица самой невѣжественной газетки. Думать, что замѣна одного разорившагося помѣщика цѣлой сѣтью крестьянскихъ дворовъ ослабляетъ потребительную силу страны могутъ только сверхъ-экономисты г-на Пшибышевскаго... Столь же сокрушительно нападеніе этого демона діалектики на папу и его энциклику. — „Такъ какъ я самъ католикъ, — говоритъ онъ,—то мнѣ очень больно, что церковная политика такъ некрасива... и подъ флагомъ вѣры, надежды, любви прикрываетъ слишкомъ земные интересы...“ Всѣ присутствующіе—увѣряетъ авторъ — переглядывались. Они не знали, что на это сказать. Это было *неслыханно смѣло сказано* въ присутствіи церковно-служителя. Глаза всѣхъ обращались попеременно то на Фалька, то на ксендза. „*Ксендзъ былъ совершенно блѣденъ*“ (207). Чтобы оцѣнить эту „неслыханную смѣлость“, нужно сказать, что разговоръ происходилъ не передъ судилищемъ святой инквизиціи, а за обѣденнымъ столомъ, въ провинціальномъ обществѣ, преклоняющемся передъ Фалькомъ. Этотъ эпизодъ характеренъ для всего произведенія г-на Пшибышевскаго: и въ глубокомысліе, и въ оригинальность, и въ смѣлость его героевъ, отрицающихъ „и логику, и сознаніе“, приходится вѣрить на слово самимъ героямъ и автору. Но когда все это является въ натурѣ, то неслыханная смѣлость принимаетъ комическіе размѣры мелкой безтактности бывшаго гимназиста, который „дерзитъ“ своему недавнему законоучителю, а глубина мысли не превышаетъ глубины чайнаго стакана.—„Да, это былъ замѣчательный человѣкъ, — говоритъ Фалькъ объ одномъ изъ своихъ товарищей (стр. 233): намъ задали сочиненіе на тему: какъ чествуются герои послѣ смерти? Знаете, что онъ написалъ? Что было бы наилучшей почестью для героя?“ — Да, знаете ли въ самомъ дѣлѣ, читатель, что написалъ этотъ „замѣчательный человѣкъ?“—„Онъ написалъ: наивысшей почестью для героя... было бы то, чтобы какой-нибудь пастухъ вырылъ скелетъ этого героя, сдѣлалъ дудку изъ пустыхъ костей и на ней игралъ бы хвалу ему...“ (стр. 233). Да, замѣчательно! И мы сами знали гимназистовъ приблизительно

третьяго-четвертаго классовъ, которымъ это показалось бы геніальнымъ...

Однако—въ чемъ же фабула романа? „Нѣтъ, нѣтъ, не избитая тема о веснѣ, любви и женщинѣ!... Я требую великихъ, плодотворныхъ идей, которыя вызовутъ новый половой подборъ“ (25). Такъ восклицаетъ Фалькъ, излагая свое художественное credo, но авторъ даетъ только исторію нѣсколькихъ адюльтеровъ своего героя. Фалькъ проявляетъ свое сверхъ-человѣчество, во-первыхъ, тѣмъ, что отбиваетъ невѣсту у злополучнаго Микиты, который по этой причинѣ убиваетъ себя. Фалькъ находитъ оправданіе: вѣдь онъ настоящій сверхъ-человѣкъ, а Микита—такъ себѣ, неполный. Во-вторыхъ, Иза и Фалькъ были предназначены другъ другу отъ вѣка. Когда они встрѣтились въ первый разъ, Фальку показалось, что Иза окружена таинственной пеленой, сквозь которую свѣтятся ея глаза. „Словно проблескъ могучаго свѣта пробиваетъ себѣ путь сквозь тяжелый туманъ“ (15). Авторъ много разъ возвращается къ этой пеленѣ. Повидимому, это психологическое открытіе г-на Пшибышевскаго: если есть пелена,—значитъ любовь настоящая. И Фалькъ забываетъ свою дружбу къ Микитѣ, а г. Пшибышевскій заполняетъ цѣлыя томительныя страницы разными глубокомысленностями. „Въ теченіе какого-нибудь часа эта женщина огромною сѣтью корней опутала его душу... Все тѣснѣе и тѣснѣе сжимались петли этой сѣти, и онъ отчетливо чувствовалъ, какъ въ душѣ его боролись два человѣка: одинъ хладнокровно и ясно старался направлять его волю, другой неожиданно бросалъ въ его мозгъ мысли, которыя уничтожали сознательнаго человѣка“... „Ohé, les psychologues,—объясните мнѣ это съ помощью всѣхъ вашихъ психологическихъ законовъ“,—восклицаетъ Фалькъ (или авторъ: ихъ очень трудно различить вслѣдствіе чрезвычайно сумбурнаго склада рѣчи).

Такова вся эта „новая психологія любви“, повторяющая въ уродливыхъ формахъ старыя банальности. „Не видѣлъ ея, ибо она была въ немъ“ (54). „Не слышалъ музыки, музыка была въ немъ; вся вселенная звучала и ликовала въ немъ, визжала въ страстномъ желаніи“ (ib.)... „Склонялась къ нему все ближе (рѣчь идетъ о танцѣ), головы ихъ соприкасались, онъ чувствовалъ, какъ отдавалась ему, какъ опускалась въ его сердце, въ горячее ложе крови его сердца“ (54). Это, очевидно, новая „терминологія любви!“ „Когда вчера я васъ увидѣлъ, я зналъ васъ уже давно... сегодня я знаю васъ уже сто лѣтъ“ (60). „Я не зналъ, что такое судьба. Теперь я это знаю... вы,—странный прообразъ моей души, вы—идея, которую я видѣлъ уже когда-то раньше, въ другомъ бытіи, вы—вся тайна моего искусства“ (66)... Это—новая психологія. Старенькое „сродство душъ“, еще „въ другомъ бытіи“ предназначенныхъ другъ другу!... Отъ этой

новизны несетъ наивной сентиментальностью нашихъ бабушекъ, запахомъ пудры и истлѣвшими фижмами.

Кромѣ одной, *настоящей* любви съ пеленой, почтенный сверхъ-человѣкъ позволяетъ себѣ нѣсколько ненастоящихъ. Онъ женится на Изѣ, но вторая часть романа застаетъ его въ самомъ настойчивомъ ухаживаніи за Маритъ, наивною дѣвицею изъ хорошаго дворянскаго семейства, воспитанной въ монастырѣ. При видѣ ея Фалькъ, любящій только свою жену, „почувствовалъ въ себѣ тихій шопотъ пола". Въ это время онъ, какъ говорятъ малороссы, уже изрядно „подтоптался", потому что и въ періодъ ухаживанія за Изой чувствовалъ большую слабость къ коньяку. Но бѣдная Маритъ принимаетъ его похмѣлье за міровую скорбь, а его выходки противъ ксендза за демонизмъ и великій мятежъ духа. Сверхъ-человѣкъ пользуется этимъ: онъ клянется въ вѣчной любви и грозитъ, что сопьется и погубитъ свой великій талантъ, если Маритъ „не откажется отъ своихъ предразсудковъ". Когда она уступаетъ обольщенію, онъ грубо кидаетъ ее, и она топится, а авторъ вмѣстѣ съ Фалькомъ предается глубокомысленнымъ психологическимъ соображеніямъ: „Тутъ съ самаго начала дѣйствовало половое впечатлѣніе, дремавшее гдѣ-то въ глубинѣ безсознательнаго и проснувшееся только съ появленіемъ Маритъ" (69). Вотъ что называется „объяснить" и создать новый половой подборъ! Кромѣ того. Фалькъ видѣлъ, какъ „изъ черной тучи брызнулъ красноватый снопъ, распался на семь молній и убилъ голубку". Онъ и самъ долженъ „распасться на тысячу молній, убить еще тысячу голубокъ, тысячу кроликовъ... потому что онъ—не онъ, сверхъ-человѣкъ... потому что этого хотятъ его инстинкты" (247). И, дѣйствительно, въ третьей части оказывается, что, кромѣ Изы и Маритъ, сверхъ-человѣкъ успѣлъ обзавестись еще Ольгой и Яниной. Кажется, однако, что тысячи голубокъ онъ уже не убьетъ, хотя бы потому, что отъ коньяку, невоздержности и предыдущихъ сверхъ-человѣческихъ подвиговъ, онъ уже совершенно износился, и авторъ съ какой-то наивной добросовѣстностью повѣствуетъ объ этомъ: уже на стр. 76 Фалька удаляютъ изъ кабака „за неприличное поведеніе". На стр. 89 онъ „ржалъ отъ хохота, качался на кушеткѣ и вдругъ конвульсивно зарыдалъ". На стр. 121 „его мозгъ началъ вертѣться вокругъ самого себя и все быстрѣе и быстрѣе опускался, описывая круги, въ бездонную пропасть пола" (!). На стр. 148 онъ „выпилъ всю бутылку коньяку" и очень испугался лампы... На стр. 153 онъ пилъ очень много портера, какъ вообще умѣемъ пить только мы, европейцы" (!) и т. д., и т. д. Неудивительно, что подъ конецъ сверхъ-человѣческій организмъ совершенно расшатанъ; у Фалька дрожатъ руки, и безъ портера или коньяку онъ уже не можетъ одерживать побѣды надъ голубками...

Что же это?—спроситъ читатель:—очевидно, сатира на всѣхъ

этихъ сверхъ-человѣковъ и ихъ новыя психологіи любви? Въ томъ то и дѣло, что не сатира и не объективное изображеніе, а что-то въ родѣ апологіи. Г. Пшибышевскій относится къ своимъ кривляющимся героямъ совершенно такъ, какъ относились въ 40-хъ годахъ авторы плохихъ повѣстей къ разочарованнымъ „демонамъ“ изъ гусаръ, побѣждавшимъ уѣздныхъ простушекъ. Правильное отношеніе къ этимъ полупьянымъ и безвольнымъ сверхъчеловѣкамъ—здоровый смѣхъ, водевиль, самое большее—веселая комедія. Но авторъ беретъ тонъ чисто трагическій, съ громомъ, молніей, „безднами пола“... Подъ конецъ романа являются еще, неизвѣстно зачѣмъ, анархисты, террористы, заговорщики, происходятъ сцены самоубійствъ, и все вмѣстѣ сливается въ головокружительный кавардакъ, въ которомъ теряются послѣднія крупицы здраваго человѣческаго чувства и смысла...

Въ общемъ вся эта книга поистинѣ не книга, а жестъ, только, если можно такъ выразиться, „жестъ лицомъ“, въ просторѣчіи называемый гримасой. Гримасничаютъ герои, гримасничаетъ авторъ, гримасничаетъ переводчикъ, для „оригинальности языка“ переполнившій переводъ невѣроятными германизмами и полонизмами, гримасничаютъ издатели, снабдившіе книгу „обложкой работы Н. Ѳеофилактова“... И всетаки часть публики ищетъ еще чего-то въ этомъ старомъ хламѣ, выдающемъ себя за новое искусство, и слушая психологическія откровенія въ родѣ: „онъ сидитъ надъ собою и чѣмъ-то въ родѣ сверхъ-мозга констатируетъ, что въ его обыкновенномъ мозгу что-то (!) происходитъ“ (229),—восклицаетъ вмѣстѣ съ бѣдной, сбитой съ толку Маритъ: „Эрикъ, ты дивный, великій человѣкъ“.

Для литературы это, конечно ничто: прошелеститъ и исчезнетъ; но все же это не лишено нѣкотораго интереса, какъ иллюстрація эпидемическаго извращенія литературныхъ вкусовъ, которое временами охватываетъ нѣкоторыя части мятущагося „культурнаго“ общества.

Красинскій. Иридіонъ. Съ польскаго перев. А. Уманьскій. Спб. 1904. Изд. Товарищества „Знаніе“.

Покойнаго польскаго поэта Красинскаго, автора „Небожественной Комедіи“, читающая публика внѣ Польши знаетъ мало. Теперь товарищество „Знаніе“ издаетъ переводъ „Иридіона“—произведенія, даже въ Польшѣ менѣе извѣстнаго, чѣмъ „Небожественная Комедія“. Нужно сказать, что время для популяризаціи Красинскаго у насъ выбрано удачно: такъ называемый символизмъ теперь модное теченіе, а Красинскаго въ значительной степени можно причислить къ символистамъ. Нужно, однако, оговориться: это символизмъ особаго рода, во многомъ отличающійся отъ того, что извѣстно подъ этимъ именемъ въ настоящее

время, и скорѣе напоминающій пріемы байроновскаго Манфреда или гетевскаго Фауста (второй части). Авторъ избираетъ условную форму для того, чтобы схематически представить широкія категоріи человѣческой жизни или исторіи. Такъ, Гете сводитъ Фауста и Елену, чтобы символизировать эпоху возрожденія, оплодотвореніе оживающей классической культуры живыми силами средневѣковой варварской Европы. Нельзя сказать, чтобы этотъ образъ Гете, условный и схематичный, производилъ особенно сильное художественно эстетическое впечатлѣніе. Гете перегрузилъ вторую часть своего Фауста огромной эрудиціей и виртуозностью стихотворца за счетъ творческой работы, воображенія. Конечно, тутъ играла значительную роль старость. Но и вообще этотъ пріемъ, по самой сущности, несетъ съ собой первородный грѣхъ явной условности, и нужно много воодушевленія и подъема, чтобы заставить читателя примириться съ тѣмъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ непосредственнымъ образомъ, а съ нѣкоторыми категоріями, которыя этотъ образъ долженъ символизировать, часто за счетъ собственной правдоподобности. Отсюда ясно, что символическія произведенія могутъ быть сильны лишь возвышенностью и глубиной тѣхъ отвлеченныхъ категорій, которыя они имѣютъ въ виду. Такова сила байроновскаго Манфреда. Пусть мы должны при этомъ забыть, что облака, напримѣръ, не обладаютъ членораздѣльною рѣчью, но мы всетаки испытываемъ волненіе мысли и чувства, читая пламенные монологи, выражающіе наши собственные вопросы, которые мы, смутно и неоформленно, тоже предлагали въ тотъ или другой періодъ своей жизни неодушевленной природѣ—и волнамъ, и вѣтру, и тьмѣ, и тучамъ... И иной разъ испытывали иллюзію нѣкоторыхъ отвѣтовъ... Вся сила законнаго символизма—въ широтѣ, ясности и величіи того, что онъ символизируетъ, будь это порывы сомнѣній и отчаянья пытливаго духа, порывы вѣры и любви, или патріотическаго одушевленія и патріотической печали. Такой символизмъ существуетъ давно, и его произведенія не оправдываютъ, а лишь обличаютъ мелкотравчатый символизмъ нашихъ дней, въ которомъ условность образа прикрываетъ лишь мглу и неясность плоской и маленькой мысли. Мы хорошо знаемъ, что говорилъ Манфредъ своимъ современникамъ не реальными, но пламенными образами и тирадами. Форма была условна, мысль ясна, жизненна и глубока...

Красинскій въ своемъ „Иридіонѣ“ беретъ темой любовь къ порабощенной родинѣ и чувство „патріотической“ ненависти къ побѣдителямъ. Вся поэма проникнута психологіей мести. Поэту нужно было раздвинуть рамки картины такъ широко, чтобы онѣ охватили историческіе періоды, и для этого онъ прибѣгаетъ къ символическому пріему Гете: Грекъ Амфилохъ Гермесъ вступаетъ въ союзъ съ дѣвственной жрицей Одина Гримгильдой, до-

черью кимврскаго князя. Отъ этого союза рождаются сынъ Иридіонъ и дочь Эльзиноя, которымъ отецъ (классическая Грецiя) и мать (порабощенный варварскiй мiръ) завѣщаютъ ненависть и месть къ Риму Гелiогабаловъ и Нероновъ и освобожденiе народовъ отъ римскаго ярма. Орудiе мести порабощенныхъ—предательство и хитрость. Во имя своей высокой цѣли Иридiонъ дѣлаетъ сестру любовницей Гелiогабала, а самъ становится его довѣреннымъ. Въ то же время онъ вступаетъ въ союзъ съ прогрессивными элементами Рима (Александръ Северъ), съ одной стороны, и преслѣдуемыми христiанами—съ другой. Но его цѣли не совпадаютъ съ стремленiями союзниковъ, и потому онъ обманываетъ ихъ: въ мечтахъ фанатизированнаго наслѣдственнаго мстителя виднѣется Римъ, обращенный въ развалины, и борозды плуга на мѣстѣ Капитолiя... Происходитъ возмущенiе варваровъ, гладiаторовъ и легiонеровъ. Гелiогабалъ свергнутъ, но и замыселъ Иридiона не удается: христiане, которыхъ онъ привлекъ было именемъ воинствующаго Христа, въ послѣднюю минуту оставляютъ его во имя Христа смиреннаго, легiоны Александра Севера, свергнувшiе Гелiогабала, справляются съ разнузданными ордами варваровъ, которыхъ Иридiонъ бросилъ на Римъ,—и столица мiра остается неколебимой и прочной, какъ скала среди разбушевавшагося прибоя: еще надолго, на цѣлые вѣка, Риму суждено быть владыкой мiра, если не властью цезаря, то именемъ Христа и его „намѣстниковъ“.

Такова основная канва, на которой Красинскiй, романтикъ, символистъ и сынъ своей родины, вышилъ поэтическiе узоры своей поэмы. Эти образы, впрочемъ, онъ усложнилъ еще нѣкоторыми сторонними мотивами, характерными для настроенiя того перiода польской литературы. Въ поэмѣ выступаетъ еще Массинисса, нѣкiй отвѣчный старецъ, символизирующiй начало демонизма, возмущенiя и зла. Онъ покровительствуетъ и Амфилоху (отцу Иридiона), и самому Иридiону. Его цѣль—борьба съ Христомъ, и по его совѣту Иридiонъ совращаетъ святую христiанскую дѣву Корнелiю для земной любви и мести. Въ концѣ концовъ, Массинисса послѣ пораженiя возставшихъ усыпляетъ Иридiона сномъ вѣковъ, обѣщая дать ему нѣкогда зрѣлище разрушеннаго Рима, но въ эпилогѣ мы узнаемъ всетаки, что Иридiонъ не станетъ жертвой духа зла и отрицанiя, потому что его ненависть истекала изъ любви къ порабощенной родинѣ.

Образъ Массиниссы довольно туманенъ, но еще блѣднѣе и анемичнѣе образы христiанъ (это, впрочемъ, кажется, общая участь большинства произведенiй, пытающихся изобразить „святость“). Въ мистическомъ снѣ Иридiона, обвѣянномъ субъективными видѣнiями самого автора, чувствуется какое-то ощущенiе метемпсихоза, характерное для польской поэзiи того перiода (извѣстно, напр., что поэтъ Словацкiй серьезно воображалъ себя

перевоплощеннымъ Казиміромъ Великимъ). Демонизмъ Красинскаго въ значительной мѣрѣ пасуетъ передъ вліяніемъ католицизма, хотя для своего времени это было всетаки произведеніе почти революціонное. Теперь въ этихъ символахъ уже многое выдохлось, а главное—націонализмъ, которымъ проникнута вся поэма, теряетъ свою острую эмоціональную силу... Тѣмъ не менѣе, произведеніе польскаго поэта можетъ и теперь еще служить укоромъ блѣдному и худосочному современному символизму, съ его безформенными намеками „на то, чего не вѣдаетъ никто".

Переводъ въ общемъ правиленъ и мѣстами передаетъ подлинникъ. Къ сожалѣнію, однако, онъ слишкомъ дословенъ и потому пестритъ полонизмами. „Мы несемъ тебѣ розы, *кадила* и перлы". Польское kadzidło по русски будетъ не кадило, а благовоніе. Когда „засядешь" на тронъ: по русски говорится возсядешь. Особенно часто рѣжетъ ухо несродное русской рѣчи расположеніе словъ и неполнота предложеній: ...„Обѣщалъ, что вернется и царствовать *будетъ*..." „До тѣхъ поръ, пока у ногъ Митры *хнычешь*, ты находишься въ кругу опасности и смерти" (97)... „Кончая жертву, рукъ бѣлыхъ и снѣжнаго платья *не замараетъ дѣвица* (дѣва?)" (101)... „Отъ креста рукъ оторвать, сбросить съ головы терноваго вѣнка *не успѣваетъ онъ*" (78)... „Онъ зналъ, что позоръ за него *терпѣть буду*" (110). Такихъ мѣстъ можно было бы указать не мало, и это тѣмъ болѣе жаль, что отъ нихъ рѣчь Красинскаго становится для русскаго уха шероховатой и прозаической. Во всякомъ случаѣ, хотя и трудно предсказать „Иридіону" особенно широкій кругъ читателей, но все же въ этомъ изданіи русская литература пріобрѣтаетъ одно изъ характерныхъ и значительныхъ произведеній родственнаго польскаго духа.

Гете. Фаустъ. Пер. въ прозѣ Петра Вейнберга. Съ примѣч. переводчика. Спб. 1904.

Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ прозаическій переводъ стихотворнаго произведенія, необходимо имѣть въ виду, что онъ представляетъ собою дополненіе къ переводу поэтическому, замѣнить который онъ не въ силахъ и не стремится. Какъ о сложной машинѣ могутъ дать болѣе или менѣе полное представленіе лишь разнообразные чертежи ея въ различныхъ проекціяхъ, такъ съ оригиналомъ художественнаго произведенія, написаннаго на незнакомомъ языкѣ, могутъ съ достаточной полнотой ознакомить лишь дополняющіе другъ друга переводы поэтическій и прозаическій. Первый, заботясь о сохраненіи красотъ формы, передастъ читателю эмоціональную сторону поэтическаго подлинника; второй выдвинетъ на первый планъ его логическіе элемен-

ты, его раціональную сторону, неизбѣжно отодвигаемую въ тѣнь въ погонѣ за стихомъ, за рифмой, за лирическимъ подъемомъ. Въ особенности необходимы эти различные по цѣлямъ переводы, когда имѣешь дѣло съ такимъ произведеніемъ, какъ „Фаустъ". Философская поэма, вобравшая въ себя все содержаніе многолѣтней высоко-напряженной духовной жизни поэта-мудреца, трагедія Гете какъ бы сплошь состоитъ изъ творческихъ фокусовъ, сконцентрировавшихъ на пространствѣ одной сценки, одной фразы, одного слова цѣлый міръ мыслей. Совершенно немыслимо пересадить ихъ на другой языкъ, сохранивъ ихъ выразительность, ихъ красоту, ихъ паѳосъ: это возможно сдѣлать лишь по частямъ, здѣсь оттѣняя одни элементы творческаго созданія, тамъ другіе. Оттого задачи переводовъ поэтическаго и прозаическаго совершенно различны— и ошибается тотъ, кто въ одной формѣ гонится за исполненіемъ задачъ, свойственныхъ другой. Такъ, напримѣръ, когда г. Соколовскій, стараясь дать читателю полное и ясное представленіе о пьесѣ Шекспира, разлагаетъ сжатыя формулы поэтическаго языка, вводитъ въ текстъ объясненія, которыхъ въ немъ нѣтъ, и оттого удлиняетъ свой стихотворный переводъ чуть не вдвое противъ подлинника, онъ грѣшитъ противъ того поэтическаго стиля, который хотѣлъ передать, и самъ мѣшаетъ исполненію своей задачи. Въ такую же ошибку впадаетъ П. И. Вейнбергъ, когда послѣ сугубой прозы своего перевода, почувствовавъ лирическій подъемъ, вдругъ передаетъ патетическій эпизодъ трагедіи какой-то скандированной прозой, бѣлыми или, вѣрнѣе, бѣловатыми стихами. Эта случайная прикраса не нужна его переводу: у него есть свой стиль, и нарушеніе его можетъ только повредить ему. Приспособившись къ безыскусственной прозѣ, читатель чувствуетъ себя лишь непріятно пораженнымъ, когда въ ряду прозаическихъ діалоговъ его ухо вдругъ улавливаетъ звуки какого то ритма— неполнаго, нерѣшительнаго, ненужнаго. „Крыса въ кладовой жила, ѣла только жиръ да масло, и брюшко она себѣ завела—какъ докторъ Лютеръ. Но кухарка ставитъ ядъ; крысѣ жутко, крысѣ больно—точно жжетъ нутро любовь": что это стихи или проза? Ни то, ни другое—ублюдочная форма, ради которой, однако, допущены отступленія отъ оригинала, гдѣ послѣдняя фраза буквально гласитъ: „и стало ей тѣсно на свѣтѣ, точно у нея въ тѣлѣ любовь".

Мы занялись этимъ смѣшеніемъ не для того, чтобы поставить его въ особую вину переводу П. И. Вейнберга, какъ нѣчто характерное: этихъ скандированныхъ эпизодовъ немного въ его переводѣ; мы хотѣли только выяснить, что каждый жанръ перевода имѣетъ свои законы, нарушать которые ему не годится. Законъ прозаическаго перевода есть точность, и только съ этой стороны можно судить переводъ П. И. Вейнберга. Ему ставили въ вину его неуклюжую прозаичность; и, дѣйствительно, не трудно

немногими выдержками показать, что нѣкоторыя мѣста, высоко поэтичныя въ подлинникѣ, дѣйствуютъ въ прозаическомъ переводѣ раздражающе грубо и даже противо-художественно. Но надо же помнить, что эстетическіе элементы формы и не могутъ быть сохранены, когда цѣлью перевода является „буквальная“ точность. Поэтическій переводъ есть какъ бы художественная фотографія красивой мѣстности; переводъ прозаическій есть какъ бы ея планъ: смѣшно требовать, чтобы планъ давалъ намъ представленіе о художественныхъ красотахъ мѣстности. Конечно, возможенъ художественный переводъ и въ прозѣ, но въ данномъ случаѣ переводчикъ вполнѣ сознательно уклонился отъ этой трудной задачи; онъ самъ говоритъ, что имѣлъ въ виду исключительно „сохраненіе строжайшей близости къ буквѣ великаго подлинника“: здѣсь ужъ, конечно, о поэтичности перевода не можетъ быть рѣчи.

Правда, когда переводчикъ заявляетъ, что „ни въ какихъ, даже самыхъ малѣйшихъ, отступленіяхъ никто не можетъ упрекнуть меня“,—онъ впадаетъ въ свойственное всѣмъ намъ заблужденіе: „самыхъ малѣйшихъ“ отступленій въ его работѣ достаточно; есть и менѣе мелкія; можно только сказать, что въ ней нѣтъ серьезныхъ погрѣшностей. Во всякомъ случаѣ новый прозаическій переводъ „Фауста“ значительно точнѣе перевода г. Соколовскаго, который—особенно во второй части трагедіи—проявилъ довольно таки поверхностное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ и смысломъ подлинника. Такимъ образомъ, переводъ П. И. Вейнберга является теперь единственнымъ, пригоднымъ для изученія буквы подлинника, поскольку объ этой буквѣ можетъ дать представленіе переводъ. Не надо только думать, что этотъ прозаическій переводъ можетъ замѣнить переводъ поэтическій, что онъ способенъ передать не только внѣшнюю оболочку, но и частицы духа великаго подлинника: эту достойную цѣль онъ предоставляетъ другимъ, довольствуясь исполненіемъ своей ограниченной, но необходимой задачи.

В. С. Илличъ-Свитычъ. Старый Молитвенникъ. Владивостокъ, 1903.

Въ сѣверо-западномъ краѣ верстахъ въ шестидесяти отъ города, въ небольшой деревушкѣ мирно жилъ со старой теткой и двумя дѣтьми шляхтичъ Кароль Дроздовскій. „Простая несложная жизнь въ заботахъ о полѣ и кускѣ трудового хлѣба съ этого поля“ поглощала его цѣликомъ. Много лѣтъ подъ рядъ ѣздилъ онъ ежегодно въ городъ кое-что продать, кое-что купить, отслужить панихиду по своей женѣ Касѣ. Но вотъ однажды, пріѣхавъ по обыкновенію ко дню Всѣхъ Святыхъ, онъ былъ пораженъ какимъ-то особеннымъ, приподнятымъ настроеніемъ въ городѣ. Въ костелѣ проповѣдникъ говоритъ непривычныя для него слова:

„Дорогіе братья и сестры... Идите твердо по намѣченному пути спасенія, не бойтесь никого, не страшитесь никакихъ страданій. Ваше дѣло — дѣло спасенья родины“. И въ отвѣтъ на его слова въ церкви то тамъ, то сямъ среди мертвой тишины раздаются вздохи и всхлипыванія...

Кароля въ его сѣромъ жупанѣ и съ мозолистыми руками нежданно и негаданно ведутъ къ самой красавицѣ-пани Маршалковой. И тамъ тѣ же новыя для него рѣчи о родинѣ, свободѣ, общемъ дѣлѣ...

„...Съ дымомъ пожаровъ“ раздается подъ темными сводами костела. „То, какъ въ бурю, вздымаясь могучей волной, звуки росли, мощно потрясая воздухъ, такъ что дребезжали стекла въ окнахъ и колебалось пламя свѣчей, то, ослабѣвая, переходили въ тихую жалобу, стонъ“. „Лица пѣвцовъ поблѣднѣли, глаза широко раскрылись, губы дрожали, по щекамъ катились слезы, руки невольно поднимались къ алтарю...“

И разнеслась пѣснь по всему краю, и зажгла всѣ сердца, сравнявъ бѣдныхъ и богатыхъ, юношей и стариковъ... „Это было что-то стихійное, огромное, страшное и въ то же время до того увлекающее, что ему противиться онъ не имѣлъ силъ и даже сознательно не хотѣлъ“. И Кароль, какъ и многіе другіе, бросилъ свою семью, свое поле и пошелъ на общее дѣло, готовый положить жизнь за свободу родины. Добрые люди не оставятъ—и, дѣйствительно, не оставили—сиротъ... Но недологъ подъемъ: въ первой же стычкѣ повстанцы разсѣяны; годы тюрьмы, солдатчина, жизнь въ глухой деревушкѣ на сѣверѣ Сибири, съ постоянной мечтой вернуться на родину... Трагическая потеря по грошамъ собранныхъ денегъ, нищета и, наконецъ, одинокая смерть въ холодномъ и мрачномъ углу. Таково несложное, но интересное и увлекательное содержаніе повѣсти. Особенно хороша первая часть, гдѣ попадаются истинно-художественныя страницы.

Авторъ совершенно чуждъ современной колоритной и бьющей на эффектъ манерѣ письма. Онъ ведетъ разсказъ просто, спокойно, подробно и съ любовью выписывая каждую мелочь, и получается впечатлѣніе живой, пережитой и выстраданной дѣйствительности. Жаль, что польскія цитаты не переведены на русскій. Надо было бы взять въ разсчетъ, что большинство читателей незнакомо съ польскимъ языкомъ.

В. Розовъ-Цвѣтковъ. По ту сторону „Пояса міра“. М. 1904.

Небольшая и весьма наивная книжечка. Г. Розовъ-Цвѣтковъ по собственному почину поѣхалъ въ западную Сибирь и провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ туриста, и при томъ, какъ онъ признается, „любопытнаго“. Любопытство его, однако, не переходитъ въ любознательность. Что въ Сибири лѣса изобилуютъ пушными звѣрями, а рѣки рыбой, что остяки живутъ въ чумахъ

и ихъ женщины любятъ блестящія украшенія, что Алтайскія горы величественны, а степи безконечны—все мы знаемъ съ школьной скамьи. Не предъявляя даже такихъ требованій, какъ художественное изображеніе мѣстныхъ нравовъ и природы, на что мы имѣли бы право въ виду беллетристической формы, выбранной авторомъ, мы не находимъ въ книгѣ почти никакихъ интересныхъ и характерныхъ для края свѣдѣній. Мы узнаемъ, что съ авторомъ ѣхалъ нѣкій скептикъ и матеріалистъ Петръ Петровичъ, что у одной изъ пассажирокъ чуть не умеръ ребенокъ и т. д., что пароходы по Оби и Иртышу ходятъ неаккуратно, но вѣдь это извѣстно a priori каждому русскому обывателю, сколько-нибудь знакомому съ водными и сухопутными путями сообщенія нашего отечества. За то авторъ повѣствуетъ о необыкновенно романтическомъ направленіи духа у киргизовъ и остяковъ. Вотъ какъ, напримѣръ, объясняется киргизъ русской дѣвушкѣ, въ которую онъ влюбленъ:

„Въ твоихъ очахъ все счастье, Рахима... мы вмѣстѣ съ тобой обитаемъ полдень (?) родной степи, гдѣ такъ привольно, такъ хорошо... Великолѣпное зрѣлище восхода солнца ждетъ нашего пробужденія, многочисленныя стада пасутся вблизи нашихъ палатокъ... мѣстомъ постоянныхъ прогулокъ служатъ намъ горы и долы, гдѣ только ты, да я... Въ журчаніи горныхъ потоковъ услышимъ мы таинственный говоръ этихъ хрустальныхъ водъ", и т. д., и т. д.

Нѣкій остякъ, женатый на русской, такъ нещадно билъ ее въ пьяномъ видѣ, что г. Розовъ-Цвѣтковъ воспылалъ благороднымъ желаніемъ спасти несчастную и увезти ее, впрочемъ, вполнѣ безкорыстно, подальше отъ мужа. Съ этой цѣлью вечеромъ онъ подходитъ къ ея чуму и что же онъ слышитъ? „Это были два внятныя слова, тихіе жалобные звуки, словно подавленные вздохи... Приникаю ухомъ и ясно слышу сквозь тонкую стѣну юрты, какъ мужской голосъ сладострастно шепчетъ: „Има, Има", вслѣдъ которому другой голосъ, грудной женскій вторитъ: „Сабалъ"...—порывъ поцѣлуевъ сопровождаетъ эти слова"... Стоило ли ѣздить такъ далеко за такими впечатлѣніями?

А вотъ образчикъ описаній автора.

„Солнце впродолженіи всего іюльскаго дня не сходило съ неба, что еще болѣе способствовало пріятности путешествія на водѣ. Къ вечеру на смѣну ему являлся мѣсяцъ. Онъ неизмѣнно сопутствовалъ нашъ пароходъ (?). Во всѣ эти вечера и по временамъ казался такъ (?) близкимъ отъ насъ, что, думалось, стоитъ только немного подняться, чтобы коснуться его. Но его печальный и безучастный видъ вселялъ въ душу какую-то неопредѣленную и безконечную грусть". Какъ тутъ не вспомнить Тургеневскаго отзыва о русскомъ языкѣ!..

Ольга Давыдова. Изъ воспоминаній учительницы. Кіевъ, 1904.

Случайныя колебанія въ русской жизни, при всей скудости своихъ положительныхъ результатовъ, приподнимаютъ иногда то тотъ, то другой краешекъ завѣсы, оберегающей отъ взоровъ обывателя тайны того сложнаго механизма колесъ и рычаговъ, которымъ регулируется его существованіе. Такъ, недавно еще довольно высоко приподнялся тотъ край этой завѣсы, который прикрывалъ собою среднюю школу. Возникла цѣлая литература, которая раскрыла передъ нашими глазами замѣчательную картину калѣченія дѣтской души въ разнаго рода учебныхъ заведеніяхъ. И беллетристика наша ни на какой злободневный вопросъ не отзывалась такъ охотно и такъ полно, какъ именно на этотъ вопросъ о средней школѣ. Оно и понятно. Среднюю школу, если не вообще, то въ частности, мы всѣ знаемъ, и каждый изъ насъ имѣетъ что разсказать въ такую минуту, когда общественное вниманіе мобилизовано на связанныхъ съ нею вопросахъ. Небольшая книжка г-жи Давыдовой представляетъ собою не что иное, какъ одну изъ безчисленныхъ иллюстрацій къ темѣ, такъ волновавшей недавно, да, пожалуй, еще и продолжающей волновать общественное мнѣніе. Авторъ безыскусственно разсказываетъ о пережитой коллизіи юношескихъ надеждъ и намѣреній съ сухимъ и глупымъ педантизмомъ, царившимъ въ одной изъ провинціальныхъ женскихъ гимназій. Ничего ни новаго, ни чрезвычайнаго въ книжкѣ не разсказано, но именно отсутствіе чего-нибудь выходящаго изъ ряда самыхъ обыденныхъ фактовъ и отношеній заставляетъ чувствовать и сознавать драматизмъ того общаго процесса, который, съ одной стороны, безостановочно работаетъ надъ выщелащиваніемъ изъ дѣтской души самыхъ драгоцѣнныхъ свойствъ ея, а съ другой—обрекаетъ на тщетность всякую попытку, не то чтобы повернуть колесо въ другую сторону, а хотя бы замедлить или парализовать его движеніе. Разсказъ г-жи Давыдовой, это—не плодъ художественнаго творчества: ни одна страница въ немъ не производитъ впечатлѣнія выдуманнаго; и самая беллетристическая форма изложенія продиктована автору, повидимому, лишь простымъ желаніемъ держаться какъ можно ближе къ дѣйствительности. И отъ этого цѣнность разсказа несомнѣнно выиграла, придавъ ему характеръ добросовѣстнаго свидѣтельства человѣка, близко испытавшаго треніе школьнаго режима.

М. Да-Коста. Націонализмъ въ германской средней школѣ. Пер. съ французскаго С. Кондратьева. Москва. 1904.

Въ недавнихъ сужденіяхъ о реформѣ нашей средней школы занимали видное мѣсто также разговоры о необходимости сообщить ей болѣе національный характеръ. Не обошлось даже безъ нѣкоторыхъ попытокъ въ этомъ направленіи: въ программы было

введено отечествовѣдѣніе, для преподаванія котораго не оказалось ни учебниковъ, ни учителей...

Небольшая, но въ высшей степени поучительная работа французскаго педагога показываетъ, какъ достигается и чего стоитъ тотъ націонализмъ, которымъ при посредствѣ средней школы собирались возродить къ новой жизни наше космополитическое юношество россійскіе патріоты. Націонализмъ германской средней школы поистинѣ способенъ внушить почтеніе: это сила отрицательная, но это сила. Онъ имѣетъ исторію, глубоко пустилъ корни и дѣлаетъ свое дѣло съ блестящей послѣдовательностью и сознательностью. Отъ Лютера черезъ Канта, Фихте и Гербарта онъ развился въ стройную систему пріемовъ, которые имѣютъ то громадное достоинство, что они дѣйствительны. Нѣмецкая школа прежде всего патріотична. „*Во что бы то ни стало* слѣдуетъ образовывать людей, убѣжденныхъ въ своемъ духовномъ превосходствѣ, одушевляемыхъ абсолютной вѣрой въ высокое предназначеніе ихъ отечества и готовыхъ мужественно добиваться его осуществленія всюду, гдѣ представляется къ этому случай“— таковъ нѣмецкій педагогическій идеалъ. „Поэтому всѣ усилія учителя должны быть направлены къ одной цѣли: образовать общее однообразное настроеніе, съ характеромъ религіознымъ, нравственнымъ и патріотичнымъ, достигая этого постояннымъ воздѣйствіемъ въ большей степени на волю, чѣмъ на умъ“. Понятія: Германія, чувство, свобода, мораль сливаются для ученика воедино. Быть хорошимъ нѣмцемъ значитъ быть нравственнымъ; доставить торжество Германіи значитъ осуществить завѣтъ религіи; это торжество будетъ торжествомъ права, ибо его дала сила. Самая идея единаго человѣчества отходитъ на второй планъ; сообщеніе знаній и развитіе ума играетъ подчиненную роль: Германіи нужны дисциплинированныя массы исполнителей, а не мыслители, которые могутъ додуматься до чего угодно. Въ этомъ отношеніи особенно характерны приводимыя авторомъ замѣчанія профессора Рейна. Умъ можетъ столь же легко сдѣлать дурное, какъ и хорошее примѣненіе изъ усвоенныхъ учениками знаній: отсюда вытекаетъ необходимость дать ему руководство, развивая пресловутую „нравственно-религіозную“ волю. Съ другой стороны, понятіе міровой культуры—Weltkultur—слишкомъ широко: не знаешь, гдѣ его искать. Лишь „заставляя умъ ученика войти въ національную жизнь, мы дадимъ ему здоровую и легко усваиваемую пищу; поэтому весь вопросъ заключается только въ анализѣ круга нѣмецкой мысли; это единственная норма для установленія воспитывающаго обученія“.

Эта характеристика основныхъ началъ нѣмецкой педагогической системы служитъ исходнымъ пунктомъ для любопытныхъ замѣчаній, которыя французскій авторъ посвящаетъ педагогической реформѣ Вильгельма II. Въ ней видѣли нѣчто новое и идей-

ное; на самомъ дѣлѣ она закрѣпляла старое и имѣла практическія цѣли. Императоръ, „который подъ видомъ личной инціативы, въ сущности лишь еще сильнѣе склоняетъ волю народа въ томъ направленіи, по которому она уже шла сама, не преминулъ упрочить дѣло, которое начато болѣе ста лѣтъ тому назадъ"... Вильгельма II интересовала не чисто научная сторона; вопросъ о томъ, что является лучшимъ средствомъ для общаго развитія ума, естественныя науки или филологическія,—безпокоилъ его въ слабой степени. Но онъ понималъ, что замѣна древнихъ языковъ новыми—въ основу занятій коими положены тѣ же практическія цѣли,—отечествовѣдѣніемъ и гимнастикой имѣетъ опредѣленный результатъ: сосредоточеніе образованія вокругъ національныхъ традицій и созданіе дисциплинированныхъ массъ, пригодныхъ для жизненной борьбы.

Поклонникъ техники нѣмецкихъ педагоговъ, авторъ, какъ мы видѣли, не задумывается показать, какъ онъ относится къ ихъ конкретнымъ цѣлямъ. Тѣмъ цѣннѣе его указанія на одну привлекательную сторону нѣмецкой школы—ея демократизмъ. Она представляется ему „образцомъ демократической организаціи въ лучшемъ смыслѣ слова". Въ то время, какъ французская педагогическая система какъ бы предназначена для того, чтобы создавать избранниковъ, нѣмецкая приспособлена къ образованію массъ. „Въ ней царитъ, какъ между учителемъ и учениками, такъ и между самими воспитанниками, удивительный духъ единенія, солидарности, и слѣдуетъ признать, что въ этомъ смыслѣ школа вполнѣ осуществляетъ свою идеальную цѣль,—быть естественнымъ переходомъ, медленной эволюціей отъ одной тѣсной формы коллективности, отъ семьи, къ другой, болѣе широкой формѣ коллективности, къ народу или государству". Французская школа какъ бы стремится подчеркнуть естественное неравенство умовъ; она „создаетъ наряду съ экономическими конфликтами еще конфликты интеллектуальные и нравственные, которые являются источникомъ опасности, если не для общественнаго порядка, то, по крайней мѣрѣ, для общественной гармоніи". Нѣмецкая подымаетъ средній уровень и приводитъ къ солидарности разнообразные элементы государственной жизни. Нѣтъ нужды прибавлять, что при этомъ избранники остаются избранниками.

Не смотря на свою историческую устойчивость, общій характеръ нѣмецкой школы, подмѣченный авторомъ, не долженъ представляться чѣмъ-то вѣковѣчнымъ и въ будущемъ. Нѣмецкій идеализмъ принесъ также здоровыя зерна недовольства утилитарно-націоналистическимъ направленіемъ. Уже не одинъ нѣмецкій педагогъ носитъ убѣжденіе, что цѣль воспитанія есть возвышеніе ученика до степени человѣка мыслящаго и справедливаго, что для достиженія этой цѣли должно ставить предъ глазами учениковъ высшіе типы „представителей человѣчества", что народъ.

какъ бы онъ ни былъ великъ и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ своими духовными силами, не хранитъ ихъ всѣхъ въ своихъ нѣдрахъ... Школа должна стать не внѣнаціональной, но сверхъ-національной,—мы рѣшились бы сказать: космополитической, если бы это прекрасное и благородное въ своей этимологіи слово не было извращено современнымъ духовнымъ сумбуромъ.

Два вывода для русской школьной политики позволяютъ сдѣлать наблюденія и соображенія французскаго педагога: ясно, во-первыхъ, что національзма, подобнаго нѣмецкому, мы въ своей школѣ не добьемся; его создаютъ силы, болѣе могущественныя, чѣмъ программы и циркуляры. Несомнѣнно, во-вторыхъ, что его добиваться и не слѣдуетъ. Подобно средневѣковому волшебнику, современная Германія отдаетъ за молодость и физическую силу свою душу. Лишь культъ силы могъ привести къ мысли послѣдовать ея примѣру.

С. Кузминъ. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. Спб. 1904.

Заглавіе книги г. Кузмина несовсѣмъ точное. Въ самомъ дѣлѣ, какъ отнести къ передовымъ людямъ Меттерниха, де-Мэстра или Каткова? Между тѣмъ и ихъ мысли г. Кузминъ включилъ въ свою книгу. Намъ понятно, впрочемъ, затрудненіе составителя: употребить обычный въ такихъ случаяхъ терминъ „знаменитые люди" онъ не могъ, ибо гг. Симсонъ („русскій юристъ XIX—XX в."), Сухотинъ, Войде („русскіе генералы XIX — XX в."), Цинуцци („командиръ аркебузировъ") и цѣлый рядъ другихъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ, ничѣмъ особеннымъ себя въ большой публикѣ не прославили и сбыть ихъ читателю съ этикеткой „знаменитые" было бы, пожалуй, еще труднѣе. Это просто мысли людей всякаго рода и званія и при томъ къ войнѣ имѣющія подчасъ лишь очень отдаленное отношеніе. Взять хотя бы изреченіе Хомякова, помѣщенное на 66 страницѣ: „Богъ движетъ человѣчество". Съ неменьшимъ правомъ оно могло бы, конечно, фигурировать и во всякомъ другомъ сборникѣ афоризмовъ. Въ отдѣлѣ „опредѣленіе войны" мы встрѣчаемъ изреченіе Сенеки: „жизнь—та же война". Если это опредѣленіе, то, конечно, не войны, а жизни... Многія облюбованныя г. Кузминымъ мысли поражаютъ при этомъ своею полною безсодержательностью. „Хотя война—изрекъ въ XVI в. Цинуцци—влечетъ за собою много тяжелыхъ и угнетающихъ послѣдствій, но если относиться къ ней безпристрастно, ей всетаки должно отдать справедливость въ томъ, что за ней слѣдуетъ достойный и желаемый конецъ—миръ и человѣческое преуспѣяніе". Ради этого едва ли стоило тревожить тѣнь „командира аркебузировъ". Такого рода афоризмовъ составителемъ достаточно много набрано и у г-на Мартенса...

Понадерганныя какъ попало, „мнѣнія" преподнесены затѣмъ

читателю въ самомъ безпорядочномъ видѣ. Маккіавели, Лассаль, Ничше, Рюстовъ, Трейчке, Владиміръ Соловьевъ, Руссо, Гераклитъ, Максъ Егусъ, Лебонъ, Блунчли, Мольтке, Прудонъ, императоръ Николай I... вотъ порядокъ, въ какомъ обычно слѣдуютъ у г. Кузмина „передовые люди“,—люди разныхъ эпохъ, разныхъ профессій, разныхъ настроеній. Перемѣшаны не только люди, но и ихъ мысли,—мысли о войнѣ международной и гражданской, гимны ей и проклятія. Впрочемъ, это сдѣлано, быть можетъ, преднамѣренно. Взявъ эпиграфомъ для своей книги изреченіе Данилевскаго: „война—великая тайна“, составитель желалъ, повидимому, увѣрить въ этомъ и читателя.

Въ венигретѣ, изготовленномъ г. Кузминымъ, встрѣчаются, однако, и любопытныя вещи.

„Имперія—провозгласилъ Наполеонъ III—это миръ“. Исторія судила, однако, иначе. Доведя Францію до разгрома, имперія и сама, какъ извѣстно, „отъ меча“ погибла. Будучи молодымъ человѣкомъ, Мольтке писалъ: „мы признаемъ себя открыто сторонниками идеи вѣчнаго мира...“ „Возможна ли — спрашивалъ онъ тогда же — въ наше время война изъ-за испанскаго наслѣдства, изъ-за beaux yeux de Madame?“ Сдѣлавшись, однако, фельдмаршаломъ, онъ радикально измѣнилъ свое мнѣніе. „Миръ — говорилъ онъ своимъ бывшимъ товарищамъ — есть мечта и отнюдь не пріятная“. Любопытно при этомъ, что и фельдмаршаломъ-то онъ сдѣлался въ войнѣ, ближайшимъ поводомъ для которой послужила кандидатура Гогенцолерна именно на испанскій престолъ. На страницѣ 237 мы встрѣчаемъ такія патетическія строки:

Стыдъ и позоръ на ваши головы, поэты войны, рисующіе эту злобную гарпію—дивной красавицей; изъ всѣхъ лжецовъ—вы сами ненавистные, изъ всѣхъ сказочниковъ—вы самые гнусные! Стыдъ и позоръ!

Кто бы могъ подумать, что эти строки написаны когда-то краснорѣчивымъ поэтомъ современной войны—В. И. Немировичемъ-Данченко. Ничего таинственнаго во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ. И если гр. Мольтке утверждаетъ, что „война—это составная часть Богомъ установленнаго міровогo порядка“, что „война—священна“, что „война — божественное учрежденіе, одинъ изъ священнѣйшихъ законовъ міра“, то... мы можемъ, пожалуй, согласиться. Да, война такъ же священна, какъ и фельдмаршальство самого Мольтке; послѣднее вѣдь тоже „составная часть Богомъ установленнаго міровогo порядка“.

Въ этомъ „порядкѣ“, конечно, и заключается вся „тайна“. „Для войны—говоритъ Гюго—бываютъ разные предлоги; причина же у нихъ одна: армія... Уберите армію и вы уничтожите войну.“ Дѣло, конечно, не только въ арміи, но и въ томъ строѣ, въ которомъ, по выраженію Драгомирова, „за судьей стоитъ полицейскій, за полицейскимъ—солдатъ.“ Если положеніе судьи не

прочно, то полицейскій, а за нимъ и солдатъ легко могутъ оказаться на первомъ планѣ, а такое размѣщеніе правящихъ фигуръ неизбѣжно приводитъ къ войнѣ или смутѣ. Въ народной жизни противъ этого уже есть средство—„гарантіи", но въ сферѣ международныхъ отношеній до „правового порядка" люди еще не додумались...

Правильнѣе сказать, не дожили. „Всѣ цари, кромѣ китайскаго,—говоритъ Толстой,—носятъ военный мундиръ." Это, конечно, не случайность и не капризъ, а историческая традиція. Первоначальнымъ источникомъ власти была физическая сила, для нея же война—ultima ratio. „На войнѣ нѣтъ другого права, кромѣ силы" (Верже). Въ войнахъ сказывается, однако, не только традиція, но иногда и сознательный разсчетъ. Маккіавели со свойственнымъ ему цинизмомъ училъ:

Война во всѣхъ ея отправленіяхъ есть единственный предметъ, которому правитель долженъ посвящать свои мысли и заботы, сдѣлать его своимъ призваніемъ. Это настоящее занятіе для того, кто хочетъ править; оно укрѣпляетъ за нимъ тронъ...

Прежніе правители и относились къ войнѣ, какъ къ главному своему занятію. Ихъ мнѣнія о ней были чужды какихъ-либо рефлексовъ. „Война—говорилъ Густавъ Адольфъ—есть война, а солдатъ—не монахиня." Мнѣнія позднѣйшихъ правителей представляются уже значительно осложненными. Мы видѣли, что Наполеонъ III имперію и миръ объявилъ синонимами. Даже Наполеонъ I, залившій землю кровью, считалъ себя носителемъ идеи мира: „сколько крови—вздыхалъ онъ—въ будущемъ будетъ пролито для достиженія мира, который я хотѣлъ даровать человѣчеству".

Кто въ настоящее время—восклицаетъ императоръ Францъ-Іосифъ—можетъ желать войны,—никто! Не можетъ быть никого, кто бы питалъ столь пагубное желаніе, по крайней мѣрѣ, я не думаю. Не знаю, кѣмъ было сказано, будто войны всегда являлись результатомъ желаній самихъ народовъ, которые навязывали ихъ своимъ миролюбиво настроеннымъ правительствамъ. Такое мнѣніе, очевидно, не согласно съ истиной.

Войны, однако, продолжаются. И онѣ, конечно, будутъ до тѣхъ поръ, пока есть право, опирающееся на физическую силу.

Послѣдняя въ наши дни является, однако, далеко не единственнымъ источникомъ власти. Съ нимъ успѣшно конкуррируетъ богатство, проявляющее свою силу въ формѣ экономической эксплуатаціи. Когда-то казалось, — а нѣкоторые и по сей день думаютъ,—что въ развитіи промышленности и торговли заключается лучшая гарантія мира. Возможность для правящихъ классовъ удовлетворять свои аппетиты за счетъ согражданъ, несомнѣнно, ослабила у нихъ на нѣкоторое время страсть къ завоеваніямъ. Международныхъ войнъ, быть можетъ, стало меньше, но за то сдѣлались неизбѣжными гражданскія.

Первый, — говоритъ Руссо, — кто, оградивши участокъ земли, вздумалъ сказать: это мое, и нашелъ людей довольно глупыхъ, чтобы ему повѣрить, былъ истиннымъ виновникомъ гражданскаго междуусобія. Отъ скольких преступленій, войнъ, убійствъ, отъ скольких бѣдствій и ужасовъ избавилъ бы человѣчество тотъ, кто, выдернувъ колья и закопавши ровъ, кликнулъ бы себѣ подобнымъ: смотрите, не слушайтесь этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земные принадлежатъ всѣмъ, а земля никому!

Этотъ голосъ уже слышенъ, но — рвы и колья все еще остаются...

Аппетиты наростаютъ, однако, быстро и ихъ не могутъ удовлетворить эксплуатируемые все въ большей и большей массѣ согражданe. Уже Адамъ Смитъ указалъ, что

торговля, которая должна бы связывать, какъ народы, такъ и отдѣльныя лица союзомъ и дружбою, стала неизсякаемымъ источникомъ разногласія и вражды. Своенравное честолюбіе государей и министровъ не было такъ пагубно для благоденствія Европы, какъ безразсудная зависть торговцевъ и промышленниковъ.

Въ результатѣ оказывается,—писалъ Достоевскій,—

„что буржуазный долгій миръ всетаки, въ концѣ концовъ, всегда почти зарождаетъ самъ потребность войны, выноситъ ее самъ изъ себя, какъ жалкое слѣдствіе, но уже не изъ-за великой и справедливой цѣли, достойной великой націи, а изъ-за какихъ-нибудь жалкихъ биржевыхъ интересовъ, изъ-за новыхъ рынковъ, нужныхъ эксплуататорамъ, изъ-за пріобрѣтенія новыхъ работъ, необходимыхъ обладателямъ золотыхъ мѣшковъ,—словомъ, изъ-за причинъ, неоправдываемыхъ даже потребностью самосохраненія“...

Мы живемъ какъ разъ въ моментъ развитія этого промышленнаго „имперіализма“, и въ наши дни болѣе, чѣмъ когда либо, представляется очевидной справедливость мысли, высказанной Прудономъ, что „война не можетъ быть иною, какъ войною за эксплуатацію“. Въ перспективѣ, казалось бы, уже виднѣется новый періодъ безконечныхъ войнъ...

Къ счастью для человѣчества, въ его исторіи уже явственно обозначались иные пути и на общественной аренѣ появились уже новыя силы.

Давая—по выраженію Толстого—тому, кто больше убилъ народа, большую награду, власть, опиравшаяся на физическую силу, сама себѣ создала конкуррента въ лицѣ богатства. Еще серьезнѣе новый факторъ, который уже началъ вліять на исторію. Открылся новый источникъ власти — сила мнѣнія, намѣтился совершенно новый строй жизни — демократія. „Воинственный духъ—говоритъ Ренанъ—живетъ только въ солдатахъ по ремеслу... Демократія не понимаетъ военной чести“. Миролюбіе современныхъ правительствъ, о которомъ мы говорили выше, это своего рода уступка передъ общественнымъ мнѣніемъ, съ которымъ нельзя уже не считаться. Въ пробуждающемся самосознаніи народныхъ массъ торгаши и промышленники почувствовали не-

преодолимую преграду для наростанія своихъ аппетитовъ. Чтобы обойти эту преграду, они и стараются увлечь массы новымъ имперіализмомъ.

„Истинная причина войны—говоритъ Рише—это невѣдѣніе: оно причина того, что бѣдный народъ не умѣетъ отличать своихъ друзей отъ своихъ враговъ". Но эта причина не вѣчная. „Время великихъ убійствъ, по мнѣнію Гюго, уже прошло... Пушечное мясо стало размышлять, и ему уже не льститъ роль приносимыхъ жертвъ". „Дни царства желѣзныхъ людей, отжившихъ остатковъ прошлыхъ вѣковъ—говоритъ Ренанъ—уже сочтены демократіей".

Сочтены, но еще не кончились... Въ этомъ—повторяемъ—только и заключается та „великая тайна", въ которой г. Кузминъ старается увѣрить своихъ читателей.

Д-ръ О. Франке. Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ. Харьковъ. 1904.

Эта брошюра представляетъ собою переводъ доклада, прочитаннаго въ началѣ текущаго года д-ромъ Франке въ берлинскомъ отдѣленіи германскаго колоніальнаго общества. Спеціально германская точка зрѣнія, особенно отчетливо проведенная въ заключительной части доклада, не лишаетъ брошюру интереса и для русскаго читателя, вовлеченнаго происходящими событіями въ судьбы Дальняго Востока. Д-ръ Франке старается совершенно объективно оцѣнить идейныя стремленія китайскаго ума, и если эта задача остается далеко не выполненною, благодаря краткости доклада, то все же авторомъ приведены убѣдительные аргументы для обрисовки направленія прогрессивно мыслящей части китайскаго народа. Для насъ любопытно и поучительно то, что реформатскія идеи, волнующія китайскихъ патріотовъ, по существу своему являются тѣми же идеями, которыя направляютъ стремленія ихъ европейскихъ собратьевъ. Китайская культура изъ современныхъ не-европейскихъ культуръ представляется, пожалуй, наиболѣе самобытною, и, тѣмъ не менѣе, выходъ къ свѣту китайскіе реформаторы видятъ тамъ же, гдѣ видѣла его Западная Европа сто лѣтъ назадъ. Участіе въ управленіи страною самого населенія, взамѣнъ всевластія централизованной бюрократіи, представляется имъ основнымъ залогомъ политическаго возрожденія страны. „Пусть ваше величество,—говоритъ извѣстный китайскій прогрессистъ Канъ-ю-вей, обращаясь въ своей запискѣ къ богдыхану,—попроситъ совѣта у народа, чтобы слово повелителя проникло повсюду; пусть каждый въ государствѣ обязанъ будетъ подать свое мнѣніе для того, чтобы страна окрѣпла и реформы начались. Государственные вопросы должны быть переданы на обсужденіе государству". Канъ-ю-вей не рекомен-

дуетъ опредѣленныхъ формъ „обсужденія государствомъ государственныхъ вопросовъ", но важны въ данномъ случаѣ не формы, а принципъ, и послѣдній ничѣмъ не отличается отъ принципа государственнаго управленія европейскаго Запада. Судя по брошюрѣ Франке, среди китайскихъ прогрессистовъ нѣтъ людей, которые мечтали бы возродить страну на какихъ-либо самобытныхъ основахъ политическаго строя: то „рѣшеніе, которое дано западною Европой, остается въ ихъ глазахъ единственнымъ для всякаго человѣческаго общества, будь то на Дальнемъ Востокѣ или въ какой-нибудь другой части земного шара. Китайскій патріотъ, убѣжденный въ непригодности политической конструкціи своего отечества, смѣло обращаетъ взоры на Западъ и тамъ находитъ рѣшеніе мучающаго его вопроса. То же самое имѣетъ мѣсто и въ области вопросовъ соціальныхъ: и здѣсь идеалы, выработанные европейскою мыслью, представляются для китайскихъ прогрессистовъ лучшимъ рѣшеніемъ соціальной проблемы. „Одинъ изъ обвиняемыхъ", говоритъ Франке: „предсталъ въ началѣ декабря передъ судомъ въ Шанхаѣ. „Я желаю распространить соціализмъ въ Китаѣ",—заявилъ девятнадцатилѣтній юноша,—„я хотѣлъ стать для Китая тѣмъ, чѣмъ былъ Руссо для Франціи".

Проблема этическая меньше волнуетъ китайскихъ прогрессистовъ, чѣмъ проблемы политическая и соціальная: они ставятъ исходной точкою для рѣшенія этой проблемы свою національную религію—конфуціанство, и въ этомъ главнымъ образомъ заключается тотъ „консерватизмъ", который отмѣчаетъ въ нихъ авторъ брошюры. Разумѣется, такой консерватизмъ надо признать весьма относительнымъ. Китайскіе реформаторы считаютъ, что конфуціанство достаточно удовлетворяетъ современное человѣчество въ разрѣшеніи этическихъ вопросовъ, поскольку въ разрѣшеніи ихъ можно опираться на религію, и не считаютъ поэтому нужнымъ отъ добра искать добра.

Повторяемъ, что лежащая передъ нами брошюра далеко не исчерпываетъ вопроса, и главный недостатокъ ея заключается въ томъ, что въ ней содержится слишкомъ мало указаній для характеристики той почвы, на которой возникло стремленіе китайскихъ реформаторовъ къ заимствованію европейскихъ формъ политическаго и соціальнаго быта. Тѣмъ не менѣе, брошюра эта даетъ не лишенный интереса матеріалъ къ пониманію точки зрѣнія прогрессивно мыслящаго китайца на взаимоотношенія между Востокомъ и Западомъ.

Труды коммиссіи по изученію маляріи въ Россіи. Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. М. Вып. I. 1903 Вып. II 1904.

Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова за два десятилѣтія своего существованія обнаруживаетъ неустанную дѣ-

ятельность и неуклонно стремится къ поставленной въ уставѣ его цѣли—научно-практической разработкѣ врачебныхъ и санитарныхъ вопросовъ. Состоя въ обычное, „межсъѣздовое“ время только изъ состава правленія и немногочисленныхъ постоянныхъ членовъ, общество это развертывается въ широкую всероссійскую врачебную организацію въ періоды такъ называемыхъ пироговскихъ съѣздовъ. Согласно указаніямъ опыта, для болѣе обстоятельной разработки нѣкоторыхъ научныхъ или практическихъ вопросовъ, не могущихъ быть разрѣшенными въ горячее время съѣздовъ, при обществѣ образовываются постоянныя или временныя коммиссіи. Таковы: коммиссія по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ, коммиссія по вопросамъ призрѣнія подкидышей, постоянная комиссія по изученію туберкулеза и, наконецъ, коммиссія по изученію маляріи въ Россіи, труды которой лежатъ теперь передъ нами.

Изучить малярію въ Россіи задача столь же трудная, какъ „измѣрить океанъ глубокій, сочесть пески, лучи планетъ“. Работа коммиссіи Пироговскаго общества представляется первымъ серьезнымъ шагомъ въ эту мало, вѣрнѣй сказать, почти совсѣмъ не изслѣдованную область. Коммиссіи пришлось прежде всего принять положеніе, что степень распространенія маляріи въ Россіи величина, нисколько не установленная точно. Въ мѣстностяхъ, наиболѣе страдающихъ отъ этой болѣзни, нѣтъ совершенно никакой медико-статистической или санитарной организаціи. Извѣстно, что на Кавказѣ, въ Крыму и въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ малярія распространена сильно, но сколько приблизительно бываетъ заболѣваній въ извѣстномъ раіонѣ, гдѣ именно находятся эти наиболѣе губительные раіоны, какъ отражается на здоровьѣ обывателей малярія — все это вопросы, не имѣющіе отвѣта. Въ выборѣ мѣстности для изученія маляріи и мѣръ борьбы съ ней коммиссія остановилась на Воронежской губерніи и на Кавказѣ. Первая по степени распространенія маляріи была взята, какъ средняя типичная губернія для приволжской и южной полосы Россіи, а Кавказъ, какъ издревле классическая малярійная мѣстность. Кромѣ того, и Воронежская губернія, и Закавказская желѣзная дорога, которую коммиссія избрала мѣстомъ своей дѣятельности на Кавказѣ, были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изслѣдованы раньше съ точки зрѣнія заболѣваемости маляріей. Работы обѣихъ экспедицій—воронежской и кавказской,—производившіяся весной, лѣтомъ и осенью 1903 года, вполнѣ установили наличность огромной заболѣваемости маляріей въ малярійныхъ мѣстностяхъ. На Кавказѣ эта заболѣваемость доходитъ мѣстами до 150% и выше. При постройкѣ Дербентской вѣтви Владикавказской желѣзной дороги нерѣдки были случаи, когда всѣ рабочіе разбѣгались съ построекъ въ паническомъ ужасѣ передъ страшной въ этихъ мѣстахъ болѣзнью, иногда въ 2—3 дня уносящей

свою жертву. Встрѣчаются также случаи вымиранія цѣлыхъ поселковъ и ауловъ. Работами коммиссіи подтверждена, между прочимъ, и вѣрность такъ называемой комариной теоріи лихорадки, теоріи, все еще продолжающей возбуждать сомнѣнія, какъ среди публики, такъ и среди врачей. Въ малярійныхъ мѣстностяхъ, гдѣ принимаются предохранительныя мѣры противъ комариныхъ укусовъ, повидимому, перестали сомнѣваться въ роли комаровъ, какъ передатчиковъ малярін. Попутно въ работахъ экспедицій выяснялись вопросы и болѣе широкаго значенія. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ необходимость реорганизаціи врачебной части на Кавказѣ по типу земскихъ учрежденій 1864 года. На это въ свое время указывалось уже неоднократно со стороны мѣстныхъ медицинскихъ организацій: кутаисскаго медицинскаго общества, второго съѣзда кавказскихъ врачей и императорскаго кавказскаго медицинскаго общества. Необходимость эта возникаетъ не только по отношенію къ Кавказу, но существенно важна и по отношенію ко внутреннимъ губерніямъ Россіи, такъ какъ масса лицъ, бывающихъ на Кавказѣ (рабочіе, служащіе, военные, больные, туристы) и заразившихся тамъ лихорадкой, возвращаясь на родину, поддерживаютъ и усиливаютъ заболѣваемость маляріей въ Россіи, которая въ южныхъ и среднихъ губерніяхъ представляетъ благопріятныя условія для распространенія этой болѣзни. То же, что сказано о Кавказѣ, одинаково приложимо и къ средне-азіатскимъ владѣніямъ.

Работы экспедиціи на ст. Евлахѣ Закавказской желѣзной дороги совершались безъ особыхъ приключеній. Воронежской же экспедиціи, работавшей подъ Воронежемъ въ с. Отрожкахъ и на ст. Раздѣльной Юго-Восточной ж. д., пришлось въ своей дѣятельности сталкиваться съ явленіями необычными вообще, но на русскій ладъ не выходящими изъ предѣловъ нормы. „Появленіе въ деревнѣ врачей, отыскивающихъ лихорадочныхъ больныхъ и берущихъ для изслѣдованія кровь изъ пальца, породило не мало толковъ и было объяснено, какъ знаменіе близкой кончины міра; членовъ экспедиціи одни считали за антихристовъ, берущихъ кровь, чему полагается быть передъ концомъ свѣта; другіе считали насъ вышедшими изъ воды, а фельдшера, котораго всѣ хорошо знали, признавали не за него, а такъ за кого-то, принявшаго его обликъ и т. д.“ Другой фактъ. Экспедиція хотѣла произвести опытъ борьбы съ маляріей въ одномъ изъ благотворительныхъ пріютовъ, построенномъ, какъ нарочно, въ малярійной мѣстности. Казалось бы, какой грѣхъ полѣчить и предохранить отъ заболѣваній несчастныхъ ребятишекъ. Начальство, однако, нашло это невозможнымъ, и почтенные изслѣдователи должны были изъ пріюта ретироваться. Не разъ приходилось изслѣдователямъ встрѣтиться и съ такими, наводящими на грустныя размышленія, фактами. На вопросъ, почему мать не привела къ

намъ больного ребенка, измученнаго лихорадкой, мы получали отвѣтъ: „думала, что помретъ, а то вонъ у меня ихъ пятеро, а Богъ никого изъ нихъ не прибираетъ, и всѣ, какъ на зло, живутъ, а достатокъ видите какой!“

Будучи трудомъ спеціально медицинскимъ, „Труды“ малярійной коммиссіи могутъ быть, однако, съ интересомъ прочтены всякимъ, интересующимся положеніемъ народнаго здравія въ Россіи и желающимъ познакомиться съ современнымъ положеніемъ вопроса о такой распространенной болѣзни, какъ малярія. Жаль только, что въ изданіе не включены, хотя бы въ рефератахъ, многія интересныя сообщенія, сдѣланныя въ засѣданіяхъ коммиссіи (В. В. Фавра, А. И. Шингарева, А. И. Скибневскаго, Н. М. Берестнева, Г. Н. Габричевскаго и др.).

Сборникъ отзывовъ о книгахъ для чтенія коммиссіи безплатныхъ читаленъ-библіотекъ Московскаго Столичнаго Попечительства о народной трезвости. Выпускъ I. Подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова, проф. И. Х. Озерова, проф. А. Н. Реформатскаго, М. А. Сабашникова, Н. В. Тулупова и Г. Н. Шмелева. М. 1904. Цѣна 60-коп.

Этотъ сборникъ содержитъ въ себѣ отзывы о тѣхъ же книгахъ, которыя указаны въ разобранномъ нами въ іюньской книжкѣ „Р. Б.“ „Толковомъ Указателѣ книгъ для чтенія“ изданія Московскаго Попечительства о народной трезвости. Разница между „Сборникомъ“ и „Указателемъ“ та, что послѣдній предназначается для руководства самимъ читателямъ, а „Сборникъ“ долженъ, повидимому, быть пособіемъ для лицъ, руководящихъ чтеніемъ. Разница эта, однако, весьма несущественна. Отзывы „Сборника“ и „Указателя“ сходятся между собой очень близко, и намъ кажется, что при существованіи „Указателя“ изданіе „Сборника“ является извѣстнаго рода роскошью. Годна та или другая книга для народнаго чтенія—по мнѣнію коммиссіи, по крайней мѣрѣ,—видно и изъ „Указателя“, а добавленія „Сборника“, на какой она напечатана бумагѣ и четкимъ или не четкимъ шрифтомъ, полезны развѣ только „для свѣдѣнія“. Нельзя же, напр., отказаться отъ пріобрѣтенія въ народную библіотеку книги только на томъ основаніи, что она напечатана на просвѣчивающей бумагѣ. Позднѣе вышедшій изъ печати „Сборникъ“ содержитъ, однако, указанія на меньшее (приблизительно втрое) количество книгъ, чѣмъ „Указатель“. Вообще говоря для лица, имѣющаго въ рукахъ „Указатель“, „Сборникъ“ совсѣмъ лишній, обратнаго же сказать нельзя.

Что касается самыхъ отзывовъ о книгахъ, то о нихъ можно сказать, что они въ большинствѣ составлены удовлетворительно для своей цѣли: руководящій чтеніемъ, давая читателю ту или иную книгу, справившись по „Сборнику“, легко можетъ судить объ ея достоинствахъ и доступности ея пониманію извѣстнаго чита-

теля. Другое дѣло самый подборъ книгъ, о которыхъ даны отзывы. Подборъ этотъ, какъ и въ „Указателѣ“, былъ случайнымъ и обусловливался тѣмъ матеріаломъ, который находился въ читальняхъ-библіотекахъ московскаго попечительства. Благодаря этому въ отдѣлѣ беллетристики изъ Гоголя упоминаются только: „Шинель“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Носъ“, „Коляска“ и „Женитьба“. Пушкина совсѣмъ нѣтъ. Изъ Л. Толстого приведены только заглавія двухъ разсказовъ: „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“ и „Три смерти“, — отзывовъ о нихъ нѣтъ. Сочиненія Ф. Купера (одного изъ немногихъ авторовъ, которые не упоминаются въ „Указателѣ“) осуждены рецензентомъ сперва всѣ вообще, а потомъ каждый отдѣльный романъ въ частности.

Въ интересномъ предисловіи, написанномъ М. А. Сабашниковой, изложены любопытныя наблюденія надъ читателями изъ народа. Авторъ сѣтуетъ, между прочимъ, и на пресловутый „Каталогъ книгъ, одобренныхъ для безплатныхъ библіотекъ-читаленъ“, который, какъ жерновъ осельный, виситъ на выѣ всякаго устроителя народной библіотеки и является громаднѣйшимъ тормазомъ въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія народа. „Уже и въ первый годъ дѣятельнос тичиталень,—говоритъ г-жа Сабашникова,—видно было, что спросъ читателей на книги по различнымъ отраслямъ знанія каталогомъ книгъ, одобренныхъ М. Н. П., не удовлетворяется. Частію книги эти недоступны пониманію читателей, частію не отвѣчаютъ интересамъ народа. А между тѣмъ, читальня только тогда можетъ имѣть значеніе, какъ образовательное учрежденіе, когда не только внѣшнимъ образомъ удовлетворяетъ читателя, выдавая книгу, а когда она удовлетворяетъ спросъ именно той книгой, которая отвѣчаетъ умственнымъ и душевнымъ запросамъ его“ (стр. 11). Съ такимъ мнѣніемъ безусловно согласятся всѣ, кому приходилось имѣть дѣло съ „Каталогомъ книгъ, одобренныхъ и пр.“ и видѣть его убійственное дѣйствіе на практикѣ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сочиненія ***А. А. Потѣхина***. Т. 1—5-й. Книгоиздательство т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1904. Ц. 1 р. (за каждый томъ).

Полное собраніе сочиненій ***С. Г. Фруга***. Т. 2-й. Изд. журнала „Еврейская жизнь". Спб. 1904. Ц. 8 р. 50 к. (за 6 томовъ).

Марія Мора. Confetti. Варшава. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Василій Ив. Ивановъ. На память о русско-японской войнѣ. Стихотворенія. Харьковъ. 1904. Ц. 40 к.

Н. И. Позняковъ. Соловьиный садъ и другіе разсказы. Изд. второе. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Е. Б. Бохаревъ. Стихотворенія. Томскъ. 1904. Ц. 40 к.

Т. Козановъ. Отецъ и сынъ и др. разсказы. Варшава. 1904. Ц. 1 р.

Разсказы ***Вазова***. Переводъ и вступительная статья ***Андрея Сиротинина***. Спб. 1904. Ц. 90 к.

Анна Догановичъ. Наканунѣ службы (изъ записокъ фельдшерицы). М. 1904. Ц. 1 р.

Творенія ***Платона***. Федръ. Переводъ съ введеніемъ и примѣчаніями. ***Н. Мурашова***. М. 1904. Ц. 75 к.

М. Метерлинкъ. Мудрость и судьба. Переводъ Н. Михайловской. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Сергѣй Булгаковъ. О реалистическомъ міровоззрѣніи (оттискъ изъ „Вопросовъ Философіи и Психологіи". 1904, III).

Н. Н. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. Изд. редакціи журнала „Научное Слово". М. 1904

Евгеній Елагичъ. Происхожденіе видовъ и дарвинизмъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Д-ръ Альбертъ Моллъ. Врачебная этика. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ В. Вересаева. Изд. магаз. „Книжное Дѣло". М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Куно Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. Переводъ съ англійскаго ***П. Батина***. Книгоиздат. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. ***В. Бузескула***. Изд. второе. Харьковъ. 1904. Ц. 3 р.

С. Ловинскій. Исторія второй французской республики. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Кіевъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Э. Пименова. Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 2 р.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. Книгоизд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Н. А. Рожковъ. Городъ и деревня въ русской исторіи. Изд. второе. М. 1904. Ц. 40 к.

А. Берло. Арсеній Берло, епископъ Переяславскій и Бориспольскій. Біограф. очеркъ. Кіевъ. 1904.

Н. Новомбергскій. Черты врачебной практики въ Московской Руси. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Н. Е. Ончуковъ. Новыя былины изъ записей на Печорѣ. Спб. 1904.

Профессоръ - идеалистъ. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти П. С. Климентова. Сборникъ статей ***П. С. Климентова***. Изд. З. Н. Климентовой. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Докучаевъ. Изданіе журнала „Почвовѣдѣніе". Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Н. Карповъ. Погибъ талантъ. Очеркъ памяти В. В. Верещагина. Спб. 1904. Ц. 30 к.

В. Желѣзновъ. Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы. Кіевъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

I. Шмеле. Соціалъ-демократическіе профессіональные союзы въ Германіи Перев. съ нѣмецк. Н. Давидсона, подъ ред. ***С. Н. Прокоповича***. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Н. Ф. Лучинскій. Основы тюремнаго дѣла. Изд. ред. журнала „Тюремный Вѣстникъ". Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

О преподаваніи русской литературы. Сочиненіе ***В. Я. Стоюнина***. Изд. шестое. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Дидактика, какъ теорія образованія

въ ея отношеніяхъ къ соціологіи и исторіи образованія. ***Отто Вилъмана***. Перев. съ нѣмецкаго ***А. Дружинина***. Т. 1-й. (Педагогическая библіотека, издав. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ). М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Программа чтенія для самообразованія. Изд. отдѣа для содѣйствія самообразованію при комитетѣ Педагогич. музея. В. 4. Четвертое изд. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Коммиссія по организаціи домашняго чтенія. Эпизодическія программы. Серія II. М. 1904. Ц. 15 к.

Н. Ромковъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Изд. второе. М. 1904. Ц. 60 к.

Географическій атласъ т-ва „Просвѣщеніе", подъ ред. ***С. Н. Никитина***. Вып. 1-й. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Н. А. Извольскій. Ариѳметика. Часть II. Курсъ II и III классовъ. М. 1904. Ц. 60 к.

В. Чернышевъ. Письма о старой и новой орѳографіи. I—IV. Спб. 1904. Ц. 20 к.

В. В. Тихомировъ. Новая русская народная азбука. Вильна. 1904. Ц. 25 к.

В. Г. Егоровъ. Повѣсти и разсказы изъ русскихъ писаталей и сцены для домашняго, народнаго и школьнаго театра. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Сборникъ стихотвореній и отрывковъ прозы изъ всемірной литературы „Человѣческая трагикомедія" въ трехъ частяхъ. Часть третья. Составилъ ***М. С. Ломшаковъ***. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Новыя сочиненія 1904 (изданіе и редакція ***I. Ясинскаго***) №№ 7—9. ***М. Гендри Уордъ***. Хельбекъ изъ Бенделя. Перев. съ англ. ***М. Н. Дубровиной*** № 10 ***Р. Стивенсонъ***. Разсказы. Перев. съ англ. ***М. Н. Дубровиной***. Спб. 1904. Ц. 30 к. (за каждую книжку).

„Библіотека для семьи и школы". Старая трубка. Разсказъ изъ военнаго быта ***Л. М. Медвѣдева***. М. 1904. Ц. 25 к.

Библіотека земледѣльца. № 12. ***Н. Н. Радошновъ***. Огородъ. Часть I. Общее огородничество. 2-ое изд. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Н. П. Дружининъ. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Изд. третье. Ц. 60 к.

Н. А. Скворцовъ. Въ царствѣ животныхъ. Популярные очерки по зоологіи. М. 1904. Ц. 25 к.

Общеобразовательная библіотека (книгоизд. П. А. Гершунина и К°). ***Э.*** и ***О. Реклю***. Срединная Имперія. Перев. съ франц. ***О. Косаговской***. Спб. 1904. Ц. 90 к.

Е. Чижовъ. Звѣздные вечера. Первое знакомство со звѣздами и созвѣздіями. М. 1904. Ц. 25 к.—Желѣзное царство. Разсказы про старое и новое время. М. 1903. Ц. 30 к.—Стекло. Разсказы про старое и новое время. М. 1904. Ц. 25 к.—Природа и жизнь въ жаркихъ странахъ. М. 1904. Ц. 20 к.—Мой микроскопъ. М. 1904. Ц. 15 к.—Великіе люди изъ простого званія: Ливингстонъ, знаменитый путешественникъ по Африкѣ. М. 1904. Ц. 15 к.—Стефенсонъ, изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ. М. 1903. Ц. 5 к.—Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ. М. 1903. Ц. 5 к.—Уаттъ, изобрѣтатель паровыхъ машинъ. М. 1903. Ц. 5 к (Изданія Е. И. Чижова).

Для школъ и домашняго чтенія (изд. магазина „Книжное Дѣло"). ***Е. Волкова***. Горе матери—посадницы. Изъ двинскихъ и новгородскихъ преданій. М. 1903. Ц. 20 к. — ***А. Курочкинъ***. Изъ жизни растеній. Выпускъ II. М. 1904. Ц. 30 к.

Вильямъ Шекспиръ. Отелло. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы ***И. И. Иванова*** (Приложеніе къ журналу „Дѣтское Чтеніе"). М. 1904. Ц. 20 к.

Изданія книжнаго магазина П. Д. Путиловой. Редакція ***П. М. Шестакова***. Книги и журналы для чтенія учащихся въ средней школѣ. Часть первая. М. 1904. Ц. 20 к. — Списокъ книгъ и період. изданій, разрѣшенныхъ М. Н. Пр., въ первую половину 1904 г. для низшихъ учебн. завед., народн. библіот. и для публичныхъ народныхъ чтеній. М. 1904. Ц. 10 к.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной коммиссіи Кіевскаго о-ва грамоты о книгахъ для народнаго чтенія. Выпускъ второй. Кіевъ. 1904. Ц. 40 к.

Краткій указатель литературы по крестьянскому вопросу (составленъ комисс. по устройству отдѣла имени Г. И. Успенскаго при Тульской обществ. библ.). Тула. 1904. Ц. 20 к.

Русское Общество дѣятелей печатнаго дѣла. Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1899 г. подъ общею редакціей ***М. Я. Виллiе*** и ***Э. А. Вольтера***. Т. I, вып. II. Спб. 1903. Ц. 6 р. (за весь годъ).

Каталогъ газетъ и журналовъ на 1904 г. Изданіе конторы объявленій Герольда. Спб. 1904.

Статистическій сборникъ по Ярослав-

ской губ. Вып. 14-й. Кустарные промыслы. Ярославль. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Пермская губ. зем. управа. Отдѣленіе сельско-хозяйственной статистики. Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Обзоръ 1903 г. Пермь. 1904.

Статистическое отдѣленіе Псковской губ. земск. управы. Сельско-хозяйственный обзоръ Псковской губерніи за 1903 г. III. Статистическая справка по вопросу о постройкѣ желѣзно-дорожной линіи Вязьма-Юрьевъ. Псковъ. 1904.

Несчастные случаи съ рабочими въ горной промышленности Урала. Составилъ ***В. В. Мамонтовъ***. Екатеринбургъ. 1904.

Сборникъ статист. свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ санитарный. Т. VIII. Вып. III. Фарфорово-фаянсовое производство Гжельскаго раіона Московской губ. въ санитарномъ отношеніи. Составилъ ***А. И. Скабневскій***. М. 1904.

С. И. Лисенко. Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи. Вып. III. Промыслы Лохвицкаго уѣзда. Полтава. 1904.

Пречистенская ярмарка въ с. Васильевкѣ (Яновщинѣ Н. В. Гоголя тожъ) Полтавскаго уѣзда 6—8 сентября 1901 г. Опытъ статистическаго изслѣдованія съ изложеніемъ метода описанія. Полтава. 1904.

Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Сводка ходатайствъ Пироговскаго о-ва врачей предъ правительственнымъ учрежденіемъ за 20 лѣтъ (1883 — 1903 гг.). Составилъ ***К. И. Шидловскій***. М. 1904. Ц. 30 к.— Журналъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. 1904, № 4. М. 1904.

С. Л. Трегубовъ. Опытъ изученія въ санитарномъ отношеніи быта желѣзнодорожныхъ служащихъ въ предѣлахъ Курско-Харьково-Севастопольской жел. дор. Харьковъ. 1904.

А. Ф. Никитинъ. 1) Очеркъ санитарно-экономическаго положенія грузчиковъ на Волгѣ. 2) Изъ отчета санитарнаго врача Нижегородскаго участка р. Волги съ данными о химическомъ изслѣдованіи сточныхъ и трюмныхъ водъ. 3) Нагрузка и разгрузка рѣчныхъ судовъ. 4) Зимовки судовыхъ командъ въ затонахъ рѣки Волги. Спб. 1904.

Врачебная хроника Харьковской губерніи. № 7. 1904 годъ. № 85. Изданіе Харьковской губернской земской управы.

Журналы засѣданій Черниговскаго губернскаго земскаго собранія XXXIX очередной сессіи 1903 года. Черниговъ. 1904.

Журналы экстреннаго Саратовскаго губернскаго земскаго собранія сессіи 28 и 29 мая 1904 года. Саратовъ. 1904.

Отчетъ по Гоголевскому отдѣленію Полтавской общественной библіотеки (съ 14 ноября 1903 по 1 янв. 1904). Полтава. 1904.

Отчетъ Ярославской общественной городской Пушкинской библіотеки за 1903 годъ. Ярославль. 1904.

Отчетъ правленія общества попеченія о нуждающихся учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова за 1903 г. Харьковъ. 1904.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1903 г. М. 1904.

Die klinische Ausbildung der Aerzte in Russland. Von Prof. Dr. Carl Posner und Dr. M. Blumenthal. II. Die Militär-medicinische Academie zu St. Petersburg. Abdruck aus dem Klinischen Jahrbuch. Iena. 1904.

Политика

Ходъ войны за два мѣсяца.—Морское сраженіе 28 іюля и его результаты.—Морское сраженіе 1 августа.—Другія морскія дѣла и состояніе обоихъ флотовъ. — Движеніе русскихъ морскихъ подкрѣпленій. — Осада Портъ-Артура.

I.

Со дня нашей послѣдней бесѣды протекло два мѣсяца. Кровавая борьба на Дальнемъ Востокѣ всѣ два мѣсяца развивалась съ все возростающей силою и съ все умножающимися жертвами. Безъ конца и безъ края эти жертвы. Безъ конца и безъ края страданія, истребленіе людей, уничтоженіе имущества, разореніе двухъ враждующихъ народовъ.. Безъ конца и безъ края, но, конечно, не безъ результатовъ, хотя эти результаты еще и не выяснились, какъ не выяснился и вѣроятный исходъ борьбы. И эти два мѣсяца, прибавивъ много ужасовъ, не прибавили ясности. Не смотря на многое множество самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій, рѣшительнаго результата еще не получено. Тѣмъ не менѣе, и на морѣ, и на сушѣ событія развивались въ прежнемъ направленіи, т. е. въ сторону преобладанія японцевъ, которые цѣною огромныхъ жертвъ достигли огромныхъ успѣховъ, хотя и не рѣшительныхъ, какъ выше уже упомянуто. Съ другой стороны, русскіе тоже цѣной огромныхъ жертвъ достигли именно этого ограниченія японскихъ успѣховъ, не допустивъ ихъ пріобрѣсти значеніе событій, рѣшающихъ исходъ борьбы.

Первая половина отчетнаго періода полна событіями на морѣ, вторая половина увидѣла грандіозное столкновеніе на сушѣ, самое большое, какое исторія занесла на свои анналы со времени Бородина. Обѣ половины одинаково наполнены трагическою борьбою подъ Портъ-Артуромъ.

Постоянныя укрѣпленія Портъ-Артура, или главная крѣпостная линія отстоитъ отъ внутренняго порта верстъ на пять. Покамѣстъ всѣ они въ рукахъ и покуда ихъ артиллерія удерживала японцевъ на разстояніи около десяти верстъ отъ ограды, т. е, пятнадцать отъ гавани, русскій флотъ находилъ въ этой гавани безопасное убѣжище, но осада постепенно подвигалась впередъ; къ концу іюля японцы утвердились на нѣкоторыхъ высотахъ, командующихъ гаванью, и сдѣлали дальнѣйшее пребываніе эскадры контръ-адмирала Витгефта не безопаснымъ. Такимъ образомъ, вполнѣ созрѣло время для выхода эскадры и для попытки пробиться на соединеніе съ эскадрою владивостокскою. Приблизительно около этого же времени были закончены починки всѣхъ большихъ судовъ, кромѣ „Баяна“, какъ разъ въ это время понесшаго нѣкоторыя аваріи (теперь уже исправленныя). Его рѣшили

не ждать, и 28 іюля к.-адм. Витгефтъ вывелъ эскадру для вышеуказанной операціи, войдя предварительно въ сношеніе съ Владивостокомъ.

28 іюля (10 августа) к.-адм. Витгефтъ вышелъ между 5 и 8 часами утра на внѣшній рейдъ Артура и построился слѣдующимъ образомъ:

Впереди шелъ караванъ портовыхъ судовъ, съ траломъ для устраненія минъ, изобильно разсѣваемыхъ японцами. Этотъ тралящій отрядъ прикрывали канонерки и миноносцы. Далѣе въ одной кильватерной колоннѣ шли: „Новикъ", „Цесаревичъ" (флагъ к.-адм. Витгефта), „Ретвизанъ", „Побѣда", „Пересвѣтъ" (флагъ к.-адм. кн. Ухтомскаго), „Севастополь", „Полтава", „Аскольдъ" (флагъ к.-адм. Рейценштейна), „Паллада" и „Діана", всего 6 броненосцевъ (отъ второго изъ перечисленныхъ судовъ до седьмого) и 4 крейсера (первое судно въ нашемъ спискѣ и три послѣднихъ). Въ половинѣ девятаго эскадра двинулась въ путь, до четверти одиннадцатаго шла за тралящимъ караваномъ и къ этому времени миновала полосу моря, не безопасную отъ минъ, послѣ чего тралящія суда и канонерки были отпущены назадъ въ Артуръ; съ эскадрою остались восемь крупныхъ миноносцевъ, такъ наз. у насъ „эскадренныхъ", болѣе извѣстныхъ подъ французскимъ именемъ „контръ-миноносцевъ", или подъ англійскимъ именемъ „истребителей миноносцевъ", именно: „Боевой", „Бдительный", „Безпощадный", „Безстрашный", „Безшумный", „Бойкій", „Бурный" и „Грозовой". Послѣдній 310 тоннъ водоизмѣщенія и 26 узловъ хода, остальные—по 350 тоннъ и по 27 узловъ.

Миноносцы двинулись параллельно линіи большихъ судовъ, и эскадра, получивъ на случай разлученія во время предстоявшаго боя сигналы „слѣдовать во Владивостокъ", направилась на юговостокъ со среднею скоростью въ 8 узловъ, постепенно увеличивая скорость.

Съ японской стороны два быстроходныхъ крейсера наблюдали за внѣшнимъ рейдомъ Портъ-Артура, а цѣпь канонерокъ съ безпроволочно-телеграфными аппаратами связывала эти крейсера съ флагманскимъ судномъ „Микаса", которое находилось въ Дальнемъ вмѣстѣ съ главными силами японскаго флота. Другія суда несли службу въ разныхъ мѣстахъ вокругъ, но всѣ были связаны безпроволочными аппаратами съ флагманомъ. Около половины седьмого утра адм. Того получилъ первую телеграмму, извѣстившую его, что русскій флотъ выходитъ изъ внутренней гавани на внѣшній рейдъ. Немедленно японскій адмиралъ далъ во всѣ стороны приказаніе собираться въ мѣстѣ, заранѣе назначенномъ для подобнаго случая.

Въ это время японскій флотъ группировался въ три эскадры: самого адмирала Того (онъ же главнокомандующій всѣмъ флотомъ), вице-адмирала Катаоки и вице-адмирала Камимуры. По-

-слѣдняя находилась въ Корейскомъ проливѣ противъ владивостокской эскадры, первыя же двѣ были сосредоточены въ сосѣдствѣ Портъ-Артура, и обѣ приняли дѣятельное участіе въ сраженіи 28 іюля съ портъ-артурскою эскадрою.

Первая эскадра (адм. Того) сама, въ свою очередь, дѣлилась на три дивизіи слѣдующаго состава:

	Водоизмѣщенія тоннъ.	Орудій. Тяжелыхъ.	Всего.	Минныхъ аппаратовъ.
I дивизія. (Адм. Того).				
1. Микаса, броненосецъ . . (флагъ Того).	15,400	18	50	4
2. Асахи, броненосецъ . . .	15,400	18	50	4
3. Шикишима, броненосецъ .	15,100	18	50	4
4. Фуджи, „ .	12,600	14	38	5
5. Яшима, „ .	12,500	14	38	5
6. Ниссинъ, брон. крейсеръ .	7,770	18	34	4
7. Кассуга, „ „ .	7,770	19	35	4
8. Яджема, защитн. крейс. . .	1,600	—	11	2
Итого . . .	88,000	119	306	32

Тяжелыми орудіями мы считаемъ тѣ, калибръ коихъ 15 и больше сантиметровъ, т. е. 6 и больше дюймовъ. Эти орудія уже могутъ наносить вредъ и броненосцамъ; остальныя пригодны противъ миноносцевъ и небронированныхъ судовъ, а также для обстрѣливанія не укрѣпленныхъ береговъ.

	Водоизмѣщеніе тоннъ.	Орудій. Тяжелыхъ.	Всего.	Минныхъ аппаратовъ.
II дивизія). (К.-адм. Дева).				
9. Якумо, брон. крейс. . .	9,800	18	35	5
10. Асама, „ „ . .	9,900	18	35	5
11. Кассаги, защит. крейс. .	5,000	2	30	4
12. Читозе, „ „ .	4,800	2	30	4
13. Такасаго „ „ .	4,200	2	30	4
14. Акаши, „ „ .	2,800	2	20	2
Итого . . .	36,500	44	180	24
III дивизія.				
15—32. восемнадцать контръ-миноносцевъ каждый по .	311—381	—	6	2
Итого . . .	6,000	—	108	36
Всего	130,500	163	566	92

Эта эскадра въ полномъ составѣ своихъ трехъ дивизій и была главнымъ агентомъ морского боя 28 іюля. Всѣ эти суда недавно построены и самаго новаго типа. Эскадра в.-адм. Катаоки играла второстепенную роль, но въ разгаръ боя она оказала значительное содѣйствіе эскадрѣ адм. Того. Приводимъ и ея составъ:

	Водоизмѣщеніе тоннъ.	Орудій. Тяжелыхъ.	Всего.	Минныхъ аппаратовъ.
I дивизія.				
1. Чинъ-Іенъ, броненосецъ .	7,300	15	34	3
2. Мацушима, защ. крейс. .	4,300	1	25	4
3. Ицукушима, „ „ .	4,300	1	25	4
4. Гашидате, „ „ .	4,300	1	25	4
II дивизія.				
5. Идзуми, защ. крейс. . .	3,200	8	14	3
6. Акицушима „ „ . .	3,200	4	20	4
7. Сума, „ „ . .	2,700	2	20	2
8. Чіода, „ „ . .	2,400	4	16	4
III дивизія.				
9. Фузо, броненосецъ береговой обороны	3,800	6	25	3
10. Сей-Іенъ, броненосецъ береговой обороны . . .	2,500	3	10	4
11. Гей-Іенъ, канонерка . .	2,200	1	16	—
12. Цукуши, „ . .	1,400	1	8	—
13. Ошима, „ . .	600	—	8	—
14. Акаджи, „ . .	600	—	10	—
15. Мая, „ . .	600	2	6	—
16. Уджи, „ . .	600	—	8	—
IV дивизія.				
17—42. 26 миноносцевъ по .	50—110	—	2—6	2
Итого. . .	46,080	49	348	87

Изъ этого состава надо исключить крейсеръ „Чіода", находившійся въ починкѣ во время битвы, и канонерку „Уджи", командированную въ Инкоу, всего 3000 тоннъ, 4 тяж. орудія, 22 легкихъ и 4 минныхъ аппарата. Такимъ образомъ, въ распоряженіи адмирала Того состояло въ этотъ день: 74 военныхъ судна, 173.580 тоннъ водоизмѣщенія, 868 орудій, въ томъ числѣ 208 тяжелыхъ, и 175 минныхъ аппаратовъ.

Такое же исчисленіе для эскадры к.-адм. Витгефта даетъ слѣдующую табличку:

	Водоизмѣщеніе тоннъ.	Орудій. Тяжелыхъ.	Всего.	Минныхъ аппаратовъ.
I отрядъ. (к.-адм. кн. Ухтомскаго).				
1. Цесаревичъ, бронен. .	13,200	16	56	6
2. Ретвизанъ, „ .	12,900	16	68	6
3. Побѣда, „ .	12,700	15	64	5
4. Пересвѣтъ, „ .	12,700	15	63	5
5. Севастополь, „ .	11,800	16	27	6
6. Полтава, „ .	11,000	16	27	6
II отрядъ. (к.-адм. Рейценштейна).				
7. Баянъ, брон. крейс. .	7.700	10	27	5
8. Аскольдъ, защ. крейс. .	5.900	12	34	6
9. Паллада, „ „ .	6,800	8	40	3
10. Діана, „ „ .	6,700	8	40	3
11. Новикъ, „ „ .	3,100	—	14	5
III отрядъ.				
12—19. Восемь контръ-миноносцевъ по	310—350	—	4—7	2
Итого. .	107,260	132	400	72

Исключивъ же „Баяна“, какъ не вышедшаго изъ гавани и въ сраженіи не принимавшаго участія, к.-адм. Витгефтъ, имѣлъ 18 судовъ противъ 74; 99.560 тоннъ противъ 173.580; 373 орудій противъ 868, въ томъ числѣ тяжелыхъ орудій 122 противъ 208, и 67 минныхъ аппаратовъ противъ 175, каковыми силами располагалъ его противникъ. Конечно, русскій адмиралъ вышелъ никакъ не искать битвы, при такихъ силахъ крайне опасной. Онъ хотѣлъ прорваться и уйти. Для этого нужно было прежде всего скорость хода, а затѣмъ искусное, хорошо обдуманное и разсчитанное маневрированіе, твердая рѣшимость не отступать и, наконецъ, промахи противника.

II.

Отправивъ обратно тралящій отрядъ пароходовъ и прикрывавшихъ его канонерокъ, к.-адм. Витгефтъ взялъ курсъ на юго-востокъ приблизительно серединою Желтаго Моря, что давало просторъ для маневрированія и предоставляло возможность выбора между движеніемъ на сѣверъ черезъ Корейскій проливъ или сначала на югъ мимо Шантунскаго мыса для обхода Японіи съ востока. Около половины одиннадцатаго въ виду русской эскадры показались непріятельскія суда въ составѣ 11 крейсеровъ и 17 миноносцевъ, но держались въ отдаленіи, только слѣдя за движеніемъ эскадры и не входя въ сферу огня. Миноносцы, опередивъ русскія суда, бросали на ихъ пути мины, какъ о томъ доносилъ к.-адм. Матусевичъ (начальникъ штаба эскадры), что, однако, японцами отрицается. Во всякомъ случаѣ, японскіе миноносцы были впереди русскихъ судовъ, которыя опасались минъ и потому стѣснялись въ своемъ движеніи. Въ первомъ часу дня показались, наконецъ, главныя силы непріятеля и прямо преградили путь, двигаясь съ востока на западъ. Бой былъ неизбѣженъ, и русская эскадра круто повернула съ юго-восточнаго курса на юго-западный, ставъ лѣвымъ бортомъ къ непріятелю и открывъ огонь съ этого борта. Чтобы встать въ равновыгодныя для битвы условія, надо было и японцамъ стать къ русскимъ бортамъ, и адм. Того измѣнилъ курсъ и повернулъ параллельно русской линіи, но въ обратную сторону, т. е. на сѣверо-западъ. Артиллерійскій бой шелъ съ большого разстоянія, и обѣ эскадры сдѣлали полное дефилированіе своихъ силъ другъ передъ другомъ. Достигнувъ переднимъ судномъ мѣста, уже внѣ сферы огня (въ это время и переднее судно японцевъ достигло такого же мѣста внѣ сферы огня), контръ-адмиралъ Витгефтъ сдѣлалъ снова крутой поворотъ подъ прямымъ угломъ, измѣняя юго-западное направленіе на сѣверо-восточное и заходя японцамъ сзади для обстрѣливанія вдоль ихъ линіи.

Это вынудило и японцевъ сдѣлать поворотъ, измѣняя сѣверо-западное направленіе на юго-западное. Снова обѣ эскадры были бортами другъ къ другу, снова двигались въ обратныя стороны и продолжали артиллерійскій бой. Когда этотъ гальсъ былъ законченъ, головные русскіе суда были внѣ огня и прямо на востокъ отъ главныхъ японскихъ силъ. Передъ ними было свободное отъ японскихъ броненосцевъ море, гдѣ виднѣлись крейсеры и миноносцы, которые не рѣшались входить въ сферу огня безъ своихъ броненосцевъ. Эти послѣдніе остались далеко позади, и к.-адм. Витгефтъ снова принялъ первоначальный курсъ на юго-востокъ. Въ сферѣ огня японскихъ главныхъ силъ оставались заднія суда русской колонны, но это были крейсеры, болѣе быстроходные, чѣмъ броненосцы. Имъ было приказано прибавить ходу и составить слѣва (съ сѣверо-востока) параллельно броненосцамъ вторую кильватерную колонну (въ такомъ порядкѣ: „Аскольдъ", „Новикъ", „Паллада" и „Діана"). Они скоро исполнили это приказаніе, и вся русская эскадра во второмъ часу вышла изъ сферы дѣйствія главныхъ японскихъ силъ, оставшихся позади Благодаря искусному, отлично разсчитанному маневрированію к.-адм. Витгефта и промаху адмирала Того, не предусмотрительно отдалившагося на западъ, эскадра к.-адм. Витгефта къ двумъ часамъ дня совершила прорывъ и на всѣхъ парахъ удалялась по избранному направленію. Согласно донесенію к.-адм. кн. Ухтомскаго, этотъ первый бой, окончившійся прорывомъ русской эскадры, длился полтора часа, а согласно донесенію к.-адм. Редценштейна въ этомъ бою „Аскольдъ" получилъ большой снарядъ въ переднюю трубу, вслѣдствіе чего выведенъ изъ строя передній котелъ."

Читатель, вѣроятно, помнитъ, что прорывъ удался, благодаря тому, что адмиралъ Того, повинуясь тактическимъ соображеніямъ, сдѣлалъ маневръ на юго-западъ въ отвѣтъ на движеніе Витгефта на сѣверо-востокъ. Это поставило русскую эскадру значительно восточнѣе главныхъ японскихъ силъ, но и сѣвернѣе ихъ. Поэтому, когда русская эскадра приняла ей необходимый курсъ на юго-востокъ, Того могъ направиться ей на перерѣзъ и тѣмъ поправить сдѣланную ошибку. Только значительная скорость движенія русскихъ судовъ могла бы позволить избѣгнуть этого второго, для русскихъ отнюдь не желательнаго, боя. Однако, этой скорости у русскихъ судовъ не оказалось. Начавъ движеніе со скоростью восьми узловъ, русская эскадра успѣла развить скорость въ десять узловъ и при этой скорости была въ пять часовъ дня настигнута японскими главными силами, послѣ чего еще русскіе усилили ходъ и достигли тринадцати узловъ, но и тогда японцы все же удержали нѣкоторое преимущество хода.

Предѣльная скорость русскихъ судовъ была различна. Миноносцы должны были имѣть скорость 26 и 27 узловъ. Изъ крей-

серовъ „Новикъ“ долженъ былъ имѣть 25 узловъ, „Аскольдъ“—23, „Паллада“ и „Діана“ по 20 узловъ. Изъ броненосцевъ для „Ретвизана“, „Цесаревича“, „Побѣды“ и „Пересвѣта“ наибольшая скорость была показана 18, для „Севастополя“ и „Полтавы—17 узловъ. Эта послѣдняя скорость и была предѣльною для всей эскадры, которая, однако, этой скорости далеко не достигла. Какъ это случилось, можно только гадать. Быть можетъ, запасы угля были недостаточны для такой быстроты? Вѣроятнѣе, однако, что одно или нѣсколько изъ судовъ эскадры, ранѣе потерпѣвшихъ аваріи, вслѣдствіе этихъ аварій, потеряли ходъ. Каковы бы ни были причины медленности хода русской эскадры, остается тотъ несомнѣнный фактъ, что, благодаря этой медленности, адмиралу Того удалось черезъ три часа послѣ перваго боя и прорыва настигнуть прорвавшуюся эскадру и возобновить неравный для русскихъ бой. Отставши во второмъ часу отъ русскихъ, адмиралъ Того (какъ уже выше объяснено) очутился къ юго западу отъ русскихъ, шедшихъ на юго-востокъ. Направившись на востокъ, Того выигралъ разстояніе и подошелъ къ русскимъ справа, съ ихъ юго западныхъ бортовъ и, принявъ теперь параллельный русскимъ курсъ, открылъ артиллерійскій бой на значительномъ разстояніи. Русскіе отвѣчали, и битва велась усиленнымъ и ожесточеннымъ огнемъ. Имѣя преимущество хода, японскій адмиралъ постепенно обгонялъ русскую эскадру, вокругъ которой и спереди, и съ боковъ виднѣлись отряды крейсеровъ и миноносцевъ, готовые поддержать главныя силы своей концентрической атакой, какъ только главныя силы, обогнавъ русскихъ, перерѣжутъ имъ путь и преградятъ дальнѣйшее движеніе. Опасаясь этого маневра, к.-адм. Витгефтъ измѣнилъ юго-восточный курсъ на востоко-юго-восточный, благодаря чему очутился снова впереди главныхъ японскихъ силъ, которымъ снова приходилось тратить время на то, чтобы, сначала выравнявшись съ русскою колонною, затѣмъ снова начать ее обгонять. Артиллерійскій бой продолжался безпрерывно. Когда адмиралъ Того закончилъ свой маневръ и снова его переднее судно начало обгонять „Цесаревича“, к.-адм. Витгефтъ опять сдѣлалъ такой же маневръ и востоко юго-восточный курсъ замѣнилъ восточнымъ, снова оставляя адмирала Того нѣсколько позади и снова вынуждая его терять время на достиженіе положенія, дважды уже потеряннаго, но необходимаго, чтобы не допустить окончательнаго прорыва русской эскадры. При этихъ поворотахъ влѣво двухъ русскихъ параллельныхъ колоннъ (правой броненосной и лѣвой крейсерской), оставалась нѣсколько позади не только японская колонна сравнительно съ русскими, но и правая русская сравнительно съ лѣвою, такъ что крейсерская колонна своими передними судами нѣсколько выдвинулась впередъ головного судна броненосной колонны. Это обстоятельство затрудняло маневръ адмирала Того, которому приходилось для

поворота на путь русской эскадры обогнать ее больше, чѣмъ при совершенно параллельномъ ходѣ обѣихъ русскихъ колоннъ. Къ тому же это нѣсколько авангардное положеніе крейсеровъ отгоняло крейсерскіе и минные отряды японцевъ на болѣе значительное разстояніе отъ русскихъ головныхъ силъ, все же оставляя русскіе крейсеры подъ защитою броненосцевъ. Вообще русскіе адмиралы на „Цесаревичѣ" (командующій к.-адм. Витгефтъ и начальникъ штаба к.-адм. Матусевичъ) вели бой искусно и маневрировали съ полною надеждою сохранить себѣ свободный путь до наступленія темноты, когда маневръ адмирала Того, съ цѣлью не допустить прорыва, станетъ невозможнымъ. Артиллерійскій бой съ темнотою прекратится и останется лишь отражать минныя атаки или таранить. До темноты было уже недалеко, когда произошла катастрофа на „Цесаревичѣ", сразу измѣнившая картину сраженія и передавшая командованіе въ другія руки. Эту катастрофу такъ описываетъ к. адм. Матусевичъ:

„Бой длился съ равнымъ успѣхомъ нѣсколько часовъ. Во время боя былъ убитъ начальникъ эскадры, раненъ съ потерею сознанія командиръ броненосца „Цесаревичъ". Почти одновременно были повреждены машина и руль броненосца. „Цесаревичъ" на 40 минутъ остановился, вслѣдствіе чего и другія суда принуждены были маневрировать вокругъ него. Командованіе эскадрою перешло князю Ухтомскому, а броненосцемъ „Цесаревичъ" старшему офицеру. Съ наступленіемъ темноты броненосецъ „Цесаревичъ", не будучи въ состояніи слѣдовать за эскадрой, теряя ее изъ виду, повернулъ на зюйдъ, чтобы попытаться идти въ Владивостокъ самостоятельно. Ночью подвергся миннымъ атакамъ, а съ разсвѣтомъ былъ у Шантунга. Командиръ принялъ командованіе въ полночь. Осмотрѣвъ поврежденія броненосца и опредѣливъ степень ихъ, командиръ рѣшилъ, что до Владивостока броненосецъ дойти не можетъ. Разрѣшилъ командиру идти въ Кіау-Чіау для ремонта. Во время боя убиты: адмиралъ Витгефтъ, флагманскій штурманъ лейтенантъ Азарьевъ, флагъ-офицеръ мичманъ Эллисъ, штурманъ судна лейтенантъ Драгичевичъ, ранены легко: я, флагманскій артиллеристъ лейтенантъ Кѣтлинскій, старшій флагъ-офицеръ лейтенантъ Кедровъ, флагъ-офицеръ мичманъ Кушинниковъ, командиръ броненосца Ивановъ, старшій офицеръ Шумовъ, артиллеристъ лейтенантъ Ненюковъ, минный офицеръ лейтенантъ Пилкинъ, мичманъ Леонтьевъ, число убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ еще вполнѣ не выяснено. Въ 9 час. вечера прибылъ въ Кіау-Чіау, засталъ тамъ крейсеръ „Новикъ" и миноносецъ „Безшумный"."

Съ своей стороны к.-адм. Ухтомскій, принявшій командованіе послѣ смерти Витгефта, излагаетъ это событіе слѣдующимъ образомъ:

„Въ 5 часу, придя на траверзъ нашей эскадры, на разстояніи

36 кабельтовыхъ, непріятель началъ снова бой, продолжавшійся до 7 часовъ 30 мин. Въ концѣ боя „Цесаревичъ", имѣя, вѣроятно, повреждение въ рулѣ, вышелъ изъ строя, держа сигналъ: „Адмиралъ передаетъ начальство". Имѣя на броненосцѣ „Пересвѣтъ" сбитыми обѣ стеньги и всѣ средства для сигналопроизводства, какъ дневного, такъ и ночного, привязалъ къ поручнямъ мостика сигналъ—„Слѣдовать за мной". Полагаю, что не всѣ суда могли его прочитать. Имѣя много убитыхъ и раненыхъ и серьезныя поврежденія по артиллеріи, корпусу и электрическихъ приспособленій, рѣшилъ вернуться въ Портъ-Артуръ. Со мной пошли броненосцы „Ретвизанъ", „Побѣда", „Полтава", „Севастополь", „Цесаревичъ" и крейсеръ „Паллада". Броненосецъ „Цесаревичъ" концевымъ. Шелъ среднимъ ходомъ, но за темнотой и непрерывными минными атаками, для отраженія которыхъ приходилось временно мѣнять курсъ въ темнотѣ, суда разошлись, и къ разсвѣту у Портъ Артура оказались: броненосцы—„Ретвизанъ", „Севастополь", „Пересвѣтъ", „Побѣда", „Полтава" и крейсеръ „Паллада" и три миноносца.

Во время боя убиты: лейтенантъ Салтановъ и мичманъ Борисъ Деливронъ. Тяжело ранены: капитанъ 1-го ранга Бойсманъ, оставшійся послѣ этого на мостикѣ 20 часовъ до входа броненосца въ бассейнъ, и лейтенантъ Рыковъ. Всего убито 38 нижнихъ чиновъ, ранено офицеровъ 21, нижнихъ чиновъ 286, изъ нихъ 50 тяжело."

Наконецъ, к.-адм. Рейценштейнъ кратко выражается, что „*Цесаревичъ* повернулъ на обратный курсъ и пошелъ вдоль линіи кильватера, держа сигналъ: *адмиралъ передаетъ начальство*". Вотъ и все. Разобраться съ достовѣрностью въ этихъ сообщеніяхъ довольно трудно. Несомнѣнно только, что, принявъ командованіе, кн. Ухтомскій „рѣшилъ вернуться въ Портъ-Артуръ", и что онъ „полагаетъ, что не всѣ суда могли прочитать его" сигналъ. Какъ бы то ни было, значительный успѣхъ, достигнутый уже русскою эскадрою, былъ утраченъ, а эскадра не только не соединилась съ владивостокскою, но сама распалась. Объ отдѣленіи крейсерской эскадры отъ броненосной к.-адм. Рейценштейнъ даетъ слѣдующее сообщеніе:

„Видя, что непріятель старается окружить со всѣхъ сторонъ нашу эскадру, которая въ это время начала отступать въ строѣ фронта, громя непріятельскіе броненосцы кормовымъ огнемъ, рѣшился, не теряя времени, прорѣзаться сквозь кольцо непріятеля въ мѣстѣ его наименьшаго сопротивленія. Поднялъ сигналъ своему отряду: „слѣдовать за мною" и во главѣ съ „Аскольдомъ" пошелъ прочищать путь къ выходу, принимая передніе при прорывѣ выстрѣлы на себя и оставляя задніе на броненосцы. За мною слѣдомъ пошелъ „Новикъ" и въ нѣкоторомъ разстояніи „Паллада" и „Діана". Крейсерскій отрядъ пошелъ прорываться

противъ 4-хъ крейсеровъ 2-го класса и нѣсколькихъ миноносцевъ, а справа было 3 крейсера типа „Матсушима“. Всѣ эти 7 судовъ осыпали крейсера снарядами. Подходя ближе къ кольцу, замѣтилъ, что однимъ изъ четырехъ крейсеровъ былъ броненосный крейсеръ типа „Асама“, который сталъ поперекъ дороги. Бѣглый огонь „Аскольда“ по непріятельскимъ крейсерамъ видимо произвелъ поврежденія на 3-хъ крейсерахъ 2-го класса, а на „Асамѣ“ произвелъ пожаръ. Тогда „Асама“ отошелъ въ сторону, давая дорогу „Аскольду“. Четыре непріятельскихъ миноносца стали приближаться, атакуя „Аскольдъ“, выпустили 4 мины, прошедшія въ разныя стороны, но не попавшія. Удачнымъ выстрѣломъ 6 д. пушки „Аскольда“ одинъ изъ миноносцевъ былъ потопленъ, а остальные сейчасъ-же быстро удалились. Бой былъ жаркій: въ теченіе 20 минутъ снаряды сыпались градомъ и произвели много поврежденій на „Аскольдѣ“, но кольцо непріятельскихъ судовъ было прорвано, „Аскольдъ“ и „Новикъ“ прошли, а вслѣдъ за ними „Паллада“ и „Діана“. Японскіе крейсера пошли въ погоню за „Аскольдомъ“ и „Новикомъ“, но мы, доведя ходъ до 20 узловъ, стали быстро уходить отъ непріятеля. Въ это время темнота наступила; „Палладу“ и „Діану“ не видалъ. Погони больше не имѣлъ, а потому для поджиданія остальныхъ и вслѣдствіе поврежденныхъ трубъ, котловъ и подводныхъ пробоинъ уменьшилъ ходъ. Такимъ ходомъ шелъ до разсвѣта, держа курсъ посрединѣ между берегами, во избѣжаніе минныхъ атакъ отъ Шантуна. Крейсеръ „Новикъ“, какъ обладающій хорошимъ ходомъ, для выигрыша времени отъ могущей быть впослѣдствіи погони и согласно ранѣе выработаннаго плана прорыва, который каждому изъ командировъ былъ извѣстенъ, отпустилъ дѣйствовать самостоятельно. Съ разсвѣтомъ прибавилъ на „Аскольдѣ“ ходъ, не утруждая машинъ и не разслабляя слабыя мѣста крейсера. Тутъ же обнаружилось, что „Аскольдъ“ имѣетъ серьезное поврежденіе. Сосредоточеніе огня съ 7 непріятельскихъ судовъ исключительно на „Аскольдѣ“ сдѣлало серьезныя поврежденія. Разрушенныя двѣ дымовыя трубы сильно увеличили расходъ угля, заставляя для поддержанія пара пускать вентиляторы во всю, что давало массу искръ, мѣшающихъ ночнымъ ходамъ. Въ силу обнаружившихся поврежденій, недостатка угля, недостаточно большого хода, вынужденъ былъ отказаться отъ немедленнаго же слѣдованія во Владивостокъ чрезъ Корейскій архипелагъ. Поврежденія показали, что безъ дока крейсеръ не можетъ совершить безопаснаго плаванія, принимая во вниманіе, что на пути можетъ застать свѣжую погоду, а потому рѣшился идти въ нейтральный портъ Шанхай. 30-го іюля въ 3 ч. 25 м. утра подошелъ къ острову Будолу, гдѣ сталъ на якорь того же числа, и съ полною водою пошелъ въ Вузунгъ, гдѣ всталъ на якорь. 31-го іюля я пришелъ въ рѣку Ванъ-Пу и приступилъ къ работамъ входа

въ докъ. Главнѣйшія поврежденія „Аскольда“: двѣ дымовыя трубы снесены, три продырявлены, 1 котелъ поврежденъ, 4 подводныя пробоины, 2 шпангоута сломаны, 6 надводныхъ пробоинъ. Убитъ мичманъ Рклицкій, ранены: лейтенантъ баронъ Майдель, мичманы Медвѣдевъ, Житковъ, титулярный совѣтникъ Хиловъ; нижнихъ чиновъ убито 10, ранено тяжело 15, легко ранено 29.“

Такимъ образомъ, заключился этотъ знаменательный морской бой, составляющій серьезную неудачу русскаго тихо-океанскаго флота. Кромѣ значительнаго перевѣса силъ, причиною неудачи явились недостаточная скорость русскихъ судовъ и несчастная смѣна командованія. Изъ восемнадцати судовъ, вышедшихъ утромъ изъ Портъ-Артура, ночью возвратилось только девять: 5 броненосцевъ, 1 крейсеръ („Паллада“, неизвѣстно, какъ и когда отставшая отъ другихъ крейсеровъ) и 3 миноносца („Боевой“, „Бдительный“ и „Бойкій“). Изъ другихъ девяти судовъ: одно, именно миноносецъ „Бурный“, затонуло (команда спаслась въ англійскій портъ Вей-Ха-Вей), четыре, именно броненосецъ „Цесаревичъ“, миноносцы „Безстрашный“, „Безпощадный“ и „Безшумный“, сильно поврежденые, достигли германскаго порта Кяо-Чжоу и тамъ разоружены; два, „Аскольдъ“ и „Грозовой“, разоружены въ Шанхаѣ; и одно, „Діана“, разоружено въ Сайгонѣ. Только „Новикъ“, обогнувъ Японію съ востока, достигъ русскаго порта Корсаковскаго на Сахалинѣ, но здѣсь былъ настигнутъ японскимъ крейсеромъ „Цусима“ и принужденъ вступить въ бой съ болѣе сильнымъ противникомъ. „Новикъ“ имѣлъ 14 легкихъ орудій противъ шести тяжелыхъ и 14 легкихъ орудій на „Цусимѣ“. Оба сражавшихся крейсера были одновременно выведены изъ строя и вынуждены прекратить борьбу, но появленіе японскаго крейсера „Читозе“ (2 тяж. орудія и 36 легкихъ) заставило русскихъ потопить „Новикъ“. Команда спаслась на берегъ. Такимъ образомъ, два русскихъ судна потоплены, а семь разоружены, разсѣянныя по нейтральнымъ портамъ Дальняго Востока и осужденныя на бездѣйствіе до конца войны.

Таковы русскія потери въ этомъ сраженіи. Японскія потери всегда тщательно скрываются японцами, что съ чисто военной точки зрѣнія вполнѣ раціонально. Болѣе или менѣе достойны вниманія: вышеупомянутое донесеніе к.-адм. Рейценштейна о потопленіи миноносца и объ аваріи броненоснаго крейсера „типа *Асамы*“ (вѣроятно, „Якумо“, на которомъ много убитыхъ) и слѣдующія два извѣстія:

„Чифу, 3-го (16-го) августа (Рейтеръ). Согласно телеграммѣ изъ Цзиндао, офицеры броненосца „Цесаревичъ“ положительно утверждаютъ, что во время боя 28-го іюля одинъ японскій броненосецъ затонулъ на виду у всѣхъ.“

„Санъ-Франциско, 30-го авг. Сюда прибылъ изъ Японіи капитанъ Раджанъ. По его словамъ, японскій флотъ сильно постра-

далъ въ послѣднихъ бояхъ. Всѣ сухіе доки завалены работой; гавани переполнены военными судами, находящимися въ исправленіи."

Это само собою разумѣется и быть не можетъ иначе: свыше ста тяжелыхъ орудій громили эти суда въ теченіе четырехъ часовъ (полтора часа перваго боя и два съ половиною часа второго боя). Интересно, но неизвѣстно, какія суда пострадали и есть ли безвозвратно выбывшія изъ строя?

Косвенное указаніе даютъ еще извѣстія о потеряхъ въ экипажѣ. Мы имѣемъ свѣдѣнія объ убитыхъ и о тѣхъ раненыхъ, которые доставлены въ госпитали въ Японіи. Эти данныя представляютъ слѣдующее:

	Убито:		Ранено:	
	офиц.	нижн. чин.	офиц.	нижн. чин.
„Микаса"	4	29	10	78
„Якумо"	1	11	—	10
„Ниссинъ" . . .	7	9	2	15
„Кассуга" . . .	—	—	—	10
Миноносцы . . .	—	3	—	8
Итого . .	12	52	12	121

Кромѣ того, извѣстно, что были убитые на броненосцѣ „Чинъ-Іенѣ" и крейсерѣ „Идзуми". Раненые, оставшіеся въ судовыхъ лазаретахъ или въ госпиталяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ этотъ счетъ не входятъ.

Такая же табличка для русскихъ потерь людьми въ этомъ сраженіи, не включая всѣхъ раненыхъ и убитыхъ:

	Убито:		Ранено:	
	офиц.	нижн. чин.	офиц.	нижн. чин.
„Цесаревичъ" . .	7	10	9	40
„Аскольдъ" . . .	1	11	4	44
„Новикъ"	—	2	—	—
„Діана"	1	3	—	23
Остальныя суда .	2	38	21	286
Итого. . .	11	64	34	363

Достойно отмѣтить, что „Микаса" потерялъ 121 выбывшихъ изъ строя, а „Цесаревичъ", столь сильно пострадавшій, всего 66. Это показываетъ, какъ сильно долженъ былъ пострадать „Микаса". Могли еще серьезно пострадать (если судить по числу пострадавшихъ людей) „Якумо" (22 уб. и ран.) и „Ниссинъ" (33 уб. и ран.), но изъ нихъ „Ниссинъ" уже упомянутъ былъ въ числѣ обстрѣливавшихъ послѣ 28 іюля Портъ-Артуръ.

III.

Вслѣдъ за морскимъ сраженіемъ 28 іюля произошло 1-го (14) августа другое морское сраженіе: между владивостокскою эскадрою, шедшею на встрѣчу портъ-артурской, и эскадрою вице-адмирала Камимуры, котораго задача была наблюдать за владивостокскою эскадрою, до того времени успѣшно маневрировавшей въ Японскомъ морѣ и даже въ открытомъ океанѣ. Изъ Владивостока вышло три броненосныхъ крейсера „Россія", „Громобой" и „Рюрикъ", подъ флагомъ к.-адм. Іессена. В.-адм. Камимура имѣлъ подъ своей командою 4 броненосныхъ крейсера, 4 защитныхъ и отрядъ минныхъ судовъ. Составъ его эскадры виденъ изъ слѣдующей таблицы:

	Водоизмѣщеніе тоннъ.	Орудій. Тяжелыхъ.	Всего.	Минныхъ аппаратовъ.
I дивизія.				
„Идзумо". брон. крейс. . .	9,900	18	37	4
„Ивате", „ „ . .	9,900	18	37	4
„Токива", „ „ . .	9,900	18	37	5
„Азума", „ „ . .	9,500	16	35	5
II дивизія.				
„Такашихо", защ. крейс. . .	3,700	10	16	4
„Цусима", „ „ . .	3,400	6	20	—
„Нанива", „ „ . .	3,700	8	14	4
„Ніитака", „ „ . .	3,400	6	20	—
III дивизія.				
Миноносцы	?	—	?	?
Итого . . .	63,400	100	216	26

Изъ этого состава миноносцы и 2 крейсера „Цусима" и „Ніитака" въ битвѣ 1 авг. участія не принимали. Русскія силы, принявшія участіе въ сраженіи, выясняются слѣдующею таблицею:

	Водоизмѣщеніе тоннъ.	Орудій. Тяжелыхъ.	Всего.	Минныхъ аппаратовъ.
„Россія", брон. крейс. . . .	13,700	20	77	5
„Громобой", брон. крейс. . .	13,200	20	78	4
„Рюрикъ", „ „ . .	11,700	20	38	6
Итого . . .	38,600	60	193	15

Исключая же средства „Цусимы" и „Ніитаки", мы видимъ что к.-адм. Іессенъ располагалъ *тремя* единицами противъ *пяти*, но единицы его были сильнѣе единицъ в.-адм. Камимуры, такъ что русскій адмиралъ имѣлъ 38.600 противъ 56.600 тоннъ японскихъ; 193 орудія противъ 176; въ томъ числѣ 60 тяжелыхъ

орудій противъ 88; и 15 минныхъ аппаратовъ противъ 26. Число всѣхъ орудій у русскихъ было даже больше, нежели у японцевъ, но число тяжелыхъ орудій, рѣшающихъ артиллерійскій бой между бронированными судами, у японцевъ было на 18 единицъ больше, т. е. ровно на 30%. Этотъ перевѣсъ, вмѣстѣ съ недостаточною скоростью „Рюрика“, и рѣшилъ битву въ пользу японцевъ. Офиціальное донесеніе такъ описываетъ это сраженіе:

„1 августа, съ разсвѣтомъ, въ четыре съ половиною часа утра, имѣя пары во всѣхъ котлахъ, подошелъ съ крейсерами „Россія“, „Громобой“ и „Рюрикъ“ къ параллели Фузана, въ разстояніи отъ послѣдняго 42 мили и отъ сѣвернаго маяка острова Цусима 36 миль, гдѣ повернулъ къ западу. Въ скоромъ времени увидѣли впереди праваго траверза, приблизительно въ 8-ми миляхъ къ сѣверу, японскую эскадру броненосныхъ крейсеровъ, шедшую параллельнымъ съ нами курсомъ и состоявшую изъ 4-хъ судовъ типа „Ивате“. Повернувъ влѣво и давъ полный ходъ, взялъ курсъ въ нордъ-остовую четверть, чтобы по возможности выйти въ открытое море. Непріятель, имѣвшій первоначально преимущество въ ходѣ, тотчасъ же повернулъ, легъ параллельнымъ курсомъ и заставилъ меня принять бой, начавшійся въ 5 часовъ утра, съ разстоянія свыше 60-ти кабельтовыхъ. Вскорѣ изъ пролива съ юга показался идущій на соединеніе съ непріятелемъ крейсеръ 2-го класса типа „Нанива“. Непріятель, замѣтивъ мое намѣреніе выбраться на нордъ-остъ въ открытое море, сталъ склонять курсъ въ нашу сторону и тѣмъ помѣшалъ исполненію нашего маневра, почему, выбравъ удобный моментъ, быстро повернулъ вправо и легъ въ нордъ-вестовую четверть, съ разсчетомъ, до подхода къ корейскому берегу, отойти на сѣверъ. Этотъ маневръ не былъ замѣченъ своевременно, и, при увеличившемся до 17-ти узловъ ходѣ, появилась полная вѣроятность въ удачи, но не прошло и пяти минутъ, какъ крейсеръ „Рюрикъ“ вышелъ изъ строя и поднялъ сигналъ „руль не дѣйствуетъ“, почему я поднялъ сигналъ „управляться машинами“, и продолжалъ идти прежнимъ курсомъ. Не получивъ на этотъ сигналъ отвѣта и видя, что всѣ японскіе крейсера сосредоточили свой огонь на „Рюрикѣ“, все послѣдующее мое маневрированіе имѣло исключительною цѣлью дать ему возможность исправить поврежденіе руля, отвлекая на себя весь огонь непріятеля для прикрытія „Рюрика“. Въ это время были замѣчены еще два крейсера 2-го и 3-го класса, шедшіе на соединеніе съ непріятелемъ. На „Рюрикѣ“ былъ поднятъ сигналъ „не могу управляться“. Маневрируя впереди его, я далъ ему возможность отойти по направленію къ корейскому берегу мили на двѣ, и такъ какъ на поднятый ему около 8 час. сигналъ „идти во Владивостокъ“ онъ отрепетовалъ его и привелъ на надлежащій курсъ, имѣя при этомъ большой „ходъ“, что видно было по буруну впереди его носа,

я съ крейсерами „Россія“ и „Громобой“ окончательно легъ на нордъ-вестъ, все время сражаясь съ непріятелемъ, взявшимъ параллельный курсъ и державшимся отъ насъ отъ 32 до 42 кабельтовыхъ. Въ это время „Рюрикъ“ находился отъ насъ приблизительно на зюдъ-вестъ на разстояніи 3—4 миль. На этомъ галсѣ бой продолжался полныхъ два часа, и намъ нанесены значительныя поврежденія... Около половины девятаго часа „Рюрикъ“ сталъ сильно отставать и снова повернулъ носомъ отъ берега. Видно было, что присоединившіеся два крейсера 2-го класса завязали съ нимъ бой, послѣ чего онъ вскорѣ сталъ скрываться изъ виду, но такъ какъ адмиралъ Камимура съ 4-мя броненосными крейсерами неотступно держался наравнѣ съ нами и, такимъ образомъ, удалялся отъ „Рюрика“, то я продолжалъ бой на этомъ галсѣ, отвлекая непріятеля далѣе на сѣверъ, въ надеждѣ, что „Рюрикъ“ справится съ двумя сравнительно слабыми противниками и, исправивъ поврежденія руля, будетъ въ состояніи самостоятельно достигнуть Владивостока... Въ 10 часовъ, стрѣляя залпами, весь отрядъ японскій пошелъ отъ насъ, прекративъ огонь послѣ 5-тичасового жестокаго боя. Я сейчасъ же началъ приводить въ извѣстность потери и поврежденія. На „Россіи“ въ подводной части и у ватеръ-линіи было 11 пробоинъ, а на „Громобоѣ“—6. Убыль флотскихъ офицеровъ на обоихъ крейсерахъ превышала половину всего состава, нижнихъ же чиновъ доходила до 25 проц.“

Оставшійся и жестоко поврежденный „Рюрикъ“ затонулъ. Въ то время, какъ четыре броненосныхъ крейсера в.-адм. Камимуры вели пятичасовую борьбу съ двумя русскими броненосными крейсерами, выведенный изъ строя „Рюрикъ“ былъ аттакованъ крейсерами „Такачихо“ и „Нанива“, а когда показались шедшіе обратно четыре японскихъ крейсера, команда потопила „Рюрикъ“. Въ концѣ двѣнадцатаго часа крейсеръ пошелъ ко дну, а всплывшая команда подобрана японцами. По свидѣтельству спасшагося лейтенанта Иванова, со стороны японцевъ „пріемъ и уходъ за ранеными былъ весьма внимателенъ, а отношеніе съ остальными чинами весьма хорошее“. Гибель „Рюрика“ дополняетъ собою тяжелыя утраты русскаго флота въ эти тягостные дни 28 іюля и 1 августа. Со стороны японцевъ 1 августа особенно пострадалъ, по слухамъ, крейсеръ „Издумо“, на которомъ былъ поднятъ флагъ в.-адм. Камимуры.

Имѣются слѣдующія извѣстія о послѣдующихъ морскихъ дѣйствіяхъ:

Токіо, 5-го (18-го) августа (Рейтеръ). Того телеграфируетъ, что канонерки „Мая“ и „Акаджи“, занимавшія наблюдательный постъ, близъ Сяобиндао, замѣтили 29-го іюля около Саньшаня русскія канонерки „Гилякъ“ и „Отважный“, которыя бомбардировали японскія сухопутныя войска. Японскія канонерки ихъ

атаковали, при чемъ снарядъ съ „Акаджи“ попалъ въ „Гиляка“, который поспѣшно удалился въ Портъ-Артуръ.

Лондонъ, 7 (20) августа. Здѣшнее японское посольство опубликовало слѣдующую телеграмму:

„Согласно донесенію сторожевого судна у Портъ-Артура, канонерка типа „Отважный“ наскочила на мину и затонула близь Ляотешаня въ 7 час. 50 мин. пополудни 5 августа“ (Т. А.).

Токіо, 5 (18) августа (Рейтеръ). Оффиціальная депеша гласитъ, что русскіе спасли экипажъ канонерки „Отважный“, затонувшій близь Портъ-Артура (Р. А.).

Берлинъ, 7-го (20-го) августа. Японское военное судно, состоящее подъ начальствомъ капитана Того (не адмирала того же имени), затонуло возлѣ Портъ-Артура, повидимому, во время ночной бомбардировки крѣпостныхъ укрѣпленій, которыя на этотъ разъ энергично отвѣчали на огонь („Berliner-Lokalanzeiger“).

Токіо, 11-го (24-го) августа (Рейтеръ). Катаоки доноситъ: броненосецъ „Севастополь“ вчера вышелъ изъ Портъ-Артура, наскочилъ на мину и, накренившись на правый бортъ, былъ введенъ обратно въ гавань.

Сообщеніе главного морского штаба, 7 сентября 1904 г.:

По полученнымъ изъ Портъ-Артура свѣдѣніямъ, во время работъ 11 августа по очисткѣ рейда отъ поставленныхъ японцами минъ погибли лейтенанты Рихтеръ 1-й и Кашерининовъ и ранены баронъ Драхенфельсъ и младшій инженеръ-механикъ Брунсъ 2-й.

Къ этому надо прибавить, что легко вооруженный транспортъ „Лена“, сопровождавшій владивостокскую эскадру, 1 августа отдѣлился отъ нея, избѣгая боя, въ которомъ принять участіе не могъ. Выйдя усиленнымъ ходомъ въ открытый океанъ, „Лена“ этимъ чрезмѣрнымъ усиліемъ повредила машину и кое-какъ добралась до Санъ-Франциско, гдѣ разоружилась.

Эти морскія битвы выяснили, что безъ подкрѣпленія изъ Россіи одолѣть японцевъ на морѣ невозможно, а только торжество на морѣ могло бы привести Японію къ необходимости заключить миръ, согласно желаніямъ Россіи. Поэтому-то движеніе на Дальній Востокъ новой эскадры изъ состава Балтійскаго флота и приковываетъ общее вниманіе. 29 августа эскадра к.-адм. Рождественскаго отбыла изъ Кронштадта. Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ читаемъ объ этомъ слѣдующее:

„29-го августа въ 9 час. 30 мин. утра начали сниматься съ якоря суда второй тихоокеанской эскадры въ слѣдующемъ составѣ и порядкѣ: крейсеры I ранга: „Дмитрій Донской“, за нимъ „Аврора“, „Свѣтлана“, крейсеръ II ранга „Алмазъ“ (флагъ контръ-адмирала Энквистъ); въ 10 часовъ утра эскадренные броненосцы „Ослябя“ (флагъ контръ-адмирала фонъ-Фелькерзамъ), „Сысой

Великій", „Наваринъ", крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ", эскадренные миноносцы „Блестящій", „Безупречный", „Бѣдовый", „Бодрый", „Быстрый", „Буйный" и „Бравый"; послѣдними въ 11 час. 10 мин. снялись броненосцы „Императоръ Александръ III", „Князь Суворовъ" (подъ флагомъ командующаго эскадрой, контръ-адмирала Рождественскаго) и „Бородино", транспорты „Китай", „Корея" и „Князь Горчаковъ". Всѣ суда ушли въ море, держась въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ".

Тамъ же находимъ приказъ главнаго командира флота и портовъ и начальника морской обороны Балтійскаго моря за № 516 6-го сентября 1904 года, въ которомъ читаемъ:

„Предписываю командирамъ: эскадреннаго броненосца „Орелъ", крейсеровъ „Олегъ" и „Жемчугъ" и транспорта „Камчатка" въ воскресенье, 12 сентября, выйти на рейдъ. Командиру крейсера „Изумрудъ" выйти на рейдъ въ четвергъ, 16 сентября. Очень прошу, чтобы къ этому времени были закончены всѣ главныя пріемки, по частямъ: артиллерійской, коммисаріатской, механической и шкиперской, а также, чтобы былъ погруженъ полный запасъ угля".

Такимъ образомъ, эскадра контръ-адмирала Рождественскаго заключаетъ 7 эскадренныхъ броненосцевъ, 8 крейсеровъ и 7 миноносцевъ. По оффиціальнымъ даннымъ, сила эскадры выясняется слѣдующею таблицею:

	Водоизмѣщеніе тоннъ.	Орудій. Тяжелыхъ.	Орудій. Всего.	Минныхъ аппаратовъ.
1. Александръ III, бронен. .	13,700	16	58	6
2. Суворовъ, „ .	13,700	16	58	6
3. Бородино, „ .	13,700	16	58	6
4. Орелъ, „ .	13,700	16	58	6
5. Ослябя, „ .	12,700	15	63	5
6. Наваринъ, „ .	9,700	12	36	5
7. Сысой Великій, „ .	9,100	10	34	6
8. Нахимовъ, брон. крейс. .	8,600	18	34	3
9. Олегъ. „ „ .	6,700	12	32	2
10. Дмитр. Дон. „ „ .	6,200	16	44	—
11. Аврора, защит. крейс. .	6,700	8	40	3
12. Свѣтлана, „ „ .	3,800	6	18	2
13. Алмазъ, „ „ .	3,300	—	8	5
14. Жемчугъ, „ „ .	3,100	6	15	5
15. Изумрудъ, „ „ .	3,100	6	15	5
16—22. Миноносц. семь, всего.	2,450	—	42	14
23—26. Транспортовъ . . .	?	—	?	?
Итого. . .	130,250	183	614	74

Это очень серьезныя силы, хотя и не достигающія силы всего японскаго флота. Чтобы эти морскія подкрѣпленія сыграли предназначаемую имъ роль, необходимо или сохранить до ихъ прихода нынѣшнія русскія морскія силы въ Тихомъ Океанѣ въ

цѣлости, или же при ихъ утратѣ серьезно ослабить японскія силы.

Сохраненіе въ цѣлости нынѣ еще активныхъ русскихъ морскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ зависитъ отъ силы сопротивленія Портъ-Артура, а въ случаѣ его паденія ослабленіе японскаго флота будетъ зависѣть отъ умѣнія и мужества портъ-артурскихъ адмираловъ. Паденіе или сохраненіе Портъ-Артура играетъ поэтому первоклассную роль въ этой морской тяжбѣ.

IV.

Извѣстно, что русскіе допустили вторую армію (генерала Оку) безпрепятственно высадиться въ Бицыво, послѣ чего эта армія около 1 (14) мая прервала сообщенія Портъ-Артура, а 8 мая начала атаку на Цзинъ-чжоусскія позиціи, занятыя дивизіей генерала Фока впереди Портъ-Артура, Таліенвана и Дальняго. Пятидневный кровопролитный бой завершился 13 (26) мая очищеніемъ этихъ позицій русскими войсками, очищеніемъ Таліенвана и Дальняго и отступленіемъ на передовыя укрѣпленія Портъ-Артура. Японцы тогда же заняли Цзинъ-Чжоу и Наншанскія укрѣпленныя высоты, оставленныя русскими, но города Таліенванъ и Дальній и узловую желѣзнодорожную станцію Саншилипу они заняли только 17 (30) мая и затѣмъ до начала іюня (около двухъ недѣль) пребывали на этихъ позиціяхъ въ бездѣйствіи. Впослѣдствіе выяснилось, что въ это время армія генерала Оку ушла на сѣверъ противъ корпуса генерала Штакельберга, съ которымъ и сразилась подъ Вафангоу. Армію Оку замѣнила подъ Портъ-Артуромъ четвертая армія (ген. Ноги). Этой замѣной войскъ, а отчасти и усиленною очисткою Дальнинской гавани и всего Таліенванскаго залива отъ минъ и объясняется упомянутое бездѣйствіе. При очисткѣ отъ минъ погибли крейсеръ „Міако“ и одинъ номерной миноносецъ. Въ это время (начало іюня) лѣвый флангъ японскихъ линій отстоялъ отъ города Портъ-Артура около тридцати верстъ, а правый флангъ около сорока верстъ. Русскія же передовыя укрѣпленія занимали линію Шантайну (на западномъ берегу полуострова) черезъ высоты Гишанъ до возвышенности Лунвантана (на восточномъ берегу), въ разстояніи около 18 верстъ отъ Артура. Пространство 10—12 верстъ раздѣляло противниковъ. 12 (25) іюня японцы прошли это пространство береговыми дорогами по восточному и по западному берегу и заняли на западѣ Чинчендзе, на востокѣ Шіонтинтау и связывающую ихъ цѣпь холмовъ и стали уже въ непосредственной близости съ передовой оборонительной линіей русской крѣпости. 13 (26) іюня, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ Цзинъ-Чжоусскаго сраженія, японцы повели атаку противъ русскихъ укрѣпленныхъ позицій. Ожесточенный бой этотъ, длившійся цѣлый день, не принесъ японцамъ успѣ-

ховъ на ихъ правомъ флангѣ и въ центрѣ, но на лѣвомъ флангѣ, при содѣйствіи флота, имъ удалось вынудить русскихъ очистить лѣвый берегъ Лунвантанъ-хе, который и былъ занятъ японцами; но 20 и 21 іюня русскіе атаковали японцевъ и возвратили себѣ господство на этой возвышенности, чему помогла русская эскадра, вышедшая для этого изъ гавани и обстрѣливавшая съ моря японскія позиціи. Русскіе удерживали эти позиціи до середины іюля. Къ этому времени японцы получили и поставили на позиціи осадныя орудія, значительно усилили численность арміи и довели составъ флота до той грозной силы семи дивизій, исчисленіе которой мы привели выше. Задачи, возложенныя на эти морскія силы, очень разнообразны и представляютъ огромное значеніе. Блокада крѣпости съ моря; конвоированіе транспортовъ и охрана сообщеній дѣйствующихъ армій, безъ чего война стала бы невозможной; и недопущеніе выхода русской эскадры, — таковы эти задачи, отъ выполненія которыхъ зависитъ весь ходъ и исходъ огромной и ужасной борьбы, затѣянной японцами.

13 (26) іюля, послѣ продолжительной бомбардировки, японцы повели общую атаку на русскую передовую линію укрѣпленій, по всему фронту, отъ моря до моря. Особенно сильную атаку на Лунвантанскія высоты поддерживали со стороны моря японскія суда: броненосецъ „Чинъ-Іенъ", крейсеры „Ицукушима", „Мацушима", „Гашидате" и „Чіода", 2 крейсера третьяго ранга, нѣсколько канонерокъ и 30 миноносцевъ. Русскіе съ своей стороны выслали для ослабленія этой морской помощи штурмующимъ войскомъ крейсеры „Баянъ", „Аскольдъ", „Паллада" и „Новикъ" и отрядъ миноносцевъ. Произошло артиллерійское состязаніе, въ теченіе котораго снарядомъ съ „Баяна" былъ выведенъ изъ строя крейсеръ „Ицукушима" (черезъ двѣ недѣли этотъ крейсеръ былъ уже исправленъ и принялъ участіе въ битвѣ 28 іюля), а взрывомъ мины поврежденъ крейсеръ „Чіода" (28 іюля въ сраженіи отсутствовалъ). Послѣ этого японскій морской отрядъ удалился: „Чіода", „Ицукушима" и канонерки въ Дальній, остальныя суда — въ море.

Штурмъ продолжался безъ перерыва три дня (13, 14 и 15 іюля) и былъ отбитъ по всей линіи, о чемъ генералъ Стессель и донесъ вечеромъ 15 іюля. Потери русскихъ опредѣлились въ 40 офицеровъ и 1.500 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Японскія потери неизвѣстны, но должны быть значительны, въ виду упорныхъ многочисленныхъ приступовъ, кончившихся отраженіемъ. Въ этомъ отраженіи дѣятельное участіе принялъ и флотъ; и послѣ упомянутаго выше сраженія 13 іюля, и въ слѣдующіе дни выходили тѣ же крейсера и миноносцы и, кромѣ того, броненосецъ „Ретвизанъ" и канонерки „Отважный", „Гремящій" и „Гилякъ". Они усиленно обстрѣливали штурмовыя колонны японцевъ, крейсерскіе отряды которыхъ не могли состя-

заться съ русскою эскадрою въ виду присутствія въ ея составѣ „Ретвизана", а первоклассные японскіе броненосцы со времени гибели „Гацусе" не приближались къ берегу въ полосу моря, не безопасную отъ минъ.

Эта серьезная неудача не обезоружила японцевъ, и уже 17 іюля японцы снова новыми силами атаковали русскія позиціи, при чемъ атака была на этотъ разъ поддержана съ моря. Въ штурмѣ участвовало до пяти дивизій, въ бомбардировкѣ съ моря 4 броненосца, 4 броненосныхъ крейсера, 10 защитныхъ крейсеровъ и 48 миноносцевъ. Русскій флотъ не могъ выйти навстрѣчу такимъ силамъ, и генералъ Стессель, обстрѣливаемый съ моря вдоль позицій, рѣшилъ ихъ очистить и отступить за вторую линію передовыхъ укрѣпленій, что и успѣлъ совершить, снявъ орудія и нанеся большія потери японцамъ при помощи заложенныхъ на пути ихъ наступленія фугасовъ. Эта вторая оборонительная линія русскихъ начиналась на востокѣ у впаденія р. Таши-Хе въ море, тамъ, гдѣ на правомъ (южномъ) ея берегу возвышается гора Дагушанъ; далѣе на западъ теченіе этой рѣчки обозначало русскую оборонительную линію до Волчьей Горы, на которой возвышался фортъ, а еще далѣе къ западу до бухты Луизы шли отдѣльныя укрѣпленія, подступы къ которымъ защищались артиллеріею форта Волчьей Горы. 17 (30) іюля русскіе заняли эту линію, а японцы оставленную русскими Лунватанскую линію, имѣвшую ту для нихъ невыгоду, что надъ нею господствовала новая оборонительная линія русскихъ. Японцы понимали необходимость не останавливаться на занятыхъ позиціяхъ, но энергично продолжать штурмъ; и, дѣйствительно, въ ночь на 18 іюля имъ удалось овладѣть фортомъ на Волчьей Горѣ, а вмѣстѣ съ этимъ русскіе очистили и всю линію на западъ отъ этого форта до бухты Луизы. Этимъ путемъ вся западная половина второй оборонительной линіи оказалась въ рукахъ японцевъ, которые въ ближайшіе затѣмъ дни (19—25 іюля) заняли холмы къ западу отъ Артура, воздвигли фортъ на холмѣ у восьмикорабельной бухты и, вооруживъ его дальнобойными тяжелыми орудіями, получили возможность обстрѣливать новый городъ и внутренній рейдъ. Это и былъ тотъ моментъ, о которомъ мы говорили выше, и который рѣшилъ вопросъ о выходѣ русскаго флота.

26 іюля (8 авг.) японцы, послѣ пятнадцатичасовой бомбардировки, штурмовали восточную половину второй оборонительной линіи и взяли фортъ Дагушанъ, но 27 іюля русскіе взяли его обратно. 28, 29 и 30 іюля крѣпость подвергалась бомбардировкѣ. Въ эти дни русская эскадра сдѣлала вышеописанную попытку прорваться изъ Портъ-Артура, и половина ея возвратилась въ его гавань. 30 іюля двѣ русскія канонерки выходили обстрѣливать съ моря японскія батареи, но возвратились послѣ встрѣчи съ японскимъ отрядомъ. 1 и 2 августа японцы предпринимаютъ

рядъ штурмовъ на тѣ же восточныя укрѣпленія, но безуспѣшно. 3 августа японскій главнокомандующій маршалъ Ояма, до сего времени лично руководившій осадою, прислалъ генералу Стесселю парламентера съ предложеніемъ сдать крѣпость и эскадру, при чемъ гарнизонъ съ оружіемъ безпрепятственно будетъ пропущенъ на соединеніе съ русскою манчжурскою арміей. Генералъ Стессель категорически отвергъ предложеніе, послѣ чего отказался и отъ трехдневнаго перемирія, предложеннаго японцами для уборки убитыхъ.

Въ это время (начало августа) японцы занимали линію отъ Голубиной бухты на западѣ черезъ фортъ на Волчьей Горѣ до батарей, выставленныхъ противъ форта Дагушана на восточномъ берегу. Кромѣ внутренней крѣпостной линіи фортовъ и приморскихъ фортовъ, русскіе занимали впереди форты: *Ляотешанъ* на горѣ, обращенной къ морю и къ Голубиной бухтѣ; *Ичанъ* къ с.-з. отъ перваго и отъ западнаго бассейна гавани; *Паличжуанъ* — на сѣверѣ противъ Волчьей Горы и занятаго японцами впереди отъ горы укрѣпленія Сюй-Шина, и *Дагушанъ* на восточномъ берегу, о которомъ было говорено выше. Между этими четырьмя передовыми фортами расположены второстепенные редуты, люнеты и пр. Отъ 7 (20 августа) изъ Чифу сообщалось, что 5 и 6 августа японцы штурмовали нѣкоторыя русскія позиціи, но, наткнувшись на мины и много потерявъ отъ взрыва, отступили. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, они при поддержкѣ флота возобновили свои атаки 6 и 7 августа, но были отбиты. Въ штурмѣ участвовали будто бы до 60,000 комбатантовъ. Объ этихъ сраженіяхъ ген. Стессель вкратцѣ доносилъ, что „съ 4 часовъ 30 минутъ утра 6 августа японцы начали штурмъ Угловой Горы и сильно бомбардировали укрѣпленія сѣвернаго и отчасти восточнаго фронтовъ изъ своихъ батарей на Волчьей Горѣ. Впереди Сюй Шина и по всей долинѣ Лунъ-Хе (рѣчка, впадающая съ запада въ артурскую гавань) японцы вели траншеи“.

Изъ китайскихъ источниковъ сообщалось снова:

„Чифу, 9-го (22 го) августа (Рейтеръ). Ожесточенный штурмъ Портъ-Артура продолжается; побѣда все еще колеблется. Китаецъ, прибывшій изъ Портъ-Артура, говоритъ, что японцы, производя постоянныя атаки при поддержкѣ артиллеріи, продвинулись впередъ черезъ раіонъ Голубиной бухты, оттѣснивъ русскихъ къ главной оборонительной линіи. Однако, японцы не имѣли возможности удержать за собою позиціи и подъ убійственнымъ огнемъ русскихъ принуждены были отступить къ сѣверу. Японцы въ теченіе 48 часовъ бомбардировали важный фортъ на горѣ Ицшанъ; затѣмъ пѣхота двинулась впередъ, тѣсня русскихъ. Тогда русская артиллерія открыла огонь по позиціи и заставила японцевъ отступить“.

„Чифу. 10-го (23-го) августа (Рейтеръ). Согласно разсказамъ

китайцевъ, прибывшихъ изъ Портъ-Артура, японцы захватили Итшанъ".

Это важное извѣстіе о паденіи Ичана подтверждалось и теллеграммою отъ 11 сент. агентств. Рейтера. Новое подтвержденіе находимъ въ теллеграммѣ:

„Чифу, 12 го (25-го) августа (Рейтеръ). Относительно положенія при Портъ-Артурѣ изъ достовѣрнаго источника сообщаютъ слѣдующее: На востокѣ мѣстность между Дагушаномъ и Волчьими горами находится въ рукахъ японцевъ. На западѣ они занимаютъ фортъ Итшанъ, но, благодаря фугасамъ, не могутъ продвинуться дальше. Голубиная бухта также въ рукахъ японцевъ; на сѣверѣ же они занимаютъ Таліенченъ. Японскіе передовые отряды нѣсколько разъ проникали за линіи внутреннихъ фортовъ, но каждый разъ были отброшены назадъ".

Изъ Токіо въ телеграммѣ отъ 13 авг. снова сообщалось о взятіи Ичана и прибавлялось, что „японская артиллерія начнетъ теперь съ этого пункта бомбардировать внутреннюю линію укрѣпленій". Вслѣдъ затѣмъ появилось слѣдующее сенсаціонное извѣстіе:

„Лондонъ, 14-го (27-го) августа (Рейтеръ). Согласно частнымъ, но надежнымъ извѣстіямъ, полученнымъ въ Тяньцзинѣ 14-го августа, японцы проникли чрезъ фортъ Итшанъ въ Портъ-Артуръ. Японцы медлили, однако, сообщить что-нибудь офиціально, пока сраженіе не будетъ совершенно окончено („Standart", вечерн. изданіе)".

Слѣдующая затѣмъ изъ тѣхъ же китайскихъ источниковъ телеграмма излагала это событіе нѣсколько иначе:

„Чифу, 16-го (29-го) августа. По словамъ китайцевъ, прибывшихъ изъ Портъ-Артура, 13-го и 14-го августа была сильная канонада. По полученнымъ свѣдѣніямъ, японцы атаковали 14-го августа внутренніе форты со стороны Итшана, но были отбиты".

Но одновременно съ этимъ получены сообщенія, что Ичанъ находится опять въ рукахъ русскихъ, такъ что онъ или вовсе не былъ взятъ японцами, или очень скоро былъ обратно взятъ русскими. Офиціальная телеграмма ген.-ад. Стесселя отъ 15-го августа гласитъ:

„Въ ночь на 14-ое августа въ 3 часа, во время сильнѣйшаго дождя и грозы, японцы вновь сдѣлали попытку атаковать наши позиціи на лѣвомъ флангѣ, а также одинъ фортъ и горы Удянчанъ. Атака была отбита на всѣхъ пунктахъ".

Рядомъ съ борьбою за Ичанъ шла не менѣе ожесточенная борьба—за Паличжуанъ. Слѣдующая телеграмма даетъ о томъ нѣкоторыя свѣдѣнія:

„Чифу, 18-го (31-го) августа (Рейтеръ). Сюда только что прибылъ китаецъ, выѣхавшій изъ Портъ-Артура 16-го августа

вечеромъ. Этотъ китаецъ, раньше служившій въ полицейскомъ управленіи и бѣгло говорящій по русски, сообщаетъ, что 14-го августа былъ жаркій бой. Японцы, наступая отъ Сюйшина, пытались завладѣть Паличжуаномъ, расположеннымъ къ югу отъ Сюйшина и къ западу отъ желѣзной дороги. Они два раза ходили на приступъ между 4 и 8 часами утра, но оба раза были отбиты. Китаецъ добавляетъ, что до его отъѣзда японцы не предпринимали новаго штурма на Паличжуанъ, и подтверждаетъ, что русскіе снова заняли Ичанъ.—15-го августа, въ $4^1/_2$ часа утра японцы атаковали фортъ № 6, расположенный къ сѣверо-востоку отъ ихъ праваго фланга. Этотъ фортъ совершенно новый. Послѣ трехчасового боя, имъ удалось завладѣть фортомъ № 6. Нѣсколько другихъ фортовъ сосредоточили тогда огонь по № 6 и заставили японцевъ очистить его".

Оттуда же 19 авг., что

„высажены японцами подкрѣпленія, прибывшія на плотахъ, у Ляотешана, гдѣ идетъ ожесточенный бой Русскіе отобрали обратно Ичанъ и держатся у Паличжуана, откуда японцы были вытѣснены. Въ настоящее время сильно бомбардируется Тигровый Хвостъ".

Вѣроятно, о тѣхъ же сраженіяхъ ген.-ад. Стессель доноситъ:

„Отъ 20-го августа. Въ ночь на 20-е непріятель произвелъ наступленіе на Высокую и Длинную горы, обстрѣливая ихъ въ то же время артиллерійскимъ огнемъ. По передовымъ его цѣпямъ, своевременно обнаруженнымъ, былъ открытъ огонь: непріятельская батарея попала на самовзрывчатые фугасы и понесла потери. Черезъ часъ наступленіе было остановлено исключительно огнемъ. Наши потери ничтожны.

Отъ 21 августа. Непріятель усиливается противъ западнаго фронта крѣпости. Продолжается обстрѣливаніе фортовъ, а также внутренности крѣпости и порта. Наканунѣ и въ теченіе ночи выпущено по городу около 250 бомбъ. Эскадра (японская, конечно) все время держится въ виду крѣпости".

Затѣмъ изъ многочисленныхъ взаимно противорѣчивыхъ и неудобопонятныхъ китайскихъ сообщеній слѣдуетъ остановиться на нижеприводимыхъ, какъ болѣе взаимно согласованныхъ и болѣе соотвѣтствующихъ общему ходу осады:

„Чифу, 21-го августа (3-го сентября) (Рейтеръ). Китаецъ, прибывшій изъ Портъ-Артура, говоритъ, что 16 го августа японцы неожиданно напали на русскихъ въ Паличжуанѣ и захватили позиціи, съ тяжелыми потерями для русскихъ. 17-го августа, утромъ, японцы нѣсколько разъ атаковали Эрлунгшанъ (повидимому, одинъ изъ фортовъ внутренней линіи укрѣпленій), но были отброшены. Потери ихъ при этомъ достигали 1.000 чел. Утромъ 18-го августа японцы бросились на фортъ близъ Эрлунгшана. Русскіе, послѣ семичасового боя, отошли. Страшный огонь съ

другихъ фортовъ заставилъ, однако, японцевъ бросить занятую позицію. Бомбардировка города продолжается безъ перерыва.

Чифу, 22 го августа (4-го сентября) (Рейтеръ). Японцы ставятъ на свои позиціи 400 орудій, дабы безпрерывной бомбардировкой привести къ молчанію русскія батареи и возобновить затѣмъ общую атаку пѣхотой.

Чифу, 26-го августа (8-го сентября). (Рейтеръ). Китайцы, оставившіе Портъ-Артуръ 23-го августа, сообщаютъ, что 21-го августа произошло большое сраженіе. Японцы атаковали нѣкоторыя позиціи на восточномъ и западномъ флангахъ. Русскіе, подпустивъ ихъ на близкое разстояніе, открыли сильный огонь, заставившій японцевъ отступить послѣ трехчасового боя.

Чифу, 28-го августа (10-го сентября). (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Во время послѣднихъ боевъ подъ Портъ-Артуромъ японцы заняли 4 форта, но были вынуждены снова очистить ихъ. Русскіе вновь поставили тамъ орудія („Berliner Lokal-anzeiger").

Чифу, 29-го августа (11-го сентября). (Рейтеръ). По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лица, безусловно достойнаго довѣрія, ближайшій генеральный штурмъ Портъ-Артура войсками Ноги будетъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ фортовъ Эрлуншань и Цзигушань. Съ сѣверо-восточной стороны холмы, на которыхъ находятся эти форты, заняты японскими войсками, живущими въ палаткахъ. Имъ приносятъ съѣстные припасы только ночью. Японскія траншеи вырыты совсѣмъ близко отъ русскихъ. Онѣ частью окончены. Русскіе прилагаютъ усилія къ выравненію склоновъ, бомбардируя неровности почвы, служащія прикрытіемъ для японцевъ. Послѣдніе поддерживаютъ огонь противъ русскихъ, чтобы не дать имъ осуществить ихъ намѣреніе. Приступъ будетъ, вѣроятно, однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ, какой русскимъ пришлось отражать. Японцы приняли самыя тщательныя мѣры. Въ этой мѣстности находятся двѣ дивизіи подъ начальствомъ Ошимы и Тушійи. Общая численность японскихъ войскъ подъ Портъ-Артуромъ достигаетъ 80,000 чел.".

А затѣмъ краткое сообщеніе ген.-ад. Стесселя отъ 28-го августа:

„Ежедневно производится непріятелемъ обыкновенная стрѣльба по фортамъ, батареямъ и внутренности крѣпости, но активныхъ дѣйствій японцы пока не проявляютъ".

Такимъ образомъ, къ сентябрю русскіе сохраняли Ляо-тешанъ, Ичанъ и, вѣроятно, Дагушанъ, но, вѣроятно, нѣкоторыя изъ промежуточныхъ укрѣпленій были разрушены японцами, которые снова готовились къ генеральной атакѣ. Послѣ 28-го августа военныя дѣйствія развивались согласно слѣдующимъ болѣе вѣроятнымъ сообщеніямъ:

„Шанхай, 2-го (15-го) сентября („Daily Mail"). По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Токіо, первая японская дивизія атакуетъ

Портъ-Артуръ съ запада, 9-я дѣйствуетъ противъ центра, а 11-я противъ восточныхъ укрѣпленій. Самыя крупныя потери понесла поэтому одиннадцатая дивизія, а слѣдующая за ней—девятая. Всѣ офицеры седьмого артиллерійскаго полка, принадлежащаго къ девятой дивизіи, убиты или ранены. Японцы заняли укрѣпленія Паличжуана; два солдата подползли къ русскимъ окопамъ и бросили въ нихъ нѣсколько минъ, послѣ чего русскіе покинули окопы.

Изъ Парижа сообщаютъ, 3 сентября, что, по полученнымъ тамъ свѣдѣніямъ, японцы за послѣдніе дни добились значительныхъ успѣховъ въ осадѣ Портъ-Артура. Особенное значеніе придается занятію ими форта въ трехъ километрахъ къ востоку отъ Золотой горы (Т. А.)".

Ген.-ад. Стессель отъ 3-го сентября доноситъ:

„Сего числа ночью, около 3-хъ часовъ, японцы, въ числѣ не менѣе баталіона атаковали водопроводный редутъ. Гарнизонъ отбилъ атаку японцевъ; они отошли, но черезъ полчаса, получивъ поддержку, вновь перешли въ атаку. Гарнизонъ отбилъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, при поддержкѣ артиллеріи, и эту вторую атаку. Японцы понесли большія потери и болѣе не пытались переходить въ наступленіе".

Послѣ приведенной телеграммы оффиціальныхъ извѣстій изъ Портъ-Артура не получалось, а частныя сводятся къ слѣдующему:

„Токіо, 9-го (22-го) сентября. Какъ видно изъ полученныхъ здѣсь извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, японцы заняли три форта у Портъ-Артура".

„Чифу, 13-го (26-го) сентября („Daily Telegraph"). Въ теченіе сегодняшняго дня не получено никакихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ подъ Портъ-Артуромъ. Блокада японцевъ въ настоящее время весьма дѣйствительна. Сраженія происходятъ ежедневно".

„Владивостокъ. 15-го сентября. Изъ Портъ Артура сообщаютъ, что въ послѣднихъ числахъ августа на спеціально поставленныхъ нами въ разныхъ мѣстахъ въ морѣ, вблизи Артура, минахъ загражденія взорвались, и затонули два японскихъ эскадренныхъ миноносца и одинъ японскій пароходъ и сильно поврежденъ крейсеръ типа „Ніитака". Нашими двумя паровыми катерами подъ начальствомъ лейтенанта Небольсина съ боя взята большая миноноска одного изъ непріятельскихъ броненосцевъ, пытавшаяся ставить мины загражденія подъ берегомъ у артурскихъ укрѣпленій".

„Чифу, 15-го (28 го) сентября (1 ч. 55 м. утра). Китайцы, выѣхавшіе на джонкѣ изъ Портъ-Артура 13-го сентября, прибыли сюда 14-го сентября. По ихъ словамъ, 11-го сентября началось ожесточенное сраженіе, въ которомъ принимаютъ участіе также и моряки въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, помогая гарнизону. Общія силы русскихъ въ Портъ-Артурѣ, такимъ образомъ, дости-

гаютъ тридцати тысячъ человѣкъ. Японцы въ сѣверной части Сюйшина оттѣснили русскія передовыя части въ восточномъ направленіи".

„Шанхай, 14 го (27-го) сентября (Morning Post). По имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ, японцамъ окончательно удалось отрѣзать артурскій гарнизонъ отъ водопровода".

„Инкоу, 14 го (27-го) сентября (Daily Chronicle). Портъ-Артурскій гарнизонъ геройски борется съ японцами. Русскіе ночью сооружаютъ земляныя укрѣпленія для противодѣйствія наступленію японцевъ съ востока; въ теченіе дня эти укрѣпленія разрушаются огнемъ японскихъ орудій, но русскіе исправляютъ ихъ по ночамъ. Крѣпость окружена тѣснымъ кольцомъ японскихъ орудій, огонь начинается съ утра и продолжается весь день; стрѣляютъ даже ночью, при лунномъ свѣтѣ. Послѣдняя линія укрѣпленій на востокѣ разрушена до основанія. Японцы подошли къ ней на разстояніе нѣсколькихъ сотъ шаговъ, но дальше не могутъ двигаться, вслѣдствіе крайней интенсивности огня крѣпостныхъ батарей. На дняхъ русскіе сдѣлали вылазку, но были отбиты и, потерявъ нѣсколько гаубицъ, отступили къ внутреннимъ фортамъ".

Словомъ, упорная борьба продолжается, но численное превосходство постепенно дѣлаетъ свое дѣло, и японское огненное кольцо все тѣснѣе сжимаетъ русскую крѣпость, и если не явится выручка, то искусство и мужество защитниковъ могутъ только отдалить часъ паденія, съ чѣмъ связанъ и часъ новаго рѣшительнаго боя портъ-артурской эскадры.

Я думалъ здѣсь описать ляоянскія битвы, но у меня въ распоряженіи не остается ни мѣста, ни времени. Отложимъ это до слѣдующей бесѣды, если предстоящая битва у Мукдена или Тѣлина не заслонитъ собою даже Ляоянъ.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Сложеніе недоимокъ съ крестьянства манифестомъ 11 августа.—Законъ 11 августа о правѣ жительства нѣкоторыхъ группъ еврейскаго населенія.—Законодательные акты, касающіеся охраны порядка.—II. Военные расходы и государственные финансы.—Вопросъ о призрѣніи семействъ запасныхъ чиновъ арміи.—Отвѣтъ „Вѣстнику Европы".—III. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—Правительственныя распоряженія относительно Финляндіи.

I.

Минувшій мѣсяцъ принесъ съ собою нѣсколько новыхъ законодательныхъ актовъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ является манифестъ 11 августа, провозгласившій отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ деревнѣ и въ войскахъ и, такимъ образомъ, положившій конецъ существованію въ русскомъ законодательствѣ одного изъ наиболѣе мрачныхъ остатковъ крѣпостной эпохи.

Названная мѣра, по всей видимости, до самаго послѣдняго времени не входила въ планъ законодательныхъ актовъ текущаго года. По крайней мѣрѣ, ей непосредственно предшествовало другое постановленіе, касавшееся той же самой области, но болѣе частное и носившее не столь рѣшительный характеръ. Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся 30 іюля по всеподданнѣйшему докладу соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морского судовъ, наказаніе розгами было исключено изъ числа послѣдствій перевода въ разрядъ штрафованныхъ солдатъ и матросовъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. При этомъ, однако, въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ, равно какъ и въ тюрьмахъ морского вѣдомства, „дисциплинарное наказаніе розгами" было сохранено на прежнихъ основаніяхъ „для тѣхъ заключенныхъ, которые по правамъ состоянія, по образованію или по особымъ постановленіямъ не изъяты отъ тѣлеснаго наказанія". Но прошло еще двѣнадцать дней, и манифестъ 11 августа внесъ гораздо болѣе глубокое измѣненіе въ русское законодательство, предписавъ „тѣлесныя наказанія, установленныя по закону за проступки для сельскихъ обывателей, инородцевъ, а также другихъ лицъ, не изъятыхъ отъ сихъ наказаній по правамъ состоянія или особымъ узаконеніямъ, отмѣнить и ихъ впредь такимъ наказаніямъ не подвергать, замѣняя оныя въ потребныхъ случаяхъ другими взысканіями на основаніяхъ, указанныхъ въ подлежащихъ узаконеніяхъ". Созданная этимъ путемъ отмѣна розги въ деревнѣ явилась вмѣстѣ съ тѣмъ и расширеніемъ предшествовавшей ей мѣры по отношенію къ войскамъ, такъ какъ съ исчезновеніемъ среди сельскаго населенія лицъ, не изъятыхъ

отъ тѣлеснаго наказанія, послѣднее должно прекратить свое существованіе и въ тюрьмахъ военнаго и морского вѣдомствъ. Такимъ образомъ, съ многомилліонной массы русскаго крестьянства сброшена, наконецъ, такъ долго тяготѣвшая надъ нею позорная власть розги.

Разъяснять значеніе этой мѣры, конечно, не приходится. Достаточно напомнить, что она продолжаетъ дѣло, начатое почти полвѣка тому назадъ, но на полдорогѣ задержанное оппозиціей крѣпостническихъ элементовъ. Наканунѣ освобожденія крестьянъ существовало уже предположеніе совершенно отмѣнить тѣлесныя наказанія и сравнять въ этомъ отношеніи крестьянство со всѣми остальными сословіями. Однако, благодаря указанной оппозиціи, этотъ планъ не былъ осуществленъ въ полномъ объемѣ, и въ освободительной реформѣ осталось, по выраженію Я. И. Ростовцева, „пятно", въ видѣ сохраненія для крестьянъ тѣлеснаго наказанія, налагаемаго по приговорамъ волостныхъ судовъ. На первыхъ порахъ это казалось лишь кратковременной уступкой, но на дѣлѣ вышло иначе. Направленіе, которому была сдѣлана такая уступка, съ теченіемъ времени пріобрѣтало все большую силу въ русской жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣлесное наказаніе все крѣпче утверждалось въ русской деревнѣ. Мало того,—въ атмосферѣ безправія, все болѣе сгущавшейся надъ жизнью деревни, власть розги уже очень скоро вышла далеко за тѣ предѣлы, какіе были поставлены ей въ законѣ. Сохраняя свое значеніе одного изъ средствъ уголовнаго возмездія, розга вмѣстѣ съ тѣмъ явилась въ рукахъ полицейскихъ и волостныхъ властей средствомъ побужденія плательщиковъ къ исправному взносу податей, и всѣ многочисленныя рѣшенія сената, направленныя къ разъясненію неправильности такого порядка, оказывались безсильными положить конецъ его существованію. Съ учрежденіемъ въ 1889 г. института земскихъ начальниковъ и передачей послѣднимъ права утверждать приговоры волостныхъ судовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ власть розги въ деревнѣ еще болѣе упрочилась, такъ какъ весьма многіе земскіе начальники, особенно на первыхъ порахъ, одною изъ главныхъ задачъ своей дѣятельности считали расширеніе сферы примѣненія тѣлеснаго наказанія среди крестьянскаго населенія. Одно десятилѣтіе смѣняло другое, а въ освободившейся отъ крѣпостного права деревнѣ все еще продолжало царить уродливое наслѣдіе крѣпостничества—безсмысленное и позорное тѣлесное наказаніе. Розга пережила XIX вѣкъ и сохранилась въ XX столѣтіи.

Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе становился и протестъ противъ существованія розги. По мѣрѣ проникновенія просвѣщенія въ русскую деревню и подъема ея правосознанія крестьянское населеніе обнаруживало все менѣе готовности мириться съ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, и среди этого на-

селенія все чаще проявлялись вспышки болѣе или менѣе рѣзкаго протеста противъ такого наказанія. Аналогичный протестъ шелъ и съ другой стороны, пріобрѣтая все болѣе рѣшительный характеръ. Въ земскихъ собраніяхъ, въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ, на всевозможныхъ съѣздахъ и собраніяхъ русской интеллигенціи за послѣдніе годы неумолчно раздавались рѣчи о громадномъ вредѣ, вносимомъ въ народную жизнь существованіемъ тѣлеснаго наказанія, и высказывались энергичныя пожеланія немедленной его отмѣны. Подъ вліяніемъ такихъ условій даже прочно установившаяся было практика земскихъ начальниковъ измѣнила свой характеръ, и число приговоровъ къ тѣлесному наказанію во многихъ мѣстностяхъ Россіи стало замѣтно сокращаться. Правда, это сокращеніе оставалось всетаки весьма относительнымъ. Такъ, еще въ 1896 году въ 19 губерніяхъ волостными судьями было вынесено 6257 приговоровъ къ тѣлесному наказанію, а подвергнуто было въ тѣхъ же губерніяхъ тѣлесному наказанію, по утвержденнымъ земскими начальниками приговорамъ, 2414 человѣкъ. Ожидать естественной смерти розги было, очевидно, мудрено, и неудивительно, что пожеланія законодательнаго ея уничтоженія становились чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе.

Съ изданіемъ манифеста 11 августа значительная часть этихъ пожеланій выполнена, и все же розга остается еще не совсѣмъ изгнанной изъ русскаго законодательства и русской жизни. Названный манифестъ избавилъ русское крестьянство отъ его печальной привилегіи подвергаться тѣлесному наказанію по приговорамъ волостныхъ судовъ, отмѣнилъ тѣлесное наказаніе въ русскихъ войскахъ и, кромѣ того, вычеркнулъ изъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ два архаическихъ курьеза—статью 1261, допускавшую наказаніе „корабельныхъ служителей или водоходцевъ" хлыстомъ до пяти ударовъ, и статью 1377, разрѣшавшую наказаніе малолѣтнихъ ремесленниковъ, по жалобамъ ихъ хозяевъ, розгами отъ пяти до десяти ударовъ. Но на ряду съ этимъ тѣ статьи дѣйствущаго закона, которыя назначаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ ссыльно-поселенцамъ и ссыльно-каторжнымъ наказаніе розгами до 100 ударовъ, остались неотмѣненными и послѣ манифеста 11 августа. Явился ли этотъ пропускъ своего рода недоразумѣніемъ, или же онъ былъ со стороны законодателя вполнѣ умышленнымъ, о немъ во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ такую точку зрѣнія, съ которой розга въ примѣненіи къ ссыльнымъ могла бы считаться болѣе полезной или менѣе вредной, чѣмъ въ примѣненіи ко всѣмъ остальнымъ людямъ, подпадающимъ подъ кару уголовнаго закона. Примѣняемое къ ссыльнымъ, тѣлесное наказаніе не утрачиваетъ ни одной изъ своихъ отличительныхъ чертъ, не становится ни менѣе жестокимъ, ни менѣе развращающимъ. Напротивъ, въ томъ „мірѣ отверженныхъ", обитателями котораго

являются лишенные почти всѣхъ гражданскихъ правъ ссыльные эти свойства тѣлеснаго наказанія даютъ себя знать, быть можетъ, даже съ большею силою, чѣмъ въ какой бы то ни было другой обстановкѣ: розга въ этомъ мірѣ, предоставляющемъ такъ мало простора чувству человѣческаго достоинства, скорѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, способна окончательно убить такое чувство и создать въ ложащихся подъ ея удары людяхъ крайнее ожесточеніе, подавляя всѣ лучшія стороны человѣческой натуры и вызывая наружу ея звѣрскіе инстинкты. Долгій опытъ съ достаточною убѣдительностью показалъ, что никакихъ другихъ результатовъ тѣлесное наказаніе не достигало и не достигаетъ. Поэтому остается только желать, чтобы законодательная его отмѣна была какъ можно скорѣе распространена на послѣднюю область, въ которой оно еще можетъ находить себѣ примѣненіе по закону, и чтобы, такимъ образомъ, дѣло полнаго уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи было доведено до конца.

Для послѣдняго, впрочемъ, необходимо и еще одно условіе, не менѣе, если даже не болѣе, важное, чѣмъ предыдущее. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, когда въ правительственныхъ сферахъ впервые былъ поднятъ вопросъ о полной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, нѣкоторые члены комитета, обсуждавшаго этотъ вопросъ, указывали на то, что, независимо отъ тѣлеснаго наказанія, налагаемаго судами въ силу закона, въ Россіи широко распространено такое же наказаніе, примѣняемое исключительно по произволу полицейскихъ и административныхъ чиновниковъ. То же самое замѣчаніе приходится повторить и въ настоящее время. Теперь, какъ и полвѣка тому назадъ, русская жизнь знаетъ, на ряду съ закономъ, своего рода „неписанное право", въ широкихъ размѣрахъ допускающее произвольныя дѣйствія полиціи и администраціи по отношенію къ обывателю, при чемъ въ число такихъ дѣйствій входятъ и тѣлесныя наказанія, начиная съ простыхъ побоевъ и кончая розгами и разными видами истязаній. За послѣдніе годы это неписанное право пріобрѣло, повидимому, особенную силу. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи полицейскимъ чинамъ въ эти годы не разъ уже дѣлались оффиціальныя предупрежденія о неудобствѣ „самовольной и незаконной расправы" съ обывателемъ, и тѣмъ не менѣе число случаевъ такой „самовольной расправы" не только не уменьшается, но съ году на годъ возрастаетъ, а тѣлесная неприкосновенность обывателя становится все болѣе призрачной. Немало содѣйствуетъ этому и широко распространившееся за послѣдніе годы массовое примѣненіе администраціей тѣлесныхъ наказаній при возстановленіи нарушеннаго порядка, едва ли даже не возведенное въ своего рода систему. Несомнѣнно, дѣло уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи нельзя считать завершеннымъ до тѣхъ поръ, пока въ русской жизни существуютъ подобныя явленія, но не

менѣе несомнѣнно также и то, что одной законодательной отмѣны тѣлеснаго наказанія далеко не достаточно для успѣшной борьбы съ этими явленіями, которыя и безъ того стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ закономъ. Чтобы покончить съ ними и прочно оградить физическую неприкосновенность личности въ Россіи, нужно, очевидно, нѣчто большее, чѣмъ простая отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Необходимо еще создать такія условія, при которыхъ эта отмѣна могла бы дѣйствительно войти въ жизнь, а это можетъ быть достигнуто только путемъ серьезнаго расширенія правъ обывателя и предоставленія ему возможности непосредственнаго обращенія къ независимому суду для защиты себя отъ всякаго рода произвольныхъ дѣйствій. Прочное установленіе подобныхъ условій одно лишь можетъ довести дѣло уничтоженія тѣлесныхъ наказаній до его логическаго конца, и, соотвѣтственно этому, выработка такихъ условій является одною изъ очередныхъ задачъ переживаемаго нами момента, требующей самаго серьезнаго напряженія общественныхъ силъ, такъ какъ всякая остановка на полдорогѣ, какъ показалъ уже опытъ прошлаго, даетъ только удобный случай повернуть назадъ недодѣланное дѣло.

Помимо отмѣны тѣлеснаго наказанія, манифестъ 11 августа содержитъ въ себѣ и еще одну важную для крестьянскаго населенія мѣру, заключающуюся въ сложеніи недоимокъ. Согласно разсчету, сдѣланному „Вѣстникомъ Финансовъ“, льготы, даваемыя въ этомъ отношеніи манифестомъ 11 августа, достигаютъ слѣдующихъ размѣровъ: слагаемыя съ крестьянскаго населенія недоимки выкупныхъ платежей составляютъ около 127 милліоновъ рублей, такія же недоимки государственнаго поземельнаго налога—2,2 милліона рублей, оброчной и подушной подати съ крестьянъ сибирскихъ губерній—около 7 милліоновъ рублей, кибиточной подати въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ—около 200 тысячъ рублей и, наконецъ, недоимки земскихъ поземельныхъ сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ земскія учрежденія,—15 милліоновъ рублей. Манифестомъ отмѣненъ также установленный именнымъ указомъ 11 мая 1902 г. дополнительный окладной сборъ съ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ Полтавской и Харьковской губерній, наложенный на эти общества въ возмѣщеніе убытковъ помѣщиковъ отъ аграрныхъ волненій 1902 года. Размѣръ этого сбора былъ въ свое время опредѣленъ въ 800 тысячъ рублей, къ моменту же изданія манифеста по свѣдѣніямъ „Вѣстника Финансовъ“, оставались еще несобранными приблизительно 300 тысячъ рублей, которые и слагаются теперь съ крестьянъ. Присоединяя сюда еще нѣкоторые мелкіе сборы, для которыхъ пока не имѣется точныхъ цифровыхъ данныхъ, мы получимъ, что общая цифра сложенныхъ съ крестьян-

скаго населенія манифестомъ 11 августа недоимокъ должна превысить 150 милліоновъ рублей, при чемъ около $^4/_5$ этой суммы приходится на долю недоимокъ по выкупнымъ платежамъ.

Взысканіе всѣхъ этихъ недоимокъ съ крестьянскаго населенія, при существующемъ разстройствѣ хозяйственнаго благосостоянія послѣдняго, представлялось почти совершенно безнадежной задачей, и въ виду этого полное снятіе ихъ со счетовъ государственнаго хозяйства является вполнѣ естественнымъ и необходимымъ шагомъ со стороны финансоваго вѣдомства. Можно только пожалѣть, что эта мѣра не была принята въ болѣе широкихъ размѣрахъ и не нашла себѣ столь же рѣшительнаго примѣненія по отношенію къ другому разряду крестьянскихъ недоимокъ, образовавшихся по продовольственнымъ долгамъ крестьянскаго населенія. Манифестомъ 11 августа совершенно слагаются недоимки лишь по нѣкоторымъ ссудамъ, выдававшимся этому населенію въ голодные годы. Такъ, манифестъ предписываетъ „сложить сполна долги, образовавшіеся за сельскимъ населеніемъ генералъ-губернаторствъ Степнаго, Иркутскаго и Приамурскаго и губерній Тобольской и Томской по ссудамъ, выданнымъ на продовольствіе и обсѣмененіе полей изъ казны и общаго по имперіи продовольственнаго капитала“, равно какъ непогашенную еще часть ссудъ, выданныхъ сельскому населенію Алтайскаго округа на продовольствіе и обсѣмененіе полей по случаю неурожаевъ 1900—1901 гг. Помимо того, манифестомъ слагаются „долги казнѣ и капиталу, оставшемуся послѣ бывшаго особаго комитета для оказанія вспомоществованія населенію, пострадавшему отъ неурожаевъ 1891—1892 гг., на лицахъ, коимъ по случаю неурожая выданы были въ ссуду отъ правительства лошади или деньги на покупку лошадей“, и „долги казнѣ за розданныхъ пострадавшему отъ неурожая 1898 г. населенію нѣкоторыхъ губерній лошадей и по ссудамъ, выданнымъ по случаю того же неурожая на прокормъ рабочаго скота, а также по ссудамъ, выданнымъ на основаніи высочайшаго повелѣнія 16 марта 1900 г. населенію Бессарабской губерніи на покупку рабочаго скота“. Наконецъ, въ силу манифеста, съ арендаторовъ удѣльныхъ земельныхъ оброчныхъ статей слагаются долги по тѣмъ ссудамъ, которыя были выданы этимъ арендаторамъ вслѣдствіе неурожаевъ изъ суммъ удѣльнаго вѣдомства въ 1891 и 1892 годахъ.

За исключеніемъ перечисленныхъ частныхъ случаевъ, манифестъ 11 августа не содержитъ въ себѣ какого-либо опредѣленнаго рѣшенія вопроса о недоимкахъ крестьянскаго населенія по продовольственнымъ долгамъ и ограничивается лишь тѣмъ, что предоставляетъ „министру финансовъ совмѣстно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ войти въ ближайшее соображеніе о дарованіи сельскому населенію имперіи дальнѣйшихъ облегченій по уплатѣ продовольственныхъ и по обсѣмененію полей долговъ, и свои по

сему предмету предположенія представить въ установленномъ порядкѣ". Какой характеръ получатъ эти соображенія, предугадать впередъ, конечно, трудно. Въ ожиданіи ихъ можно только сказать, что недоимки по продовольственному долгу, достигающія крупной суммы въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, до сихъ поръ лежали на крестьянскомъ хозяйствѣ не менѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ недоимки по выкупнымъ платежамъ, и взыскивались не съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ эти послѣднія. Въ виду этого, если продовольственныя недоимки не будутъ сняты съ крестьянства въ полномъ ихъ объемѣ, оно едва-ли почувствуетъ особенное облегченіе отъ совершившагося сложенія недоимокъ по другимъ платежамъ. И во всякомъ случаѣ даже полное снятіе всякаго рода недоимокъ съ разстроеннаго крестьянскаго хозяйства явится для него лишь своего рода палліативомъ, нисколько не отдаляющимъ необходимости болѣе глубокихъ и серьезныхъ мѣръ, которыя могли бы поднять его изъ переживаемаго имъ упадка. То истощеніе платежныхъ силъ населенія, которое находитъ себѣ выраженіе въ накопленіи громадныхъ недоимокъ, въ сущности представляетъ собою лишь одинъ, и притомъ далеко не самый важный, изъ симптомовъ серьезной болѣзни, истощающей народно-хозяйственный организмъ. Въ дѣлѣ леченія этой болѣзни всевозможные палліативы совершенно такъ же безсильны, какъ и въ дѣлѣ исправленія неустройствъ правовой жизни страны. Тамъ и здѣсь одинаково требуются рѣшительныя мѣры и сильныя лекарства.

Одновременно съ манифестомъ 11 августа состоялся еще именной высочайшій указъ правительствующему сенату, „впредь до общаго пересмотра законодательства о евреяхъ" вводящій „нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствующія постановленія о правахъ ихъ жительства въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи".

Смыслъ этого закона и преслѣдуемыя имъ цѣли въ значительной мѣрѣ опредѣляются уже тѣми соображеніями, которыя служили исходнымъ пунктомъ для его составителей, будучи высказаны въ работавшей надъ нимъ коммиссіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Названное министерство указывало коммиссіи, что недостатки дѣйствующаго законодательства о правѣ жительства евреевъ, сводящіеся къ устарѣлости и вытекающему отсюда несоотвѣтствію нѣкоторыхъ его положеній настоящимъ условіямъ жизни, къ недостаточной порою точности и опредѣленности въ редакціонномъ отношеніи и къ несогласованности позднѣйшихъ узаконеній съ ранѣе изданными, „породили безчисленныя затрудненія и недоразумѣнія въ правильномъ пониманіи сказанныхъ узаконеній какъ въ примѣняющихъ таковыя, такъ и въ тѣхъ, къ кому они примѣняются". „Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого

положенія дѣла—по словамъ министерства — явилась необходимость въ истолкованіи истиннаго смысла отдѣльныхъ положеній закона высшими учрежденіями по доходившимъ до нихъ, въ порядкѣ инстанціоннаго обжалованія, частнымъ дѣламъ. Многочисленность такихъ толкованій, изъ коихъ иныя уничтожали установившуюся до того долголѣтнюю практику, а другія противорѣчили разъясненіямъ, преподаннымъ тѣми же учрежденіями по однороднымъ дѣламъ и вопросамъ, не устранила прежнихъ затрудненій и не улучшила дѣла, а, напротивъ, поставила его въ худшее положеніе, ибо неединообразное разрѣшеніе закона замѣнилось разнорѣчивымъ пониманіемъ преподанныхъ въ истолкованіе его разъясненій, въ иныхъ случаяхъ совершенно заслонившихъ собою истинныя, хотя, быть можетъ, и не отвѣчающія новымъ усложнившимся требованіямъ жизни, намѣренія законодателя". Отсюда возникла необходимость пересмотра узаконеній, касающихся права жительства евреевъ. Но при этомъ „основное начало, котораго до настоящаго времени придерживалось правительство по отношенію къ еврейскому населенію имперіи—недопущеніе евреевъ къ свободному проживанію повсемѣстно—остается незыблемымъ и, слѣдовательно, предстоящій пересмотръ законовъ о евреяхъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ касаться вопроса объ оставленіи или уничтоженіи общей черты еврейской осѣдлости и цѣлью его является не коренное преобразованіе нашего законодательства по еврейскому вопросу, а лишь усовершенствованіе его, въ видахъ приданія постановленіямъ его ясности, опредѣленности и послѣдовательности, съ устраненіемъ изъ нихъ всего, вызывающаго нарушенія и колебанія, сопутствующія нынѣ примѣненію законовъ о евреяхъ во всѣхъ инстанціяхъ, начиная съ низшихъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ и кончая правительствующимъ сенатомъ".

Содержаніе указа 11 августа стоитъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ этими общими положеніями, гораздо болѣе даже строгомъ, чѣмъ этого можно было ожидать по обстоятельствамъ времени. Въ сущности новыми въ новомъ законѣ являются только два его пункта—шестой и седьмой. Первый изъ нихъ предоставляетъ евреямъ, удостоеннымъ званія коммерціи или мануфактуръ-совѣтника, вмѣстѣ съ членами ихъ семействъ, право повсемѣстнаго жительства въ имперіи, не исключая и сельскихъ мѣстностей черты еврейской осѣдлости. Такого рода льгота является достаточно широкою, но, къ сожалѣнію, на практикѣ ею можетъ воспользоваться лишь крайне ничтожное число семействъ, такъ какъ евреевъ, носящихъ званіе коммерціи и мануфактуръ-совѣтниковъ, въ Россіи едва ли наберется и два десятка. Важнѣе второй изъ указанныхъ пунктовъ, дающій право повсемѣстнаго жительства въ имперіи, въ соотвѣтствіи съ правами, принадлежащими отставнымъ нижнимъ чинамъ изъ евреевъ, поступившихъ на службу по-

рекрутскому уставу, тѣмъ „воинскимъ чинамъ изъ евреевъ, кои участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, удостоились пожалованія знаками отличія или вообще безпорочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ". Такимъ образомъ, въ то время, какъ евреямъ, вступившимъ на военную службу при старомъ рекрутскомъ уставѣ, право повсемѣстнаго жительства было дано самымъ фактомъ ихъ службы въ войскахъ, евреи, сражающіеся въ настоящее время въ рядахъ русской арміи, могутъ получить такое право только при условіи „безпорочной службы". Не останавливаясь даже на общей странности такого ограниченія, нельзя не замѣтить, что на практикѣ оно легко можетъ вновь породить тѣ „затрудненія и недоразумѣнія", въ предупрежденіе которыхъ изданъ самый законъ 11 августа.

Во всякомъ случаѣ къ указанному и сводятся всѣ новыя льготы, даваемыя еврейскому населенію этимъ закономъ. Остальные девять пунктовъ его представляютъ собою ничто иное, какъ новое подтвержденіе, съ нѣкоторыми лишь незначительными добавками, тѣхъ правъ, которыя признавались за отдѣльными группами евреевъ и дѣйствовавшими раньше законами, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ были поставлены подъ сомнѣніе,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой своей части,—ограничительною практикой сената въ послѣдніе годы. Такъ, новый законъ отмѣняетъ установленное временными правилами 3 мая 1882 г. воспрещеніе евреямъ селиться въ чертѣ еврейской осѣдлости внѣ городовъ и мѣстечекъ для лицъ четырехъ категорій: 1) для евреевъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, а также для женъ и дѣтей этихъ евреевъ, для сыновей до совершеннолѣтія или до окончанія курса высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не долѣе 25 лѣтняго возраста, а для дочерей до замужества; 2) для евреевъ-купцовъ первой гильдіи или состоявшихъ купцами первой гильдіи 15 лѣтъ, а также для членовъ ихъ семействъ, 3) для евреевъ-ремесленниковъ, пока они будутъ заниматься своими ремеслами и мастерствомъ, и 4) для евреевъ-отставныхъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу по рекрутскому уставу. При этомъ, евреямъ окончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніямъ, и купцамъ первой гильдіи предоставляется „имѣть при себѣ во время пребыванія въ сельскихъ мѣстностяхъ черты еврейской осѣдлости домашнихъ слугъ и приказчиковъ или конторщиковъ изъ своихъ единовѣрцевъ, хотя бы не пользующихся самостоятельнымъ правомъ жительства въ сихъ мѣстностяхъ". Но еще въ 1885 г. сенатъ разъяснилъ, что содержащееся въ правилахъ 1882 года воспрещеніе селиться въ чертѣ еврейской осѣдлости внѣ городовъ и мѣстечекъ „не можетъ быть распространяемо на тѣ особыя категоріи евреевъ, которымъ дозволено проживать повсемѣстно въ имперіи" и послѣ того въ цѣломъ рядѣ указовъ признавалъ, что такое запрещеніе не касается

евреевъ, получившихъ высшее образованіе и потому имѣющихъ право „повсемѣстнаго жительства“. Казалось бы, то же самое разсужденіе должно было быть примѣнено и ко всѣмъ другимъ указаннымъ выше группамъ евреевъ, въ силу частныхъ узаконеній располагающимъ правомъ повсемѣстнаго жительства и, слѣдовательно, не подходящимъ подъ дѣйствіе общаго закона 3 мая 1882 г. На дѣлѣ однако случилось иное. Въ послѣдніе годы сенатъ измѣнилъ свой прежній взглядъ на законъ 1882 г. и вмѣсто первоначальнаго, болѣе правильнаго, толкованія этого закона сталъ придавать ему иное, несравненно болѣе широкое, распространивъ дѣйствіе ограничительныхъ правилъ даже на евреевъ, имѣющихъ высшее образованіе. Такимъ образомъ названный пунктъ указа 11 августа не даетъ перечисленнымъ въ немъ группамъ еврейскаго населенія никакого новаго права, а лишь утверждаетъ за ними тѣ права, которыя принадлежали имъ въ силу дѣйствовавшихъ и раньше частныхъ узаконеній, но были нарушены сенатскими рѣшеніями послѣднихъ лѣтъ. Равнымъ образомъ не является какимъ-либо новымъ правомъ и предоставленіе упомянутымъ группамъ евреевъ возможности, на время пребыванія ихъ внѣ городовъ и мѣстечекъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, заключать сдѣлки по найму имуществъ для жилья и для производства торговли и промысловъ. Съ другой стороны указъ 11 августа создалъ для евреевъ одно новое даже по сравненію съ сенатской практикой ограниченіе, не включивъ въ число евреевъ, имѣющихъ право проживать въ сельскихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости, дантистовъ, фельдшеровъ, повивальныхъ бабокъ и аптекарскихъ помощниковъ, а также лицъ, готовящихся къ этимъ профессіямъ.

Приблизительно такой же характеръ носятъ и другіе пункты новаго закона, касающіеся права жительства евреевъ уже не въ сельскихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости, а вообще въ имперіи. По дѣйствующимъ узаконеніямъ еврей, пробывшій пять лѣтъ купцомъ первой гильдіи въ городахъ черты осѣдлости, можетъ приписаться въ купечество первой гильдіи въ городахъ, лежащихъ внѣ этой черты, и, пробывъ еще десять лѣтъ въ такомъ положеніи, получаетъ право постояннаго жительства въ этихъ городахъ, хотя бы затѣмъ онъ и выбылъ изъ первой гильдіи. Ограничительная практика послѣднихъ лѣтъ ввела въ указанныя условія закона значительно осложнившее ихъ требованіе непрерывнаго пребыванія евреевъ въ теченіе десятилѣтняго срока въ купечествѣ первой гильдіи внѣ черты осѣдлости: всякій перерывъ въ этомъ срокѣ, согласно названной практикѣ, влекъ за собою для еврея-купца необходимость новаго пятилѣтняго стажа въ чертѣ осѣдлости и десятилѣтняго внѣ этой черты. Указъ 11-го августа устраняетъ это стѣсненіе, непредусмотрѣнное, впрочемъ, и прежнимъ закономъ и созданное исключительно практикой,

истолковавшей законъ въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, чѣмъ это допускалъ прямой его текстъ. Текстъ новаго закона не оставляетъ уже мѣста такимъ толкованіямъ, опредѣленно устанавливая, что „евреи, пробывшіе хотя бы и съ перерывами 10 лѣтъ въ купечествѣ первой гильдіи внѣ черты осѣдлости, пріобрѣтаютъ затѣмъ право на приписку къ городскимъ обществамъ внутреннихъ губерній и на повсемѣстное въ имперіи жительство съ членами ихъ семействъ, занесенными въ сословное купеческое свидѣтельство главы семейства, а равно съ женами и дѣтьми ихъ, хотя бы почему-либо невнесенными въ означенное свидѣтельство". Аналогичное значеніе имѣетъ и еще одинъ пунктъ указа 11-го августа. Дѣйствовавшій раньше законъ, разрѣшая еврейскимъ купцамъ первой и второй гильдіи, живущимъ въ чертѣ осѣдлости пріѣзжать для производства торговли и промысловъ въ города внутреннихъ губерній, вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивалъ число татихъ пріѣздовъ: купцы первой гильдіи могли пріѣзжать два раза въ годъ, съ тѣмъ, чтобы время ихъ пребыванія за оба раза не превышало шести мѣсяцевъ, купцы второй гильдіи—одинъ разъ въ годъ на два мѣсяца. Указъ 11 августа не ограничиваетъ число пріѣздовъ такихъ купцовъ въ города внутреннихъ губерній, а ставитъ лишь требованіе, чтобы временное ихъ пребываніе въ общей сложности не превышало для купцевъ первой гильдіи шести и для купцомъ второй гильдіи трехъ мѣсяцевъ ежегодно. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести и подтвержденіе указомъ 11 августа права повсемѣстной приписки и жительства женъ и вдовъ евреевъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, — права, ранѣе считавшагося безпорнымъ и лишь въ послѣднее время подвергнутаго сомнѣнію въ практикѣ сената. Новымъ въ этомъ пунктѣ является лишь распространеніе того же права на женъ и дѣтей коммерціи и мануфактуръ-совѣтниковъ изъ евреевъ. Лицъ съ высшимъ образованіемъ касается еще тотъ пунктъ новаго закона, согласно которому евреи, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не состоящіе подъ слѣдствіемъ, судомъ и надзоромъ полиціи и неопороченные судебнымъ приговоромъ, пользуются повсемѣстно правомъ заниматься торговлей и промысломъ на общихъ основаніяхъ и могутъ, безъ предварительнаго пятилѣтняго пребыванія въ первой гильдіи въ чертѣ еврейской осѣдлости, причисляться къ купечеству внѣ этой черты. Но и по дѣйствовавшимъ раньше законамъ евреи, имѣющіе высшіе образованіе, пользовались повсемѣстно, а, слѣдовательно, и внѣ черты еврейской осѣдлости, торговыми и промышленными правами и правомѣрность такого положенія до сихъ поръ ни съ чьей стороны не подвергалась сомнѣнію, такъ что приведенный пунктъ новаго закона содержитъ въ себѣ лишь новое подтвержденіе существовавшаго раньше и вполнѣ безпорнаго права.

Послѣдній пунктъ указа 11 августа разъясняетъ, что „дѣйствіе настоящихъ правилъ не распространяется на такія мѣстности имперіи, въ коихъ относительно евреевъ установлены особыя ограничительныя правила". Число такихъ мѣстностей, какъ извѣстно, довольно велико. Къ нимъ принадлежатъ городъ Москва и Московская губернія, область Войска Донского, Прибалтійскій край, Кавказъ, Средняя Азія, Сибирь и, въ послѣднее время, еще Маньчжурія, хотя эта послѣдняя и не входитъ собственно въ составъ имперіи. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ постановленія о правѣ жительства привелегированныхъ группъ евреевъ, содержащіяся въ указѣ 11 августа, не должны находить себѣ никакого примѣненія.

Таково главное содержаніе закона 11 августа. Не трудно видѣть, что практическое значеніе этого закона является болѣе, чѣмъ скромнымъ. Касаясь лишь тѣхъ группъ еврейскаго населенія, которыя въ силу обладанія высшимъ образованіемъ или крупными имущественными средствами пользуются извѣстными привилегіями, названный законъ и въ жизнь этихъ, сравнительно ничтожныхъ по своей численности, группъ не вноситъ никакихъ серьезныхъ измѣненій. Все его содержаніе въ этой области сводится къ тому, что онъ устраняетъ нѣкоторыя неблагопріятныя для евреевъ и неправильныя по существу толкованія прежнихъ законовъ и подтверждаетъ за указанными группами еврейскаго населенія раньше признанныя за ними права, кое-чѣмъ ихъ добавляя и кое въ чемъ урѣзывая. Цѣнность такого закона представляется весьма условной, а идея, положенная въ его основу, даетъ лишь поводъ повторить то замѣчаніе, которое было высказано на страницахъ нашего журнала мѣсяцъ тому назадъ: „положеніе вещей, создавшееся въ области еврейскаго вопроса, не можетъ быть сколько-нибудь существенно измѣнено путемъ частныхъ поправокъ, не исходящихъ изъ одной общей идеи и уничтожающихъ одно ограниченіе для того, чтобы замѣнить его другимъ".

Въ ряду опубликованныхъ въ послѣднее время законодательныхъ актовъ особое мѣсто занимаютъ нѣсколько законовъ, касающихся охраны государственнаго порядка и изданныхъ еще въ теченіе весны и лѣта настоящаго года.

Высочайше утвержденнымъ 22 мая текущаго года положеніемъ комитета министровъ постановлено предоставить лифляндскому губернатору, въ видѣ временной мѣры на три года, издавать для жителей г. Риги обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности, и налагать за нарушеніе означенныхъ постановленій, въ административномъ

порядкѣ, взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или штрафа въ 500 р.

25 іюня получило высочайшее утвержденіе положеніе комитета министровъ, содержащее въ себѣ слѣдующее постановленіе: „1) состоящі. по высочайшему повелѣнію 20 іюня 1903 г. и по распоряженіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшимъ 15, 22 и 25 сентября того же года, въ положеніи усиленной охраны мѣстности имперіи, а именно: губерніи: С.-Петербургскую, Московскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Кіевскую, Подольскую и Волынскую; города: Ростовъ-на-Дону и Нахичевань, Таганрогъ и Таганрогскій округъ, село Касперовку, станицу Гниловскую и желѣзодѣлательный заводъ Пастухова области Войска Донского; г. Елисаветградъ, посады: Богоявленскъ, Калиновку и Воскресенскъ, мѣстечки: Варваровку и Кривой Рогъ, криворогскіе рудники и гданцевскій рудоплавильный заводъ Херсонской губерніи; Покровскій и Шуйскій уѣзды и г. Иваново-Вознесенскъ Владимірской губерніи; города: Тифлисъ, Батумъ и Баку съ его уѣздомъ; градоначальства: с.-петербургское, одесское и николаевское и мѣстности, подвѣдомственныя кронштадтскому военному губернатору; города: Елисаветполь, Нуху и Шушу Елисаветпольской губерніи, Карсъ и Александрополь Эриванской губерніи, а также Витебскъ и Двинскъ съ ихъ уѣздами, оставить въ томъ же исключительномъ положеніи по 4 сентября 1905 года; 2) въ мѣстностяхъ имперіи, не объявленныхъ въ состояніи усилинной охраны, сохранить дѣйствіе статей 28, 29, 30 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, и 3) объявить съ 1 іюля по 10 сентября 1904 г. въ состояніи усиленной охраны Нижегородскій, Балахнинскій, Семеновскій и Горбатовскій уѣзды Нижегородской губерніи“.

Сверхъ того высочайше утвержденнымъ того же 25 іюня положеніемъ комитета министровъ, состоявшимся по представленію министра внутреннихъ дѣлъ о назначеніи мѣстностей для водворенія иностранцевъ, удаленіе которыхъ изъ предѣловъ Россіи не могло состояться, постановлено опредѣлить на трехлѣтіе 1904—1906 гг. для водворенія иностранцевъ, оставляемыхъ на жительство внутри имперіи въ силу ст. 1 п. 9 высочайше утвержденныхъ 26 мая 1903 г. правилъ объ удаленіи иностранцевъ изъ предѣловъ Россіи, слѣдующія мѣстности: 1) для иностранцевъ, удаляемыхъ изъ Европейской Россіи, Кавказскаго края и степныхъ и средне-азіатскихъ областей,—губерніи: Архангельскую, Астраханскую Вологодскую, Вятскую, Олонецкую, Оренбургскую, Пермскую, Томскую, Тобольскую и Уфимскую; 2) для иностранцевъ, ссылаемыхъ изъ сибирскихъ губерній и областей,—Якутскую область; 3) для иностранцевъ, высылаемыхъ изъ губерній Царства Польскаго,—Вологодскую губернію. При этомъ указаніе порядка распредѣленія упомянутыхъ въ первомъ пунктѣ иностранцевъ въ

предназначенномъ для нихъ районѣ постановлено предоставить министру внутреннихъ дѣлъ.

II.

Упорная и кровопролитная война, ведущаяся на Дальнемъ Востокѣ, влечетъ за собою, какъ и слѣдовало ожидать, весьма серьезныя потери для государственнаго и народнаго хозяйства страны. Потери народнаго хозяйства едва-ли могутъ быть приведены вь точную извѣстность, что же касается жертвъ, приносимыхъ на войну государственнымъ хозяйствомъ, то онѣ за восемь мѣсяцевъ успѣли дойти до очень крупныхъ размѣровъ.

Какъ мнѣ уже приходилось указывать въ свое время, на военные расходы были обращены прежде всего тѣ средства, которыя являлись къ началу 1904 года свободною наличностью государственнаго казначейства и составляли сумму, нѣсколько превышавшую 132 милліона рублей. Къ этой суммѣ были затѣмъ присоединены средства, получившіяся отъ сокращенія смѣтныхъ ассигнованій на 134,4 милліона рублей и отъ зачисленія въ свободные рессурсы казны нѣкоторыхъ отдѣльныхъ суммъ, достигавшихъ приблизительно 14 милліоновъ рублей. Кромѣ того, на военныя нужды были обращены средства, доставленныя обнаружившимся въ началѣ года превышеніемъ поступленія обыкновенныхъ доходовъ надъ смѣтными ожиданіями. Въ общемъ всѣ перечисленные источники дали, по исчисленію финансоваго вѣдомства, сумму, превысившую 300 милліоновъ рублей. Вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ апрѣля, былъ заключенъ краткосрочный внѣшній заемъ на сумму 800 милліоновъ франковъ или 300 милліоновъ рублей.

Полученная такимъ путемъ громадная сумма въ 600 милліоновъ рублей оказалась, однако же, еще недостаточной и финансовому вѣдомству пришлось изыскивать новые источники средствъ. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе простой, былъ найденъ въ выпускѣ новыхъ кредитныхъ билетовъ. Какъ видно изъ отчетовъ Государственнаго банка, въ началѣ текущаго года число выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ равнялось 630 милліонамъ рублей, къ концу же августа оно дошло до 800 милліоновъ рублей. Слѣдовательно, за семь мѣсяцевъ Государственный банкъ выпустилъ кредитныхъ билетовъ на сумму въ 170 милліоновъ рублей. Правда, вошедшій въ эту сумму послѣдній, августовскій, выпускъ кредитныхъ билетовъ на 40 милліоновъ рублей, по объясненію финансоваго вѣдомства, не былъ вызванъ непосредственно военными нуждами. По словамъ оффиціальнаго сообщенія, въ то время, какъ прежніе выпуски на 130 милліоновъ рублей „обусловливались главнымъ образомъ крупными списаніями съ

текущаго счета департамента государственнаго казначейства для военныхъ потребностей", послѣдній выпускъ въ 40 милліоновъ рублей вызванъ тѣмъ, что „отливъ денегъ на Дальній Востокъ продолжается, а между тѣмъ одновременно начинается обычное во вторую половину года, съ началомъ хлѣбной кампаніи, оживленіе торгово-промышленныхъ оборотовъ, требующее крупныхъ выдачъ изъ кассъ банка". Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщеніе министерства финансовъ заранѣе предупреждаетъ, что ожидаемое оживленіе торговыхъ оборотовъ „сдѣлаетъ по всей вѣроятности неизбѣжнымъ дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ". „Устранить необходимость этихъ выпусковъ—говорится въ сообщеніи—было бы возможно лишь принятіемъ одной изъ двухъ мѣръ: или сокращеніемъ кредитовъ въ Государственномъ банкѣ, что, очевидно, недопустимо, такъ какъ такая мѣра нанесла бы огромный ущербъ реализаціи новаго урожая, съ которой связаны самые существенные экономическіе интересы, или же крайне нежелательнымъ при настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ возвращеніемъ къ прежней кассовой политикѣ, когда золото усиленно выпускалось въ обращеніе, а кредитные билеты придерживались въ кассахъ банка". Однако „предстоящіе выпуски кредитныхъ билетовъ отнюдь не могутъ вызывать какія-либо опасенія за устойчивость нашей валюты", такъ какъ „билеты, выпускаемые для краткосрочныхъ выдачъ по оборотамъ съ реализуемымъ урожаемъ, не задерживаются въ обращеніи и скоро возвращаются въ кассы банка". Къ тому же дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ, по словамъ министерства финансовъ, вполнѣ обезпечиваются золотою наличностью Государственнаго банка, достигавшей къ 23 августа 944 милліоновъ рублей: „такъ какъ по закону 29 августа 1897 г. банкъ можетъ имѣть непокрытыхъ золотомъ билетовъ на 300 милліоновъ рублей, то при билетномъ обращеніи въ 800 милліоновъ рублей, золотая наличность должна быть не менѣе 500 милліоновъ рублей" и „такимъ образомъ имѣется избытокъ обезпеченія въ 444 милліона рублей, не считая крупной золотой наличности государственнаго казначейства, не входящей въ балансъ Государственнаго банка". Остается только пожелать, чтобы тѣ новые выпуски кредитныхъ билетовъ, необходимость и возможность которыхъ доказываетъ финансовое вѣдомство, производились дѣйствительно лишь въ видахъ временныхъ потребностей торговыхъ оборотовъ и не оставались въ обращеніи по минованіи этихъ потребностей. Усиленіе средствъ государственнаго казначейства путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ является, несомнѣнно, наиболѣе простымъ способомъ разрѣшенія сложной задачи, но въ этой простотѣ заключается и серьезная опасность. Не даромъ само финансовое вѣдомство въ первые мѣсяцы войны указывало, что „благоразуміе требуетъ, особенно въ военное время не тратить всѣхъ наличныхъ средствъ и не подвергать риску

устроенное съ немалымъ трудомъ денежное обращеніе, отъ которого въ значительной степени зависитъ финансовое и экономическое благополучіе страны". Возможность риска для денежнаго обращенія, всегда связанная съ неумѣренными выпусками кредитныхъ билетовъ, заставляетъ рѣшительно предпочитать этому пути добыванія средствъ путь государственныхъ займовъ.

Этотъ послѣдній путь, впрочемъ, въ свою очередь не остался неиспользованнымъ со стороны финансоваго вѣдомства, но вмѣсто внѣшняго займа, о которомъ долго ходили слухи, въ послѣднее время былъ выпущенъ для „покрытія предстоящихъ чрезвычайныхъ расходовъ, вызываемыхъ войною съ Японіей", заемъ внутренній Именнымъ высочайшимъ указомъ правительствующему сенату 30 іюля 1904 г. повелѣно выпустить въ обращеніе, по мѣрѣ надобности и въ сроки по ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ, до шести новыхъ разрядовъ (серій) билетовъ государственнаго казначейства, въ 25 милліоновъ рублей каждый разрядъ, а всего на сумму до 150 милліоновъ рублей, на четырехлѣтній срокъ, съ назначеніемъ ежегоднаго дохода по этимъ билетамъ въ 3,6 процента. Оффиціальное сообщеніе министерства финансовъ, сопровождавшее опубликованіе этого указа, не разъясняетъ тѣхъ мотивовъ, въ силу которыхъ внѣшнему займу былъ предпочтенъ внутренній. Но за то названное сообщеніе подробно останавливается на удобствахъ формы вновь заключеннаго займа. По словамъ министерства, серіи пользуются у насъ широкимъ распространеніемъ и представляютъ, особенно въ военное время, значительныя удобства, такъ какъ онѣ „не подвергаются биржевымъ колебаніямъ въ цѣнѣ, принимаются въ уплату государственному казначейству и Государственному банку и служатъ нерѣдко подсобнымъ орудіемъ платежей между частными лицами". При этомъ новымъ билетамъ государственнаго казначейства приданы, сравнительно съ находящимися въ обращеніи серіями, два преимущества: уплата процентовъ по этимъ билетамъ производится не разъ въ годъ, а пополугодно, и самый процентъ равняется не 3% годовымъ, а 3,6%. „Увеличеніе доходности билетовъ—по словамъ сообщенія финансоваго вѣдомства—объясняется не только военными обстоятельствами, но и тѣмъ удобствомъ, которое избранный процентъ представляетъ для всѣхъ разсчетовъ: на билетъ 50-рублеваго достоинства 1 р. 80 к. въ годъ, 15 к. въ мѣсяцъ и ½ к. въ день". Надо думать, однако, что это объясненіе не совсѣмъ точно, такъ какъ ради одного „удобства разсчетовъ" государству едва-ли удобно платить лишнихъ 900.000 р. процентовъ въ годъ. Что касается, наконецъ, самой суммы выпускаемыхъ билетовъ, то въ этомъ отношеніи министерство указываетъ, что въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія билетовъ государственнаго казначейства было выпущено на сумму около 200 милліоновъ

рублей, въ 1884—1889 гг. эта сумма возросла до 240 милліоновъ рублей, а затѣмъ путемъ послѣдовательнаго изъятія серій изъ обращенія была сокращена въ 1900 году до 100,5 милліоновъ рублей. „Такимъ образомъ—заключаетъ министерское сообщеніе—настоящій выпускъ серій лишь весьма немногимъ превыситъ общее ихъ количество, безпрепятственно находившее себѣ размѣщеніе въ 90-хъ годахъ".

Послѣдній аргументъ едва-ли рѣшаетъ вопросъ объ удобствахъ формы новаго займа, такъ какъ остается не только не доказаннымъ, но и болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, что въ настоящее время въ странѣ существуетъ недостатокъ въ орудіяхъ денежнаго обращенія, который могъ бы быть съ пользою выполненъ выпускомъ серій. Съ другой стороны, хотя серіи и принимаются къ платежу въ казначействахъ и учрежденіяхъ Государственнаго банка, но принимаются онѣ лишь съ извѣстными ограниченіями, а именно „въ тѣхъ только случаяхъ, когда онѣ имѣютъ при себѣ всѣ купоны, сроки оплаты которыхъ еще не наступили, и когда платежная сумма не менѣе суммы билета съ наросшими процентами". Разсчеты же серіями между частными лицами очень часто влекутъ за собой многочисленныя недоразумѣнія и злоупотребленія. Благодаря этому выгоды серій, какъ подсобнаго средства платежей являются въ сущности довольно проблематичными. Но если всѣ эти соображенія позволяютъ усомниться въ удобствахъ формы новаго займа, то еще болѣе важнымъ представляется то обстоятельство, что внутренній заемъ на военныя нужды, извлекая значительные капиталы изъ народнаго обращенія, рискуетъ оказать неблагопріятное вліяніе на внутренній денежный рынокъ, и такъ уже переживающій крайне угнетенное состояніе въ виду обнаружившагося застоя въ торговлѣ и промышленности страны. Между тѣмъ, какъ ни велика сумма всѣхъ обращенныхъ до сихъ поръ на военныя нужды средствъ, достигающая, какъ мы видѣли, почти 900 милліоновъ рублей, легко предвидѣть, что затраты на войну на этомъ не остановятся и отъ государства потребуются новыя и тяжелыя жертвы.

Вызванные войною расходы въ настоящее время ложатся тяжелымъ бременемъ не только на обще-государственный бюджетъ, но и на хозяйство мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Три мѣсяца тому назадъ мнѣ приходилось уже указывать на то затруднительное положеніе, какое создалось для многихъ земствъ въ силу возложенной на нихъ закономъ обязанности призрѣнія недостаточныхъ семействъ призванныхъ подъ ружье запасныхъ, обязанности, нѣсколько неожиданно для земствъ принявшей крайне широкій характеръ и потребовавшей для своего выполненія весьма значительныхъ средствъ. Нѣкоторыя земства уже очень скоро пришли къ сознанію необходимости ходатайствовать передъ пра-

вительствомъ о превращеніи такой обязанности въ обще-государственную повинность или, по крайней мѣрѣ, о принятіи части расходовъ по призрѣнію недостаточныхъ семей запасныхъ чиновъ на обще-государственный счетъ. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ шире развивалась война, тѣмъ больше выяснялось, что, при нынѣшнемъ состояніи земскаго хозяйства, для большинства земствъ названная обязанность является совершенно непосильной, и въ виду этого одно земство за другимъ стало выступать съ попытками такъ или иначе поправить дѣло.

Въ Московской губерніи совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій признало, что уѣздныя земства не имѣютъ средствъ для помощи семьямъ лицъ, призванныхъ изъ уѣздовъ на войну, губернское же земство пока располагаетъ средствами для такой цѣли, но въ близкомъ будущемъ эти средства могутъ оказаться совершенно недостаточными и тогда явится необходимость ходатайствовать передъ правительствомъ объ оказаніи земству помощи въ томъ или иномъ видѣ *). Въ Нижегородской губерніи, по разсчету мѣстной губернской земской управы, для оказанія помощи семействамъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу, потребовался бы по всѣмъ уѣздамъ годовой расходъ въ 450.000 руб. Между тѣмъ, благодаря вызванному неурожаемъ всеобщему обѣднѣнію населенія, не имѣющаго въ виду этого возможности вносить полностью смѣтные оклады, земское хозяйство губерніи находится въ критическомъ положеніи. Всѣ запасные капиталы исчерпаны для производства смѣтныхъ расходовъ, губернское и уѣздныя земства накопили значительные долги и предоставленіе помощи нуждающемуся населенію въ указанномъ размѣрѣ изъ мѣстныхъ средствъ совершенно невозможно. Въ виду этого губернская управа, усматривая единственный выходъ изъ такого затруднительнаго положенія въ обращеніи къ помощи правительства, предлагаетъ земскому собранію ходатайствовать объ отпускѣ земству необходимой суммы изъ средствъ государственнаго казначейства въ формѣ безпроцентнаго займа на срокъ приблизительно въ 30 лѣтъ **). Въ свою очередь саратовская губернская управа составила по тому же вопросу докладъ, въ которомъ указываетъ, что призрѣніе семействъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, имѣя въ сущности значеніе обще-государственной потребности, крайне неравномѣрно ложащейся на отдѣльныя губерніи, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ саратовскаго земства совершенно непосильныхъ для него затратъ. Руководясь этими соображеніями, саратовская управа предлагаетъ земскому собранію возбудить передъ правительствомъ ходатайство о выдачѣ саратовскому губернскому земству въ безвоз-

*) „Р. Вѣдомости“, 1 сентября 1904 г.
**) „Н. Время“, 12 августа 1904 г.

вратное пособіе на дѣло призрѣнія нуждающихся семействъ лицъ, призванныхъ на войну, до времени очереднаго собранія, т. е. на 5 мѣсяцевъ, 150.000 р., а также о возмѣщеніи уже израсходованныхъ на это дѣло за іюнь и іюль 35.000 р. *). Тульское чрезвычайное губернское земское собраніе, засѣдавшее въ первыхъ числахъ сентября, по тому же вопросу постановило ходатайствовать о принятіи расходовъ по призрѣнію семействъ чиновъ запаса на счетъ казны, признавая эту повинность обще-государственной, и впредь до удовлетворенія этого ходатайства просить о выдачѣ губернскому земству ссуды изъ казны въ размѣрѣ 900.000 р., безъ процентовъ и съ обязательствомъ уплаты ея равными частями, начиная съ 1906 года, въ теченіе 50 лѣтъ **).

Въ Харьковской губерніи, на которой мобилизація отразилась особенно тяжело, выведя изъ нея болѣе 35.000 человѣкъ рабочаго населенія, губернское земское собраніе еще въ іюнѣ постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о займѣ изъ государственнаго казначейства для оказанія помощи семьямъ запасныхъ суммы въ 2 милліона рублей срокомъ на 20 лѣтъ безъ процентовъ или на льготныхъ по возможности условіяхъ. Ходатайство это бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве было передано въ образованную подъ предсѣдательствомъ товарища министра Стишинскаго коммиссію по объединенію мѣръ обезпеченія семействъ нижнихъ чиновъ. Названная коммиссія нашла ходатайство харьковскаго земства „преувеличеннымъ“ и предложила разрѣшить для земства Харьковской губерніи безпроцентную ссуду лишь въ 300.000 р. съ погашеніемъ ея въ 20-лѣтній срокъ, о чемъ министерство внутреннихъ дѣлъ и вошло съ представленіемъ въ государственный совѣтъ. Однако выбранная харьковскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ коммиссія, по осуществленію связанныхъ съ войной мѣропріятій харьковскаго земства, не сочла возможнымъ принять этой ссуды безъ новаго постановленія земскаго собранія и, указавъ на ошибочность цифровыхъ разсчетовъ министерства, просила предсѣдателя губернской управы лично ходатайствовать передъ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи харьковскому земству ссуды изъ казны въ размѣрѣ 2 милліоновъ рублей или, по меньшей мѣрѣ, 1.650.000 рублей ***).

Судя по послѣднему примѣру, земства врядъ-ли могутъ разсчитывать на вполнѣ достаточную матеріальную помощь въ переживаемыхъ ими въ настоящее время затрудненіяхъ. Главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ для призрѣнія нуждающихся семей запасныхъ, повидимому, и впредь предполагается оставить

*) „Русь“, 28 августа 1904 г.
**) „Н. Время“, 14 сентября 1904 г.
***) „Р. Вѣдомости“, 15 іюня и „Русь“, 4 сентября 1904 г.

средства мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Нѣсколько иначе поставлено въ послѣднее время дѣло организаціи самаго призрѣнія, въ значительной степени видоизмѣненное состоявшимся 5 августа текущаго года высочайшимъ повелѣніемъ и разосланнымъ въ разъясненіе его циркуляромъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Дурново отъ 15 августа.

Названное повелѣніе прежде всего расширило кругъ призрѣваемыхъ лицъ. Нуждающимся семействамъ охотниковъ, поступившихъ на службу во время нынѣшней войны, оно предоставило одинаковыя права на призрѣніе съ семействами выступившихъ въ походъ нижнихъ чиновъ, которыхъ приведеніе войскъ на военное положеніе застало на дѣйствительной службѣ. Семействамъ нижнихъ чиновъ, проживавшимъ внѣ городовъ и селеній и лишившимся квартиръ вслѣдствіе призыва нижнихъ чиновъ на службу или выступленія ихъ въ походъ въ нынѣшнюю войну, повелѣніемъ 5 августа предоставлено право на полученіе помѣщенія съ отопленіемъ или соотвѣтственнаго денежнаго довольствія отъ земства, въ предѣлахъ котораго эти семейства находятся на жительствѣ. Наконецъ, призрѣніе отца, матери, дѣда, бабки, братьевъ и сестеръ (круглыхъ сиротъ) не приписаннаго ни къ какому обществу нижняго чина, призваннаго на службу или выступившаго въ походъ въ нынѣшнюю войну, возлагается на земства и городъ по мѣсту жительства этихъ лицъ.

Помимо того, упомянутымъ повелѣніемъ „въ видахъ объединенія на мѣстахъ мѣропріятій по призрѣнію семействъ нижнихъ чиновъ“ создаются особые органы подъ именемъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ по призрѣнію семействъ нижнихъ чиновъ. Губернскій комитетъ составляется, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, предсѣдателя и членовъ губернской земской управы, одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія, непремѣннаго члена губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, городского головы губернскаго города и губернскихъ земскихъ гласныхъ, которые пожелаютъ принять участіе въ занятіяхъ комитета. Сверхъ того, губернаторъ можетъ приглашать въ составъ комитета на правахъ членовъ и другихъ лицъ, участіе которыхъ онъ найдетъ полезнымъ. Уѣздный комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ уѣзда, уѣзднаго исправника, городского головы уѣзднаго города, участковыхъ попечителей или уполномоченныхъ земства по призрѣнію семействъ воинскихъ чиновъ, если бы такія лица были избраны земскимъ собраніемъ, и уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, пожелавшихъ принять участіе въ занятіяхъ комитета. При разсмотрѣніи дѣлъ по призрѣнію семействъ, проживающихъ

въ городскихъ поселеніяхъ уѣзда, въ уѣздномъ комитетѣ участвуютъ городской голова и члены городской управы подлежащаго города. Съ разрѣшенія губернатора предсѣдатель уѣзднаго комитета можетъ приглашать въ его составъ на правахъ членовъ и другихъ лицъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ дворянскихъ или земскихъ учрежденій, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется опредѣлять, какія лица входятъ въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ взамѣнъ предводителей дворянства и земства.

Что касается задачъ организованныхъ такимъ образомъ учрежденій, то губернскій комитетъ имѣетъ своею цѣлью объединеніе всѣхъ распоряженій по призрѣнію семействъ воинскихъ чиновъ губерніи и содѣйствіе губернатору въ наблюденіи за своевременнымъ и надлежащимъ призрѣніемъ лицъ, имѣющихъ на то право, и въ принятіи предоставленныхъ ему закономъ мѣръ въ случаѣ неисполненія земствомъ или обществами возложенныхъ на нихъ обязанностей; уѣздный же комитетъ имѣетъ своей цѣлью согласованіе дѣятельности уѣздныхъ земскихъ и городскихъ управъ, а также другихъ мѣстныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, по призрѣнію семействъ воинскихъ чиновъ. Открываются губернскіе и уѣздные комитеты распоряженіями министра внутреннихъ дѣлъ по представленіямъ губернаторовъ, но въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ земство исполняетъ возложенныя на него обязанности по призрѣнію семействъ воинскихъ чиновъ безъ испрошенія пособій изъ государственнаго казначейства, эти представленія должны основываться на ходатайствахъ подлежащей губернской или уѣздной земской управы и, слѣдовательно, иниціатива открытія комитетовъ въ этихъ случаяхъ принадлежитъ земству.

Въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ высочайшаго повелѣнія, порядокъ дѣйствія вновь учреждаемыхъ комитетовъ опредѣленъ въ упомянутомъ выше циркулярѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующими чертами. Вновь вводимая организація отнюдь не можетъ считаться отмѣною или измѣненіемъ существующаго порядка, а является лишь развитіемъ и дополненіемъ его. Главная цѣль губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ заключается въ объединеніи дружныхъ усилій мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ установленій и земскихъ учрежденій. Поэтому, и по открытіи въ губерніи комитетовъ, распоряженія по назначенію пособій нуждающимся семьямъ воинскихъ чиновъ должны остаться попрежнему въ вѣдѣніи земскихъ и городскихъ управъ. Содѣйствіе же имъ со стороны земскихъ начальниковъ должно выразиться въ надзорѣ за собираніемъ свѣдѣній объ этихъ семействахъ должностными лицами крестьянскаго общественнаго управленія, провѣрки такихъ свѣдѣній и наблюденія за исполненіемъ распоряженій управъ по призрѣнію означенныхъ семействъ въ

предѣлахъ земскихъ участковъ. Однакоже такое содѣйствіе земскихъ начальниковъ нисколько не устраняетъ и не ограничиваетъ права уѣздныхъ управъ самостоятельно собирать свѣдѣнія о нуждающихся семьяхъ. Сомнительные случаи должны представляться уѣздной земской или городской управой на разсмотрѣніе уѣзднаго комитета, но рѣшенія послѣдняго по этимъ дѣламъ, равно какъ и по жалобамъ лицъ, недовольныхъ распоряженіями управъ, признаются окончательными только въ томъ случаѣ, если сама управа присоединится къ рѣшенію большинства комитета. Въ противномъ случаѣ, дѣло восходитъ въ губернскій комитетъ, но и имъ только разсматривается, а рѣшается губернаторомъ, при чемъ за уѣздною земскою или городскою управою сохраняется право, если бы она встрѣтила затрудненіе къ исполненію рѣшенія губернатора, входить къ нему объ этомъ съ представленіями, съ тѣмъ, чтобы засимъ дѣло передавалось на разрѣшеніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Такимъ образомъ губернскимъ и уѣзднымъ комитетомъ не присваивается никакой распорядительной власти и они получаютъ значеніе лишь совѣщательныхъ органовъ, имѣющихъ цѣлью возможно полное выясненіе всѣхъ возникающихъ въ практикѣ дѣла призрѣнія случаевъ и вопросовъ и согласованіе дѣятельности въ этой области различныхъ мѣстныхъ властей и учрежденій.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, новая организація не разрѣшаетъ ни одного изъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые успѣли уже выдвинуться въ земской практикѣ призрѣнія нуждающихся семействъ воинскихъ чиновъ. Учрежденіе губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ нисколько не ослабляетъ рѣзко обнаружившейся неравномѣрности въ затратахъ различныхъ мѣстностей на дѣло такого призрѣнія и не обезпечиваетъ земствамъ притока средствъ на это дѣло. Не будучи въ своей дѣятельности объединены никакимъ общимъ планомъ, не располагая ни матеріальными средствами, ни распорядительною властью, комитеты едва-ли окажутся способными принести какую-либо осязательную пользу. Въ этомъ тѣмъ болѣе можно сомнѣваться, что опытъ прошлаго не позволяетъ возлагать особенно большихъ надеждъ на „дружное единеніе“ столь различныхъ по своему типу учрежденій и лицъ, какъ органы земскаго самоуправленія и земскіе начальники. Надо думать, что при указанныхъ условіяхъ проектируемое единеніе сведется главнымъ образомъ къ попыткамъ направлять и контролировать дѣятельность отдѣльныхъ земскихъ учрежденій, но въ томъ и другомъ врядъ-ли имѣется настоятельная нужда. Въ концѣ концовъ приходится сказать, что созданная войною задача призрѣнія недостаточныхъ семействъ нижнихъ чиновъ до сихъ поръ остается безъ удовлетворительнаго разрѣшенія, хотя необходимость такого разрѣшенія съ каждымъ мѣсяцемъ чувствуется сильнѣе и недалеко уже то время, когда полное истощеніе зем-

скихъ средствъ заставитъ считаться съ этой задачей въ полномъ ея объемѣ.

Въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" авторъ „Внутренняго Обозрѣнія" счелъ нужнымъ отвѣтить на тѣ замѣчанія, какія были высказаны мною три мѣсяца тому назадъ, въ іюньской „Хроникѣ внутренней жизни", по поводу предпринятой имъ защиты земскихъ и городскихъ ассигновокъ на нужды военнаго времени. Отвѣтъ уважаемаго писателя настолько интересенъ для выясненія спорнаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько кратокъ, что я позволю себѣ привести его полностью. Нашъ противникъ—говоритъ авторъ „Внутренняго Обозрѣнія" —„удивляется тому, что „Вѣстникъ Европы" защищаетъ „отношеніе къ закону, какъ къ чему-то пригодному только въ спокойныя времена, а въ критическіе моменты народной жизни составляющему лишь ненужное препятствіе". Такой мысли мы вовсе не проводили, совершенно опредѣленно указывая тѣ основанія, по которымъ спорныя ассигновки могутъ быть признаны противными только буквѣ, но отнюдь не смыслу закона. Въ особыхъ обстоятельствахъ военнаго времени мы видѣли лишь побудительную причину къ возможно болѣе широкому толкованію закона—толкованію, за которое мы высказывались и при обсужденіи многихъ другихъ земскихъ вопросовъ. Мы думали и продолжаемъ думать, что было бы чрезвычайно жаль, если бы земскій опытъ въ больничномъ и санитарномъ дѣлѣ остался безъ примѣненія на театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ такъ необходима хорошо устроенная помощь во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ. Чрезвычайно важной казалась и кажется намъ, дальше, обусловливаемая земскими пожертвованіями возможность обще-земской организаціи, не случайно же встрѣтившей такой усиленный отпоръ со стороны систематическихъ ненавистниковъ земства... Намъ были ясны подводные камни, лежащіе на избранной большинствомъ земскихъ собраній дорогѣ; мы знали, что она можетъ привести къ чрезмѣрному напряженію земскихъ платежныхъ силъ, къ направленію земскихъ средствъ не туда, гдѣ въ нихъ есть дѣйствительная надобность,—но столкновеніе съ этими камнями не было неизбѣжно, и ихъ на самомъ дѣлѣ благополучно обошли многія земства. Не обрисовались еще конечные результаты земскихъ ассигнованій,—но мы не теряемъ надежды, что они приведутъ къ отмѣнѣ закона о фиксаціи земскихъ смѣтъ и вообще къ давно желанной перемѣнѣ въ положеніи земскихъ учрежденій".

Таковы аргументы почтеннаго обозрѣвателя „Вѣстника Европы". Я долженъ сознаться, что съ моей точки зрѣнія они являются не особенно убѣдительными. Не „Русское Богатство", конечно, станетъ возражать противъ широкаго толкованія касающихся земства законовъ, и тѣмъ не менѣе я всетаки про-

должаю думать, что никакое широкое толкованіе закона не даетъ права общественнымъ уполномоченнымъ произвольно обращать собираемыя съ мѣстнаго населенія на опредѣленную цѣль средства на нужды иного характера и присвоивать такому обращенію названіе пожертвованія. Земская помощь, несомнѣнно, пригодилась на войнѣ и принесла большую пользу войскамъ, но, думается, „хорошо устроенная помощь" была нисколько не менѣе нужна и мирному населенію земскихъ губерній, многія потребности котораго благодаря войнѣ, оттянувшей государственныя средства, остались безъ удовлетворенія. Что касается „чрезвычайно важной" обще-земской организаціи санитарной помощи войскамъ, то я, признаться, не вижу большого значенія этой организаціи за предѣлами ея спеціальнаго дѣла и склоненъ думать, что подобное значеніе приписывается ей нѣкоторою частью нашего общества исключительно подъ вліяніемъ неистовыхъ воплей „систематическихъ ненавистниковъ земства", которые далеко не всегда отличаются дальнозоркостью.

Обозрѣватель „Вѣстника Европы" не скрываетъ отъ себя „подводныхъ камней", лежавшихъ на пути земскихъ ассигновокъ на нужды военнаго времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что многія земства „благополучно обошли" эти камни. Такъ ли это, однако, въ дѣйствительности? Самъ авторъ „Внутренняго Обозрѣнія" находилъ, что земства „не призваны къ участію" въ расходахъ по организаціи вооруженной защиты государства и должны ограничивать свои затраты исключительно мирными цѣлями. Но на дѣлѣ, какъ мнѣ приходилось уже упоминать, большая часть земскихъ ассигновокъ была предназначена какъ разъ на усиленіе флота и на нужды войны. Значило ли это обойти „подводные камни"? Обошло ли, далѣе, эти камни хотя бы костромское земство, ассигновавшее 300.000 р. на нужды войны, и въ томъ числѣ 50.000 р. на усиленіе флота, въ то время, какъ нѣсколько уѣздовъ Костромской губерніи боролись съ тяжелыми послѣдствіями неурожая? Были ли обойдены такіе камни нижегородскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которое въ виду раззоренной неурожаемъ губерніи нашло „неловкимъ" ограничиться сравнительно скромной ассигновкой на нужды войны въ 20.000 р. и потому рѣшилось увеличить эту ассигновку до 300.000 р.? Обошло ли подводные камни харьковское земство, пожертвовавшее на войну милліонъ рублей и вскорѣ послѣ того вынужденное просить у казны ссуду въ два милліона? Подобныхъ фактовъ можно было бы привести еще не мало, и всѣ они съ достаточною ясностью свидѣтельствуютъ, что земскія ассигнованія на нужды военнаго времени явились результатомъ не столько искуснаго и правильнаго разсчета, сколько неосторожнаго и плохо обдуманнаго увлеченія, соединявшагося подчасъ съ недостаткомъ мужества.

Я не думаю, чтобы мнѣ удалось убѣдить моего почтеннаго

оппонента и тѣмъ не менѣе, заключая нашъ споръ, я не могу не сдѣлать еще одного небольшого замѣчанія, направленнаго къ возстановленію истинной перспективы жизненныхъ явленій. Оптимистически настроенный обозрѣватель „Вѣстника Европы" связываетъ съ земскими ассигновками на нужды военнаго времени радужныя надежды на будущее земства. Я не стану опровергать такія надежды, хотя и не вижу пока реальныхъ основаній для нихъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего абсолютно невозможнаго въ томъ, что мы въ близкомъ будущемъ станемъ свидѣтелями отмѣны фиксаціи земскихъ смѣтъ или даже общей перемѣны въ положеніи земскихъ учрежденій. Но совершенно несомнѣнно, что, если такая перемѣна дѣйствительно произойдетъ, то земства будутъ обязаны ею не своимъ ассигновкамъ на нужды войны, а совсѣмъ другимъ причинамъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь вспомнить недалекое прошлое, когда наличность земскихъ ассигновокъ на нужды военнаго времени нисколько не препятствовала возникновенію плановъ новыхъ ограниченій земской дѣятельности.

III.

1 августа состоялся слѣдующій именной высочайшій указъ правительствующему сенату: „Управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, генералъ-лейтенанту Глазову всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ народнаго просвѣщенія".

26 августа послѣдовалъ высочайшій приказъ по военному вѣдомству такого содержанія: „Числящійся по генеральному штабу, виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ князь Святополкъ-Мирскій назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта".

За истекшій мѣсяцъ опубликовано нѣсколько правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Приводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Въ г. Кіевѣ постановленіемъ мѣстнаго губернатора отъ 9 августа крестьянинъ М. Я. Калничукъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія кіевскаго генералъ-губернатора отъ 16 апрѣля с. г., подвергнутъ аресту при полиціи на 2 мѣсяца, считая срокъ со дня задержанія его по сему дѣлу *). Постановленіемъ того же губернатора отъ 19 августа, за нарушеніе обязательнаго постановленія кіевскаго генералъ-губернатора отъ 24 іюля 1896 г., подвергнуты аресту при полиціи: К. Ф. Росчобородъ—на 3 сутокъ

*) „К. Отклики", 13 августа 1904 г.

и М. Е. Король, А. М. Мельниченко и М. Н. Работай—на 2 сутокъ каждый *).

Въ приказѣ по войскамъ 2-го кавказскаго армейскаго корпуса, какъ сообщаетъ „Казбекъ“ объявлено: „Во вниманіе къ положенію семьи рядового 32 пѣхотнаго дагестанскаго полка Никиты Брикуненко, убитаго въ гор. Грозномъ 17-го сентября 1903 года при нападеніи шайки злоумышленниковъ на воинскій патруль, а такъ же въ виду полученнаго тогда же пораненія рядовымъ того же полка Николаемъ Зякинымъ, временный командующій войсками округа предложилъ начальнику Терской области взыскать съ жителей селенія Катыръ-Юртъ, Грозненскаго округа, за укрывательство ими одного изъ главнѣйшихъ участниковъ означеннаго нападенія Гермахана Махаева штрафъ въ размѣрѣ 1,500 рублей, изъ коихъ 1,000 рублей приказалъ отправить семьѣ убитаго Брикуненко, а 500 рублей рядовому Зякину“ **).

Какъ сообщаютъ „Рижскія Вѣдомости“, помощникъ рижскаго полицеймейстера Н. А. Лишинъ 15-го августа былъ опасно раненъ во время происходившихъ у воротъ губернской тюрьмы безпорядковъ ***).

Въ г. Одессѣ, какъ сообщаютъ газеты, 9 сентября въ 9 ч. у. на Николаевскомъ бульварѣ произведено было покушеніе на жизнь мѣстнаго градоначальника Нейдгарта. Неизвѣстный молодой человѣкъ въ 6 шагахъ выстрѣлилъ въ г. Нейдгарта изъ револьвера, но промахнулся и былъ тутъ же арестованъ ****).

Въ г. Карсѣ, по словамъ „Новаго Обозрѣнія“, въ концѣ іюля былъ убитъ неизвѣстнымъ лицомъ переводчикъ мѣстнаго жандармскаго управленія В. Я. Гроздовъ. Убійца не былъ найденъ *****).

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее сообщеніе изъ урочища Аджикентъ Елисаветпольской губерніи: „13 августа, около 10 ч. вечера, было совершено неизвѣстными злоумышленниками покушеніе на убійство чиновъ полицейскаго обхода. Изъ лѣсного оврага неизвѣстно кѣмъ были произведены выстрѣлы, видимо, изъ берданки, которыми былъ тяжело раненъ городовой Али въ животъ навылетъ, легко помощникъ пристава Бадаловъ въ спину и контуженъ въ лѣвое плечо офицеръ стражи корнетъ Хатаговъ. На выстрѣлы явилась команда полицейской стражи, но злоумы-

---

*) „К. О.“, 27 авг. 1904 г.

**) „Русь“, 28 авг. 1904 г.

***) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 25 августа 1904 г.

****) „Русь“, 10 сентября 1904 г.

*****) Цитирую по „К. Откликамъ“, 3 августа 1904 г.

шленники успѣли скрыться. По подозрѣнію задержано нѣсколько лицъ" *).

Въ Озургетскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи, какъ сообщаютъ „Бакинскія Извѣстія", „учащеніе убійствъ обратило на себя вниманіе высшихъ властей. За одинъ годъ въ уѣздѣ было зарегистрировано 15 случаевъ убійствъ. Характерно, что виновники почти всѣхъ этихъ убійствъ не обнаружены. Убійства эти въ большинствѣ не походятъ на обыкновенныя убійства" **).

Въ г. Якутскѣ 7 и 8 августа якутскимъ окружнымъ судомъ разсмотрѣно было дѣло по обвиненію 59 лицъ административно-ссыльныхъ по 263 и 268 ст. уложенія о наказаніяхъ. Приговоромъ суда: Теслегъ, Курнатовскій, Израильсонъ, Ройзманъ, Розенталь, Бройдо, Викеръ, Костоянцъ, Добромысловъ, Кудринъ, Погасовъ, Каганъ, Перазичъ, Призвищевъ, Солодуро, Тепловъ, Фридъ, Бодневскій, Костюшко, Бардоянъ, Лаговскій, Рабиновичъ, Ржонца, Анна Розенталь, Рубинчикъ, Голда Викеръ, Виноградовъ, Droновъ, Джокоедзе, Габронидзе, Гельфантъ, Законъ, Зараховичъ, Залкиндъ, Моисей Лурье, Каммерирерь, Гельманъ, Оржеровскій, Ольштейнъ, Медяникъ, Мисюкевичъ, Рудавскій, Екатерина Ройзманъ, Трифоновъ, Хацкелевичъ, Кукеръ, Центердзе, Жмуркина приговорены къ 12 годамъ каторги, Никифоровъ къ заключенію въ арестантскія роты на 1 годъ, Виленкинъ, Померанецъ и Земехасанъ оправданы ***).

Приведемъ еще опубликованныя за послѣдній мѣсяцъ правительственныя распоряженія и сообщенія, касающіяся Финляндіи.

11 августа состоялся слѣдующій высочайшій приказъ по военному вѣдомству: „Финляндскій военный округъ упразднить, территорію этого округа и всѣ войска и учрежденія военнаго вѣдомства, на ней расположенныя, включить въ составъ петербургскаго военнаго округа. Мѣру эту привести въ исполненіе установленнымъ законодательнымъ порядкомъ".

Вслѣдъ затѣмъ въ „Финляндской Газетѣ" былъ опубликованъ слѣдующій высочайшій манифестъ:

„Божіею милостію Мы, Николай вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ Великаго Княжества Финляндскаго, что, согласно повелѣнію Нашему отъ 3 (15) мая 1899 года, признали Мы за благо открыть 23 ноября (6 де-

*) Цитирую по „К. Откликамъ", 23 августа 1904 г.
**) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 1 сентября 1904 г.
***) „Право", 1904 г., № 33.

кабря) 1904 года очередной сеймъ въ Гельсингфорсѣ. Земскимъ чинамъ надлежитъ явиться въ означенный городъ въ указанное время, сообразуясь съ уставами сеймовымъ и рыцарскаго дома. Ожидая отъ всѣхъ и каждаго точнаго исполненія сей Монаршей воли Нашей, пребываемъ къ вамъ Императорскою Милостью Нашею благосклонны. Николай".

Въ Петергофѣ, 13 (26)
августа 1904 г.

Въ петербургскихъ газетахъ 8 сентября была напечатана слѣдующая телеграмма изъ Гельсингфорса: „Дѣло о бывшемъ сенаторѣ Императорскаго финляндскаго сената, тайномъ совѣтникѣ Фридрихѣ-Вольдемарѣ Шауманѣ, обвиняемомъ въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго § 4 главы 11 уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго, передано прокурору Императорскаго финляндскаго сената, согласно § 2 главы 8 отдѣла о судопроизводствѣ, для законнаго направленія".

Какъ сообщили послѣ того газеты *), бывшій финляндскій сенаторъ Шауманъ, послѣдне время содержавшійся подъ стражей въ нюландской губернской тюрьмѣ на Скатудденѣ, въ воскресенье 12 (25) сентября былъ отправленъ въ Або, такъ какъ онъ на основаніи § 2 гл. 8 мѣстнаго закона о судопроизводствѣ подлежитъ суду furаб abоскаго гофгерихта.

В. Мякотинъ.

Памяти Марка Николаевича Михайловскаго.

Ровно черезъ семь мѣсяцевъ послѣ кончины Николая Константиновича Михайловскаго, 28 августа этого года, сошелъ въ могилу его младшій сынъ, подававшій большія надежды молодой натуралистъ Маркъ Николаевичъ, которому 10 мая этого года едва исполнилось двадцать семь лѣтъ. Унаслѣдовавшій отъ отца его тонкую нервную организацію и преобладающую интеллектуальность темперамента, онъ съ самаго ранняго дѣтства внушалъ мысль о значительной будущности, которая его ожидаетъ. Въ эпоху безвременья восьмидесятыхъ годовъ, когда, казалось, замерло всякое умственное движеніе въ русскомъ обществѣ или сводилось къ робкимъ и въ самихъ себя мало вѣрующимъ исканіямъ въ родѣ призыва „садиться на землю" или приглашенія

*) „Русь", 16 сент. 1904 г.

къ „малымъ дѣламъ", — знаменитый отецъ нынѣ скончавшагося молодого ученаго, конечно, не падалъ духомъ, бодро ждалъ возрожденія общественной жизни, много поработалъ самъ для этого и нерѣдко говаривалъ: „нѣтъ, еще поборемся, еще настанетъ время и уже не одинъ, а рука объ руку съ Маркомъ"... Время наступаетъ, повидимому; но отецъ и сынъ, оба уже опочили въ сырой и холодной землѣ нашей суровой родины.

М. Н. Михайловскій образованіе получилъ въ спб. университетѣ по физико-математическому факультету, специализовавшись на зоологии. Еще на студенческой скамьѣ его работы обратили вниманіе, затѣмъ онъ принялъ участіе въ научныхъ экспедиціяхъ на Мурманъ, на островъ Колгуевъ (въ Бѣломъ морѣ), на Черное море и, наконецъ, на Шпицбергенъ (въ составѣ большой международной экспедиціи). Изъ своихъ научныхъ путешествій онъ вывезъ богатыя коллекціи, а результаты изложилъ въ отчетахъ, появившихся по-русски и по-нѣмецки въ спеціальныхъ изданіяхъ. Академія наукъ его избрала зоологомъ своего музея. Кромѣ того, онъ писалъ рецензіи въ „Русскомъ Богатствѣ" и статьи зоологическаго отдѣла въ словарѣ „Большая Энциклопедія"... Сломила молодую, много обѣщавшую жизнь злая чахотка, очень обострившаяся послѣ кончины отца...

С. Южаковъ.

Случайныя замѣтки.

Памяти Н. Н. Обручева. Лѣтомъ нынѣшняго года скончался видный военный дѣятель, бывшій начальникъ главнаго штаба, Н. Н. Обручевъ. Его смерть, совпавшая со смертью Чехова (останки ихъ были привезены изъ-за границы въ одномъ поѣздѣ), въ широкихъ кругахъ читающей публики прошла малозамѣченною. Между тѣмъ въ активѣ покойнаго числилась крупная заслуга чисто общественнаго характера. Насколько намъ извѣстно, она осталась не помянутой, и ей то мы хотимъ посвятить настоящую замѣтку.

Въ 1858 году въ „Военномъ Сборникѣ", издававшемся при штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, появился рядъ статей покойнаго — тогда еще молодого офицера, преподавателя военной статистики въ академіи генеральнаго штаба. Печатались онѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Изнанка крымской войны". Авторъ рѣшился громко заговорить о тѣхъ ужасахъ и злоупотребленіяхъ, какія творились во время войны въ арміяхъ, и слухами о которыхъ была уже полна въ то время русская земля. Раны были еще

слишкомъ свѣжи и касаться ихъ можно было, конечно, только съ осторожностью: необходимы были всякія оговорки, неизбѣжны были многочисленныя умолчанія. Но и за всѣмъ тѣмъ статьи Н. Н. Обручева произвели громадное впечатлѣніе. Несомнѣнно, это былъ одинъ изъ сильныхъ ударовъ, какіе были нанесены тогда зашатавшемуся уже строю.

Первыя двѣ статьи Обручевъ посвятилъ санитарному состоянію войскъ въ союзной и русской арміяхъ. Приступая къ этой темѣ, авторъ писалъ:

Потери войны были бы ничтожны, когда бы ограничивались только убылью людей во время сраженій; но дѣло въ томъ, что если пули и ядра вредятъ лишь на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ саженъ и въ извѣстныя только минуты, то условія невыгоднаго положенія солдата не отстаютъ отъ него ни на одно мгновеніе, гнетутъ его на всемъ театрѣ войны, иногда на пространствѣ всего государства; хватаются за него гораздо ранѣе, чѣмъ раздается первый непріятельскій выстрѣлъ, а покидаютъ много времени спустя послѣ того, какъ смолкнутъ орудія. Да и тутъ еще, если вникнуть хорошенько въ послѣдствія, нормальное, повидимому, положеніе, въ которое пришли войска, въ сущности не бываетъ нормальнымъ, и поколѣніе, потрясенное войною въ своимъ организмѣ, продолжаетъ сводить съ ней счеты до конца своей жизни, передавая иногда часть своего долга еще слѣдующей генераціи.

Имѣвшіяся въ распоряженіи автора фактическія данныя о санитарномъ состояніи русскихъ войскъ во время крымской войны представляли яркую иллюстрацію этой мысли о гнетущемъ вліяніи общихъ условій на положеніе солдата. Въ такъ называемой южной (оперировавшей сначала на Дунаѣ) арміи, при двухсотъ-тысячномъ ея составѣ, въ первый же годъ войны (съ 1 ноября 1853 по 1 ноября 1854 г.) прошло черезъ лазареты и госпитали свыше 262 тыс. больныхъ и раненыхъ. Съ отступленіемъ этой арміи и возвращеніемъ ея въ Россію санитарное состояніе ея еще болѣе ухудшилось.

Ослабленная значительно въ своемъ составѣ отбытіемъ войскъ въ Крымъ,—писалъ Обручевъ,—она со всѣми резервными частями и ополченіями, вошедшими въ ея составъ, представляла числительность около 100.000 человѣкъ. Казалось, что выйдя изъ раіона главныхъ дѣйствій и сблизившись съ пунктами своихъ снабженій, она могла бы съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый годъ войны, сберечь свои войска, распредѣливъ равномѣрно между ними службу по охраненію береговъ, работы по укрѣпленію нѣкоторыхъ пунктовъ, а также и продовольствіе, въ которомъ, по удобству доставки водой, не могло встрѣтиться недостатка.

Но это только казалось.

Сложность нашего административнаго механизма, забота о соблюденіи всѣхъ формальностей, которыми такъ легко можетъ прикрываться неспособность и недобросовѣстность, рождаютъ различныя затрудненія по содержанію и сбереженію войскъ и приводятъ къ тому, что пропорціонально къ числу арміи потери ея у себя дома, въ предѣлахъ имперіи, внѣ боевыхъ дѣйствій, ревышаютъ потери ея на Дунаѣ.

На 100 тыс. солдатъ во второй годъ войны пришлось въ этой арміи свыше 211 тыс. заболѣваній. Смертность ратниковъ въ дружинахъ государственнаго ополченія своимъ значительнымъ числомъ прямо поразила помѣщиковъ, получившихъ по возвращеніи на родину почти половинное число ихъ. И эта огромная потеря людей произошла безъ сраженій и въ короткое время,— не болѣе какъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ.

Еще хуже обстояли дѣла въ крымской арміи, которая должна была вынести на своихъ плечахъ главную тяжесть кампаніи. При 200-тысячномъ ея составѣ въ ней было болѣе 500 тыс. заболѣваній, изъ нихъ отъ ранъ и контузій всего лишь 191 тыс. (38%). Изъ этого числа умерло въ госпиталяхъ той же арміи 48 тыс. (отъ ранъ 14 тыс. — 30%), выписано выздоровѣвшими 155 тыс., остальные—свыше 270 тыс.—были вывезены изъ Крыма.

Судьба этихъ вывезенныхъ- говоритъ авторъ—не опредѣлена въ отчетѣ. Да едва ли она и могла быть разъяснена. Среди громадной перевозки трудно было соблюсти правильную отчетность въ больныхъ. Повозки, переполненныя больными, двигались иногда на сотни верстъ, ранѣе, чѣмъ находили въ какомъ либо госпиталѣ свободное мѣсто для ихъ принятія. Зачастую въ голой степи непогода захватывала эти караваны несчастныхъ; лошади или волы, измученные дурной дорогой, останавливались, какъ вкопанные, а вблизи ни жилья, гдѣ бъ можно укрыть больныхъ, ни дровъ, чтобы ихъ обогрѣть, ни пищи, чтобы подкрѣпить ихъ силы... Они неминуемо должны были гибнуть и пропадать безъ вѣсти, не попадая ни въ одинъ изъ госпитальныхъ отчетовъ... Не вправѣ ли мы не почтить ихъ память, хотя число ихъ и осталось для насъ неизвѣстнымъ?

„И возлѣ этихъ-то несчастныхъ—восклицаетъ авторъ—нагрѣвали себѣ руки люди, которымъ правительство ввѣряло средства къ ихъ сбереженію!“

О „неспособности“ и „недобросовѣстности“ въ первыхъ своихъ статьяхъ Обручевъ упоминалъ только мимоходомъ и постольку лишь, поскольку онѣ вліяли на санитарное положеніе войскъ. Для характеристики общихъ условій, въ какихъ находились послѣднія, достаточно привести двѣ-три выдержки изъ цитируемыхъ авторомъ матеріаловъ. Остановимся хотя бы на положеніи ратниковъ, гибнувшихъ, какъ мухи, въ Николаевѣ и другихъ мѣстахъ расположенія южной арміи.

Ратники въ своихъ губерніяхъ, при формированіи, получили короткіе армяки, суконныя панталоны, фуражки, полушубки, три рубашки съ нижнимъ платьемъ, длинные сапоги и головки. Всего этого на первый разъ было достаточно, и при вступленіи въ Николаевъ видъ ихъ былъ приличный. Но вскорѣ отъ постояннаго ношенія, отъ неопрятности, отъ неимѣнія мѣста для просушки, отъ лежанія на полу и на голой землѣ, армяки и сапоги пришли въ преждевременную ветхость, такъ что нерѣдко случалось встрѣчать ратника, идущаго на работу, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ оборванномъ армякѣ или съ заплатами, и въ сапогахъ съ огромными дырами, заткнутыми соломой или сѣномъ, лишь бы въ нихъ не проходила грязь... Что же касается до рубашекъ, то почти у всѣхъ ратниковъ онѣ погнили на плечахъ, и потому не

рѣдкость была видѣть у нихъ одну, да и то изорванную... Если бы они и хотѣли заняться своей одеждой, то не имѣли на то ни времени, ни мѣста. И ратники носили бѣлье до тѣхъ поръ, пока оно не изорвалось и не сгнило на плечахъ отъ поту и внѣшней сырости. Къ этому надо прибавить чрезвычайную нечистоплотность: лѣтомъ во время похода они купались, но, съ наступленіемъ холоднаго времени, они оставались безъ бань по 3—4 мѣсяца...

Единственною пищею ратниковъ и солдатъ были хлѣбъ и щи, или кашица съ мясомъ... Хлѣбъ былъ худо выпекаемъ, состоялъ изъ сырой, крупно смолотой и затхлой муки, смѣшанной съ кукурузой, ячменемъ и пескомъ. Захворавшіе ратники приносили его съ собой въ госпиталь, показывали докторамъ, и увѣряли что не могутъ безъ отвращеніи ѣсть его... Щи же и кашица. въ нѣкоторыхъ изъ дружинъ, были такого качества, что ратники получали отъ нихъ полное отвращеніе. Въ довершеніе всего, ихъ варили съ недоброкачественной солониной, которая у нѣкоторыхъ производила боль въ животѣ и поносы... Что же касается до водки, которую положено было давать нѣсколько разъ въ недѣлю, то неизвѣстно, въ какомъ количествѣ и когда ее давали; положительно, однако, извѣстно то, что нѣкоторые ратники не имѣли случая узнать вкусъ ея.

Состояніе госпитальной части было не лучше.

Что касается медиковъ,—говоритъ авторъ,—то если первоначально ихъ было немного, то въ эпоху бѣдственнаго положенія госпиталей ихъ уже рѣшительно не доставало. Исполняя свой долгъ, они поражались болѣзнью одинаково со своими паціентами; къ 1 января изъ 11 врачей захворало 10, изъ 15 сестеръ милосердія—13, въ той же пропорціи болѣли и фельдшера. Въ декабрѣ врачей было такъ мало, что на каждаго изъ нихъ приходилось отъ 500 до 700 больныхъ. Впрочемъ, не въ докторахъ было дѣло. Если бы и на каждаго больного приходилось по доктору, спрашивается, уменьшило ли бы это смертность?

Въ самомъ дѣлѣ, въ госпиталяхъ

стѣсненіе сдѣлалось до того велико, что больной лежалъ при больномъ, а иногда необходимость заставляла класть ихъ даже бокомъ, другъ подлѣ друга, чтобы увеличить однимъ мѣстомъ болѣе. Больные лежали на нарахъ, между ними на полу, въ углахъ, въ пріемныхъ покояхъ,—однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ только было пустое мѣсто... Отъ подобнаго стѣсненія больныхъ воздухъ долженъ былъ сдѣлаться не только не годнымъ, но даже убійственнымъ для дыханія... Въ добавокъ люди прибывали въ госпиталь уже въ сильномъ развитіи болѣзни, иногда въ послѣднемъ ея періодѣ, въ особенности ратники, изъ которыхъ многіе падали мертвыми въ пріемной, какъ бы сохранивъ только столько силы, чтобы дотащиться до госпитальнаго порога. Положеніе, въ которомъ они приходили, было по истинѣ ужасное: бѣлье въ лохмотьяхъ, тѣло, покрытое слоемъ нечистоты, изъѣденное вшами. У одного ратника на головѣ замѣчена была опухоль, величиною въ кулакъ, и что же?—по осмотрѣ она оказалась гнѣздомъ вшей, на подобіе муравейника; послѣ сбритія волосъ, наружные покровы головы, на пространствѣ нѣсколькихъ дюймовъ, найдены выѣденными до кости...

Разобраться въ причинахъ этого ужаснаго состоянія войскъ, выяснить, что надлежитъ отнести на счетъ климатическихъ условій и другихъ стихійныхъ причинъ и что на счетъ „неспособности“ и „недобросовѣстности“—представляло, конечно, трудную задачу. Авторъ сумѣлъ, однако, это сдѣлать и смѣло бросилъ упрекъ тѣмъ, кому были „ввѣрены средства для сбереженія лю-

дей". „Дурной хлѣбъ, тухлая солонина, воображаемая водка—писалъ онъ—это злоупотребленія; недостатокъ помѣщенія—это нераспорядительность, недостатокъ же бань—это небрежность".

Какъ мы еще далеки—восклицаетъ онъ—отъ того, чтобы понимать дѣло, которое намъ довѣряютъ! Сколько еще намъ нужно развитія, чтобы привыкнуть видѣть въ солдатѣ или ратникѣ живого человѣка, а не безгласное, бездушное существо, живущее только на бумагѣ, которому ни ѣсть не надо, ни спать по человѣчески, ни мыться, ни одѣваться, и которое создано или для того, чтобы его обирали, или для того, чтобы, ведя о немъ безпрерывную переписку, брать съ государства жалованье.

Между прочимъ, авторъ отмѣчалъ такую, нелишенную интереса подробность:

Пожертвованій было много *), но достигали ли они по назначенію—это еще не рѣшено; извѣстно, однако, что тысячи пудовъ сухарей плесневѣли и гибли во время перевозки отъ одного магазина къ другому, въ ожиданіи, чтобы ихъ хоть гдѣ нибудь приняли. Провіантское вѣдомство предпочитало заготовлять сполна все продовольствіе на счетъ казны, а издержки на подобное заготовленіе были такъ велики, что подъ конецъ войны онѣ могли быть удовлетворяемы уже съ величайшимъ трудомъ, отразившимся и на содержаніи войскъ.

Эти упреки и намеки среди заинтересованныхъ лицъ вызвали цѣлую бурю. Въ печати появился длинный рядъ опроверженій и возраженій. Въ томъ же „Военномъ Сборникѣ" генералъ-интендантъ крымской арміи, генералъ-маіоръ Затлеръ, сдѣлалъ попытку вывернуть опять „изнанку на лицо" и доказать, что дѣйствія интендантства были безупречны и что „чрезъ его распоряженія казна пріобрѣла сбереженія стольких-то милліоновъ". Отвѣчая своимъ оппонентамъ, Н. Н. Обручевъ долженъ былъ ближе коснуться и этой „другой стороны" изнанки. Вскрытыя имъ при этомъ злоупотребленія прямо поражали своею грандіозностью и беззастѣнчивостью.

Для характеристики ихъ достаточно передать, какъ запасалось, напримѣръ, сѣно для крымской арміи, отъ каковой операціи, по разсчетамъ Затлера, казна получила 7.000.000 р. „экономіи". Въ самомъ началѣ было рѣшено получить сѣно путемъ реквизиціи. Для этого помѣщикамъ Таврической губерніи предложено было опредѣлить, сколько сѣна имъ нужно для собственнаго хозяйства; все остальное сѣно предположено было взять въ казну по безобиднымъ для нихъ цѣнамъ (по 15—20 к. за пудъ). По предварительнымъ разсчетамъ такого сѣна должно было ока-

*) Не лишне будетъ отмѣтить, что пожертвованія въ значительной ихъ части были вынужденными. Такъ, населеніемъ Курской, Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерній было доставлено 568 тыс. четвертей разнаго хлѣба. Но эти пожертвованія были „распоряжены", какъ тогда выражались, генералъ-адъютантомъ Анненковымъ и собраны съ населенія „по раскладкѣ". Потомъ этотъ хлѣбъ былъ оплаченъ, но далеко не въ полной стоимости.

заться свыше 10 милл. пудовъ, т. е. количество, вполнѣ достаточное для покрытія нуждъ арміи. Было признано, однако, необходимымъ собрать болѣе „точныя данныя". Эти данныя получились только въ концѣ сентября, при чемъ свободнаго сѣна оказалось по доставленнымъ свѣдѣніямъ лишь 2 милл. пудовъ съ небольшимъ. Когда же, наконецъ, приступили къ реквизиціи, то собрали всего лишь 1 милл. Куда же дѣвалось сѣно?

Никакого другого сѣна, кромѣ необходимаго самому населенію и подлежащаго поставкѣ въ казну въ Таврической губерніи, разъ рѣшена была реквизиція, какъ указываетъ въ своей статьѣ Обручевъ, казалось бы, быть не должно. Между тѣмъ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ, не дѣлая никакихъ распоряженій о реквизиціи, интендантство отправляетъ коммиссіонера для покупки сѣна въ той же Таврической губерніи и даетъ ему полномочіе платить по 65—73 коп. и даже по 1 р. 5 к. и 1 р. 10 к. за пудъ. Само собой понятно, что населеніе предпочло продать сѣно, чѣмъ дожидаться реквизиціи.

При данномъ на продажу разрѣшеніи,—говоритъ въ своей статьѣ Н. Н. Обручевъ, — можно ли было послѣ и требовать, чтобы никто не воспользовался этимъ. Наше опасеніе за уступленное (т. е. подлежавшее поступленію въ казну по реквизиціи) сѣно возрастаетъ еще болѣе, когда мы соображаемъ, что покупка интендантствомъ сѣна и пріемъ уступленнаго сѣна въ казну были поручены *одному и тому же лицу*. Сколько тутъ могло явиться ошибокъ! Уступленное сѣно могло быть зачтено въ счетъ купленнаго; уступленное сѣно могло быть намѣренно забракованно и потомъ въ счетъ поставки куплено въ казну уже по высшимъ цѣнамъ. Немудрено, что слухами объ этихъ ошибкахъ наполнилась вся земли. Каемся, что мы вѣримъ этимъ слухамъ...

Чтобы обезпечить успѣхъ такого рода операцій, интендантство, если и пользовалось подрядчиками, то не иначе, какъ „опытными" и „довѣренными", привезенными подчасъ издалека. Что касается другихъ лицъ, то таковыя или вовсе не допускались къ подрядамъ, какъ неблагонадежныя, или ставились въ такое положеніе, при которомъ очень быстро впадали въ банкротство. Поставки ихъ систематически браковались, деньги задерживались и т. д. Вообще же интендантство предпочитало производить заготовки при посредствѣ собственныхъ коммиссіонеровъ. Для характеристики дѣятельности послѣднихъ Н. Н. Обручевъ разсказываетъ цѣлый рядъ, какъ бы гипотетическихъ, но очевидно дѣйствительныхъ случаевъ. Возьмемъ одинъ изъ нихъ:

Положимъ, что главнымъ складочнымъ пунктомъ назначено м. Аэрчи. Казенный приказчикъ коммиссіонера (изъ купцовъ) закупилъ въ ближайшихъ къ нему пунктахъ 5 тыс. четвертей муки и крупы. Коммиссіонеръ можетъ забраковать этотъ провіантъ и уволить неисправнаго приказчика отъ должности; казенный приказчикъ останется просто купцомъ; тогда съ этимъ купцомъ комиссіонеръ заключаетъ покупку на 5 тыс. четвертей *въ г. Ростовѣ, съ доставкой въ Аэрчи*. Время года неблагопріятное, стоитъ страшная распу-

тица, изъ Ростова за провозъ четверти берутъ рубля по 4 и болѣе; какъ не воспользоваться случаемъ, чтобы не доставить казнѣ выгоду, перевезя ей эти 5 т. четвертей по 3 р. 50 к.? Идетъ. 17.500 р. въ карманѣ у коммиссіонера и бывшаго казеннаго подрядчика, а казнѣ 2.500 р. чистой прибыли...

И все это чисто, гладко, безъ сучка и задоринки, со всѣми необходимыми актами, счетами, росписками, утвержденными цѣнами... На то и бумага, чтобы грѣть около нея руки, на то и „сложный административный механизмъ", чтобы покрыть имъ всякую неспособность и всякую недобросовѣстность.

Обручевъ, конечно, хорошо понималъ, что дѣло въ данномъ случаѣ не въ отдѣльныхъ лицахъ, а во всемъ строѣ. Уже въ первой своей статьѣ, говоря о санитарномъ состояніи союзной арміи, онъ указывалъ на разницу между англичанами и французами. Первые сумѣли довести свое войско до блестящаго состоянія, у вторыхъ дѣла обстояли не многимъ лучше, чѣмъ у русскихъ.

Англійская администрація,—писалъ по этому поводу Обручевъ,—хорошо понимала государственные интересы, потому что люди у нея съ образованіемъ политическимъ нѣсколько высшимъ, чѣмъ во Франціи, къ тому же и дѣйствовать ей гораздо легче; если бы она и заблудилась, парламентъ, получающій обо всемъ положительныя свѣдѣнія, неминуемо ее поправилъ бы. Во Франціи, наоборотъ, мы видимъ, что императоръ только въ половинѣ марта могъ съ достовѣрностью опредѣлить, что дѣлается на востокѣ. До тѣхъ поръ, какъ видно, онъ получалъ только свѣдѣнія успокоительныя. И этому мы не удивляемся... Каждый разсчитываетъ, что онъ скорѣе надѣнетъ красную ленточку, если сообщитъ главѣ имперіи что-нибудь пріятное, чѣмъ непріятное. Поэтому все и всегда идетъ прекрасно, пока, наконецъ, не бываетъ уже рѣшительно никакой возможности скрыть какой-нибудь бѣды. Когда же бѣда откроется, то уже ни розданныхъ пенсій, ни развѣшенныхъ почетныхъ легіоновъ вернуть бываетъ нельзя... Бываетъ,—писалъ онъ дальше,—еще побужденіе, которое заставляетъ отзываться о своей части всегда хорошо и твердить, что въ ней все совершенно,—это именно тогда, когда скрываютъ страшныя злоупотребленія, когда боятся, чтобъ малѣйшее вниманіе къ части не открыло всю недобросовѣстность правящихъ ею. Слѣдовательно, низкопоклонничество, вмѣстѣ съ желаніемъ отличій и наградъ, очень часто бываетъ еще соединено съ самою гнусною недобросовѣстностью... Отъ недобросовѣстности по матеріальному управленію эта тема можетъ быть примѣнена къ недобросовѣстности въ управленіи нравственномъ, по воспитанію, гдѣ точно также возможна кража знаній, какъ въ администраціи кража сукна, только повѣрка первой труднѣе, а потому и обманъ легче...

Какъ бы то ни было, „явный недостатокъ разсчета и совершенное пренебреженіе къ людямъ" лежали въ основѣ всѣхъ распоряженій по французской арміи. Источникомъ ихъ было то соображеніе, что „Франція богата людьми, пусть себѣ умираютъ, правительство пришлетъ другихъ". Такимъ образомъ, „во французскихъ умахъ интересы правительства отдѣлились отъ интересовъ государственныхъ", и если это могло случиться, то, по мнѣнію Обручева, „только при томъ условіи, что Луи-Наполеонъ дѣйствительно пріучилъ подчиненныя ему власти отдѣлять его

интересы отъ интересовъ Франціи, и службу себѣ отъ службы государству".

Когда авторъ писалъ эти строки, передъ Россіей, какъ тогда казалось, намѣчались совсѣмъ иныя перспективы. „Общество, возмущенное злоупотребленіями, на каждомъ шагу въ немъ чинимыми, находилось въ самомъ лучшемъ настроеніи и жаждало освободиться отъ этой язвы, подтачивающей его благосостояніе". Правительство раздѣляло эту жажду обновленія и съ готовностью отдавало своихъ „преступниковъ" на судъ обществу. Достаточно сказать, что статьи самого Обручева печатались въ оффиціальномъ журналѣ.

Но это единеніе общества съ оффиціальными сферами, какъ извѣстно, продолжалось недолго. Когда же они разошлись, то Обручевъ предпочелъ остаться въ составѣ „сложнаго административнаго механизма". Въ немъ онъ достигъ степеней высокихъ и работалъ до глубокой старости. Достигъ ли онъ того, чтобы ужасы и злоупотребленія, какія онъ разоблачилъ въ „Военномъ Сборникѣ", сдѣлались болѣе уже невозможными? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы, конечно, не можемъ. Напомнимъ только, что въ срединѣ своей служебной карьеры онъ видѣлъ другую большую войну—восточную и изнанка ея была немногимъ лучше, чѣмъ крымской. **А. П.**

Необычное положеніе. Одинъ изъ акціонеровъ общества юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, полковникъ Зміевъ (начальникъ тобольскаго жандармскаго управленія) уже не разъ обращался въ нашу редакцію съ письмами и присылалъ разные документы. Мы принимали ихъ къ свѣдѣнію. Въ послѣднемъ, однако, письмѣ онъ убѣдительно проситъ хотя бы нѣкоторые изъ сообщенныхъ имъ фактовъ предать гласности. Мы, пожалуй, цѣликомъ напечатали бы ту или иную изъ поданныхъ имъ въ различныя учрежденія записокъ, но сдѣлать этого, къ сожалѣнію, не можемъ, и нужно прямо сказать — по цензурнымъ условіямъ. Обвиненія и упреки по адресу нѣкоторыхъ лицъ и даже цѣлаго вѣдомства, какіе безбоязненно высказываетъ въ нихъ начальникъ тобольскаго жандармскаго управленія, были бы невозможны на страницахъ журнала. Передаемъ, поэтому, лишь суть такъ сильно волнующаго полковника Зміева дѣла.

Съ завязкой его постоянные читатели „Русскаго Богатства" уже знакомы. За 1897 годъ общество юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ выдало своимъ акціонерамъ хорошій дивидендъ. Спустя нѣкоторое время выяснилось, однако, что никакого дивиденда за этотъ годъ акціонерамъ не слѣдовало. Въ отчетѣ оказалась болѣе, чѣмъ милліонная ошибка; въ дѣйствительности же въ этомъ году по операціямъ общества оказался крупный дефицитъ. Когда ошибка была обнаружена, то выданный дивидендъ былъ записанъ долгомъ за акціонерами. Послѣ того и по сей день дороги

дохода обществу уже не приносятъ, а даютъ одни лишь убытки. Возможную съ нашей стороны оцѣнку этому факту мы дали уже въ 1899 году, когда онъ огласился.

Уже тогда можно было предполагать, что ошибка прокралась въ отчетъ не случайно. Полковникъ же Зміевъ глубоко убѣжденъ, что она была допущена преднамѣренно. „Понятно, — говоритъ онъ въ одной изъ записокъ, —всѣ, знавшіе истину, тотчасъ продали акціи, которыя покупали мы, жители провинціи". Другими словами, заправилы общества и близкіе къ нимъ люди, воспользовавшись ошибкой, поспѣшили сбыть акціи предпріятія, дѣла котораго были уже въ конецъ разстроены. Пока ошибка не была еще обнаружена, цѣна имъ была около 200 руб., теперь же онѣ котируются около 80 руб. Провинціалы, такимъ образомъ, попались на удочку.

Вкладывая свои деньги въ акціи юго-восточнаго общества, послѣдніе, какъ утверждаетъ г. Зміевъ, полагались больше всего на правительственный надзоръ за этимъ предпріятіемъ. Въ правленіи общества участвуютъ три правительственныхъ директора, получающихъ жалованье за счетъ акціонеровъ; они должны слѣдить за законностью въ дѣятельности правленія и охранять интересы акціонеровъ, не могущихъ принимать въ дѣлахъ общества активнаго участія. Въ дѣйствительности, однако, правительственный надзоръ оказался плохою гарантіею: онъ не предупредилъ упомянутой выше „ошибки" со всѣми ея послѣдствіями, и присутствіе въ правленіи трехъ правительственныхъ директоровъ ничуть не содѣйствовало приведенію дѣлъ общества въ порядокъ. Послѣднія идутъ все хуже и хуже.

Необходимо замѣтить, что дѣла юго-восточнаго общества, какъ и другихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, пришли въ разстройство главнымъ образомъ, если не исключительно, благодаря желѣзнодорожной политикѣ, какой придерживается финансовое вѣдомство. Тяжесть грандіознаго желѣзнодорожнаго строительства, какое ведется у насъ цѣлый рядъ лѣтъ, оно пожелало въ нѣкоторой его части переложить на частныя общества и для этого привлекло ихъ къ участью въ постройкѣ новыхъ линій. Частныя компаніи, въ разсчетѣ на крупные барыши, сначала увлеклись этимъ строительствомъ. Скоро, однако, выяснилось, что новыя линіи оказываются настолько бездоходными и даже убыточными, что не только съѣдаютъ безъ остатка барыши, какіе давали ранѣе выстроенныя дороги, но и грозятъ еще во всемъ хозяйствѣ хроническими дефицитами. Желѣзнодорожное строительство, однако, продолжается. Любопытнѣе же всего, что частныя желѣзнодорожныя общества, не смотря на вполнѣ выяснившуюся убыточность новыхъ линій, продолжаютъ браться за постройку таковыхъ и охотно соглашаются на всякія измѣненія въ договорахъ, которыя диктуетъ министерство финансовъ. Отчасти это

объясняется, повидимому, тѣмъ, что желѣзнодорожнымъ заправиламъ настолько выгодно *строить* дороги, что ради этихъ экстренныхъ барышей они готовы поступиться регулярными доходами по эксплуатаціи прежнихъ линій. Но можно думать, что имѣются и другія причины этой удивительной покладливости частныхъ компаній.

Какъ бы то ни было, многіе акціонеры хорошо уже понимаютъ, что желѣзнодорожное строительство грозитъ обратить ихъ, въ концѣ концовъ, какъ выражается полковникъ Зміевъ, въ „нищихъ“. „Строить планы экономической политики,—пишетъ онъ,—на разореніи русскихъ людей, неосторожно довѣрившихъ свое достояніе казнѣ, едва ли можетъ быть оправдываемо закономъ“. „Общественное неудовольствіе,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—идетъ грозною волною“. Такого рода акціонеры, конечно, сильно волнуются и всячески стараются отдѣлаться не только отъ навязываемой имъ роли строителей, но и вообще отъ участія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Они настаиваютъ, поэтому, на выкупѣ у нихъ дорогъ казною. Министерство старается успокоить ихъ указаніями на будущіе доходы. Въ № 24 „Вѣстника Финансовъ“ за 1903 годъ была напечатана статья, въ которой съ трехъ разныхъ „угловъ“ зрѣнія доказывалась, между прочимъ, несомнѣнная, если не теперь, то въ будущемъ, доходность вновь строющихся линій *). „Конечно,—говоритъ по этому поводу полковникъ Зміевъ,—казна можетъ ждать неуловимую „будущую“ доходность сравнительно болѣе времени, чѣмъ мы, акціонеры, но вѣдь возить „по рельсамъ — рельсы“ влечетъ естественное настоящее банкротство и обнищаніе“. Онъ предлагаетъ, поэтому, „будущую доходность дорогъ отдать авторамъ угловыхъ воззрѣній, возложивъ на ихъ счетъ настоящую убыточность“.

Какъ ни многочисленны такіе недовольные элементы среди акціонеровъ, однако частныя общества, какъ я уже сказалъ, продолжаютъ соглашаться на всѣ предложенія, какія дѣлаются имъ финансовымъ вѣдомствомъ. Соглашаются при этомъ не только правленія, въ которыхъ участвуютъ правительственные директора, но и общія собранія акціонеровъ. Документы, доставленные намъ полковникомъ Зміевымъ, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на это любопытное явленіе. Акціонерамъ преподносятся подчасъ прямо головокружительные разсчеты. Вотъ результаты одного изъ нихъ: „Свинаревская вѣтвь должна была давать для перевозки не менѣе 10 милл. пуд. каменнаго угля; между тѣмъ, со *всѣхъ* станцій Восточно-Донецкой линіи отправлено: въ 1900 г.—149 тыс. пуд., въ 1901 г.—292 тыс. пуд. и въ 1902 г.—335 тыс. пуд.“. Такимъ образомъ, „будущей“ доходности Свинаревской линіи, очевидно,

---

*) Въ свое время эта статья была разобрана въ „Р. Б.“ См. статью „Роль желѣзныхъ дорогъ въ государственномъ бюджетѣ“. „Р. Б.“ 1903 г., № 7.

придется ждать очень и очень долго. Не всѣхъ, конечно, акціонеровъ можно убѣдить такими разсчетами, но противъ упорствующихъ имѣются другія средства. Общія собранія, какъ извѣстно, нерѣдко подтасовываются. Это „расписываніе“ акцій на подставныхъ акціонеровъ полковникъ Зміевъ называетъ „ореоломъ грабежа“. Въ „Промышленномъ Мірѣ“ было напечатано прошеніе, поданное на имя министра финансовъ группой акціонеровъ юго-восточнаго общества, въ которомъ акціонеры, составлявшіе большинство въ общемъ собраніи, прямо названы „подставными“. Отмѣчая это обстоятельство, полковникъ Зміевъ указываетъ, что по анонимнымъ доносамъ у насъ производятся подчасъ самыя тщательныя разслѣдованія, въ данномъ же случаѣ на публично предъявленное обвиненіе никто не обратилъ вниманія. Даже „правительственные директора“, приставленные слѣдить за „законностью“, нисколько этимъ обвиненіемъ не встревожились. Съ протестами отдѣльныхъ лицъ церемонятся, конечно, еще меньше. „Предугадывая разореніе акціонеровъ, — пишетъ въ одной изъ своихъ жалобъ полковникъ Зміевъ: — я еще съ 1899 г. предъявлялъ правленію рядъ протестовъ по веденію имъ дѣла, присоединяя просьбы перенести мои заявленія на уваженіе общихъ собраній акціонеровъ и г. министра финансовъ. Въ этомъ мнѣ всегда правленіе отказывало, и гг. правительственные директора не считали даже нужнымъ обязать правленіе руководствоваться пунктомъ Л § 63 устава общества“. „Наши протесты,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: — бросаютъ подъ столъ и приказываютъ молчать“. Законъ 1901 г. объ акціонерныхъ компаніяхъ, усиливъ „правительственный надзоръ“, лишилъ акціонеровъ послѣдняго прибѣжища — судебной защиты. Обращаться теперь непосредственно къ прокуратурѣ они уже не могутъ. Въ акціонерныхъ дѣлахъ, какъ и въ другихъ сферахъ жизни, верховнымъ вершителемъ сдѣлалось „усмотрѣніе“.

Высказываясь всегда противъ „купона“ вообще, „Русское Богатство“ не можетъ и не намѣрено, конечно, брать на себя защиту отдѣльныхъ купоновладѣльцевъ. Но переданные нами факты, несомнѣнно, имѣютъ и общественный интересъ. Не говоря о прочемъ, характерно ужъ то, что крупный акціонеръ, начальникъ жандармскаго управленія вынужденъ обращаться къ гласности, какъ къ средству противъ „грабежа“. Положеніе, какъ хотите, не обычное... Но вѣдь гласность никому не отказываетъ въ своихъ услугахъ... **А. П.**

Изъ общественной хроники г. Ташкента. Въ 1900 г. въ Ташкентѣ открылась частная женская прогимназія. На далекой окраинѣ, гдѣ Россія, какъ принято говорить, выполняетъ свою культурную миссію, появилось новое учебное заведеніе. Если не для инородцевъ, то для самихъ „ташкентцевъ“ лучшаго, казалось бы, и желать было нельзя. Учить дѣтей вѣдь надо, а пра-

вительственная гимназія была переполнена и мѣстъ не хватало... Частная прогимназія просуществовала, однако, недолго и въ 1904 году была закрыта. Намъ доставлены документы, относящіеся къ жизни этого учебнаго заведенія. Просмотрѣвъ ихъ, мы должны сказать, что никакихъ „признаковъ явнаго насилія" въ данномъ дѣлѣ нами не обнаружено. Прогимназія была закрыта самимъ учредителемъ ея—г. Витовскимъ. Но и за всѣмъ тѣмъ ея коротенькая исторія не лишена извѣстной поучительности.

Открылась прогимназія при самыхъ хорошихъ, казалось бы, предзнаменованіяхъ. До того г. Витовскій 13 лѣтъ прожилъ въ Ташкентѣ, занимаясь частными уроками и содержа ученическую квартиру. Онъ успѣлъ заручиться связями въ мѣстномъ обществѣ и составить себѣ имя, какъ педагогъ. Главное же, и у начальства онъ былъ на хорошемъ счету. „Витовскій,—читаемъ мы въ удостовѣреніи директора мѣстной мужской гимназіи,—

содержалъ ученическую квартиру и относился къ дѣлу воспитанія дѣтей съ энергіей и любовью, помогая имъ подготовлять уроки, доставляя необходимыя пособія, заботясь о правильномъ физическомъ и нравственномъ ихъ развитіи".

Еще болѣе лестный отзывъ о дѣятельности г. Витовскаго далъ въ свое время инспекторъ народныхъ училищъ 1-го района Туркестанскаго края.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—писалъ онъ—я имѣлъ возможность слѣдить за дѣятельностью домашняго учителя В. Витовскаго, какъ учителя и воспитателя, и вынесъ отъ его дѣятельности самое отрадное впечатлѣніе: безъ принудительныхъ и карательныхъ мѣръ онъ умѣлъ заставить своихъ учениковъ трудиться, понять и узнать, что нужно, не исключая даже такихъ учениковъ, на исправленіе которыхъ другіе потеряли всякую надежду; при этомъ онъ пользовался всегда уваженіемъ и любовью своихъ учениковъ, которые видѣли въ немъ человѣка имъ близкаго, для котораго дороги ихъ интересы, и самъ онъ платилъ имъ такою же любовью, участіемъ, заботою о ихъ нуждахъ. Весьма сожалѣю, что педагогическая дѣятельность его за недостаткомъ средствъ не можетъ здѣсь развиться широко.

Г. Витовскій сдѣлалъ попытку развить свою дѣятельность и открылъ прогимназію. Средства его, однако, были дѣйствительно очень скудны, между тѣмъ прогимназія въ первый же годъ дала 1600 руб. дефицита. Желая упрочить ея положеніе, г. Витовскій возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы открытому имъ учебному заведенію были предоставлены права казенныхъ прогимназій, или, по крайней мѣрѣ, обѣщаны таковыя въ будущемъ. Для родителей учащихся эти права представлялись, конечно, очень важными, такъ какъ ихъ дѣти могли бы въ такомъ случаѣ безпрепятственно продолжать свое образованіе въ правительственной гимназіи.

Вопросъ, казалось бы, могъ быть рѣшенъ очень просто: министерству нужно было указать лишь тѣ условія, при которыхъ

новая прогимназія могла бы пользоваться предоставленными такимъ заведеніямъ правами. Началась, однако, обычная въ такихъ случаяхъ канцелярская волокита. Министерство передало ходатайство г. Витовскаго на заключеніе главнаго инспектора народныхъ училищъ Туркестанскаго края—г. Керенскаго. Тотъ запросилъ, въ свою очередь, мнѣніе директора народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области, въ ближайшемъ вѣдѣніи котораго и находилось училище г. Витовскаго. Директоръ далъ самый благопріятный отзывъ. Потребность въ прогимназіи—по его мнѣнію—въ Ташкентѣ несомнѣнная; что касается самого г. Витовскаго, то онъ имѣетъ „достаточное образованіе и педагогическую опытность, а также любовь и преданность педагогическому дѣлу"; учительницы, служащія въ его учебномъ заведеніи, также „имѣютъ требуемыя права, познанія и опытность"; въ виду этого „учебное заведеніе Витовскаго—по мнѣнію директора—заслуживаетъ особой поддержки со стороны учебнаго начальства". Главному инспектору этотъ отзывъ показался, очевидно, черезчуръ категорическимъ. Во всякомъ случаѣ онъ оставилъ его безъ движенія и запросилъ мнѣніе директора мѣстной женской гимназіи. Послѣдній высказался за преждевременность какихъ-либо правъ для прогимназіи г. Витовскаго. Этотъ отзывъ и былъ сообщенъ въ министерство. Послѣднее сочло за лучшее тоже уклониться отъ опредѣленнаго отвѣта и сообщило г. Витовскому, что въ виду предстоящаго пересмотра общаго вопроса о предоставленіи правъ частнымъ учебнымъ заведеніямъ ходатайство его не можетъ быть уважено.

Между тѣмъ, благоволеніе начальства къ г. Витовскому какъ будто продолжалось. Онъ былъ приглашенъ преподавателемъ въ приготовительный классъ кадетскаго корпуса и продолжалъ получать похвальные отзывы. Скоро, однако, это благоволеніе со стороны нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, лицъ стало отливаться въ своеобразныя формы. Такъ, главный инспекторъ предложилъ г. Витовскому мѣсто учителя въ женской казенной гимназіи... съ тѣмъ, однако, чтобы онъ закрылъ свое учебное заведеніе. Г. Витовскій отказался и возбудилъ вторичное ходатайство въ министерствѣ. Движеніе этого новаго ходатайства по инстанціямъ скрыто отъ насъ канцелярскимъ мракомъ; въ результатѣ же оно опять было отклонено, но уже „въ виду молодости учебнаго заведенія". Заручившись поддержкою генералъ-губернатора, который лично писалъ министру, г. Витовскій въ третій разъ обратился съ прошеніемъ къ послѣднему, но опять получилъ отказъ, при чемъ послѣдній былъ мотивированъ на этотъ разъ тѣмъ, что „положеніемъ о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ не предусмотрѣно, чтобы лица мужского пола содержали сіи гимназіи".

Это было, по крайней мѣрѣ, резонно: мужскія прогимназіи

должны содержать мужчины, женскія—женщины. Возникалъ, однако, вопросъ: почему же г. Витовскому было разрѣшено открыть прогимназію? Если это была ошибка, то почему она остается не исправленной? При томъ же въ статьѣ 3717 устава учебныхъ заведеній прямо говорится: „право на учрежденіе всякаго частнаго училища предоставляется лицамъ обоего пола". Наконецъ, если мужскія училища могутъ содержать только мужчины и женскія—только женщины, то кто же можетъ содержать смѣшанныя учебныя заведенія? Неужели только гермафродиты?

Г. Витовскій ѣдетъ въ Петербургъ и лично излагаетъ эти доводы министру. Убѣжденный ими, послѣдній обѣщаетъ г. Витовскому дать просимыя права по окончаніи курса въ прогимназіи первымъ выпускомъ. Г. Витовскій возвращается въ Ташкентъ успокоеннымъ. Однако, генералъ-губернаторъ, очевидно, лучше знакомый съ канцелярскими порядками, посовѣтовалъ ему не очень полагаться на словесныя обѣщанія и постараться закрѣпить ихъ въ письменной формѣ. Обѣщая опять свое содѣйствіе, онъ предложилъ г. Витовскому подать ему докладную записку. Г. Витовскій такъ и сдѣлалъ. Записка нѣсколько мѣсяцевъ пролежала безъ движенія, а затѣмъ главный инспекторъ, отзыва котораго она дожидалась, заявилъ въ особомъ докладѣ генералъ-губернатору, что учебное заведеніе г. Витовскаго никуда не годится.

Это уже была полная неожиданность. Между тѣмъ, нашлись и факты, которыми инспекторъ могъ подкрѣпить свое мнѣніе. Правда, факты эти были не очень серьезны: нѣсколько дѣвочекъ, учившихся у г. Витовскаго, какъ оказалось, поступили въ низшіе классы мѣстной гимназіи, чѣмъ слѣдовало бы. При разслѣдованіи выяснилось, что нѣкоторыя изъ нихъ потерпѣли аварію и у Витовскаго, другія поступили въ низшіе классы исключительно въ виду своего возраста. Какъ бы то ни было, такого рода и даже болѣе серьезные факты могли накопляться. Въ мѣстномъ обществѣ даже стало складываться убѣжденіе, что дѣвочкѣ, учившейся у Витовскаго, поступить въ гимназію труднѣе, чѣмъ не учившейся у него.

Г. Витовскому не оставалось иного исхода, какъ закрыть свою прогимназію. Заботясь о судьбѣ своихъ ученицъ, онъ обратился къ генералъ-губернатору съ послѣднею просьбою о томъ, чтобы на экзамены 1904 г. были командированы особые депутаты, и чтобы ученицы, выдержавшія въ ихъ присутствіи испытаніе, могли перейти въ казенную гимназію безъ новаго экзамена. И. д. генералъ-губернатора обѣщалъ исполнить эту просьбу. Сдѣлать необходимыя на этотъ счетъ распоряженія долженъ былъ, однако, главный инспекторъ училищъ—и, можетъ быть, поэтому обѣщаніе осталось невыполненнымъ.

Прогимназія, какъ бы то ни было, закрылась.

Мы, конечно, не можемъ судить о педагогическихъ способ-

ностяхъ г. Витовскаго, и не наше дѣло рѣшать, какое начальство было право: то ли, которое выдавало ему лестныя аттестаціи, или то, которое въ концѣ концовъ признало его учебное заведеніе негоднымъ. Мы считали своимъ долгомъ передать лишь факты, свидѣтельствующіе, какъ трудно частному лицу, даже взысканному милостями начальства, оказать свое содѣйствіе дѣлу народнаго просвѣщенія. П. Ш.

Похвальное слово церковнымъ школамъ. Не такъ давно саратовскою губернскою земскою управою были собраны свѣдѣнія объ отношеніяхъ русскихъ земствъ къ церковной школѣ. Изъ 186 земскихъ управъ только отъ 30 былъ полученъ благопріятный отзывъ. Въ числѣ этихъ 30 находилась и глуховская земская управа. Теперь изъ „Отчета церковныхъ школъ, субсидируемыхъ глуховскимъ земствомъ“, мы узнаемъ кое-что о первоисточникѣ даннаго управою похвальнаго отзыва.

Отмѣтимъ прежде всего взаимность глуховскихъ похвалъ: если земская управа хвалитъ церковныя школы, то и администрація церковныхъ хвалитъ земство. Отъ представителя духовнаго вѣдомства въ одномъ изъ земскихъ собраній можно было слышать такую рѣчь: „Робкими шагами, вся въ заплатахъ и рубищахъ вошла въ эту комнату церковная школа въ 1895 году. Но уже тогда на ея челѣ отражалась воспитательная идея, одушевлявшая ее... И что же? въ то время, какъ земства наши въ подавляющемъ большинствѣ увидѣли только эту бѣдность церковной школы съ формальной стороны и, просмотрѣвъ внутреннюю идею сей школы, сразу стали сами и поставили земскую школу въ положеніе антагонизма въ отношеніи къ церковной школѣ, наше глуховское земство посмотрѣло на дѣло иначе... Оно, придавая внѣшней сторонѣ преходящее значеніе, оцѣнило именно воспитательную идею церковной школы“.

Преклоняясь передъ этою идеею, глуховское земство не ограничилось субсидіею и постановило передать одну изъ земскихъ школъ (слѣпородскую) въ духовное вѣдомство.

До отчетнаго (1903) года, — значится въ отчетѣ предсѣдателя глуховского отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта,—школа эта была въ числѣ земскихъ и влачила жалкое существованіе. Въ надеждѣ улучшить состояніе школы земское собраніе послѣдней сессіи нашло необходимымъ передать ее духовному вѣдомству, обративъ въ школу грамоты. Фактъ такой передачи очень, конечно, лестенъ въ моральномъ смыслѣ для глуховского отдѣленія.Оно спѣшитъ заявить теперь о томъ, что уже въ настоящее время слѣпородская школа стоитъ на прочной почвѣ, какъ въ учебно-воспитательномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Учитель школы окончилъ курсъ воронежской второклассной школы, понимаетъ и ведетъ свое дѣло хорошо, подъ благотворнымъ руководствомъ завѣдывающаго школой о. Г. Галабутскаго.

Слѣпородскій учитель, конечно, не представляетъ какого либо исключенія. Вообще—по словамъ цитируемаго нами „Отчета“—

„институтъ учащихъ второклассниковъ вполнѣ, можно сказать, оправдываетъ возлагаемыя на него надежды. Это—учащіе народники съ лучшими религіозно-нравственными чаяніями и устоями народнаго духа, непритязательны, терпѣливы". „Весь укладъ жизни сихъ учащихъ происходитъ по принципу кроткаго и смиреннаго послушанія голосу матери-церкви и ея представителя приходскаго пастыря"... Между тѣмъ, еще недавно тотъ же самый предсѣдатель отдѣленія сравнивалъ церковныя школы съ „этапными пунктами, черезъ которые переходили учительствующіе элементы".

Правда, такихъ „учительствующихъ элементовъ" еще и сейчасъ много въ глуховскихъ церковныхъ школахъ; и сейчасъ о многихъ изъ нихъ въ отчетѣ сказано: „окончилъ народное училище", о другихъ—„домашняго образованія", но и эти элементы имѣютъ свои неоцѣненныя достоинства: они невзыскательны и довольствуются очень скромнымъ гонораромъ за свои труды: „нормальною цифрою синодальнаго жалованья учащимъ субсидируемыхъ школъ грамоты остается по прежнему 60 рублей (въ годъ)".

Главные успѣхи церковныхъ школъ, по свидѣтельству „Отчета", заключаются въ пѣніи. Въ доказательство „Отчетъ" приводитъ такой фактъ:

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ по ревизіи школъ наблюдатель проѣзжалъ по дачамъ села Ястребщины. Дѣло было ночью. Вдали виднѣлся костеръ и слышалось стройное молодое пѣніе, но не совсѣмъ обычное: слышалось церковное пѣснопѣніе „Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти»... „Нынѣ отпущаеши" и пр. Оказалось, что пѣли крестьянскіе ребятишки—ученики ястребской церковно-приходской школы, стерегшіе въ ночномъ лошадей. Этотъ фактъ показываетъ, что церковное пѣніе изъ практики чисто школьной переходитъ въ практику жизни и вытѣсняетъ обычную крестьянскую пѣсню чисто солдатскаго пошиба".

Отмѣчая столь крупные результаты, достигнутые церковными школами, предсѣдатель отдѣленія склоненъ ожидать еще большихъ, когда „учащимъ элементомъ" во всѣхъ школахъ явятся молодые люди, окончившіе второклассныя церковно-приходскія школы, такъ какъ „на институтѣ второклассныхъ школъ лежитъ печать государственнаго ума г. Побѣдоносцева" *).

Впрочемъ, о будущихъ успѣхахъ глуховскихъ школъ можно и не говорить: достаточно настоящихъ. Ихъ, конечно, и имѣла въ виду глуховская управа, когда писала свой похвальный отзывъ.

Коротко говоря: Хороша наша Аннушка! хвалитъ мать и бабушка. **Ив. Абрамовъ.**

Г. Скабичевскій и „освобожденіе отъ журналовъ". Извѣстный критикъ г. Скабичевскій напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" отзывъ о сборникахъ „Знанія", въ которомъ, восторженно отзы-

---

*) Журналъ глуховского земскаго собранія 1903 г., стр. 52.

ваясь о всѣхъ безъ исключенія произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ этихъ сборникахъ, считаетъ возможнымъ бросить косвенный, но тяжелый укоръ „толстымъ журналамъ". „Прежде всего,—говоритъ почтенный критикъ,—подкупаетъ насъ достойная всякаго уваженія идея, лежащая въ основѣ изданія и заключающаяся въ томъ, чтобы *освободить беллетристовъ отъ тяготѣющаго надъ ними посредничества толстыхъ журналовъ*, стоящихъ между ними и читателями, и дать имъ возможность стать на свои ноги, завися *не отъ личныхъ усмотрѣній издателей и редакторовъ*, порой совершенно случайныхъ и произвольныхъ, а *исключительно* (sic) отъ вкуса и симпатій читающей публики" *).

Въ этой цитатѣ курсивы принадлежатъ намъ. Ими мы позволяемъ себѣ отмѣтить частности замѣтки г. Скабичевскаго, которыя способны возбудить значительное недоумѣніе. Г. Скабичевскій—человѣкъ, много поработавшій на литературномъ (въ томъ числѣ и „толстожурнальномъ") поприщѣ. Какъ историкъ литературы, онъ знаетъ, кромѣ того, цѣну разнымъ ея факторамъ. Наконецъ, по разнымъ причинамъ, въ послѣдніе годы онъ является для толстыхъ журналовъ человѣкомъ, такъ сказать, стороннимъ, что, конечно, ставитъ его въ положеніе лица безпристрастнаго и незаинтересованнаго. Мое положеніе менѣе выгодно: я—скромный журналистъ и, кромѣ того, участникъ того самаго дѣла, на которое г. Скабичевскій столь неожиданно обрушилъ свое обвиненіе (Шутка сказать: чуть не поработили россійской беллетристики!). Тѣмъ не менѣе, я позволю себѣ проанализировать ходъ мысли почтеннаго критика и разсмотрѣть поближе это обвиненіе, предоставляя читателямъ сдѣлать то или другое заключеніе.

Итакъ, „достойная всякаго уваженія идея", лежащая въ основѣ сборниковъ „Знанія", состоитъ въ томъ, чтобы „освободить беллетристовъ отъ посредничества толстыхъ журналовъ". „Освобожденіе"—очень хорошее слово, но всетаки въ данномъ случаѣ невольно является вопросъ: кого предстоитъ освободить, отъ чего и въ какой мѣрѣ? Кого? Г. Скабичевскій говоритъ просто: „освободить беллетристовъ". Итакъ, почтительно обращаясь съ текстомъ и принимая во вниманіе проникающій его восторженный тонъ, мы, прежде всего, должны принять эти слова въ ихъ полномъ значеніи: допустимъ, значитъ, что рѣчь идетъ объ освобожденіи (или хоть попыткѣ освобожденія) *всѣхъ* беллетристовъ. А такъ какъ дальше г. Скабичевскій говоритъ объ *исключительной* зависимости „отъ вкуса и симпатій публики", то, очевидно, мы должны принять мысль почтеннаго писателя еще полнѣе: освобожденіе беллетристовъ отъ *всякаго посредничества* между ними и публикой.

Прекрасно! Разумѣется, столь обширная задача едва ли испол-

*) „Русскія Вѣд." 31 августа 1904 г., № 242.

нима для одного „Знанія“, и, вѣроятно, его примѣру послѣдуютъ другія книгоиздательства. И тогда, когда это наступитъ, когда беллетристы будутъ уже совершенно свободны отъ усмотрѣнія редакторовъ толстыхъ журналовъ, „стоящихъ теперь между ними и вкусами публики“, — мы представляемъ себѣ такую картину. Въ помѣщеніе, занимаемое однимъ изъ такихъ „книгоиздательствъ“, является молодой (или хоть не очень молодой) человѣкъ съ толстою рукописью и заявляетъ категорически, что онъ беллетристъ, а его рукопись есть беллетристика. Что происходитъ дальше? Судя по всему, изложенному выше, представитель книгоиздательства долженъ болѣе или менѣе почтительно принять изъ рукъ беллетриста его рукопись и, не смѣя, вѣроятно, даже раскрыть ее, чтобы не соблазниться возможностью „случайнаго и произвольнаго усмотрѣнія“ и посредничества, — отослать ее въ типографію И вотъ ровно черезъ столько времени, сколько нужно, чтобы набрать книгу, оттиснуть ее и исполнить цензурныя формальности, произведеніе беллетриста появляется на судъ публики. Представители книгоиздательства пользуются при этомъ однимъ преимуществомъ: они имѣютъ возможность первыми ознакомиться съ новымъ талантомъ или.. съ новою, быть можетъ, безпримѣрною беллетристической пачкотней и гадостью...

Эта фантастическая картина до такой степени абсурдна, что г. Скабичевскій можетъ, пожалуй, обидѣться на насъ за то, что мы навязали ему такую нелѣпость. Но тогда мы окажемся въ большомъ затрудненіи, какъ иначе истолковать его привѣтствіе „освобожденію беллетристовъ“. Вѣдь несомнѣнно, что представитель всякаго книгоиздательства, принявъ рукопись, попроситъ автора придти черезъ нѣкоторое время за отвѣтомъ. Разумѣется также, что этотъ отвѣтъ можетъ быть положительнымъ или отрицательнымъ. Но если такъ (а это именно такъ), то, съ позволенія уважаемаго критика, мы спросимъ: человѣкъ, который сортируетъ подобнымъ образомъ рукописи, принимая однѣ и отвергая другія, не заслуживаетъ ли въ полной мѣрѣ названія *редактора*, и даже, если угодно, *посредника* между беллетристами и вкусами публики? Едва ли можно колебаться въ отвѣтѣ: да, конечно, это будетъ редакторъ и посредникъ... Гдѣ же въ такомъ случаѣ „исключительная зависимость отъ симпатій и вкуса читателей?“ И что же собственно привѣтствуетъ уважаемый критикъ, если мысль его объ освобожденіи должна подвергнуться столь существенному ограниченію, что никакого освобожденія на лицо не оказывается?

То, о чемъ говоритъ г. Скабичевскій, есть простая замѣна одного посредничества другимъ, замѣна журнальныхъ редакцій редакціями книгоиздательскими. Что такое журнальныя редакціи, г-ну Скабичевскому, какъ историку литературы, хорошо извѣстно. Въ числѣ этихъ „посредниковъ между писателями и вкусами пуб-

лики“ русская журналистика насчитываетъ имена А. С. Пушкина, В. Г. Бѣлинскаго, Некрасова, Чернышевскаго, Салтыкова, Михайловскаго... Г. Скабичевскій, безъ сомнѣнія, легко можетъ значительно продолжить этотъ перечень именами, быть можетъ, менѣе блестящими, но тоже почтенными и оказавшими несомнѣнныя услуги родной литературѣ. Мы же позволимъ себѣ только напомнить уважаемому писателю, что и самъ онъ (и, кажется, не однажды) принималъ участіе въ редакціяхъ толстыхъ журналовъ, именно по отдѣлу беллетристики... Что же, — все это были вредные посредники, нѣчто въ родѣ перекупщиковъ беллетристическаго товара на перепутьяхъ къ непосредственной оцѣнкѣ публики?.. И почему г. Скабичевскій полагаетъ, что замѣна этого традиціоннаго посредничества другимъ,—посредничествомъ книгоиздательствъ,—должна быть привѣтствуема, какъ нѣкое освобожденіе?

Мы уже высказали наше мнѣніе о данномъ предпріятіи „Знанія“ и теперь не намѣрены возвращаться къ этому предмету по существу. Не можемъ, однако, не замѣтить, въ предѣлахъ даннаго разговора съ г. Скабичевскимъ, что его „привѣтствіе“ должно подвергнуться еще одному, тоже довольно существенному ограниченію. Это вовсе не попытка освободить *всѣхъ* беллетристовъ. Рѣчь идетъ о новой формѣ печатанія произведеній одной группы беллетристовъ, которые ни въ какомъ посредничествѣ не нуждаются, такъ какъ (въ значительной степени при посредствѣ журналовъ) уже пріобрѣли совершенно опредѣленную извѣстность. Они нашли болѣе удобнымъ и практичнымъ отрѣшиться отъ сотрудничества съ другими родами литературы... Это, конечно (говоримъ безъ всякой reservatio mentalis), ихъ право и ихъ дѣло, подлежащее оцѣнкѣ, какъ всякое практическое начинаніе въ области литературы. Но пока это только ихъ дѣло, а не дѣло русской беллетристики... Что касается до начинающихъ писателей, до тѣхъ незамѣтныхъ еще ростковъ на литературной нивѣ, которые дѣйствительно нуждаются въ посредничествѣ, которыхъ нужно еще замѣтить, отличить, дать возможность высказаться и быть услышанными,—то эту трудную и часто неблагодарную работу у русскихъ журналовъ пока не оспариваетъ еще никто... Такимъ образомъ, изъ тирады г-на Скабичевскаго приходится исключить и это „распространительное толкованіе“: его восторженное привѣтствіе должно быть отнесено въ концѣ концовъ не къ „освобожденію отъ посредничества“, а лишь къ замѣнѣ одной формы посредничества—другой. Это, во-первыхъ; а во-вторыхъ, и эта замѣна касается не *всѣхъ беллетристовъ,* а только опредѣленной группы.

Разумѣется, tempora mutantur. Много уже писалось о соперничествѣ газеты и журнала. Теперь идетъ рѣчь о соперничествѣ съ журналомъ книгоиздательствъ. Можетъ придти время, когда наша гласность приметъ такія формы, въ которыхъ мы не

узнали бы уже ни нынѣшняго журнала, ни нынѣшней газеты, ни, пожалуй, нынѣшней книги... Все это не только возможно, но и несомнѣнно. Даже и въ настоящее время въ европейскихъ странахъ формы печатнаго слова отличаются отъ нашихъ. Тамъ уже и теперь существуетъ до извѣстной степени обратное нашему отношеніе между книгоиздательствомъ и журналомъ: напримѣръ, французскіе журналы печатаютъ беллетристическія произведенія довольно рѣдко и при томъ почти исключительно произведенія писателей съ громкими именами. Что же касается до начинающихъ, то они должны, по большей части, съ величайшимъ трудомъ, искать издателей, которые оцѣниваютъ новое произведеніе, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія возможнаго успѣха на книжномъ рынкѣ. У насъ, наоборотъ, книгоиздательства (пока не исключая и „Знанія") слѣдуютъ за журналами, издавая то, что уже замѣчено читателями и критикой, но что раньше было замѣчено редакціями журналовъ. И намъ кажется, что случайность и произвольность редакторскаго усмотрѣнія скорѣе на сторонѣ французскаго книгоиздательства, нежели русскаго журнала уже потому, что книгоиздательство считается лишь съ шансами немедленнаго успѣха книги на рынкѣ, тогда какъ наши журналы даютъ возможность начинающимъ писателямъ шагъ за шагомъ пробивать себѣ дорогу къ вниманію и оцѣнкѣ публики.

Итакъ, мы проанализировали тираду стараго журналиста, направленную противъ толстыхъ журналовъ, и надѣемся, что читатель согласится съ нашимъ выводомъ. А этотъ выводъ состоитъ въ томъ, что съ обѣихъ сторонъ тирада почтеннаго критика является плодомъ недоразумѣнія. Могутъ быть, разумѣется, превосходныя книгоиздательства, какъ могутъ быть плохіе журналы. Но все же и „освобожденіе" слишкомъ значительное слово, чтобы прилагать его къ данному явленію, и наши журналы, при всей неизбѣжности частныхъ ошибокъ, не подлежатъ огульнымъ обвиненіямъ въ порабощеніи беллетристовъ и во вредномъ посредничествѣ между ними и „вкусами читателей". **Журналистъ.**

Возраженіе г-на Ляпидуса. По поводу „Случайной замѣтки" въ іюльской книжкѣ „Русскаго Богатства" („Исторія съ одной провинціальной газетой"), редакторъ „Елисаветградскихъ Новостей" г. Ляпидусъ прислалъ намъ очень характерное возраженіе, озаглавленное „Травля газеты". Сущность этого возраженія сводится къ слѣдующему:

„Случилось, что во время бури вѣтеръ сорвалъ редакціонную вывѣску, которая ежеминутно угрожала паденіемъ. Нигдѣ (на бѣду) по близости не оказалось высокой лѣстницы, которой можно бы воспользоваться для укрѣпленія вывѣски. Случайно по улицѣ проходилъ полиціймейстеръ, который распорядился, при помощи находившейся по близости пожарной лѣстницы, укрѣпить вывѣску. Пожарный за эту услугу получилъ на чай, какъ полу-

чилъ бы всякій сторожъ или дворникъ, и никто бы этому не придалъ никакого значенія, если бы не желаніе хоть чѣмъ нибудь уязвить редактора. Вотъ первый криминалъ „Елисаветградскихъ Новостей". Второй еще интереснѣе: полиціймейстеръ, А. Д. Шанъ-Гирей (онъ же цензоръ газеты), человѣкъ очень интеллигентный, офицеръ генеральнаго штаба, обѣщалъ мѣстному еврейскому населенію, что, пока онъ въ Елисаветградѣ, здѣсь безпорядковъ не будетъ, чего бы это ему ни стоило. Когда послѣдовала высочайшая благодарность мѣстной еврейской общинѣ за пожертвованія и выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ, А. Д. Шанъ-Гирей обставилъ объявленіе въ синагогѣ высочайшей милости съ большой торжественностью, которая произвела на юдофобовъ потрясающее впечатлѣніе (sic) и способствовала значительному умиротворенію наэлектризованной толпы. Мѣстные Крушеваны вознегодовали и затаили противъ (по ихъ мнѣнію) юдофильствующаго полиціймейстера злобу. По выходѣ изъ синагоги полилъ дождь, и А. Д. Шанъ-Гирей пригласилъ въ свой экипажъ редактора и подвезъ его домой. Вотъ второй криминалъ „Елисаветградскихъ Новостей". Вотъ что на языкѣ нѣкоторыхъ гласныхъ названо было „катаньемъ на пожарныхъ лошадяхъ".

Такова сущность возражанія г-на Ляпидуса. Къ этому онъ прибавляетъ еще, что портретъ г-на полиціймейстера былъ помѣщенъ „по случаю назначенія его цензоромъ газеты" и подъ нимъ стояла лишь краткая подпись, а на печатаніе писемъ Л. Н. Толстого было получено авторское разрѣшеніе.

Съ своей стороны, позволимъ себѣ сказать слѣдующее по поводу этого характернаго разъясненія, начиная въ обратномъ порядкѣ изложенія:

Извѣстіе о томъ, что письма Л. Н. Толстого были напечатаны въ „Елисаветградскихъ Новостяхъ" безъ авторскаго разрѣшенія, какъ и всѣ остальныя черты этого жанроваго эпизода, мы заимствовали изъ газетъ. Полагаемъ далѣе, что назначеніе даннаго лица цензоромъ газеты, ставящее послѣднюю въ извѣстную прямую отъ него зависимость,—должно бы скорѣе послужить препятствіемъ къ помѣщенію его портрета, а не наоборотъ. Впрочемъ, это дѣло взгляда и въ данномъ случаѣ наименѣе существенно. Гораздо болѣе существеннымъ кажется намъ то обстоятельство, что возраженіе г-на Ляпидуса послано не по надлежащему адресу. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ елисаветградскую думу гласными ея внесено оффиціальное заявленіе о томъ, что „въ Елисаветградѣ, неизвѣстно на чьемъ экипажѣ, на пожарныхъ лошадяхъ *постоянно катается* редакторъ мѣстной газеты г. Ляпидусъ, а пожарные служители отпускаются ему же для прибитія вывѣсокъ къ конторѣ и редакціи означенной газеты" *).

---

*) Цитируемъ изъ „Кіевскихъ Откликовъ" (№ 114), гдѣ эти слова по-

При этомъ была сдѣлана попытка воспрепятствовать обсужденію этого заявленія въ думѣ, но оно всетаки состоялось и было оглашено сначала въ одесскихъ, потомъ въ другихъ провинціальныхъ газетахъ и, наконецъ, въ столичныхъ газетахъ и журналахъ. Только въ іюнѣ нашъ журналъ свелъ всѣ черты этой характерной исторіи въ одну жанровую картинку. Кажется, насъ нельзя упрекнуть въ излишней торопливости... Г-ну Ляпидусу угодно было, однако, избрать именно нашъ журналъ для своего возраженія. Охотно даемъ мѣсто его существеннымъ чертамъ, но при этомъ мы должны были исключить кое-что, направленное противъ „третьихъ лицъ". Такъ, г-ну Ляпидусу угодно заподозривать чистоту побужденій одесскихъ газетъ, напечатавшихъ заявленіе гласныхъ, но намъ кажется, что онѣ скорѣе заслужили бы довольно справедливыя нареканія, если бы отказались огласить фактъ лишь потому, что рѣчь идетъ о „редакторѣ". Что касается до юдофобскихъ побужденій, лежавшихъ въ основѣ думскихъ заявленій, то... намъ кажется, что это не совсѣмъ относится къ дѣлу. Допускаемъ, что въ Елисаветградѣ есть свои Крушеваны, что г. Шанъ-Гирей вполнѣ правильно понималъ свои обязанности относительно поддержанія порядка, а г. Ляпидусъ велъ въ газетѣ борьбу съ изувѣрствомъ антисемитизма. Но и за всѣмъ тѣмъ остается вопросъ о фактической правильности или неправильности заявленія гласныхъ,—такъ какъ несомнѣнно, что не только юдофильство, но даже и сама гуманность, если бы таковая вздумала разъѣзжать на пожарныхъ лошадяхъ не съ противопожарными цѣлями,—подлежала бы обличенію, на которое имѣли бы право даже завзятые юдофобы.

Итакъ, давая мѣсто заявленію г-на Ляпидуса, мы должны (со вздохомъ) прибавить, что оно было бы гораздо убѣдительнѣе въ свое время, въ другомъ мѣстѣ и, если нужно, въ другихъ формахъ. **О. Б. А.**

Г. Николай Энгельгардтъ и цензура. Г. Николай Энгельгардтъ уже не первый разъ пишетъ о цензурѣ. Еще недавно онъ выпустилъ по этому вопросу цѣлую книгу *), въ которой, между прочимъ, писалъ:

> ... Разсматривая цензурныя учрежденія у всѣхъ народовъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что не можетъ быть учрежденія болѣе благодѣтельнаго...

Тогда же онъ начерталъ и идеалъ этой благодѣтельной цензуры:

> Цензура въ странѣ—писалъ онъ—сама должна быть центромъ просвѣщенія и цензоръ—просвѣщеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Государство можетъ повѣрить такое нужное и опасное учрежденіе, какъ цензура, лишь въ

ставлены въ кавычки, очевидно, какъ подлинныя выраженія заявленія гласныхъ.

*) Николай Энгельгардтъ. Очеркъ исторіи русской цензуры. Спб. 1904 г.

руки глубоко-гуманныхъ, развитыхъ, культурно-образованныхъ, благоразумно-умѣренныхъ, просвѣщенныхъ людей и обезпечить успѣхъ ихъ борьбы съ гидрой сквернословія и противодѣйствія ихъ общественной нетерпимости предоставленіемъ учрежденію достаточной доли независимости и довѣрія.

Что касается свободнаго слова, то

дать такое слово печати бюрократическимъ распоряженіемъ нельзя: духовная свобода и, стало быть, истинная свобода печати дается *природою,* а не закономъ... Никакими декретами „свободы" слова и совѣсти не насадишь!

Благами этой „истинной", „духовной", „внутренней" свободы лучше всего можно пользоваться, какъ извѣстно изъ „Московскихъ Вѣдомостей", въ кутузкѣ.

Теперь г. Николай Энгельгардтъ въ своихъ „Мысляхъ кстати" *) вновь возвращается къ той же темѣ. Едва ли нужно даже говорить, что „послѣ виленскихъ торжествъ", онъ, какъ истый нововременецъ, „всѣми силами души призываетъ свободу совѣсти и слова, безъ которыхъ все гнило и мертво". Да и могло ли быть иначе? Могъ ли г. Николай Энгельгардтъ не измѣниться?

„Не мѣняйся",—говорили наши маститые публицисты... Не мѣняйся? Но вѣдь это легко только именно „утесу", камню валуну, да тому лишайнику, который на немъ сохнетъ... Не мѣняйся, хотя бы весь міръ кругомъ перемѣнился! Не мѣняйся, чтобы ни совершалось, къ какимъ бы новымъ выводамъ ни приходила наука, какія бы событія ни развертывались предъ обществомъ.

Нѣтъ! „послѣ виленскихъ торжествъ" г. Энгельгардтъ не могъ не перемѣниться... Правда, новый тонъ трудно схватить сразу, и г. Николай Энгельгардтъ, чтобы не ошибиться, дѣлаетъ реверансъ передъ „благодѣтельной" цензурой.

Ибо что такая цензура? Не что иное, какъ критика, взятая въ казну, при чемъ на должность критика въ наше время назначаются люди съ извѣстнымъ научно-литературнымъ цензомъ.

Это недалеко уже отъ идеала. Конечно, было бы лучше, если бы во главѣ комитета, призваннаго бороться съ „упадочными" теченіями въ литературѣ, „поставленъ былъ бы В. П. Буренинъ". Это, очевидно, и есть тотъ „глубоко-гуманный, развитой, культурно-образованный, благоразумно-умѣренный, просвѣщенный" человѣкъ, о которомъ г. Энгельгардтъ писалъ въ своей книгѣ. Это и есть тотъ провиденціальный „цензоръ", который можетъ побороть „гидру сквернословія"...

Вернемся, однако, къ „свободѣ".

Свобода—пишетъ г. Энгельгардтъ,—прежде всего нужна національному русскому уму и православной христіанской совѣсти... Западническая мысль въ лучшихъ условіяхъ. Вѣдь она только переводъ изъ англійскихъ, нѣмец-

*) См. „Мысли кстати. Послѣ виленскихъ торжествъ". „Новое Время" отъ 16 сентября.

кихъ и французскихъ книгъ. Такъ что если западническая мысль и была обезцвѣчена и обезличена въ тискахъ старой цензуры, то все же убытка большого нѣтъ... Что такое свобода слова для нашихъ безнародниковъ, проповѣдниковъ уніи съ Западомъ до полнаго ему уподобленія, копіистовъ-подражателей, рабовъ „денаціонализаціи"? Только свобода перевода и привоза въ Россію иностранныхъ книгъ. Я понимаю и признаю великое всетаки значеніе и важность этой свободы перевода, хоть я самъ переводы терпѣть не могу...

О вкусахъ, конечно, не спорятъ. Нѣкоторые наши „самобытники", какъ извѣстно, переводамъ предпочитаютъ плагіаты. Самъ г. Энгельгардтъ свою „Исторію русской литературы" наполнилъ перепечатками безъ указанія источниковъ, каковыми для него послужили главнымъ образомъ труды „западниковъ". Будемъ благодарны, что хоть „свободу перевода" г. Энгельгардтъ готовъ, какъ будто, имъ пожаловать. Вообще же, онъ не прочь былъ бы ихъ совсѣмъ изничтожить.

Сторонники безнародности въ русской литературѣ—пишетъ онъ—являлись, такъ сказать, второй цензурою, строго каравшею все, что отзывалось „самобытностью". И въ некрологѣ „Русскаго Богатства" покойный Михайловскій, напримѣръ, прямо былъ названъ „цензурой русской интеллигенціи"...

Противъ этой-то „цензуры" и мечетъ главнымъ образомъ свои стрѣлы новый приверженецъ „свободы слова". Ну, это уже статья особая. Такой „цензуры" декретами дѣйствительно, пожалуй, не отмѣнишь. И ничего новаго сказать по этому поводу даже „перемѣнившійся" г. Энгельгардтъ оказался не въ состояніи.

Я могъ бы кончить свою замѣтку, но предварительно я долженъ разсказать, при какихъ обстоятельствахъ „Русское Богатство" назвало покойнаго Михайловскаго „цензурой русской интеллигенціи". Случилось это въ моей статьѣ: „Съ кладбища", помѣщенной въ февральской книгѣ журнала за текущій годъ. Тамъ, между прочимъ, напечатана такая фраза:

... Это былъ вождь русской интеллигенціи, *цензура* ея знаменосецъ...

И по всему контексту, и по отсутствію запятой въ надлежащемъ мѣстѣ читатель легко могъ догадаться, что подчеркнутое мною слово попало въ эту фразу нечаянно. Случилось же это такъ. Цензоръ вычеркнулъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько словъ. Редакторъ, перенося сдѣланную цензоромъ выкидку въ рабочія гранки, написалъ на поляхъ: „цензура", желая тѣмъ побудить типографію внимательнѣе отнестись къ этой поправкѣ. Наборщикъ не понялъ, и слово: „цензура" вставилъ вмѣсто вычеркнутыхъ. Теперь оказывается, что не понялъ не только наборщикъ, но также и историкъ русской литературы и русской цензуры...

А. Пѣшехоновъ.

Поправка. Въ помѣщенную въ августовской книжкѣ замѣтку „Калужскій учитель и скопившіяся около него противорѣчія“ вкралась одна ошибка, которую я и спѣшу исправить. Неудача попытки калужскаго земства устроить общеобразовательные курсы для учителей земскихъ школъ губерніи не была пока предметомъ обсужденія на губернскомъ земскомъ собраніи. Послѣднее еще въ прошлую очередную сессію, зимою 1903 года, одновременно съ рѣшеніемъ устроить курсы для учителей постановило возбудить передъ правительствомъ ходатайство о безпрепятственномъ допущеніи въ руководители такихъ курсовъ лицъ, состоящихъ на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія. Послѣ неудачи, постигшей попытку курсовъ въ Калугѣ и лишній разъ подтвердившей своевременность подобнаго ходатайства, это постановленіе земскаго собранія и было исполнено калужскою губернской управой. **В. М.**

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Черезъ Московское отдѣленіе конторы: отъ г. Ласточкина—1 р. и гг. Михайловскихъ — 4 р.; отъ редакціи газеты „Восточное Обозрѣніе“, изъ Иркутска—50 р.; А. и К. Полуденцевыхъ, изъ Маріинска—5 р.; Э. Ф. Зауэръ—25 р.; черезъ Н. М. Козлова отъ 69 лицъ, изъ Сарапула—121 р.

Итого . . . 206 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.213 р. 04 к.*)

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ студента П. Ю.—2 р.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 80 р. 50 к.

*) Къ сооруженію памятника уже приступлено. 26 іюля были произведены расходы: церковному причту на Волковомъ кладбищѣ за право открытія могилы уплачено—14 р. 70 к. и по счету мастерской М. Ф. Крутикова за устройство склепа и фундамента—400 р. Итого 414 р. 70 к. На дальнѣйшія работы, стоимость которыхъ будетъ опредѣлена въ слѣдующемъ отчетѣ, остается—1.798 р. 34 к.

На библіотеку имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ Б. Н. Шершовицкаго, изъ с. Сорочинцы—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 52 р. 25 к.

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ.:

Отъ студента П. Ю.—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.549 р. 76 к.*)

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова:**

Отъ А. А. Киселя, изъ Москвы—100 р.

Итого . . . 100 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 403 р. 35 к.

На развитіе библіотеки имени **Вл. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ.:

Отъ студента П. Ю.—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1.376 р. — к. **)

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. **Л. Н. Толстого:**

Отъ студента П. Ю.—1 р.

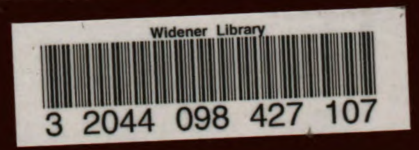
Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 156 р. 50 к.

---

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 переведены черезъ Государственный банкъ въ Новгородскую губернскую земскую управу.

**) Изъ этой суммы 1.275 р. отправлены 20 февраля 1904 г. предсѣдателю общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ., А. И. Ланину.


Widener Library
3 2044 098 427 107